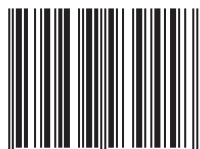

Новое
Литературное
Обозрение

Монография посвящена корпоративной культуре российских профессоров первой половины XIX века. Исследование проводилось на основе впервые вводимых в научный оборот документов из архивов Казанского, Московского, Харьковского университетов и Министерства народного просвещения. Книга состоит из двух частей: аналитического текста и публикации источников. Авторы рассматривают профессорское сообщество России как саморегулирующийся механизм. Анализируя архивные документы, посвященные вопросам университетской автономии, способам и целям воспитания студентов, спорам о пределах самоуправления, о назначении и качестве научной работы, исследователи выявляют рождение групповых солидарностей, прослеживают игру лояльностей и формирование профессионального самосознания «русских профессоров».

ISBN 978-5-86793-945-8

9 785867 939458

И С Т О Р И Я Н А У К И

Е. ВИШЛЕНКОВА Р. ГАЛИУЛЛИНА К. ИЛЬИНА
РУССКИЕ ПРОФЕССОРА

РУССКИЕ ПРОФЕССОРА

Е. ВИШЛЕНКОВА
Р. ГАЛИУЛЛИНА
К. ИЛЬИНА

И С Т О Р И Я Н А У К И

Авторы рассматривают профессорское сообщество России как саморегулирующийся механизм. Анализируя архивные документы, посвященные вопросам университетской автономии, способам и целям воспитания студентов, спорам о пределах самоуправления, о назначении и качестве научной работы, исследователи выявляют рождение групповых солидарностей, прослеживают игру лояльностей и формирование профессионального самосознания «русских профессоров».

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева
НИУ Высшая школа экономики

Е. Вишленкова, Р. Галиуллина, К. Ильина

РУССКИЕ ПРОФЕССОРА

Университетская корпоративность
или
профессиональная солидарность

Москва
Новое литературное обозрение
2012

УДК 94(47)(082.2)
ББК 63.3(0)53; 83.3(0)5
В 55

Рецензент:

д.и.н., член-корреспондент РАН, профессор П.Ю. Уваров

*Исследование выполнено в рамках проекта Фонда Герды Хенкель
«Ubi Universitas, ibi Europa» (AZ 02/SR/08)*

Вишленкова, Е.А., Галиуллина, Р.Х., Ильина, К.А.

В 55 Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 648 с.: ил.

ISBN 978-5-86793-945-8

Монография посвящена корпоративной культуре российских профессоров первой половины XIX века. Исследование проводилось на основе впервые вводимых в научный оборот документов из архивов Казанского, Московского, Харьковского университетов и Министерства народного просвещения. Книга состоит из двух частей: аналитического текста и публикации источников.

Авторы рассматривают профессорское сообщество России как саморегулирующийся механизм. Анализируя архивные документы, посвященные вопросам университетской автономии, способам и целям воспитания студентов, спорам о пределах самоуправления, о назначении и качестве научной работы, исследователи выявляют рождение групповых солидарностей, прослеживают игру лояльностей и формирование профессионального самосознания «русских профессоров».

Для специалистов в области истории, социологии и образования, преподавателей и студентов, а также круга подготовленных читателей, интересующихся университетской темой.

УДК 94(47)(082.2)
ББК 63.3(0)53; 83.3(0)5

© Вишленкова Е.А., 2012
© Галиуллина Р.Х., 2012
© Ильина К.А., 2012
© Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева, 2012
© Новое литературное обозрение. Оформление, 2012

Посвящение

Мы приурочили выход этой книги к юбилею директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований, ординарного профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Ирины Максимовны Савельевой. Нам показалось уместным посвятить изучение культуры русских профессоров именно ей — человеку, для которого профессиональная этика и честь, научная репутация и корпоративная культура никогда не были пустыми звуками; человеку, который умеет красиво работать и жить.

Ирина Прохорова и авторы книги

Когда говорят «профессор», я представляю себе человека блестяще образованного, знающего свой предмет, воспитанного и немного старомодного.

Ирина Савельева

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Эта книга о профессиональной культуре специфической социальной группы — русских профессоров. По формальным критериям в эту группу вошли ординарные и экстраординарные профессора, имевшие право участвовать в органах самоуправления и принимавшие решения по стратегическим и тактическим вопросам отношений с политической властью, студентами и местным обществом; формирующие идеологию университета. Называя их «русские», мы не имели в виду этнического или национального значения этого термина. В нашем случае он имеет «документальное» происхождение и указывает на подданство.

Благодаря ряду публикаций и проводимых исследовательских проектов, сегодня стали очевидны социальные и количественные параметры этой группы, источники и условия рекрутирования, правительственная политика в отношении «ученого сословия» и некоторые обстоятельства повседневной жизни профессоров¹.

Менее прозрачной является область «этнографии университетского сообщества» и «антропологии университетского образования». Это зоны, где внимание исследователей сфокусировано на основных смыслах, логике взаимодействия и знаках солидарности, организующих данную группу или группы. Объектом изучения здесь является комплекс ценностей и этических норм, который поддерживает единство довольно разных в возрастном, житейском, этническом и культурно-психологическом отношении людей. Такой подход уводит от распространенной в российских социальных науках исследовательской

традиции, рассматривавшей университет как деперсонифицированный и довольно статичный образовательный институт.

В этой книге нас интересовали меняющиеся формы сосуществования и способы взаимодействия людей, получивших в университете ученую степень и статус профессора. Изучение «ученого сословия» как саморегулирующегося механизма позволяет понять, как происходило освоение и «обживание» университета, как учрежденная правительством институция обогащалась собственными сценариями и как в ней происходило расшатывание и переопределение действующих правил. Такой анализ предполагает следование жизненной логике самого сообщества. А она нередко выходит за пределы корпоративного взаимодействия.

При всей сложности реализации этого подхода он привлекателен тем, что позволяет получить ответы на важные вопросы социальной и политической истории России XIX века. Обозначим лишь некоторые из них. В первой половине века страна еще не знала «университетского вопроса», и ведомственные архивы полны профессорских изъявлений благодарности и верноподданности, их тексты «во власть» проникнуты пафосом государственного служения. Они дают редкие свидетельства ценности административной автономии, интереса к политическим проблемам, стремления солидаризоваться со студентами, попыток использовать научные знания в борьбе за влияние. Что же тогда породило политическую оппозиционность университетских интеллектуалов, характерную для второй половины XIX века? Что, кроме атмосферы Великих реформ, способствовало радикализации профессоров и студентов? Что вызвало к жизни феномен экспертного знания и противопоставление профессиональных интересов потребностям государства? Можно ли считать, что между профессорами первой половины XIX века, страдавшими от корпоративных конфликтов, и их преемниками, распределенны-

ми по профессиональным сообществам, лежит культурно-психологическая пропасть?

Эти вопросы находились в центре нашего внимания во время написания книги. Создать ее как соединение архивной публикации и исследовательского нарратива нас вдохновила работа в международном проекте «Где университет, там и Европа: трансфер и адаптация университетской идеи в Российской империи второй половины XVIII — первой половины XIX века» (2008—2010), который поддержали Германский исторический институт в Москве и Фонд Герды Хенкель. Несколько лет его участники обследовали архивы Московского, Казанского и Харьковского университетов, а также делопроизводственную документацию Министерства народного просвещения. На наших встречах мы обсуждали механизмы культурной адаптации, модели и идеи университета, академическую конфликтологию и профессорскую повседневность. И чем больше мы углублялись в тему, тем очевиднее становилась наша зависимость от источников. Речь шла даже не об объеме и сохранности университетских архивов, а о том, насколько исследователь оказывается в плену интерпретаций, созданных университетскими людьми и заложенных в архиве как в хранилище корпоративной памяти. Читая архивные документы, мы каждый раз входили в поле продуманного речевого поведения, специфической риторики, текстуальных стратегий, изысканных саморепрезентаций, мифологического творчества, конструирования групповой идентичности и заключения все новых и новых конвенций. Все это заставляло нас, с одной стороны, сверхосторожно реагировать на эти заверения, выявлять в них персональные и коллективные интенции, искать матричные тексты, деконструировать топосы. С другой стороны, мы почувствовали, с какими уникальными произведениями мысли имеем дело, осознали культурную самоценность этих текстов и ужаснулись их тленности. Данной публикацией мы хотим продлить их жизнь и

приобщить читателя не только к нашему истолкованию этих документов, но и предоставить ему право собственного прочтения первоисточников.

Что касается нашей концепции, то кратко мы могли бы сформулировать ее следующим образом. Университеты в России появились в эпоху зрелого Просвещения, в контексте вестернизированной политики российской власти. Это обстоятельство определило траекторию их последующего развития. Правительство Александра I придумало для России гибридную форму университета, скомбинированную из элементов до-классической и классической моделей. Ее вживание сопровождалось рудиментацией средневековых цеховых привилегий и инкорпорацией университетских служащих в модерный государственный организм. Соответственно, речь в нашем исследовании идет не об уничтожении университетской автономии руками имперской власти (как зачастую это трактуют российские исследователи), а о новом типе университета, возникшем на периферии западного мира и в условиях рационального управления.

Поштучно выбирая из западных университетов, российских академий и присутственных мест кандидатов в «ученое сословие», верховная власть собрала в императорских университетах группу интеллектуалов, отнюдь не стремящихся к противостоянию ей. Напротив, изучение архивов продемонстрировало потребность профессорских советов в сотрудничестве с политической властью. И делалось это не только ради практических выгод, но и ради идеала просвещенного государства. Выявленную специфику политической культуры русских профессоров мы раскрываем через анализ их отношения к административным должностям и университетской автономии в целом.

Наше исследование показало, что профессора не только не боролись за административную самостоятельность, но и воспринимали такие должности в качестве непомерных тягот. Многие из них отказывались от участия в

университетском управлении, обосновывая это занятостью, семьей или неспособностью к тому. В этом отношении усиление в университетской жизни влияния неакадемических чиновников вряд ли можно считать насильственным процессом.

Поначалу правительство не видело в профессорах соратников в деле управления страной. Для всех министров Александровской эпохи университетские преподаватели были подопечными служащими ведомства народного просвещения, подчиненными «учеными чиновниками». Впервые потребность власти в профессиональном взгляде и знаниях университетских специалистов проявилась в царствование Николая I. Именно тогда профессора стали привлекаться в качестве советников и экспертов в правительственные структуры.

В российском университете воспроизводство себе подобных началось с того, что наемные зарубежные профессора приступили к возвращению «цивилизованных людей» из представителей местной культурной среды. Этот процесс описан в университетском делопроизводстве в категориях колониального дискурса: как уничтожение исходной культуры «футурусов» (абитуриентов) и их интеллектуальная нормализация. И то и другое достигалось посредством определения норм мышления и поведения студентов, посредством разработки сложной системы их дисциплинирования. В этом отношении университет первого десятилетия XIX века предстает своего рода питомником для культивирования «новой (западной) породы» российских людей. И поскольку это делали «пришлые» профессора, осознающие себя цивилизаторами «Востока», они испытывали по отношению к воспитанникам смесь колониальных чувств — от раздражения их «плохими» манерами до умиления их «хорошими» умственными способностями.

По мере расширения сети гимназий и числа университетских выпускников ситуация в стране стала меняться и самовоспроизводство рассматривалось на заседаниях

профессорских советов уже не как общекультурная, а как профессиональная задача. С конца 1820-х годов речь там шла не столько о трансляции западных ценностей, сколько о передаче специфических навыков и об овладении инструментарием, необходимым для рождения нового знания. В этом контексте воспитание стало считаться периферийной обязанностью профессора. О воспитании студентов говорили как о деятельности, которой могут заниматься люди менее квалифицированные — например, не вовлеченные в науку попечители учебных округов, их канцелярские служащие, отставные военные в качестве инспекторов студентов и их помощников. Нарастающее влияние на студенческую жизнь этих чиновников отразилось в университетской памяти в виде появления именных эпох — «во времена Магницкого», «в годы Мусина-Пушкина», «в эпоху Строганова».

В результате нарушения баланса бюрократического и академического начал профессора и студенты российских университетов стали ощущать себя противостоящими друг другу сторонами. Их общение было опосредовано государственными чиновниками, ответственными за нормализацию всех категорий университетских людей по отношению к прочим служащим империи. В этой ситуации стоящий на службе государственных интересов русский профессор солидаризовался не со своими воспитанниками, а с чиновниками. Такая линия разделения породила девиантные формы студенческой реакции — срыв лекций, доносы, протесты, освистания, аплодисменты.

Особенно ясно указанные тенденции проявились в провинциальных университетах Казани и Харькова, в которых лишение учащихся субъектности привело к падению привлекательности этих школ в местной среде. В 1840—1850-х годах транслируемое с профессорских кафедр знание нередко воспринималось казанскими и харьковскими слушателями как архаичное и эзотеричное. А захлестнувшие студенческую жизнь военная дисциплина, система

ограничений и унификация лишили университеты флера свободы и творчества. В начале 1850-х годов уже не только студенты, но и отдельные профессора, а также правительственные сановники признавали кризис университетской жизни. Он был объявлен результатом предшествующей бюрократизации.

Рассматривая тему в таком ракурсе, мы задавались вопросом, были ли профессора свободны в деле формирования российских культурных элит или руководствовались министерским заказом? Судя по сохранившимся документам университетских архивов, педагоги и чиновники были дружными соучастниками в деле сотворения «новой породы». Другое дело, что распределение между ними полномочий не было фиксированным и статичным. Оно менялось во времени и различалось в конкретных университетах Москвы, Казани и Харькова. Что касается профессоров, то их представление об идеальном воспитаннике зависело от принятой в данный момент и в данном месте конвенции о ведущем свойстве университетского интеллектуала. От него требовались то «ученость» и «благородство» (в 1810—1820-х годах), то преданность Отечеству и науке (в 1830—1840-х годах), а то жертва народу или обществу (в 1850-х годах).

Участие в производстве нового знания породило новые формы группности профессоров. Они стали следствием специфической комбинации условий. Исследуемое время в России — это эпоха «романтической науки» с апологией исследовательской работы и экспедиционной практики. Это время активной дисциплинаризации наук — процесса, который создал новые специальности, умножил университетские кафедры и породил не интегрированные в университетскую структуру научные объединения.

К тому же это было время политической потребности в науке². После упразднения «соединенного министерства» и смерти Александра I просветительская концепция власти получила рационалистическую реинтерпретацию. В ней задача культурной унификации подданных была

вытеснена потребностью строить внутреннюю политику на точном знании населения, ресурсов страны и с пониманием природы наблюдаемых различий. Соответственно, цель властвования виделась не в формировании единого социального тела империи, а в оптимизации управления дискретными группами населения, различными регионами, в эффективном использовании их потенциалов на общее государственное благо. Этим объясняется особая роль, которую обрели в полицейском государстве наука и ее творцы.

Изучение этого сюжета показало, что в России у сотrudничества ученых с бюрократами были иные стимулы, чем у камералистов в Германии³. Подобно философам-утопистам русские профессора искренно мечтали о научно устроенном государстве, были готовы не за деньги трудиться над его созданием. Судя по публичным выступлениям, они знали идеи британского социалиста Р. Оуэна, уверявшего, что «коренное улучшение цивилизации может быть достигнуто в будущем только посредством науки о влиянии окружающих условий на человеческую природу и о способах управления этими условиями»⁴. И, видимо, им был созвучен его призыв к правительствам «рационального строя»: «установить точно, что представляет собой человеческая природа», и править в соответствии с ее законами. Правда, сам Оуэн слабо верил в то, что представители «свободных профессий» могут иметь общие с государством цели. Но Россия опровергла его сомнения.

В силу почти повсеместной вовлеченности университетских людей в государственную службу они, вне зависимости от полученной специальности, разделяли государственные интересы. Автономизация профессиональных интересов и складывание профессиональных сообществ начались только в 1830–1840-х годах в связи с участием университетских выпускников в масштабных исследованиях империи и соседних с ней народов. «Глубинное погружение» в изучаемые культуры способствовало рожде-

нию новых солидарностей, формированию идеологии народного служения, учреждению негосударственных научных институций и изданий, породило складывание новых отношений и иерархий в университетском сообществе.

Таково наше видение темы.

Мы благодарим за консультации по оформлению справочно-библиографического аппарата нашего исследования заведующую научно-библиографическим отделом Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, кандидата исторических наук Ю.А. Лексину. Неоценимую помощь в поиске и публикации документов нам оказали заведующая Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, кандидат исторических наук Э.И. Амерханова и заведующая читальным залом Национального архива Республики Татарстан Л.З. Хасаншина.

Елена Вишленкова (ИГИТИ НИУ ВШЭ)

³ Наиболее полный свод таких работ представлен в исторических разделах библиографических указателей: См.: [Милкова В.И.] Высшее образование в СССР и за рубежом. библиографический указатель книг и журнальных статей (1959–1969). — М., 1979; [То же]. (1969–1975). — М., 1978; [То же]. (1976–1980). — М., 1985; Университетское образование в СССР и за рубежом. библиографический указатель русской, советской и иностранной литературы, ч. 1–3. — М., 1966–1981. Ч. 1 [за 1950–1960], ч. 2 [за 1961–1967], ч. 3 [за 1973–1977] 1981; Университетское образование в СССР и за рубежом: указатель литературы на русском языке (1978–1985). — М., 1987.

Различные аспекты социального анализа профессорского сообщества России первой половины XIX века представлены в работах: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. — М., 1855. — [переиздана в 1998 г.]; Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Харьков, 1893–1898–1904. —

Т. 1–2; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. — Казань, 1902–1904. — Т. 1–4; *Буллич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): рассказы по архивным документам. — Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1887–1891. — Ч. 1–2; *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — СПб., 1889. — Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I; *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). — Казань, 1930. Т. 1–2; *Щетинина Г.И.* Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. — 1977. — № 1. — С. 84–96; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. — М., 1985; *Kassow S.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. — Berkley; Los Angeles, London, 1989; *Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век). — Казань, 1991; *Иванов А.Е.* Ученые степени Российской империи XVIII в. — 1917. — М., 1994; Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года / [Савельев А.Я., Момот А.И., Хотеев В.Ф. и др.]; под ред. В.Г. Кинелева. — М., 1995; *Russia's Missing Middle Class: The Professionals of Russian History* / Ed. by H.D. Balzer. — Armonk (N.Y.), 1996; *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998; Профессора и доктора наук Московского государственного университета: биограф. словарь. — М., 1998; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. — М., 1998–2000. — Кн. 1–4; Его же. Зарождение системы университетского образования в России. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002–2003. — Т. 1–4; *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. — М., 2000; *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Единым вдохновением = By a single inspiration: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX века. — СПб, 2000; *Козакова В.С.* Коллективная биография профессуры — новый путь в социальной истории русских университетов // Клио: Журнал для ученых. — 2001. — № 1 (13). — С. 254–258; *Аврус А.И.* История российских университетов: очерки. — М., 2001; *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки рус-

ской культуры XIX века. — М., 2001 — Т. 3. — С. 124–199; *Андреев А.Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. — М., 2001; *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. — Казань, 2003; *Булгакова Л.А.* Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. — Саратов, 2004. — С. 124–134; Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. проф. Е.В. Олесеюка. — СПб., 2005; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. — Казань, 2005; *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. — М., 2005; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. — М., 2006; *Костина Т.В.* Мир университетского профессора Казани, 1804–1864: дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2007; *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века: Социокультурный аспект. М., 2008; *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М., 2009; *Сазонова Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917: дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2009; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XIX в. — М., 2009; *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х.* Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX века. Препринт ГУ-ВШЭ WP6/2011/01.. Гуманитарные исследования. Серия WP6. М., 2011; *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века. Препринт ГУ-ВШЭ WP6/2011/04.. Гуманитарные исследования. Серия WP6. М., 2011.

² *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. — 1975. — Vol. 80. — № 5. — P. 1221–1243; *Idem.* The Role of the Well-Ordered Police State in the Development of Modernity in 17th and 18th-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // Raeff M.

Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. — Boulder: West View Press, 1994. — P. 309–333.

³ *Wakefield A.* The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice. — Chicago, London, 2009.

⁴ Медицина // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. — М., 1980. — Т. 14. — С. 139.

ЧАСТЬ 1

РАЗДЕЛ 1

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ТЯГОТЫ ПРОФЕССОРОВ

Ключевое для средневековых и нововременных университетов Западной Европы понятие «автономия» не было семантически фиксированной единицей. Его значение варьировалось во времени, и особенно сильно оно изменялось в пространстве, например, в ходе трансфера в иные культурные среды. Адаптация сопровождалась появлением локальных версий университетской независимости, напрямую связанных с местной политической культурой.

И если в Геттингене автономия значила корпоративное самоуправление, а в Берлине подразумевала академическую свободу научного поиска и учебного слова, то в России создание системы университетов (пять университетов и Главный педагогический институт во главе шести учебных округов) сделало актуальным другую форму автономии рекрутированных в них интеллектуалов — независимость от местной культурной среды. Специфичность российской ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, восприятие университетской идеи из рук немецких просветителей сопровождалось использованием свойственной им риторики. Соответственно, и державные просветители, и российские профессора говорили об университетской демократии и ссылались на автономный статус университета. Но, с другой стороны, отсутствие в Российской империи общественной потребности в высшем образовании делало верховную власть единственным гарантом существования университета. Поэтому как приехавшие из других стран, так и местные

профессора отчетливо понимали, что без финансовых, административных и идеологических инвестиций правительства университет в России существовать не может.

В условиях полной зависимости от намерений, усилий, возможностей и интересов политической власти университетские корпорации выражали ей свою преданность и благодарность, смирялись с государственным контролем над учебным процессом, доказывали чиновникам государственную пользу собственных научных занятий, мечтали о поощрениях и получении правительственных заказов на исследования.

Противопоставление себя местной среде воплощалось в специфические стратегии корпоративного поведения, направленные на создание самодостаточных университетских городков в университетских городах Российской империи и на использование в языке университетских самоописаний колониальных метафор «острова в океане невежества», «светоча в темном царстве», «храма в мире хуторов и слобод» и т.п.⁵ В корпоративных конфликтах и в столкновениях с аборигенами университетские люди апеллировали к верховной власти как к покровителю и третьей стороне.

Первые проявления недовольства государственным контролем и попытки отстаивания идейной и институциональной независимости относятся к 1860-м годам, то есть ко времени, когда отечественные университеты обрели высокий социальный статус, установили многоканальные связи с российским обществом, когда выросла потребность россиян в университетском образовании и когда проявился кризис академических отношений.

Дарованная автономия

В мировоззренческой системе людей эпохи Просвещения быть цивилизованной, европейской страной значило входить в пространство письменной культуры, циркуляции западного типа знания и образования. Претендуя

на участие в семье «политичных народов», вестернизирующаяся Российская империя испытывала нужду в социальном слое интеллектуалов («новой породе людей»), в научных описаниях природных и человеческих ресурсов страны, в распространении грамотности и западных знаний среди населения. Таким образом, учреждение университетов было следствием процесса европеизации государства.

На большое значение, которое придавал Александр I появлению в стране университетов, указывает тот факт, что к разработке правовых оснований для них он привлек почти всех известных нам просвещенных политических деятелей и академических администраторов того времени. Часть из них впоследствии стали исполнителями принятых постановлений. Так, когда в марте 1802 года начал работу Комитет по рассмотрению новых уставов учебных заведений, то в нем приняли участие будущие попечители учебных округов и их помощники (председатель Комитета М.Н. Муравьев, С.О. Потоцкий), профессора и академики (Ф.Г. Баузе и Н.И. Фусс), общественные деятели (В.Н. Каразин)⁶.

Благодаря работам Ф.А. Петрова и А.Ю. Андреева вопрос об обстоятельствах разработки университетского устава и его идейных источниках сегодня представляется решенным⁷. Следующая задача состоит в том, чтобы как можно глубже понять исторический контекст, в котором этот проект интерпретировался и воплощался в практику университетской жизни, и какие идентификационные процессы он рождал.

Перед императором за реализацию реформы отвечали Министерство народного просвещения⁸ (в 1802 году его возглавил граф П.В. Завадовский) и Комиссия об училищах (в нее вошли П.В. Завадовский, М.Н. Муравьев, С.О. Потоцкий, Н.И. Фусс, А.А. Чарторыйский, Н.Я. Озерцовский, Ф.И. Клингер и Н.Ф. Хитрово). Вскоре комиссия была переименована в Главное правление училищ и стала структурной частью министерства⁹.

О том, что в верхах готовится новое положение об университете, московские профессора знали с самого начала. В начале октября 1802 года к куратору Московского университета М.М. Хераскову обратился вновь назначенный министр народного просвещения П.В. Завадовский, который запросил «подробное описание настоящего положения онаго [университета] с показанием преподаваемых в нем Наук, Профессоров, числа Студентов по факультетам, успехов их, образа учения, словом: всего к надлежащему о сем заведении сведению нужного по порядку приложенных при сем статей»¹⁰. Для успокоения министр обещал: «Я с своей стороны поставляю себе за долг содействовать пользе и благосостоянию Университета порученным мне от всемилостивейшего государя нашего Ходатайством у Престола [...]»¹¹. Полученные сведения впоследствии были использованы для разработки бюджета и структуры Казанского и Харьковского университетов. Узнав благодаря этой инициативе министерства о сути грядущих реформ, престарелый куратор Московского университета подал в отставку¹².

По замыслу реформаторов взаимоотношения университетских профессоров и государственных чиновников должны были регулировать разработанные ими «Предварительные правила народного просвещения» (24 января 1803 г.)¹³, указ «Об учреждении учебных округов» (24 января 1803 г.)¹⁴, Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1803 г.)¹⁵, уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1804 г.)¹⁶ и уставы учебных заведений, подведомственных университетам (5 ноября 1804 г.)¹⁷.

Интегрируя вновь созданное ученое сословие в имеющуюся социальную структуру империи, они включили ученые степени в «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных», а сами университеты встроили в иерархию государственных учреждений. Каждый университет был наделен распорядительной и контролирующей властью над гимназиями, уездными и приходскими

училищами вверенного ему округа и был ответственен за них. Кураторы были заменены попечителями, назначаемыми императором¹⁸. Таким образом, с момента основания российские университеты обрели государственный статус, но имели формальные признаки корпорации — выборность университетских должностей, управление профессорским советом, корпоративная оценка соответствия и коллективное решение о присуждении ученых «градусов» (степеней). Такая форма университетов соответствовала западным тенденциям в образовательной политике¹⁹.

Большинство положений, изложенных в законодательных документах 1802–1804 годов, имели декларативный характер. Они демонстрировали современникам заинтересованность верховной власти в западной учености и требовали от подданных поддержки и участия в судьбах императорских университетов. При этом социальная миссия университета виделась реформаторам довольно туманно и описывалась как «нравственное образование граждан соответственно обязанностям и пользе каждого состояния».

Между тем отношение местного дворянства и чиновничества к университетам и даже сама их способность к развитию в первые десятилетия XIX века определялись не призывами правительства, а влиятельностью курировавшего их государственного сановника. В XVIII веке Московский университет имел в лице первого куратора сильного покровителя. По реформе 1802–1804 годов статус попечителя оказался ниже, чем у прежних кураторов. Попечитель был членом Главного правления училищ — структурной части министерства, а не членом Правительствующего сената. Реформаторы требовали от него единоличной ответственности перед министром за введенный учебный округ. Он должен был «пещись об устройении университета и других училищ, если где оных еще нет; о приведении их, на основании сих правил, в цветущее состояние»²⁰. Осуществить это на практике оказалось делом сложным и неблагоприятным²¹.

24 января 1803 года попечителями были назначены: товарищ министра народного просвещения М.Н. Муравьев (ему вверялся Московский университет и округ), товарищ министра иностранных дел А.А. Чарторыйский (Виленский университет и округ), генерал-майор Ф.И. Клингер (Дерптский университет и округ), граф С.О. Потоцкий (Харьковский университет и округ), граф А.А. Мантейфель (Казанский университет и округ), граф Н.Н. Новосильцев (Главный педагогический институт и Санкт-Петербургский округ). Мантейфель, однако, приложил все усилия, чтобы избежать этого назначения и получить другое²². Тогда выбор пал на академика, астронома С.Я. Румовского. В Казань его определили как человека, уже побывавшего там проездом во время научной экспедиции²³ и понимающего суть университетской реформы²⁴.

Серьезность намерения верховной власти основать университеты подтверждает факт выделенных денежных средств. Несмотря на растущий государственный дефицит, ежегодно на счета Московского, Дерптского, Казанского и Харьковского университетов предполагалось перечислять по 130 000 рублей. Помимо этого Харьковский университет получил в распоряжение суммы, собранные слободско-украинским дворянством. В результате таких дотаций профессора стали одними из самых высокооплачиваемых чиновников в империи²⁵. Естественно, что, беря университет на содержание, верховная власть получила монопольное право на его комплектацию кадрами, на выработку критериев отбора кандидатов в «ученое сословие».

Видимо, в начале царствования Александру I хотелось хотя бы декларативно продемонстрировать естественность рождения университетов в России, а через это — естественность распространения западного просвещения на восток империи и готовность России к восприятию очередного феномена западной культуры. В манифестах и распоряжениях монарх намеренно отводил себе скром-

ную роль заботливого рассадника просвещения. Органичность российских университетов были призваны продемонстрировать современникам и торжества их открытия. По сей день каждый российский университет отсчитывает свое рождение от даты официального оглашения губернатором или назначенным для того иным чиновником его устава или утвердительной грамоты.

В Московском университете об официальном подписании устава 1804 года профессора узнали на заседании совета. Затем этот факт был оглашен на специальном собрании, в присутствии всей корпорации. Ей были представлены «новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени»²⁶. В Казани воля императора была доложена учителям гимназии²⁷. То, что эта школа была второй после Московского университета, было представлено как причина учреждения здесь университета²⁸. В Харькове правительственный акт был зачитан перед дворянским собранием. Внимание публики было обращено на факт «поревнования Слободско-Украинского Дворянства, в пользу одного от собственных своих стяжаний», в результате чего император Александр I «в уважение патриотического приношения Слободско-Украинского дворянства повелел учредить в Харькове университет [...]»²⁹.

Весь 1805 год для членов Главного правления училищ прошел в хлопотах о начале действия объявленных университетов. Примечательно, что это подразумевало обязательное проведение торжества по случаю открытия. «Всякий университет может считаться действующим, — уверял еще М.В. Ломоносов, — с момента инаугурации»³⁰. Такое празднество — определенная знаковая система. Регулярное актовое собрание университета способствовало сплочению членов его корпорации, выстраивало иерархические связи внутри нее, а публичный характер проведения данных действий встраивал кроенный по западной кальке университет в систему местных социальных отношений и культурных связей. С другой стороны, присут-

ствие на ней попечителя и зачитывание правительственных бумаг напоминало участникам о принадлежности университета короне.

Поскольку в Европе инаугурация давала признание новых университетских корпораций от лица уже существующих, российские реформаторы сочли необходимым проводить их повсеместно и даже там, где корпораций еще и не было, — в Харькове и Казани. В Харькове дата торжественного собрания — 17 января 1805 года — была приурочена попечителем С.О. Потоцким к местным выборам в Дворянское собрание и согласована с губернатором И.И. Бахтиным³¹. Спустя месяц — 15 февраля 1805 года — актовый зал Казанской Императорской гимназии тоже стал свидетелем рождения университета. Там в присутствии убежденного седины попечителя С.Я. Румовского и немногочисленной публики был зачитан университетский устав и вручены шпаги гимназистам, назначенным в студенты³².

По замыслу министра П.В. Завадовского и московского попечителя М.Н. Муравьева в Москве было решено проводить не инаугурацию, а празднование 50-летия университета. Торжества были намечены на 30 июня 1805 года. Их сценарий был более масштабным: торжественный акт, начатый в 8 часов утра; божественная литургия в университетской церкви; праздничный концерт; выступления представителей факультетов; возведение в ученые степени и достоинства членов корпорации и, наконец, вычурная иллюминация в 22 часа. Все это должно было не только уверить участников в готовности России распространять науки, но и в наличии довольно длительной собственной университетской традиции³³.

Действия правительства тех лет свидетельствуют о его ориентации на внешние репрезентации, на продолжающееся стремление отстоять для России почетное место среди «политичных народов». Вряд ли тогда государственную власть всерьез волновала проблема выстраивания отношений с нанятыми на службу университетскими интеллектуалами.

По созданной системе управления округами попечители были обязаны проживать в официальной столице империи, ходатайствуя о нуждах вверенного им университета и округа перед правительством. Их виртуальное присутствие реально воплощали иные лица, выбор которых был невелик — ректор или директор гимназии. От них попечитель получал информацию о делах и состоянии университетской корпорации и им же поручал выполнение правительственных и собственных решений. При таком положении вещей избранные ректоры оказывались в сложной ситуации. Они были обязаны оправдать доверие и выбор сослуживцев, но вынуждены были представлять в профессорском совете интересы внешние — политической власти. Это порождало пограничную идентичность.

То, что первые попечители университетов были разработчиками реформы и людьми, изучавшими отечественный и западный академический опыт, сказалось на специфике их отношений с профессорскими сообществами. Приглашая и отбирая для службы в подчиненном ему университете преподавателей и ученых, попечитель формировал «свою команду». Какой она будет, зависело от его взглядов на образование и назначение университета.

В первые годы существования отечественных университетов почти все попечители играли по отношению к ним роль сановных покровителей и меценатов. Московский университет патронировал М.Н. Муравьев — представитель известного дворянского рода, человек с университетским образованием, писатель и поэт, воспитатель цесаревичей Александра и Константина³⁴. Деятельность Харьковского университета налаживал Северин Потоцкий — польский дворянин, получивший блестящее образование в Женеве и Лозанне, бывший депутат польского сейма, российский сенатор, известный своей приверженностью конституционным идеям, личный друг Адама Чарторыйского³⁵. А вот С.Я. Румовский был из другой породы — сын священника, окончивший Александровскую семинарию, выпускник Академического университета,

ученик немецкого математика Л. Эйлера, вице-президент Санкт-Петербургской академии наук. Среди современников он почитался за авторитетного ученого, но формалиста. К моменту назначения на эту должность он имел богатый административный опыт в Академии наук и был довольно пожилым человеком (69 лет). Похоже, что от открытия Казанского университета он не ждал ничего хорошего.

И Северин Потоцкий, имевший большую семью, и преклонных лет Степан Румовский тяготились удаленностью своих университетов: даже санний путь из Петербурга в Казань или Харьков составлял не менее двух недель. В другие сезоны наведываться туда было и трудно, и не безопасно. Впрочем, обоим утешало то, что статус попечителя требовал от них почти постоянного присутствия в Петербурге. Этим оба объясняли свое отсутствие во введенных университетах.

Для «близкого» руководства округом Потоцкий рекомендовал известного императору харьковского помещика В.Н. Каразина. Ему местное дворянство было обязано открытием университета на Слобожанщине, а не в Киеве³⁶. И хотя Каразин критиковал западные университеты за их корпоративность и автономию, в действительности он сам способствовал корпоративному объединению приехавших в Харьков профессоров³⁷. Другое дело, что его критичность и инициативность не нравились в Петербурге. Поэтому для равновесия и «в помощь» ему «в качестве визитатора перед училищной частью» был назначен выпускник Московского университета профессор И.Ф. Тимковский.

Иных по типу администраторов получил Казанский университет. Из переписки Румовского с директором Казанской гимназии И.Ф. Яковкиным явствует, что попечитель не спешил склонять общественные настроения в пользу местного университета. Он предпочитал использовать для его открытия ресурсы гимназии, «[...] доколе не сыщется нужное число людей, достойных звания профессорского и довольное к открытию по надлежащему уни-

верситета»³⁸. По мнению историографа Казанского университета Н.П. Загоскина, Румовский модифицировал гимназический строй в том смысле, что «совет гимназии составлять будут профессоры и адъюнкты, а контору — директор гимназии, казначей и один член, советом из своего сословия избранный и мною утвержденный, под председательством директора гимназии»³⁹. Таким образом, местный университет стал высшей ступенью гимназии, а ее администрация (директор, совет гимназии и контора) управляла профессорами⁴⁰. Университетского правления в Казани создано тогда не было, оно появилось после полного открытия университета в 1814 году.

Ставший в 1810 году министром народного просвещения граф А.К. Разумовский был удивлен, как сильно устройство Казанского университета отличается от того, что предписывал устав. Он объявил казанскому попечителю, что созданное им «управление университетом не мало не способствует к возведению в цветущее состояние, а напротив, подвергает оный расстройству, что приписывают именно директору гимназии Яковкину — почетные попечители, обозревающие отзываются с невыгодной стороны о сем чиновнике»⁴¹. Но и после этого Румовский продолжал отстаивать целесообразность симбиотического сосуществования гимназии и университета. Он уверял министерских сановников в том, что «Казанский университет не может еще почитаться совершенно открытым по причине неполного числа ординарных профессоров»⁴². По всей видимости, исследовательница Московского университета И.П. Кулакова права: Румовский воспроизвел в Казани хорошо знакомую ему административно-бюрократическую систему управления Академией наук⁴³.

Удаленная от столицы, ограниченная в своих контактах с коллегами университетская корпорация Казани оказалась заложницей всевластия местного деспота. К тому же, несмотря на опыт преподавания, у прибывших в Казань интеллектуалов не было единого мнения о назначении, функциях и оптимальной структуре университета. Их опыт был слишком разным: кто-то ранее служил в воен-

ной Медико-хирургической академии Петербурга, кто-то в иезуитском коллегииуме, а часть в разных по типу и уровню преподавания университетах Европы. Это обстоятельство, а также отсутствие детально проработанных законодательных норм породили между ними споры о полномочиях профессоров и их взаимоотношениях с разными уровнями административной власти, разбили корпорацию на мелкие конфликтующие группы («партии»)⁴⁴.

При отсутствии сопротивления со стороны профессорского совета Яковкин бесконтрольно распоряжался средствами, выделенными казной на становление университета и содержание ученого сословия⁴⁵. Интригуя и разжигая страсти среди перессорившихся коллег, он умело выпалял ростки университетской демократии⁴⁶. Недовольство Яковкиным среди казанских интеллектуалов было настолько сильным, что они писали в Петербург, и сведения об этом доходили даже до министра⁴⁷. Но побеждал во всех конфликтах директор. В результате к середине 1810-х годов в Казани осуществилась своеобразная селекция профессорского совета: после ряда увольнений в нем остались наиболее терпимые и сервильные члены.

Ситуация в Казани была явно экстремальная. В остальных российских университетах каждодневное управление осуществлял ректор. Университетский устав рассматривал это должностное лицо как согласованный с правительством корпоративный выбор. В реальности такого согласия удавалось достичь довольно редко. Самоорганизующаяся модель корпоративности, дарованная университетам уставом 1804 года, сопротивлялась и конфликтовала с административно-приказной системой российской государственности. В чиновных бумагах это сопротивление описывалось через историческую аллюзию — борьба «варягов» за власть в русских университетах (имелись в виду прибывшие в Россию профессора-иностранцы).

Поначалу все попечители комплектовали свои университеты иностранными специалистами. Однако в дальнейшем они по-разному относились к ученым рекрутам. В Московском университете соотношение российских

(на языке того времени «русских») и иностранных профессоров постоянно сдвигалось в пользу отечественных: 18 против 14 в 1806 году и 18 против 11 в 1811 году. Исследователь правительственной политики Ф.А. Петров считает, что такие перемены были результатом протекционистской политики М.Н. Муравьева, создававшего благоприятные условия для ученой карьеры молодых россиян⁴⁸. В Казанском же и Харьковском университетах долгое время иностранцы составляли основу преподавательского состава.

Зарубежные преподаватели не вызывали тревоги у чиновников министерства до тех пор, пока речь не заходила о корпоративных интересах и управлении университетами. Но если иностранцы претендовали на административные должности, попечители начинали дружно возражать против этого. Так, попечитель Московского университета П.И. Голенищев-Кутузов считал неудобным избирать немцев деканами «как по незнанию языка, так и по недостаточному понятию о наших законах», отчего в университете «происходят частыя недоразумения»⁴⁹. Ему вторил Потоцкий, который писал из Харькова: «В случае утверждения Г. Рижскаго в звании Ректора, остаются токмо одни иностранные профессора деканами; [...] избрание сих последних произошло от начавшейся недавно в Университете интриги [...], посредством коей они надеются получить преимущественную пред другими власть управлять по большинству голосов Университетскими делами»; «Я сам едва ли в состоянии был бы отвечать за все беспорядки и упущения, какия от незнания их российского языка, законов и порядка дел неминуемо должны произойти»⁵⁰. Очевидно, попечителям было удобнее доверить управление университетом соотечественнику, который и подчиняться привык, и деваться ему было некуда, чем ненадежному и много о себе понимающему профессору-иностранцу.

При различии нюансов все попечители не признавали за подчиненными им университетами права на административную автономию. Все не поощряли университет-

ской демократии и были склонны видеть в профессорах не свободных интеллектуалов, а нанятых на государственную службу чиновников просвещения. Ученое сословие и его способы самоорганизации чаще всего вызывали раздражение бюрократов. С точки зрения министерства в университете все делалось ужасно медленно. Такое представление у чиновников формировали сами профессора, жалующиеся на коллег. Дело, которое можно было решить за полтора часа, — сообщал попечителю казанский профессор П. Цеплин, — в совете заняло «по причине споров и отговорок двоих только членов» целых пять часов (с 12 до 5 часов пополудни)⁵¹. Убежденные доводами подчиненных, попечители возвращали в университетский совет их же аргументы. «Странное дело, — выговаривал ректору Магницкий, — как у вас вяло исполняются самые решительные предписания»⁵². И сменивший его М.Н. Мусин-Пушкин был недоволен медлительностью профессоров: «Дела в Правлении Казанского университета, — писал он в 1829 году, — текут весьма медленно и в производстве оных не наблюдается желаемой точности. О чем я неоднократно делал уже Правлению замечания»⁵³.

Чиновникам министерства не нравился язык академического общения — вычурный и риторический. После проведенной М.М. Сперанским реформы делового слога и официального делопроизводства пространные высказывания профессоров казались бюрократам намеренно туманными и лишёнными смысла. В одном из своих писем к ректору попечитель Магницкий заявил: «Он [профессор Г.И. Солнцев] не умеет писать, стало и думать»⁵⁴. Впоследствии в книге о деловой словесности он сформулировал преимущество умного чиновника перед служащим «ученого ведомства»: умение «не риторствовать в деловых бумагах» и «сгладить педантство школьного слова приличием служебного»⁵⁵.

Но более всего попечителей раздражали споры профессоров и их кичливость. Чиновники старались привить профессорам дисциплину служилого человека, этику ис-

полнительства. Харьковский попечитель и министр возмущались поведением профессора патологии, терапии и клиники Г. Брандейса, который «при Студентах публично поносит некоторых Профессоров, преимущественно Медицинского Отделения, и Инспектора Студентов». Оба считали, что это разрушает сакральность власти учителя и порождает практику студенческих доносов на преподавателей. Чиновники были уверены, что «чрез сие может произойти между студентами весьма дурное, по своим последствиям, направление»⁵⁶.

В таких случаях вмешательство политической власти в корпоративные отношения было благом для университетов. Так, когда Магницкий боролся с пьянством отдельных профессоров, их разгильдяйством, пропусками занятий, когда пресекал интриганство преподавателей, разрушающих «сословие», это приветствовалось членами ученого совета и воспринималось как спасительное оздоровление. В тяжелых ситуациях профессора даже мечтали о проведении в университете государственной ревизии для его избавления от паутины интриг и балласта бездельничающих коллег. Инфантилизм собственной административной культуры не позволял советам самим решать такого рода проблемы и не выработал в них механизмов самоочищения. Другое дело, что причиной такой инфантильности была плотная бюрократическая опека над университетами.

Все попечители желали иметь в своем подчинении профессоров пассивных и «тихих нравом»⁵⁷. Своим служебным долгом они считали избавление университетов от активных деятелей с «шумным характером»⁵⁸. Политической власти нужны были назначенные и верные представители ее интересов. Ради этого она легко переступала через дарованный ею же устав и признавала выборы ректора недействительными (как это было в случае с избранием в Казани И.О. Брауна)⁵⁹ или игнорировала выборы деканов и принимала решение провести, к примеру «вместо же других двух Делавина и Коритаря [...] Профессоров Шумлянскаго и Стойковича, из коих первый заслужи-

вает преимущество по числу шаров при выборе ректора; а последний при известной деятельности соединяет совершенное познание русского языка»⁶⁰.

Отступления от ранее принятых правительственных решений чиновники объясняли вынужденными обстоятельствами или недоверием к университетскому совету: «Гг. Профессоры при выборе Ректора, выпускают из виду пользу места, а увлекаются более личностью», — писал попечитель А.П. Оболенский⁶¹. Такое объяснение давало право на многое, в том числе на изменение срока полномочий избранных профессорами администраторов. По уставу самым коротким был срок исполнения должности ректора — один год. Профессора не высказывали неодобрения по данному вопросу. Короткий срок позволял им узнать кандидата на место «первого среди равных» и если что, то избавиться от него во время следующих переизборов.

Чиновникам же это обстоятельство создавало массу неудобств. Во-первых, выборы ректора были лишним поводом для беспокойств. Они сопровождалась борьбой за репутации, складыванием групп по интересам⁶². Во-вторых, за такой срок ректор не успевал «войти в курс дела (дел)», понять интересы власти и сработаться с попечителем. В результате ректоры сильнее зависели от коллег, чем от попечителя. Многие не торопились «с рвением» выполнять предписания Главного правления училищ. Поэтому все попечители были единодушны в том, что срок исполнения ректорских обязанностей должен быть продлен. Они поощряли и даже добивались переизбрания понравившегося ректора на второй, третий и более сроки. К 1811 году попечителям удалось провести такое решение через Главное правление училищ, а затем добиться высочайшего согласия на внесение изменения в устав по этому вопросу⁶³.

После этого в России появился феномен ректорского «долгожительства». В первой четверти XIX века И.А. Гейм побил абсолютный рекорд по продолжительности университетского управления — одиннадцать лет.

Надо сказать, что он действительно был одним из эффективных ученых-администраторов, который не боялся ответственных шагов. Он разделил судьбу Московского университета в военное лихолетье 1812 года. Он служил ему сначала как преподаватель, потом как ректор, а будучи в преклонном возрасте — как библиотекарь. Но главный залог его успеха состоял, по-видимому, в том, что Гейма ценил и поддерживал попечитель П.И. Голенищев-Кутузов⁶⁴.

Несмотря на противодействие политической власти, в первое десятилетие XIX века немецкие профессора часто избирались деканами и ректорами, особенно в провинциальных университетах. Первым ректором Казанского университета стал профессор медицины И.О. Браун⁶⁵, а через несколько лет эту должность занял профессор медицины К.Ф. Фукс⁶⁶. Оба немца были практикующими врачами, боролись за жизнь не только своих коллег и студентов, но и горожан, а также поселян близлежащих деревень. Это способствовало росту их репутации в местном обществе и в корпорации. В связи с этим попечитель Румовский, как ни старался, не смог аннулировать результаты выборов.

Интересная тенденция сотрудничества попечителей и ректоров проявилась в Московском и Харьковском университетах. Первыми ректорами Московского университета были русские профессора Х.А. Чеботарев (с 1803 по 1805)⁶⁷ и П.И. Страхов (с 1805 по 1807)⁶⁸. Особенно плодотворным было недолгое ректорство Страхова. При нем Московский университет получал благотворительные пожертвования, тогда же началось возведение главного корпуса по проекту М.Ф. Казакова, была построена больница при Клиническом институте на Никитской улице (30 августа 1805) и Родильный госпиталь для бедных рожениц (7 января 1806). Муравьев ценил административный дар Страхова. По его представлению ректор был награжден орденом Святой Анны II степени с алмазами, орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени. В коллективной памяти Петр Иванович остался

примером «ученого, благообразного, скромного и красноречивого оратора, [...] даже несколько светского человека»⁶⁹. В Харьковском университете совет начал действовать с января 1805 года. Первым ректором на нем был избран профессор И.С. Рижский. Подобно Страхову, он пользовался покровительством попечителя. Поэтому при равенстве голосов он прошел на должность ректора и на следующий год. А в 1807 году ректором был избран профессор А.И. Стойкович⁷⁰.

В Казани в силу специфических обстоятельств отношения выборной университетской администрации и представителей правительства не переросли в сотрудничество. Первый ректор, профессор И.О. Браун, был избран в 1811 году. Прибывший сюда годом позже попечитель М.А. Салтыков не нашел в нем единомышленника и послушного исполнителя приказаний⁷¹. Тем не менее, он признавал его корпоративный авторитет и когда ему понадобилось уехать из Казани, он нуждался в заместителе и ходатайствовал перед министром о передаче попечительских обязанностей ректору⁷².

В 1816–1817 годы прогнозы на будущее университетов в российских политических кругах были весьма пессимистичными. Именно тогда император впервые лично посетил заложенные им храмы науки (Московский университет в августе 1816 года и Харьковский университет в сентябре 1817-го). «Между профессорами не находилось ни одного человека, который бы снискал имя в ученом свете; государь пожимал плечами, и я читал на лице его, что он был недоволен», — сообщал о впечатлениях Александра I сопровождавший его в Харькове офицер⁷³.

Но ликвидировать в России университеты, как шептались об этом скептики⁷⁴, император не решился. Во-первых, он позиционировал себя на международной арене просвещенным монархом, покровителем науки, искусства, образования. Поэтому, несмотря на кризис европейских университетов, оппозиционные настроения прусского студенчества и мистические настроения собственных придворных кругов, Александр I не пошел по

пути Наполеона и не закрыл университеты. Слава душиителя просвещения ему была ни к чему. С другой стороны, император нуждался в специалистах. Среди современников стали афоризмом его слова: «В России народу много, людей нет». Модернизирующийся по западному образцу государственный аппарат испытывал острый дефицит в управленцах, правоведах, врачах, учителях. А съедавшие огромные государственные средства университеты выпускали их единицами. Да и в обществе резких перемен в отношении к образованию не произошло⁷⁵. Очевидно, пришло время подводить предварительные итоги, и они оказались неутешительными. Управление университетами было признано неэффективным.

Целый ряд причин внешне- и внутривластного характера способствовали тому, что изменения в российском образовании во второй половине 1810-х годов пошли по пути соединения «веры и ведения», внедрения в школы «христианского благочестия»⁷⁶. Для этого были объединены Министерство народного просвещения, Синод и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий под новым названием — Министерство духовных дел и Народного Просвещения⁷⁷.

Поворот в правительственном курсе отразился на составе членов Главного правления училищ. В период с 1816 по 1819 год он обновился более чем наполовину: из двенадцати его прежних членов осталось только семь, но при этом общее их число выросло к 1819 году до шестнадцати. Сменились попечители почти всех учебных округов: в Московском — место П.И. Голенищева-Кутузова (с 1812 по 1817) занял князь А.П. Оболенский (с 1817 по 1825); в Харьковском — вместо С.О. Потоцкого был назначен З.Я. Карнеев, в Казанском образовалась вакансия. К приметам времени можно отнести вхождение в Главное правление училищ церковных администраторов: архимандритов Филарета — ректора Санкт-Петербургской духовной академии и Иннокентия — ректора столичной семинарии, а также князя П.С. Мещерского — обер-прокурора Священного синода⁷⁸.

Одна из задач, поставленных перед «соединенным министерством», состояла в том, чтобы унифицировать различия в организационном устройстве университетов и привести их в соответствие с правительственными постановлениями. По нисходящей линии исполнителями этих указаний стали вновь назначенные попечители. Многие из них обрели на этом репутацию «обновителей». Особенно откровенно так себя позиционировал М.Л. Магницкий.

В этом контексте неординарной оказалась ситуация в Московском университете. Московская фронда еще до войны 1812 года наделила его статусом национального русского университета. Он еще более повысился вследствие войны и пожара. Восстановление сгоревшего университета стало общенациональным делом всех отечественных интеллектуалов. Об этом в частности свидетельствует тот факт, что книги для него присылались из всех университетских библиотек⁷⁹. Такие обстоятельства способствовали сплочению местной корпорации и ответственных за нее правительственных чиновников. По крайней мере, источники не сохранили сведений о конфликтах московских профессоров и попечителей в эти годы. Более того, после возвращения студентов и преподавателей из эвакуации (январь 1813 года) обычно высокомерный П.И. Голенищев-Кутузов предоставил им свой дом для проведения заседаний Временной комиссии по всем частям университета для управления делами учебного округа и приведения в порядок расстроенных нашествием неприятеля университетских заведений⁸⁰. В послевоенное десятилетие здесь не было увольнений профессоров и усиленного контроля за преподаванием.

В отличие от Москвы к концу 1810-х годов в Казани не осталось не только следов университетской автономии, но и обсуждения университетских свобод. Управление попечителя М.Л. Магницкого (с 1819 по 1826) отложилось в корпоративной памяти, а потом вошло в историографию временем «мракобесия» и «реакции» не столько по идейным причинам, сколько по стилю его отношений

с университетскими преподавателями и студентами⁸¹. Уволив деспотичного Яковкина, Магницкий установил в университете свой вариант деспотизма. Возможность этого была подготовлена не только предшествующей селекцией профессоров и отъездом из России части немецких ученых, но и ревизией 1819 года. Проверки Казанской губернии, в ходе которых ревизоры наведывались в университет, были частым явлением в начале XIX века⁸², но никогда ранее они не были посвящены специально университету и не решали задачу выявить значение, «какое университет имеет для умственного развития страны»⁸³.

Возглавляя эту тотальную проверку, Магницкий получил не только сведения о всех слабостях созданной организации, но и составил себе представление о каждом члене местной ученой корпорации. Дав правительству резко отрицательный отзыв о состоянии восточного учебного округа, он получил его в полное распоряжение для исправления обнаруженных недостатков. Полученные диктаторские полномочия попечитель направил на чистку университетского штата. В результате по разным причинам были уволены 11 профессоров, почти половина личного состава профессорского совета. Ректор опять стал избираться только на год «для усмотрения способностей» и если оказывался исполнительным и преданным, то попечитель просил министерство продлить срок его полномочий еще на три года⁸⁴.

Понятно, что в таких условиях ни о какой административной автономии и тем более идейной свободе речь уже не шла. Попечитель определял не только кадровые назначения, но и учебные планы, а также содержание лекций, заказывал тематику исследований. По сути, он отменил принцип самоорганизации университета, полностью превратив его в чиновничье ведомство⁸⁵.

Усилению режима личной власти над корпорацией Магницкий уделял самое пристальное внимание. Созданные им «Инструкции» ввели новую административную должность директора университета. Им мог быть назначен любой чиновник, способный контролировать

хозяйственную, полицейскую и нравственную части университетской жизни. За все он отвечал лично перед попечителем⁸⁶. Благодаря разделению управления (ректорская и директорская ответственности) Магницкий смог оставаться в столице, а профессора постоянно ощущали его присутствие в университете через выраженные в письмах предписания и осведомленность. Университетская корпоративность особенно ослабела в период ректорства Г.Б. Никольского, который посвящал попечителя во все детали коллегиальных отношений. Все служащие университета жили в эти годы под страхом увольнения, а они происходили довольно часто. Правда, все это не решило проблемы профессорских конфликтов, с которыми боролось министерство.

За год до отставки Магницкий провел в Казанском университете еще один «эксперимент». Он вывел ректора из состава правления (хозяйственно-финансового органа) и оставил только во главе совета (учебно-административного органа)⁸⁷. Председателем правления стал директор. Таким образом, некорпоративному члену было отдано в руки управление бюджетом университета. И вот тогда преподаватели, помнившие тиранию директора Яковкина, бесконтрольно распоряжавшегося их жалованьем, вышли из покорного молчания, и на имя взошедшего на престол Николая I посыпались письма с обвинениями попечителя.

В ситуации, когда новое правительство меняло курс в области образования, министр признал, что в Казанском университете нарушены правительственные постановления, а попечитель превысил свои полномочия. В феврале 1826 года Магницкий был отстранен от должности. Его управление университетом закончилось тем же, с чего началось, — ревизией⁸⁸.

Религиозный ренессанс трансформировал не только Казанский университет. Сокращение университетской автономии произошло в Харькове и Петербурге. Правда, там это не приобрело столь радикальных форм. Тем не менее везде «голицынские» попечители проводили сор-

тировку профессорского состава под предлогом очищения школы от идейной скверны (дело Г.И. Солнцева в Казани, И.Е. Шада в Харькове⁸⁹).

Игравших роль «ока государева» и активных проводников курса «христианского благочестия» харьковских попечителей тоже беспокоил факт, что профессора не справляются с возложенными на них административными обязанностями. Считая опыт Магницкого успешным, З.Я. Карнеев попытался внедрить его систему в Харькове и даже просил Главное правление училищ «преобразить все по инструкциям Казанского университета»⁹⁰. Его племянник и преемник по должности Е.В. Карнеев даже написал новый устав для Харьковского университета, в котором не было места автономии.

Попечитель Е.В. Карнеев постарался убедить министра в неэффективности профессорского самоуправления. В декабре 1823 года в докладе «О новом образовании Харьковского университета» Карнеев писал: «Важнейший начальник, Ректор, [...] избираясь попеременно из Профессоров, занятых учеными своими упражнениями, не имеет ни времени, ни способов к порядочному исправлению возлагаемой на него посторонней сего рода и весьма трудной обязанности; при том же подвергаясь перемене, не пользуется ни тою властью, ни тем уважением, какия Начальнику приличны. Отсюда общее невнимание к его настояниям и собственная его уклончивость от надлежащей и необходимой во всех заведениях строгости [...]»⁹¹. Докладывая об этом на заседании Главного правления училищ, он предложил:

1. Выбирать ректора в министерстве. «Ректор, — убеждал он, — должен зависеть от определения верховной власти и быть непременно по примеру председателей в присутственных местах, [...] назначается по усмотрению начальства из профессоров или *других просвещенных чиновников* [курсив наш]». 2. Освободить его от преподавания. Карнеев считал, что глава ведомства «не имеет права преподавать лекций в Университете». 3. Дать ему в руководство не устав, а «высочайше утвержденные в 17 день

Генваря 1820 года инструкции Директору и Ректору Казанского Университета». В случае болезни его обязанности должен был исполнять «проректор, избираемый из профессоров и утверждаемый министром и получающий прибавочное по штату жалование», который «не освобождается от чтения лекций»⁹².

Кроме того, по мнению Е.В. Карнеева, стоило бы освободить от участия в Правлении профессоров-деканов, заменив их двумя неперменными советниками, «из коих один займется письмоводством и счетною частию, а другой будет при том занимать место Директора Педагогического и Студенцкого Института при Университете; *чиновники сии избираемые из людей просвещенных* [курсив наш] и утвержденные Министром пользуются правами Профессоров, исключаясь от преподавания лекций. Не имеющие из них аттестатов на ученые степени производятся в высшие чины на праве Губернских Директоров училищ»⁹³. Тем самым управление бюджетом, учебным округом и студентами предполагалось отдать назначенным министерством и не вовлеченным в учебный процесс чиновникам, не имеющим ученых степеней.

В отличие от Магницкого, Е.В. Карнеев в своем стремлении ограничить или ликвидировать университетское самоуправление руководствовался «благими» намерениями. Он видел нежелание профессоров брать на себя административные обязанности. Пользуясь правом самоотвода, многие выбранные деканы и ректоры снимали свои кандидатуры, ссылаясь на «нездоровье», «занятость» исследованиями и преподаванием. В результате нередко в совете складывалась патовая ситуация, когда большинство голосов набирали два профессора, которые, как справедливо полагал попечитель, в силу возраста и отсутствия авторитета не способны возглавить совет. В таких случаях попечители добивались у министра разрешения продлить полномочия прежнего ректора. Так, например, случилось с В.Я. Джунковским⁹⁴. О нем попечитель писал как о способном организаторе, который был председа-

лем Строительного комитета и в силу этого «наиболее к заступлению сей должности способен»⁹⁵. Желая блага для подчиненных ему профессоров, Карнеев использовал их же аргументацию для обоснования необходимости расширить собственные полномочия и чиновный аппарат попечителя.

Тогда против карнеевского проекта выступил один из основателей российских университетов — академик Н.И. Фусс. Опытный исследователь доказывал, что «не нужно и не должно сделать Ректора переменным и избирать его из чиновников не ученых и не сведущих в управлении столь важными учеными заведениями, совершенно различным от управления Гражданских Присутственных мест»⁹⁶. Авторитетный в глазах императора ученый смог удержать министерство от превращения университетов в присутственное место, где преподаватели отстранены от принятия решений.

Итак, первичная адаптация университетской идеи в России привела к изменению позиции государственных чиновников по отношению к учрежденным университетам. Из покровителей и рассадников просвещения попечители довольно скоро превратились в более привычных для властных отношений в России контролеров. Отсутствие общественной потребности в университетском образовании, зависимость жалования, возможности службы и индивидуальной защиты от политической власти вынуждало университетские сообщества быть сервильными. К тому же поражения профессоров в борьбе с чиновниками за административную независимость, профессиональное и человеческое достоинство убедили профессоров в иллюзорности их академических свобод. Это породило нежелание участвовать в управлении университетом, стремление избегать любых столкновений с бюрократией, уходить во «внутреннюю автономию» (науку или семью). Впрочем, несмотря на непоследовательность правительственной политики, на инициативы попечителей и сложности становления российских университетов,

при Александре I призывы ликвидировать видимость и возможность университетского самоуправления не получили поддержки императора.

Устроительство «русских университетов»

Причин тому было много, но факт остался налицо: в 1820-е годы университетское правление уже не справлялось с возросшим объемом административных задач. Управление университетом и учебными заведениями округа, организация общежития студентов и преподавателей, материально-техническое обеспечение учебных курсов, исследования и просветительская деятельность, благочиние корпорации — вот только часть вопросов, которые должны были решать 28 профессоров, предусмотренные уставом.

Вопрос об административных ресурсах профессоров в университете, объеме их полномочий и характере обязанностей становился для министерских чиновников все более насущным. Его по-разному решали сановники, сменявшие друг друга на посту министра народного просвещения. Как правило, при смене чиновников уровня министра и попечителя проходила очередная ревизия предыдущего опыта и корректировка практик управления. Так, при А.С. Шишкове министерство отказалось от приоритета религиозного воспитания в университетах, ограничившись обрядовой стороной дела (изучением закона Божьего и исполнением треб в университетской церкви).

В то же время университеты становились неотъемлемой частью политической и социальной жизни. И это не только потому, что от них зависело качество «новой породы людей», но и потому, что рациональное государство желало контроля над производством и распространением знания. Его обретение осознавалось как условие государственной стабильности. Неудивительно в этой связи, что чиновники министерства муслировали тему неспособ-

ности профессоров координировать научные исследования и самоорганизовываться. Доводы и аргументы в пользу собственной значимости для развития просвещения они черпали из материалов корпоративных конфликтов и экзаменационных ведомостей.

Соответственно, положение дел в университетах министерство обычно оценивало как кризис, как неудовлетворительное, как не соответствующее вложенным в них средствам. Такой негативизм оправдывал затраты государства на содержание чиновников министерства — различного рода контролеров. Поэтому люди системы охотно сигнализировали императору о любых сбоях в деятельности университетов и учебных заведений округа, были склонны преувеличивать их опасность для государственного спокойствия.

Из тех же соображений руководители и высший слой чиновников министерства негативно оценивали опыт собственных предшественников. Так, харьковский попечитель А.А. Перовский уверял, что Министерство духовных дел и народного просвещения «причинило больше вреда, чем пользы», его следствием стало «утеснение наук», «исключение из университетов людей [...] могущих приносить пользу обществу»⁹⁷. Казалось бы, такие признания должны были реабилитировать уволенных профессоров. Однако однажды заподозренному в неблагонадежности профессору не представлялось больше шанса вернуться в университет. Весь пафос ведомственной критики и переоценки своих предшественников сводился к утверждению грандиозного объема предстоящей нынешним чиновникам работы.

В университетах же негативный настрой министерских служащих провоцировал появление текстов, содержащих корпоративную рефлексию и описание мер для улучшения ситуации. Тем самым профессора подтверждали диагноз чиновников. Как правило, авторами проектов были либо действующие университетские администраторы, либо профессора, имевшие опыт управления. В их записках прошлое университета получало позитивную окраску

и противопоставлялось его мрачному настоящему. При этом заметна новая тенденция в развитии административной культуры университетской корпорации: часть авторов отказывалась от претензий на университетскую автономию вовсе, а часть предлагала усилить взаимодействие университетской администрации с государственной бюрократией. В любом случае у них не было требований независимости от политической власти.

Эти проекты и записки сыграли важную роль в становлении взаимоотношений государственной власти и университетов. Написанные научным языком, наполненные аргументами и интерпретациями, отражающие университетские реалии, они предоставили бюрократии готовый аналитический материал, дискурсивные единицы и категории. Из них впоследствии создавался специфический дискурс общения власти с российскими интеллектуалами. Собрать их воедино министерству удалось благодаря удачной инициативе.

Министр К.А. Ливен⁹⁸ пригласил принять участие в работе Комитета устройства учебных заведений некоторых российских профессоров⁹⁹. Из Московского университета это были М.Г. Павлов, Д.М. Перевощиков, П.С. Щепкин, М.Т. Каченовский, Ю.П. Ульрихс. В благодарность за оказанную честь они прислали в министерство проекты переустройства университетов¹⁰⁰. Наверное, у столичных профессоров было больше шансов быть прочитанными и услышанными. Все-таки они были ближе к местам верховной власти. Многих из них сановники министерства знали лично в качестве практикующих врачей, частных учителей, посетителей дворянских собраний, издателей журналов и газет. К тому же среди самих чиновников были выпускники университетов. Кроме того, активность московских профессоров объясняется высоким социальным авторитетом данного университета. К 1830-м годам за ним прочно закрепилась слава «древнейшего» университета Российской империи¹⁰¹.

При том, что каждый взятый по отдельности профессор был оригинальным мыслителем, способным объяс-

нить современникам сложные социальные явления, изобретателем неожиданных управленческих решений, все вместе они плохо справлялись с регулированием корпоративных отношений. Ссоры и обиды сопровождали самоуправление на протяжении всего времени существования университета. Они порождались субъективностью оценок друг друга, личными предпочтениями в распределении почестей и заслуг. Так было во всех странах и во все времена. Специфика российских университетов состоит в том, что плотная опека власти не сформировала у отечественных профессоров механизмов разрешения таких кризисов. В затянувшихся и трудных конфликтах они апеллировали к сановникам и получали выгодное бюрократии решение.

Корпоративные ссоры и доносы воспринимались Николаем I как просчеты или нерадение министерства. В таких случаях министр и попечители были обязаны «отреагировать», «расследовать», «наказать», «предупредить», а профессора и органы самоуправления должны были «объясниться», «отписаться», «выйти со встречными предложениями».

Судя по всему, наиболее сильной корпоративной солидарностью в 1830-х годах обладал Московский университет. Поэтому ему удавалось избавиться от чиновников, по тем или иным причинам не устраивавших профессоров. Так, посредством обращений к влиятельным лицам и писем к министру им удалось добиться отставки попечителя А.А. Писарева. Но вместо него князь Ливен назначил энергичного князя С.М. Голицына. Учитывая печальный опыт своего предшественника, он ударил по корпорации ее же оружием — письменной инициативой. Его перу принадлежит целый ряд служебных посланий к министру внутренних дел, главе III отделения А.Х. Бенкендорфу, императору Николаю I (за 1830—1831 годы)¹⁰². Используя аргументы, добытые из писем профессоров в министерство, он доказывал правительству, что настоящие профессора должны быть «кабинетными людьми науки» и заниматься ученой деятельностью. «Не им решать, — уверял

попечитель, — каким быть образованию в России, как управляться университету, и не им оценивать себе подобных. Все это прерогатива государственной власти»¹⁰³. На основании этого Голицын попытался провести сортировку профессорского состава столичного университета.

Расколота внутренними противоречиями профессорская корпорация не смогла дать отпор такому наступлению сплоченно. Часть профессоров заявила, что неплохо бы государству быть внимательнее к университету, и предложила сделать деканов «помощниками ректора в управлении хозяйственной и учебной частью университета». И только меньшая часть увидела в действиях Голицына покушение на суверенность профессорского совета и основы университетского самоуправления (А.А. Альфонский, Х.Г. Бунге, Д.Е. Василевский, М.Г. Павлов, Л.А. Цветаев). Те и другие не могли прийти к согласию даже по вопросу, должны ли конспекты лекций и проведение занятий контролировать избранные члены корпорации или это прерогатива представителей государства¹⁰⁴.

В ходе профессорского противоборства в министерство шли послания от всех заинтересованных сторон. Министра поражало согласие преподавателей реставрировать должность директора, несмотря на недавний негативный опыт Казанского университета. Значит, они либо не знали об этом опыте, либо были индифферентны к вопросам управления. Кроме того, Ливен с удивлением обнаружил, что члены профессорского совета не читают распоряжений и постановлений министерства, не знают устав и прочие государственные бумаги¹⁰⁵. Это сильнее, чем другие доводы, подействовало на него и убедило в том, что ученый не может представлять государственные интересы в университете.

Он ломал голову над тем, кому вверить надзор над учебной частью — профессорам в лице декана, ректорам или отдать на откуп попечителям? Действующим в округах попечителям было проще и естественнее самим контролировать наличие конспектов и чтение лекций. Но ведь ответственность за качество обучения была на деканах.

«Деканы избираются на три года Советом Университета из Ординарных Профессоров, — гласила инструкция министерства. — Каждый из них обязан посещать лекции Профессоров своего Отделения, наблюдать как за ходом преподаваний, так и за тем, чтобы никто из преподавателей без дозволения Совета не отступал от представленного Конспекта. Деканы обязаны представлять на рассмотрение Совету замечания свои относительно улучшения метод преподаваний и о успехах учащихся»¹⁰⁶.

Кому доверить хозяйственную часть, контроль над расходованием бюджетных денег — правлению, ректору или попечителю? Профессора откровенно чурались выполнения хозяйственных поручений, связанных со строительством и ремонтом, закупкой продуктов, дров, сена, оборудования и т.п. Выражая общее мнение по этому вопросу, профессор К.П. Паулович заверял: «Профессоры, будучи Наставниками, сверх своей Профессорской должности, не могли иметь по закону более одной посторонней при Университете должности. [...] Профессор, преподающий лекции, будучи обременен многими должностями, едва ли может и с большою трудностью все оныя исправно отправлять. При том же, такое неограничение выборных должностей между равными членами может быть причиною многих неудовольствий и ссор между членами Университетского сословия»¹⁰⁷.

Доводы в пользу усиления полномочий попечителей состояли еще и в том, что они несут ответственность за трату бюджетных средств, но вынуждены подолгу ждать принятия решения от профессорских советов. Куда проще было бы доверить решение хозяйственных дел специальным чиновникам: «непременному члену»; «обер-контролеру»; «непременному заседателю», — подсказывал министру казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин¹⁰⁸.

Какова должна быть роль ректора в университете? Кто он: первый среди равных, определяющий стратегию развития науки, или контролер, следящий за соответствием университета государственным решениям? Как ему справиться с управлением большим учреждением и с препода-

ванием становящейся все более сложной науки? «Опыт доказал, — подсказывали министру попечители, — что иногда бывает такое стечение дел и занятий принадлежащих к должности Ректора, что ему невозможно успевать и преподавать лекции и заниматься без отлагательства делами»¹⁰⁹.

Да и сами профессора уверяли министра в том, что «ректор так обременен председательством во всех присутствиях, что для других также важных, по его должности, занятий, почти нет времени»¹¹⁰. Члены корпорации жаловались, что трудно совмещать и прочие административные должности, доказывали, что невозможно преуспеть, если заниматься наукой, преподавать студентам и заседать в правлении и училищном комитете, инспектировать воспитанников, визитировать училища округа, заботиться об уровне обучения в приходских, уездных училищах и гимназиях. И в Москве, и в Казани, и в Харькове профессора и попечители исходили из разных посылок, но приходили к единому выводу о том, что преподаватели, «избираясь в члены училищного Комитета, отвлекаются от существенных своих занятий, т.е. от преподавания лекций и от ученых исследований. Между тем, — доказывали чиновники, — присутствие их в Правлении, или в Училищном Комитете не приносит большой пользы, ни большего облегчения Ректору, ибо они не знают ни хода, ни порядка дел, и ежели иностранцы, то часто с трудом понимают Русский язык»¹¹¹. «Возлагаемая на Деканов обязанность неисполнима, — вторили им профессора, — ибо не каждый Декан есть Доктор наук, составляющий факультет: по сему его надзор за преподаванием может быть только полицейский, а не ученый. [...] Надзор Деканов, за своими товарищами, не имея существенной пользы и неудовлетворяя ни мало своему назначению, может только быть поводом к неприятностям с обеих сторон»¹¹².

Все преподаватели не любили исполнять неблагоприятную должность инспектора студентов, которая была сопряжена с надзиранием, наказаниями и разбором конф-

ликтов. В связи с этим профессора предлагали либо дать инспектору помощников («педелей до четырех человек») ¹¹³, либо назначать его из иных лиц «на усмотрение попечителя»¹¹⁴.

На все эти предложения министр отвечал, что необходимо оставить прежний порядок управления согласно уставу 1804 года. Тем не менее письма были прочитаны, обобщены и учтены. На рубеже 1820—1830-х годов в недрах министерства разрабатывался проект создания унифицированной системы управления университетами империи, но отдельные изменения в существующий порядок вводились в качестве прецедента, как отклик на пожелания профессоров. Так, в 1831—1832 годах Комитет устройства учебных заведений признал необходимым передать руководство начальными и средними учебными заведениями от профессоров к попечителям¹¹⁵. В 1833 году для них были выпущены «Статьи, на которые по циркулярному предложению Управляющего министерством, попечители и помощники попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении учебных округов»¹¹⁶.

Как это ни странно, но большую гражданскую активность в эти годы стали проявлять даже не столичные, а провинциальные профессора¹¹⁷. В Харькове этому способствовали местные попечители В.И. Филатьев (1830—1834)¹¹⁸ и Ю.А. Головкин (1834—1846)¹¹⁹. Так, они инициировали обсуждение устава университета Св. Владимира. Его открытие в Киеве — давнем культурно-историческом конкуренте Харькова, с точки зрения и попечителей, и профессоров, могло нанести удар статусу Харьковскому университету. На этапе законотворчества необходимо было отстоять интересы своего учебного заведения, сделать так, чтобы прав и возможностей у него было не меньше, чем у ближайшего соседа¹²⁰. Здесь преподаватели и чиновники проявили редкое единодушие и демонстрировали согласованность действий.

Этот казус находится в ряду других, свидетельствующих об установлении сотрудничества и общих интересах представителей министерства (назначаемых из слободского

дворянства) и профессоров Харьковского университета¹²¹. Признав харьковский вариант удачным административным опытом, министерство стало и впредь назначать попечителей из местных дворян и побуждало их жить в центре учебного округа, в непосредственной близости от управляемой корпорации¹²².

А вот в Казани сотрудничества представителей государства и ученого сословия так и не сложилось. Не было этого при попечителях Александровской эпохи, не изменилось это и с приходом полковника в отставке М.Н. Мусина-Пушкина (с 1827 по 1845). Однако при нем положение в Казанском университете улучшилось, поскольку управление им сосредоточилось в руках единомышленников и родственников — попечителя и ректора. Они же представляли интересы Казанского университета в министерстве.

Очевидно, в Казани уклад жизни, определяемый культурными запросами богатых помещиков Центрального Черноземья (к которым относились попечители М.Н. Мусин-Пушкин¹²³ и В.П. Молоствов (с 1847 по 1857)¹²⁴), не породил социального равенства местных дворян и университетских профессоров. В этой связи местным попечителям было проще управлять ученой корпорацией через доверенное лицо, выдвинутое на должность ректора. При Мусине-Пушкине таковым стал профессор математики Н.И. Лобачевский¹²⁵, а при его преемнике В.П. Молостове — профессор астрономии И.М. Симонов. Мусин-Пушкин многое сделал для того, чтобы Лобачевский вошел в местное дворянское общество. Он сосватал за него свою двоюродную сестру — богатую помещицу В.А. Моисееву¹²⁶, сам стал крестным их сына Николая.

Иное дело профессора Московского университета, гордившиеся университетскими свободами и собственной независимостью. Признанные за равных в среде столичного дворянства, они смогли успешно противостоять претензиям министерских чиновников, полагали необходимым иметь «свое мнение» и имели возможность передавать его через голову попечителя вышестоящему на-

чальству. В таких условиях даже весьма просвещенному попечителю А.А. Писареву (с 1825 по 1829)¹²⁷ не удалось удержаться в должности, войдя в конфликт с ученой корпорацией. А графу С.Г. Строганову (попечитель с 1835 по 1847)¹²⁸, несмотря на дружбу с самим государем, личные заслуги в развитии искусства и науки, многие годы приходилось лавировать между профессорскими группами, поддерживать «западников» в ущерб «славянофилам».

В 1830-х годах идейным основанием реформы университетов стала утверждавшаяся в России в качестве официальной идеология «государственной нации». Ее идея исходила из западных реалий, опиралась на созданный в них комплекс представлений о культурных границах в мире. Прилагая ее к топографии имперской культуры, российские идеологи уверяли, что русскоцентричная мифология способна объединить многонародную империю в идейную общность. В этом отношении С.С. Уваров развил и научно обосновал позицию своего предшественника А.С. Шишкова. «Все иноверное российское юношество, — настаивал адмирал еще в 1824 году, — должно учиться нашему [то есть русскому] языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы»¹²⁹. Уваров насытил это эмоционально высказанное желание историческими размышлениями о соотношении особого русского пути и западного образования.

Идеологические изменения породили ревизию устава и всего законодательства, регулирующего жизнь академической университетской корпорации. В новых нормативных документах задача университета — просвещать локальную среду — была перекодирована в интеллектуальный проект создания «русской науки» и конструирования национальных традиций. Западноевропейский романтизм имплантировал в Россию метафору единого национального тела, при этом сама западная культура-донор обрела амбивалентный статус интеллектуального источника и скрытого врага. Провозгласив теорию особого пути, основанного на принципах самодержавия, православия и народности, правительство поменяло отно-

шение к западным культурным ценностям и тактику их адаптации: от прямого заимствования к критической рецепции.

Необходимость превентивных мер защиты от «покушений Запада» легализовала всеобъемлющий государственный контроль над университетской жизнью. «Чтобы пагубные мудрствования преступных нововведений не могли проникнуть в многочисленные учебные заведения, — объяснял чиновникам С.С. Уваров, — считаю священной обязанностью обратить внимание: 1) на дух преподавания в училищах и университетах; 2) на поведение и образ мыслей студентов и гимназистов»¹³⁰. Во исполнение предписания в конце 1830-х годов во всех российских школах появились военные инспектора студентов, государственные экзамены, была введена экспертиза учебных программ и текстов читаемых лекций.

Теория «официальной народности» задумывалась как некий фильтр, который защитит империю от всего неблагонадежного и идейно опасного. Применительно к университетам она применялась в качестве противоядия интеллектуальному разномыслию и инакомыслию. Поэтому министерство добивалось от профессоров не только лояльности, но и идейного подчинения. С несогласными и независимыми поступали не церемонясь. Так, если преподаватель словами или действиями подвергал сомнению *самодержавную форму правления* как идеальную и единственно верную — он исключался из университета, попадал в черные списки, распространяемые по всем университетам империи. Если преподаватель проявлял неуважение к *православию* — официальной религии России — или придерживался атеистических взглядов, он также подлежал исключению из ученого сословия. Если преподаватель был обвинен в игнорировании или неуважении к интересам «*русского народа*», его следовало уличить в неисполнении долга и подвергнуть обструкции.

В этой связи показательным является дело экстраординарного профессора Московского университета В.С. Печерина, в 1836 году командированного министерством в

Берлин «для свидания с одним весьма близким ему семейством, и в особенности, для напечатания у книгопродавца Дюмлера диссертации своей». Профессор не вернулся в Россию¹³¹. Когда в Санкт-Петербурге стало известно, что университетский преподаватель отрекся от православной церкви и принял католичество (дело обычное для Александровской эпохи), он был исключен со службы, а в 1848 году Сенат вынес решение о лишении его российского гражданства и всех прав состояния¹³². Казус Печерина показателен как иллюстрация утверждения в российских университетах национальной идентичности, потребовавшей прикрепления ученого к месту и патриотизма этого места.

Примером политической гибкости университетов, позитивной реакции профессоров на изменение официального отношения к западной культуре служат обстоятельства избрания киргизского хана Джангира Букеева почетным членом Казанского университета (1840). До этого данное звание в российских университетах получали только западные ученые и политики. Обсуждение носило открытый, дискуссионный характер, в ходе которого выявились противники «восточного представительства» в университете. В этой связи обоснование инцидента было поручено востоковеду с мировым именем, немцу по происхождению, профессору Ф.И. Эрдману. Он напомнил коллегам, что, во-первых, хан является «значительным лицом, *удостоенным высочайшего внимания* [курсив наш]», а во-вторых, он почти европеец, поскольку «отличается во всех отношениях пред своими соплеменниками своим образованием и просвещением», к тому же он «оказал свое покровительство ученому сословию и заведению Императорского Казанского университета значительным пожертвованием весьма важных рукописных сочинений»¹³³. Так отечественные интеллектуалы приняли участие в правительственной инициативе по перемене пространства цивилизации и варварства, поддержали верховную власть в стремлении интегрировать российский Восток в зону просвещения.

Конечно, с самого основания университетов профессора были вынуждены поступаться многими своими убеждениями и взглядами, сообразовывать их с интересами имперской власти. Но с середины 1830-х годов правительство взяло курс на последовательное искоренение идейной автономии интеллектуалов. Подписывая обязательство не вступать в тайные общества¹³⁴, посещать церковные богослужения в университетских храмах¹³⁵, носить форменный костюм, утвержденный правительством¹³⁶, предоставлять конспекты лекций и программы занятий на проверку, а тексты исследований на цензуру, профессора («чиновники университета» по бюрократической терминологии) доказывали свою лояльность государственной власти.

Утрату перечисленных выше свобод министерство компенсировало профессорам приглашением к сотрудничеству в деле организации корпоративного управления. В николаевское правление просвещенная бюрократия не раз обращалась к университетам за советом и предложениями по этому вопросу. И каждый раз такие обращения вызывали наивный оптимизм со стороны университетариев. Очевидно, многие верили, что их мнение будет учтено бюрократами и что их доводы смогут убедить министерство. Эта вера побуждала профессоров проводить трудоемкую аналитическую работу: собирать статистические сведения о школах, обобщать исторический материал по Российской империи, составлять на их основе прогнозы развития образования. В результате министерство получало «записки», которые содержали готовый анализ уставов, современного состояния университетов, предложения по их усовершенствованию, в том числе пожелания избавить профессоров от всевластия бюрократии (!).

Кроме того, чиновники министерства считывали с них дополнительные непрописанные сведения. Например, они убедились, что не существует взаимодействия университетских советов, и даже нет согласия между профессорами внутри одного совета. Они выяснили, что университетское пространство страны сегментировано, что оте-

чественные университеты не представляют собой единой корпоративной общности¹³⁷. Полученные с мест предложения имели локальный характер, противоречили одно другому, содержали взаимоисключающие советы. Таким образом, у министра была возможность выбрать из собранного массива любой вариант решения или вообще отказаться от всех. Так, обсуждая с профессорами проект устава 1835 года, Уваров посчитал более важным по этому вопросу мнение опытного правоведа М.М. Сперанского¹³⁸. А проведя своеобразный мониторинг университетского мнения, министр положил в основу всероссийского устава разработанный им самим устав университета Св. Владимира.

В нем попечитель был назван «начальником университета и его учебного округа», который «во всех частях строго наблюдает, чтобы подчиненные ему места и лица исполняли неупустительно свои обязанности; обращает особенное внимание на способности; усердие и благонравие профессоров и других чиновников, принимая в тоже время меры к прекращению всякого рода беспорядков» (§ 5). При обсуждении проекта попечители сочли такую формулировку излишне «мягкой» и добились её изменения. Окончательный вариант звучал следующим образом: «Как начальник и хозяин университета и его учебного округа, попечитель употребляет все представленные ему сим Уставом средства к приведению в цветущее состояние вверенные ему заведения, строго наблюдая, чтобы места и лица исполняли неупустительно свои обязанности»¹³⁹.

Одним из наиболее последовательных сторонников усиления власти попечителей был Мусин-Пушкин: «Попечитель как чиновник, которого нравственность, образ мыслей, познания достаточно известны высшему правительству, — убеждал он министерских чиновников, — [...] обязан не только безпрестанно наблюдать за ходом и направлением учения, за нравственностью учащихся и учащих, за управлением Главных учебных начальств, как-то ректора, директоров и инспекторов училищ [...] нужно

точно определить его власть, права и обязанности в отношении к местным лицам управления его вверенных»¹⁴⁰. В связи с этим он соглашался с проектом Уварова и признавал, что «в уставе Университета Св. Владимира, §§ 5, 7 и 9, обязанности и права попечителя изложены достаточно. Особенно право председательствовать в потребных случаях в Совете и Правлении, полезно»¹⁴¹.

Параграфом 12 устава университета Св. Владимира предполагалось введение должности Синдика — «избираемого из посторонних чиновников и утверждается [...] министром; он управляет канцеляриею Совета и присутствует в заседании оного». Попечители не остались равнодушными и предложили свою интерпретацию данной статьи: «Синдик имеет надзор за канцеляриею Совета и присутствует в заседании оного. Он обязан наблюдать, чтобы дела в Совете производились установленным порядком, и решения были согласны с законами».

Казанский попечитель считал неизбежным появление университетской бюрократии: «Поручение постороннему чиновнику главного надзора за канцеляриями университета, — писал он, — освобождение профессоров от должности секретаря Совета, дадут возможность устроить надлежащим образом Канцелярию, уменьшить переписку и ускорить ход дел; ибо ответственность по течению и порядку дел и Канцелярий будет лежать тогда на чиновниках, другими должностями уже незанятых. Избрание синдика *попечитель* просит предоставить *ему*» [выделенные слова в тексте подчеркнуты — авторы]¹⁴².

С тем, что по причине увеличения числа кафедр и преподавателей, выделения новых учебных дисциплин, требования правительства проводить научные исследования и большой отчетности перед министерством, университетская корпорация не в состоянии справиться с управлением без участия в этом специальных чиновников, были согласны все: и профессора, и правительство. Это и было реализовано в уставе 1835 года и в «Положении об учебных округах»: «Убедились Мы в необходимости освободить Университеты Наши от управления Гимназиями и

училищами Учебных округов, столь несовместного с умножением деятельности высших учебных заведений, и учредить на сей конец новый порядок зависимости и отношений, ближайший к существенным пользам учебной части в Империи»¹⁴³. Преимущество такого порядка виделось «в единстве власти и ответственности, в простоте управления и возможности обозревать училища». Внедрив его в практику университетской жизни, попечитель обрел целый штат дополнительных чиновников, образовывавших его совет¹⁴⁴. Занимавшийся ранее школьными делами училищный комитет был за ненадобностью упразднен. Это был самый сильный удар правительства по цивилизаторской идентичности русских профессоров.

Почему российские университеты так легко соглашались расстаться с пусть и ограниченной, но все же автономией? Почему никто из отечественных профессоров даже не ставил под сомнение право попечителя руководить университетом и округом? Вероятно, объяснение в том, что за первую четверть XIX века университетские люди не только утвердили свой сословный статус, но и разочаровались в ценностях университетской демократии и автономии. Желание получить время и условия для исследовательской работы, для частной жизни, для учебных экспериментов, а также страх оказаться жертвами «тирании большинства» побуждало их смириться с бюрократическим наступлением на университет. Каждый отстаивал только личную свободу и пространство, не заботясь о корпоративных интересах. В этом смысле «ученого сословия» с сословным сознанием, коллективными интересами и согласованными действиями в России не сложилось. Отечественный университет не прошел через традицию отстаивания корпоративной чести перед лицом прочих сословных групп.

В то же время пришедшие в университетское сообщество извне попечители по-разному ощущали себя в нем (иногда в качестве покровителей, иногда — контролеров, иногда — друзей, иногда — антропологов в племени). Но, независимо от личных ощущений и идентичности, они

как группа высокопоставленных чиновников обладали более четко выраженными групповыми интересами, нежели профессора. Поражает единство их действий и мнений, проявлявшееся в разных политических условиях и обстоятельствах. Их заинтересованность состояла в том, чтобы получить в полное распоряжение учебную и хозяйственную стороны университетской жизни. Такое встраивание «русских университетов» в государственную машину отразилось и в новом их определении. Согласно уставу 1835 года университет — это государственное учреждение (а не «ученое сословие»), состоящее из «определенного числа факультетов», а также совета и правления (п. 1, 2).

При всем том формально коллегиальное управление в университете сохранилось и даже расширилось. Состав профессорского совета был увеличен за счет экстраординарных профессоров. Одновременно более жесткой стала процедура принятия решений на нем: совет считался полномочным только при наличии кворума ($\frac{2}{3}$ всего состава) (п. 24). В заседания вводился элемент субординации — «первые места после ректора занимают деканы; прочие присутствующие заседают по факультетам, наблюдая старшинство в Профессорском звании» (п. 25). Создавая иерархии внутри университета, государство боролось с негативными сторонами корпоративного поведения: хроническим отсутствием на заседаниях, опозданиями и конфликтами.

Весьма четко Уваров определил компетенцию совета и правления. Их по-прежнему возглавлял ректор, избранный из числа ординарных профессоров, сроком на четыре года (п. 61). На него возлагалась общая ответственность за выполнение преподавателями и студентами своих обязанностей (п. 62). В связи с этим он получил право применять меры дисциплинарного воздействия на тех, кто уклонялся от выполнения служебных поручений.

Совет избирал новых членов корпорации (ректора, почетных членов, профессорско-преподавательский состав); решал вопросы учебного процесса; а также свя-

занные с научными проектами и возведением в ученые степени; распоряжался учебными и вспомогательными пособиями и заведениями при университете и, наконец, рассматривал предложения попечителя (п. 30). Практика была такова, что вначале эти вопросы обсуждались советами факультетов. Лишь после этого они передавались на рассмотрение совета университета для вынесения окончательного решения.

По мере укрупнения университетов, расширения преподавательского состава и числа обучающихся вырос и состав его представительных органов управления. Харьковский попечитель Головкин считал, что чем больше совет, тем легче им управлять¹⁴⁵. Однако бурное обсуждение кандидатур свидетельствовало об обратном¹⁴⁶. Другой харьковский попечитель, генерал-адъютант С.А. Кокошкин (с 1847 по 1856), был раздражен многочасовыми великоречивыми, малорезультативными с его точки зрения заседаниями многочисленного совета. То, на что щедро расходовал свое время вечно занятой профессор (длинные обсуждения, убеждения, многократные выступления, заслушивание чужого мнения, голосование и прочее), военным и чиновным людям казалось непроизводительным времяпрепровождением. В лучшем случае они завидовали «мирной и тихой жизни профессоров»¹⁴⁷, в худшем — возмущались пустой тратой в университете казенных денег.

Человек простой и прямолинейный, Кокошкин предлагал: «1. постоянные заседания совета отменить. 2. все дела, составляющие ныне предмет занятий совета, кроме немногих, [...] предоставить Правлению Университета. 3. факультетские собрания оставить при настоящих правах и обязанностях, с тем, чтобы они по всем делам были в таком же отношении к Правлению, как ныне состоят к совету Университета»¹⁴⁸.

Правление не имело жесткого регламента и собиралось по мере надобности. После передачи хозяйственных и полицейских дел в ведение попечителя круг забот у членов правления значительно сократился. В его полномо-

ях остались только «благочиние» и «содержание зданий в чистоте и предохранение их от опасности огня». Ректор, казначей и эконом отвечали за расход хозяйственных сумм университета, но министерство жестко оговорило, куда и сколько можно было тратить самостоятельно. Любые расходы на сумму свыше 500 рублей требовали разрешения попечителя, а на сумму свыше 1000 рублей — министра (п. 41). Ректор должен был решать внутренние споры «миролюбно», а уголовные преступления и споры об имуществе — «по исследованию в Правлении» подлежали передаче в судебные места. Помощь ректору в контроле над нижними служащими университета оказывал экзекутор (п. 45). Таким образом, свобода финансовых решений и внутренний суд были сведены к минимуму.

Ключевой фигурой в университетском самоуправлении оставался ректор. Но теперь у него не было смешанной идентичности и зависимости от выбравших его коллег. Уставом был предусмотрен согласительный характер назначения ректора с министерством. Каждый раз кандидатура избранного ректора должна быть одобрена министром. Насколько важным считали попечители избрание подходящего им ректора — свидетельствуют делопроизводственные документы. Так, в начале декабря 1841 года помощник харьковского попечителя Н.А. Цертелев докладывал министру о «неудовлетворительном характере» выборов, который выражался в том, что «ни один не получил большинства избирательных против неизбирательных балов» даже при повторной баллотировке¹⁴⁹. Чиновник доводил до сведения начальства, что повторные выборы из кандидатов первого состава были прямым нарушением устава. В таком случае ректор должен был быть назначен министром.

В обязанности ректора входило исполнение предписаний попечителя и министерства. Тем самым на него возлагалась личная ответственность за университетское сообщество. Дальше все зависело от избранной личности. Кто-то с гордостью брался за это бремя и успешно справлялся с преподавательской, научной и административной

деятельностью. Таких в истории российских университетов были единицы. Много было тех, кто тяготился этой должностью и решал для себя дилемму: наука или администрирование? Были и те, кто становился жертвой пограничья между коллегами и властью. Часть ректоров смягчали строгость полученных из министерства предписаний необязательностью их исполнения¹⁵⁰. Но были и формалисты, добивавшиеся авторитета среди коллег угрозами и реальными репрессиями. Бывшие студенты Московского университета вспоминали частые появления ректора на занятиях в 1830-е годы. По их результатам лектор мог быть отстранен от должности: в «двух-трех лекциях истории философии» И.И. Давыдова было усмотрено «свободомыслие»¹⁵¹.

Общим итогом введения устава 1835 года стало перекодирование университетского самоуправления в коллегиальное управление. Его осуществляли назначенные чиновники просвещения — профессора, деканы, ректор. Назвать эту систему саморегулирующимся организмом, корпоративной автономией не мог уже никто даже риторически.

Бюрократизация университетской жизни

В 1840–1850-х годах развитие «русских университетов» пошло по пути их интенсивной бюрократизации. Этот процесс имел две стороны: 1) расширение сугубо бюрократических процедур во всех сферах университетской жизни и 2) отчуждение бюрократического аппарата от потребностей академического сообщества. Нарастание слоя бюрократии было связано с интенсивным разрастанием университетов, усложнением их учебной и исследовательской структуры, с процессом специализации и появлением новых научных дисциплин, с одной стороны; и с революционной фобией, охватившей правительственные круги после 1848 года, с другой. Николай I уповал на зависимых от верховной власти чиновников как на пана-

цею от революционной заразы. Его веру поддерживали министр народного просвещения С.С. Уваров, а затем и его преемник П.А. Ширинский-Шихматов (1850–1853).

Данные тенденции прослеживаются по документам всех трех университетов. Казанский университет после тяжелого пренатального периода и экспериментов Магницкого в попечительство Мусина-Пушкина испытал расцвет. Сам монарх и министерские чиновники признали это во время проверки Казани в 1836 году¹⁵². Изменения к лучшему отмечали посещавшие университет гости и путешественники (в частности, об этом писал брат немецкого реформатора Александр фон Гумбольдт¹⁵³). Отставной полковник Мусин-Пушкин педантично исполнял предписания министерства по упорядочиванию университетской жизни, по размещению правительственных заказов на исследования, ревностно следил за благонамеренным духом студентов и преподавателей, освобождая тех и других от корпоративной ответственности, контролировал учебные заведения округа, расход бюджетных средств, редактировал инструкции для экспедиционных исследований. Для этого ему понадобился целый штат чиновников в канцелярию и совет попечителя. Благодаря им в университете воцарился армейский порядок, дисциплина и унификация.

Харьковский университет был поручен управлению генерал-губернатора. В 1846 году император передал это генерал-адъютанту князю Н.А. Долгорукову¹⁵⁴. Инициатива такого назначения принадлежала Уварову¹⁵⁵. Можно было бы предположить, что данное решение связано с личностью Долгорукова, но министр не отказался от него даже после известий о смерти своего протеже. После недолгого управления округом помощника попечителя князя Н.А. Цертелева (с 1847 по 1848)¹⁵⁶ попечителем стал С.А. Кокошкин¹⁵⁷ — преемник князя Долгорукова на генерал-губернаторской должности. При нем сильно изменился характер отношений университетской корпорации Харькова с представителями государственной власти. Из них исчезли нотки станичного приятельства, харак-

терные для Карнеевых. Современники признавались, что генерал-губернатор ввел в университете «николаевские порядок и дисциплину»¹⁵⁸. Как Мусин-Пушкин в Казани, так и Кокошкин в Харькове заботились о ремонте и чистоте учебных зданий и общежитий. Больше, чем успехи на занятиях, попечителей волновал внешний вид студентов — стрижка, наличие или отсутствие усов, очков, опрятность форменного мундира.

Успехи министерства по «милитаризации» и «бюрократизации» университетов одобрялись императором. Более того, после 1848 года Николай I счел, что избрание ректора — лишнее и обременительное дело. «Соединение в одном лице непосредственного начальства над университетом и преподавания по званию профессора не соответствует вообще пользе сих высших учебных заведений», — заявил он¹⁵⁹. Отныне ректор назначался министром и утверждался на неопределенный срок императором. Его деятельность считалась «учебной службой», за ним сохранялось звание профессора, но это не предполагало преподавания и занятия наукой. Тогда же появилось распоряжение, согласно которому деканы могли быть в любой момент сняты со своей должности министром. При таком положении вещей избранные на эту должность профессора понимали тщетность своих административных усилий и, как правило, были пассивными. А назначенный ректором преподаватель довольно быстро утрачивал связь с учебным процессом, выбивался из научной среды и превращался в функционера с профессорской степенью и докторским дипломом.

Примером тому — судьба профессора Казанского, а затем Харьковского университета К.К. Фойгта, который снискал себе славу сначала в качестве умелого составителя отчетов¹⁶⁰, а затем как успешный и дипломатичный ректор в Харьковском университете (1853). Далее его карьера развивалась в качестве помощника попечителя, а с 1863 года он стал попечителем учебного округа. Закончил Фойгт службу в должности председательствующего Ученого комитета Министерства народного просвеще-

ния¹⁶¹. Занятия бюрократическими обязанностями заставили его отказаться сначала от научной, а спустя какое-то время и от учебной деятельности. И хотя он еще несколько лет читал лекции, но, по свидетельству студентов, «написанные им со времени принятия им [...] кафедры, не смотря на свою полноту, [они] были слишком сухи. У него было слишком много других должностей, так что он не имел времени их улучшать»¹⁶².

Озвученные при обсуждении устава 1835 года пожелания профессоров избавиться от административных забот были исполнены верховной властью в полной мере. Однако это не принесло университетским людям желаемой свободы преподавания и исследования. Напротив, никогда профессора в России не были так несвободны в этом, как после освобождения от самоуправления.

Бюрократизация университетской жизни лишила и преподавателей, и студентов былой мотивации осваивать науки и извлекать новые истины, привела к снижению профессиональных стандартов. В российских университетах появились и были терпимы профессора, подобные харьковскому П.П. Артемовскому-Гулаку, лекции которого «возбуждали смех и служили пищею для остроумных пародий. [...] Вреда они не приносили и вредно не влияли, потому что тогдашняя молодежь, имевшая уже лучших, благороднейших руководителей, переросла кругозор Артемовского [...]; в ту пору, сверх того, уже начали появляться труды молодых ученых — Соловьева и Кавелина, которых он игнорировал. Артемовский-Гулак был вреден не своими невинными лекциями, а как представитель чиновной, казенной учености [...] он не был ученым и на профессию смотрел как на карьеру к отличиям и почестям. На лекции он являлся весь увешанный орденами и перстнями, полученными им за службу в Харьковском и Полтавском институтах, которых он считался каким-то членом»¹⁶³.

Европейские революции 1848 года убедили верховную власть России в том, что знание имеет политическую силу. Есть знание полезное для государства и его стабиль-

ности, и есть знание вредное, разрушительное. Карикатурным отражением такой установки является ставшее широко известным послание генерал-губернатора и попечителя С.А. Кокошкина в Харьковский университет. «Следить за тем, — приказал он ректору, — чтобы в умах студентов не оставалось впечатления от лекций профессора Мицкевича» (брата знаменитого поэта, читавшего в Харькове римское право)¹⁶⁴. В эти годы стало обычным, что чиновники разного ранга сидят в университетской аудитории среди студентов и делают записи по ходу занятия. Сам министр Уваров ходил на лекции в Московский университет и приглашал к себе домой профессоров для чтения отдельных лекций¹⁶⁵.

Желание контролировать идеи и мысли является самым заветным желанием любого администратора. В истории российских университетов оно проявлялось в виде борьбы чиновников за контроль над содержанием лекций. Это была та плохо просматриваемая извне зона, которую каждый из них мечтал бы ликвидировать. Попечители разных времен и округов придумывали искусные средства, чтобы превратить общение профессора со студентами в подконтрольный письменный текст. В 1820-х годах они проверяли студенческие записи и на их основании устраивали политические процессы над преподавателями. В 1830-х годах харьковские попечители предлагали учить студентов по «Краткому Энциклопедическому обозрению», которое профессора должны написать по своим кафедрам, получить разрешение цензоров и издать. А студентам предлагалось принудительно купить это обозрение. Заседавший в те годы в министерстве академик Н.И. Фусс выступил решительно против такой инициативы. Он заверил министра, что издание подобных вещей скорее вредно, чем полезно. «Каждый профессор, — доказывал он, ссылаясь на западные университеты, — должен иметь для руководства хорошую учебную книгу, содержащую всю систему его науки и соответствующую требованиям Университетского курса». В случае неимения «удовлетворительной» книги профессор должен ее сочинить,

«изложив в оной точное обозрение всей науки с достаточным объяснением существа всего учения». Вот этой книгой и надо снабдить студентов, чтобы на лекции они только записывали «изустные примечания, объяснения и дополнения Профессора»¹⁶⁶.

Эти рассуждения выглядели замечательными с точки зрения науки и образования, но уязвимыми для интересов полицейского государства. Министерству все же хотелось проверять что-то более конкретное, а потому оно добивалось от профессорских сообществ трансляции согласованного нормативного знания. В связи с этим министр предложил собирать с профессоров всех университетов конспекты лекций, выбирать из них лучшие и, напечатав «в виде классических книг, раздать студентам»¹⁶⁷. То ли из-за реорганизации министерства, то ли по причине задержки с присылкой в Санкт-Петербург лекционных текстов, данный план тогда осуществить не удалось.

Устав 1835 года требовал, чтобы во время лекции профессора точно следовали утвержденной в министерстве программе своего курса. Но собрать их чиновники смогли только к концу 1840-х годов, и то только по «Политическим и Юридическим наукам». Проверив программы Харьковского университета, министр потребовал, чтобы преподавание по этим дисциплинам велось по программам профессоров Санкт-Петербургского университета¹⁶⁸. Претензию о несоответствии лекций утвержденной программе могли высказать как начальство, так и студенты. Так, именно на основании жалобы воспитанников ректор Московского университета в 1858 году обвинил профессора Н.А. Варнека в «неудовлетворительности преподавания».

И хотя в 1840-х годах студенты литографировали профессорские лекции и использовали эти издания в качестве учебного пособия¹⁶⁹, власти не доверяли точности их записей. 23 января 1851 года в университеты пришла новая инструкция¹⁷⁰, в которой министерство потребовало от ректоров усиления контроля «за духом и направлением

преподавания». В этом деле ректору обязаны были помогать выборные деканы, которых принудили вести обсуждение учебных планов в отделениях, прочитывать конспекты лекций своих коллег и проверять их соответствие утвержденной в министерстве учебной программе. В случае обнаружения малейших несоответствий конспекта и программы декан должен был доложить ректору, ректор — совету университета, попечителю учебного округа и министру.

Согласование со всеми этими органами и лицами требовалось и в случае внесения каких-либо улучшений в учебную программу. Понятно, что это отбивало у преподавателей всякое желание менять и совершенствовать лекции, привносить в занятия какие-либо инновационные элементы. Яркой иллюстрацией последствий этого являются студенческие воспоминания о том, что в 1850-х годах в Московском университете «диктовал» свои лекции по законоведению студентам «не юристам» профессор кафедры политической экономии и дипломатии Н.С. Васильев — «по тетрадке», «сказывая, где нужно какие ставить знаки препинания»¹⁷¹.

Очевидно, решение наделить ректора и деканов полицейско-репрессивными функциями связано с непониманием попечителями и их помощниками содержания лекций и прочих научных текстов. Устав 1835 года расширил исследовательские возможности университетов, позволил им открывать новые отделения, вводить новые научные дисциплины. А зарубежные стажировки и правительственные заказы на исследования способствовали интеграции России в мировую науку. Соответственно, транслируемое в университете знание перестало быть популярным, становилось все более специализированным, требующим для понимания особых навыков и подготовки. Пришедшие в университет с военной или канцелярской службы люди признавали свою неспособность отделить в прочитанном «полезное» от «ненужного» и даже «опасного». Возможно, в частных беседах министра с профессорами Московского университета ему была

подсказана мысль о том, что качественно оценить содержание знания могут только сами ученые.

Во всяком случае, в условиях политической опасности и нестабильности правительство сочло систему внутреннего контроля и круговой поруки наиболее релевантной формой управления университетами. Для политической власти в ней было два очевидных преимущества. Во-первых, «свой скорее распознает своего». А во-вторых, обязательство доносительства должно было расколоть корпорацию на отдельных членов, где каждый подозревает и боится каждого. С позиции политической паранойи, правительству в те годы были опасны любые групповые интересы и любые формы корпоративной или идейной общности. Оно предпочитало иметь дело с отдельными, разрозненными служащими.

Следуя этой логике, бюрократы не видели ничего предосудительного в системе официального соглядатайства. Согласно официальному заявлению, данная мера должна была прекратить «хаос», который царил в преподавании курсов и дисциплин, способствовать созданию упорядоченной системы знаний (отбора необходимых фактов, формул, цифр) и содействовать «к предупреждению зла, а если оно возникнет, к прекращению его в самом начале» (п. 18 Инструкции).

Получившая власть и доминирование в университете бюрократия добивалась управления посредством письменных технологий властвования. Конспект, программа лекций, учебные планы перестали быть вспомогательным средством для лектора. Они превратились в главное мерило его соответствия должности. Не только молодые адъюнкты, но и маститые профессора боялись проверок своих учебных записей. О.М. Бодянский в письме к С.П. Шевыреву писал: «Мне бы хотелось услышать от Вас, если только Вы будете так добры, кто Вам поручил сказать мне доставить свое Исповедание Славянской веры? Министр, Попечитель, Ректор? Нет, почтеннейший и добрейший Степан Петрович, после этого Вам и

прочим сотоварищам моим расти, а мне *малиться* [выделено в тексте подчеркиванием — авторы]»¹⁷².

Деканы и ректоры университетов отправляли в министерство пухлые отчеты, в которых писали «о духе и направлении преподавания». По мнению профессора Ф.И. Гана, декана медицинского факультета в Харькове, от успешности преподавания зависит успешность студентов, причем само наличие таковых уже говорит о том, что преподавание успешно. «Неудовлетворительные» же студенты — не прилежны, а соответственно, не могут дать повода для суждений о качестве учения¹⁷³. Из года в год деканы представляли власти преподавание на собственных факультетах как имеющее «достохвальное направление», «по объему полное, по ходу, духу и направлению правильное и вполне благонамеренное»¹⁷⁴, «по ходу своему — постепенное, по объему полное по цели и направлению весьма благонамеренное»¹⁷⁵. На их основании об успехах университетов докладывал императору министр С.С. Уваров. Что же касается недостатков, то в одном из отчетов харьковский ректор объяснял их так: «Некоторые недостатки [...] неизбежны при том обширном плане, по которому распределено Университетское воспитание, зависели, частью от незамещения некоторых кафедр, частью от невозможности применять всегда преподавание к ближайшим потребностям значительного числа разнородных слушателей, а частью от неполноты учебных пособий»¹⁷⁶.

И только в мемуарах профессора и студенты признавались, как пагубно уваровская система сказалась на университетском преподавании, как мало было хороших лекторов и преданных педагогов. Даже после отставки Уварова в 1849 году устное выступление с кафедры долгое время рассматривалось как гражданский подвиг и вызов властям. Обычно в таких случаях конспект, приготовленный профессором на случай проверки, еще лежал на самом видном месте: на кафедре или подоконнике. А сам лектор либо делился со студентами исследовательским опытом,

либо знакомил их с новинками западной научной литературы.

На контрасте с обычаем зачитывать на лекции конспекты многолетней давности новая учебная практика вызвала бурную эмоциональную реакцию у студентов. Ни изъязы речи лектора, ни строгие циркулярные предписания министерства не останавливали аплодисментов. Студенческие воспоминания оставили нам много тому свидетельств. Вот одно из них. По окончании лекции А.П. Щапова «онемевшая толпа расступилась перед ним с инстинктивным почтением. Несколько секунд в зале длилась мертвая тишина, но вдруг, как гремучий удар летней грозы, разразился страшный гром рукоплесканий. Это продолжалось с минуту, толпа не двигалась с места, продолжая рукоплескать. Профессора и попечителя делали то же. Потом начались какие-то восторженные крики, наконец ко всему этому присоединился оглушительный треск мебели, ломавшейся под напором толпы, устремившейся наконец вслед за профессором. Некоторые неистово стучали в пол стульями и ногами. Все куда-то спешили, бежали, сами не зная, куда, и думаю, не прошло полчаса, как весь город знал о необычайном событии, совершившемся в университете»¹⁷⁷.

Любые несанкционированные действия в университете чиновники считали опасными для собственной власти и объявляли их угрозой государству и спокойствию империи. И так было не только в конце правления Николая I, но и при «царе-освободителе». Так, в 1858 году студентам было запрещено проявлять любые знаки одобрения или порицания лекций профессоров, под угрозой исключения всех, вне зависимости от того «какое бы ни было число виновных»¹⁷⁸. Сведения об аплодисментах в аудиториях порождали подозрения у чиновников и желание наказать успешных ораторов. Этим вызваны такого рода тексты, как, например, запрос на имя попечителя Д.П. Голохвастова от московского генерал-губернатора А.А. Закревского «Об образе жизни и мыслей профессоров

Грановского, Кудрявцева и Соловьева, а также о духе и направлении их лекций»¹⁷⁹.

Конечно, государственный контроль над качеством преподавания в университете имел не только негативные последствия. В частности, он позволял выявлять и отсеивать наиболее одиозных и невменяемых профессоров. Так, когда студенческие конспекты лекций профессора ботаники В.М. Черняева были прочитаны деканом, а потом ректором и чиновниками министерства, то, по словам учащихся, они «сначала не верили возможности подобных чтений». «Черняев сразу очутился в опале у высшего начальства; — вспоминал Н. Леваковский, — потребовали от него представлений программы, [...] навели, заодно, справку о его ученой степени; оказалось, что таковой он не имеет (он имел только звание лекаря). Попробовал он написать программу, но, как человек, не привыкший к писанию, остановился на первой же строке. То же последовало и с требуемым отчетом. А тут, кстати, подоспел срок какого-то пятилетия, и Черняев был уволен от службы за выслугой лет»¹⁸⁰.

Поскольку, в отличие от профессоров, российские студенты обладали корпоративным мышлением, то обретенный опыт борьбы за свои интересы быстро становился достоянием всех университетов. В середине 1850-х годов, в условиях политического кризиса власти и смены правительства, студенты широко пользовались возможностью выбора профессоров для себя. В январе 1858 года 70 казанских студентов обратились к руководству университета с жалобами на чтение лекций профессора В.Ф. Берви. После административной проверки старый профессор подал в отставку «по домашним обстоятельствам», а управляющий округом и ректор «не нашли никаких препятствий» для удовлетворения его просьбы¹⁸¹.

Студенты критиковали своих наставников за незнание, за плохое владение русским языком¹⁸² или лекторским искусством¹⁸³, за леность и опоздания, за непоследовательность изложения¹⁸⁴, за театральность и наигран-

ность¹⁸⁵, за переизбыток чувств¹⁸⁶ и много еще за что. Так, студент Н. Леваковский даже спустя годы вспоминал, что «профессор минералогии и геогнозии Н.Д. Борисяк упростил лежавшие на нем, как на лекторе, обязанности до последней степени: он прямо не являлся в университет, а если когда и приходил (вероятно, от скуки), то лекции все-таки не читал под каким-нибудь предлогом (вроде того, что “погода располагает более ко сну, нежели к минералогическим занятиям”))»¹⁸⁷. Другим примером критики служат записи И.М. Любарского. «Оттянув полчаса, — рассказывал он о профессоре И.О. Калениченко, — он приходил на кафедру, вынимал из кармана вместе с платком книжку без переплета и, придерживая ее ниже кафедры, чтобы не было видно, монотонно прочитывал с отмеченного листа несколько страниц. Отбыв эту скучную барщину, Калениченко спешил к больным на практику, которой, по-видимому, отдавал все свои заботы и свое время»¹⁸⁸. Профессору Харьковского университета В.А. Якимову досталось от студентов за стремление поговорить с ними на отвлеченные бытовые темы¹⁸⁹.

В историографии студенческие нападки на профессуру получили определение «обструкций». Исследователи отмечают, что на рубеже 1850—1860-х годов они стали университетской повседневностью. В Казанском университете они имели вид борьбы со старостью и отсталостью, в Харькове — с некомпетентностью. Но даже если и так, у этого явления есть и другая сторона. Очевидно, критическая оценка учащимися своих наставников, вылившаяся в ряде случаев в откровенную агрессию, была следствием, с одной стороны, очевидного даже для студентов снижения уровня преподавания; а с другой — процесса объективации профессоров в университетской жизни. Сначала добровольно отказавшееся, а потом и отстраненное от рычагов управления университетом, профессорское сословие распалось на отдельных профессоров, утративших в силу такой атономизации весомую долю власти-влияния на своих воспитанников. В результате субъектами университетской жизни в эти годы стали от-

чужденные от академической жизни чиновники и студенты. Профессора же оказались между молотом и наковальней.

Однако неповиновение студентов отразилось не только на участи профессоров. Это был системный дефект модели «русского университета». Он делал неисправным весь механизм производства в них. Назначенные императором и министром попечители, ректоры, деканы, инспекторы и субинспекторы, а также многочисленные чиновники канцелярий и попечительского совета не справились с главной задачей — не могли обеспечить спокойствия и уважения младших к их начальству. Студенты все более открыто демонстрировали неповиновение всем представителям власти в университете: требовали увольнения инспектора В.И. Ланге в Казанском университете¹⁹⁰; выступали против назначения Г.А. Катакази попечителем в Харьковский университет¹⁹¹.

Массовые исключения студентов из университетов, наказания, аресты и рекрутчина не меняли ситуации, а только усугубляли ее. Тогда министерские бюрократы бросились бороться со студенческой корпоративностью: из университетских зданий были выселены казеннокоштные студенты и распределены по частным квартирам¹⁹²; а в 1860 году был отменен студенческий мундир — один из признаков студенческой идентичности¹⁹³.

Но настоящее падение власти университетской бюрократии произошло тогда, когда студенческие «бунты» поддержали профессора. Наверное, первым таким актом корпоративного единения против всевластия бюрократии стала Куртинская панихида в Казани «по невинно убиенным крестьянам» — жертвам Бездненского волнения апреля 1861 года. Тогда студенческий протест поддержал и возглавил преподаватель местной Духовной академии и университета А.П. Шапов, что стало известно во всех университетах России¹⁹⁴.

В этих условиях некогда престижная должность министра народного просвещения стала обременительной и опасной. В период Великих реформ министры недолго

задерживались в этом кресле. Циркуляр Е.В. Путятин о запрете студенческих собраний породил очередную волну беспорядков, закрытие Санкт-Петербургского университета и отставку автора. Возглавивший в 1862 году это беспокойное ведомство А.В. Головнин констатировал глубочайший кризис, охвативший российскую университетскую систему.

Итак, анализ архивных фондов и опубликованных законодательных актов выявил следующие тенденции в адаптации университетской автономии в России первой половины XIX века.

В правление Александра I верховная власть реализовала намерение сделать империю страной университетов. Придуманная правительством синкретичная модель воспроизводила различные элементы моделей западных университетов и государственных форм управления ими. В первое десятилетие существования российских университетов их самоуправление было в значительной степени имитацией принципов европейской корпоративности. Реальных оснований и потребности в ней у нанятых на службу преподавателей, похоже, не было.

Трудности приживания университетов в условиях российской провинции, а затем и кризис прусских университетов конца 1810-х годов заставили правительство задуматься над органичностью импортированной в Россию модели образования. Критический настрой ответственных сановников способствовал проведению в 1819–1826 годах эксперимента по имплантации в светские университеты принципов конфессионального обучения. Сильнее всего эксперимент тогда затронул Казанский и Санкт-Петербургский университеты.

Классическая модель университета в версии Вильгельма фон Гумбольдта оказала сильное влияние на Россию. Правительственные чиновники увидели в ней то, что хотели увидеть: возможность государственного регулирования университетской жизни, а также использования интеллектуального потенциала университета для получения нового знания, полезного для Российской империи.

То и другое стало направлениями университетской политики правительства уже в конце царствования Александра I и активно насаждаться в правление Николая I.

При всем том, оптимизируя управление университетами, реформаторы Николаевской эпохи опирались не только на абстрактный западный опыт, но и на накопленный свой. Имевший многолетний опыт руководства Академией наук, Санкт-Петербургским университетом и службы в Главном правлении училищ С.С. Уваров предложил верховной власти отказаться от прямого копирования немецкой классической модели и создать на ее основе более адаптированную к российским реалиям модель «русского университета».

Реализованная в положениях устава университета Св. Владимира, а потом и общероссийского устава 1835 года, данная модель сделала российские университеты частью государственной машины. Соответственно, корпоративные органы самоуправления получили новое значение — коллегиальных органов управления (по образцу имперских коллегий). Слабые попытки локальных университетских корпораций выработать корпоративную идеологию министерство пресекло тем, что снабдило их все единой государственной идеологией — теорией «официальной народности».

Разнородные функции императорских университетов (воспроизводство элит, просвещение местной культурной среды, производство нового знания, участие в создании государственных идеологий и прочие) вели к постоянному усложнению их структуры и, как следствие, к необходимости появления профессионально занятых его управлением чиновников.

Университетские корпорации России исследуемого времени не породили бюрократии из своей среды, знающей и понимающей специфику академической жизни. А министерство заполнило эту лауну иными кадрами (отставными военными и чиновниками присутственных мест), которые воспринимали профессоров как подконтрольных им подчиненных. Желание усиливать контроль над

трансляцией и производством знания, а также не допустить неконтролируемых и деструктивных для власти форм корпоративности побуждало министерских сановников увеличивать их присутствие в университете.

В 1830—1840-х годах значение отчужденной от академической жизни бюрократии и как следствие — объем бюрократических процедур в управлении университетом, а также пространство государственного контроля — расширились настолько, что они подчинили своим специфическим задачам интеллектуальное производство в университете. В обстановке бурного тиражирования инструкций, правил, реляций и предписаний преподаватели переставали идентифицировать себя с западными интеллектуалами. Сам процесс обучения и исследования был настолько формализован и подчинен нормам и правилам, что не оставлял места и времени для творчества.

Серьезный кризис модель «русского университета» испытала на рубеже 1840—1850-х годов. Он проявился в противостоянии и критической оценке профессоров их воспитанниками, с одной стороны, и в постоянном негативном давлении и контроле профессуры со стороны университетских чиновников — с другой. По всей видимости, ни то, ни другое не способствовало расцвету науки и обучения. Проведя обследование российских университетов, новая команда просвещенных бюрократов констатировала поразивший их кризис и стагнацию. Признание этого факта побудило правительство осудить политику своих предшественников и вновь искать релевантную форму университетского управления.

РАЗДЕЛ 2

ВОСПРОИЗВОДСТВО СЕБЕ ПОДОБНЫХ

Одной из главных функций университета в Новое время было воспроизводство интеллектуалов и формирование местной культурной элиты. Как показывает история, наиболее изменчивой частью этой задачи оказались субъекты, осуществлявшие контроль над процессом. Обладая административной и финансовой автономией, домодерный университет исходил в этом деле из собственных возможностей, а то, какими будут его выпускники, решали главным образом профессора. В эпоху Просвещения, с одной стороны, политическая власть оказалась заинтересованной в интеллектуалах и их деятельности, а с другой стороны, университетская эзотеричность и корпоративные привилегии, покрывавшие безразличие профессорской корпорации к учащимся, привели к кризису западных университетов. Модернизация ряда университетов Европы в XVIII веке была направлена на повышение усердия профессоров и сопровождалась введением государственного контроля над обучением и воспитанием студентов¹⁹⁵. «Одной из задач немецкой реформы образования, — писал об этом историк науки Д.А. Александров, — было создание эффективного механизма контроля над учеными, а особенно над студентами, которые были очень непокорной группой городского населения»¹⁹⁶.

Действительно, Вильгельм фон Гумбольдт признавал за благо регулятивную функцию государства по отношению к университетским корпорациям. Он считал, что именно оно в состоянии обеспечить «свободу преподавания и обучения» — идеальное условие для университета. В его

версии государство должно охранять эту свободу, но не быть препятствием академическому развитию. В университете «студенты пользуются свободой, в первую очередь, в отношении умственных занятий. При этом они не подвергаются никакому принуждению; никто их не погоняет, но и ничто перед ними не закрыто, — мечтал один из теоретиков университетского образования Ф. Шлейермахер, — Никто не приказывает им посещать те или иные учебные часы; никто не может упрекнуть их, если они это делают небрежно или вовсе не делают. Над всеми их занятиями нет никакого другого контроля, кроме того, который они сами добровольно предоставляют своему преподавателю. Они знают, что от них потребуется, когда они будут покидать университет, и какие экзамены им предстоят, — но с каким рвением они захотят готовиться к этой цели, и как его равномерно или неравномерно распределить, это остается полностью на их собственном усмотрении»¹⁹⁷.

В нарисованном воображении немецких реформаторов идеальном «университете науки» профессор не был полицейским с карательными функциями. «Не преподаватель присутствует для учащегося, — убеждал Гумбольдт чиновников, — но оба они для науки». Главным условием для реализации этой социальной утопии было соглашение трех сторон: осознающих пользу знания чиновников, преданных науке учащихся и стремящихся стать учеными учащихся.

В России, где университет изначально являлся государственным учреждением, профессора ощущали себя не столько свободными служителями науки, сколько исполнителями заказа правительства. На языке начала XIX века он формулировался как «воспитание новой породы людей». А на аналитическом языке современного социогуманитарного знания это семантически близко к понятию «социальное проектирование»¹⁹⁸.

Разработанные в первой половине XIX века многочисленные правила для студентов дают свидетельства не столько реального поведения воспитанников, сколько

подписанного между чиновниками и профессорами договора о том, какие государственные потребности должна удовлетворять университетская продукция. Выработанные стандарты ее качества были продуктом совместного творчества. Как правило, Министерство народного просвещения заказывало изготовление таких текстов самим университетам, оставляя за собой право их редакции и контроля за исполнением.

Министерский архив содержит богатый комплекс регламентирующих документов, направленных на принуждение студентов соответствовать дидактическому идеалу. В них содержатся ответы на всевозможные вопросы: где студенту ходить, что и когда есть, где и когда спать, какими заниматься науками и с кем общаться, какие личные вещи иметь, как выглядеть. В них жестко структурировано время и пространство студенческой жизни.

Поскольку министерство вменяло разработку этих положений в обязанность профессорам, то кажется, что принуждение, повсеместный контроль и регламентирование представляли собой отечественный способ просвещения. Сейчас, действительно, довольно трудно определить, в каких ситуациях профессора действовали по приказу, а в каких по убеждению. Во всяком случае, они составляли расписания лекций, следили за соблюдением распорядка дня, добивались посещаемости своих занятий и выполнения заданий, наказывали воспитанников, определяли время вакансий и экзаменов, а в случае с казеннокоштными учащимися контролировали внеучебное время студiousов.

Идеалы менялись в течение исследуемого времени, но неизменным оставалось желание изготовителей иметь в своем распоряжении податливый человеческий материал. Как правило, исходная культура пришедших в университет недорослей мало интересовала создателей инструкций, разве что в качестве отрицаемого негативного опыта («природные пороки»). Это было то, что в стенах университета должно быть уничтожено или перекодировано. Другое дело, что таковые намерения просвети-

телей, по-видимому, наталкивались на сопротивление «материала», что, в свою очередь, провоцировало изобретение все новых средств дисциплинирования, пересмотр критериев оценки воспитанников и ужесточение норм студенческого поведения в университете.

Изучение университетских архивов (текстов постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения, попечительских и профессорских решений, отчетов инспекторов студентов, ведомостей об успеваемости) позволяет увидеть напряженную работу министерских чиновников и преподавателей над студенческой массой, над упорядочиванием ее «природного хаоса». И поскольку построение иерархий есть один из способов управления, их анализ позволяет понять, как российские профессора и министерские чиновники смотрели на студентов, что видели и чего не видели в них, чем определялась сама их способность видеть.

Профессорское нормотворчество

Первые правила для студентов были разработаны профессорами Московского университета для присяги 1765 года¹⁹⁹. По ним от студента требовалось соблюдение иерархических норм и выполнение обязательств: повиновение начальству, почитание наставников, соблюдение истого благочестия, прилежание в науках, трезвое и скромное поведение. Для поддержания корпоративной чести он должен был прилично и опрятно одеваться, поступать «как надлежит человеку благородному и свободного состояния». Для разъяснения выходцам из разных социальных слоев, что такое «благородство», использовалось понятие «подлость», которым обозначалась культура неучей. Искореняемый в университете «подлый образ жизни» включал пьянство, пирушки, шумные сборища, игры в карты, в кости и подобные им увеселения, мстительность, обидчивость, драчливость.

В «Проекте регламента Московского университета» 1755 года просвещенные сановники выражали надежду, что студенты смогут «порядочно окончить науки», не совершая при этом «непорядочных» (противоречащих установленным для них нормам поведения) поступков. Все учащиеся были поделены на своекоштных и казеннокоштных. Казенные студенты содержались на стипендию (дворянскую, разночинскую или гимназическую). Эта категория учащихся (аналога которой не было в европейских университетах²⁰⁰) была введена правительством для обеспечения страны учителями и преподавателями (отучившийся за казенный счет студент был обязан отслужить там, где сочтет нужным начальство).

В отличие от государственных чиновников тогдашние профессора делили студентов по сословному признаку на «дворян» и «разночинцев» (крепостных крестьян без увольнительного письма от помещика в университет принимать запрещалось). В случае освобождения казеннокоштных мест у Конференции профессоров была возможность перевести на лучшее содержание тех, кто был «довольной остроты ума, известного прилежания, доброго жития, честных и похвальных поступков»²⁰¹. Кроме того, у своекоштных студентов имелась возможность получения «экстраординарной стипендии» за особые успехи. Ее выделение зависело от совместного решения государственного куратора и профессоров²⁰². Это имело два следствия. Во-первых, в университете существовала реальная связь между интеллектуальными способностями и полученными наградами. Во-вторых, воспитанники считали, что их поощрение или наказание зависит от профессоров, что усиливало власть наставника.

В XVIII веке государственный контроль над деятельностью университетских интеллектуалов осуществлялся посредством профессорских отчетов. Ежегодные ведомости «о студентах и о их летах, о успехах и прилежании их в науках и о поступках и благонравии», а также сведения «о больных, не явившихся из отпусков, находящихся в са-

мовольных отлучках, штрафованных и содержащихся в карцере или под караулом» преподаватели направляли на имя куратора. В силу прецедентного характера тогдашнего бюрократического мышления в этих текстах чиновников больше всего интересовал раздел о провинившихся, о характере их деяний и упорстве в преступлениях («сколько раз в оных оказались») ²⁰³.

В свою очередь профессора опасливо относились к проявлениям корпоративности у учащихся и пресекали ростки студенческой солидарности. Подразумевалось, что это свойство допустимо для взрослых и опытных «мастеров», но не для врученных их воспитанию детей. Во всех ссорах и конфликтах воспитанник должен был обращаться за помощью к «законному начальству», а не к друзьям. Профессора надеялись, что их питомцы «никогда в жизни не станут ни злоумышлять, ни делать ничего такого, что послужило бы [...] к умалению или оскорблению устава, достоинства или чести университета». Помимо этой присяги, историк Московского университета С.П. Шевырев упоминал о правилах 1771 года ²⁰⁴. Однако их не удалось обнаружить в архивных фондах.

Когда правительство учредило университеты в российских провинциях, то набранным туда на службу профессорам было не до выяснения отношений с воспитанниками. Самой насущной проблемой стало обеспечение установленной правительством квоты в 40 казенных студентов. Например, в Казани профессора всерьез опасались, что из-за недостатка желающих учиться университет может быть закрыт и преподаватели останутся без солидного жалования. Визитации училищ и гимназий округа они использовали для рекрутирования учеников, которые «хорошую подавали надежду успехами своими и поведением». Такие гимназисты получали на заседании профессорского совета статус «в студенты назначенные». Под этим определением, по мнению попечителя С.Я. Румовского, следовало понимать «ученика в гимназии обучающегося и готовящегося к слушанию Профессорских лекций, которому время еще не пришло поступить в Уни-

верситет, поелику прием Студентов бывает единожды в году» ²⁰⁵.

Кроме этого, источником набора студентов были частные занятия профессоров. В ходе их казанские преподаватели Г.Н. Городчанинов, Г.Б. Никольский, И.Ф. Яковкин, Д.М. Перевощиков выдавали ученикам письменные свидетельства о том, что они уже прослушали курс лекций и прошли испытание. Такая бумага подтверждала, что ее обладатель «оказался достойным быть включенным в число Студентов» ²⁰⁶.

Во вновь основанных университетах профессора требовали от футурусов только одного — способности понимать лекции. Причины студенческой неспособности к их восприятию они почти никогда не искали в себе, а только в низком культурном уровне местной среды или в недостатках гимназического образования. До 1819 года этот вопрос часто обсуждался на профессорских заседаниях. Например, в первые годы после учреждения университета в Казани попечитель С.Я. Румовский не раз требовал от директора местной гимназии улучшить качество преподавания латинского языка и увеличить количество учеников в латинских классах. Академик считал, что знание латыни гарантирует способность гимназистов учиться в университете. В ответ на эти требования директор Яковкин сетовал на леность и неспособность учеников к обучению.

Вспомнив о средневековой традиции философских факультетов, в 1811 году харьковские профессора предложили потратить два года из трехлетнего обучения на «приготовительные курсы» и тем самым получить подготовленных слушателей для лекций по специальности ²⁰⁷. На это предложение чиновники Главного правления училищ не согласились, сочтя, что такая практика противоречит государственным интересам и будет непродуктивной тратой казенных средств ²⁰⁸.

Компромисса между интересами правительства и желаниями профессоров предполагалось достичь посредством вступительных экзаменов. В начале 1820-х годов ми-

нистерство рекомендовало университетам отбирать абитуриентов по знаниям, невзирая на их оценки в гимназических аттестатах²⁰⁹. Разъясняя это решение для профессоров вверенного ему университета, М.Л. Магницкий писал: «Я бы желал так же, чтобы прием студентов из Гимназии был не так снисходителен; дабы профессеры не были обязаны делать с ними дела Старших учителей. А для сего непременно нужно, чтобы каждый из преподавателей главнейше участвовал в удостоении переводимых из гимназии учеников. Пусть лучше меньше студентов; но не будет опять гимназии в университете»²¹⁰. В отличие от профессоров министерский сановник не был заинтересован в расширении штата университета и увеличении его ассигнования. Его интересовало только качество продукции: «Пусть лучше 10 хороших студентов, — предписывал он, — чем 100 гимназистов, пересаженных в аудитории»²¹¹.

Желая и правительству угодить, и себя не обидеть, совет Харьковского университета предложил экзаменовать выпускников гимназии по всем предметам, но — «слегка». Более строгий экзамен следовало проводить только по предметам избранного факультета. Соответственно, футурусам следовало записываться не в университет вообще, а на конкретную специальность. И поскольку приемные экзамены не только сокращали число будущих слушателей, но и увеличивали объем работы профессоров, то они попытались сократить ее посредством проведения «группового экзамена» (для 10 абитуриентов одновременно). Это не понравилось чиновникам, увидевшим в данном предложении манкирование служебными обязанностями. В присланном из Петербурга предписании говорилось, что при таком испытании не будет пользы университету, да и у юношей может «испариться охота к учению»²¹².

Правительственные чиновники ревностно следили за соблюдением в университете государственного интереса, подозревая профессоров в склонности к мошенничеству и либо пресекая их «саботаж» собственными силами, либо обращаясь за помощью к вышестоящему начальству.

Так, казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин информировал министерство, что профессора разными путями обходят постановления правительства. В частности, он выяснил, что в Казанский университет «принимались в студенты молодые люди с недостаточными предварительными сведениями в особенности в языках»²¹³.

При проверке обнаружилось, что записанные в студенты выпускники гимназии не были готовы к «переводу в университет». На этом основании он вернул их в гимназию для доучивания²¹⁴. Попечитель был возмущен тем, что профессора экзаменуют абитуриентов у себя дома (вернее, в служебных квартирах в здании университета), спрашивают их по отдельным наукам, а не по всему курсу. По его приказу совет университета разработал единую программу экзаменов «для вступления в университет» (для всех факультетов, кроме врачебного, который использовал программу Медико-хирургической академии). Отредактированная и одобренная министерством, она требовала, чтобы в студенты зачисляли только гимназистов «в полном смысле достойных сего звания и могущих с пользою слушать лекции Профессоров». Чтобы убедить в этом комиссию, футурусу предстояло ответить на вопросы по 15 предметам гимназического курса.

После такого ужесточения контроля над приемом даже в Московском университете произошел недобор слушателей. В 1835 году попечитель С.М. Голицын обнаружил 56 вакансий казеннокоштных студентов. Еще хуже положение было в провинциальных университетах. Выход из тупика профессора видели в том, чтобы открыть двери в учебные аудитории всем сословным группам, и в частности воспитанникам духовных семинарий. Но отношение чиновников к «поповичам» было настороженным. С одной стороны, в уставе 1804 года сословных ограничений не было, а потому в первые годы после открытия университетов семинаристы учились в них. Однако впоследствии правительство стало ограничивать их доступ в светские учебные заведения. Так, в 1824 году Е.В. Карнеев приказал не зачислять в студенты выпускников духовных

училищ²¹⁵. Такое же решение принял М.Л. Магницкий²¹⁶, а потом и его преемник М.Н. Мусин-Пушкин²¹⁷. Очевидно, высшим чиновникам претила идея создавать отечественную элиту из детей дьячков и приходских священников.

Мысль о том, что благодаря университетам российское дворянство будет разбавляться безродными разночинцами, противоречила представлениям Николая I о социальной стабильности в империи. В связи с этим в 1831 году министр народного просвещения К.А. Ливен отдал распоряжение, по которому «попович» мог поступать в университет, но для этого он должен был сдать экзамены в местной гимназии «по всем предметам Гимназического курса», а потом подвергнуться повторной переекзаменовке у профессоров. В случае неудачи он отправлялся домой из университетского города на средства той гимназии, которая признала его познания достаточными, что, естественно, ужесточило требования к ним гимназического начальства.

В 1835 году в Московский университет должно было поступить 40 выпускников из 13 семинарий. Во время испытаний один ученик отказался учиться в университете «по семейственным обстоятельствам», другой продемонстрировал слабые познания, третий оказался вовсе незнающим, четвертый не стал сдавать экзамены, пятый был признан «ненадежным в здоровье»²¹⁸. Вскоре «поповичи» вовсе исчезли из студенческих списков.

Пограничное положение попечителей побуждало их представлять в профессорском совете интересы государства, а в министерстве лоббировать интересы своего университета. Так, недополучив слушателей в Московский университет, попечитель С.Г. Строганов просил министра пойти на уступки: «В принятии их [семинаристов] в Студенты Университета должно быть оказываемо некоторое снисхождение, — уверял он, — но обращено особенное внимание на дарования и способности, и на познания в тех предметах, которые служат основанием классического образования». Он даже ходатайствовал об увеличе-

нии квоты на «поповичей». Однако в данном случае Уваров руководствовался не «интересами места, а мнением высокого лица». Он сослался на указ 1831 года, сообщил попечителю о грядущем сокращении числа казенных студентов и посоветовал набирать воспитанников из отличных гимназистов²¹⁹. Получив эти наставления, Строганов был вынужден отказать семинаристам в приеме в университет.

Поскольку в уставе 1804 года правительство выражало надежду найти в студентах «благонравие», успехи (в науках) и хорошее поведение, министерство потребовало от подведомственных университетских советов разработки правил для студентов. Обладая, по крайней мере, формальным правом собственной юрисдикции, советы тогда сами «свели за порядком и благочинием» своих воспитанников, а потому избирали инспекторов студентов из собственной среды. Контролировать поведение учащихся и живущих в университете юношей им помогали младшие члены корпорации — магистры, адъюнкты и даже сами студенты (так называемые «камерные студенты»). Долгое время в условиях дефицита подготовленных футурусов вопрос о требованиях профессоров к их манерам, внешнему виду, здоровью и поведению не был актуальным. Главным требованием и желанием наставников было наличие природных способностей учащихся к познанию наук. Оно искупало в глазах просветителей любые погрешности культуры. Поэтому, зная об «отличных способностях» некоторых гимназических воспитанников, педагоги закрывали глаза на их «дерзости», оставляли доучиваться и, несмотря на испорченную репутацию, «беспокойных» юношей все же брали в университет. Яркий пример тому дают протоколы обсуждений возмутительного поведения учащихся в Казанской гимназии в октябре 1804 года. Благодаря заступничеству педагогов из гимназии было исключено только четверо из десятка выявленных виновных, и этот инцидент не отразился на их возможности учиться в университете²²⁰.

Предписанные уставом правила стали разрабатываться только в 1812 году. В Харькове такой текст был написан

ректором А.И. Стойковичем, обсужден на профессорском совете и получил одобрение министра А.К. Разумовского²²¹. Казанские профессора приступили к этому в сентябре 1813 года²²². Переписка профессоров с попечителем освещает подробности работы над этим сводом внутренних предписаний.

До его создания граница между дозволенным и запретным устанавливалась местными преподавателями «любовью и строгостью». Совет полагал, что «истинный» педагог определит, что можно и чего нельзя воспитаннику, исходя из здравого смысла, сердечной заботы и личного жизненного опыта. В трудных случаях университетская администрация обращалась к родителям своих воспитанников и вместе с ними стремилась определить будущность студента, найти индивидуальный подход к нему. Дневник инспектора казеннокоштных студентов Ф.К. Броннера за 1814–1817 годы наполнен описаниями бесед наставников со студентами, рекомендациями для их самоусовершенствования²²³.

В отличие от ученого сословия назначение правил для студентов попечитель М.А. Салтыков видел в том, чтобы университет имел своего рода «правила благочиния», которыми в свое время руководствовались коллегии. И раз речь шла о законах университетской жизни, то он поручил их разработку профессорам-правоведам И.-Х. Финке и Е.В. Врангелю, а также имевшему опыт работы в судебном ведомстве профессору технологии Ф.Л. Брейтенбаху²²⁴. Через семь месяцев Финке подал в совет написанные на латыни «Правила благоустройства для Студентов», состоящие из 120 пунктов («артикулов»). При рассмотрении проекта выяснилось, что, несмотря на указания попечителя, в качестве образца он использовал «правила» не для чиновников, а для студентов Дерптского университета (1802)²²⁵.

После перевода правил на русский язык текст был направлен ректору и в отделения университета. На обсуждение ушел еще год. В итоге каждое отделение подало в совет свои мнения, замечания, предложения и поже-

лания. Так, профессора словесного отделения были недовольны «пространностью» правил, рекомендовали сократить текст и облегчить его язык. Профессора физико-математического отделения просили изменить акценты в описании позиции учащихся к учащимся: университет, настаивали они, есть «заведение для нравственного и учебного образования студентов», а не «судилище для них»²²⁶. То есть дисциплинарное и карательное назначение университета в дерптской версии в Казани не приняли и предложили заменить на просветительно-гуманистическое. Необходимость адаптировать западные нормы к российским реалиям высказывали все участники обсуждения. Именно поэтому они решили не упоминать в правилах такие явления, как студенческие дуэли.

Интересно, что когда ректор И.О. Браун, немец по происхождению и врач по профессии, представил свои размышления о правах и обязанностях студентов, то профессор Г.Б. Никольский написал на них рецензию. Эти документы позволяют увидеть зазоры в представлениях российских профессоров о просвещении. Браун считал, что «всякой студент должен вести себя тихо и послушно, как прилично каждому молодому человеку». Его оппонент прокомментировал это так: «Молчаливость, тихость и послушание не составляют всех качеств приличных молодому благовоспитанному человеку»²²⁷. Очевидно, в Александровскую эпоху смирение и послушание еще не казались главными достоинствами отечественного интеллектуала.

К этим двум проектам в марте 1815 года добавился еще один вариант правил, составленный врачебным отделением. По мнению медиков, хороший воспитанник должен слушать науки «со вниманием, прилежанием и тщательностью», повторять дома пройденное, оказывать повиновение университетскому начальству, почтение — членам совета, дружелюбие — товарищам, всем и каждому — учтивость и благоприятство». В контраст неучам, он не должен иметь «развратных нравов» (в число которых профессора включили пьянство, «бесстыдство» и «ковар-

ство»), играть в азартные игры, умышленно портить принадлежащие казне или частным лицам вещи, мстить за свои обиды (вместо этого следовало обращаться к ректору, правлению и совету университета за помощью), иметь долги. Чуть позже к этим требованиям прибавилось обязательное посещение церковных служб и выполнение обрядов. Чтобы сделать такого студента, профессора-медики сформулировали поощрения и наказания, заимствованные из системы домашнего воспитания.

Поскольку попечитель настаивал на градации проступков и способов возмездия за них («Дерзость и буйность имеют свои степени, а потому и наказание должно быть различно»²²⁸), то совет профессоров составил следующий перечень воспитательных мер: выговор ректора наедине, выговор в присутствии правления, замечание в присутствии совета, публичное извинение и заключение под стражу, исключение из числа студентов до времени исправления, исключение из университета навсегда, исключение из университета с бесчестием (тогда о причине сообщалось в Главное правление училищ и «распубликовывалось» по всем университетам империи), передача дела из университетского суда в уголовный суд. К смягчению наказания вело добровольное признание и искреннее раскаяние провинившегося.

В те годы профессора создавали нормы не только для университета, но и для прочих учебных заведений округа. В связи с этим им приходилось оценивать отечественную школьную традицию в целом. Так, в 1811 году Училищный комитет Харьковского университета разбирал случаи физического наказания гимназистов, один из которых имел летальный исход. В этой связи профессора единогласно признали недопустимость физических воздействий на учеников, но разошлись во мнении о степени виновности директора гимназии, отдавшего распоряжение о наказании провинившегося²²⁹.

В эпоху зрелого Просвещения для нормирования поведения ребенка применялись патерналистские методы (в том числе и физическое воздействие). Порицая форма-

лизм в исполнении педагогических обязанностей, члены совета «вменяли преподавателям предотвращать худые поступки студентов отеческою попечительностью». Лектор должен был внушить к себе уважение слушателей, поскольку «внутреннее в воспитанниках почтение к воспитателям своим есть первое и необходимое условие успешного нравственного образования»²³⁰. В делопроизводственных материалах и в персональных текстах тех лет отношения наставников и учеников описываются в семейных категориях. Так, по утверждению того же профессора Финке, студент был сыном университета, которым он (университет) гордится, когда находит со стороны первого любовь и почтение, и которого он никогда, даже в случае проступков, не оставит своими советами. В таком случае «запальчивость» отечески настроенного педагога оправдывалась его горячей любовью к воспитанникам.

А вот в период увлечения Министерства духовных дел и народного просвещения «христианским благочестием» (1816—1824) в Казанском и Петербургском университетах стали широко использоваться методы церковного воспитания. Инициатива сакрализации пространства университетской жизни исходила не от профессоров, а от правительственных чиновников. Потребность в этом оправдывалась «низким» качеством университетской продукции. Так, в «Отчете по обозрению Казанского университета» М.Л. Магницкий оценил местных студентов как «провальный» результат просвещения, печальный итог деятельности профессоров. Свидетельствами в пользу этого для правительственного чиновника были обнаруженные им неустроенный быт воспитанников, их «полу-ученость», деизм и скептицизм, «самое глубокое невежество в Законе Божием»²³¹. Став попечителем, он потребовал от совета перехода от идеалов цивилизационного просвещения к религиозному воспитанию. «Студенты, — писал он ректору, — могут быть весьма худы и без кучерских пороков: пьянства, драк и пр.»²³². Частными письмами, инструкциями, предписаниями попечитель

внушал профессорам идентичность духовных пастырей.

В сохранившейся переписке М.Л. Магницкого с ректором Г.Б. Никольским вопрос о студенческих успехах в учебе и их поведении занимает центральное место²³³. По требованию попечителя «ведомости о происшествиях» в университете и гимназии отсылались из Казани в Петербург дважды в месяц. Это позволяло министерскому чиновнику контролировать далеких от него профессоров и студентов, оценивать их действия, высказывать по ним суждения. Судя по предложениям и дисциплинарным мерам, в 1820-е годы российский университет стал еще более строгим «судилищем» для своих воспитанников, чем Дерптский университет в начале века²³⁴.

Забота о здоровых телах

Кроме поведения студентов в настоящем и их подготовки для будущей государственной службы правительство интересовала потенциальная трудоспособность возвращаемых специалистов (новый вид политики, которую М. Фуко называл «биовласть»). Для удовлетворения такого интереса профессора должны были подавать чиновникам сведения о больных и здоровых воспитанниках. Отношение к этому самих педагогов было двойственным. С одной стороны, в мемуарах некоторые из них вспоминали, что сами выбрали ученую стезю из-за слабого здоровья, не позволившего заняться воинской службой или пойти в присутственное место. Да и переписка пестрит упоминанием болезней и немощи, из-за которых профессора не могли читать лекции, пропускали заседания совета, отказывались от административных поручений. Апелляция к природной слабости, а чаще — к разрушенному наукой здоровью служила основанием для ходатайства о дополнительных государственных льготах.

Тогда считалось, что развитие культуры совершенствует разум человека и порождает прогресс общества, но разрушает человеческое тело. Профессор медицины

И. Ерохов в актовой речи «О важности врачебной науки и обязанностях врача» (1826) уверял современников: «Самые занятия с Музами, но непомерные, хотя и образуют ум, не менее того однако ж неприметным образом изнуряют тело, располагают его к болезненному состоянию, которое мало по малу умножаясь и истощивши телесные и душевные силы доводят человека до совершенного изнеможения — до гроба»²³⁵. Эти слова подтверждались физическим состоянием гимназических и университетских воспитанников. Бывшие студенты вспоминали в мемуарах об изнурительных болезнях, сопровождавших их в годы учебы.

С другой стороны, профессора смотрели на физическое состояние своих воспитанников как на возможность или препятствие учиться в университете. Впрочем, поначалу университетские советы не предъявляли никаких требований к телам своих воспитанников. В ведомости профессора Казанского университета Ф.Х. Эрдмана (1812) прошедшие через университетскую клинику студенты разделены на тех, у кого болезнь сохранялась («*remanentes*»), начиналась («*ingressi*»), тех, кого покинула («*egressi*»), и тех, кого убила («*mortui*»)²³⁶. Это была обычная медицинская статистика, которую во врачебную управу поставляли все клиники.

Впервые от поступающих стали требовать медицинских справок о состоянии здоровья («врачебных освидетельствований») в Харькове в 1812 году. Это было связано со вспышками эпидемий, которым подверглись университетские города из-за притока пленных и мигрантов. Но и после того, как эпидемия кончилась, Харьковский университет сохранил требование медицинского освидетельствования. Более того, в том же 1812 году профессор И.Д. Книгин составил список болезней, закрывающий доступ к получению казенного содержания в университете²³⁷. В него были включены 37 врожденных и неизлечимых заболеваний (когда человек «находился беспрестанно в болезнях»). Судя по всему, харьковский профессор, основываясь на практическом опыте, пытался указать ми-

нистерству на недостатки медицинского освидетельствования при приеме в студенты. Так, автор доказывал, что «всякое изменение частей составляющее безобразие в теле считать должно за порок, воспреещающий принимать детей на казенное содержание» в гимназии и в университеты²³⁸. Профессор настаивал на ужесточении отбора и на необходимости селекции студентов по медицинским показаниям. Аргумент был прост: обучение требует значительных государственных затрат, а больные выпускники не смогут вернуть вложенные в них средства и отслужить положенные шесть лет на «учительской должности» или во врачебной управе.

Обескураженный министр потребовал от попечителей предоставить сведения о наличии больных воспитанников и возможности их содержания родственниками. Советам профессоров он рекомендовал собрать также данные о болезнях гимназистов по вверенному округу. Исходя из критерия учебно- и трудоспособности, министр разрешил больным гимназистам, у которых находят «временную только болезнь, которую вылечить удобно, не отказывать в приеме; но тотчас брать меры к немедленному лечению их»²³⁹. Юношей с хроническими заболеваниями запрящало брать на казенное содержание.

Очевидно, медицинский фильтр был возможным только в условиях, когда у профессоров был реальный выбор воспитанников. Если они испытывали недостаток футурусов, то речь уже не шла о возможности еще одного критерия отбора. Материалы архива Казанского университета за 1813 год свидетельствуют, что медицинского обследования немногочисленных кандидатов в студенты здесь не проводили²⁴⁰. Что же касается отношения к больному ученику, то это зависело от конкретного педагога и воспитанника. В делопроизводстве есть свидетельства как того, что заболевание служило оправданием плохой успеваемости воспитанника²⁴¹, так и того, что оно не принималось в расчет при оценке его знаний. «Студент Данков, — сообщал, например, профессор Ф.К. Броннер, — на лекциях был прилежен и внимателен, но был отвлека-

ем болезнями и другими развлечениями [помехами], почему не может быть одобряем к получению какой-либо награды»²⁴².

С точки зрения власти, подобная терпимость профессоров оборачивалась для казны неоправданными расходами. Впоследствии чиновники взяли заботу о телах студентов в свою ответственность и стали глухи к гуманистическим воззваниям университетских просветителей. Об этом свидетельствует дело казанского студента-кандидата Ф. Колаковского, страдавшего эпилепсией (1826). Обследовавшие его университетские врачи констатировали, что студент имеет «сложение слабое и признаки, показывающие присутствие глист, от коих и происходит падучая болезнь и ипохондрия»²⁴³. И хотя профессора уверяли попечителя в особой одаренности воспитанника, он сообщил в министерство, что болезнь делает данного студента неспособным к последующей службе, а потому продолжать его обучение нецелесообразно. В результате, несмотря на «прекрасное поведение» и очевидные успехи в изучении восточных языков, Колаковский был отчислен из университета.

Инициатива харьковских профессоров ограничить доступ в университеты по состоянию здоровья (повторенная при разработке попечителем Е.В. Карнеевым устава 1825 года²⁴⁴), по-видимому, говорит о кризисе университетского гуманизма. Характерное для Харькова тесное сотрудничество министерских чиновников и совета университета обернулось их совместным противостоянием учащимся. Московский же университет стал требовать от абитуриентов медицинские справки только после появления соответствующего приказа министерства²⁴⁵.

Впрочем, интерес профессоров к телам своих воспитанников стимулировался не только министерством. В идеологии эпохи зрелого Просвещения народы и отдельные люди распределялись на «развитых» (соблюдающих санитарно-гигиенические нормы) и «отсталых» (неспособных позаботиться о своем здоровье). Соответственно, в обязанность просветителей входило насаждение в сознание

и повседневную жизнь просвещаемых западных правил общежития. Не случайно поэтому в российской публицистике начала XIX века утверждение ценности чистоты тела шло параллельно с рассуждениями о пользе просвещения для самой жизни.

Что касается реальной практики отношений, то здесь ситуация была сложнее. С одной стороны, университеты имели преимущества перед местными жителями. В их состав входили ученые медики (часть из них были практикующими врачами), что создавало особые, дополнительные возможности профессиональной защиты от эпидемий и болезней. Так, в 1830 году во время холеры в Харькове ректор Н.И. Еллинский приостановил учебный процесс, отпустил из города всех своекоштных студентов и обеспечил эффективные санитарные меры защиты проживающих в университете воспитанников²⁴⁶. Спасением студентов и профессоров от холеры прославился и казанский ректор Н.И. Лобачевский.

С другой стороны, профессора-медики становились все более привилегированной частью университетского сообщества — более обеспеченными за счет частной практики и более независимыми от корпоративных обязательств. Их профессиональная автономизация стала особенно ощущаться в Николаевское правление. В Александровскую эпоху было невозможно представить, чтобы профессор медицины не оказал помощи своим питомцам. Нормальным считалось решение профессора К.Ф. Фукса отправить ослабленных студентов на минеральные воды или прошение совета университета потратить деньги казны на лечение больного студента²⁴⁷.

А в 1830-х годах дали о себе знать новые тенденции. Так, харьковские профессора были возмущены поведением своего коллеги Г.Ф. Брандейса, который во время эпидемии лечил своих частных пациентов и отказался осмотреть заболевших студентов²⁴⁸. Этот инцидент разбирался не только на заседании совета, но стал известен министру. Примечательно, что никаких санкций не последовало.

Не только здоровье, но и питание было сферой ответственности профессоров первой четверти XIX века. Резкий рост инфляции после войны 1812 года съел значительную часть университетских ассигнований, в том числе денег, выделенных правительством на содержание студентов. Учащиеся недоедали и поэтому постоянно обращались в правление с просьбами увеличить порции еды. Такого рода обращения спровоцировали переписку профессоров с попечителями и министерством. Здесь представляют интерес обоснования необходимости дополнительных государственных инвестиций. Аргументы у всех трех университетов были разные. Харьковчане оправдывали экстра-траты своим искренним желанием сохранить физическое и душевное здоровье будущей российской элиты (С.О. Потоцкий, 1815)²⁴⁹. Московские профессора делали упор на заслугах студентов перед Отечеством в войне 1812 года²⁵⁰. Казанские же педагоги писали о чувстве справедливости по отношению к тем, кто будет жертвовать собой на службе в далеких сибирских училищах (Ф.Л. Брейтенбах, 1818)²⁵¹. Несмотря на то, что аргументация отличалась, профессора общими усилиями сумели повлиять на позицию правительства — содержание студентов было увеличено.

Но не всегда аргументы профессоров звучали убедительно. Так, несмотря на медицинские познания и критику экологии университетских городов, профессорам не удавалось добиться чистоты и гигиены даже в стенах университета. О том, что с этим было неблагополучно, свидетельствуют многочисленные студенческие воспоминания. Жилые комнаты в Харьковском университете 1820-х годов казались «сборным местом всяких гадостей»²⁵². «Нечистота была невообразимая, распущенность необузданная!» — вспоминал И.И. Боровиковский²⁵³. Похожая ситуация была в Московском университете. Д.Н. Свербеев вспоминал, что в середине 1810-х годов студенты «числом около сотни, тесными кучками жили в нижнем этаже нашего небольшого университетского дома, чело-

век по пяти в одной комнате, и жили грязно, бедно и голодно»²⁵⁴. Ревизия Казанского университета 1819 года вскрыла отсутствие у студентов постельного белья, смрад в туалетных комнатах, грязь на кухне и в аудиториях. В период кризиса университетской идеи в России на рубеже 1820-х годов министерство обвинило в антисанитарии университетских зданий советы профессоров. Тогда правительство считало это не государственным, а делом «ученого сословия».

В середине 1820-х годов произошли явные изменения в суждениях на санитарно-гигиенические темы. Размышляя о здоровье и образовании элит и нации, власть предъявляла свое право на насильственную заботу о физическом состоянии подданных²⁵⁵. Кураторы и попечители университетов возводили бани для учащихся, оснащали столовые комнаты серебряными приборами, требовали от университетских врачей проверки кожи воспитанников, добивались уборки учебных помещений и регулярной стирки нательного и постельного белья казеннокоштных студентов²⁵⁶.

Теперь уже не профессора печаловались властям о здоровье своих воспитанников, а министерство требовало от наставников и попечителей сохранения здоровья вверенных им подданных. В письмах к попечителям министр понуждал их следить за опрятностью и чистотой помещений, за одеждой и пищей воспитанников, за свежестью воздуха в учебных классах²⁵⁷. Вскоре санитарный порядок в учебных зданиях был полностью передан в ведение попечителя и подчиненных ему чиновников.

Диктаторскими мерами и с помощью полученных государственных средств им удалось добиться повышения гигиенических требований и санитарных норм. Изменения к лучшему ощутили и профессора, и студенты. Многие мемуаристы называли начало царствования Николая I новой эпохой в истории отечественных университетов, когда они превратились в респектабельные учебные заведения с отремонтированными или вновь отстроенными корпусами, с опрятными воспитанниками и хорошим

питанием. В 1835 году санитарные и гигиенические требования как способ сохранения трудоспособности студентов правительство вписало в университетский устав и в инструкции инспекторам студентов.

Конечно, ни попечители (которыми, по большей части, являлись отставные офицеры), ни инспекторы студентов не могли сами оказать помощи больным студентам. Но они могли возложить и возлагали ответственность за это на университетских медиков²⁵⁸. Поэтому когда в 1840-х годах студентов Казанского университета отправляли на Сергиевские минеральные воды²⁵⁹, то делали это не профессора-медики, а инспектор²⁶⁰. Это он проверял медицинские освидетельствования воспитанников, имеющих «хроническую сыпь золотушечного цвета», «сильное сердцебиение, сопровождающееся удушьем», «золотушное воспаление глаз, сопряженное со светобоязнью», «грудной катар и сердцебиение [...] при золотушном и слабом телосложении», «расстройство грудных органов с кровахарканьем», и решал, кого из них отправить на воды «для поправления здоровья»²⁶¹.

Ранжирование студентов

После резкого поворота в образовательной политике (начало 1830-х годов) министерство предписало профессорам отступить от принципов церковного воспитания и осваивать опыт воспитания военно-учебных заведений. Нормативный университетский студент Николаевской эпохи описан в «Инструкции инспектору студентов»²⁶², которая была разработана для Московского университета (1834). Чуть позже такие же тексты составили и приняли профессорские советы Харькова и Казани. И если казанские профессора скопировали московский текст почти дословно, то харьковчане проявили инициативу и переработали часть его положений. Например, в их инструкции отсутствовали пространные рассуждения о значении церковного послушания, о возрастных особенно-

стях студентов и более рациональными были объяснения требуемых норм (так, если курение табака в казанской инструкции запрещалось потому, что «показывает дурные наклонности» учащихся²⁶³, то в харьковской — «для безопасности от пожара»²⁶⁴). Но министр С.С. Уваров инициативы харьковских профессоров не оценил и потребовал единства действий всех императорских университетов, общности принципов воспитания и норм оценки воспитанника. В результате инструкция Московского университета получила статус государственного закона²⁶⁵.

Усиливая контроль над производством университетских специалистов, попечитель М.Н. Мусин-Пушкин собирал списки казенных и своекоштных студентов. Они представляли собой таблицы со следующими рубриками: «отличные», «хорошие», «средственные» и «исправляемые» студенты²⁶⁶. В категорию «отличные» попадали воспитанники, которые в течение года не подвергались ни выговорам, ни замечаниям, а «хорошими» считались только те, кто либо ни разу не переступил границу предписанной в правилах нормы, либо с послушанием принял замечания начальства. Характеристики «средственные» и «исправляемые студенты» включали тех, у кого наблюдались девиации в поведении.

В начале Николаевской эпохи к числу серьезных правонарушений студента относилась «грубость». Не менее серьезными проступками считались «непокорность», «своеволие» и «сварливость». Под «особенный надзор» попадали учащиеся, замеченные в «хладности в делах Веры». Далее в иерархии прегрешений стояли: «непослушание», «нетрезвость» (как единичная, так и повторяющаяся; как без последствий, так и с последствиями, нарушающими спокойную жизнь горожан) и небрежное исполнение христианских обязанностей. Редкое посещение лекций, своевольные отлучки из университета и резвость считались «легкими» проступками. А «лень», «нескромность» и «ветреность» воспринимались в качестве общих свойств студюзов, входивших в списки средних воспитанников²⁶⁷.

Инструкция инспектору студентов, которая дополнила и разъяснила нормы университетского поведения, различала «проступок» и «вину». Первый совершается «от легкомыслия и незрелости ума» и исправляется «увещанием, выговором или простым арестом, не более семи дней». Вина «имеет источником злую волю или ложное направление разума», наказывается «строгим выговором или заключением в карцер от одного до семи дней». Рецидив проступка, совершенного в третий раз, отягощал вину студента, что влекло за собой для своекоштных — исключение из университета, а для казенных студентов — отдачу в рекруты²⁶⁸.

В данном тексте были детализированы все формы наказания и статус «университетских преступников». Например, «студент посаженный под арест», согласно инструкции, «содержится в особой комнате, но имеет постель, получает обыкновенную пищу от стола казенных студентов и может заниматься и иметь при себе книги». «Студент, посаженный в карцер», «содержится под строгим караулом, не имеет своей постели и не получает пищи, кроме хлеба и воды. Он посещается Инспектором и его Помощником для наблюдения за состоянием его здоровья»²⁶⁹. В формализме этих строк не осталось и следа от отеческого попечения.

В этой ситуации профессора могли либо смягчать строгость предписанных законов, либо следовать им буквально. Студенческие мемуары содержат примеры того и другого. О харьковском ректоре И.Я. Кронеберге выпускники припоминали, что у него «редко срывалось с языка слово карцер, зато эта последняя мера наказания имела свое значение. А при В.Я. Джунковском, который за всякий поступок [...] всенепременно посылал студента в карцер, — посидеть в карцере не более значило, как провести ночь вне своей квартиры, у своего товарища, где предоставлялись все удобства, тем более что в карцер супруга ректора [...] частенько присылала заключенным чай и ужин. При Кронеберге [...] попасть в карцер [...] значило посидеть сутки или более в совершенном уединении, под замком, на хлебе и воде»²⁷⁰.

Иерархия студенческих преступлений менялась в правительственных текстах по мере разворота политического курса и усиления страха верховной власти перед революционной инфекцией. Поэтому уже в 1830-х годах на вершине пороков оказалось участие в повстанческих движениях²⁷¹. Соответственно, самыми злостными были уже не «дерзкие», а «неблагонадежные» учащиеся.

Наряду с общим правительственным документом (устав 1835 года) во второй половине 1830-х и в 1840-х годах профессорские советы разработали множество нормативных текстов, которые детализировали условия студенческой жизни: правила вступления в университет, перевод с одного курса на другой, правила для бедных («реально нуждающихся»).

В 1840-х годах сращивание интересов попечителей с профессорскими советами объединило их в борьбе за расширение студенческого состава университетов. Те и другие направляли министру просьбы разрешить принимать в университет без экзаменов отличных выпускников гимназий. Подобное право было даровано некоторым гимназиям Московского и Санкт-Петербургского учебных округов. Для «всех прочих» обязательным условием оставался экзамен как способ к приведению гимназий в соответствующее желаниям правительства состояние²⁷². Попечитель должен был предоставлять министру список учеников, которых «считал достойными» учиться в университете²⁷³.

В 1830–1850-х годах воспитанием студентов в университете занимались специально нанятые для этого отставные военные. Они привнесли в отношения со студентами иной стиль поведения. И поскольку инспекторы подчинялись попечителю, то воспитание и благонравие студентов ушло из компетенции профессоров и стало исключительно государственной заботой.

В условиях отчуждения преподавателей от студентов и упадка университетского преподавания (конец 1840–1850-е годы) в инструкциях и правилах студенты стали описываться не как совокупность отдельных учащихся, а

как опасное «сословие» или «корпорация»²⁷⁴. Плохо знающие своих воспитанников профессора, по признанию Э.А. Янишевского, смотрели на них «как на неприятельский лагерь», ожидая организованных враждебных действий (например, освистания)²⁷⁵.

Личное общение и забота о нуждах конкретных воспитанников заменились формализмом инструкций, деятельностью комиссий и введением специальных должностей для контроля за студентами. Освобожденные от общения со студентами советы университета придумывали искусные формулировки для всеобъемлющего описания случаев их девиации и ее пресечения. Но, несмотря на титанические усилия университетских педагогов, воспитанники все более выходили из-под их влияния, а принуждение не рождало в них послушания.

Более того, в начале следующего царствования и в обстановке критического переосмысления прожитого попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Г.И. Филиппсон признал кризисное состояние университетской жизни, а также неэффективность ранее использовавшихся методов полицейско-бюрократического воздействия на студентов. «Радикального улучшения, — писал он, — нельзя ожидать от какой-либо новой регламентации, которая может опираться только на материальной силе, а ее вмешательство в дело просвещения одинаково вредно, при успехе и неудаче»²⁷⁶.

Управление взглядом

В отношениях профессоров со студентами было важно не только то, что от воспитанников требовалось, но и как этого наставники добивались. Выявленные в ходе анализа делопроизводственных документов способы нормирования позволяют судить о корпоративном статусе учащегося — был ли он объектом или соучастником университетской жизни.

Комплекс мер, использованных для дисциплинирования студентов в отечественных университетах, вписы-

вается в парадигму паноптического режима властвования. Зрелое Просвещение создало феномен власти знания и видимости²⁷⁷. В 1791 году был изобретен первый паноптикум — круговая тюрьма с металлическим каркасом и стеклянными стенами, где каждый заключенный все время находился под пристальным взглядом охранника-наблюдателя. М. Фуко и его последователи интерпретируют паноптикум как систему, ставшую символом современного типа властвования в визуальном регистре²⁷⁸. Для нее характерно стремление видеть и демонстрировать свое символическое присутствие и осведомленность в качестве практики управления.

Применительно к университету паноптический режим имел еще и ту особенность, что закрытое учебное заведение обладало всеми признаками принудительного корректирующего учреждения (школа, больница, тюрьма). В его условиях было легко предположить, что здесь власть взгляда будет сильнее, чем в открытом социальном пространстве. Исследование студенческой повседневности убеждает в том, что обеспеченный паноптическим режимом контроль и принуждение учащихся выполнять разработанные для них правила стали сдерживающим фактором для развития в них мотивации учиться, чувства гражданской ответственности и воображения, необходимого для научного творчества²⁷⁹.

Видимо, в те годы университетские бюрократы считали не слово и убеждение, а наблюдение и наказание самыми действенными формами воспитания молодых людей. Именно поэтому харьковский попечитель Е.В. Карнеев делил студентов на три группы: «имеющие свой надзор», «отданные под надзор профессорам» и «живущие по квартирам» (последние обязаны были представить в университет свидетельство «о нахождении их под чьим-либо надзором»). От пристальности контролирующего взгляда зависела степень недоверия чиновника к студенту. Судя по всему, это универсальное свойство бюрократического сознания: не опасен тот, кого постоянно видишь.

В связи с этим каждый попечитель стремился увеличить число и внимательность глаз, смотрящих за воспитанниками. Каждое происшествие в университетах использовалось бюрократией для того, чтобы увеличить штат таких смотрителей. Так, после разоблачения виленских филоматов в 1824 году Н.Н. Новосильцев добился того, что во всех российских университетах были введены педели в звании унтер-офицеров. В дальнейшем попечители постоянно обращались в министерство с просьбами ввести дополнительных помощников для инспектора. В относительно спокойные времена основанием тому служил широкий ареал расселения своекоштных студентов в городах. А в политически тревожные годы требовалось следить за поведением и действиями всех воспитанников. Как правило, государственная власть откликалась на эти тревожные сигналы и расширяла штат наблюдателей²⁸⁰.

В 1830-х годах российский студент обрел четкие идентификационные признаки. Современники легко опознавали университетских учащихся в любой толпе и в любом месте по форме, стрижке, походке, выправке, манере держаться. Соединенными усилиями начальство добивалось от воспитанников единообразия, стирающего индивидуальность.

Особую заботу об этом проявляли правительственные чиновники, для которых порядок воплощался во внешних признаках унификации. Ю.М. Лотман утверждал, что после царствования Петра I верховная власть видела в армии идеал социальной организации, а в мундире — очевидный знак «регулярности», показатель присутствия правил²⁸¹. Такое представление об идеале отражало культуру видения мира того времени. Костюм указывал на социальную роль, ведомственную принадлежность, внутреннее содержание человека. В течение XVIII века мундирная идентификация была распространена на все присутственные места в империи.

Учреждение Московского университета сопровождалось разработкой для него форменного костюма. Визуаль-

но он сделал университетских людей частью служилого сословия Российской империи. А пришедшим на студенческую скамью из разных социальных групп юношам форма позволяла ощутить себя общностью²⁸². В те времена ношение мундира воспринималось учащимися как сословная привилегия. Кураторы требовали от студентов соблюдения «чести мундира». Его лишение было одним из сильных наказаний для предостережения от «продерзостей и благодравия противных поступков»²⁸³.

Законодательство начала XIX века содержит подробные описания университетской формы Российской империи²⁸⁴. Но, судя по архивным материалам, до 1826 года студенческий мундир не был обязательным для каждодневного ношения из-за его дороговизны. Бывший студент Харьковского университета Л. Ничпаевский вспоминал, что в 1810-х годах вместо «мундирной одежды» воспитанники университета носили «фрак и партикулярное платье, часто меняемое по требованию моды и нередко по прихоти студента»²⁸⁵. В Казани в начале 1820-х годов попечитель боролся с манерой студентов ходить в городе в партикулярном платье²⁸⁶. О свободе в выборе костюма свидетельствовал и воспитанник Московского университета Николай Мурзакевич: «Картина была чудесная, когда весь амфитеатр, о нескольких рядах уступов, наполнялся молодежью здоровой, красивой, изящной и разнообразно одетой! Тогда еще не была введена полувойсковая форма. Тогда модный изящный сюртук или полуфрак безразлично усаживался с фризовой шинелью, или вицвелым демикотоновым сюртуком, или казакином. Кандидат, кончивший курс, студент 30 лет, студентик 15-летний, преклонных лет любознательный сенатский чиновник, армейский офицер — все это сидело, стояло, лепилось где попало на изящных лекциях Мерзлякова»²⁸⁷.

В первый же год правления Николая I были введены два вида университетской формы: для «обыкновенного хождения в классы и для выхода по надобности со двора» и для праздников и публичных собраний²⁸⁸. Мундир, по заверению мемуариста, «везде открывал студенту свобод-

ный вход, и вместе с тем удерживал его от вмешательства в какие-нибудь пестренькие общества. Студент везде был виден, и не трудно было решить, где ему быть прилично, а где нет»²⁸⁹. Особой вольностью и даже фрондерством среди московских студентов почиталось носить форменный сюртук с высоким статским цилиндром²⁹⁰.

Желая довести логику введения полувойскового мундира в университетах до завершения, попечители с армейским прошлым предлагали нашить на него «форменные погончики». По мнению московского попечителя А.А. Писарева, они бы отличали казеннокоштных студентов, проживающих в университете, от своекоштных, расквартированных у частных владельцев, и предостерегали юношей «от каких-либо шалостей»²⁹¹. За ношением и опрятностью формы следили инспекторы. Бывшие военные учили статских юношей выправке, порядку и дисциплине. Впрочем, рвение инспектора не всегда удается объяснить опытом армейской службы. Формализм захватил и тогдашнюю профессию. Так, воспитанники Харьковского университета вспоминали, что, когда инспектором служил профессор математики М.А. Байков, «никто из них не смел появиться нигде, не застегнув всех до одной пуговиц своего мундира или виц-мундира»²⁹².

Бюрократизация и связанная с ней милитаризация университетов в николаевское правление привели к тому, что главным критерием оценки студентов стали внешние «единообразие и опрятность»²⁹³, а не успехи в науках или интерес к ним. Желая получить из рук университетских служащих представителей российской элиты, чиновники заставляли студентов учиться изящной походке и отточенным телодвижениям, умению держать себя в обществе и производить приятное впечатление²⁹⁴. Для этого воспитанников обучали «фехтованию на рапирах, танцам [...], верховой езде, для чего нанимались специалисты и назначались определенные часы»²⁹⁵.

Не индивидуальной особенностью человека, а частью формы в те годы считалась прическа студента. В декабре 1837 года министр обратил специальное внимание попе-

чителя Казанского округа на стрижку подчиненных ему гимназистов и студентов. Зная взгляды императора, Уваров настаивал на том, чтобы они были приведены в соответствие «с данною им форменною одеждою»²⁹⁶.

Действительно, внешний вид воспитанников был главным показателем, по которому Николай I оценивал университет и судил об исполнительности профессоров. Поэтому ритуал въезда правителя всегда включал в себя пристальный смотр студентов²⁹⁷, которых по армейскому образцу «выставляли глаголем» (в Харьковском университете)²⁹⁸ или строили в «три шеренги по факультетам и курсам» (в Казанском)²⁹⁹. Несоответствие «наружного вида» учащихся принятой в армии норме (неопрятность мундира, длинные волосы³⁰⁰, плохая осанка, какие-либо особенности) вызывало резкую реакцию монарха и, как следствие, раздражение профессоров, лишавшихся из-за этого ожидаемых наград.

Воспитанникам Харьковского университета запомнились два визита императора. В связи с предстоящим пребыванием Николая I в 1837 году учащимся было приказано «остричь короче волосы и побрить бороды, а кто носит очки отнюдь их не надевать», то есть не выделяться. Один из студентов нарушил запрет и был в очках, когда император вошел в зал. Это тут же разгневало монарха: «Зачем очки?» — спросил он, но был удовлетворен повоенному четким ответом студента: «Чтобы видеть Вас»³⁰¹. А во время визита 1850 года император заметил студента «с волосами почти огненного цвета, имевшими вид жесткой щетины, и огромными, тоже щетинистыми бакенбардами». И хотя их носить не запрещалось³⁰², император приказал «остричь и обрить уroda», а попечителю посоветовал: «Выгони всех, пусть останется хоть один, но чтоб был похож на человека!» Александр II тоже любил строгий военный вид и, заметив в Харькове студентов, у которых «рубашка значительно была выпущена сверху галстука», велел посадить их на гауптвахту³⁰³. Тем не менее, времена изменились, и в 1861 году студенческий мундир был отменен. Для современников это было самым

очевидным признаком изменения университетской политики правительства, признания за студентами права на личные свободы... или подрывом их солидарности.

Видимость студента для власти обеспечивалась не только опознавательными знаками, присвоенными ему, но и контролем над его временем и перемещением в пространстве. В процессе трансляции знания в режиме «лицом к лицу», университетская аудитория делилась на преподавательскую и студенческую зоны³⁰⁴. С 1765 года центром «профессорской» зоны в Московском университете стала кафедра. Управляющая университетом Конференция даже планировала установить их в гимназии «по образцу, представленному [...] профессором Ростом»³⁰⁵. Эта конструкция имела символическое значение: ее форма и пространственное расположение отсылали к проповеднической и учительской традициям.

Описание профессорской кафедры в Казанском университете начала 1830-х оставил Н.И. Мамаев: «В аудиториях, посреди продольной стены помещалась кафедра, сделанная из цельного красного дерева и состоящая из нижней возвышенной от пола площадки, на которую входили по приставленной ступеньке, и стенок: задней, к которой ставился стул для преподавателя, и передней, выгнутой наружу, над которой устроена полка, для помещения на них книг или тетрадей. На этой-то передней, выпуклой к зрителю стенке кафедры было написано славянскими буквами изречение: “В злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном в греху”. Буквы были золочены и написаны с черным оттенком, от чего издали казались как бы выпуклыми»³⁰⁶. Впрочем, религиозного пиетета у студентов такая кафедра, похоже, не вызывала. Цитаты из Священного Писания воспринимались как символический рисунок³⁰⁷.

Нарастание бюрократического вмешательства в учебный процесс внешне проявилось в сегментации студенческой зоны в аудитории. Если в начале XIX века, судя по воспоминаниям современников, распределение слушателей в учебном зале было произвольным, то с 1820-х годов

они могли занять только назначенное им место. По всей видимости, такое прикрепление было введено во время увлечения «христианским благочестием». Во всяком случае, в инструкциях Магницкого есть предложения сажать воспитанников на учебные скамьи, учитывая их поведение³⁰⁸. А министерские документы 1830-х годов привычно требовали от инспектора студентов следить, чтобы его подопечные занимали на лекциях «назначенные им места». Тогда же харьковские профессора предложили для выявления пропусков занятий «распределить в Аудиториях места на скамьях для студентов и каждому из них предоставить избрать для себя постоянное место». Для опоздавших слушателей предназначалась особая скамья в конце комнаты³⁰⁹.

Постепенно не только лекционные аудитории, но и все пространство в университете стало объектом регулирования. Так, согласно «Правилам внутреннего благоустройства», составленных Магницким, поделенные на разряды студенты должны быть разделены поэтажно. Лучшие и хорошие воспитанники селились на среднем (просторном и теплом) этаже университетского корпуса. Остальным предназначался третий (тесный и низкий этаж здания). Студенты разных разрядов обедали за разными столами. Поблизости от спальных помещений третьего уровня была устроена комната «для уединения студентов проступившихся». Ее попечитель видел следующим образом: «*Над стеклянною [курсив наш] в коридоре дверью выставляется приличная надпись, на двери и в окнах железные решетки, на стене противу двери живописное распятие, широкая деревянная скамья и простой работы деревянный стол. На противоположной с скамьей стороне картина Страшного суда*»³¹⁰.

После осмотра зданий Московского университета вновь назначенный попечитель А.А. Писарев уведомил министерство о его заброшенности и запустении. По его словам, студенческие спальни на «третьем низком этаже с темными переходами и лестницами» устроены «дурно, тесно и неудобно»³¹¹. И поскольку сановнику предписыва-

лось привести университет в «цветущее состояние», он добивался реставрации или постройки новых корпусов. Преобразование московских зданий совпало с началом военизации университетской жизни. В 1826 году профессор физики М.Г. Павлов и адъюнкт медицины И.К. Тихонович специально были посланы в Петербург для изучения быта местных военных училищ и кадетских корпусов. По привезенным отчетам и рисункам был создан проект Московского университета.

В отчете попечитель подчеркивал четкость выполнения приказа и соответствие полученного результата указанным образцам («переделана сообразно с образцами», «все сообразно привезенным из Санкт-Петербурга образцам»). Чистота и порядок представлялись воплощением красоты, высшей эстетикой. Отчет буквально пестрит указаниями на это («огромные медные рукомойники красивой формы», «столовая [...] переделана надлежащим и красивым образом»). Судя по описаниям, облагодетельствованные правительством студенты ходили по университету теплыми, широкими и светлыми коридорами, с проведенными под крышу для очищения воздуха трубами и ночными фонарями.

Для «единообразия и удобства в надзоре вне классов» всех воспитанников перевели из разных помещений в «один корпус верхняго этажа главнаго университетскаго строения». Кроме спален там были устроены библиотека, хозяйственные помещения и столовая. Подобно казармам студенческие комнаты приобрели единый вид: железные кровати с номером на спинке, одинаковые зеленые столики и табуреты. Непременным атрибутом декора были икона, зеркало, термометр. Кроме того, в рамке вывешивались список жильцов, расписание лекций, рисунки студенческой формы и правила поведения. Такой лаконичный дизайн должен был воспитать в жильцах определенные культурно-психологические качества: нравственность, аккуратность, пунктуальность, привычку к самоконтролю и дисциплине³¹².

По разным мотивам, но и профессора, и чиновники стремились ограничить свободу перемещения студента в

пространстве города. В первые два десятилетия XIX века университетскими стенами профессора-воспитатели наделись защитить цивилизуемых учеников от общественных пороков. Поэтому казеннокоштные студенты карались профессорским советом за самовольные отлучки из университетского городка и наказывались за опоздания после вакаций. Взявшие на себя ответственность за нравственность и воспитание студентов чиновники опасались не общественных пороков, а беспорядков в городе, которые могли создать школяры³¹³. В 1830-х годах попечители не жалели средств на изоляцию студентов, их капсулирование в пределах университетского городка. Для этого в нем возводились каменные стены, устанавливались калитки с охраной, вводились пропуска. Ссылаясь на это желание начальства, профессор А.Л. Ловецкий предлагал разбить «для медицинских студентов сад на Университетском дворе», чтобы им не было нужды ходить в городской Ботанический сад³¹⁴.

Особенные ограничения на перемещения студентов вводились в университете в периоды эпидемий. Опасность заболеваний легитимировала любые принуждения. Так, в связи с холерой в 1830 году казанский попечитель предписал ректору не выпускать казеннокоштных студентов, пансионеров и полупансионеров из университета в течение недели, а во время учебных дней не позволять посторонним лицам посещать учащихся без письменного согласия инспектора. Инспекторский помощник должен был проверять несколько раз за ночь наличие всех студентов в постелях. Своекоштные воспитанники не имели права посещать комнаты казеннокоштных одноклассников³¹⁵.

Больше всего чиновников раздражала свобода тех, кто учился за собственный счет и жил вне пределов университетского городка. В 1827 году московский попечитель Писарев предложил передать надзор за ними городской полиции, что и было сделано³¹⁶. Своеобразной кульминацией в стремлении локализовать не только казенных, но и своекоштных студентов, избавить университетские го-

рода от влияния на них студенческой вольницы, была идея аренды в Москве специального дома для своекоштных студентов и слушателей (1831). Предполагалось, что таким образом будет легче осуществлять надзор и наблюдение за этой категорией учащихся тоже.

Главным условием проживания в университетском общежитии было «полное, непрекословное повиновение и послушание», соблюдение чистоты и опрятности в быту, соблюдение утвержденного распорядка дня, «учтивое, скромное и дружеское обращение» с товарищами, «кроткое и тихое» — со служителями. Троекратное нарушение влекло за собой изгнание провинившегося. Предполагалось, что у своекоштных студентов не будет выбора: поселиться в нем или нет. Отказ карался исключением, даже если был мотивирован отсутствием средств для оплаты проживания. Именно по этой причине из университета были исключены 44 своекоштных воспитанника из 67. Оставшимся 23 было разрешено доучиваться, но «под особенным надзором»³¹⁷.

В 1840-х годах отношение власти к расселению студентов в городском пространстве кардинально изменилось. Больше, чем городские беспорядки, правительство беспокоила студенческая корпоративность, опасность согласованных действий учащихся. В связи с этим совместное проживание студентов где бы то ни было (даже в стенах университета) представлялось чиновникам более опасным для государственного спокойствия, чем их проживание поодиночке на съемных квартирах и в номерах. Этот перелом зафиксировало, в частности, письмо помощника попечителя Харьковского округа князя Н.А. Цертелёва, в котором он просил разрешить «некоторым казеннокоштным студентам, Русскаго происхождения и известным с отличной стороны по поведению, успехам и образу мыслей» жить «на вольных квартирах». Чиновник аргументировал такое решение интересами учебного процесса и студентов³¹⁸. А в 1850-х годах министерские сановники уже открыто говорили об опасности студенческого содружества. В 1856 году казанский попечитель В.П. Мо-

лоствов уверял министра, что проживание на частных квартирах будет способствовать «причастности» студента к семейной жизни, что сделает их более благоразумными и отвратит от вредных увлечений, «проистекающих от их изолированного положения»³¹⁹. Казанские студенты были выселены из университета на «вольные квартиры» в 1857 году³²⁰, а на следующий год появился императорский указ о роспуске всех университетских пансионов и расселении студентов по частным домам³²¹.

Еще более строгим, чем над пространством, был контроль университетской администрации и чиновников над студенческим временем. Устав 1804 года предписал профессорам стимулировать в воспитанниках любовь к наукам — «возбуждать прилежание к учебе»³²². Зная о духе и настроениях той поры, невозможно предположить, чтобы александровские реформаторы думали о мерах физического принуждения отечественных недорослей сидеть на студенческой скамье. И хотя в реальности профессорские советы столкнулись с низкой заинтересованностью абитуриентов в университетском образовании, в отличие от XVIII века учащихся не приводили в аудитории в кандалах и не держали под стражей. Другое дело, что однажды зачисленный в казенные студенты молодой человек был вынужден либо усвоить тот объем готового знания, который для него приготовили профессора, либо должен был отправиться рекрутом в войска (в Казанском учебном округе это наказание было заменено на еще более тяжелое наказание — назначение учителем в какое-либо сибирское училище). Сейчас это звучит парадоксально, но тогда в университетах никого не смущало то обстоятельство, что за «недостаточные успехи» и отсутствие прогресса в учебе воспитанник получал назначение на учительскую должность³²³.

В отличие от западной университетской традиции записавшийся на факультет российский недоросль имел мало шансов изменить свой выбор. Собственно, такой система университетского обучения стала с 1820-х годов. До этого она была более гибкой. Поначалу футурусы записыва-

лись в университет без определения специальности. Конкретное отделение (факультет) они выбирали в течение первого года обучения. По всей видимости, следить за столь динамичной структурой попечителям было непросто. Да и для профессоров она создавала много неудобств, поскольку в условиях свободного выбора слушателями лекторов невозможно было обеспечить равномерной занятости всех преподавателей. Поэтому в 1820 году харьковский совет предложил ввести ограничения на переход студентов с факультета на факультет, обосновывая это необходимостью проучиться по специальности определенное количество лет³²⁴. От перебежчиков потребовали прохождения строгого экзамена, а студентам-медикам вообще было отказано в переводах из-за дефицита ученых врачей в империи.

Чем дальше, тем меньше за студентами признавалось право выбора учителя, срока обучения, предметов (кафедр), продолжительности занятий и прочее. Легально они не могли пропускать неинтересные занятия, отказываться от обучения у слабого педагога и не были защищены от произвола преподавателя или университетской администрации. Посещение всех указанных в расписании лекций было обязательным, их пропуск карался тщательно разработанной системой наказаний. Таким образом, университетское образование становилось не результатом добровольного выбора учебных курсов, а рассматривалось современниками как отрабатываемая повинность для получения государственного документа — аттестата. В этой ситуации многие пришедшие в «храм науки» к «жрецам истины» футурусы переживали разочарование. И оно было тем сильнее, чем выше были ожидания.

Большая протяженность изучаемого процесса дает нам возможность проследить его динамику, заметить долгосрочные тенденции. В интересующий нас период происходит не только закрепление студентов за факультетами, но и фиксация срока их обучения. В XVIII столетии он не был столь жестко ограничен. Тогда профессора, а не кто иной, определяли, сколько, чему и как нужно учить в

университете. Они могли обратиться к И.И. Шувалову с просьбой убедить родителей способных учеников оставить своих детей в университете еще на 3 или 4 года³²⁵. Таким же образом профессора могли сократить время обучения воспитанников. Так, в 1767 году преподаватели-правоведы просили Конференцию перевести к ним студентов философского факультета, несмотря на то, что они проучились всего год вместо положенных трех. Просьба обосновывалась тем, что на юридическом факультете так мало учащихся, что их число сравнивалось с числом профессоров³²⁶. Через год их прошение было удовлетворено³²⁷.

Устав 1804 года ввел ограничение в три года для всех факультетов, кроме врачебного, обучение на котором длилось четыре года. По уставу 1835 года длительность обучения увеличилась у всех специальностей еще на год. Чиновники министерства добивались от университетов соблюдения этих временных границ. Логика бюрократической унификации требовала, чтобы независимо от способностей все студенты одновременно и в одинаковом объеме усваивали переданные им во время лекций знания и доказали факт их усвоения во время переводных экзаменов. Это повлекло за собой не только игнорирование индивидуальных особенностей учащихся, но и создание иерархии научных дисциплин, распределение их по академическим годам и определение расхода времени, необходимого для их изучения.

Управление словом

Несмотря на модернизацию российского государства и связанное с этим доминирование письменного слова, университет сохранял значимость слова устного. Облаченное в разные дидактические формы, оно продолжало определять взаимоотношения внутри ученого сословия и регулировать его отношения с обучаемыми.

В течение первой половины XIX века несколько раз изменялся статус экзамена в университетском обучении. И поскольку готовых решений в отношении того, что считать критерием образованного человека и чем измерять качество обучения, у чиновников не было, то многие из их предписаний были своего рода пробным шаром, последствия от вбрасывания которого позволяли корректировать более масштабные решения или отказаться от них.

В Московском университете XVIII века годичные, особенно выпускные, экзамены служили публичной демонстрацией триумфа наук, рода занятий профессоров и успехов студентов. Поэтому во время испытаний профессора не только слушали и задавали вопросы, но и говорили пространственные речи, обращенные ко всем собравшимся³²⁸. Одновременно экзамен был возможностью для наставника откорректировать мысли учащихся, выявить и «исправить непорядки»³²⁹. Во время экзамена оценивались способности слушателей запоминать, принималось решение о том, чтобы «исключить негодных и заменить более достойными по выбору»³³⁰, проверялось, «не забыли ли они за время каникул ранее выученное»³³¹. За понравившиеся ответы профессора награждали учеников лестными характеристиками, книгами или медалями³³², которые конференция специально заказывала куратору³³³.

Новые тенденции в рассуждениях чиновников и профессоров о назначении экзамена позволяют выявить архивные материалы Харьковского университета, профессора которого много писали и говорили на эту тему. Еще при попытке составить свой собственный устав (1825) среди них разгорелась дискуссия о процедуре проведения переводных испытаний. Большинство совета предлагало придать всему действию ведомственный характер: чтобы студенты сдавали экзамен преподавателю в присутствии декана или других профессоров факультета. Многие профессора предпочитали демонстрировать познания своих слушателей не пришедшей праздной публике, а компетен-

тным коллегам. Кажется, только В.Я. Джунковский настаивал тогда на сохранении публичного характера просвещения и экзаменов. Он напоминал коллегам, что испытания студентов демонстрируют публике успехи учащихся и обеспечивают ее доверие к университету, что открытый экзамен сильнее стимулирует юношей отличиться, чем «частное испытание»³³⁴.

Практика университетской жизни показала, что в том же Харьковском университете довольно скоро произошла трансформация коллегиального экзамена в индивидуальное испытание. Местные профессора попытались узаконить ее в «Правилах для испытания студентов», которые им пришлось писать по требованию министерства в 1839 году. В их версии экзамен представлял своего рода допрос, который лектор устраивал своим слушателям. Предварительно он составлял вопросы по предмету и распределял их по билетам. На переводном экзамене студент отвечал на один или два вопроса, на выпускном — по меньшей мере на три. При затруднениях испытуемый мог «вынуть другой и даже третий вопрос». При этом оценка его познаний полностью зависела от отношения к данному студенту или общего настроения экзаменатора.

Для ограничения всевластия экзаменатора попечитель С.А. Кокошкин побудил харьковский совет ввести во время «окончательных испытаний» вопросы, требующие письменного ответа. Он полагал, что, с одной стороны, текст покажет умение выпускника выражать собственные мысли по определенной теме, а с другой — позволит проконтролировать и снизить пристрастность экзаменатора³³⁵.

В большой перспективе эти споры и предложения были проявлением изменений в понимании социального назначения российского университета. В сознании правительственных чиновников и сервильных профессоров цивилизаторская миссия уже уступила место утилитарному назначению государственной школы — готовить гражданских служащих для империи. А раз так, то единственным заказчиком и контролером университетской продукции

им виделось государство в лице министерства, а отнюдь не публика и не сословие профессоров. Каждый лектор нес персональную ответственность за знания студентов перед правительством и самим монархом.

Об этом было заявлено в правилах испытаний студентов Петербургского университета, которые в 1845 году министерство разослало для обсуждения в советы Московского, Харьковского и Казанского университетов³³⁶. Там, где бюрократического давления на профессоров было меньше, советы бурно отреагировали на этот документ. Так, большинство харьковских преподавателей (А.П. Шидловский, А.А. Тон, К.А. Демонси, С.Н. Орнатский, А.И. Палумбецкий, И.М. Соколов, А.К. Струве, М.Н. Протопопов, П.А. Наранович, И.В. Платонов, Ф.В. Альбрехт, Ф.Б. Ган, В.М. Черняев, А. В. Куницын и ректор университета П.П. Артемовский-Гулак) заявили о необходимости сохранить «освященный временем, законом и существенною пользою, коллегиальный порядок всех испытаний»³³⁷. Они же выступили против отмены переводных экзаменов (также как в Петербурге).

Коллективное проведение экзамена, по мнению харьковчан, демонстрировало официальность процедуры (в противовес единоличному решению преподавателя), гарантировало объективность оценки знаний студентов и информированность всех профессоров о «степени общего умственного развития в учащихся». У студентов подобный экзамен порождал бы опасения, что слабые ответы станут известны всем преподавателям университета и повлияют на их мнение о воспитанниках³³⁸.

И только профессора Г.С. Гордеенко и А.П. Рославский-Петровский согласились с проведением экзамена «в виде общей репетиции в присутствии одного преподавателя»³³⁹. Гордеенко считал, что это меньше травмирует здоровье студентов и не побуждает их подменять регулярные занятия у профессора единовременной подготовкой к испытанию в присутствии других преподавателей³⁴⁰. А Рославский-Петровский доказывал пользу индивидуального испытания от противного, то есть указывал на вред

публичных экзаменов. По его мнению, неверная оценка студентов их лектором «несбыточна», потому как должна порождаться невежеством профессора или его пристрастностью. Первая причина недопустима в университете, вторая же противоречит «нравственному значению» профессора, который должен предпочитать «справедливость и общую пользу ложно понимаемым выгодам молодых людей» и «в успехах своих питомцев находит истинную отраду»³⁴¹. Посредничество других профессоров между экзаменатором и экзаменуемым ведет к «ослаблению строгости испытаний» и тем самым вредит целям правительства, которое требует от университетских выпускников «основательных познаний»³⁴².

Вероятно, точка зрения этих профессоров более соответствовала мнению министерских бюрократов. Но они были наслышаны о негативных следствиях единоличных проверок. Студенты и их родители писали в Петербург о профессорских безумствах, разных прихотях, обвиняли их в мздоимстве. В делах Харьковского учебного округа Российского государственного исторического архива отложился целый ряд такого рода сообщений³⁴³. О распространившейся в 1840–1850-х годах практике сбора денег со студентов писали в мемуарах Н.И. Костомаров и Н.Ф. Оже-де-Ранкур³⁴⁴. Поэтому, выслушав мнения сторон, министр подписал приказ о коллегиальной форме проведения экзаменов.

До введения министерством универсальной шестибальной системы оценок (1837) в российских университетах и прочих учебных заведениях использовались описательные характеристики воспитанников. В нюансах их синонимов разбирались, вероятно, только сами преподаватели. Сегодня разница между использованными тогда определениями трудноуловима: «очень хорош», «отлично хорош», «примерно хорош», «весьма хорош», «довольно хорош». К положительным оценкам нередко прилагалось определение «изрядно». Знаток русского языка В.И. Даль объяснил, что это слово изменило значение с «из ряду вон хороший, отличный, превосходный» на «довольно

хороший, порядочный, недурной, годный, между хорошим и средственным»³⁴⁵. Кроме этого, профессора любили использовать для одобрения студентов слово «прилежно», понимая под ним способность «трудиться усердно, ревностно заниматься, старательно работать, особенно умственно»³⁴⁶.

Для оценки поведения учащихся преподаватели применяли определения «превосходен», «отличен», «успешен», «успевает», «изряден», «примерен», «слаб», «посредственен», «очень посредственен», «не худ», «мало [занимается]», «внимателен», «старателен», «смышлен», «прилежен», «скромен», «тих»³⁴⁷. Высшим поощрением студенческого поведения служило определение «благоденствен». По этому набору видно, что профессоров интересовали персональные качества и свойства личности воспитанников.

О том же свидетельствуют ведомости Петербургского главного педагогического института за 1807 год. В них все учащиеся были отнесены к воспитанникам «хорошего поведения, которые ни с какой худой стороны не замечены, но в них обнаруживается какой-либо характер», а именно: «вспыльчив», «ветреный», «внешность имеет грубую», «малодушен, может быть и потому, что прежнее свое состояние очень помнит», «ропотлив и неуступчив», «жив», «очень прост и потому был употребляем другими»³⁴⁸. Сквозь это разнообразие и богатство форм словесного поощрения и порицания просвечивает патерналистский характер отношений учащихся и учащихся в российских университетах 1810–1820-х годов.

Иначе профессора описывали успехи учащихся в науках. Каждый лектор подавал в университетский совет список записавшихся к нему слушателей, разделив их на группы или разряды. Так, экстраординарный профессор Казанского университета А.С. Лубкин в 1814 году выделил четыре категории студентов («лучшие», «сомнительные», «малонадежные», «совсем неизвестные»³⁴⁹), а на следующий год разделил их на «лучших и успешнейших», «довольно изрядных», «средственных» и «неизвестных»³⁵⁰.

Профессор всемирной истории И.Г. Томас делил студентов на «очень хороших», «хороших» и «изрядных»³⁵¹. Главными критериями распределения по группам являлись посещение лекций и готовность к экзамену. Во все времена профессора не любили студентов, стремящихся «опускать классы».

От имени правительства М.Л. Магницкий ввел более дробное деление студентов по поведению и успехам: «отличные», «весьма хорошие и хорошие», «нововступившие или испытуемые», «посредственные», «исправляемые», «под особым надзором находящиеся»³⁵². Под пером реформатора бюрократического языка («делового слога») эти «градусы» выстроились в лестницу нравственного и умственного восхождения. С одной стороны, казанский попечитель любил получать в письмах от профессоров пространные характеристики воспитанников. А с другой стороны, он же стремился объективировать оценки профессоров и сделать их единообразными, то есть создать понятный чиновникам университетский язык. Заботясь о контроле над воспитанием студентов, он ввел в делопроизводство «книги о поведении и нравственных качествах» учащихся. Инспектор студентов должен был вписывать туда «время нахождения в университете», «характер», «благочестие», «образ мыслей» и «наружное поведение» воспитанника³⁵³. Все это представлялось для сведения чиновников Главного правления училищ.

Ситуация с оценками изменилась в 1837 году после законодательного и повсеместного введения шестибальной шкалы. Несмотря на давление министерства, эта система оценок далеко не сразу была принята профессорами. Спустя два года после ее введения харьковские профессора предлагали министерству продолжать оценивать успехи воспитанников по словесной шкале: «худо, средне, хорошо, очень хорошо, превосходно». На что С.С. Уваров поставил резолюцию: «Отметки, показывающие степень успехов, должны быть означаемы цифрами: 0 (совершенное незнание), 1 (слабые), 2 (посредствен-

ные), 3 (достаточные), 4 (хорошие), 5 (отличные успехи)»³⁵⁴. Подобная оценочная система просуществовала в российских университетах до 1917 года.

О том, как приживался в профессорских сообществах России внедренный министром способ ранжирования студентов, свидетельствует казус из истории Московского университета. На переводных экзаменах 1848 года профессор-медик Г.И. Сокольский по предмету «Психиатрия» поставил 67 студентам (26 казенным и 41 своекоштному) «одну отметку 5». Попечитель счел это вызовом и сообщил в министерство об «оскорбительных и вредных» действиях как по отношению к студентам (сильные чувствуют себя обиженными, а слабые лишаются стимула), так и в отношении коллег (которые предстают перед воспитанниками в невыгодном свете как несправедливые и неблагонамеренные). Министр тоже посчитал поступок Сокольского демонстрацией неуважения к «законному порядку» и квалифицировал его как «умышленное стремление унижить в глазах Студентов и Публики установленные начала». Все это стало основанием для его увольнения из профессорской корпорации³⁵⁵. Видимо, открыто выраженный протест против формализации университетского обучения был настоящей причиной отставки профессора, а не острота, отпущенная в адрес попечителя Д.П. Голохвастова, как утверждают биографы Сокольского³⁵⁶.

О том, что чиновники не рассматривали университетское обучение в качестве самоценной возможности удовлетворения потребности в знаниях, свидетельствуют их меры по возрастному нормированию студентов. Так, если в Александровскую эпоху внимание профессоров и чиновников министерства было сосредоточено на способности футурусов слушать лекции, то в Николаевское правление для бюрократов все более важными становятся формальные показатели. Согласно бюрократическому представлению о прямой связи между биологическим возрастом и умственными способностями, важно было определить подходящий для учебы возраст и тем самым получить

единую возрастную группу учащихся. Такой унитарный подход отразился на правительственных решениях о возрастных ограничениях для учебы в университете.

В течение исследуемого времени с университетских скамей ушли недоросли. В 1805 году в списке студентов, которые через год смогут стать учителями, были указаны «малолетние» (от 12 до 15 лет). Директор Казанского университета И.Ф. Яковкин предлагал еще какое-то время поддержать их в университете. Нормальным возрастом для университетского выпускника и для поступления на учительскую службу тогда считались 17–19 лет³⁵⁷. В 1823 году казанский ректор Г.Б. Никольский опровергал подозрения министерских чиновников относительно обучения 11– и 12-летних студентов: «Правда, что есть из числа принятых недовольно зрелые, но моложе 14 лет нет никого»³⁵⁸. В 1825 году харьковские профессора согласились с мнением местного попечителя, что студент не может быть моложе 16 лет³⁵⁹. А в 1827 году казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин потребовал не зачислять в университет юношей младше 17 лет³⁶⁰. В 1834 году по желанию помощника попечителя Харьковского учебного округа А.Н. Панина данное ограничение было распространено и на Харьковский университет³⁶¹.

Сделав студентов старше, профессора всё равно не признали в них младших коллег. Министерские предписания настоятельно советовали преподавателям относиться к воспитанникам как к не вполне дееспособным людям³⁶². Сам император Николай I называл студентов «детьми»³⁶³, а министры твердили о «несовершеннолетии» университетских воспитанников, невзирая на их индивидуальный возраст³⁶⁴. Такой патернализм легитимировал насильственную заботу государства и контроль чиновников за всеми сферами жизни университетских воспитанников. Осмысляя впоследствии отношение николаевских чиновников к студентам, попечитель Петербургского учебного округа Г.И. Филипсон писал: «Во весь этот период, 1835–1857, на студентов смотрели как на несовершеннолетних воспитанников, для которых нужна подробная дисципли-

нарная регламентация и строгий надзор за их нравственностью, поведением и даже за исполнением религиозных обязанностей...»³⁶⁵

Итак, классический принцип «свободы обучения» в российских университетах был перекодирован в принцип «социального проектирования». Это произошло в силу низкой социальной потребности в университетском обучении, с одной стороны, и в силу настроя правительства на конструирование желаемого общества, с другой. Во всяком случае, такими были обстоятельства, в которых в первое десятилетие XIX века происходило становление отечественной университетской культуры.

В дальнейшем ситуация в России стала более благоприятной для реализации идеалов немецких реформаторов университета. Введение возрастных ограничений привело к повзрослению студентов. А расширение сети гимназий и улучшение образования в них дало университетам интеллектуально развитых абитуриентов, сделало возможным конкурс среди них. Как следствие в 1830-х годах профессора получили подготовленных и мотивированных слушателей.

Однако изменение студенчества не отразилось на его статусе в университетской корпорации. Как и прежде, студент остался «младшим» (не коллегой, а воспитанником), объектом учебного процесса, материалом для созидания. Более того, с каждым годом министерские чиновники усиливали опеку и контроль, неумолимо разрабатывали средства дисциплинарного воздействия на учащихся, а многие преподаватели устремились от общения и сотрудничества с ними. В результате университетское сообщество оказалось разбитым на два противостоящих друг другу лагеря — учащихся и учащихся, взаимоотношения которых регулировали министерские чиновники.

Бюрократическое представление о стабильности как консервации существующего порядка породило игнорирование изменений, в том числе очевидной смены культурно-психологического типа студентов. Отстранение профессуры от воспитания учащихся и искусственный

патернализм по отношению к взрослым людям способствовали рождению протестных настроений в студенческой среде. В результате государственная власть получила не верноподданных интеллектуалов, а «университетский вопрос» — комплекс политических противоречий, сопровождающихся обструкциями, срывом занятий и волнениями студентов, с одной стороны, и политикой стигмации («наклеивания ярлыков-обвинений»), с другой.

РАЗДЕЛ 3

ЭТОСЫ ПРОФЕССОРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Для современного, не погруженного в тайны университетской жизни человека представляется естественным, что жизнь профессора должна быть посвящена науке, что открытиями и учеными трудами должна определяться его репутация в профессиональном сообществе, его статус в университетской корпорации, что, несмотря на конкуренцию, коллеги могут оценить по достоинству вложенный труд и жертвы друг друга, что они как никто другой уважительно относятся к способностям и достижениям своих соратников. Большую роль в формировании такого идеалистического представления об университете сыграли прославительные, в том числе юбилейные, тексты, в которых Наука и ученые фигурируют в качестве Храма и его служителей. Приблизительно с середины XIX века (с подготовительных мероприятий к первым юбилеям) и вплоть до сегодняшнего дня историки университетов протягивают поступательную линию развития научного поиска, создают Большой эпос университетской науки. В трудах, восславляющих *alma mater*, перечисляются сделанные в ее стенах открытия и имена трудившихся здесь подвижников. Применительно к России первой половине XIX века такие эпосы подкреплялись доводами историков правительственной политики³⁶⁶.

Благодаря схожим утверждениям многочисленных писателей, у читателя (и тем более у заинтересованных администраторов) должно было сложиться впечатление, что уже в первой половине XIX века обучение и наука составляли неразрывные части университетской жизни,

а этос научного служения образовывал границы ученого сословия. Однако архивы учебных заведений и Министерства народного просвещения свидетельствуют о трудностях рождения феномена университетской науки и о прерывистой линии его жизни, о трагических судьбах ученых, не нашедших признания у сослуживцев, о конфликтах в понимании роли и назначения науки. Обнаружение этого не есть исключительно наша заслуга. О таких противоречиях писали биографы отдельных ученых и историки образования³⁶⁷. Однако без восстановления исторического контекста, в котором зарождалась научная работа университетских людей, такие утверждения не обладали необходимой убедительностью.

Для нас особенно важны два измерения этого контекста: внешний и внутренний. Складывание российского университетского сообщества происходило во времена, когда на европейском Западе дал о себе знать феномен научного романтизма. Во многих странах он породил ученое подвижничество. Поступившие на русскую службу исследователи говорили с университетских кафедр об эксперименте как о смысле жизни и демонстрировали это собственным примером. В благоприятных обстоятельствах им удавалось заразить таким отношением к исследовательской работе своих русских учеников.

Но в условиях России становление университетской науки происходило в культурной среде, ранее не имевшей подобной интеллектуальной традиции. Оно стимулировалось острой потребностью модернизирующегося по европейскому пути государства в рациональном описании себя и желанием политических элит обрести рациональные основания национальной идентичности. Эти факторы определяли не только фон развития научного производства (осложняющий или благоприятствующий), но и когнитивную рамку, внутри которой оно осуществлялось (и через это влияло на характер полученных результатов).

Данный сюжет рассматривается нами сквозь призму истории «наук о человеке и обществах» — комплексе уни-

верситетских «кафедр», в те времена относящихся к разным факультетам и специальностям. Близкую к современному определению область знания люди XVIII века называли «политической географией» (относя к ней изучение нравов и обычаев народов)³⁶⁸. После введения в действие университетского устава 1804 года все студенты слушали курс лекций по кафедре естественной истории и ботаники, посвященный «трем царствам» природы (флора, фауна и минералы)³⁶⁹. Тогда эти сведения виделись основой для познания ресурсов земного существования человека в целом и отдельных государств в частности³⁷⁰. Естественная история включала раздел о народонаселении («натуральная история человека»³⁷¹), в который входило изучение человеческих существ, описание их тел, выявление общих физиологических признаков, классификация групп и видов, поиски общих прародителей человеческого рода. Соответственно проблемой людского разнообразия, природных ресурсов и условиями проживания в империи занимались ученые, приписанные к отделениям (или факультетам) физических и математических, а также врачебных наук. В силу ряда причин их исследовательская активность была выше, чем у представителей других кафедр (дисциплин). К 1820-м годам университетские знатоки Российской империи выпустили около 60 учебников по общей и русской географии³⁷².

С введением устава 1835 года исследования народов сосредоточились на философских факультетах, где были созданы кафедры российских, славянских и восточных наречий. Представители же естественно-научных дисциплин и выпускники медицинских факультетов осуществляли сбор первичных данных о регионах и их населении с точки зрения учета человеческих ресурсов для развития экономики империи. Кроме них к производству и систематизации такого рода знаний были причастны университетские статистики, которые не образовывали самостоятельную дисциплину и, как правило, были преподавателями кафедр истории, географии и статистики на словесных отделениях.

Выбор данных дисциплин как объекта изучения объясняется, во-первых, комплексом обнаруженных нами архивных документов, а во-вторых, государственными интересами в области производства нового знания. В первой половине XIX века именно в этом пространстве совпадали исследовательские намерения российских интеллектуалов и потребности просвещенной бюрократии. Задача эффективного управления империей побуждала Министерство народного просвещения заказывать университетам изучение ресурсов и разработку технологий их использования («камеральные науки»). В данной книге мы сосредоточили внимание на исследованиях населения России и сопредельных с ней культурных ареалов. Для их выполнения профессорам выделялось государственное финансирование и административные ресурсы. Проявлялась ли в этих приоритетах специфика имперской научной политики или это следствие весьма ограниченных финансовых возможностей империи, еще предстоит выяснить. В данном случае для нас было важным проследить изменения групповой идентификации профессоров и выявить условия расслоения этоса цивилизационной миссии, а затем государственного служения на идеологию научного и профессионального долга.

В своих исследованиях социальной роли науки Д. Бен-Давид убедительно показал, сколь эффективной машиной по производству ученых был немецкий университет XIX века³⁷³. Гумбольдтовский университет по утверждению Д. Александрова «породил систему научных дисциплин в том виде, в каком она существует до наших дней, — в виде современных кафедр и факультетов»³⁷⁴. Однако признание факта трансфера в Россию немецкой образовательной модели еще не дает нам оснований осмыслять XIX столетие как век исследовательского («классического») университета. Судя по последним публикациям германских историков, принцип «обучение через науку» не был организационной основой не только вновь возникших тогда российских университетов, но и Берлинского университета тоже³⁷⁵. Что касается его основателя Виль-

гельма фон Гумбольдта, то он действительно мечтал о совместном служении профессоров и студентов науке. Но это не означает автоматического воплощения его мечты в дидактическую практику Пруссии³⁷⁶.

В размышлениях немецкого реформатора о самоценности исследовательского поиска легко заметить следы победившей в то время в Европе второй научной революции, открывшей эпоху «романтической науки»³⁷⁷. Историк науки Р. Холмс назвал ее «эпохой удивления» (1760—1830). Это было движение, которое выросло из просветительского рационализма XVIII века, но трансформировало его всплеском воображения и стремлением совершать открытия. Оно принесло в Европу культ исследовательской работы. Идея экспедиции стала центральной для романтиков науки и включала в себя несколько символических образов. Одним из них был «научный гений», жаждущий знания любой ценой и даже ценой собственной жизни. Эта неофаустианская идея нашла отражение в художественной литературе (И.В. Гете и М. Шелли). Другим привлекательным образом служил «эвристический момент», интуитивное откровение, подготовленное многолетней исследовательской работой и экспериментами. Крик «Эврика!» был в те годы опознавательным знаком гения. И, наконец, третий символический образ связан с понятием бесконечной, загадочной Природы, скрывающей тайны и ожидающей от человека их раскрытия. Ссылаясь на него, Гумбольдт уверял современников, что «характерной особенностью высших научных учреждений является то, что они всегда обращаются с наукой как с еще не до конца разрешенной задачей и потому постоянно остаются в поиске, в отличие от школы, которая имеет дело лишь с готовыми и окончательными знаниями и учит им»³⁷⁸.

Ученый эпохи романтизма не был пассивным наблюдателем. Его представление о мире контрастировало с представлением механистического и математического универсума Ньютоновской физики. Романтики были служителями «динамичной» науки, изучающей невидимые

силы и загадочные энергии (рост, трансформации, органические изменения). Они обследовали природу изнутри с помощью новых научных инструментов³⁷⁹.

Таково было общеевропейское направление мысли. Борьба за секулярное, гуманистическое тело знания, посвященное пользе всего человечества, велась в революционной Франции. Романтическая наука бросила вызов Лондонскому королевскому обществу и породила новые научные институты (Общества врачей, Общества любителей языка, словесности, Общества естествоиспытателей) в Британии. Исследователи из разных стран отправлялись в кругосветные плавания с непредсказуемым исходом, руководствуясь идеалами единого просвещенного человечества.

Тогда же родился феномен массовой, народной науки. Романтические ученые отвергали элитарность, понятию как эзотеричность. Они желали быть услышанными, увиденными и понятыми. Это желание толкало профессоров к организации публичных лекций, показу научных кабинетов и музеев, проведению лабораторных демонстраций, написанию популярных учебников и статей. С конца XVIII века западная наука обратилась к женщинам и детям. В результате популяризации научных знаний экспериментальный метод стал основой новой философии жизни.

И хотя романтические испытатели исповедовали идеал «чистой и незаинтересованной» науки, высвобождаясь из тенет церкви, западная наука становилась инструментом политики европейских государств. Это состояние по-разному объяснялось, и из него извлекались разные выводы. Так, Гумбольдт обращался к правительственным чиновникам с призывом участвовать в финансировании исследований, в формулировании задач для ученых, в обеспечении условий для их деятельности и вместе с тем требовал от бюрократов невмешательства в ученые занятия и признания свободы творческого поиска. Регулярное государство, по В. Гумбольдту, «поистине всегда скорее служит

помехой, как только вмешивается, что дела сами по себе шли бы без государства бесконечно лучше»³⁸⁰.

Не имея в своем генезисе времени независимого от политической власти цехового существования, русские профессора намного легче, чем их коллеги на Западе, воспринимали зависимость от государства, а потому желали правительственного патронажа над наукой и относились к министерским приказам на исследования как к проявлениям личного признания и выражениям доверия.

Ученое сословие

До учреждения Академии наук и университетов «быть наученным» в России значило «получить навыки». Так, живописных дел мастера искали в поступающих к ним учениках «доброе происхождение в науке»³⁸¹, имея под этим в виду способность к обучению. Считалось, что знания нужны для того, чтобы изготовить какой-либо рукотворный «шедевр» (профессиональное изделие). Соответственно, передача таких знаний требовала от обучаемого школярства и подражания «образцам» (то есть зависимости от мнения и решения учителя).

Европеизация содействовала изменению понимания науки. В Новое время у производства знания появилось качественное отличие — инструментальность. Западные натуралисты расширяли и совершенствовали методы познания и основанные на формальной логике способы рационализации и систематизации эмпирических наблюдений, изобретали способы изучения невидимого. Усвоение новых изобретений в России не было напрямую обусловлено учреждением университетов.

Поначалу российское правительство не требовало от профессоров поставки новых знаний. Ни в уставе Московского университета 1755 года, ни в общеуниверситетском уставе 1804 года ничего не говорилось об их обязанности заниматься такого рода деятельностью. Им

вменялось в обязанность быть «рассадниками наук», что подразумевало популяризацию нормативного знания и воспитание образованных элит. И.И. Шувалов объяснял ученому сословию государственную пользу университета, которую видел в том, что «в отдаленном простом народе суеверия, расколы и тому подобныя от невежества ереси истребятя»³⁸².

Предполагалось, что потребность правительства в первичных сведениях и научных объяснениях (особенно касающихся Российской империи) будет удовлетворять Академия наук. Однако распределение обязанностей между двумя учеными сословиями (или «состояниями») империи стало меняться уже в первые десятилетия XIX века. Академия не оправдывала ожиданий верховной власти с точки зрения «русского» представительства и масштабы проектов. К тому же академические экспедиции сопровождались большими денежными затратами. А вот университеты оказались более приспособленными к удовлетворению потребностей российской власти, а их исследования менее затратными в силу окружной структуры учебной системы империи.

Поначалу приписанные к шести университетам учебные округа представлялись сановникам своего рода «ботаническими садами», требующими культурной обработки. Тогда это подразумевало посев грамотности в местной культурной среде и прививку к ней западного типа культуры. Предполагалось, что это удастся сделать посредством переводов книг, освоения наук, обучения студентов и местной публики, издания газет и журналов, создания новых учебных заведений и руководства их деятельностью. Однако спустя несколько лет после принятия устава 1804 года университеты стали получать предписания Министерства народного просвещения, потребовавшие изучать и описывать вверенные им части империи. Визитаторам (ревизорам) училищ рекомендовалось во время служебных поездок вести дневники наблюдений. «При основательных исследованиях о состоянии училищ, публичных и частных, во всем округе, — говорилось в ин-

струкции Харьковского учебного округа, — предлежит вам замечать повсюду, в какой где степени образование жителей всякого звания, от дворянства до крестьян. Хотя во многих местах оттенки не очень могут быть значущи; но они разительны будут в наблюдениях простертых по Дону, к Кубани, на степи Нагайския и Очаковския, населенные стечением людей всяких племен»³⁸³.

Правда, тогда эти наблюдения предполагалось использовать для целей просвещения же, для облегчения адаптации западных знаний местной культурой. «Замечание же оных разностей ради того необходимо, — наставляла совет Харьковского университета правительственная инструкция, — что от них должна зависеть разность мер, какая принять, а особливо в начале, Главному училищу правлению нужно будет. Внимательно также рассматривать следует народные в разных местах упражнения и род промышленности, дабы к усовершенствованию их можно было наклонять и приноравливать самое учение в тамошних школах»³⁸⁴. Для поощрения университетских визитаторов чиновники министерства соглашались признавать собранные ими сведения за исследовательскую работу. Участвовавшие в таком сборе данных профессора и адъюнкты относили свои отчеты к статистическому, географическому или этнографическому письму (в зависимости от специальности исследователя).

Эти довольно простые и утилитарные заказы правительства дали плоды, которые стимулировали исследовательскую работу в университетах. В инструкции визитаторам 1807 года, выданной профессорам И.С. Рижскому и И.Ф. Тимковскому, предписывалось: «Как места Харьковского округа, по которым проезжать вам следует, содержат в себе многие исторические памятники, как-то: камни в фигурах, камни с надписями, надписи на зданиях, развалины, монеты, медали и иные древние изделия, то, пользуясь случаем, открывать и находить их, и собирать о них сведения; можете достойнейшие из удобопереносимых приторговать или, по усмотрению, и покупать для кабинета сего университета, для чего отпускается

300 руб.»³⁸⁵. Следствием полученного харьковчанами импульса стали описания Днепровских порогов, коллекция древностей городища Ольвии, введенные в научный оборот рукописи А.М. Курбского и данные по ногайским племенам³⁸⁶.

Опираясь на исследовательские методы натуралистов, прибывшие в Россию профессора развернули здесь сбор первичного материала для западной науки, а российское правительство оказывало им в том административное содействие. § 52 «Устава учебных заведений подведомых университетам» (1804) понуждал директоров и учителей гимназий и народных училищ «вести исторические, метеорологические, топографические и статистические записки о губерниях». Для эффективной работы сети профессорам надо было лишь составить «подробные по сему предмету наставления учителям через директора, который по мере того, как таковые записки будут изготовляемы, будет представлять оные вышнему начальству»³⁸⁷. Что университетские советы и делали.

Разбирая в начале XX века архив Харьковского университета, Д.И. Багaley опубликовал подробные выдержки из протоколов правления, позволяющие проследить организацию таких исследований о Слобожанщине. На одном из первых заседаний 14 февраля 1806 года совет университета поручил адъюнкту технологии и коммерции Д.И. Шмерфельду составить «наставление по вопросам топографии». Теоретической основой для него послужило исследование Ж. Неккера «Управление финансами Франции» (1784). В нем теоретик политической экономики и статистики ратовал за учреждение государственного бюро исследований и справок для координации и обобщения работ отдельных ученых. Шмерфельд предложил Харьковскому университету взять на себя подобную роль и осуществлять посредством учителей сбор статистических и топографических данных по единой системе. Каждый учитель должен был описать свой город и его окрестности с точки зрения топографии, природных богатств, населения и его занятий. Составитель инструкции реко-

мендовал сопровождать полевую работу экскурсиями для учеников, дабы вызвать в них патриотические чувства³⁸⁸. Соединив сведения по всем учебным округам, правительство, по мнению харьковского исследователя, могло получить статистику (картину) всей Российской империи.

Историки Харьковского университета называют проект Шмерфельда «географической программой». У нас нет данных о том, почему совет отказался от ее реализации. Но в 1809 году он поручил адъюнкту теперь уже русской истории Г.П. Успенскому подготовить новое «Наставление учителям для составления исторических, топографических и статистических записок согласно ст. 52 училищного устава». По свидетельству Д.И. Багaley, оно было составлено, обсуждено и опубликовано³⁸⁹.

Возможно, причина смены проектов лежит в дисциплинарном поле. Историческая фокусировка позволяла получать свидетельства в пользу культурных преимуществ России. На это предположение наводят публицистические выступления Успенского. На торжественном университетском акте 30 августа 1809 года он произнес речь, в которой доказывал, что «каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств»³⁹⁰. Обращаясь к собравшейся публике, оратор вопрошал: «Итак, нам ли, кои ходили по земле, обгащенной кровью предков наших и прославленной важными предприятиями и знаменитыми деяниями наших князей и полководцев, нам ли быть столь неблагодарными, чтобы к мечтам сим не иметь никакого уважения, смотреть на них с хладнокровием без всякого внимания, или еще не знать даже, где что-либо знаменитое случилось?»³⁹¹

Пламенные призывы оратора возымели действие. По его инструкции учителя действительно собирали исторические и культурные артефакты. Д.И. Багaley приводил в пример тому записку, поступившую от почетного смотрителя уездных училищ Прилукского уезда Полтавской губернии П. Белецкого-Носенко. В ней рассказывалось о местном городище, которое, как считал краевед, пред-

ставляло собой остатки одного из пограничных древнерусских городов Тмутаракани, и о находке бронзовой статуи в селе Редьковке. Кроме того, Белецкий-Носенко описал языческие обычаи местного населения и представил в совет университета исследование о климате Прилуцкого уезда и его влиянии на экономику края³⁹².

Подобная организация исследовательской работы прослеживается по делопроизводственной документации и прочих «русских» университетов. И только в Петербурге, где до 1819 года не существовало университета, но был округ, его попечитель С.С. Уваров сам без профессорского содействия писал инструкции для учителей и инициировал их этнографические исследования³⁹³. Очевидно, этот опыт побудил его в пору управления Министерством народного просвещения ликвидировать училищные комитеты университетов и сосредоточить организацию научных исследований в руках попечителей. С 1833 года попечители сами назначали визитаторов (ревизоров) для училищ и определяли составителей экспедиционных инструкций³⁹⁴.

Что касается «научных» интересов локальных властей, то в первые десятилетия XIX века университет воспринимался губернаторами в качестве «камерального» помощника-советника. Глава Харьковской губернии И.И. Бахтин обращался к профессорам, чтобы узнать, какие стоит высаживать травы для развития пчеловодства, как и с помощью каких средств бороться против саранчи, поручал им исследовать обнаруженные диковинки и предполагаемые месторождения угля. Получив «ученое мнение», он использовал его для выбивания из Петербурга «ассигнования необходимой суммы на [...]»³⁹⁵.

Так же утилитарно университет воспринимали и местные помещики — для повышения доходности хозяйства. По их запросам профессора изучали качество почв в имениях, заказывали за границей саженцы и семена новых сортов растений, исследовали состав местных минеральных источников, предохраняли скот от эпизоотий, а жителей от эпидемий, давали советы по производству «кун-

жутного масла». Описывая эту разнообразную деятельность, профессор химии Ф.И. Гизе доказывал участникам торжественного акта 1808 года практическую пользу местного университета³⁹⁶. Тогда это было важно сделать, чтобы склонить мнение обывателей в пользу нового учреждения.

Написанные в то время профессорами немногочисленные научные труды министерство переправляло на рецензирование в Академию наук³⁹⁷. Ее члены воспринимались правящей властью экспертами в российском производстве знаний. По всей видимости, в нем тогда не было национальных приоритетов. Правительство Александра I поощряло любые инициативы и любых исследователей, желавших изучать Россию и ее прошлое. В первое десятилетие XIX века власти не делили науку на «отечественную» и «зарубежную», а ученых на «русских» и «иностраных» или «чужестранных». Правда, призывы к установлению научного протекционизма уже раздавались, но они были единичными и имели просвещенческий, а не националистический характер.

Озвучивший подобные настроения московской фронды попечитель А.К. Разумовский обличал действия правительства, открывавшего зеленый коридор для иностранных ученых в России. Поводом к его обращениям во власть послужил приезд в Москву австрийского натуралиста Мора, направлявшегося в Сибирь. Вскрывая антипатриотичный характер политики открытых дверей, граф писал: «Средства такие, употреблялись иногда Правительствами, только в диких странах Африки и Америки: но просвещенные государства в Европе, имея собственные способы к познанию внутренности своей; употребляя на то иждивения; находя в том выгоды и славу; позволяют путешественникам только ездить, и собирать уже известное. Таким образом, видал я при Екатерине, проезжающих чрез Москву в Сибирь ученых: но все новые открытия, оставались для национальных испытателей; и редкости стекались в национальные кабинеты»³⁹⁸.

Размышляя в категориях цивилизационного дискурса, Разумовский настаивал на необходимости развития авто-

номной российской науки. «Безславию для нации, что чужеземцы будут сообщать ученому свету открытия, сделанные в недрах России», — писал он министру народного просвещения П.В. Завадовскому³⁹⁹. Следуя логике западных естествоиспытателей, труды которых он штудировал, попечитель указывал властям на политические и репрезентативные возможности науки. Она должна представлять европейскому миру Россию страной рациональной, способной к самоописанию. Русская нация в состоянии сама осмыслить себя и изучать принадлежащую ей территорию, а не быть экзотическим объектом наблюдения и объяснения «со стороны». Подтверждением такой способности отечественных университетов для Разумовского служили московские научные общества и издаваемые ими труды⁴⁰⁰.

Став министром, Разумовский ограничил участие иностранцев в российском научном производстве и потребовал от университетов проведения исследований империи. Министерским чиновникам казалось правильным ввести распределение обязанностей, при котором Академия будет изучать отдаленные пограничные регионы и окружающий Россию культурный мир посредством экспедиций, а каждый из шести императорских университетов будет анализировать подведомственную ему часть страны посредством кратковременных поездок отдельных ученых или через организацию стационарных наблюдений.

Данное обстоятельство позволяет понять, почему этнографические исследования в университетах активизировались в годы, которые получили в историографии определение «обскурантских». Идеологические изменения начала 1820-х годов повлекли за собой национальное переосмысление назначения недавно созданных высших школ (в языке официального делопроизводства появились определения «русский», «немецкий» и «польский» университеты) и усилили их вовлеченность в производство знания для правящей власти. Так, сторонник идеи государственного контроля над профессорской корпоративностью⁴⁰¹ казанский попечитель М.Л. Магницкий

стремился приспособить подчиненный ему университет к потребностям правительства в специалистах, инкорпорировать в него традиции православного воспитания и вообще сделать «полезным», побудив профессоров поставлять в Петербург сведения о природных и человеческих ресурсах восточной части империи. В этих намерениях прусская система государственных заказов на университетские исследования представлялась релевантной организационной моделью для удовлетворения потребностей российской власти.

При этом правительственный чиновник ни в коей мере не имел в виду принцип «обучение через науку». Напротив того, в представлении Магницкого, объем и содержание знаний, получаемых студентами, и знаний, предназначенных для верховной власти, должны быть различными. Так, профессору естественной истории следовало убедить учащихся в том, что «обширное царство Природы, как ни представляется оно премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, к которому после кратковременной жизни мы предопределены»⁴⁰². То есть для дидактических целей воспроизводилась христианская телеология «конечной причины». Другое дело — сведения для властей. Тот же профессор должен был собрать данные о флоре, фауне и минералах Российской империи и рационально объяснить их внутреннюю систему. Такой же разрыв обнаруживается в рассуждениях попечителя относительно пользы пришедших с Запада знаний. В интересах государственного «спокойствия» российских учащихся следовало оградить от влияния «разлагающейся» цивилизации, при этом в исследовательской практике русские ученые не должны были «отставать» от остального ученого мира. Таким образом, попечитель опасался западных знаний как средства цивилизации, старался умерить просветительский энтузиазм и амбиции университетов. В то же время он стимулировал развитие в Казанском университете исследований, видя в них долг государственного служения профессоров.

Судя по сохранившимся в архиве записям, М.Л. Магницкий рассчитывал, что выполнение правительственных заказов привьет профессорам чиновную культуру, которая заведомо лучше, чем университетская корпоративность, поскольку ей свойственны чинопочитание, честь мундира и лояльность. Он порицал профессиональные интересы и требовал, чтобы ректор постоянно напоминал профессорам, что они «призваны не для продажи собственных познаний за известную меру корысти, но что Правительство, облакая их почтенными званиями, кои с толиким трудом в других родах службы приобретаются, желает, чтобы они видели в себе людей, работающих во Славу Божию, для спасения вверенных им душ, для пользы Отечества и просвещения, для славы их сословия и для собственной чести»⁴⁰³. Здесь корпоративным и профессиональным интересам противопоставлен этос государственного служения. Магницкий рассчитывал на то, что коллективная исследовательская работа на правительство научит их взаимодействовать, ослабит борьбу «университетских партий», породит в профессорах патриотизм места и благодарность начальству.

В 1810–1820-х годах императорские университеты и их советы были в разной степени вовлечены в подобное научное производство. Кажется, оно было тем активнее и централизованнее, чем больше университетское управление было сосредоточено в руках попечителя. Так, страдавшие от деспотизма Магницкого казанские университеты приняли участие в ряде локальных и кругосветных экспедиций. Адъютант технологии А.И. Лобачевский был направлен в длительную поездку по Сибири для изучения горных заводов и сибирских природных богатств⁴⁰⁴. Профессор Э.И. Эйхвальд обследовал побережье Каспийского моря и часть Северного Кавказа⁴⁰⁵. Экстраординарный профессор астрономии И.М. Симонов отправился в кругосветное морское плавание. После его возвращения, в 1823 году Ф.Ф. Беллинсгаузен запросил у Казанского университета специалиста по «естественной истории» для путешествия к берегам русской Америки⁴⁰⁶. Такого рода

участие каждый раз требовало персональных договоров попечителя с влиятельными лицами в правительстве и трудных ведомственных согласований.

Первая научная экспедиция Харьковского университета состоялась лишь в 1835 году⁴⁰⁷. Исследовательская активность местных профессоров оборвалась после войны 1812 года и отъезда из Харькова иностранных специалистов. Багaley констатировал, что после 1814 года научная работа здесь свелась к борьбе медиков с эпидемиями и к ответам на запросы официальных лиц⁴⁰⁸. Стагнация исследовательской работы привела к приостановке воспроизводства ученых. Согласно архивным документам, в 1830-х годах харьковский натуралист В.Ф. Криницкий не мог обрести докторской степени и стать ординарным профессором из-за отсутствия в родном университете «достойных экзаменаторов» по его специальности⁴⁰⁹.

Вероятно, выпадение Харькова из зоны правительственных заказов связано с пассивностью местных попечителей. Судя по всему, главы округов стремились не обременять себя организацией государственного заказа для Харьковского университета, а созданию его научной репутации предпочитали спокойную повседневную жизнь. Поэтому на призыв министерства получить от харьковских профессоров описание современного состояния преподаваемых ими наук помощник попечителя А.Н. Панин отвечал, что в местной библиотеке нет новых научных книг и периодических изданий, и вообще, чтобы требовать ученых знаний, надо «не обременять свободных часов Профессора заседаниями в Совете, факультетских собраниях, Правлении и Училищном комитете»⁴¹⁰.

Условия исследовательской работы и ее интенсивность в конкретных университетах могли быть разными, но общим явлением было то, что до начала 1830-х годов отсутствие или вялость научной жизни не считались признаком кризисного состояния университета, а отсутствие научной продукции и даже квалификационного исследовательского труда (диссертации) — показателем некомпетентности профессора.

В разные времена появились при университетах и научные общества, а также стали издаваться их ученые труды. В Москве Общества истории и древностей российских (1804), испытателей природы (1805), любителей российской словесности (1811), соревнования врачебных и физических наук (1805) открылись еще до войны 1812 года. По примеру столичных коллег в 1806 году было открыто Общество любителей отечественной словесности при Казанском университете. Желая выгодно представить правительству подведомственный университет и реагируя на падение интереса читателей к периодическому изданию «Казанские известия» (1806–1820), местный попечитель основал журнал «Казанский Вестник» (1821–1833). Каждый его выпуск рассылался западным коллегам, по учебным заведениям округа и предназначался для прочтения учителями⁴¹¹. Увлеченный идеей просветительской колонизации, министерский чиновник требовал предоставлять в журнал самые разные сведения о регионе. В эти годы в «Казанском вестнике» публиковались материалы экспедиций, научных командировок⁴¹², переводы книг западных путешественников⁴¹³, сообщения о диковинных «людях и нелюдях»⁴¹⁴, наблюдение за нравами и обычаями народов, проживающих на территории округа⁴¹⁵. В результате в нем получила преобладание этнографическая тематика. При этом эта тенденция с годами (и даже после увольнения М.Л. Магницкого с поста попечителя) нарастала⁴¹⁶.

В Харькове Общество наук было основано в 1813 году. В 1817 году оно издало том своих научных трудов, но потом его активность ослабла, и в 1832 году Общество закрылось⁴¹⁷. В 1837 году в министерство пришел проект организации нового Общества и университетского издания, но он не был реализован⁴¹⁸. Видимо, тогда харьковчанам не удалось возродить систематическое исследование территории и населения округа.

Особенность развития российских университетов заключалась в том, что, с трудом налаживавшие трансфер

западных идей и культурных ценностей, они уже в конце 1820-х годов были вовлечены в стимулированные правительственными идеологами поиски русской идентичности. В те годы политическая элита довольно резко расширила «горизонт ожиданий» по отношению к «храмам наук». Оценив способность западных интеллектуалов создавать картины мира и перекраивать ментальные карты, российское правительство пожелало получить от чиновников «ученого ведомства» репрезентативную и релевантную телеологию современной цивилизации — универсалистски-рациональную по своим основаниям, но русскоцентричную по форме.

Изложив в известном письме к императору идеологическую программу Российской империи и разработав стратегическую политику Министерства народного просвещения, С.С. Уваров ввел в устав 1835 года требование исследовательской работы и даже провел довольно радикальную кадровую чистку в университетах. Следствием этого стало освобождение профессорских советов от не обремененных наукой членов, активизация экспедиций и вовлечение российских ученых в мировые исследовательские проекты. «Сим уставом [1835 года], — констатировал в 1851 году А. Рославский-Петровский, — дано новое направление наукам, сообразное с настоящим положением их в Европе»⁴¹⁹.

Чтобы достичь таких результатов, так же как и его предшественник К.А. Ливен, Уваров считал необходимым воспитывать российских ученых в отечественных университетах, а обучать в западном академическом сообществе. «И здесь, как и во всем пространстве Государственного хозяйства и сельского домоводства, — убеждал он монарха в 1830 году, — необходимы: *Русская система и Европейское образование*; система Русская — ибо то только полезно и плодотворно, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование Европейское — ибо больше как когда-нибудь, мы обязаны вглядываться в то, что происходит

вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти; но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего»⁴²⁰.

Пройдя в России через школу почти военного нормирования, воспитанник мог отправиться за рубеж. В 1830-х годах научные стажировки магистров и экстраординарных профессоров стали нормой университетской жизни. Причем, в отличие от александровских времен, это были не кратковременные ознакомительные поездки, а необходимая часть системы обучения. И они обрели иное назначение. Когда в начале XIX века попечитель Московского университета М.Н. Муравьев отправлял за границу И.Е. Грузинова, А.Х. Чеботарева и А.Ф. Мерзлякова, у него было желание получить «своих» профессоров с «чужими» знаниями. Московский попечитель полагал, что «иначе нельзя завести *своих* (курсив наш) Профессоров, как посылая их в чужие края, чтоб они выучились там своим правам, трудолюбию и должностям»⁴²¹.

И Магницкий отправлял в зарубежную стажировку казанских преподавателей с мыслями о политических интересах страны, нуждающейся в культурных ценностях Запада. Тогда цель командировки виделась в приобретениях и перевозке в Россию знаний и научных экспонатов. «Думаю отправить в чужие края с профессором Тимьянским, — писал он, — нескольких Магистров для обучения на следующем основании. Тимьянский отдаст их на два года в хорошие руки в Вене или в Париже; а сам совершит в сие время объезд Европы, посмотрит лучшие кабинеты Естеств[енной] Истории; выберет и купит, что для нас нужно. Осмотрит унив[ерситеты] и академии, установит связи с ними для доставления в унив[ерситет] лучших издаваемых ими классических творений, и собрав окончивших свой курс Магистров возвратится»⁴²².

Знакомство русских студентов с западной жизнью представлялось чиновникам рискованным предприятием. Необходимость такого риска попечитель объяснял уклончиво: «С доброй стороны полезно видеть иностранное

просвещение. В науках точных и естественных другие народы очень нас опередили по степени их возраста политического»⁴²³. И поскольку казанским профессорам казалось, что действия столичного сановника противоречат им же объявленной политике «национальной гигиены», Магницкий внушительно добавлял: «Из большого предложения моего вы увидите политическую цель, которая заставляет меня и посылать в чужие края и все прочее. У вас горизонт Казанский, а у меня Здешний»⁴²⁴.

Уваров же видел назначение зарубежных стажировок не в трансфере культурных ценностей или заимствовании готовых знаний, а в овладении способами и инструментами их добывания. Его министерство намеревалось сделать Россию империей знания не только из репрезентативных соображений. Политическая модернизация подразумевала налаживание самостоятельного научного производства, подчиненного собственным государственным нуждам. В этой связи верховная власть требовала от профессоров и академиков не просто служения государству, а соучастия в управлении им. Соответственно, для университетов речь шла не только о распространении наук, но и об их создании, а также о ревизии западных «больших» теорий. И такая «ученая» позиция министерства не удивляет, учитывая исследовательский опыт самого Уварова, а также совмещение им должности министра с постом президента Академии наук⁴²⁵.

Два-три года жизни в западных академических сообществах действительно позволяли русским магистрам овладеть исследовательским инструментарием по своей специальности, обрести устойчивые контакты со специалистами, сориентироваться на западные профессиональные нормы. Назначение на кафедры вернувшихся из-за рубежа стипендиатов привело к изменениям в характере университетской корпоративности. В ней появились новые линии разделения и новые солидарности, основанные на научных репутациях⁴²⁶. Утверждение их ценности заняло довольно большой промежуток времени. Сначала под нажимом министерства и по инициативе «берлин-

цев» университетские советы стали неохотно, но все же вписывать исследовательскую работу в должностные обязанности профессоров. В соответствующей инструкции Московской медико-хирургической академии (которая вскоре стала медицинским факультетом университета) можно прочесть: «Стараясь безмерно об усилении врачебной литературной деятельности, как самага надежного средства к распространению полезных врачебных знаний, Профессоры безвозмездно участвуют трудами своими во врачебном журнале, который предположено издавать при Академии, за сочинения более обширныя, заключающия в себя плоды ученых трудов их, если признаны будут истинно полезными, могут [...] ожидать пособия от Правительства соразмерно достоинству сочинения и средствам самой Академии»⁴²⁷.

Особенно сильные изменения в отношении к научной работе произошли в провинциальных университетах. В 1835 году помощник попечителя Харьковского учебного округа граф А.Н. Панин сообщал в министерство об «ученой летаргии», поразившей Харьковский университет⁴²⁸, и предлагал стимулировать исследовательскую работу дополнительными льготами. В случае их получения местные профессора обязывались подавать в Петербург ежегодные отчеты о «сделанных по части каждого в течении года опытах, наблюдениях, открытиях и усовершенствованиях, с кратким означением достойных примечания из вышедших в сие время по их предметам сочинений»⁴²⁹. Это был максимум науки, которого министерство могло ожидать от местного ученого сословия в те годы.

Но прошло двадцать лет, и отсутствие научных достижений у отдельного профессора и у профессорского совета в целом стало осознаваться как кризис университетской жизни. И потому, готовясь к 50-летию своего основания, Харьковский университет перечислял в «Исторической записке» не только имена успешных в государственной карьере выпускников, но и заявлял о научных заслугах местного ученого сообщества. Харьковское «универси-

тетское сословие, — заверял профессор статистики А.П. Рославский-Петровский, — немало способствовало успехам отечественного просвещения посредством издания полезных сочинений и ученых экспедиций своих Членов, имевших цель преимущественно исследование естественных богатств здешнего края и соседних с ним стран»⁴³⁰.

От целителей к общественным деятелям

Ратуя за развитие всех наук, составлявших универсум университетского образования, российская власть особенно поддерживала те дисциплины и профессиональные сообщества, которые поставляли политические аргументы и обоснования. Николаевское правительство нуждалось в них применительно к развитию благосостояния империи и «народоведческой» теме. Соответственно, на финансовую и административную поддержку со стороны властей могли рассчитывать «натуралисты» и «словесники».

И поскольку тогда благосостояние увязывалось с «размножением народа в обществе», интересы полицейского государства совпали с научными интересами врачебного сообщества. Пространство их взаимодействия было сформировано идеями развивающейся политической экономии. Один из ее основателей, английский врач Вильям Петти (1623—1687) утверждал, что «благо страны нужно искать в производительной силе самого человека», а последняя зависит от болезней и смертности. Считалось, что данные о числе рождений, возрасте умерших, климатические сведения позволяют регулировать демографические процессы и эффективно воздействовать на окружающую среду. Исходя из этого, по долгу службы и по собственной воле западные натуралисты и чиновники собирали и публиковали статистические, картографические, метеорологические, этнографические сведения, создавая единую медицинскую географию Европы⁴³¹.

В России со времен М.В. Ломоносова в призывах профессоров к властям речь шла о разработке мер, посред-

ством которых можно поднять качество и увеличить продолжительность жизни подданных, а значит, усилить народонаселение страны⁴³². Но, вероятно, нужно было вырасти поколению просвещенных бюрократов, чтобы такие призывы были услышаны в правительственных кругах. В них не получила распространения другая модная тогда на Западе экономическая теория, согласно которой увеличение населения признавалось причиной обнищания страны. Отвергая ее релевантность, правительственный специалист по статистике К.И. Арсеньев утверждал, что прирост населения есть «мера мудрости Правительства и свидетельство благоденствия или упадка державы и народа»⁴³³. Кто-то, а учитель цесаревича знал о симпатии Николая I идеям западных социалистов-утопистов, и в частности Р. Оуэна.

Взяв данное положение за официальную установку, власти неожиданно для себя оказались перед фактом тревожной тенденции в империи. Таблицы «движения населения» (1819), составленные Министерством внутренних дел на основании метрических книг Синода и отчетов Министерства полиции, свидетельствовали, что из «тысячи новорожденных мальчиков достигают шестилетнего возраста около 555, менее половины достигают десятого года»⁴³⁴. Поскольку такие свидетельства не соответствовали желаниям верховной власти, они были признаны необъективными⁴³⁵. Николай I высказал желание получить данные, собранные более надежными способами. В связи с этим в 1834 году было разработано «Положение о создании губернских и областных статистических комитетов», которым поручалось собрать цифровой материал⁴³⁶. Но результат вновь не удовлетворил правительство, от лица которого Министерство внутренних дел заявило, что поступающие из губернских присутствий сведения не регулярны, в них масса неточных и повторяющихся данных, затрудняющих их обработку и сравнение⁴³⁷. Разочарование в способности бюрократической сети обеспечить власти необходимыми сведениями и

одновременно с этим растущая потребность в них стимулировали развитие статистики в университетах⁴³⁸.

Идея учредить при одном из университетов Статистический комитет, состоящий из профессоров этико-политического отделения, обсуждалась в Министерстве народного просвещения еще в 1829 году. Узнав об этом, харьковские профессора обратились в Петербург со встречной инициативой. Однако тогда академик Г.Ф. Паррот убедил присутствующих в том, «что это учреждение противоречит идее университета и обязанностям профессоров; профессор должен жить наукой, а не тратить время на эту бесплодную цифровую работу, которую можно поручить каждому грамотному человеку»⁴³⁹.

Очевидно, стареющий политик не оценил интерпретационных возможностей новой дисциплины и ее политического потенциала. По уверениям швейцарского экономиста Ж.-Ш. де Сисмонди (1773–1842) и итальянского писателя, философа и экономиста М. Джойя (1767–1829), которые были весьма влиятельны в российских политических кругах, статистические описания должны содержать не просто цифры, а выводы о «богатстве или бедности; просвещении или невежестве; благосостоянии или бедственности, нравственности или развращенности; гражданственности или дикости; могуществе или слабости народов»⁴⁴⁰. Такой синтетический характер статистики и амбиции ее представителей побуждали их претендовать на экспертные функции. Соответственно, от их заключений зависели решения в области религиозной, национальной, финансовой, промышленной и военной политики.

Реагируя на ожидания власти и конкурируя с чиновниками, профессора географии и статистики обосновывали государственную значимость своих работ, противопоставляя их объективность и системность исследованиям Министерства внутренних дел (ненаучным и фрагментарным). Так, И.Я. Горлов уверял, что в России есть два типа статистики: «ученая» и «правительственная». Качество

предоставляемых политикам сведений он ставил в зависимость от научного или ненаучного подхода к сбору эмпирических данных. Да и в отношении значимости таких исследований результаты разные: университетские статистики дают правительству сведения «самые обширные» («физическое состояние народа, куда вошли бы исследования о разделениях, росте, силе, болезнях и смерти [...]; экономия, где была бы представлена промышленность со всеми ее условиями, землею, климатом, способом ее сбыта, денежной системой; нравственность, или умственное, нравственное и религиозное образование»), а чиновники присылают данные по частным вопросам⁴⁴¹.

В 1840-х годах журналы военного и гражданского ведомств наполнились таблицами, которые составляли выпускники университетов на основе данных врачебных управ⁴⁴². Они позволили «с цифрами на руках» опровергать утверждения западных критиков о низкой витальности империи, о ее неблагоприятном для проживания людей климате⁴⁴³, о низком уровне развития в ней медицинской полиции. «Простое сличение таблиц под № II и № IV, — уверял, например, И.В. Линк, — показывало уже, что отечество наше не подходит под правила, столь блистательно оправданные трудами многих известных Политико-Арифметиков»⁴⁴⁴.

Желание добиться более эффективного и рационального государственного управления подталкивало правительственных реформаторов к тому, чтобы использовать в этом деле интеллектуальный ресурс университетов. Еще в докладе 1803 года «О новом образовании медицинского управления» опиравшийся на советы М.М. Сперанского министр внутренних дел предлагал превратить Медицинскую коллегию в Главное врачебное управление и создать при нем совет. Примечательно, что его предстояло сформировать из лиц, «приобретших известность своими заслугами в науке, так как только такие лица, — убеждал императора В.П. Кочубей, — могут быть истинными судьями во врачебных вопросах государственного

значения»⁴⁴⁵. Это один из ранних примеров участия университетских ученых в политических структурах власти.

Введенные в состав Министерства внутренних дел профессора занимались «рассмотрением получаемых из России и из заграницы донесений и наблюдений, как русских, так и иностранных врачей, консулов и других лиц, о заразительных и вообще — в каком-либо отношении особенно замечательных болезнях»⁴⁴⁶. Делегированные государственной властью полномочия позволяли им проводить селекцию и осуществлять управление профессией, минуя университетский совет. Советники Министерства внутренних дел распределяли выпускников медицинских факультетов по вакантным местам, давали разрешения на открытие клиник и водолечебниц, рецензировали иностранные труды и принимали решения об их публикации на русском языке, давали разрешение на использование новых фармакологических препаратов. Они же ставили окончательные диагнозы по эпидемиям, на основе которых правительство разрабатывало карантинные меры.

«Мгновенную мобилизацию» и солидарность государство и медицинские факультеты переживали во время эпидемий. В ходе холерной трагедии 1830—1831 годов правительство собрало профессоров-медиков в специальный комитет. В него, в частности, вошли М.Я. Мудров, И.Е. Дядьковский, Ф.И. Иноземцев, Н.И. Еллинский и И.Д. Книгин. Совместными усилиями с чиновниками они разработали инструкцию для врачей по борьбе с холерой. А после окончания эпидемии Медицинский совет собирал и анализировал «донесения и наблюдения о чуме, холере и других болезнях, доставленные как российскими, так и иностранными врачами»⁴⁴⁷.

Успешный опыт сотрудничества породил еще одно мероприятие всероссийского масштаба — выяснение эпидемиологического состояния российских регионов. Дело в том, что во время распространения холеры не только в России, но и в других пострадавших странах Восточной и Центральной Европы, а также в Англии⁴⁴⁸ медики уста-

новили зависимость размаха бедствия от климатических и санитарных условий местности⁴⁴⁹. В связи с этим в Петербурге было принято решение провести медико-топографические описания «краев» и «стран» империи. Предполагалось, что в этом масштабном деле можно задействовать сетевые ресурсы и научный потенциал университетской медицины. За качественно собранные по разосланному вопроснику данные правительство обещало университетским выпускникам — уездным, губернским и городским врачам, а также штабным лекарям повышение в чине.

Министерские чиновники и входящие в правительственные органы профессора считали, что в силу знания естественно-научных дисциплин и долголетних наблюдений за пациентами выпускники медицинских факультетов смогут дать новое знание о стране. Более того, они настаивали на этом вопреки возражениям армейских врачей⁴⁵⁰. И поскольку это было знание, требующее не только от производителя, но и от потребителя профессиональной подготовки, то оценивать качество полученных текстов было поручено медицинскому факультету Московского университета, Московской и Петербургской военно-медицинским академиям. В фонде Московского университета до сих пор хранятся медико-топографические описания, посвященные Гжатску, Вятской губернии, Звенигороду, Мариупольскому округу, юго-восточной части Западной Сибири, Переяславлю, Витебску, Угличу, а также отдельным заводам и предприятиям⁴⁵¹.

Судить о качестве проведенного исследования мог и непосредственно Медицинский совет Министерства внутренних дел, который использовал поступившие рукописи для изготовления публикаций в ведомственном журнале. «Журнал Министерства внутренних дел» был обязательным не только для врачей, но и для чтения чиновников данного ведомства, то есть для губернаторов и членов губернских правлений, служащих присутственных мест. Таким же образом распоряжалось медико-топографическими рукописями военное ведомство. Судя по перепечат-

кам в «Журнале Министерства внутренних дел» и «Военно-медицинском журнале», гражданское и военное министерства были сотрудниками в этом деле и обменивались обретенными сведениями⁴⁵².

Можно предположить, что, читая из года в год медико-топографические описания городов, фабрик, уездов и губерний, чиновники усваивали медицинскую терминологию и самый взгляд университетских людей на управляемое ими население как на нуждающийся в принудительном уходе и лечении коллективный организм. Вероятно, это рождало осознание описанных социальных проблем в качестве недугов и порождало восприятие университетски подготовленных врачей в качестве ключей к решению социальных проблем.

В то же время сбор первичных данных об империи, их интерпретация, а тем более реализация принятых на их основе решений потребовали от врачей согласованности. В XVIII и в начале XIX века ее порождение было затруднено тем, что тогда медицинское «сословие» состояло из людей, приехавших в Россию из разных стран. Показательно свидетельство одесского врача, признавшегося, что «медицинское общество составлено здесь из всех наций Европы: почему духа сотоварищества и взаимности в нем вовсе не существует»⁴⁵³. Но для николаевской России случай Одессы был уже довольно редким. В 1830-х годах во многих регионах и городах империи общность языка и школы содействовала профессиональному сплочению медиков. В пользу этого говорят выработанные и ритуально воспроизводимые риторические постулаты, присутствующие в каждом медико-публицистическом тексте, а также уставы врачебных организаций⁴⁵⁴.

Во времена утверждения русскости как организующего начала в империи, русские врачи (в 1830-х годах многие из них были «поповичи», то есть духовного происхождения) стали чувствовать себя эксклюзивными знатоками народной жизни и людьми, посвятившими России свою собственную жизнь. «Исполняя врачебные обязанности соответственно моей должности, — писал, например,

К. Доброхотов, — я всматривался, наблюдал, вникал в быт народа, здесь обитающего, и постиг дух народный, характеристику и свойства жителей»⁴⁵⁵.

Это знание отличалось от любознательности иностранных профессоров Александровской эпохи. Обретенные знания выпускники российских университетов предназначали уже не абстрактной «чистой науке», а использовали для усовершенствования общества соотечественников. «Для большей славы русской медицины недостает еще литературной гласности, — уверял коллег педиатр К.И. Грум-Гржимайло. — Необходимы только порывы энергии и общее единодушие врачей. К ним вызывают отечественная слава и благо человечества. Сокровища опытов и наблюдений и самое поприще уже готовы; остается только желать, чтобы врачи сообщали для всенародного сведения плоды своих знаний. Сие да послужит средством для них, пред лицом Монарха и Отечества представлять отчет о своих занятиях и успехах, обнаруживать свое рвение к общей пользе, и с признательностью воздавать то, чем они обязаны правительству. Литературная гласность возбудит общее соревнование и любовь к наукам, опытам и открытиям; послужит к усовершенствованию и поддержанию истинной медицины в России»⁴⁵⁶.

Разбросанные по империи, университетские выпускники изучали и описывали не экзотических аборигенов, а разнообразных российских подданных, которых, как они считали, хорошо понимали. В каждом таком тексте автор подчеркивал собственную профессиональную компетентность и беспристрастность, противопоставляя свои суждения предвзятым высказываниям иностранных путешественников⁴⁵⁷.

По всей видимости, развернувшаяся в 1830–1840-х годах литературно-научная активность ученых лекарей стала результатом совпадения интересов власти и медицинского сообщества. Благодаря их согласованным действиям государство в лице бюрократии перестало быть единственным источником модернизации имперской

политики. Профессора-медики выступали с публичными лекциями, писали надгробные речи и издавали некрологи публицистического характера, выступали перед публикой на торжественных актах, устраивали беседы с городскими и губернскими властями, предлагали санитарные проекты. Вероятно, такого рода активность стимулировала политические амбиции сообщества и побудила сформулировать автономные от государства интересы. Проявления этой тенденции можно увидеть в деятельности Общества русских врачей Петербурга. Основанное в 1833 году группой столичных энтузиастов (среди них врачи С.Ф. Вольский, С.Ф. Гаевский, И.В. Енохин), оно объединило медиков различных специальностей и разных ведомств. Почти сразу же общество стало вести переписку с коллегами по всей стране.

На заседаниях этого общества обсуждались не только опубликованные в западных изданиях сведения и выводы, но и результаты оригинальных российских исследований: медико-топографические описания, доклады о новых способах излечения, сообщения о редких болезнях, а также статистические отчеты больничных врачей и инспекторов врачебных управ. Благодаря этому наблюдения и опыт отдельного врача становились достоянием всей корпорации, что способствовало ее солидаризации. И кроме того, общество взяло на себя оценочные функции, которые ранее принадлежали государству в лице медицинских факультетов и министерских медицинских советов. Корпоративное объединение оценивало своих коллег и создавало им репутации.

Довольно скоро в Обществе русских врачей заговорили о необходимости совершенствовать само государство⁴⁵⁸. И хотя объединившееся врачебное сообщество жило в унисон с ним (совпадали цели и видение способов их достижения, было согласовано разделение труда), его члены позиционировали себя не как государственных служащих, а как общественных деятелей. «Общество наше, — заверял его секретарь Е. Смельский, — только при единодушном действии Членов и при постоянном их усердии

может заслужить должную признательность и уважение от своих соотечественников, тем более что оно основано не на личных отношениях Членов между собою, но на одном всеобщем стремлении к изучению и исследованию Медицины, как науки тесно связанной с общественным благосостоянием»⁴⁵⁹. Вряд ли такое заявление позволяет говорить о широко развернувшейся общественной деятельности, но явно фиксирует призыв к ней.

Еще более тому содействовала народно-врачебная газета «Друг здравия». Многие годы ее бессменным издателем был врач-педиатр, выпускник Виленского университета К.И. Грум-Гржимайло⁴⁶⁰. Коллеги считали его не только «общественником», но и уникальным знатоком отечественной медицинской литературы. Его перу принадлежит большое количество рецензий и научно-популярных статей по медицине, а также трехтомное исследование по гигиене детского возраста.

В первом номере газеты не было традиционной редакторской статьи. И вообще, тексты, вышедшие в 1833 году, выдают литературное любительство издателя. Они довольно косноязычны и зачастую производят эффект «рваного письма». По всей видимости, тогда почти единственным автором газеты был сам Грум-Гржимайло. Это подтверждает его проговорка: «Я побеждаю большие трудности при составлении Газеты, ибо перечитывая журналы я должен был переводить, сокращать, обрабатывать сколь можно скорее, потому что еженедельное издание есть срочная работа»⁴⁶¹. Он надеялся, что это временные трудности, что вокруг издания удастся когда-нибудь собрать медицинское сообщество пишущих врачей. Однако в конце того же года издатель вынужденно признался, что его призыв к профессиональному единению вокруг газеты остался «голосом вопиющего в пустыне»: «Нельзя умолчать, что наши врачи, несмотря на приглашение и пользу, скупко сообщают свои литературные произведения. Многие из врачей еще уверены, что таковая газета, издаваемая частным лицом, есть нечто несовершенное и не стоящее их внимания. Вот причина по коей, как кажет-

ся, ни Университеты, ни Академии ни выписывают сей Газеты, и почему многие из врачей смотрят на нее весьма равнодушно»⁴⁶².

Спустя десять лет страницы газеты наполнились не только переводами, но и авторскими статьями российских врачей, отчетами медицинских обществ, некрологами и юбилейными публикациями, российскими данными медицинской статистики, постановлениями правительства относительно врачебных льгот и наград. Еще через десять лет «Друг здравия» имел не только издателя и ответственного редактора, но и специальных сотрудников для каждой рубрики. Изменился формат, издание стало ориентированным на профессионального читателя. «Врачебная газета, вступая в двадцатый год своего существования и второй год управления новой редакцией,— сообщал издатель коллегам,— считает первой обязанностью свидетельствовать признательность свою всем господам русским врачам, коих постоянным участием поддерживалось и совершенствовалось это единственное у нас еженедельное медицинское издание»⁴⁶³.

В разных ситуациях К.И. Грум-Гржимайло писал о социальном значении медицины и общественном долге русского врача. Он призывал коллег выявлять факторы, от которых зависит здоровье россиян, и содействовать его охранению⁴⁶⁴. Одновременно с этим редактор декларировал национальную специфику исследовательских интересов и профессиональных установок «русских врачей», требовал освобождения от культурной гегемонии Запада: «Когда же мы, — вопрошал он, — перестанем раболепно представлять свои труды на суд иноземной расправы и благоговейно принимать надменные отзывы неродных нам Аристархов»⁴⁶⁵. В те годы не только министру Уварову, но и университетским медикам Запад представлялся источником интеллектуального сырья, к которому надо обращаться избирательно.

Что же касается групповой идентификации, то в 1850-х годах на юбилеях коллег профессора-медики говорили от имени не университетского сословия, а от «вра-

чебного сословия, рассеянного по обширному пространству России»⁴⁶⁶. Между тем правительство продолжало видеть в них не представителей единой профессии, а «медицинских чиновников» или «медицинских чинов»⁴⁶⁷. И это создало зону напряжения в отношениях университетски подготовленных врачей с государством.

От просветителей народов к нарооведам

Несколько по иному пути шла трансформация корпоративных отношений среди профессоров, вовлеченных в народоведческие исследования. В описаниях российских и прочих народов политическая власть была заинтересована с момента провозглашения империи. Р. Уортман объяснял это стремлением российских элит отделить себя от мира невежества и варварства, символически выйти из хаоса и получить статус политичного народа (принимающего участие в решении судеб мира и рационально описанного)⁴⁶⁸. По мнению Ю. Слезкина, тем самым молодая империя утверждала за собой престижное место в создаваемом западными интеллектуалами «порядке»: системе вещей, народов и культур⁴⁶⁹. Этот импульс сохранялся и в XIX веке, стимулируя появление соответствующих публикаций, проведение экспедиций и создание научных обществ. На протяжении всего этого периода познание империи признавалось важной государственной задачей. Но сколь бы интенсивным оно ни было, российские патриоты и в начале XX века заверяли, что все еще плохо знают Россию и что, пока она не будет познана, она останется архаичной страной.

У правящей власти были и более прагматические соображения для организации и финансирования такой исследовательской работы. Снаряжая академические экспедиции, Екатерина II была убеждена, что «выгодами страны Правительство не прежде может воспользоваться как по надлежащем изучении ее природы и обитателей»⁴⁷⁰. Действительно, присоединение народов Восточ-

ной Европы, Кавказа, казахстанских степей, восточной Сибири и Дальнего Востока, климатическая и географическая дискретность растущего пространства создали трудности в управлении. Разнообразие порождало ощущение лоскутности, препятствовало гомогенизации государственной территории и рождению у подданных чувства общности. Оно же осознавалось как препятствие для действия единых законов.

XVIII век оставил богатый комплекс этнографических описаний империи, сделанных частными путешественниками и ангажированными учеными. Они позволили российским элитам провести границы между мирами цивилизации и варварства в свою пользу, но, как показал опыт участия России в антинаполеоновских коалициях, такое письмо было легкоконвертируемым. Британские натуралисты Э. Кларк и Р. Портер обернули аргументы в пользу цивилизованности страны в контраргументы, с помощью которых ориентализировали Россию⁴⁷¹. После этого стало ясно, что построенная на этнографических наблюдениях репрезентация открыта для интерпретаций. В связи с этим российские просветители 1810-х годов осудили язык этнографического письма, обвинив его в пристрастности⁴⁷². Однако другого языка для самопознания у империи тогда не было.

В первой половине XIX века все российские университеты в той или иной связи участвовали в создании этнической карты Евразии (прорисовывая на ней границы и культурную физиономию Восточной Европы и мусульманской Азии) и в конструировании российских категорий «Запад» и «Восток». Но казанская перспектива породила своеобразный оптический эффект, принесший местной университетской корпорации большие научные и политические дивиденды. Весь предшествующий расцвету казанского востоковедения и славяноведения период развития народоведческих исследований убеждает в том, что в специфике его культурного локуса скрывались предпосылки того, что именно здесь возникли условия для расчленения научного дискурса на компоненты европейской

рациональности/научности и российского имперского локального знания.

Внутренним стимулом для интереса казанских профессоров и их учеников к данной теме и плодотворности такого рода исследований было их погружение в многообразие местных культур⁴⁷³. В первой половине столетия оно ощущалось как явное преимущество Казанского университета и лишь к концу XIX столетия стало описываться как неблагоприятное обстоятельство для его развития⁴⁷⁴. Яркой иллюстрацией тому служат рассуждения молодого профессора всемирной истории, статистики и географии П.С. Кондырева, обращенные к коллегам в 1814 году: «Мы живем между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду древней болгарской столицы. Татары, чувашы, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкиры, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к нам, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь, касательно языка или словесности их, сношения и из онаго делать употребления»⁴⁷⁵.

При отсутствии финансирования на научные экспедиции казанские профессора и адъюнкты имели возможность вести стихийное изучение народов во время визитаций обширного округа. Во время поездок они записывали свои наблюдения, фиксировали народные обычаи, религиозные обряды, приобретали экспонаты для музейных коллекций⁴⁷⁶. Такой вариант производства знания антропологи колониализма называют «утилитарной этнотизацией»⁴⁷⁷. Остановки на ночлег, поломки экипажа, переправы на реках, путевые встречи и разговоры с местными учителями вводили ученого путешественника во внутреннюю жизнь различных групп населения. В такой ситуации, чтобы быть понятым, он должен был преодолеть собственное видение «другого» как абстрактного объекта изучения и научиться видеть в нем партнера по диалогу⁴⁷⁸.

Накопившие опыт таких взаимодействий ученые становились «культурными антропологами» независимо от их

специализации и происхождения. Например, К.Ф. Фукс, немец, натуралист, для академических целей изучения человеческого универсума рекомендовал своим ученикам концентрироваться на физиологических и краниологических данных, следовать универалистской таксономии, а в собственной исследовательской практике тяготел к анализу культурных феноменов — рукописей, археологических находок, монет, бытовых ритуалов, одежды, религиозных традиций, фольклора⁴⁷⁹. Рассказы и записи его впечатлений, сделанные в ходе «включенного наблюдения», выводили изучение российских народов за пределы натуральной истории. Этому же следовали его ученики, в ходе поездок по округу приобретающие у местного населения археологические находки⁴⁸⁰. В результате этого в современных национальных историографиях немецкий ученый занимает почетное место «первого этнографа» татар, чувашей и мордвы.

Конечно, его возможности изучения местных народов были исключительными. В качестве практикующего врача, владеющего языками местного населения, ему удавалось увидеть то, что было сокрыто от любого постороннего взгляда, быть свидетелем самых интимных сторон внутренней жизни сообществ. «Как врач, — признавался он, — я имел несколько случаев пользоваться татарских жен»⁴⁸¹.

«Казанская перспектива» подтверждает предположение теоретиков социологии, что в обстоятельствах вживания в чужой опыт «большая теория» начинает давать разрывы, так называемые «неисправности» в знании и понимании⁴⁸². В пользу этого говорит следующее свидетельство Фукса: «После угощения татарки просили нас в поле и там показывали свои игры, которые очень *не забавны и не понятны* (курсив наш)»⁴⁸³. В рассказах об опыте участия в жизни наблюдаемого народа исследователь выделял его странности. «У Татар, — писал казанский профессор, — есть довольно *странный обычай* (курсив наш), что их мечети и школы не могут быть ни строены, ни поправляемы от общества, но от одного только какого-либо богато-

го человека»⁴⁸⁴. В такой ситуации ликвидировать разрыв можно было, только найдя ему объяснение. Фукс это делал на основании обобщения личных наблюдений. Так, причину появления среди татар многочисленного слоя батраков он увидел в кулинарных пристрастиях народа к дорогим мясным блюдам. «По два года Татары у меня в деревне строили службы, — свидетельствовал он, — и оба раза подрядчик оставался, оканчивая работу, без копейки; это от того, что подрядчик беспрестанно требует вперед деньги и покупает на них мясо не пудами, а живыми коровами; они едят по три раза в день; к обеду приходят к ним жены и несколько часов проходит в пировании; и от того, что можно было бы сделать в месяц, они работают три»⁴⁸⁵. Так, эмпирические знания существенным образом корректировали естественно-научные и социологические теории.

После окончания эпохи этнографических поездок 1810–1820-х годов и массовой публикации такого рода наблюдений в «Казанском Вестнике» в 1830 году совет университета обсуждал инициативу другого рода — организацию стационарных наблюдений за местными народами. В организационном отношении это было возвращение к опыту Харьковского университета первых лет его существования: исследования предлагалось осуществлять под научным руководством профессоров, но силами гимназических учителей и смотрителей училищ⁴⁸⁶. А вот концептуально это был проект совершенно иного рода. Его автор, профессор истории В.Я. Булыгин ссылаясь на произошедшие благодаря исследованиям братьев Тьерри, Антона Демулена, Лагепеда и У.Ф. Эдвардса парадигмальные изменения. Их труды только-только появились на прилавках европейских магазинов⁴⁸⁷, а в Казани уже родился проект масштабных исследований, разработанный на основе их выводов.

Перечисленные имена западных натуралистов представляли новое направление в изучении человеческого разнообразия. Современные исследователи описывают его появление в категориях «научной революции». В от-

личие от линнеевского объединения жителей Европы в единую расу («племя») Номо Еугораеус, Огюстен и Амадей Тьерри акцентировали внимание на физической неоднородности европейского населения. Им вторил Эдвардс, который сенсационно заявил, что французы не являются единой расой. В доказательство он представил количественные показатели сравнений. Исследователь был убежден, что самым достоверным признаком расы является размер и форма черепа; цвет кожи, рост и цвет волос тоже важны, но они играют второстепенную роль для определения группы. Для различения коллективов людей он использовал не только биологические, но и культурные параметры, в частности данные итальянских исследователей в области сравнительной фонетики.

Привлекательность этих открытий и заявлений состояла в том, что позволяла Казанскому университету не только транслировать готовое научное знание в местную культурную среду, но и приступить к самостоятельному производству представлений о человеческом разнообразии империи. «Университет наш, — призывал Булыгин коллег, — покрывающий в округе своим значительное число отдельных племен народных, может важную оказать услугу ученым других просвещенных наций, посредством обстоятельных наблюдений над упомянутыми племенами»⁴⁸⁸. Такое научное производство имело еще и политическую выгоду, поскольку способствовало «усовершенствованию исторических сведений Рос[сийского] Государства»⁴⁸⁹.

В.Я. Булыгин рассматривал историю империи не как процесс становления государственных структур (версия Н.М. Карамзина), а как совокупное прошлое народов, реконструированное на основе письменных и неписьменных источников. В результате осуществления такого замысла Россия могла бы претендовать на высокую степень цивилизации уже постольку, поскольку «тщательные разыскания о религиозных понятиях и верованиях разных народных племен России, наблюдений над их нравами, празднествами, играми, с замечаниями эпох, в кои по-

следние совершаются, может быть иногда откроют сходство оных племен сих с важнейшими народами, давшими так сказать направление произшествиям политического мира»⁴⁹⁰.

Собирать предстояло письменные источники, устные сказания, фиксировать домашние и общественные «нравы». Но это делалось экспертами и раньше, правда, в основном в отношении «русского народа»⁴⁹¹. Теперь же отечественным элитам предстояло создать историческую мифологию и дать лингвокультурные основания для солидарности «нерусских» групп обитателей России. Функционально обязанности распределялись следующим образом: историкам поручалось собирать письменные и устные свидетельства, словесникам заниматься языками, учителям рисования надлежало создавать графические типы, а медики могли поставлять остеологические и физиологические данные. Общими усилиями им предстояло создать синкретичную науку о россиянах и тем самым прочертить антропологические границы на севере, юге и востоке Российской империи.

В 1830 году этот проект еще не заинтересовал власти и остался на бумаге. Но его принципы и сам исследовательский пафос стали программными для деятельности университетских востоковедов и славяноведов. Кафедры и разряды «восточных» и «славянских наречий», открытые в 1837 году, были чисто российским вкладом в научную дисциплинаризацию. «В бывшем 1 Отделении Философского Факультета, что ныне Историко-Филологический Факультет, — вспоминали современники, — положен новый предмет, *Россиею введенный в круг Университетских наук* (курсив наш) — История и Литература Славянских Наречий»⁴⁹².

Автономизация этих дисциплин и их введение в преподавание произошли в специфическом историко-культурном контексте. Утверждение идеи особенности российской цивилизации и риторики «особого пути» отразилось на самости отечественных университетских корпораций. Ориентированные на воспитание «российскости» и люб-

ви «ко всему русскому», они стали осмыслять себя культурными посредниками между «Западом» и «Востоком», заявлять об этом в публицистических текстах⁴⁹³. В этой связи для русских профессоров было важным определить качество этих культурных зон и отношения с ними. Такие намерения соответствовали политическим приоритетам правительства и скадывавшемуся государственническому дискурсу.

Другое дело, что в связи с обострением «восточного вопроса» Восток оказался более актуальной с точки зрения правительственных интересов темой. Благодаря этому соответствующий разряд в Казанском университете развивался в условиях максимального административного благоприятствования. Уже после смерти императора Николая I и перевода местных востоковедов в Петербург (1854), казанский попечитель В.П. Молоствов с упреком напоминал столичным чиновникам: «Приобретение книг и монет восточных, приготовление преподавателей по азиатским языкам, путешествия их, издания их сочинений, словом, издержки бывшего Восточного разряда, составлявшего один из характеристических элементов Казанского университета, по большей части были причиною истощения денежных средств его, тем более прискорбного, что увеличение средств в Восточном факультете, ныне уже не существующем в Казани, совершалось на счет других факультетов»⁴⁹⁴.

Стимулирующие внешние условия, богатый опыт этнографических наблюдений, а также знание концепций ведущих школ западноевропейской ориенталистики, этнографии и лингвистики побудили казанских профессоров выбрать для проведения собственных исследований трудоемкую и дорогостоящую стратегию — глубинное погружение в изучаемую среду.

Организация экспедиций на восток империи и в страны «Древнего Востока» сопровождалась изготовлением подробных инструкций, в котором принимали участие как профессора, так и университетские чиновники. Сопоставление их текстов выдает несовпадения в понимании

целей восточных экспедиций. Власти считали, что востоковеды — это специалисты, «могущие быть употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными, и отправленные путешествовать на Восток для узнавания нравов, обычаев, законов и проч. народов там обитающих и России столь мало известных»⁴⁹⁵. На первом месте здесь стоит посредническая или дипломатическая функция государственного служения.

В инструкциях профессоров подчеркивалось, что «молодые ориенталисты предназначаются преимущественно к ученому, а не дипломатическому поприщу»⁴⁹⁶. Соответственно, их качество оценивалось через исследовательские навыки. Подготовка востоковеда включала изучение основ ислама, его региональных особенностей, мусульманских сект и организаций. Это то, что казанским ученым предстояло открыть в изучаемой среде и объяснить европейскому ученому миру. Такие расхождения влекли за собой разные стратегии поведения. Профессора ориентировали учеников на общение с местным населением, изучение и копирование исторических и культурных реликвий и лишь в последнюю очередь рекомендовали упражняться в каллиграфическом письме, необходимом для дипломатической службы.

Попечитель же остерегал посланцев вступать в контакт с местным населением: «Одним из главнейших условий путешествия по востоку, в отношении к безопасности, — предупреждал М.Н. Мусин-Пушкин, — есть возможная с вашей стороны осторожность в словах и поступках, потому что подозрительность есть такая черта в характере Азиатцев, которую путешественник никогда не должен забывать. Почему находя необходимым предупредить в том вас, я рекомендую вам вести себя сколь возможно скромнее, осмотрительнее и вежливее, дабы избежать и малейшего столкновения с подозрительностью, надменностью и фанатизмом Мусульманских народов»⁴⁹⁷. В этих словах просматривается отражение государственной позиции по отношению к соседям.

Дух и тональность наставлений профессора А.К. Казем-Бека совсем иные. Его инструкция пропитана утверждением научной и культурной значимости восточной цивилизации, ее памятников истории и искусства. Вот пример его описания египетских артефактов: «Умолчим о гигантских памятниках этой древней страны, — заверял казанский востоковед, — с лишком 3000 лет вызывающих на соперничество все изящное, чудное и величественное позднейших времен, и не получивших до сих пор ответа на свой вызов, непобежденных самою природою, не одряхлевших от бремени веков; умолчим, говорю, о пирамидах, которые донныне так гордо красуются на юго-востоке от Каира; сколько еще других предметов приковывает взоры любознательных путешественников»⁴⁹⁸. Таким образом, сравнение инструкций выявило зазоры в государственных и научных интересах чиновников и профессоров, их разное отношение к объекту «восточных» исследований.

В 1840-х годах инструкции и отчеты по экспедициям постоянно обсуждались на совете философского факультета (частью которого был восточный разряд), рассказ о научных проблемах и достижениях в этой области выносился на ежегодные торжественные акты университетской корпорации, экспедиционная жизнь описывалась в статьях «Ученых записок Казанского университета». Благодаря этому коллективно создавались социально привлекательные образы подвижников науки, полевых исследователей, погруженных в живую ткань культуры.

По всей видимости, это творчество способствовало утверждению в университете этоса научного служения. Флером экспедиционной романтики, эвристическими настроениями были охвачены не только востоковеды. Получив возможность отправиться на Балканы, профессор славянских наречий В.И. Григорович тоже отказался от «ученого путешествия» по западным специалистам и библиотекам в пользу «глубинного погружения» в исследуемую культуру.

Так же как востоковеды, он путешествовал без переводчиков, лишь иногда нанимая проводников, подолгу живя

и занимаясь наблюдениями непосредственно внутри народных групп⁴⁹⁹. В ходе движения он расспрашивал аборигенов, осматривал монастырские росписи и предметы, приобретал их за свой счет, общался с монахами, церковнослужителями, учениками, сельчанами и чиновниками, разыскивал и читал рукописи, останавливался на ночлег в домах обывателей. Реалии такого исследования таили для ученого не только радость открытия, но и нешуточные опасности и разочарования. Он постоянно испытывал стресс от пристального и часто недоброжелательного внимания турецких чиновников, от необходимости добывать официальные разрешения на поездку в ту или иную местность. При этом Григорович сталкивался с подозрительностью или корыстью единоверцев⁵⁰⁰. Компенсацией за эти страдания было его научное признание коллегами, профессиональное восхищение его исследовательским подвигом.

Впрочем, такое отношение к научным заслугам коллег в 1840-е годы еще не стало «общим местом» университетской жизни России.

Конфликт между профессионализмом и корпоративностью

Заинтересованность политической власти в исследованиях давала ученым не только возможности, но и имела следствием контроль над производством знания и его результатами. В 1840-х годах никого в университетском совете не удивляло, что попечитель округа прочитал магистерскую диссертацию историка и не допустил ее к защите, несмотря на одобрение факультетских профессоров⁵⁰¹, что ученые труды проверяются министерскими чиновниками, не имеющими академической степени, что они требуют от университетов знаний безотносительных и ясных («положительных»), а мнения непременно «общего»⁵⁰². Исследовательские сомнения и разногласия

не были уместны в политических решениях. По всей видимости, такие зазоры в интересах и подходах должны были углубить линии разделения между учеными и чиновниками, курирующими «русскую науку», с одной стороны, и также внутри университетского сословия, состоящего из людей разных специальностей и разных профессионально-этических ценностей, — с другой.

Судя по архивным свидетельствам, сами исследователи относились к понятию «национальная наука» и научному протекционизму политической власти двойственно. С одной стороны, получить финансирование и административную поддержку хотел бы каждый ученый. Их отсутствие делало исследования (особенно затратные и масштабные по объекту изучения) маловозможными. В связи с этим профессора стремились соотнести свои научные интересы с потребностями власти и доказать ей свою полезность, прописывали политическую актуальность своего исследования. «Преподаватели, — заверял министра декан юридического факультета Харьковского университета, — постоянно имели в виду утверждать в умах слушателей своих не отвлеченные идеи, не ведущая ни к каким определенным и ясным выводам и понятиям, или могущая породить результат сомнительный; но, утверждая в них твердые положительные начала, старались сообщать им понятия и сведения точные и ясные соответственно требованиям и назначению науки и указывая при том практическое их приложение, соответственно духу и указаниям законов и правительства»⁵⁰³. И такие же заверения министр читал от декана физико-математического факультета.

С другой стороны, в контроле над учеными виделось российское отступление от нормальной (то есть следующей западным нормам) науки. Особенно остро это чувствовали и этому сопротивлялись профессора, имевшие за спиной опыт зарубежных стажировок, поддерживающие живые контакты с западными коллегами. Но поскольку в большинстве своем они обретались в столич-

ных университетах, то с годами росла разница в исследовательском уровне и в отношении к науке между провинциальными и столичными университетами.

Формально политика министерства, требовавшая от прошедших через зарубежные стажировки магистров и адъюнктов 12-летней службы в потратившемся на них университете, препятствовала тому. Однако реально приоритетное финансирование Московского и Петербургского университетов сделало их притягательными для активных и успешных исследователей. Обретшие за границей профессиональную независимость и достоинство молодые ученые стремились правдами и неправдами попасть в столицы, где были богатые библиотеки, лаборатории и клиники и в которых сосредоточилась профессиональная среда, а преподаватели получали более высокое, нежели в провинции, жалованье⁵⁰⁴. «Мы видим,— писал казанский попечитель,— что столичные университеты, несмотря на совершенно другое свое положение, пользуются приготовленными уже в провинции учеными, привлекая их к себе высшими окладами жалованья и возможностью занимать посторонние должности, и богатством своих учебных пособий и большим кругом ученых людей, и сочувствием самой публики к интересам науки»⁵⁰⁵.

Действительно, из трех изучаемых корпораций самым уязвимым оказалось положение Казанского университета. Он регулярно оплачивал зарубежные стажировки своих коллег (Харьковский университет это редко делал) и не получал их обратно. Соответственно, западно обученных и интегрированных в научные сообщества кадров в нем было мало. Кафедры стояли вакантными, профессора совета старели, и если бы не восточный разряд, на который направлялись все средства, то похвалиться уже в конце 1840-х годов было бы нечем. Местный попечитель жаловался министру, что университет «лишается уже четвертого Профессора, из которых каждый, начав в Казани свое ученое поприще, оставляет заведение именно в то время, когда зрелость его суждений, обдуманность

взгляда и приобретенная опытность делали его наиболее полезным для Университета»⁵⁰⁶.

Для возвратившегося из-за рубежа исследователя добиться освобождения от обязательств было не просто. Их обращения в министерство тщательно продумывались на предмет убедительности аргументов. Судя по последствиям, самыми действенными в этой ситуации оказывались ссылки на интересы национальной науки. Так, вернувшийся из стажировки профессор истории и литературы славянских наречий О.М. Бодянский писал: «Теперь я должен [...] отправиться в далекую Казань, которая, [...] разоренная в последние годы пожарами, приводит меня в ужас при одной мысли, что я могу подобно некоторым из тамошних профессоров (например, Ковалевскому, потерявшему, во время свирепства огня, 10 томов «Записок об истории Буддизма» — плод 20-тилетнего труда, Монгольскую рукопись, единственный экз[емпляр] в Европе, за которую Лондонское Азиатское Общество предлагало владельцу огромную сумму, и прочее), лишиться в городе, получившем в наше время такую печальную известность, своей Библиотеки, простирающейся почти до 10.000 томов и составляющей по кафедре Славянских наречий полнейшую после библиотеки Чешского Народного Музея в Праге и единственное мое сокровище»⁵⁰⁷. Такая аргументация возымела действие: Бодянский был оставлен в Москве.

Вскоре в Петербург был переведен в полном составе и с уникальной коллекцией рукописей знаменитый «восточный разряд» Казанского университета. Подобные решения властей воспринимались в «обиженных» корпорациях однозначно — как правительственное равнодушие к их жертвенным усилиям, как разрушение научной среды провинциальных университетов. И это снижало мотивацию профессорских советов заниматься трудоемкой и затратной исследовательской работой.

Еще более пагубно на провинциальных университетах сказалась политика власти, осуществляемая в период изо-

ляции России от Запада (1848–1855). Она привела к капсуляции местных ученых сословий и размыванию научных норм. Ревизовавшие университеты в середине 1850-х годов чиновники констатировали стагнацию исследовательской деятельности. Соглашаясь с этим, попечитель Петербургского учебного округа писал в министерство: «Я прошу позволения Вашего Сиятельства высказать в главных основаниях преобразования, которые мне казались бы необходимыми для выведения наших Университетов из их настоящего печального положения и чтобы предотвратить возможность возврата бывших беспорядков»⁵⁰⁸.

Очевидно, вымывание ученых из провинции, старение оставшихся в штате профессоров, отсутствие правительственных заказов на научное производство, концентрация исследовательской активности в столицах, создание заповедной зоны — «русской науки» — привели к утрате критической среды в университетах и, как следствие, к снижению профессиональных стандартов.

Ученых, избранных в эти годы на должности деканов и ректоров, то есть ставших организаторами науки, удручало то, что вверенные их управлению университеты объективно находятся вне или на периферии западного научного производства, что они отдалены друг от друга большими расстояниями и трудностями сообщений, но более всего то, что чиновники чинят препятствия профессиональной солидарности. Когда это позволялось, профессора писали об этом в министерство. Например, декан медицинского факультета Харьковского университета Ф.И. Ган доказывал необходимость проводить в Харькове научные съезды: «Если же это имеет столь благоприятные последствия в Германии, Англии и Франции, где Университеты в таком недалеком расстоянии друг от друга, то тем полезнее и необходимее ученые съезды и путешествия для Русских Профессоров, и особенно для Профессоров Харьковского Университета, помещенного на отдаленной границе ученого мира, куда почти никогда ни один ученый путешественник не заезжает, где не с

кем побеседовать о непрерывных важных открытиях в области наук на Западе»⁵⁰⁹.

Не зная о рассуждениях харьковского декана, ему вторил ректор Казанского университета О.М. Ковалевский. «Каждый профессор в Казани, — писал он в 1855 году министру А.С. Норову, — есть представитель своей науки, по большей части специалист, для ободрения и развития которого нужно горячее сочувствие извне, соревнование. Для его мысли, какова бы она ни была, нет собеседников, среди которых она могла бы развертываться, совершенствоваться. Поэтому мудрено ли, что эта мысль в самом своем зародыше обречена на скоропостижную смерть, — что виновник ея, измученный физически и нравственно, принужден бывает иногда забывать свое звание, искать развлечения вне круга своих собратьев. Приобретенная им книга на последние трудовые гроши быстро им прочитывается, а университетская библиотека, по своей скудости, не может доставить новой обильной пищи для его деятельной головы»⁵¹⁰.

Для выхода из университетского кризиса профессора ратовали за профессионализм, специализацию и создание соответствующих объединений. Действительно, чтобы заниматься наукой, чтобы быть на уровне мировой науки, профессорам в провинциальных университетах нужно было приложить больше усилий и затратить больше средств, чем их столичным коллегам. «Я прилагал все усилия, чтобы не отставать от своей науки при быстром ходе ее к усовершенствованию, — признавался профессор Харьковского университета, — [...] Я мог только через неусыпную деятельность оставаться нечуждым учености Европы, но всего должен был достигать двойными трудами»⁵¹¹. Следовательно, они больше, чем столичные коллеги, нуждались во внеуниверситетских объединениях и изданиях.

В самой университетской корпоративности («сословности») многие профессора видели не позитив, а негатив, предпочитали говорить об «университетских партиях» и «партийных университетах», препятствующих развитию

профессиональной солидарности. При определенной жертвенности в Казани и Харькове можно было заниматься наукой; с трудом, но можно было опубликовать результаты исследований; некоторым профессорам удавалось даже обрести всероссийскую научную репутацию. Такие подвижники науки и образования всегда и везде находились. Собственно, благодаря им у историков науки и исследователей университетов возникает иллюзия соответствия российского университета гумбольдтовским идеалам. Но их личные трагедии заставляют усомниться в том, что в интересующее нас время наука обрела в отечественных университетах институциональную ценность.

Напряженная исследовательская работа не спасала профессора от произвола менее успешных в науке, но более искусственных в интригах коллег. Более того, имеющие научную репутацию ученые нередко оказывались жертвами на выборах в должность. Свидетельств таких случаев в министерском архиве довольно много. Описывая один из них, декан Харьковского университета возмущался: «Преподавание Г. Рындовскаго было вполне удовлетворительное, успешное, новейшему состоянию науки соответствующее, в чем он убедился, посещая его лекции, по званию Декана, и о чем в ежегодных отчетах свидетельствовал. Теперь по прошествии только двух лет с того времени, как Совет Университета выбаллотировал его в Ординарные Профессоры, большинством избирательных баллов /15 против 10/, тот же Совет не признает Г. Рындовскаго способным продолжать службы. Г. Рындовский не изменился, его полезная, благонамеренная, добросовестная служебная деятельность осталась та же, могли измениться только его личные отношения к Гг. избирателям, или же такое неизбрание должно приписать случайностям, при баллотировании бывающим [...] Он постоянно занимался и занимается наукою, особенно заботится о полноте и успешности преподавания, всегда добросовестно исполняет свою обязанность»⁵¹².

В условиях доминирования «партийных» отношений наука не давала ее служителю каких-либо преимуществ, а

ученые заслуги не защищали от произвола большинства. Корпоративный статус профессора вырастал только в случае его поддержки именитыми зарубежными коллегами или правительственными чиновниками. Но здесь он оказывался перед непростым выбором, так как для получения международного признания он должен был ориентироваться на западные научные стандарты и участвовать в мировой научной кооперации, а для одобрения правительства ему следовало руководствоваться зыбкими категориями «актуальности» и «практической значимости», то есть насущными потребностями политической власти. Совместить это удавалось не часто.

К тому же правила игры менялись на ходу. Так, если в 1830-х годах критерием государственной оценки университетского исследователя служил его вклад в мировую науку, то с 1840-х годов чиновники мерили профессоров их вкладом в «отечественную» или «русскую науку». А это уже «определение неизвестного через неизвестное». Размытость критериев побуждала особо «гибких» профессоров применять в научных и делопроизводственных текстах язык политической риторики. Так, убеждая коллег в необходимости кафедры педагогики, профессор С.П. Шевырев определял ее назначение следующим образом: «Ея [педагогики] дело определить русским великую задачу русского воспитания; ея дело — собрать все результаты, добытые жизнью и опытом древних и новых народов — разнообразная учения мыслителей о воспитании, подвергнуть их критической оценке и представить выводы в полной системе. Ея дело, наконец, выработать русский образ мыслей о воспитании, который бы приходился к нашей почве, истекал бы из сознания Русской жизни»⁵¹³.

Другим проявлением «национальной науки» стало появление «местночтимых» научных норм, размывание критериев отбора кандидатов в ученое сословие, мелкотемье в заседаниях совета. «Немногие поверят, — скорбел в этой связи востоковед профессор О.М. Ковалевский, — что звание преподавателя, хотя бы и со званием ординарного профессора, в провинции, на пределах Азии, достой-

но жалости. Не каждому из преподавателей достается там в удел твердая, непоколебимая воля, которая в состоянии бороться с равнодушием окружающего общества в деле науки, преодолеть все приманки рассеянной жизни, сосредоточиться в себе, ограничить стенами своего кабинета и в затворничестве трудиться для одной лишь науки [...] Кроме того, мы по опыту знаем, с какими трудностями сопряжено приобретение преподавателей для отдаленного от столиц университета. Призыв ученых чрез конкурс на вакантные кафедры вообще весьма редко оканчивается полным успехом. По необходимости мы обращаемся к своим питомцам и между ними искали преемников на убылые места, и молодые люди, не имея возможности собственными силами определить сферу своих познаний, со студентской скамейки скоро переходили на кафедру, скоро исчерпывали весь запас своей учености, начинали почитать себя совершенными по своей части, а университет, желая искусственно сохранить в них энергию к продолжению ученых трудов, поспешно возводил их в высшие звания, и чрез то наносил вред им и себе [...] До сего времени заседания университетского совета и факультетов ограничивались почти исключительно административными делами, формализмом, часто забывая существенное, т.е. ученое направление, жизнь чисто ученую, плодотворную для славы и пользы ученого сословия»⁵¹⁴.

В связи с этим в 1850-х годах появились проекты отмены заседаний профессорского совета вовсе как ненужных и скандальных⁵¹⁵. Отсутствие профессиональной солидарности осознавалось профессорами как препятствие к развитию науки и как кризис российского университета. Многим представлялось, что для его преодоления нужно вернуться к «немецким истокам», а на самом деле к реализации гумбольдтовской идеи соединения науки и преподавания. Поэтому с первых дней правления Александра II началось изучение западных университетов в их прошлом и настоящем. Вместе с этим российские профессора придумывали способы профессиональной мобилизации. «Мне кажется, — рассуждал тот же Ковалевский, — что каждый факультет, созывая всех своих преподавателей

лей в особые ученые заседания, может образовать из себя как бы ученое общество, члены которого будут поочередно читать свои ученые записки и рассуждения, дружески беседовать о предметах своей науки и таким образом накоплять статьи как для журнала министерства народного просвещения, так и для университетского издания. Занятие благородное, достойное профессорского звания! Наука тогда избегнет постыдного застоя, более опытные преподаватели увлекут за собою начинающих трудиться на ученом поприще и откроют способ короче знакомиться со способностями молодых ученых, желающих посвятить себя учености. Тогда и медицинский факультет, вообще мало у нас пишущий, будет принужден из практических своих занятий извлекать самые утешительные результаты для исследования местных болезней и успешного их врачевания. Сама природа губерний, составляющих Казанский учебный округ, с нетерпением ожидает любознательного воззрения от своих гостей. Словом, ни одна отрасль учености в лице своего представителя не останется бесплодной»⁵¹⁶.

Учитывая опыт Геттингенского и Берлинского университетов, профессора надеялись на государственные возможности пресечения групповых конфликтов и ограничения всевластия утвердившегося «большинства» в университетах. Вступившего в должность министра при новом императоре А.С. Норова казанский ректор призывал: «Между тем, предвидите еще возможность поддержать у нас трудолюбие членов университета упрочением ученой деятельности в недрах всех факультетов и вместе охранить ученое звание от постороннего порицания [...] Один только голос министерства в состоянии спасти нас от заслуженного упрека в хладнокровии к нашему долгу»⁵¹⁷.

Это был призыв к «персональной политике», воззвание к власти пресечь университетскую «партийность» и пересортировать штаты профессоров для обновленных университетов.

Итак, в интересующее нас время интерес российской власти к политическому потенциалу науки воплотился в

разные формы организации поставок нового знания: импорт западных теорий через иностранных ученых и закупки научной литературы; применение новых исследовательских технологий, привезенных в Россию университетскими стипендиатами, проведение долго— и краткосрочных экспедиций, создание стационарных исследовательских сетей.

В российском университетском сообществе статус научной работы рос довольно медленно. В 1800-х годах наука была личным делом профессора, который либо добывал новые сведения для своего курса лекций, либо использовал для преподавания готовое знание. Эта ситуация стала изменяться уже в 1810-х годах под нажимом Министерства народного просвещения. Сначала государство в лице попечителей побуждало университетских наставников изучать население и территории учебных округов, отмечая исследователей как особо ценных чиновников. Там, где это происходило, там рос престиж исследовательской работы. Затем инициатива таких исследований сместилась в университеты. В 1830-х годах в министерство стали поступать предложения от профессоров, доказывавших чиновникам государственную пользу от научного изучения империи и необходимость ее организации. По всей видимости, университетские исследователи шли в унисон со стремлением политической власти получить всеобъемлющую и рациональную картину страны и ее ресурсов. Движение власти и интеллектуалов в этом направлении породило масштабные медико-топографические и этнографические исследования России, стран Востока и славянского мира, развернувшиеся в 1830—1840-х годах.

Для университетского сообщества эти процессы имели два последствия. Во-первых, общей особенностью исследовательской деятельности русских врачей, славистов и востоковедов было «глубинное погружение» в изучаемые культуры. Это стало возможным благодаря составу студентов (выходцев из изучаемых социальных, региональных и этнических групп), знанию местных языков и вынужденной тактике многолетнего наблюдения. Полученное

таким образом экспертное знание способствовало рождению политических амбиций профессиональных групп, появлению у них претензий на особое понимание проблем Российской империи, а также эффективных способов их решения. Всё это вело к рождению собственных, отличных от государства профессиональных интересов и идеологий.

Во-вторых, участие в многолетних экспедициях, общность исследовательских задач, потребность в обсуждении и качественной оценке результатов породили профессиональные солидарности и основанные на них научные сообщества, которые не соответствовали прежней институциональной структуре университета. Поэтому в «ученом сословии» возникли новые формы группности (профессорские семинары, домашние салоны, научные и врачебные общества, редколлегии специализированных изданий, кассы взаимопомощи). Другое дело, что в силу фрагментарности и неравномерности развития университетской науки (не хватало государственных средств, не было правительственного интереса ко всему универсуму наук) в новые формы группности оказалась вовлечена только часть российской профессуры. Возникшие линии разделения внутри университетского сообщества усилили в нем естественные противоречия, обострили конкуренцию и конфликты интересов.

Примечания к 1-й части

⁵ О метафорах «остров», «корабль», «океан», «море» в колониальных текстах см: *Pels P. The Anthropology of Colonialism: Culture, History, and the Emergence of Western Governmentality* // *Annual Review of Anthropology*. — 1997. — Vol. 26. — P. 174.

⁶ См.: *Галиуллина Р.Х.* Властные практики управления и практики самоуправления в университетах России второй половины XVIII — первой половины XIX веков: учебное пособие. — Казань, 2011. — С. 5—8.

⁷ *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М., 2009. —

С. 372–397; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. — Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. — М., 2002. — С. 135, 138.

⁸ Об учреждении министерств, 8 сентября 1802 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание Первое]. Т. 27. — СПб., 1830. — № 20406. — С. 246.

⁹ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. — 1803. — № 2. — С. 156.

¹⁰ Переписка с попечителем Московского университета о доставлении сведений о состоянии университета и других учебных заведений, 1802–1803 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 1. Л. 2.

¹¹ Переписка с попечителем Московского университета о доставлении сведений о состоянии университета и других учебных заведений, 1802–1803 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 1. Л. 2 об.

¹² Переписка с попечителем Московского университета о доставлении сведений о состоянии университета и других учебных заведений, 1802–1803 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 1. Л. 2 об.

¹³ Об устройстве училищ, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 6. — Стб. 13–21.

¹⁴ Об учреждении учебных округов, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 7. — Стб. 21–22.

¹⁵ Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 44. — Стб. 254–261.

¹⁶ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 46. — Стб. 264–301.

¹⁷ Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 47. — Стб. 301–339.

¹⁸ В историографии высказывалось мнение, что попечитель был посредником между ректором университета и Министерством народного просвещения (см.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. — Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. — М., 2002. — С. 221). Оно не подтверждается архивными свидетельствами. В первые десятилетия XIX века попечитель входил в сношения с университетским советом через ректора и выступал радетелем в министерстве о нуждах университета. Ректор же был подчиненным и исполнительным лицом.

¹⁹ См. об этом: A History of the University of Europe. — Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). — Cambridge, 2004.

²⁰ Об устройстве училищ, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 6. — Стб. 16.

²¹ Об учреждении учебных округов, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 7. — Стб. 21–22.

²² *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за 100 лет его существования (1802–1902). — Юрьев, 1902. — Т. 1. — С. 154–155.

²³ См. о нем: *Павлова Г.Е.* Степан Яковлевич Румовский, 1734–1812. — М.: Наука, 1979; *Боголюбов А.Н.* Математики. Механики: биографический справочник. — Киев, 1983; Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1, 1724–1917. — М.: Наука, 1999; *Карлов Н.В.* Две академии: люди и свершения // Вестник РАН. — 2002. — Т. 72. — № 7. — С. 646–653; *Завгородняя О.И.* С.Я. Румовский — первый попечитель Императорского Казанского университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. — 2006. — № 3. — С. 89–94.

²⁴ *Костина Т.В.* Академик С.Я. Румовский и Казанский университет: историографический контекст // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков / отв. ред. Ж.И. Алферов. — СПб., 2010. — С. 81–101.

²⁵ В предварительной смете расходов на университет первой строкой были прописаны расходы на жалование профессорам и препода-

вательскому составу. Каждому из 28 профессоров полагалось жалование в 2000 рублей ежегодно; каждому из 12 адъюнктов — 800 рублей; каждому учителю языков — 600; каждому из 12 магистров — 400. Была предусмотрена плата за исполнение должности ректора — 600 рублей; декана (а их было 5) — 300; каждому директору клинического института — 500 рублей; цензору книгопечатания — 450; инспектору казенных студентов и библиотекарю — по 400 рублей. См.: О примерном исчислении сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России, 17 марта 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 11. — Стб. 30–36.

²⁶ Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 44. — Стб. 254.

²⁷ Об учреждении гимназии в Казани, 21 июля 1758 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание Первое]. Т. 15. — СПб., 1830. — № 10860. — С. 242.

²⁸ Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 44. — Стб. 260–261.

²⁹ Мысль об открытии университета на Украине была не нова. В 1760-х гг. дворяне Сумской провинции ходатайствовали об основании университета в Сумах. За ней последовали попытки создать его в Екатеринославле (1784), в Чернигове (1786). В начале XIX в. у Харькова стать колыбелью для университета было меньше шансов, чем у других малороссийских городов. По численности населения (а здесь проживало 5378 человек) он значительно уступал Киеву (30 000), Таганрогу и Одессе (по 9000), Ахтырке (6309), Екатеринославу (6000). В 1802 г. на основании «Жалованной грамоты дворянству» и по предложению министра внутренних дел В.П. Кочубея харьковское дворянство стало обсуждать так называемую проблему «общественных нужд». Уже 29 августа на дворянском собрании В.Н. Каразин выступил с «Предначертанием о Харьковском университете» (см.: Предначертание о Харьковском университете, представленное в Харькове полно-

му Дворянскому Собранию 29 августа 1802 года и послужившее основанием приговору оного Собрания 1 сентября // Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. — Харьков, 1910. — С. 523–534). 1 сентября 1802 г. Каразин выступил со знаменитой речью, в которой признавался: «Я смел [...] мечтать что необыкновенное стечение народа украсит и распространит сей город и зависящие от него; наполнит их всеми утехами, свойственными просвещенному обществу; что богатства всех стран России станут литься к нам рекою, что изобилие и радость будут иметь у нас верное прибежище; что мы прославимся в единомыслии, друзьях, чадах наших; что мы покажем собою пример, который воспламенит к подражанию прочие благородные общества» (см.: Там же. — С. 523–534; *Ильяшевич Л.В.* Краткий очерк истории харьковского дворянства. — Харьков, 1885. — С. 71).

³⁰ Цит. по: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М., 2009. — С. 227.

³¹ Открытие Харьковского университета проходило в особо торжественной форме: приехавший попечитель Потоцкий выступил с торжественной речью на языке науки — латыни: «De nova per imperium Rossicum constitutione scholarum indeque oriundo fructo». (*Потоцкий С.О.* О благодетельной цели преобразования в России училищ // Речи, говоренные в торжественном собрании 17 января 1805 г. при открытии Харьковского университета. — Харьков, 1806. — С. 10–16; *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Харьков, 1893–1898. — Т. 1. (1802–1815 гг.) — С. 151–158).

³² *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): рассказы по архивным документам. — Казань, 1887. — Ч. 1. — С. 70–71.

³³ *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. — М., 1855 — С. 359–361.

³⁴ О Муравьеве Михаиле Никитиче см.: *Кошанский Н.Ф.* На кончину М.Н. Муравьева // Вестник Европы. — 1807. — Ч. 35, № 19. — С. 186–196; *Петухов Е.* Михаил Никитич Муравьев: очерк его жизни и деятельности // Журнал Министерства народного просвещения. — 1894. — Кн. 8; *Жинкин И.М.* М.Н. Муравьев // Известия Отделения рус. яз и словесности Имп. академии наук. — 1913. — Т. 18, кн. 1. — С. 274–352;

Кулакова Л.И. Н.И. Новиков в письмах М.Н. Муравьева // XVIII век. — Л., 1976. — Вып. 11. — С. 18–24; Паишуrow А. Н., Мясников О.В. М.Н. Муравьев: вопросы поэтики мировоззрения и творчества. — Казань, 2004; М.Н. Муравьев и его время: сборник статей и материалов 5-й resp. науч.-практ. конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке». — Казань, 2008; Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов 2-й Всерос. науч.-практ. конференции. — Казань, 2010.

³⁵ О Потоцком Северине Осиповиче см.: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Т. 1. 1802–1815. — Харьков, 1893–1898. — С. 98–107; Лавровский Н. Из первоначальной истории Харьковского Университета // Журнал Министерства народного просвещения. — 1869. — Ч. 145, № 10. — С. 235–260.

³⁶ О Каразине Василии Назаровиче см.: Абрамов Я.В. Василий Назарович Каразин: (Основатель Харьковского университета). Его жизнь и общественная деятельность: биографический очерк. — СПб., 1891; Багалей Д.И. Заметки и материалы по истории Харьковского университета: новые данные для биографии В.Н. Каразина // Записки Харьковского университета. — 1906. — Кн. 1. — С. 81–164 (Летопись); Слюсарский А.Г. Василий Назарович Каразин: (Ученый и общественный деятель, 1773–1842). — Харьков, 1952; Львов В.Е. Жизнь Каразина: историческая повесть // Нева. — 1978. — № 3. — С. 3–57; № 4. — С. 33–110.

³⁷ Каразин В.Н. Предназначение о Харьковском университете, представленное в Харькове полному дворянскому собранию 29 августа 1802 года // Каразин В.Н. Сочинения, письма и бумаги / собр. и ред. проф. Д.И. Багалей. Харьков, 1910. С. 523–534; То же, с сокращ. // Русская старина. — 1875. — Т. 13, № 5. — С. 66–71.

³⁸ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. — Т. 1. — Казань, 1902. — С. 31–32. Инаугурация состоялась лишь в 1814 г., уже после смерти Румовского и по инициативе казанского попечителя М.А. Салтыкова. Программа торжеств не была широкой: присутствие официальных гостей — первых лиц губернии, иллюминация, официальная публикация акта о торжественном открытии Казанского университета, программы занятий на 1814/15 учебный год на русском и татарском языках, списка студентов и лекторов и издание на латинском языке диссертации профессора Х.Д. Френа. См.: Программы и расписания занятий в Казанском университете, 1810–1816 // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 92. Л. 17.

³⁹ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. — Т. 1. — Казань, 1902. — С. 33.

⁴⁰ Такая модификация не являлась юридическим фактом основания Казанского университета, — считал историк права Н.П. Загоскин. Он назвал этот феномен «неправомерным», «румовско-яковкинской комбинацией», поставивший строй Казанского университета в резкое и непримиримое противоречие с только что высочайше утвержденным для него уставом», что «было делом факта личного усмотрения» (см.: Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. — Т. 1. — Казань, 1902. — С. 33, 40–41).

⁴¹ Из письма А.К. Разумовского попечителю С.Я. Румовскому от 17 августа 1810 г. См.: О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров, 1810 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

⁴² Из письма А.К. Разумовского попечителю С.Я. Румовскому от 17 августа 1810 года. См.: О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров, 1810 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 340. Л. 3.

⁴³ Кулакова И.П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII–XX вв.: сборник науч. ст. — Воронеж, 2000. — Вып. 5. — С. 32–34.

⁴⁴ Дела об избрании ректора и деканов Казанского университета, 1810–1814 // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 95; Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. — Казань, 2003 — С. 82–85.

⁴⁵ Интересен «баланс сумм», оприходованных Казанским университетом в 1810 г. Это — документ, сделанный в виде таблицы, где приход и расход денег строго соответствует смете министерства. Документ подписан всеми членами университетского Правления, но к нему не приложены приходно-расходные документы, финансовые расписки (см.: Баланс суммы Казанского университета, 1810 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Правление». Д. 1. Л. 1). В 1816 г. при наличии вакантных мест в Казанском университете значительная часть выделенных средств не была оприходована. И если, как свидетельствовали современники, здания и мебель ветшали, то, видимо, их не ремонтировали и не покупали, хотя финансовые отчеты свидетельствовали об ином (см.:

Отношения попечителя учебного округ Салтыкова к ректору университета, 1816 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Правление». Д. 123. Л. 13–13 об.).

⁴⁶ Например, конфликт И.Ф. Яковкина с профессором К. Фойгтом описан в письмах С.Я. Румовскому (см.: О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров, 1810 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 340. Л. 11–12, 38–40).

⁴⁷ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. — Казань, 2003 — С. 84–85.

⁴⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. — Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. — М., 2002. — С. 152–153.

⁴⁹ Из представлений П.И. Голенищева-Кутузова А.К. Разумовскому об избрании ректора и деканов Московского Императорского университета, 1811 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 71. Л. 18.

⁵⁰ Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров Тимковского, Стойковича, Шумлянского, Баллю — деканами, 1808–1809 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 90. Л. 1 об.

⁵¹ Нагуевский Д.И. Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832 гг.): историко-литературный очерк. — Казань, 1904. — С. 143.

⁵² Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 24 октября 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 12.

⁵³ По предложению Г. Попечителя Казанского учебного округа о производстве дел в Правлении Казанского университета, разделив оныя между членами, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2979. Л. 1.

⁵⁴ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 21 марта 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 7831. Л. 14 об.

⁵⁵ Магницкий М.Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. — М., 1835. — С. 10.

⁵⁶ Дело о расследовании жалобы ректора университета на профессора Г.Ф. Брандейса в связи с отказом последнего лечить больных холерой и оскорбительными выходками, 1830–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 749. Л. 5 об.

⁵⁷ Дела об избрании ректора и деканов, 1810–1814 // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 95. Л. 9.

⁵⁸ О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров, 1810 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 340. Л. 38–40.

⁵⁹ Дела об избрании ректора и деканов, 1810–1814 // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 95. Л. 9.

⁶⁰ Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров Тимковского, Стойковича, Шумлянского, Баллю — деканами, 1808–1809 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 90. Л. 1 об.

⁶¹ Об увольнении ректора Императорского Московского университета Гейма от сей должности с пенсионом и об утверждении на место его ректором профессора сего университета Прокоповича-Антонского, 1819 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 307. Л. 3.

⁶² Так, в мае 1811 г. на втором туре выборов, набрав с профессором Геймом одинаковое количество голосов, Страхов снял свою кандидатуру и отказался от кресла ректора «по причине слабого здоровья». П.И. Голенищев-Кутузов в своем представлении писал о «неутомимой деятельности и полезных трудах Г. Ректора Гейма» и просил «о исхodataйствовании ему ободрения» (Об увольнении ректора Императорского Московского университета Гейма от сей должности с пенсионом и об утверждении на место его ректором Профессора сего университета Прокоповича-Антонского, 1819 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 307. Л. 16 об.).

⁶³ Аргумент приводился один и тот же: «Должность сия требует неусыпного попечения, занятия множеством подробностей, строгого наблюдения и взыскания на учащих и учащихся и на всех чиновниках» (см.: Об избрании ректора в Московском университете на три года, 16 сентября 1809 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 115. — Стб. 522–523; Об избрании ректоров в Харьковском и Казанском университетах чрез каждые три года, 26 мая 1811 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 161. — Стб. 634–635).

⁶⁴ Эти отношения нельзя объяснить сервильностью Гейма. Он не был покорным исполнителем. Например, он не уступил покушениям попечителя на университетскую казну во время эвакуации университета в Нижний Новгород в сентябре 1812 г. (см.: Представление попечителя М.У. округа Министру Н. Пр., графу А.К. Разумовскому от 15 августа 1812 г., о дерзостных поступках ректора Московского университета // Московский университет и Санкт-Петербургский учеб-

ный округ в 1812 году. Документы архива Министерства народного просвещения / под ред. К. Военского. — СПб., 1912. — С. 4–5; Представление попечителя М.У. округа Министру Н. Пр. от 15 августа 1812 г., по поводу действий ректора Московского университета // Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 году. Документы архива Министерства народного просвещения / под ред. К. Военского. — СПб., 1912. — С. 5–6).

⁶⁵ Браун был известен как окулист. См.: *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. — Казань, 1903. — Т. 2. — С. 394–398.

⁶⁶ О жизни и деятельности К.Ф. Фукса см.: *Гарзавина А.В.* «В Казань, профессору К.Ф. Фуку...». — Казань, 1987.

⁶⁷ Чеботарев Харитон Андреевич — первый заслуженный профессор Московского университета (1776). О нем см.: *Ешевский С.В.* Московские масоны восьмидесятых годов прошедшего столетия (1780–1789) // *Ешевский С.В.* Сочинения. — М., 1870. — Ч. 3. С. 548; *Григорьев Ю.В.* Харитон Андреевич Чеботарев (1746–1815) // *Ю.В. Григорьев и развитие советского библиотековедения.* — М., 1988. — С. 75–78. — (Сб. науч. тр. Моск. гос. ин-та культуры; вып. 78).

⁶⁸ О Петре Ивановиче Страхове см.: *Левшин Л.В.* Деканы физического факультета Московского университета. — М., 2002. — С. 26–33.

⁶⁹ *Тимковский Е.Ф.* Московский университет в 1805–1810 гг. Из воспоминаний // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917).* — М., 1989. — С. 61.

⁷⁰ *Багaley Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Харьков, 1893–1898. — Т. 1. — С. 212, 213.

⁷¹ В своем донесении министру А.К. Разумовскому от 15 июля 1816 г. он сообщал об обнаружившихся в возражениях Совете «упорстве», «недоброжелательстве» (Об утверждении адъюнктов Лобачевского и Симонова в звании экстраординарных профессоров, 1815–1816 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 611. Л. 5).

⁷² О поручении должности попечителя профессору Брауну, 1814–1815 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Правление». Д. 4. Л. 1–2.

⁷³ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 год // *Русская старина.* — 1897. — Т. 90, № 6. — С. 476–477. Те же события описал попечитель Харьковского учебного округа З.Я. Карнеев в отчете, адресованном министру А.Н. Голицыну. В отличие от Михайловского-Данилевского Карнеев сухо изложил факты, умолчав о неудовольствии

императора. (Краткий отчет о состоянии университета, его библиотеки и кабинетов и ведомость об учебных заведениях Харьковского округа, 1817 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 294. Л. 22).

⁷⁴ Об этом писал казанским профессорам попечитель Салтыков: «Помимо Московского университета все остальные должны пасть». См.: Письмо М.А. Салтыкова к Ф.К. Броннеру от 12 января 1817 г. [пер. с франц.] // *Нагуевский Д.И.* Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. — Казань, 1902. — С. 362.

⁷⁵ Для мотивации учебы использовались привычные рычаги административного воздействия. См.: О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники, 6 августа 1809 // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 112. — Стб. 510–517.

⁷⁶ Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения, 24 октября 1817 // *Полное собрание законов Российской империи [Собрание Первое].* Т. 34. — СПб., 1830. — № 27106. — С. 814.

⁷⁷ Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения, 24 октября 1817 // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 301. — Стб. 971.

⁷⁸ См.: *Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1816.* — Ч. 1. — С. 430–431; То же на 1819. — Ч. 1. — С. 508.

⁷⁹ Целая серия постановлений и распоряжений была издана для его восстановления, в том числе: О возобновлении здания Московского университета, 26 января 1817 // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 267. — Стб. 882; О сооружении храма в доме Московского благородного пансиона, о содержании шести воспитанников и об определении директора, 5 февраля 1818 // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 307. — Стб. 1048; О приобретении анатомического кабинета для Московского университета, 8 февраля 1818 // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. —

№ 308. — Стб. 1049; О прибавке суммы на содержание Московского университета, в пособие Обществу испытателей природы, 9 февраля 1818 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 309. — Стб. 1050; О правилах обеспечения участи служителей Московской университетской типографии, 23 июля 1818 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 320. — Стб. 1094—1097; О постройке новых зданий для Московского университета, 12 февраля 1821 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 404. — Стб. 1448—1450; О постройке для типографии Московского университета Каменного корпуса, 22 февраля 1821 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 405. — Стб. 1450—1452.

⁸⁰ Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. — М., 1855. — С. 421.

⁸¹ О Магницком Михаиле Леонтьевиче см.: Феоктистов Е.М. Магницкий: материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. — 1864. — Т. 51, № 6. — С. 464—498; Т. 52, № 7. — С. 5—55; № 8. — С. 407—449; Вишленкова Е.А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. — 2002, № 4. — С. 22—35; Она же. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. — Казань, 2003. — С. 94—126; Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX века. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. — С. 268—271; Ильина К.А. Литературный образ Магницкого // Бикташева А.Н., Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). — Казань, 2006. — С. 100—115; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. — Воронеж, 2011. С. 238—258.

⁸² Обзор ревизий Казанской губернии приведен в кн.: Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. — Казань, 2003. — С. 95—97.

⁸³ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805—1819): рассказы по архивным документам. — Казань, 1887. — Ч. 1. — С. 386—387.

⁸⁴ Об освобождении ректора Казанского университета от заседания в хозяйственном правлении университета, 12 января 1825 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 496. — Стб. 1609—1611.

⁸⁵ Инструкции директору Казанского университета, 17 января 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 374. — Стб. 1199—1120.

⁸⁶ Первым директором был назначен А.П. Владимирский, врач, знакомый Магницкому по Симбирску, который благодаря протекции попечителя стал профессором повивального искусства.

⁸⁷ Об освобождении ректора Казанского университета от заседания в хозяйственном правлении университета, 12 января 1825 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802—1825. — СПб., 1864. — № 496. — Стб. 1609—1611.

⁸⁸ В частности, вплоть до 1829 года проводилась ревизия финансовой деятельности ректора Казанского университета К.Ф. Фукса. Министр народного просвещения К.А. Ливен предписывал исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину: «Поелику Г. Фукс прикован к делам ревизии счетов Казанского университета и о профессоре Жобаре, то до окончания оных и нельзя ходатайствовать о награждении его» (По представлению г. исправляющего должность попечителя Казанского учебного округа, о прибавке профессору Фуксу 1000 р. жалования, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3061. Л. 2).

⁸⁹ Опубликованная с одобрения совета университета книга И.Е. Шада «Institutiones juris naturae» была признана министром А.К. Разумовским «не удобной» для изучения российским юношеством. Последовало разбирательство в университете, в министерстве, а затем и в Комитете министров. Приговор правительства был довольно суровым: «Профессора Шада не только не нужно долее оставлять при должности, но с теми правилами какие он обнаружил уже, не может он во все и терпим быть в России, полагал 1; удалив его немедленно от

должности выслать за границу; 2-е, обе изданные им книги, изтребить совершенно; 3-е. Дать о том знать прочим Университетам» (Об увольнении профессора университета И.Е. Шада, высылке его из России за издание им книги «вредной для воспитания», и об уничтожении изданных им книг, 1816 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 276а. Л. 8, 14).

⁹⁰ Дела об увольнении попечителя Харьковского учебного округа З.Я. Карнеева, о назначении на его место Е.В. Карнеева, и о назначении последнего членом совета министра финансов, 1822–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 477. Л. 2.

⁹¹ Дело о рассмотрении проекта преобразования Харьковского университета и Слободско-Украинской гимназии и об увеличении числа казеннокоштных студентов в университете в связи с недостатком учителей в учебных заведениях, 1822–1825 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 478. Л. 29.

⁹² Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа о преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии, 1823–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 506. Л. 25–25 об.

⁹³ Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа о преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии, 1823–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 506. Л. 25 об.–26.

⁹⁴ З.Я. Карнееву оказалось удобно работать с Джунковским. В связи с чем попечитель рекомендовал его министру в качестве эффективного университетского администратора. Для обоснования он использовал религиозно-мистическую риторику, характерную для Министерства духовных дел и народного просвещения. «Г-н Ректор Джунковский, самых христианских и честных правил», — писал он (Дела об увольнении попечителя Харьковского учебного округа З.Я. Карнеева, о назначении на его место Е.В. Карнеева, и о назначении последнего членом совета министра финансов, 1822–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 477. Л. 2).

⁹⁵ Дела об увольнении ректора университета профессора Т.Ф. Осиповского и об утверждении ректором В.Я. Джунковского, 1820–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 414.

⁹⁶ Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии, 1823–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 506. Л. 32 об.

⁹⁷ О народном просвещении в России: (Всепопданнейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского, 20 апреля 1826 г.) // Русская старина. — 1901. — Т. 106, № 5. — С. 363–364.

⁹⁸ К.А. Ливен был довольно редким для министерства сановником, который признавал право университетов на самоуправление. Ему принадлежат слова: «Попечитель есть не что иное, как передатчик мнений университетского Совета к нему, министру» (Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова (1798–1830) // Русская старина. — 1892. — Т. 76, № 10. — С. 136).

⁹⁹ 11 марта 1829 г. К.А. Ливен предложил университетским советам приступить к разработке «Проекта университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского». Проект Московского университета отложился в ОПИ ГИМ в фонде помощника попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастова. Он проанализирован в кн.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. — Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. — М., 2003. — С. 116–133.

¹⁰⁰ Об устройстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского, 1828–1835 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 42. Профессорские проекты проанализированы в кн.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. — Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. — М., 2003. — С. 86–105.

¹⁰¹ Министр народного просвещения адмирал А.С. Шишков писал московскому попечителю А.А. Писареву: «Попечению Вашего П[ревосходительства]ва вверен один из древнейших русских университетов и все подведомыя ему казенныя и частныя учебныя заведения многочисленнейшей столицы и одиннадцати губерний. Под глазами вашими будет образовываться не малая часть наших ученых и тринадцать тысяч юношей будут возрастать под руководством вашим». При этом он увещевал харьковского попечителя А.А. Перовского: «Обращаясь [...] к Харьковскому Университету, сему Новому разсаднику Просвещения, в котором для окончательного усовершенствования в науках постоянно находится более 325 юношей, посвящающим себя разным гражданским званиям на пользу общественную, я обязанностию почитаю изложить здесь к наблюдению вашего Превосходительства, что заведение сие требует со стороны вашей непрерывного и самого деятельного надзора, дабы достигнув возможного совершенства, могло оно прийти в то цветущее состояние, в котором долженствует быть, чтобы оправдать высочайшее о нем попечение и показать на деле, что не

в туне изливались на оное в продолжении более двадцати лет Щедроты Монарха нашего» (Наставление вновь определенным попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву и исполняющему должность попечителя Харьковского учебного округа А.А. Перовскому, 1825–1826 // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 97. Л. 1, 4 об., 9 об.).

¹⁰² Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. — Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. — М., 2003. — С. 135–136.

¹⁰³ С.М. Голицын, по воспоминаниям студентов Московского университета, «имел возможность делать много добра как для всего ученого персонала вообще, так и для студентов [...], но ровно ничего для университета не дал». Практически он не был в нем и «почти всецело передал власть свою двум помощникам своим, графу Панину и Голохвастову» (*Вистенгоф П.Ф.* Лермонтов в Московском университете. (Из моих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 179; *Гончаров И.А.* Воспоминания. I. В университете // Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. — М., 1954. — Т. 7. — С. 205; *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. — М., 1897. — С. 109). Князь Вяземский писал, что на устраиваемых Голицыным балах «не было ни одного члена университетского. Наши вельможи думают, что ученость нельзя впускать в гостиную» (*Вяземский П.А.* Старая записная книжка. — СПб., 1884. — С. 139–140. — (Полн. собр. соч. — Т. 9).

¹⁰⁴ Дело о выработке мер для усиления надзора за ходом преподавания в университете и регулировании взаимоотношений между деканами и советом университета, 1831 // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 4. Л. 2 об.

¹⁰⁵ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. — Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. — М., 2003. — С. 91–93.

¹⁰⁶ Дело о рассмотрении проекта новой организации совета, правления и училищного комитета Казанского университета, 1826–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 306. Л. 5.

¹⁰⁷ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 86–86 об.

¹⁰⁸ О необходимости определить в правление университета неперменного члена, не из профессоров, 1828 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2580. Л. 12 об.

¹⁰⁹ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 4–4 об.

¹¹⁰ Дело о рассмотрении проекта новой организации совета, правления и училищного комитета Казанского университета, 1826–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 306. Л. 1.

¹¹¹ Дело о рассмотрении проекта новой организации совета, правления и училищного комитета Казанского университета, 1826–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 306. Л. 1.

¹¹² Это мнение ординарных профессоров Альфонского, Бунге, Василевского, Павлова (Дело о выработке мер для усиления надзора за ходом преподавания в университете и регулировании взаимоотношений между деканами и советом университета, 1831 // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 4. Л. 3 об.).

¹¹³ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 52.

¹¹⁴ Дело о рассмотрении проекта новой организации совета, правления и училищного комитета Казанского университета, 1826–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 306. Л. 3.

¹¹⁵ Проект устава университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского. Четыре экземпляра с различными поправками и изменениями, 1830–1834 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 154. Л. 2, 6, 65.

¹¹⁶ Статьи, на которые по циркулярному предложению управляющего Министерством попечители и помощники попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении учебных округов, 27 мая 1833 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 1. 1802–1834. — № 433. — Стб. 862–866.

¹¹⁷ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579.

¹¹⁸ О Филатьеве Владимире Ивановиче см.: *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Т. 2. 1815–1835. — Харьков, 1904. — С. 198–199.

¹¹⁹ О Головкине Юрии Александровиче см.: *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Т. 2. 1815–1835. — Харьков, 1904. — С. 73–274, 325.

¹²⁰ Практика харьковского попечителя и профессуры дала свои результаты: 28 мая 1835 года министр народного просвещения отделил административную часть от учебной, подобно тому как это было сделано в университете Св. Владимира (Об отделении в Харьковском университете административной части от учебной, 28 мая 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. — СПб., 1864. — № 350. — Стб. 701).

¹²¹ Хотя были и исключения, например попечитель Алексей Алексеевич Перовский (с 1825 по 1830), который руководил Харьковским учебным округом и университетом, проживая в Санкт-Петербурге. См.: *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Т. 2. 1815–1835. — Харьков, 1904. — С. 179, 180.

¹²² В 1826 г. император так выразил свою волю: «Утвердить полковника Мусина-Пушкина, коему местные обстоятельства совершенно известны» (Дела о столкновении между профессорами П.С. Сергеевым и Я.М. Караблиновым по вопросам преподавания философии и о назначении М.Н. Мусина-Пушкина попечителем Казанского учебного округа, 1826–1832 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 220. Л. 32).

¹²³ О Мусине-Пушкине Михаиле Николаевиче см.: *Галиуллина Р.Х.* М.Н. Мусин-Пушкин — попечитель Казанского учебного округа: дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 1997; *Она же.* Мусин-Пушкин — попечитель Казанского и Санкт-Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конференции, 23–25 июня 2009. — СПб., 2009. — С. 91.

¹²⁴ О Молоствове Владимире Порфирьевиче см.: *Фрлова С.А.* Казанская ветвь дворянского рода Молостровых (вторая половина XVIII — 1861 г.): дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1998. — С. 167–190; *Она же.* «Почти все части нашего хозяйства ожидают улучшения»: О.М. Ковалевский и В.П. Молостров о состоянии Казанского университета 150 лет назад // Эхо веков = Гасырлар авазы. — 2007. — № 1. — С. 157–169; *Ее же.* «Имеет ли он познания к сему роду службы нужные?..»: (как сдавали экзамен в Казанском университете будущие попечители Казанского учебного округа В.П. Молостров и М.Н. Мусин-Пушкин) // Там же. — 2008. — № 2. — С. 77–86; *Она же.* Попечитель Казанского учебного округа В.П. Молостров и проблема перевода Восточного отделения Казанского университета в Санкт-Петербург // Общественно-полити-

ческая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения. — Казань, 2008. — С. 462–467.

¹²⁵ В 1828 г. казанский попечитель представил «Проект образования присутственных мест в Казанском университете» или «Проект нового образования совета, правления и училищного комитета» (О необходимости определить в правление университета неперменного члена, не из профессоров, 1828 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2580).

¹²⁶ *Агафонов Н.Я.* Из казанской истории. — Казань, 1906. — С. 38.

¹²⁷ О Писарева Александре Александровиче см.: Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. — М., 1996. — Вып. 7. — С. 514–515).

¹²⁸ О Строганове Сергее Григорьевиче см.: Граф С.Г. Строгонов [некролог] // Исторический вестник. — 1882. — Т. 8, № 5. — С. 476–477; *Кочубинский А.* Граф Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов // Вестник Европы. — 1896. — № 7. — С. 165–196; № 8. — С. 471–490).

¹²⁹ Предложение Главному правлению училищ Министра народного просвещения А.С. Шишкова, 11 декабря 1824 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. — № 254. — Стб. 535.

¹³⁰ Цит. по: *Михайлова С.М., Коршунова О.Н.* Казанский университет между Востоком и Западом. — Казань, 2006. — С. 37.

¹³¹ Дело о разрешении кандидату философии и общественных наук экстраординарного профессора университета В.С. Печерину поездки в Берлин во время летних каникул по личным делам и о невозвращении его в Россию в связи с переходом в католичество и поступлением в монастырь, 1836–1845 // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 250. Л. 17–17а, 26–26 об.

¹³² Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. — Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. — Ч. 1. Профессура. — М., 2003. — С. 152.

¹³³ По представлению совета Казанского университета об утверждении хана Букеевской орды Джангира почетным членом Казанского университета, 1840 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5078. Л. 1, 3, 3 об.

¹³⁴ Высочайшим рескриптом на имя управляющего Министерством внутренних дел от 1 августа 1822 г. было определено, чтобы все чиновники «обязанными были подписками, что они ни к каким ломам или

тайным обществам не принадлежат и впредь принадлежать не будут; без каковых подписок они к местам и в службу определяемы быть не могут». Министерство неусыпно следило за тем, чтобы вновь поступающие на службу знакомились с данным законом и своевременно давали ответ подпиской (Об определении чиновников в службу и о взятии с них подписки о непринадлежности их к тайным обществам, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2942. Л. 1).

¹³⁵ Бывший студент Казанского университета вспоминал: «Я помню, как таинственный полумрак [университетской] церкви невольно внушал мне, студенту, религиозные стремления. Я помню, с какой официальной торжественностью, тихо и стройно совершались службы [...], как плащаницу выносили Мусин-Пушкин и Лобачевский, инспектор студентов Ахметов и старший декан; помню, как после Христовой заутрени все мы, студенты университета, после христосования со священником и дьяконом, христосовались с Мусиным-Пушкиным и Лобачевским. Все это давно прошедшее, но постоянно памятное и незабвенное!» (Воспоминания Н.П. Вагнера (выпуска 1849 г.) // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / собр. и ред. Л.Б. Модзалевский. — М.; Л., 1948. — С. 642–643).

¹³⁶ Профессорско-преподавательский состав и чиновники Министерства народного просвещения имели одинаковый цвет и форму парадного мундира. «Университеты и их Учебные округа имеют такой же мундир, но различаются между собою узором и цветом шитья. На мундирах Университетов пуговицы с изображением Государственного герба, а училищ по губерниям с изображением герба их губернии» (Университеты и извлечение из Положения о гражданских мундирах: описание мундиров по Министерству народного просвещения, 27 февраля 1834 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. — СПб., 1864. — № 358. — Стб. 544–550).

¹³⁷ Проект устава университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского. Четыре экземпляра с различными поправками и изменениями, 1830–1834 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 154; Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетам, 1834 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 159.

¹³⁸ Кочубинский А.А. Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // Вестник Европы. — 1894. — Т. 3, № 5. — С. 24.

¹³⁹ Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетам, 1834 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 159. Л. 1–1 об. В итоге в Положении о попечителях учебных округов была воспроизведена формулировка устава университета Св. Владимира, предложенная министром народного просвещения С.С. Уваровым.

¹⁴⁰ По представлению г. исправляющего должность попечителя относительно прав и обязанностей попечителей, 1829–1830 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2904. Л. 1–1 об.

¹⁴¹ Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетам, 1834 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 159. Л. 5–7.

¹⁴² Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетам, 1834 // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 159. Л. 2, 2 об., 3.

¹⁴³ Общий устав Императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. — СПб., 1864. — № 363 — Стб. 742; Положение об учебных округах: указ Правительствующему сенату, 25 июня 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. — СПб., 1864. — № 358. — Стб. 731.

¹⁴⁴ В Совет попечителя входили сам попечитель, помощник попечителя, ректор, инспектор казенных училищ, директора казенного училища и гимназии, почетные попечители и директора гимназий учебного округа, инспекторы частных училищ и пансионов (п. 19).

¹⁴⁵ Дело об утверждении профессора В.С. Комлишинского и директора университета и профессоров Т.Ф. Степанова, А.И. Блументаля, П.П. Артемовского-Гулака и Н.М. Архангельского деканами факультетов, 1836 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1065. Л. 1.

¹⁴⁶ Дело об избрании П.П. Артемовского-Гулака ректором университета, А.В. Куницына — проректором, А.О. Валицкого, В.М. Черняева и Ф.И. Гана — деканами факультетов, 1841–1842 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 117.

¹⁴⁷ Ничтаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете 1823–1829 годы // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 89.

¹⁴⁸ Дело об отклонении ходатайства попечителя Харьковского учебного округа об отмене постоянных заседаний совета университета в целях усиления власти ректора, 1850–1857 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 612. Л. 7.

¹⁴⁹ Дело об избрании П. П. Артемовского-Гулака ректором университета, А. В. Куницына – проректором, А. О. Валицкого, В. М. Черняева и Ф. И. Гана – деканами факультетов, 1841–1842 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 117. Л. 14 об.

¹⁵⁰ Чичерин Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. С. 374.

¹⁵¹ Гончаров И. А. Воспоминания. В университете. Как нас учили пятьдесят лет назад // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С. 147.

¹⁵² Документы о посещении Казанского университета и первой Казанской гимназии императором Николаем I, 1836 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 2093. Л. 4–8 об.

¹⁵³ Переписка А. Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. – М., 1962. – С. 69.

Мнению Гумбольдта вторил и другой путешественник, лектор английского языка Э. Турнерелли: «Друзья и враги (если бы таковые имелись) в равной степени согласились бы с тем, что именно его превосходительству [М. Н. Мусину-Пушкину] Казанский университет обязан теми радикальными изменениями, которые привели его из положения беспорядка и посредственности в сегодняшнее блестящее положение» (Турнерелли Э. П. *Kazan et ses habitants* = Казань и ее жители. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Казанское житье. – Казань, 2005. – С. 263).

¹⁵⁴ О принятии Черниговским, Полтавским, Харьковским генерал-губернатору в свое главное наблюдение Харьковский университет, 9 февраля 1846 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 2, отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855. – СПб., 1876. – № 334. – Стб. 761.

¹⁵⁵ Дело о поручении исполнения обязанностей попечителя Харьковского учебного округа Черниговскому, Полтавскому и Харьковско-

му генерал-губернатору кн. Н. А. Долгорукову, о смерти его и о вступлении в должность попечителя округа помощника попечителя кн. Н. А. Цертелёва, 1846–1847 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 387. Л. 1, 2.

¹⁵⁶ Н. А. Цертелёв продолжал исполнять при С. А. Кокошкине роль помощника не менее деятельно, чем прежде. По мнению М. Ф. Де-Пуле, именно он и был «настоящим попечителем» Харьковского университета (Де-Пуле М. Ф. Харьковский университет и Д. И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С. 305).

¹⁵⁷ О Кокошкине Сергее Александровиче см.: Кокошкин Сергей Александрович, Харьковский генерал-губернатор / из записок Р. О. Рейгардта // Харьковский сборник: лит.-науч. прилож. к «Харьковскому календарю». – Харьков, 1887. – Вып. 1. – С. 155–160; Зайцев Б. П., Посохов С. И. Попечители Харьковского учебного округа. – Харьков, 2000. – С. 53–54; Почесні члени Харківського університету: біографічний довідник. – Харків, 2008. – С. 126.

¹⁵⁸ Николай I дважды посещал Харьков в 1850 и в 1851 гг. В первый раз указал на недостатки во внешнем виде харьковских студентов, после чего было дано указание о командировании Цертелёва в Полтавский кадетский корпус с целью ознакомления требований к внешнему виду учащихся. Во время второго посещения император не был в университете, заявив Кокошкину: «Я знаю, теперь ты их остриг и обрил, как следует [...]» (Дело о посещении Николаем I университета и других учебных заведений города Харькова, 1850–1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 609. Л. 2–2 об., 3 об.–4; Вейнберг П. И. Харьковский университет в пятидесятых годах. (Из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С. 375–381; Лейбин П. Памяти Д. И. Каченовского // Там же. – С. 413–414).

¹⁵⁹ Об изменении порядка назначения ректоров и деканов в университеты: Санкт-Петербургский, Московский, Св. Владимира, Харьковский и Казанский: указ Правительствующему сенату, 11 октября 1849 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 2, отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855. – СПб., 1876. – № 494. – Стб. 1104–1105.

¹⁶⁰ Отчет Казанского учебного округа с 1827 по 1 января 1844 года по управлению тайного советника М. Н. Мусина-Пушкина / сост.

К. Фойгт, Н. Антропов. — Казань, 1844; Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 г. — Казань, 1852; Фойгт К.К. Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях, от основания университета до 1859 г.: сост. при содействии профессоров и чиновников университета. — Харьков, 1859.

¹⁶¹ Булич Н.Н. Карл Карлович Фойгт (некролог) // Камско-Волжская Газета. — 1873. — № 132.

¹⁶² Михайлов И.И. Университет в 1840-х годах: из воспоминаний И.И. Михайлова // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета: Былое из университетской жизни. — Казань, 1905. — С. 57.

¹⁶³ Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Т. 1. — Харків, 2008. — С. 280–281.

¹⁶⁴ Вейнберг П.И. Харьковский университет в пятидесятых годах. (Из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Т. 1. — Харків, 2008. — С. 376.

¹⁶⁵ Чичерин Б.Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 372.

¹⁶⁶ Дело об осмотре попечителем Харьковского учебного округа университета и других учебных заведений округа, 1824–1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 541. Л. 23–23 об.

¹⁶⁷ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и студентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 88–88 об.

¹⁶⁸ Дело о рассмотрении программ учебных предметов, преподаваемых в Харьковском университете, 1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 553. Л. 1, 3, 5–5 об., 24–27 об., 28–159 об.

¹⁶⁹ О дозволении студентам Казанского университета издавать литографические лекции своих профессоров, 1857 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7276. Л. 1–5.

¹⁷⁰ Инструкция ректорам университетов и деканам факультетов, 23 января 1851 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2, отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855. — СПб., 1876. — № 578. — Стб. 1242–1248.

¹⁷¹ Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 278.

¹⁷² Письма профессора Московского университета О.М. Бодянского С.П. Шевыреву, 1844–1848 // ОР РНБ. Ф. 850. С.П. Шевырев. Ед. хр. 144. Л. 33 (письмо № 22).

¹⁷³ Дело о представлении министру народного просвещения заключений деканов факультетов о направлении преподавания в Харьковском университете, 1852 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 722. Л. 3 об.

¹⁷⁴ Дело о представлении министру народного просвещения заключений деканов факультетов о направлении преподавания в Харьковском университете, 1852 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 722. Л. 17 об.

¹⁷⁵ Отчет о направлении преподавания в университете за 1854–55 учебный год, 1855 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 834. Л. 12.

¹⁷⁶ Отчет о направлении преподавания в университете за 1854–55 учебный год, 1855 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 834. Л. 1 об.

¹⁷⁷ Л.О. [Лаврский К.] Университет в 1860-х и в 1870-х годах. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни. — Казань, 1905. — С. 235–236.

¹⁷⁸ О воспрещении студентам университетов изъяслять знаки одобрения или порицания профессорских лекций, 17 декабря 1858 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2, отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855. — СПб., 1876. — № 176. — Стб. 365–366.

¹⁷⁹ Письмо графа А.А. Закревского к попечителю Московского университета Д.П. Голохвастову и ответ Голохвастова // Русский архив. — 1887. — Кн. 2, № 8. — С. 522–523.

¹⁸⁰ См.: Леваковский Н. Университет пятидесятых годов // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 425.

¹⁸¹ Об увольнении заслуженного профессора Казанского университета Берви от службы, 1858 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7459. Л. 4–4 об.

¹⁸² «Мы любили посещать лекции Морошкина, — с иронией вспоминали студенты Московского университета, — потому что нам было весело слушать его неожиданные выходки. Прежде он читал “историю русского законовещения”, и, говорят, коньком его было казачество, о котором всегда говорил с особенным одушевлением и от которого производил русское дворянство, “лыцарство”, к этому предмету любил он возвращаться кстати и некстати» (*Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 272).

¹⁸³ *Леваковский Н.* Университет пятидесятих годов // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 426.

¹⁸⁴ *Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 254.

¹⁸⁵ О приемах, к которым прибегал на своих лекциях профессор русской истории С.П. Шевырев, студенты писали: «Иногда он прибегал к чувствительности: вдруг среди умиленной лекции появлялись на глазах слезы, голос прерывался, и следовала фраза: “Но я, господа, так переполнен чувствами [...] слово немеет в моих устах”» (*Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 259–260).

¹⁸⁶ «Как человек огневого темперамента, впечатлительный и пылкий, Эйнбродт часто терял на лекциях самообладание, почему не мог проводить изложения последовательно и связно», — вспоминал И.В. Любарский (*Любарский И.В.* Воспоминания о Харьковском университете 1850–1855 гг. // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 396).

¹⁸⁷ *Леваковский Н.* Университет пятидесятих годов // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 427.

¹⁸⁸ *Любарский И.В.* Воспоминания о Харьковском университете 1850–1855 гг. // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 397.

¹⁸⁹ П.П. Сокальский вспоминал: «Озабоченный хозяйством, Якимов на своих лекциях постоянно прерывал изложение вопросами: «Господа, где вы берете такую ваксу, что так блестят ваши сапоги?». Читая однажды о Карамзине, он спрашивает вдруг: “Г. Туфов! А где ваш папенька сохраняет картофель во время половодья?”» (*Сокальский П.П.* Из воспоминаний о Харьковском университете [18]40-х годов // Харківський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 357).

¹⁹⁰ См.: *Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф.* Братья по духу: Питомцы Казанского университета в освободительном движении 1840–1870-х гг. — Казань, 1989. — С. 36–44.

¹⁹¹ *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятих годов. — М., 1932. — С. 35–40, 111; *Посохов И.* Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX — нач. XX в.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: збірник наукових праць. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2008. — Вип. 11. — С. 101–108. — Доступно по Интернет: URL: http://www-history.univer.kharkov.ua/book/Posokhov_I.pdf (дата обращения: 08.10.2010).

¹⁹² О перемещении на вольные квартиры казеннокоштных студентов и пансионеров университетов: Московского, Харьковского, Казанского и Св. Владимира и об упразднении должности эконома в сих Университетах, 30 мая 1958 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. — СПб., 1876. — № 149. — Стб. 318–319.

¹⁹³ О мерах относительно надзора за студентами университетов и дозволении им не носить форменной одежды вне университетских зданий, 14 января 1860 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. — СПб., 1876. — № 242. — Стб. 499–501.

¹⁹⁴ *Вульфсон Г.Н.* Глашатай свободы: Страницы из жизни Афанасия Прокофьевича Щапова. — Казань, 1984. — С. 93–129.

¹⁹⁵ См. об этом: *A History of the University of Europe. Vol.3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945).* — Cambridge, 2004.

¹⁹⁶ *Александров Д.* Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 77. — Доступно также по Интернет: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html> (дата обращения: 11.11.2010).

¹⁹⁷ Шлейермахер Ф. Из сочинения «Размышления об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX века: учеб. пособие / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. — М., 2011. — С. 524–525.

¹⁹⁸ Луков В.А. Тезаурусная концепция социального проектирования. [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: информационно-гуманитарный портал. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/> (дата обращения: 11.11.2010).

¹⁹⁹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1961. — Т. 2. — С. 81–82.

²⁰⁰ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М., 2009. — С. 259.

²⁰¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1961. — Т. 2. — С. 39.

²⁰² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1962. — Т. 3. — С. 92, 168, 190, 267, 297, 356, 411.

²⁰³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1961. — Т. 2. — С. 39.

²⁰⁴ Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. — М., 1855. — С. 182.

²⁰⁵ Отзывы И.Ф. Яковкина о студентах, 1811 // ОРРК НБЛ КФУ. № 5728. Л. 3.

²⁰⁶ Документы лиц, принятых в университет, об отчислении студентов, 1814 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 171. Л. 27, 28, 31.

²⁰⁷ Дело о принятии мер для лучшей подготовки студентов университета к государственной службе, 1811 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 140. Л. 1–1 об.

²⁰⁸ Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 360. Л. 6.

²⁰⁹ Дело об осмотре попечителем Харьковского учебного округа университета и других учебных заведений округа, 1824–1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 541. Л. 5.

²¹⁰ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 18 августа 1821 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 6а об.

²¹¹ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 11 октября 1821 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 9.

²¹² Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 360. Л. 15 об.

²¹³ Программа экзаменов для поступающих в университет и представление попечителя учебного округа о мероприятиях по улучшению университетского преподавания, 1827–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 265. Л. 36.

²¹⁴ По представлению совета казанской Гимназии о экзаменах в одной за академический 1827–1828 год, 1828 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2677. Л. 7.

²¹⁵ Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа о преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии, 1823–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 506. Л. 26 об.

²¹⁶ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 11 октября 1821 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 9 об. Попечитель писал: «[...] я думаю, что принимать должно с строгого Экзамена; а иначе опять унив[ерситет] выйдет приходским училищем».

²¹⁷ По предложению господина исправляющего дела попечителя о непринятии в студенты воспитанников духовных семинарий исключаемых за дурное поведение и об экзаменах вольных слушателей Казанского университета, 1827 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2279. Л. 1.

²¹⁸ Дело о командировании в Медицинский институт при университете 40 воспитанников духовных академий и семинарий для укомплектования вакантных мест казеннокоштных студентов, 1835–1836 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 196. Л. 6, 11–23 об.

²¹⁹ Дело о командировании в Медицинский институт при университете 40 воспитанников духовных академий и семинарий для укомплектования вакантных мест казеннокоштных студентов, 1835–1836 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 196. Л. 24 об, 31–32 об.

²²⁰ Дело о прошедших в гимназии от воспитанников беспорядках и об увольнении от должностей директора Лихачева и главного надзирателя Фишера, 1804–1806 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 47. Л. 48.

²²¹ Дело об учреждении общих правил для студентов университета, 1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 167. Л. 1, 3.

²²² Переписка с попечителем Казанского учебного округа, инспектором студентов о конфликтах профессоров со студентами. Документы

о составлении «Правил благочиния для студентов университета, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 75.

²²³ Дневник инспектора студентов профессора Ф. К. Броннера с 9 июля 1814 по 9-е сентября 1817 г. // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850). — Казань, 1902. — С. 3–191.

²²⁴ Немецкие ученые — профессора Казанского университета / сост. В.Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. — Казань, 2004. — С. 29.

²²⁵ Высочайше утвержденные правила для учащихся в Императорском Дерптском университете, 23 августа 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — СПб., 1864. — № 6. — Стб. 119–138.

²²⁶ Переписка с попечителем Казанского учебного округа, инспектором студентов о конфликтах профессоров со студентами. Документы о составлении «Правил благочиния для студентов университета», 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 75. Л. 42.

²²⁷ Переписка с попечителем Казанского учебного округа, инспектором студентов о конфликтах профессоров со студентами. Документы о составлении «Правил благочиния для студентов университета», 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 75. Л. 48.

²²⁸ Об увольнении студентов Бутлера и Веригина из университета, 1815 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 554. Л. 2.

²²⁹ Дело о смерти ученика Харьковской гимназии Н. Зубкова после наказания его розгами директором Шредером и об избииении Шредером ученика Ю. Калиновского, 1811 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 146.

²³⁰ Документы о нарушении дисциплины студентами университета, 1817–1818 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 322. Л. 20 об. — 21.

²³¹ *Магницкий М.Л.* Отчет по обозрению Казанского университета / публ. подгот. А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. — Воронеж, 2004. — Ч. 3. — С. 140.

²³² Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 23 марта 1823 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 31.

²³³ См.: *Ильина К.А.* Письма попечителя // Бикташева А.Н., Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). — Казань, 2006. — С. 128–217.

²³⁴ Ведомости о происшествиях в Казанском университете, 1822–1826 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1513.

²³⁵ Речь профессора медицины И. Ерохова «О важности врачебной науки и обязанностях врача», произнесенная им на торжественном собрании в Казанском университете 4 июля 1826 года, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 442. Л. 4 об.

²³⁶ Рапорты профессора Эрдмана о числе больных студентов и главного надзирателя, помощников инспектора Юнакова и Булыгина о поведении студентов и учеников гимназии, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 61. Л. 1 об.—2.

²³⁷ Дело о запрещении принимать в университет и гимназию на казенное содержание лиц без медицинского свидетельства о состоянии здоровья, 1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 169. Л. 2–3.

²³⁸ Дело о запрещении принимать в университет и гимназию на казенное содержание лиц без медицинского свидетельства о состоянии здоровья, 1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 169. Л. 3.

²³⁹ Дело о запрещении принимать в университет и гимназию на казенное содержание лиц без медицинского свидетельства о состоянии здоровья, 1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 169. Л. 1.

²⁴⁰ Прошения, аттестаты, свидетельства лиц, поступающих в университет и отчисленных из него, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 67.

²⁴¹ Прошения, аттестаты, свидетельства лиц, поступающих в университет и отчисленных из него, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 67. Л. 84–84а.

²⁴² Переписка с профессорами университета о составлении планов чтения лекций и проведения практических занятий в 1813/14 учебном году, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 93. Л. 3.

²⁴³ Дело об исключении из университета по болезни кандидата Ф. Колаковского, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 228. Л. 1, 2.

²⁴⁴ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 52 об.

²⁴⁵ Дело о командировании в Медицинский институт при университете 40 воспитанников духовных академий и семинарий для укомплектования вакантных мест казеннокоштных студентов, 1835–1836 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 196. Л. 7 об.

²⁴⁶ Дело о расследовании жалобы ректора университета на профессора Г.Ф. Брандейса в связи с отказом последнего лечить больных холерой и оскорбительными выходками, 1830–1833 // РГИА. Ф. 733.

Оп. 49. Д. 749. Л. 2. Так, например, уехал студент этико-политического отделения С.Л. Геевский. См.: *Геевский С.Л.* Из автобиографии (1813–1862) // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С. 141–142.

²⁴⁷ Дело об отправке студента университета Д. Петрова на Кавказские минеральные воды для лечения, 1825 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 180. Л. 1–1 об.

²⁴⁸ Дело о расследовании жалобы ректора университета на профессора Г.Ф. Брандейса в связи с отказом последнего лечить больных холерой и оскорбительными выходками, 1830–1833 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 749. Л. 2 об., 5–6.

²⁴⁹ Дело об увеличении размера стипендии казеннокоштным студентам и жалованья кандидатам и магистрам университета, 1811–1816 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 139. Л. 9–9 об.

²⁵⁰ Дело о выдаче пособия казеннокоштным студентам университета, в связи с их тяжелым материальным положением, осложненным военными событиями, 1814–1815 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 212. Л. 1–1 об.

²⁵¹ Рапорт инспектора студентов Брейтенбаха о необходимости улучшить содержание казенных студентов, 1818 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 809. Л. 2–2 об.

²⁵² *Ничпаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете, 1823–1829 годы // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С. 59.

²⁵³ [*Боровиковский И.И.*] Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Т. 1. – Харків, 2008. – С. 90.

²⁵⁴ *Свербеев Д. Н.* Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С. 78.

²⁵⁵ *Вишленкова Е.А.* О народной неопрятности и национальном здорье: культурные границы в описании России второй половины XVIII – начала XIX века // *Cogito: альманах истории идей.* – Ростов н/Д, 2009. – Вып. 4. – С. 72–81.

²⁵⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. – М., 1960. – Т. 1. – С. 202.

²⁵⁷ Наставление вновь определенным попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву и исполняющему должность Харьков-

ского учебного округа А.А. Перовскому, 1825–1826 // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 97. Л. 3 об.

²⁵⁸ По представлению попечителя Казанского учебного округа об освидетельствовании воспитанников Казанской гимназии и студентов университета на предмет глазной болезни, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3037. Л. 3 об.–4.

²⁵⁹ До открытия в 1832 году этого курорта студентов отправляли лечиться на Кавказские минеральные воды.

²⁶⁰ Об отправлении некоторых студентов Казанского университета к минеральным водам для пользования, 1844 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5592. Л. 1, 2.

²⁶¹ Об увольнении студентов Казанского университета вообще в отпуск и для излечения болезней и о пособии им на это, 1860 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7775. Л. 2, 5, 8, 10, 15.

²⁶² Инструкция инспектору студентов Императорского Московского университета, 18 октября 1834 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864. – Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. – № 309. – Стб. 619–635; Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета, 30 июня 1835 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1866. – Т. 2. – № 29. – Стб. 40–60; Дело об отделении административной части от учебной в Харьковском университете, о назначении инспектора студентов и его помощников. Инструкция инспектору студентов, 1835–1836 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1005. Л. 16–23.

²⁶³ Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета, 1835 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1866. – Т. 2. – № 29. – Стб. 52.

²⁶⁴ Дело об отделении административной части от учебной в Харьковском университете, о назначении инспектора студентов и его помощников. Инструкция инспектору студентов, 1835–1836 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1005. Л. 19 об. Известно, что профессор латинского языка П.И. Сокальский после чуть не произошедшего пожара (из-за того, что студенты курили в печную трубу) разрешил студентам курить открыто (*Костомаров Н.И.* Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 177).

²⁶⁵ Об утверждении Инструкции инспектору студентов Харьковского университета, 12 июня 1835 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 27. — Стб. 39.

²⁶⁶ По предложению господина исправляющего должность попечителя Казанского университета о том, кому поручается говорить речи, имеющему быть торжественном собрании и об экзаменах студентов по окончании 1828—1829 академического года, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2906. Л. 10.

²⁶⁷ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и студентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 125—126.

²⁶⁸ Например: Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 29. — Стб. 56—57.

²⁶⁹ Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 29. — Стб. 57; Дело об отделении административной части от учебной в Харьковском университете, о назначении инспектора студентов и его помощников. Инструкция инспектору студентов, 1835—1836 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1005. Л. 21 об.

²⁷⁰ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете 1823—1829 годы // Харківський університет ХІХ — початку ХХ ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 86—87.

²⁷¹ Дело о принятии мер к предотвращению политической неблагонадежности профессоров и студентов Харьковского университета, 1850—1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 611.

²⁷² Дело об отклонении ходатайства попечителя Харьковского учебного округа о разрешении принимать в Харьковский университет без экзаменов, окончивших гимназии округа, 1844 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 276. Л. 1—2, 3—4.

²⁷³ Дело о разрешении приема в университет без экзаменов учащихся, отлично окончивших гимназию, 1846 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 404. О позволении воспитанников некоторых гимназий Московского и Казанского учебного округа вступать в университеты без экзаменов см.: О предоставлении ученикам, окончившим курс в Гимназиях Владимирской, Костромской, Тульской и Смоленской преимуществу поступать в Университет без испытаний, 14 июля 1845 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 727. — Стб. 833; Об освобождении учеников 3-й Московской Гимназии от испытаний при поступлении в университет, 22 ноября 1845 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 747. — Стб. 861; О дозволении принимать в студенты Казанского университета без испытаний учеников Вятской Гимназии, 5 августа 1848 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 874. — Стб. 1019.

²⁷⁴ См.: Предписание /конфиденциальное/ министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа об установлении строгой дисциплины в университете, о систематической борьбе с стремлением студентов рассматривать себя как корпорацию, и о запрещении им выражать на лекциях одобрение профессорам аплодисментами, 1848 // РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 3. Л. 1—6.

²⁷⁵ Записка профессора Э.А. Янишевского проф. И.А. Больцани с предупреждением о готовящейся студенческой демонстрации на лекции последнего, 1860 // ПФА РАН. Ф. 22 Бутлеров А.М. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2.

²⁷⁶ Дело об отказе удовлетворить ходатайство домашней учительницы Л. Ожигиной о допуске ее к слушанию лекций на медицинском факультете Харьковского университета с целью получения медицинского звания, 1861—1863 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1251. Л. 27 об.

²⁷⁷ *Freidberg A. The Mobilized and Virtual Gaze in Modernity* // *The Visual Culture Reader* / ed., with introductions by N. Mirzoeff. — London, 1998 — P. 254—255.

²⁷⁸ *Foucault M. Discipline and Punish* / translated from the French by A. Sheridan. — New York, 1979.

²⁷⁹ См. об этом: Вишленкова Е.А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани // *Логос*. — 2005, № 6. — С. 218—233; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Саль-

никова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. — Казань, 2005. — С. 197–209.

²⁸⁰ Дела о преобразовании университета по новому уставу, об увольнении и назначении профессоров, о распределении кафедр, увеличении числа помощников инспектора студентов и библиотекаря и другое, 1835–1859 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1004. Л. 294–294 об. В этом же деле содержится просьба попечителя в 1839 году прибавить еще одного помощника инспектора к четырем уже имеющимся (Л. 310–311).

²⁸¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. (XVIII — начало XIX века). 2-е изд., доп. — СПб., 1994. — Доступно по Интернет: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/01.php (дата обращения: 08.11.2010).

²⁸² См. об этом: Кулакова И.П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. — 2008, Осень (№ 9). — С.9–24.

²⁸³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1961. — Т. 2. — С. 138. Такое случилось, например, с находящимся десять лет на ученическом содержании в университете студентом Иваном Тепловым, который, несмотря на то что в ведомостях «показан понятным и прилежным [...] поступок похвальных», совершил две кражи. Сначала украл у другого студента книгу (за что был посажен в карцер и лишен студенческих преимуществ), а потом украл казенную простыню (заработав таким образом исключение из университета и публичное наказание).

²⁸⁴ О мундирах для Императорского Московского университета и подведомых ему училищ, 9 апреля 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — № 33. — Стб. 205; О мундирах для Харьковского университета и подведомственных ему училищ, 11 июня 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — № 38. — Стб. 236; О мундире для Казанского учебного округа, 10 ноября 1809 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — № 117. — Стб. 524.

²⁸⁵ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете, 1823–1829 годы // Харьковський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 61;

Из воспоминаний студента Н. // Харьковський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Т. 1. — Харків, 2008. — С. 127.

²⁸⁶ Ведомости о происшествиях в Казанском университете, 1822–1826 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1513. Л. 144 об.

²⁸⁷ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). — М., 1989. — С. 91.

²⁸⁸ Отчет о новом устройении Московского университета и благородного при оном пансиона. Тут же о награждении некоторых чиновников Московского Университета, 1827 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 121. Л. 6 об.

²⁸⁹ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете 1823–1829 годы // Харьковський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Т. 1. — Харків, 2008. — С. 86.

²⁹⁰ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний: (из жизни Московского и Казанского университетов с 1831 по 1839 г.) // Исторический вестник. — 1884. — Т. 16, № 5. — С. 334.

²⁹¹ Дело об осмотре попечителем Московского учебного округа и графом С.Г. Строгановым университета и об утверждении формы мундира казенных и своекоштных студентов и воспитанников пансиона и гимназии, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 72. Л. 3 об.

²⁹² Из воспоминаний студента Н. // Харьковський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 127.

²⁹³ Об обозрении господином министром народного просвещения Харьковского университета и прочих казенных и частных учебных заведений, 1850 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 610. Л. 2 об.

²⁹⁴ Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета, 30 июня 1835 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 2. — № 29. — Стб. 46.

²⁹⁵ Лобарский И.В. Воспоминания о Харьковском университете 1850–1855 гг. // Харьковський університет XIX — початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. — Харків, 2008. — Т. 1. — С. 405.

²⁹⁶ По предписанию господина министра народного просвещения о том, чтобы студенты и воспитанники носили волосы в приличном виде, 1837 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4696. Л. 1; Дело о запрещении

воспитанникам учебных заведений носить длинные волосы, 1837 // РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Д. 154. Л. 2–3.

²⁹⁷ См. об этом: *Вейнберг П.И.* Харьковский университет в пятидесятих годах: (из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 373; *Вистенгоф П.Ф.* Из моих воспоминаний: (из жизни Московского и Казанского университетов с 1831 по 1839 г.) // Исторический вестник. – 1884. – Т. 16, № 5. – С. 344.

²⁹⁸ *Шрамченко Н.А.* Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 170.

²⁹⁹ *Вистенгоф П.Ф.* Из моих воспоминаний: (из жизни Московского и Казанского университетов с 1831 по 1839 г.) // Исторический вестник. – 1884. – Т. 16, № 5. – С. 345.

³⁰⁰ За слишком длинные волосы у студентов была большая вероятность попасть в карцер. См.: *Шестаков П.Д.* Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. – 1887. – Т. 55, № 9. – С. 649.

³⁰¹ *Оже-де-Ранкур Н.Ф.* В двух университетах (воспоминания 1837–1843 годов). // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 264.

³⁰² *Вейнберг П.И.* Харьковский университет в пятидесятых годах. (Из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 375.

³⁰³ Дело о посещении Александром II университета, ветеринарного училища, гимназий Харьковских, Курской и Орловской, 1859 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1118. Л. 3.

³⁰⁴ Современник вспоминал: «Аудитория политического отделения находилась в левом крыле величественного здания университетского, во втором этаже. Круглая зала, замещенная в три четверти амфитеатром, простым столом и профессорским креслом, с несколькими скамьями и стульями, поражала своей скромностью глаза молодые, предполагавшие встретить блеск» (*Музыкаевич Н.Н.* В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). – М., 1989. – С. 91).

³⁰⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. – М., 1961. – Т. 2. – С. 170.

³⁰⁶ *Мамаев Н.И.* Записки Н.И. Мамаева // Исторический вестник. – 1901. – Т. 84. – № 4. – С. 50.

³⁰⁷ См. об этом: *Вишленкова Е.А.* Утраченная версия войны и мира. символика Александровской эпохи // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – С. 171–210. Электронный ресурс. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://kogni.ru/_fr/1/_-_____Ab_Imper.pdf (дата обращения: 8.11.2010).

³⁰⁸ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и студентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 13.

³⁰⁹ Дело об усилении надзора за студентами Харьковского университета, 1839–1848 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 15. Л. 4–4 об.

³¹⁰ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и студентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 13.

³¹¹ Дело об осмотре попечителем Московского учебного округа и графом С.Г. Строгановым университета и об утверждении формы мундира казенных и своекоштных студентов и воспитанников пансиона и гимназии, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 72. Л. 2 об.

³¹² Отчет о новом устройстве Московского университета и благородного при оном пансиона. Тут же о награждении некоторых чиновников Московского университета, 1827 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 121. Л. 4 об.–5 об.

³¹³ Дело об установлении над своекоштными студентами надзора местной полиции, 1827–1828 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 122. Л. 1–2, 7.

³¹⁴ Отчет о новом устройстве Московского университета и благородного при оном пансиона. Тут же о награждении некоторых чиновников Московского университета, 1827 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 121. Л. 7 об.

³¹⁵ О надзоре за студентами Казанского университета и о поступках их в течение 1830 года, 1830 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3223. Л. 1–1 об.

³¹⁶ Дело об установлении над своекоштными студентами надзора местной полиции, 1827–1828 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 122. Л. 1–2, 7.

³¹⁷ Дело об организации общежития для проживающих на частных квартирах студентов университета с целью подчинения их надзору, 1831–1832 // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 5. Л. 1–3, 7–7 об.

³¹⁸ Дело о разрешении казеннокоштным студентам жить на частных квартирах в связи с теснотой в университетских зданиях, 1842 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 171. Л. 1.

³¹⁹ Дела по ходатайству попечителя Казанского учебного округа о принятии мер к улучшению состояния Казанского университета в связи с отливом из него профессоров в столичные университеты, 1856–1858 // РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 74. Л. 14.

³²⁰ О разрешении казенным студентам Казанского университета жить на частных квартирах, 21 ноября 1857 // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 3. — № 298. — Стб. 280–282.

³²¹ Предложения по поводу Высочайшего повеления о перемещении на вольные квартиры казеннокоштных студентов и пансионеров в университетах: Московском, Харьковском, Казанском и Св. Владимира и об упразднении должности экономов, 5 июня 1858 // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. — СПб., 1866. — Т. 3. — № 331. — Стб. 308.

³²² Устав Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — № 46. — Стб. 287.

³²³ Дело о приеме вновь в университет студента А. Астрелина, отказавшегося занять место учителя в Волчанском уездном училище Харьковской губернии, 1811–1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 141. Л. 1–1 об.

³²⁴ Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 360. Л. 9.

³²⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 125.

³²⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1962. — Т. 3. — С. 85–86.

³²⁷ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1962. — Т. 3. — С. 155.

³²⁸ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 59.

³²⁹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 62.

³³⁰ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 111.

³³¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 268.

³³² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 103.

³³³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. — М., 1960. — Т. 1. — С. 265.

³³⁴ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 80–80 об.

³³⁵ Дело о разрешении издавать лучшие сочинения студентов, 1842 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 170. Л. 1–1 об.

³³⁶ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 32 об.—33.

³³⁷ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 21 об.

³³⁸ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 18–20 об.

³³⁹ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 21 об.—22.

³⁴⁰ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 22.

³⁴¹ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 24–24 об.

³⁴² Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463. Л. 28–28 об.

³⁴³ Например: Об увольнении и предании суду профессора Р.Х. Дабелова, 1843 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 215. Л. 4–4 об.

³⁴⁴ *Костомаров Н.И.* Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 183; *Оже-де-Ранкур Н.Ф.* В двух университетах: (воспоминания 1837–1843 годов). // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 265.

³⁴⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956. – Т. 2. – С. 34.

³⁴⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956. – Т. 3. – С. 422.

³⁴⁷ Рапорты профессора Эрдмана о числе больных студентов и главного надзирателя, помощников инспектора Юнакова и Булыгина о поведении студентов и учеников гимназии, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 61. Л. 8; Рапорты профессоров университета о занятиях, проведенных со студентами университета. Списки студентов, 1815 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 227. Л. 5 об., 6 об., 7, 8 об., 27, 37, 41; Рапорты инспектора Яковкина о занятиях профессоров и об учениках Казанской гимназии и студентах Казанского университета за 1808 год, 1807–1808 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 273. Л. 11–14, 30–33.

³⁴⁸ Отчеты и предложения смотрителя об улучшении поведения студентов, 1807 // ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 205. Л. 27.

³⁴⁹ Рапорты профессоров университета о занятиях, проведенных со студентами университета. Списки студентов, 1815 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 227. Л. 6 об.–7.

³⁵⁰ Рапорты профессоров университета о занятиях, проведенных со студентами университета. Списки студентов, 1815 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 227. Л. 5 об.

³⁵¹ Рапорты профессоров университета о занятиях, проведенных со студентами университета. Списки студентов, 1815 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 227. Л. 37.

³⁵² Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и сту-

дентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 13.

³⁵³ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и студентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 19.

³⁵⁴ Дело об утверждении правил для испытаний студентов университета, 1839 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 16. Л. 3 об.

³⁵⁵ Дело по обвинению ординарного профессора Г.И. Сокольского в завышенной оценке знаний студентов 4 курса медицинского факультета по психиатрии, об увольнении его и назначении на его место Н.С. Топорова, 1848–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 11. Л. 1–2 об., 5–5 об.

³⁵⁶ См.: *Бородулин В.И., Тополянский В.Д.* Лишний человек: доктор Г.И. Сокольский в Москве середины XIX века // Россия XXI. – 2007, № 2. – С. 142–163.

³⁵⁷ О студентах, которые по прошествии года могут занять учительские места, 1805 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–3.

³⁵⁸ Письмо ректора Казанского университета Г.Б. Никольского попечителю М.Л. Магницкому (черновик), 29 ноября 1823 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4019. Л. 66 об.

³⁵⁹ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 48.

³⁶⁰ По предложению господина исправляющего дела попечителя о непринятии в студенты воспитанников духовных семинарий исключаемых за дурное поведение и об экзаменах вольных слушателей Казанского университета, 1827 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2279. Л. 8 об.

³⁶¹ Дело по ходатайству помощника попечителя Харьковского учебного округа о приеме в университет лиц не моложе 17-летнего возраста, 1834 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 948. Л. 1.

³⁶² *Ничтаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете 1823–1829 годы // *Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців.* – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 86.

³⁶³ *Шрамченко Н.А.* Мои воспоминания. // *Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців.* – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 171. Император сказал: «Старайтесь, дети, правительство о вас печется, а отечество ожидает хороших плодов».

³⁶⁴ Предписание /конфиденциальное/ министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа об установлении строгой дисциплины в университете, о систематической борьбе с стремлением студентов рассматривать себя как корпорацию, и о запрещении им выражать на лекциях одобрение профессорам аплодисментами, 1848 // РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 3. Л. 2–2 об.

³⁶⁵ Дело об отказе удовлетворить ходатайство домашней учительницы Л. Ожигиной о допуске ее к слушанию лекций на медицинском факультете Харьковского университета с целью получения медицинского звания, 1861–1863 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1251. Л. 24 об.

³⁶⁶ Например, крупный знаток реформ образования Ф.А. Петров считает, что в 1830–1840-х годах «при содействии Академии наук университетская наука стала превращаться в целостную систему научных знаний, сконцентрированную в российских университетах – центрах различных школ и региональных исследований» (*Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. – Кн. 3: Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. – М., 2000. – С. 196–197).

³⁶⁷ *Кузнецова Н.И.* Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – первая половина XIX века). – М., 1999 – С.???; *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // *Очерки русской культуры XIX века.* – М., 2001. – Т. 3. – С. 252 – С. 252–307.

О трудностях становления исследовательского («гумбольдтовского») типа университета в России см.: *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. – М., 2009. С этим соглашаются историки науки, например: *Корзухина А.М.* От просвещения к науке. Физика в Московском и Санкт-Петербургском университетах во второй половине XIX – начале XX века. Дубна: Феникс, 2006. 264 с.

³⁶⁸ *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. – М., 1950. – С. 204.

³⁶⁹ *Загоскин Н.П.* Карл Федорович Фукс // *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)* / под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 2. – С. 367–369.

³⁷⁰ Об этом по свидетельству исследователей писал в своей кандидатской диссертации «О разделении тел естественных на три царства» В.И. Тимьянский (см. об этом: *Штукенберг А.А.* Василий Ильич Тимьянский // *Загоскин Н.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета...– Ч. 1. – С. 511); Об отправлении экстраординарного профессора Тимьянского в вояж, 1823 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1603. Л. 80.

³⁷¹ Об отправлении экстраординарного профессора Тимьянского в вояж, 1823 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1603. Л. 97.

³⁷² *Весин Л.* Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 год (1710–1876 гг.) – СПб., 1876.

³⁷³ *Ben-David J.* The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Englewood Cliffs. – New York, 1971.

³⁷⁴ *Александров Д.* Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // *Новое литературное обозрение.* – 2006. – № 77. – Доступно по Интернет: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html> (дата обращения: 11.11.2010).

³⁷⁵ *Paletschek S.* Verbreitete sich ein ‚Humboldt'sches Modell' an den deutschen Universitäten im 19. Jahrhundert? // *Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert* / Ed. Ch. Schwinges. – Basel 2001. – P. 75–104; *Paletschek S.* Die Erfindung der Humboldtschen Universität. Die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // *Historische Anthropologie* 2002. – Bd. 10. – S. 183–205.

³⁷⁶ *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // *Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: учеб. пособие* / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. – М., 2011. – С. 510–516.

³⁷⁷ *Holmes R.* The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science. – London, 2008. – P. XV.

Это была вторая научная революция. Первая прошла в XVII в. и ассоциируется с именами И. Ньютона, Р. Гюка, Д. Локка и Р. Декарта, с образованием Королевского общества в Лондоне и Академии наук в Париже.

³⁷⁸ Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: учеб. пособие / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. – М., 2011. – С. 511.

³⁷⁹ Holmes R. The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science. – London, 2008. – P. XVIII.

³⁸⁰ Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: учеб. пособие / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. – М., 2011. – С. 511.

³⁸¹ Документы Гоф-Интендантской конторы МИДв, 1731 // РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 100. Л. 125.

³⁸² О составлении собрания дел по Московскому университету, 1754–1761 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 139. Л. 28 об.

³⁸³ Дела о службе профессоров Т.Ф. Осиповского и И.Ф. Тимковского и о назначении профессорами И.С. Рижского и Ф.А.Ф. Деламина, 1819 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 13. Л. 5 об.

³⁸⁴ Дела о службе профессоров Т.Ф. Осиповского и И.Ф. Тимковского и о назначении профессорами И.С. Рижского и Ф.А.Ф. Деламина, 1819 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 13. Л. 5 об.–6.

³⁸⁵ Цит. по: Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1893–1898. – Т. 1. – С. 1186.

³⁸⁶ Например, о ногайских племенах см.: Degurov. De la civilisation des tatars-nogais dans le midi de la Russie Européenne. – Charkof, 1816.

³⁸⁷ Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. – Т. 2. Статистика в Академии наук, ученых обществах о учебных заведениях. Университетская статистика (государствоведение) в России. – М., 1959. – С. 124.

³⁸⁸ Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1893–1898. – Т. 1. – С. 714–716; Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. – М., 1959. – Т. 2. – С. 149–150.

³⁸⁹ Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1893–1898. – Т. 1. – С. 712–713; Пту-

ха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. – М., 1959. – Т. 2. – С. 150. Как считает директор музея истории Харьковского национального университета В. Иващенко, эта публикация не сохранилась.

³⁹⁰ Успенский Г.П. О том, что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета бывшем 30 августа 1809 года. – Харьков, 1809. – С. 5–46.

³⁹¹ Успенский Г.П. О том, что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета бывшем 30 августа 1809 года. – Харьков, 1809. – С. 44.

³⁹² Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1893–1898. – Т. 1. – С. 713–714.

³⁹³ Калинин Е.А. Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX в.: европейские традиции и российский контекст. – СПб., 2009. – С. 77.

³⁹⁴ Положение об учебных округах Министерства народного просвещения, 25 июня 1835 // Журнал министерства народного просвещения. – 1835. – Ч. 7, № 7. – С. XIII.

³⁹⁵ Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Харьков, 1893–1898. – Т. 1. – С. 714, 706–707.

³⁹⁶ Гизе Ф.И. Обзор успехов естествознания и исследований России // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. – Харьков, 1810.

³⁹⁷ Дела о службе профессоров Т.Ф. Осиповского и И.Ф. Тимковского и о назначении профессорами И.С. Рижского и А.Ф. Деламина, 1819 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 13. Л. 25.

³⁹⁸ Дело об отправлении минералога Главного правления училищ Таубера в научную экспедицию для исследования Сибири, совместно с австрийским натуралистом Мором, и об утверждении Таубера в звании адъюнкта университета, 1808–1809 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 75. Л. 7 об.

³⁹⁹ Дело об отправлении минералога Главного правления училищ Таубера в научную экспедицию для исследования Сибири, совместно

с австрийским натуралистом Мором, и об утверждении Таубера в звании адъюнкта университета, 1808–1809 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 75. Л. 3.

⁴⁰⁰ Дело об отправлении минералога Главного правления училищ Таубера в научную экспедицию для исследования Сибири, совместно с австрийским натуралистом Мором, и об утверждении Таубера в звании адъюнкта университета, 1808–1809 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 75. Л. 3.

⁴⁰¹ «Его [Казанского университета] преобразование, которое оправдано уже ныне опытом и примером Государств Иностранных», — ссылался Магницкий на реформы Гумбольдта (Дело об оброчных для университета статьях, 1823 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1644. Л. 1).

⁴⁰² [Магницкий М.Л.]. Инструкция ректору Казанского университета относительно к учебному образованию студентов // Казанский Вестник. — 1821. — Ч. 1, кн. 3. — С. 164.

⁴⁰³ [Магницкий М.Л.] Инструкция ректору Казанского университета относительно к учебному образованию студентов // Казанский Вестник. — 1821. — Ч. 1, кн. 3. — С. 153.

⁴⁰⁴ О разрешении адъюнкту Лобачевскому путешествовать по Сибири, 1818–1821 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Правление». Д. 241.

⁴⁰⁵ О научном путешествии ординарного профессора Эйхвальда по берегам Каспийского моря, 1824–1842 // НАРТ. Ф. 977. Опись «Совет». Д. 933.

⁴⁰⁶ Об отправлении экстраординарного профессора Тимьянского в вояж, 1823 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1603. Л. 1.

⁴⁰⁷ Дело о командировании профессора университета В.Ф. Криницкого на Кавказ и в Крым с научной целью и для осмотра учебных заведений, 1835–1842 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1007. Л. 2 об.

⁴⁰⁸ Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Харьков, 1904. — Т. 2. — С. 735–736.

⁴⁰⁹ Дела о преобразовании университета по новому уставу, об увольнении и назначении профессоров, о распределении кафедр, увеличении числа помощников инспектора студентов и библиотекаря и другое, 1835–1859 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1004. Л. 109.

⁴¹⁰ Дело о сообщении помощником попечителя харьковского учебного округа намечаемых им мер к улучшению состояния университета, 1834 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 945. Л. 22 об.

⁴¹¹ Вишленкова Е.А., Шишкин В.И. Журнал «Казанский Вестник» // «Казанский Вестник», 1821–1833: указатель содержания / сост. В.Г. Садова, В.И. Шишкин, Ж.В. Щельванова. — Казань, 2003. — С.4–7.

⁴¹² Ковалевский О.М. Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске по 15 число ноября 1828 года // Казанский Вестник. — 1829. — Ч. 25, кн. 2/3. — С. 113–152; *Он же*. Поездка из Иркутска в Ургу // Там же. — Ч. 26, кн.5/6. — С. 4–34; *Он же*. О забайкальских бурятах: Извлечено из дневника // Там же. — 1829. — Ч. 26, кн. 8. — С.230–245; Ч. 27, кн. 9/10. — С.15–54; Кн. 11/12. — С. 151–214; 1830. — Ч. 28, кн. 2. — С. 146–157; Кн. 3. — С. 283–314; Эверсман Э.А. Путешествие от Казани по разным местам Оренбургской и Астраханской губерний и по берегам Каспийского моря в 1829 году // Там же. — 1830. — Ч. 28, июль/авг. — С. 497–531; Ч. 29, кн. 9/10. — С.23 – 63; 1831. — Ч. 33, кн. 9/10. — С. 50–74; Кн. 11/12. — С. 136–159; 1831. — Ч. 34, кн. 1. — С. 70–79.

⁴¹³ Выписка из путешествия [Леблонда] к Антильским островам и в Южную Америку // Там же. — 1827. — Ч. 19, кн. 4. — С. 221–230; Нечто о природных жителях Северной Америки и об индейских древностях // Там же. — 1828. — Ч. 24, кн. 10. — С. 103–122; О характере и нравах горных шотландских жителей // Там же. — 1828. — Ч. 22, кн. 1/2. — С. 34–44; Кн. 3. — С. 154–169; Зима в Лапландии и Швеции и некоторые наблюдения о Финляндии, ее жителях, сделанные во время пребывания в Гаммерфесте близ Северного мыса [По материалам путешествий, опубликованных Броком] // Там же. — 1828. — Ч. 23, кн. 5. — С. 8–20; Кн. 6. — С. 91–105; Кн. 7/8. — С. 141–172; О нравах и обычаях батаков, народа, живущего на острове Суматре // Там же. — 1828. — Ч. 24, кн. 9. — С. 84–93; О некоторых народах Ассамы и сопредельных оному стран // Там же. — 1829. — Ч. 25, кн. 1. — С. 34–46; Письмо к* [Австралия, путевые очерки] // Там же. — 1829. — Ч. 25, кн. 1. — С. 46–56; Оранг-кеби, народ острова Суматры: [пер.] // Там же. — 1829. — Ч. 25, кн. 4. — С. 289–292; О последнем путешествии Клаппертона во внутренность Африки // Там же. — 1829. — Ч. 26, кн. 7. — С. 195–206; Кн. 8. — С. 246–255; Ч. 27, кн. 9/10. — С. 54–65; Кн. 11/12. — С. 215–227; О жителях Новой Ирландии // Там же. — 1830. — Ч. 28, кн. 4. — С. 393–410; О Новой Гвинее // Там же. — 1830. — Ч. 28, кн. 4. — С. 418–424; Число евреев, обитающих в разных частях земного шара // Там же. — С. 424–425; О некоторых народах, живущих в Северо-Западной

Америке // Там же. — 1832. — Ч. 34, кн. 4. — С. 290–314; Ч. 35, кн. 5. — С. 353–362; Баски // Там же. — 1832. — Ч. 34, кн. 2. — С. 144–160; Кн. 4. — С. 276–290; Ч. 35, кн. 6. — С. 449–471.

⁴¹⁴ О вампирах и мертвецах // Там же. — 1829. — Ч. 25, кн. 2/3. — С. 187–195.

⁴¹⁵ *Вештомов А.И.* История вятчан / публ. Г.С. Суровцова // Там же. — 1824. — Ч. 12, кн. 12. — С. 322–335; Нечто об армянах // Там же. — 1828. — Ч. 23, кн. 4. — С. 277–284; Духовский М. Колонии на Волге // Там же. — 1829. — Ч. 25, кн. 1. — С. 56–72; [Известия о чувашах, живущих в Казанской, Симбирской, Оренбургской и других губерниях] // Там же. — 1829. — Ч. 25, кн. 4. — С. 292–304; Ч. 26, кн. 5/6. — С. 106–116; Ч. 27, кн. 9/10. — С. 90–99.

⁴¹⁶ О научных проектах казанских профессоров и формах корпоративного их обсуждения см: *Вишленкова Е.А.* Человеческое разнообразие в локальной перспективе: «большие теории» и эмпирические знания (Казань, первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. — 2009. — № 3. — С. 245–345.

⁴¹⁷ «С 1813 года при университете существовало общество наук. Оно имело свой устав, утвержденный в том же году бывшим министром народного просвещения графом Разумовским. В 1817 году Общество издало первый том своих записок, но, не имея никаких вспомогательных средств, не могло продолжать начатых им трудов, и с 1832 года прекратило вовсе свои заседания» (Дело об осмотре министром народного просвещения университета и других учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете, 1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 663. Л. 6).

⁴¹⁸ Дело по ходатайству помощника попечителя Харьковского учебного округа об организации при университете ученого общества и об издании журнала «Ученые записки», 1834–1840 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 946. Л. 10 об.

⁴¹⁹ Дело об осмотре министром народного просвещения университета и других учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете, 1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 663. Л. 6 об.

⁴²⁰ *Уваров С.С.* О народонаселении в России // Уваров С.С. Избранные труды / сост., автор. коммент., перевода В.С. Парсамов, С.В. Удалов. — М., 2009. — С.293.

⁴²¹ Муравьев Михаил Никитич. Проекты распоряжений по университету, черновики деловых документов, заметки о профессорах и студентах, Правила для училища благородного калуужского юношества, 1803–1806 // ОР РНБ. Ф. 499. М.Н. Муравьев. Ед. хр. 14. Л. 9.

⁴²² Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 18 августа 1821 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 6; см. также: *Ильина К.А.* Письма попечителя // Бикташева А.Н., Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). — Казань, 2006. — С. 133.

⁴²³ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, от 2 июля 1823 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 36 об.

⁴²⁴ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 27 февраля 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4777. Л. 7 об.

⁴²⁵ *Виттекер Ц.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. — СПб., 1999; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. — Кн. 3: Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. — М., 2000. — С. 196–197.

⁴²⁶ *Глинский Б.Б.* Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. — 1900. — Т. 79. — №1. — С. 344–345.

⁴²⁷ Дело об отклонении проектов инструкций для профессоров, слушающих и учащихся Московской медико-хирургической академии, в связи с предполагаемым соединением академии с университетом, 1840 // РГИА. Ф. 733. Оп. 31. Д. 117. Л. 5 об.

⁴²⁸ *Багалец Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). — Харьков, 1904. — Т. 2. — С. 739.

⁴²⁹ Дело о сообщении помощником попечителя Харьковского учебного округа намечаемых им мер к улучшению состояния университета, 1834 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 945. Л. 22.

⁴³⁰ Дело об осмотре министром народного просвещения университета и других учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете, 1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 663. Л. 3–3 об.

⁴³¹ Так, на их основании определялись лучшие и худшие места для человеческого проживания. Так, во Франции самым здоровым городом был назван Лион. В России врачи присвоили такой статус курляндскому городу Виндаве (Здоровый город в Курляндии // Журнал

МВД. — 1838. — Ч. 27. — № 1. — С. 3 примечание). *Крейсти А.И.* Медико-топографическое описание Лондона по лучшим руководствам составленное. — СПб., 1828; *Л.* Известие о постепенном размножении рода человеческого в Европе в начале 19-го столетия соч. г-на Бекостона де Шатонев, произнесенное в Академии наук 23 октября 1826 года // Московский вестник. — 1828. — Ч. 7. — С. 37–40; О богатстве относительно к народонаселению. Отрывок из книги: новые основания государственного хозяйства, или О богатстве в отношении к народонаселению, соч. Сисмонди. Париж, 1827 г. 2 части / пер. с фр. П. Ар-ва // Там же. — 1827. — Ч. 3. — № 11. — С. 348–371.

⁴³² *Зыбелин С.Г.* Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа. — М., 1775; *Он же.* Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочими медленного умножения народа причину, состоящую в неприличной пище, младенцам даваемой в первые месяцы их жизни. — М., 1780; *Рихтер В.М.* Слово о врачебных пособиях, служащих к приращению многолюдства в обществах. — М., 1797; *Данилевский А.И.* Слово о необходимых средствах к подкреплению слабого младенческого возраста для размножения в отечестве нашем народа, сказанное в публичном торжественном собрании Императорского Московского университета июля 10 дня 1814 года. — М., 1814.

⁴³³ *Арсеньев К.И.* Исследования о численном отношении полов в народонаселении России // Журнал МВД. — 1844. — Ч. 5, кн.1. — С. 5.

⁴³⁴ Медицина // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. — М., 1980. — Т. 14. — С. 231.

⁴³⁵ *Литвак Б.Г.* О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. — М., 1977. — С. 125–144; *Он же.* Губернаторский годовой отчет. Проблема достоверности сведений губернаторских отчетов // Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. — М., 1979. — С. 161–186.

⁴³⁶ *Комарова Н.И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. — М., 1987. — С. 85.

⁴³⁷ Теория статистики, основанная на началах Джюйя // Журнал МВД. — 1837. — Ч. 25, [№8]. — С. 190.

⁴³⁸ Об отправлении профессора Горлова в ученое путешествие по восточной части, 1839–1848 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4951. Л. 38.

⁴³⁹ Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.П. Чубинского и Д.И. Багаляя. — Харьков, 1908. — С. 19.

⁴⁴⁰ О богатстве относительно к народонаселению. Отрывок из книги: новые основания государственного хозяйства, или О богатстве в отношении к народонаселению, соч. Сисмонди. Париж, 1827 г. 2 части // Московский вестник. — 1827. — Ч. 3. — № 12. — С. 348–371; Теория статистики, основанная на началах Джюйя // Журнал МВД. — 1837. — Ч. 25. — С. 188.

⁴⁴¹ Об отправлении профессора Горлова в ученое путешествие по восточной части, 1839–1848 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4951. Л. 38.

⁴⁴² См., например, Медико-статистические сведения по Санкт-Петербургу и Санкт-Петербургской губернии за 1836 год // Журнал МВД. — Ч. 24. — 1837. — С. 149–160.

⁴⁴³ *Линк И.* Сочинение доктора Каспера о вероятном долголетии человека и мнение его о законах смертности в России // Журнал МВД. — 1837. — Ч. 23. — № 3. — С. 500–525. Имелась в виду книга: Casper I.L. Die wahrscheinliche Lebensdauer des Menschen in den verschiedenen byrgerlichen und geselligen Verhältnisse. Berlin, 1835. XX, 216 s. — (Beitrdge zur medicinischen Statistik; bd. 2).

⁴⁴⁴ [*Линк И.*] О законах движения народонаселения в России // Журнал МВД. — 1836. — Ч. 20, № 4. — С. 268.

⁴⁴⁵ Здравоохранение // Большая медицинская энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <http://bigmeden.ru/article/%D0%97%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 28. 06.2011).

⁴⁴⁶ Извлечение из отчета управляющего МВД за 1838 год // Журнал МВД. — 1839. — Ч. 32, № 5. — С. 207.

⁴⁴⁷ Из отчета министра внутренних дел за 1833 год // Друг здравия. — 1834. — № 46. — С. 362.

⁴⁴⁸ Холера поразила тогда 36 губерний России, Балканские страны, Польшу, Австрию, Пруссию, Германию, Францию, Бельгию, Голландию и Британию (см.: Пространства в Европе, в коих свирепствовала восточная холера // Друг здравия. — 1833. — № 26. — С. 205–206)

⁴⁴⁹ До этого холера считалась простудным заболеванием. В России ее лечили разогреванием в бане, настойкой перца на водке, процеженной кипяченой водой с золой и солью. И поскольку эти средства не

помогали во время эпидемии, родилось подозрение в существовании местных разновидностей заболевания: [Губер И. С.] Дневник пастора Губера // Русская старина. — 1878. — Т. 22, № 8. — С. 582.

Профессора Казанского университета утверждали, что холера питалась грязью и распространялась через питьевую воду: Фукс К. Ф. Замечания о холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября месяцев 1830 г., сделанные доктором и профессором Фуком // Казанский Вестник. — 1831. — Кн. 3, (апрель). — С. 218–255; Ленковский А. Е. Краткое медико-топографическое описание г. Казани // Там же. — 1831. — Ч. 29, кн. 2. — С. 185–195; О развитии знаний о здоровье нации см.: Hamlin C. Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain, 1800–1854. — Cambridge, 1998.

⁴⁵⁰ О правительственных инструкциях для армейских врачей и о их протестах писала Анна Афанасьева: Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в казахской степи в XIX веке // Ab Imperio. — 2008. — № 4. — С. 120.

⁴⁵¹ Медико-топографическое описание г. Углича, составленное Никанором Беттенгером, 1838 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 346. Д. 60; Медико-топографическое описание г. Витебска, составленное лекарем Вертельсом, 1838 // Там же. Д. 61; Медико-топографическое описание Переяславля, составленное титулярным советником Бером, 1841 // Там же. Д. 86; Историческое, статистическое, медико-топографическое описание юго-восточной части Западной Сибири, составленное Андреем Потжардом, 1841 // Там же. Оп. 349. Д. 5; Медико-топографическое описание Гжатска, составленное лекарем Иваном Скворцовым, 1841 // Там же. Оп. 350. Д. 17; Медико-топографическое описание Вятской губернии, составленное Константином Доброхотовым, 1843 // Там же. Д. 93; О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание г. Звенигородска, написанное лекарем Орловым», 1845 // Там же. Оп. 352. Д. 29; О рассмотрении сочинения «Топографическое и медико-статистическое описание Мариупольского округа», написанное мариупольским городовым врачом и штатным медиком Мариупольских духовных училищ, лекарем Калери Г. для получения звания штаб-лекаря, 1845 // Там же. Д. 48.

⁴⁵² Например, в 1834 г. «Журнал МВД» опубликовал фрагмент из медико-топографического описания Грузии, целиком изданного в «Военно-медицинском журнале» (Медико-топографические сведения о Грузии // Журнал МВД. — 1834. — Ч. 14, № 10. — С. 183–195).

⁴⁵³ Иениш А. Медико-топографическое описание города Одессы // Журнал МВД. — 1844. — Ч. 6. — С. 195.

⁴⁵⁴ Общество соревнования врачебных и физических наук при Московском университете и Виленское медицинское общество (1805), Общества (немецких) практических врачей в Москве (1819), Санкт-Петербурге (1819) и Риге (1823), Санкт-Петербургское фармацевтическое общество (1818), Варшавское медицинское общество (1821), Общество русских врачей в Петербурге (1833), Общества киевских (1840) и одесских (1844) врачей.

⁴⁵⁵ Медико-топографическое описание Вятской губернии, составленное Константином Доброхотовым, 1843 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 93. Л. 6–6 об.

⁴⁵⁶ Взгляд на состояние медицины в России // Друг здоровья. — 1833. — № 3. — С. 18.

⁴⁵⁷ Медико-топографическое описание Вятской губернии, составленное Константином Доброхотовым, 1843 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 93. Л. 7.

⁴⁵⁸ Годичный отчет Общества русских врачей, читанный секретарем онаго доктором Е. Смельским 12-го сентября текущего года // Журнал МВД. — 1838. — Ч. 29. — № 9. — С. 371–372.

⁴⁵⁹ Годичный отчет Общества русских врачей, читанный секретарем онаго доктором Е. Смельским 12-го сентября текущего года // Журнал МВД. — 1838. — Ч. 39, № 9. — С. 375.

⁴⁶⁰ Как сочинения Горянинова были встречены по выходе их из печати ученым миром [Электронный ресурс] // Экологически портал. URL: <http://portaleco.ru/biologievolutionisty/kak-sochinenija-gorjaninova-byli-vstrecheny-po-vyhode-ih-iz-pechati-uchenym-mirom.html> (дата обращения: 11.06.2011).

⁴⁶¹ К читателям газеты Друг здоровья // Друг здоровья. — 1834. — № 50. — С. 396.

⁴⁶² К читателям газеты Друг здоровья // Друг здоровья. — 1834. — № 50. — С. 396.

⁴⁶³ От редакции // Друг здоровья. — 1852. — № 1. — С. 1.

⁴⁶⁴ Медицина // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. — М., 1980. — Т. 14. — С. 233.

⁴⁶⁵ От редактора // Друг здоровья. — 1835. — № 2. — С. 11.

⁴⁶⁶ Юбилей доктора Громова // Друг здоровья. — 1852. — № 40. — С. 183.

⁴⁶⁷ Правительственные распоряжения // Друг здоровья. Медикостатистические известия. — 1843. — Январь. — С. 1.

⁴⁶⁸ Wortman R. Texts of Exploration and Russia's European Identity // Russia Engages the World, 1453–1825. — London, 2004. — P. 91.

⁴⁶⁹ См.: Slezkine Yu. Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. — Bloomington, 1997. — P. 27–57.

⁴⁷⁰ Кемтц. Об успехах землеведения с первой половины XVIII столетия // Карманная книжка для любителей землеведения издаваемая от Русского географического общества. — СПб., 1848. — С. 26.

⁴⁷¹ Clarke E.D. Travels in Various countries of Europe, Asia and Africa. P. 1: Russia, Tartary and Turkey. — London, 1810; Porter R.K. Travelling sketches in Russia and Sweden during the years 1805, 1806, 1807, 1808. — London, 1809. — Vol. 1.

⁴⁷² Об этом см.: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение Российской империи, или Увидеть русского дано не каждому. — М., 2011. — С. 117–121.

⁴⁷³ Об этом см.: Geraci R.P. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. — Ithaca and London, 2001.

⁴⁷⁴ Маленький калейдоскоп // Казанские новости. — 1885. — 24 сентября; Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. — Казань, 1902. — Т. 1. — С. XVI; Нагуевский Д.И. Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832): историко-литературный очерк. — Казань, 1904. — С. 107.

⁴⁷⁵ Попов Н.А. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г. // Русский вестник. — 1859. — Т. 23, сент. — С. 65.

⁴⁷⁶ Об этом см.: Назипова Г.Р. Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. — Казань, 2004.

⁴⁷⁷ Helgersen R. Camthes, Hakluyt and the Voyages of Two Nations // Colonialism and Culture / Ed. by N.B. Dirk et al. — Ann Arbor, 1992. — P. 27–63.

⁴⁷⁸ Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. — Oxford; Cambridge, 1995. — P. 125.

⁴⁷⁹ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. — Казань, 1844; Он же. Поездка из Казани по Нижегородской губернии // Казанский Вестник. 1828. — Ч. 12, кн. 1/2. — С. 44–

62; Кн. 3. С. 169–183; Кн. 4. — С. 256–269; Ч. 13, кн. 6. — С. 69–77; Кн. 7/8. — С. 186–202; Ч. 14, кн. 9. — С. 64–71; Кн. 11/12. — С. 302–306; 1830. — Ч. 27, кн. 11/12. — С. 214–254; Карл Фукс о Казани, Казанском крае: Труды. Документы. Воспоминания. Исследования. — Казань, 2005.

⁴⁸⁰ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804 – 1904. — Казань, 1903. — Т. 2. — С. 223.

⁴⁸¹ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. — Казань, 1844. — С. 12.

⁴⁸² Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998. — Доступно по Интернет: URL: http://society.polbu.ru/devyatko_socresearch/ch04_i.html (дата обращения: 11.06.2011).

⁴⁸³ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. — Казань, 1844. — С. 21.

⁴⁸⁴ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. — Казань, 1844. — С. 8–9.

⁴⁸⁵ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. — Казань, 1844. — С. 24–25.

⁴⁸⁶ Дело по мнению г. профессора Булыгина об обстоятельном наблюдении над народными племенами, в Казанском округе обитающими, 1830 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Историко-филологический факультет». Д. 164. Л. 1.

⁴⁸⁷ Знаменитая книга британского врача У.Ф. Эдвардса «О физиологических свойствах человеческих рас в связи с их историей» вышла в Париже в 1829 г.

⁴⁸⁸ Дело по мнению г. профессора Булыгина об обстоятельном наблюдении над народными племенами, в Казанском округе обитающими, 1830 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Историко-филологический факультет». Д. 164. Л. 1.

⁴⁸⁹ Дело по мнению г. профессора Булыгина об обстоятельном наблюдении над народными племенами, в Казанском округе обитающими, 1830 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Историко-филологический факультет». Д. 164. Л. 1 об.

⁴⁹⁰ Дело по мнению г. профессора Булыгина об обстоятельном наблюдении над народными племенами, в Казанском округе обитающими, 1830 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Историко-филологический факультет». Д. 164. Л. 5 об.

⁴⁹¹ Knight N. Ethnicity, Nationalism and the Masses: 'Narodnost' and Modernity in Imperial Russia // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Ed. by D.L. Hoffman and Y. Kotsonis. — New York, 2000. — P. 42

⁴⁹² Дело об осмотре министром народного просвещения университета и других учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете, 1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 663. Л. 6 об.

⁴⁹³ Вишленкова Е.А. «Между Западом и Востоком»: культурно-пропагандистские ориентации российского университета // «Быть русским по духу, европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XIX вв. — М., 2009. — С. 83–99.

⁴⁹⁴ Дела по ходатайству попечителя Казанского учебного округа о принятии мер к улучшению состояния Казанского университета в связи с отливом из него профессоров в столичные университеты, 1856–1858 // РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 74. Л. 12.

⁴⁹⁵ Дело об увеличении срока обучения для студентов восточного отделения, 1833–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 5 об.

⁴⁹⁶ Дело об увеличении срока обучения для студентов восточного отделения, 1833–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 18 об.

⁴⁹⁷ Об отправлении магистров Березина и Диттеля на 3 года в учебное путешествие по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии и Египту, 1841–1851 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 2450. Л. 53 об.

⁴⁹⁸ Об отправлении магистров Березина и Диттеля на 3 года в учебное путешествие по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии и Египту, 1841–1851 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 2450. Л. 16 об.

⁴⁹⁹ Григорович В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции. — Казань, 1848.

⁵⁰⁰ Григорович В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции. — Казань, 1848. — С. 192–193.

⁵⁰¹ Дела о запрещении публичной защиты диссертации Н.И. Костомарову на тему: «О причинах и характере унии в Западной России», об утверждении выбранной им другой темы — «Об историческом значении народной русской поэзии» и об утверждении его в степени магистра исторических наук. Отзыв Н.Г. Устрялова о первой диссертации Костомарова, 1842–1844 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 164. Л. 1–5.

⁵⁰² Донесение попечителя Харьковского университета министру народного просвещения и заключение деканов факультетов о состоянии и направлении преподавания учебных предметов в университете, 1850 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 614. Л. 3 об.

⁵⁰³ Дело о представлении министру народного просвещения заключений деканов факультетов о направлении преподавания в Харьковском университете, 1852 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 722. Л. 17 об.

⁵⁰⁴ Дело об утверждении кандидата университета И.И. Срезневского в степени магистра политических наук, о командировании его за границу для изучения славянских наречий и о переводе его профессором в Санкт-Петербургский университет, 1837–1847 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1130.

⁵⁰⁵ Дела по ходатайству попечителя Казанского учебного округа о принятии мер к улучшению состояния Казанского университета в связи с отливом из него профессоров в столичные университеты, 1856–1858 // РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 74. Л. 1.

⁵⁰⁶ Дело о назначении возвратившихся из заграницы: кандидата О.М. Бодянского ординарным профессором университета и действительного студента Харьковского университета В.И. Григоровича экстраординарным профессором Казанского университета, об увольнении профессора О.М. Бодянского и назначении ему пенсии, 1848–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 18 об.

⁵⁰⁷ Дело о назначении возвратившихся из заграницы: кандидата О.М. Бодянского ординарным профессором университета и действительного студента Харьковского университета В.И. Григоровича экстраординарным профессором Казанского университета, об увольнении профессора О.М. Бодянского и назначении ему пенсии, 1848–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9. Л. 10–10 об.

⁵⁰⁸ Дело об отказе удовлетворить ходатайство домашней учительницы Л. Ожиговой о допуске ее к слушанию лекций на медицинском факультете Харьковского университета с целью получения медицинского звания, 1861–1863 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1251. Л. 28.

⁵⁰⁹ Дело о принятии мер к улучшению учебной части на медицинском, юридическом и философском факультетах Харьковского университета, 1846 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 3 об.

⁵¹⁰ Письмо О.М. Ковалевского А.С. Норову, 30 июня 1855 // ОР РНБ. Ф. 531 А.С. Норов. Ед. хр. 390. Л. 2 об.

⁵¹¹ *Елминский Н.И.* Автобиографическая записка // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1. – С. 56.

⁵¹² Дело о преобразовании преподавания врачебного вещевословия в Харьковском университете, о назначении адъюнкта Г.С. Рындовского профессором по кафедре врачебного вещевословия, а ученого аптекаря Харьковского ветеринарного училища, А.П. Робинсона преподавателем фармации и фармакологии в университете, 1859–1862 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1117. Л. 29 об.–30.

⁵¹³ *Шевырев С.П.* Лекции по педагогике № 1–2, 19–38, читанные С.П. Шевыревым [в Московском университете], 1851 // ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. Ед. хр. 38. Л. 2.

⁵¹⁴ Письмо О.М. Ковалевского А.С. Норову, 30 июня 1855 // ОР РНБ. Ф. 531 А.С. Норов. Ед. хр. 390. Л. 2 об. – 3.

⁵¹⁵ Дело об отклонении ходатайства попечителя Харьковского учебного округа об отмене постоянных заседаний совета университета в целях усиления власти ректора, 1850–1857 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 612.

⁵¹⁶ Письмо О.М. Ковалевского А.С. Норову, 30 июня 1855 // ОР РНБ. Ф. 531 А.С. Норов. Ед. хр. 390. Л. 3 об.

⁵¹⁷ Письмо О.М. Ковалевского А.С. Норову, 30 июня 1855 // ОР РНБ. Ф. 531 А.С. Норов. Ед. хр. 390. Л. 3.

ЧАСТЬ 2

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

По всей видимости, в самой идее рационального и правильно организованного государства заложена потребность в ведомственных архивах. Не случайно административная реформа в России начала XIX века сопровождалась унификацией и оптимизацией довольно неуклюжего делопроизводства предшествующего столетия⁵¹⁸, упрощением тяжелого языка канцелярских служащих⁵¹⁹ («канцелярского стиля» или «делового слога») и требованием сохранения официальных бумаг⁵²⁰. Современные исследователи видят в этом проявления модернизации государства, которая сопровождалась усовершенствованием письменных технологий управления⁵²¹.

Создание в империи сети новых образовательных учреждений — императорских университетов — происходило в общем административном контексте. Университетские архивы, создания которых добивались от профессоров министерские чиновники, позволяли рационализировать управление ученым сословием: отслеживать изменения в числе учителей и учеников, получать историческую аргументацию для новых решений, вести учет

⁵¹⁸ Орлова Г.А. Российская бюрократическая ментальность (1801–1917 гг.): дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1999.

⁵¹⁹ Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

⁵²⁰ В 1811 г. было принято «Общее учреждение министерств», где прописаны все обязательные нюансы делопроизводства и требования к оформлению служебных бумаг. (Общее учреждение министерств. СПб., 1811).

⁵²¹ Ремнев А.В. «Искусство канцелярии» и «искусство редактирования» в имперской России XIX — начала XX века // Социальная история (неопубликованная рукопись); Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: антропология власти.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011. С. 11–12.

штатов и внештатных служащих, наблюдать за деятельностью профессорских советов, проверять траты бюджета, разрешать конфликты «университетских партий».

Согласно § 72 «Устава Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов» 1804 года в архив (в источниках он именуется «архив Совета и Правления») следовало сдавать на хранение копии исходящих и оригиналы всех входящих бумаг: «Все письма от лица Совета секретарем или другим кем писанные должны быть прочтены пред Собранием, и с них в Архив списки оставлены, а получаемые и в Собраниях прочтенные хранятся в подлиннике»⁵²². О большом значении, которое министерство придавало этому хранилищу, свидетельствует тот факт, что ответственность за него была возложена на ординарного профессора (ученого секретаря совета), в помощь которому выделялись штатный (то есть с государственным жалованьем) архивариус и письмоводитель из студентов.

И хотя § 162 того же устава рекомендовал вести делопроизводство в университете кратко, чтобы оно «ни в каком случае не препятствовало преподаванию учения»⁵²³, с каждым годом министерские предписания требовали от профессоров все новых разновидностей отчетов, описаний училищ округа, обзоров преподаваемых наук, текстов их речей на торжественных актах, конспекты лекций и прочее, прочее. В результате этого возросла интенсивность производства исходящих бумаг и как следствие вырос объем документов, подлежащих хранению. Уже в начале 1820-х годов ректоры сетовали: «Надобно бы убавить письменных дел в Университете, но при настоящем образовании это трудно и даже невозможно. В нынешний год

по Канцеляриям Совета, Правления, училищного Комитета и Директора выйдет более осми тысяч исходящих бумаг»⁵²⁴.

Довольно скоро министерство перестало получать от профессорских советов ответы на его запросы архивных сведений. Университетам не удавалось отыскать что-либо в отнесенных на склад стопках документов. Каждый поиск нужного текста только усиливал беспорядок. Такое положение дел, естественно, вызывало недовольство чиновников, которые потребовали от попечителей наведения порядка в архивах. В этой связи в конце 1820-х годов главы округов стали создавать комиссии для разбора архивных завалов.

Забота министерских чиновников об университетских архивах объяснялась не только прагматическими задачами управления, но и желанием со временем обрести полную историю государственной машины. Изготовление истории университета от профессоров требовал § 70 устава 1804 года. Ссылки на него и требования навести порядок в «решенных делах» содержатся в материалах всех университетских ревизий. В «науке о полиции» хорошо устроенное ведомство представлялось учреждением с правильной историей, то есть темпорально организованным рассказом о его прошлом и настоящем. Совокупность таких локальных историй представляла Российское государство самодостаточным, цивилизованным, способным к самоописанию и самопознанию. Но отдельно взятую историю надо было не придумывать, а «составлять» из делопроизводственных документов, отложенных на хранение. Поэтому их важно было расположить в архиве в хронологической последовательности.

По всей видимости, поначалу сами члены ученого сословия не считали архив ценностью. Для них работа с ним была канцелярской рутинной, и поддержание порядка в нем воспринималось как еще одна обременительная обя-

⁵²² Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 279.

⁵²³ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 296.

⁵²⁴ Письмо [черновик] ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 7 декабря 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4019. Л. 54 об.

занность. Профессора ее всячески избегали, перекладывая заботу об архиве друг на друга, на письмоводителей или переписчиков. В позитивном смысле они говорили об архиве лишь в тех случаях, когда совету требовалась историческая аргументация его запросов к правительству или во время отчета служащих, ответственных за хранение делопроизводства.

Если профессора и видели в архиве какую-либо пользу, то только для нужд самоуправления. Бумаги позволяли вернуться к истокам конфликта и напомнить сторонам их первоначальные требования и обещания. С помощью архивных документов можно было указать на прошлые прегрешения зарвавшихся коллег или убедить начальство в собственной лояльности. Другое дело, что такое отношение породило стремление формировать корпоративную память. По разным причинам и на разных основаниях из хранилища стали изыматься компрометирующие тексты. Особенно легко это было сделать университетскому начальству.

Например, в 1822 году попечитель М.Л. Магницкий поручил ректору Г.Б. Никольскому уладить ссору между преподавателями греческого и латинского языка, М.Ф. Грацинским и М.В. Полиновским. При этом следовало провести селекцию сопровождавших данный конфликт посланий: «Суждение о двух учителях оставить, все бумаги, в которых могли быть сказаны личности и неприятности возратить их авторам, изъяв из дела, и пригласив их быть впредь осмотрительнее по той статье инструкции, которая предполагает в преподавателях все то, чего от студентов требует»⁵²⁵.

Поскольку тогда делопроизводство университета и делопроизводство попечителя велось и хранилось раздельно, то министерский чиновник полагал, что архив совета надо отфильтровать и почистить, а вот архив попечителя должен быть предельно полным и доступным.

⁵²⁵ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 14 февраля 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 7831. Л. 10–10 об.

Правда, доступным только главе округа. Видимо, для эффективного управления ему требовалась полнота информации. Поэтому Магницкий предписал: «Все дело оставить в Канцелярии [попечителя], ибо будучи противно и общему законному порядку и Уставу Университета, оно не может иметь место в делах сего сословия»⁵²⁶.

Назначенные учеными секретарями совета профессора, видимо, испытывали немало трудностей с организацией работы архива и стремились поделиться упавшей на них ответственностью с коллегами. Именно поэтому при обсуждении проекта нового университетского устава (1825) харьковский профессор К.П. Паулович так настаивал, чтобы деканы сами отвечали за хранение факультетских документов и следили за работой секретарей своих советов. Надобно, писал он, «чтобы Архив Факультета, порученный Секретарю онаго, был во всякое время в надлежащем порядке с верною описью и при перемене должности своей, передавал бы Архив новому Декану при точном освидетельствовании онаго»⁵²⁷.

Обреченные на разбор сданных на хранение документов преподаватели считали систематизацию бумаг «самым утомительным делом»⁵²⁸. За его выполнение пострадавшие требовали компенсаций: «Пальмин сделал частное соглашение с попечителем, — свидетельствует документ из министерского архива, — по коему принял на себя разбор Университетских архивов, который едва ли кто-либо из членов Совета, после опыта, сделанного Баженовым, пожелал бы принять; но с тем, чтобы кто-нибудь, до окончания сего дела преподавал за Пальмина

⁵²⁶ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 204 об.

⁵²⁷ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579. Л. 87 об.

⁵²⁸ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 45.

Философския науки, и чтобы освободить его от должности Секретаря Совета»⁵²⁹.

Наведение порядка в архиве, убеждали профессора министерских чиновников, — это труд, который «сколько продолжителен и по единообразию его сопряжен с величайшим терпением, столько требует точности, бдительности, проницания и опытности, то принять его в начальственное внимание и иметь в виду, как такой подвиг, совершение которого, по его очевидной для Университета и округа пользе, заслуживает справедливое воздаяние»⁵³⁰. К тому же он представлялся занятием, требующим от исполнителя крепости тела и физического здоровья⁵³¹.

Только крайняя нужда и христианское смирение могли побудить профессора согласиться отвечать за архив. «Господь поможет Вам, — писал ректор Казанского университета Г.Б. Никольский попечителю М.Л. Магницкому о занятии поста директора университета, — обрести мужа по сердцу Вашему, заслуженного, опытного, почтенного, которому все мы повиноваться рады будем душевно, а меня по окончании ректорства хоть к разбору архива причислите и тем буду весьма доволен, и приму сие назначение как благовестие ангела»⁵³².

На заверения и жалобы университетских профессоров министерские чиновники парировали тем, что «попече-

ние о порядке делопроизводства» есть то же, что «забота о чести Университета»⁵³³.

Современное устройство университетских архивов отражает меняющуюся структуру университета за разные периоды его существования. Первоначально они состояли из делопроизводства, проходившего через: 1) канцелярию попечителя; 2) правление, отвечавшее за счета и расходы, а также хозяйство; 3) совет, принимавший административные, воспитательные и научные решения; 4) училищный комитет, ведавший учебными заведениями учебного округа; 5) четыре факультета со своими советами. Постепенно в архиве стало сосредотачиваться также делопроизводство строительного комитета, канцелярии ректора, инспектора студентов и других подразделений. В фондах Московского и Казанского университетов эти комплексы составляют отдельные описи: «Совет», «Правление», медицинский, юридический, историко-филологический и физико-математический факультеты, «Строительный комитет», «Ректор», «Инспектор студентов». К ним примыкает фонд, содержащий бумаги канцелярии попечителя учебного округа.

Сейчас данная структура кажется естественной, но в первые два десятилетия своего существования канцелярия попечителя не являлась структурной частью университета, а принадлежала Министерству народного просвещения. В официальных бумагах она именовалась «частью ведомства Высочайше вверенного [попечителю] округа»⁵³⁴. Штат и финансирование для нее были утверждены указом от 24 января 1803 года. Согласно этому документу, все дела и бумаги вели в канцелярии два (старший и младший) письмоводители, на содержание которых, включая

⁵²⁹ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 44 об.

⁵³⁰ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 108 об.

⁵³¹ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 16 октября 1822 // ОРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4019; Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 43 об.

⁵³² Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 14 сентября 1822 // ОРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4019. Л. 29 об.

⁵³³ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 62 об.

⁵³⁴ Это мнение М.Л. Магницкого, выраженное в его письме к директору Казанского университета А.П. Владимирскому от 2 января 1820 г. (О награждении письмоводителей Канцелярии Попечителя — г. Розанова бриллиантовым перстнем, г. Мальбраншева и Олесева 600 рублями, 1819–1820 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 926. Л. 3).

«расходы для писмоводства», выделялось 2000 рублей⁵³⁵. Дальнейшие изменения бюджета попечительской канцелярии можно проследить по специальным постановлениям Министерства народного просвещения⁵³⁶.

Судя по обнаруженным нами свидетельствам, в правление Александра I попечительский архив выполнял роль своего рода должностной инструкции. Получивший воров бумаг своего предшественника, сановник должен был познакомиться с их содержанием, чтобы понять, что входит в его обязанности. «По желанию вашему, — отвечал министр просвещения на запрос только что назначенного в Харьков попечителя З.Я. Карнеева, — прилагаю при сем предварительные правила народного просвещения и Устав Университета к вашему руководству. Дальнейшие сведения, относящиеся к должности Попечителя, Ваше Пре[восходительст]во можете найти в Университете и в делах Предместника вашего если угодно Будет вам потребовать оныя к себе»⁵³⁷.

В Казани первая попытка навести порядок в хранилище попечительских бумаг и сделать их доступными для использования зафиксирована в предписании М.А. Салтыкова. В 1815 году попечитель поручил эту работу про-

фессору исторических наук и политической экономии, управляющему канцелярией главы округа П.С. Кондыреву⁵³⁸. Выбор исполнителя был продиктован личным доверием и признанием заслуг Кондырева. После разбора архива профессор передал дела, касающиеся училищ учебного округа и Казанской гимназии, из архива попечителя в университетский архив⁵³⁹.

В Харькове систематизация попечительских бумаг началась в середине 1830-х годов. Назначенный в 1834 году попечителем Ю.А. Головкин был сильно смущен состоянием доставшейся от предшественников канцелярии. Для «тщательного рассмотрения» и выявления неоконченных дел он даже создал «временную комиссию». В нее вошли профессор чистой математики А.Ф. Павловский, начала общенародного правоведения Т.Ф. Степанов и политической экономии и статистики П.И. Сокальский⁵⁴⁰. Через три года попечитель сообщил в министерство, что все это время профессора работали у него «почти ежедневно в утреннее и послеобеденное время» и разобрали документы за 1830–1834 годы, то есть за время попечительства В.И. Филатьева. Видимо, документов за 1810–1820-е годы в канцелярии тогда не было.

В сохранившемся в РГИА отчете есть данные об объеме архива харьковского попечителя на тот момент. В общей сложности члены комиссии описали 881 дело, сверили все бумаги с входящими и исходящими реестрами, отделили оконченные дела от неоконченных, передали

⁵³⁵ Штат канцелярий попечителей шести университетских округов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. Штаты и приложения. С. 2.

⁵³⁶ Например, см.: О прибавке содержания на канцелярию попечителя Московского учебного округа, 27 июля 1815 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. № 223. Стб. 775–776; О прибавке содержания на канцелярии попечителей Дерптского и Харьковского учебных округов, 7 апреля 1817 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. № 278. Стб. 895–896; О прибавке содержания на канцелярию попечителя Казанского учебного округа, 3 февраля 1823 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1875. — 2-е изд. — Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. № 550. Стб. 1697–1698.

⁵³⁷ Дело об увольнении попечителя Харьковского учебного округа гр. С.О. Потоцкого и о назначении на его место З.Я. Карнеева. О посещении Александром I университета и гимназии, 1816–1820 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 269. Л. 17 об.

⁵³⁸ Журнал исходящих бумаг за 1815 год, 1815 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 599. Л. 98 об.

О П.С. Кондыреве см.: Вишленкова Е.А. Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2001, № 5. С. 360–380.

⁵³⁹ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 109; Протоколы Совета Императорского казанского университета на 1816 год, 1816 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 247. Л. 2.

⁵⁴⁰ Дело о награждении ректора университета профессора А.Ф. Павловского за успешную работу организованной им временной комиссии по приведению в порядок архива университета, 1838 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1209. Л. 1–1 об.

завершенные в архив, а остальные оставили для рассмотрения нового попечителя.

Поскольку канцелярии попечителей входили в штат министерства, у их документов были все шансы осесть в фонде 733 Департамента народного просвещения в РГИА. Факт, что они влились в университетские архивы, стал следствием изменения статуса глав учебных округов в царствование Николая I. Оно сопровождалось резкой кадровой сменой с неожиданными отставками, ревизиями и даже ссылками отдельных попечителей. В такой обстановке владельцы архивов не успевали пересортировать свои бумаги и уничтожить компрометирующие документы. Министерство же предпочло оставить эти коллекции в провинциальных университетах и заставило новое поколение попечителей жить в университетских городах. Благодаря этим обстоятельствам сохранившиеся архивы попечителей александровского правления являются богатейшим для историка источником, в котором есть и делопроизводство, и личные письма, и финансовые счета, и официальная переписка.

Первая обработка содержимого университетского архивохранилища в Казани была осуществлена еще до появления специального предписания министерства — в 1820—1821 годах. Это было сделано по инициативе М.Л. Магницкого, что тоже не случайно. После проведения проверки 1819 года казанский ревизор получил монаршее повеление исправить выявленные недостатки. Обретя должность попечителя, Магницкий остался жить в Петербурге и управлял Казанским университетом дистанционно. В таких условиях для него было важным сделать всю деятельность и отношения в подведомственной ему корпорации прозрачными, известными посредством письменных свидетельств и «отпусков» (то есть копий) с делопроизводственных документов. Довольно часто для этого требовалось обращение к архиву.

К моменту назначения главой Казанского учебного округа Магницкий имел за плечами 20-летний опыт работы с бюрократическими бумагами в различных ведомствах:

при русском посольстве в Вене и Париже, где занимался ведением делопроизводства и переписки; при Министерстве внутренних дел, где составлял проекты оптимизации управления; при Департаменте законов в Государственном совете; в Комиссии военных уставов и уложений для всех подразделений Военного министерства⁵⁴¹. Обретенный опыт и знание придворной ситуации убедили его в эффективности письменных способов управления и политическом успехе исторической аргументации.

В связи с этим казанский попечитель взял создание и хранение всех университетских документов под жесткий контроль. Он проверял бухгалтерию, списки имущества «научных кабинетов» (то есть музеев), книжные коллекции и описи, сданных в архив канцелярских документов. По его приказу казанским профессорам надлежало «составить порядочные описи, расположить и представить о нужных дополнениях. Непременно надобно, чтоб учебные пособия были расположены в порядке и благовидно»⁵⁴².

Но когда секретарь совета М.А. Пальмин познакомился с содержанием архива, он впал в отчаяние. Совместное до 1814 года существование университета и гимназии и единое управление обеими школами обеспечивалось общим делопроизводством. Поэтому в архиве профессор обнаружил не разобранные дела с «основания Казанской Гимназии в 1798 году»⁵⁴³. Это побудило секретаря сделать на совете специальный доклад о состоянии архива. Мы не обнаружили его оригинал, но нашли пересказ данного выступления в объяснительной записке, направленной в 1824 году в министерство. Этот текст интересен не только информацией, но и свидетельством архивной культу-

⁵⁴¹ Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 268—271.

⁵⁴² Письмо попечителя М.Л. Магницкого к профессору Г.Б. Никольскому, 20 января 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 7831. Л. 5 об.

⁵⁴³ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107.

ры того времени. Итак, Пальмин сообщил коллегам, что «1) Хотя находятся по годам списки дел с оглавлением оных и с показанием нумеров, но при каждом деле нет описи или оглавления (в котором бы кратко означено было содержание всех входящих в состав сего дела бумаг с показанием листов, на которых подлинныя бумаги находятся; каковыя оглавления весьма нужны особливо при больших делах); 2) Дела по листам не скреплены и отпуски бумаг по большей части ни кем не подписаны; 3) Большая часть дел расположены и сшиты без соблюдения надлежащей правильности; 4) Многие дела не переплетены; 5) Нет архивных книг в которых бы по Алфавиту, разные учебныя заведения лица и вещи, как то дома, библиотека, физические и натуральные Кабинеты и проч. были означены с самою краткою их историею и с показанием дел в которых находятся подробныя о том сведения, таковыя книги для справок весьма удобны»⁵⁴⁴.

Однако на сетования и жалобы членов совета неумолимый Магницкий ответил жестким приказом: каждую бумагу в архиве прочитать, внести в опись, подписать бумажные отпуски, сделать правильную сшивку дел, завести «архивные книги» (своего рода указатели), содержащие алфавитный список «заведений, лиц и вещей» и ссылки на архивные дела, в которых они упоминаются⁵⁴⁵. Только после этого, заявил он, можно будет когда-нибудь выполнить задание правительства и отдать ему с благодарностью «полную и основательную историю Университета»⁵⁴⁶.

Видимо, становление архивного сознания харьковской корпорации произошло позже. Первое упоминание об инвентаризации архива в министерских бумагах фикси-

руется 1834 годом. Тогда члены комиссии, которую попечитель Ю.А. Головкин создал для разбора бумаг своего предшественника, разобрали 942 дела училищного комитета за 1832–1834 годы и затем дела университетского Правления за то же время. Судя по их письмам, некоторые обнаруженные ими дела «начавшиеся с давняго времени»⁵⁴⁷ содержали в себе более ранние документы. Но в них нет упоминаний о том, что комиссия работала с документами 1810–1820-х годов. В общей сложности она разобрала около 2000 дел, которые находились «в крайнем беспорядке, запутанных и не имевших никакого систематического размещения»⁵⁴⁸.

Проведенная работа, согласно отчету попечителя в министерство, позволила харьковчанам, наконец, «устроить при Харьковском Университете Архив, дотоле не существовавший, и ныне находящийся в цветущем состоянии»⁵⁴⁹.

Из интересовавших нас трех университетов лучше всего сохранился архив Казанского университета, не испытавший на себе губительных последствий войны (1812 года для Московского университета и 1941–1945 годов для Харьковского). Мы подозреваем, что сейчас это один наиболее богатых по количеству и видам документов университетских архивохранилищ нашей страны (более 110 000 ед.хр. за период 1802–1917 годов⁵⁵⁰). Из всего делопроизводственного комплекса первой половины

⁵⁴⁴ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107об.

⁵⁴⁵ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107 об.

⁵⁴⁶ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № 3 к делу о профессоре Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 108.

⁵⁴⁷ Дело о награждении ректора университета профессора А.Ф. Павловского за успешную работу организованной им временной комиссии по приведению в порядок архива университета, 1838 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1209. Л. 1 об.–2.

⁵⁴⁸ Дело о награждении ректора университета профессора А.Ф. Павловского за успешную работу организованной им временной комиссии по приведению в порядок архива университета, 1838 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1209. Л. 2.

⁵⁴⁹ Дело о награждении ректора университета профессора А.Ф. Павловского за успешную работу организованной им временной комиссии по приведению в порядок архива университета, 1838 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1209. Л. 2.

⁵⁵⁰ См.: Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Издание дополненное и переработанное. Казань, 1999. С. 80, 183.

XIX века в Казани пострадали лишь документы канцелярии Строительного комитета, сгоревшие в городском пожаре 1842 года⁵⁵¹. Основная часть текстов данного архива хранится в фонде 977 «Казанский университет» Национального архива Республики Татарстан (НАРТ). Документы в него перевозились из университетских помещений в конце 1930-х и в 1947 году⁵⁵². А в 1951 году в него же влились формулярные списки профессоров в количестве 81 единицы хранения за период с 1800 по 1870 год, которые поступили из Центрального государственного литературного архива⁵⁵³.

Отдельный фонд в НАРТе образуют тексты из попечительской канцелярии — фонд 92 «Попечитель Казанского учебного округа». Как явствует из архивных свидетельств, они поступили в архив в 1921 году в два приема из неизвестного источника⁵⁵⁴. Сохранились сведения

⁵⁵¹ О сгоревшем имуществе, принадлежащем университету и лицам, живущим в нем в пожар 24 августа 1842 г., 1842 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Правление». Д. 5091. Л. 2.

⁵⁵² В 1937 г. поступили документы по описям «Совет» и «Правление» в количестве 65 702 ед. хр. за 1813–1916 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 33), в 1938 г. — по описям «Физико-математический факультет» и «Юридический факультет» в количестве 4534 ед. хр. за 1814–1916 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 52) и по описям «Историко-филологический факультет» и «Медицинский факультет» в количестве 6959 ед. хр. за то же время (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 56), в 1839 г. — из отдела бухгалтерии в количестве 2488 ед.хр. за 1819–1875 (Там же. Л. 68), документы по описям «Инспектор студентов» в количестве 674 ед. хр. за 1862–1882 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 72), «Ректор» в количестве 3008 ед. хр. за 1825–1884 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 76), «Проректор» в количестве 877 ед. хр. за 1806–1898 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 80), документы проректора по нравственной части в количестве 241 ед. хр. за 1847–1854 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 90), проректора по хозяйственной части в количестве 585 ед. хр. за 1841–1861 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 94), в 1947 г. — необработанные документы в количестве 10 000 ед. хр. за 1800–1918 гг. (Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 128). За помощь в предоставлении информации по делам фондов 92 и 977 НАРТ благодарим начальника отдела обеспечения сохранности, государственного учета и научно-справочного аппарата документов НАРТ Наталью Семеновну Горицкую.

⁵⁵³ Дело фонда № 977 // НАРТ. Дело фонда № 977. Л. 183.

⁵⁵⁴ Дело фонда № 92 // НАРТ. Дело фонда № 92. Л. 1.

только о количестве документов второго поступления — это 21.703 единицы хранения за 1802–1871 и 1899–1909 годы⁵⁵⁵ (из 52 852 ед.хр.⁵⁵⁶). В 1951 году 92 фонд пополнлся документами из Центрального государственного архива Башкирской АССР в количестве 20 единиц хранения за 1838–1871 годы. Тематически прибывшие в Казань тексты касались вопросов назначения, перемещения и увольнения служащих, учреждения обсерватории при Оренбургской гимназии⁵⁵⁸.

Значительная часть сохранившегося архива Московского университета образует сейчас фонд 418 «Московский императорский университет» (207 806 ед. хр.⁵⁵⁹) в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ). В этот фонд документы передавались в два этапа: первый — не позднее 1934 года и второй — в 1961 году⁵⁶⁰. Кроме того, в 1948, 1952, 1961, 1976, 1981, 1995 годах в него перешли материалы из ЦГА ТАССР (ныне НАРТ), ЦГИА г. Ленинграда (ныне ЦГИА СПб), ЦГАДА (ныне РГАДА), Главного архивного управления при СМ СССР (затем Росархива) и Архива АН СССР. Таким образом, фонды постоянно пополняются, в них аккумулируются сведения по Московскому университету из других коллекций. Впрочем, документов XVIII века и за период 1800–1812 годов в нем буквально единицы. Почти все они связаны с закупками для типографии и арендой домов для университета. Дела совета Московского университета сохранились с 1832 года.

Архив канцелярии попечителя Московского учебного округа образует в ЦИАМ фонд 459 «Канцелярия попе-

⁵⁵⁵ Дело фонда № 92 // НАРТ. Дело фонда № 92. Л. 36.

⁵⁵⁶ Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Издание дополненное и переработанное. Казань: ГАУ при КМ РТ, 1999. С. 77.

⁵⁵⁸ Дело фонда № 92 // НАРТ. Дело фонда № 92. Л. 77.

⁵⁵⁹ Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. М.: Мосгорархив, 1999. Вып. 3. Доступно по Интернет: URL: <http://www.mosarchiv.mos.ru/images/Putevoditel-3/obrazovanie.htm> (дата обращения: 30.10.2011).

⁵⁶⁰ Благодарим за предоставленную информацию директора ЦИАМ Е.Г.Болдину.

чителя Московского учебного округа» (76 729 ед.хр.⁵⁶¹). Удалось выяснить, что первоначально данный фонд образовывали документы за период 1863–1917 годов, а более ранние бумаги (1813–1863) поступили в ЦИАМ не позднее 1937 года⁵⁶².

После гибели во время боев основной части харьковского архива⁵⁶³ небольшой комплект спасенных документов попал в Государственный архив Харьковской области (ДАХО), где вошел в фонд 3 «Канцелярия Харьковского губернатора», а разрозненные документы по университету хранятся в фондах 7 «Канцелярия Харьковского губернского прокурора», 40 «Харьковская духовная консистория», 667 «Харьковский университет».

Архив Министерства народного просвещения состоит из нескольких фондов: 732 «Главное правление училищ МНП», 733 «Департамент народного просвещения» (в который входят коллекции документов по учебным округам, а также описи общих дел и отчетов по учебным заведениям этих округов), 735 «Канцелярия министра народного просвещения», 737 «Комитет устройства учебных заведений при МНП». Все они формировались как хранилища делопроизводственной документации при соответствующих департаментах, отделениях и комиссиях, то есть «присутственных местах» министерства. И поскольку в эти подразделения стекалась отчетная документация из учебных заведений и личные прошения профессоров, в них оседали копии всех исходящих законодательных актов и распоряжений. Следует подчеркнуть, что в первой четверти XIX века направленные советами университетов в Петербург оригиналы не сохранялись в копиях на

местах. Таким образом, архив Министерства народного просвещения — это уникальный источник для изучения различных вопросов образования, работы конкретных университетов и университетской культуры Российской империи в целом.

Публикуемые в этой книге тексты являются документами делопроизводства Министерства народного просвещения, Московского, Казанского и Харьковского университетов за 1802–1863 годы. Они извлечены из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), а также Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ).

Основная часть публикуемых документов — это тексты из фонда «Департамент народного просвещения» (733) РГИА, включенные в описи 28–30, 33–34, 38 (Московский учебный округ), 49–50 (Харьковский учебный округ), 39–40 (Казанский учебный округ) и из фонда «Канцелярия министра народного просвещения» (735), включенные в опись 2. Кроме того, мы подготовили к публикации документы из фондов «Канцелярия попечителя Казанского учебного округа» (92) и «Казанский университет» (977) НАРТ. Соседство материалов из архивов разных учреждений позволяет увидеть специфику отложившихся там материалов.

Публикуемые документы организованы по тематико-хронологическому принципу. Они разделены на три группы по принадлежности к университетам. Отступление от хронологии допускалось лишь в тех случаях, когда несколько документов под разными, но хронологически близкими датами касаются одного события. Они объединены под единым заголовком. Кроме того, документы внутри группы разделены на отдельные блоки по принадлежности к определенному типу архивохранилищ (федеральным, региональным, библиотечным).

⁵⁶¹ Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. М.: Мосгорархив, 1999. Вып. 3. Доступно по Интернет: URL: <http://www.mosarchiv.mos.ru/images/Putevoditel-3/obrazovanie.htm> (дата обращения: 30.10.2011).

⁵⁶² Благодарим за предоставленную информацию директора ЦИАМ Е.Г. Болдину.

⁵⁶³ Журавлева И.К. Идеал попечительства — граф Северин Потоцкий / И.К. Журавлева // Харків і Польща: люди і події: Матеріали Міжнародної наук.-практ. конф., м. Харків, 12 лист. 2005 р. / Генеральне консульство Республіки Польща в Харкові, Польський Дім у Харкові. Харків, 2006. С. 57.

Археографическая подготовка документов произведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР».⁵⁶⁴

Тексты документов публикуются как полностью, так и в извлечениях, что обусловлено характером и объемом издания.

Каждый документ снабжен редакционным заголовком, который состоит из следующих элементов: порядковый номер, разновидность документа, автор, адресат, краткое содержание, а также место, число, месяц и год написания.

Собственные заголовки документов, если они включают в себя все необходимые элементы, используются в качестве редакционных и заключены в кавычки без оговорок в текстуальном примечании. Публикация документов в извлечении оговаривается в заголовке предлогом «из».

Переписка по определенным вопросам оформлена как группа документов и имеет групповой заголовок, в который вынесены все общие элементы заголовков документов данной группы, указываются их крайние даты, а перед заголовком — крайние номера документов. В состав заголовков каждого документа входят только те элементы, которые не вошли в групповой заголовок, и указывается дата и место создания каждого документа.

При первом упоминании автора или адресата в заголовке документа указывается его должность, ранг, звание. В последующем указываются только фамилия и инициалы. Если автор или адресат не установлен, то это указывается в примечаниях, если сведения установлены археографом, то они заключены в квадратные скобки.

Место написания документа указывается в заголовке, если оно имеется в оригинале. Исключение составляют документы, исходящие из органов университетского самоуправления (совета, правления, училищного комитета). В данном случае место написания (Москва, Казань, Харьков) указывается в заголовке вне зависимости от его наличия в оригинале.

Документы датируются временем написания. Дата, установленная составителями, обосновывается в текстуальном примечании. Там же оговаривается, в случае наличия, помета о дате получения и написания ответа.

Легенда включает в себя поисковые данные (архивный шифр), сведения о публикации и подлинности документа (подлинник, заверенная копия, копия, отпуск, черновой автограф, автограф).

Текст документов публикуется в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с точным сохранением стилистических особенностей подлинника (отдельных оборотов речи, слов). Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова или части слова заключены в квадратные скобки. Опущенные части текста документа отмечаются отточием в квадратных скобках. Погрешности текста, не поддающиеся исправлению, сохраняются в тексте и оговариваются в текстуальном примечании («Так в документе»).

Вставки и приписки, сделанные автором или другими лицами (если имеют значение), воспроизводятся как продолжение текста документа вне зависимости от их месторасположения в авторском тексте. Их расположение на документе и авторство оговаривается в текстуальных примечаниях. Зачеркнутые слова в тексте не отражаются, а приводятся в текстуальных примечаниях. Авторские подчеркивания отдельных мест текста выделены жирным шрифтом.

Пометы-грифы «Секретно», «Конфиденциально» воспроизведены в правом углу перед текстом документа. Резолюции помещены в конце документа, с новой строки.

В текст введены сокращения постоянно повторяющихся названий должностей, чинов, титулов, мест.

Научно-справочный аппарат публикации представлен археографическим предисловием, комментариями по содержанию и текстуальными примечаниями, списками имен, сокращений, архивных и опубликованных документов.

⁵⁶⁴ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В АРХИВНЫХ ТЕКСТАХ

в. высокопр-во — ваше высокопревосходительство
 в. пр-во — ваше превосходительство
 в. св. — ваша светлость
 в. с-во — ваше сиятельство
 г. — господин
 гг. — господа
 д. с. с. — действительный статский советник
 д. т. с. — действительный тайный советник
 е. высокопр-во — его высокопревосходительство
 е. пр-во — его превосходительство
 е. св. — его светлость
 е. с-во — его сиятельство
 ИКУ — Императорский Казанский университет
 ИМУ — Императорский Московский университет
 ИХУ — Императорский Харьковский университет
 к. с. — коллежский советник
 КИУ — Казанский Императорский университет
 кн. — князь
 КО — Казанский округ
 КУ — Казанский университет
 КУО — Казанский учебный округ
 м. г. — милостивый государь
 м. г. м. — милостивый государь мой
 МИУ — Московский Императорский университет
 МУ — Московский университет
 МУО — Московский учебный округ
 н. с. — надворный советник
 о. пр-р — ординарный профессор
 пр. — прочее
 проч. — прочее

пр-р — профессор
 пр-рский — профессорский
 пр-рство — профессорство
 р. — рублей
 с. с. — статский советник
 т. — тысяч
 т.е. — то есть
 т.п. — тому подобное
 т. с. — тайный советник
 УО — учебный округ
 ХИУ — Харьковский Императорский университет
 ХУ — Харьковский университет
 ХУО — Харьковский учебный округ
 э. пр-р — экстраординарный профессор

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

№ 1

**Из отношения министра народного просвещения
графа П.В. Завадовского
куратору МИУ М.М. Хераскову
о доставлении сведений о МИУ**

**[С.-Петербург]
2 октября 1802**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 1. Л. 2—3 об. Заверенная копия]

Приемля с большой признательностью ваши и всего МУ чувствования, в письме вашем ко мне изображенные, тем с большим удовольствием имею честь отнестись к в. высокопр-ву как к старшему куратору университета, прося вас, м. г. м., дабы вы изволили доставить ко мне подробное описание настоящего положения одного с показанием преподаваемых в нем наук, пр-ров, числа студентов по факультетам, успехов их, образа учения, словом: всего к надлежащему о сем заведении сведению нужного по порядку приложенных при сем статей. Таковое же известие покорно прошу доставить ко мне о находящейся при университете гимназии. Сообразно с предписанием высочайшего манифеста⁵⁶⁵ имеет университет доставить мне еженедельные мемории о всех происшествиях, рассуждениях и постановлениях приемлемых ученым одного собранием для успешного преподавания наук юношеству. Я, с своей

⁵⁶⁵ Речь идет о манифесте императора Александра I от 8 сентября 1802 года «Об учреждении министерств».

стороны, поставляю себе за долг содействовать пользе и благосостоянию университета порученным мне от всемилостивейшего Государя нашего ходатайством у Престола [...]

Записка

Сословие гг. кураторов МИУ благоволит прислать сведения о нижеследующих статьях:

1-е, о числе пр-ров и учителей, состоящих ныне в университете и гимназии при должностях.

2-е, о их жалованье и прочих выгодах, соединенных с их должностями.

3-е, о числе и возрасте студентов и учеников, занимающихся учением в университете и гимназии.

4-е, вообще о числе могущих заниматься учением, соразмеряя оное с количеством городских жителей, с расположением училищного дома так, чтоб не утеснить классов.

5-е, о учебных предметах в оных преподаваемых.

6-е, о образе введенного в них учения.

7-е, о первоначальных учебных книгах, или письменных тетрадах, служащих основанием учению, из которых последние должны быть присланы в Комиссию⁵⁶⁶.

8-е, о числе и времени, назначенном для учебных предметов, и вообще о времени учебного течения.

9-е, о числе классов и в них учащихся.

10-е, о пособиях училищных, как то: библиотеках, учебных инструментах, моделях, музеях и проч.

11-е, о капиталах, назначенных для учебной части и на содержание сих заведений.

12-е, о экзаменах, публично ли оные производятся, когда и чрез кого?

13-е, о награждениях после экзамена и в чем оные состоят.

⁵⁶⁶ Речь идет о Комиссии об учреждении народных училищ. Она была образована в 1782 году и стала первым учреждением для управления образованием в Российской империи. Указом от 8 сентября 1802 года Комиссия стала частью Министерства народного просвещения. См.: Об обязанностях Комиссии училищ, 8 сентября 1802 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — 2-е изд. — СПб., 1875. — Т. 1. Царствование императора Александра I, 1802—1825. — Стб. 4—5.

14-е, о общественных зданиях, предоставленных для сих заведений, их местоположении, пространстве и расположении; причем желательно иметь и план каждому такому зданию.

Обстоятельные ответы на вышеописанные вопросы должны быть с приобщением уставов и штатов, расположенных и утвержденных для тех училищных заведений; в случае некоторых отмен против установленного положения в сих заведениях должно показать причины, побудившие к таковым переменам.

№ 2

**Из отношения попечителя МУО М.Н. Муравьева
П.В. Завадовскому об утверждении ректором МИУ
пр-ра Ф.Г. Баузе**

**[Москва]
28 мая 1807**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 66. Л. 1—1 об. Подлинник]

М. г. граф Петр Васильевич!

[...] 27 дня апреля месяца в заседании гг. о. пр-в происходило избрание университетских чиновников на следующий академический год и большинством балов избраны следующие:

1, в ректоры университета, отправлявший уже два года сию должность г. пр-р к. с. Страхов [...]

Но как г. пр-р Страхов, носивший в продолжении двух лет с отличною похвалою и ревностью звание ректора, просит о увольнении его от сей должности, желая единственно заниматься своими науками и должностью пр-ра, то, уважая сильную его просьбу, нахожу достойнейшим возложить сию важную и многотрудную обязанность на г. о. пр-ра и кавалера Баузе, равного в чине с его предшественником и на коего пало после него большее число баллов с двумя другими его товарищами [...]

№ 3—4

**Из писем попечителя МУО А.К. Разумовского
П.В. Завадовскому
о сроке ректорства и состоянии университета**

[Москва]

15 апреля 1808 г. — 19 апреля 1809

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 70]

№ 3 № 1

15 апреля 1808

[Л. 1—2 об. Подлинник]

Я имел честь представить в. с-ву о главнейших неудобствах мною в МУ замеченных. Все они, истекая из единого обстоятельства, местного положения, единым средством перемещения университета и разрешены быть могут. Ныне нужным почитаю, в дополнение того, к благоусмотрению вашему некоторые еще частные замечания представить, к усовершенствованию сего знаменитого училища долженствующие способствовать [...]

1-е, ежегодная перемена ректоров в университете сопряжена с многими неудобствами. Должность сия требует неусыпного попечения; непрерывного занятия многочисленным множеством подробностей: строгого наблюдения и взыскания, на учащих, на учащихся, и на всех чиновников по хозяйственной части употребленных, и пр.: все сии достоинства, не иначе приобретены быть могут, как опытностью чрез долговременное управление получаемую, сопровождаемую совершенным беспристрастием: ибо ректор, не взирая на лица, не страшась никаких негодований, должен, уподобляясь почтенному отцу семейства, наблюдать, дабы каждой член по части ему вверенной в точности выполнял должность свою. Но возможно ль достигнуть такого порядка при столь частой перемене начальника? Едва успеет он, так сказать, пригладиться ко всему, как уже наступает срок его смены. В течение ректорства своего, замечая разные неисправности,

он, [будучи] побуждаем честолюбием, участием в общественной пользе, обращением на себя внимания начальства, употреблял бы все старание к изобретению средств противу оных; но все таковые пружины ослабевают при краткости времени, рождающем опасение оставить другому вкушать плоды трудов его. Во взысканиях, опасаясь оскорбить того, который вскоре заступит может его начальническую должность, он предпочтет снисхождением своим обрести и для себя подобное же снисхождение. И наконец прибавить можно, что долговременная привычка видеть над собою того же начальника усугубляет к нему уважение и повиновение. Все сии причины заставляют меня представить в. с-ву, что весьма нужно и полезно для университета, чтоб, вместо ежегодной перемены ректора, быть ему или бессменным, или, по крайней мере, чрез несколько лет сменяемым.

2-е, число студентов на казенном содержании по штату 40, то есть столько же, сколько пр-ров и адъюнктов; из чего происходит, что немалая часть пр-рских и адъюнктских аудиторий пуста. Потому крайне желательно, чтоб для вящей пользы государства число учащихся на казенном содержании в соразмерности числу учащихся умножено было; я предполагаю, что, по крайней мере, одною третью прибавить оное следует, то есть до 60 человек. А для наполнения сего числа, нужно университетскую гимназию ныне из 60-ти человек состоящую, умножить, по крайней мере, вдвое.

До преобразования университета содержалось в нем 200 человек гимназистов и до 60-ти студентов.

Но умножение студентов предполагает умножение и суммы, по штату на содержание их определенной. Что принадлежит до увеличения гимназии, требующего равномерно некоторого пособия; о том в нижеследующем пункте упомянуто будет [...]

Исполнен будучи желания доставить университету способы достигнуть в полноте цели его учреждения и сделать его полезным для государства, сколь быть ему следует, я

не могу не ласкать себя надеждою, что по чувствам ревности и любви к Отечеству, во всех случаях вас сопровождаемых, в. с-во обратит внимание свое на представление мое [...]

№ 4
№ 2

19 апреля 1809⁵⁶⁷

[Л. 4—4 об. Подлинник. Автограф]

Обстоятельства представляют мне необходимость повторить вам мою просьбу о продолжении ректорства. В уставе университета есть положение, чтобы за два месяца до окончания курсов он был избираем. По сему на будущей неделе следовало бы уже приступить к сему действию, и я обыкновенному ходу сего дела дал бы течение, есть ли бы не уверен был, что в собрании гг. пр-ров избран будет другой ректор; а чрез то, вместо дальнейшего успеха в восстанавливаемом с немалым трудом порядке, нашел бы я себя опять в том же положении, в каком за год тому находился; и может быть, утверждение трехлетней бытности ректора дошло бы сюда уже по избрании нового; в таком случае, я должен бы опять бороться целые три года с беспорядками, на какую безуспешную работу и веку моего не станется. К тому же, смело уверять Вас могу, что из нынешних пр-ров не одного нету имеющего столько способностей к сей должности, как нынешний ректор пр-р Гейм; в таком неприятном положении решился я остановить выборы в надежде, что не замедлите, милостивец мой⁵⁶⁸, доставить мне столь нужное и желаемое пособие к пользе здешней учености, которая истинно грозила уже совершенным падением, в ожидании скорого на сие разрешения вашего, с искренним почтением [...]⁵⁶⁹

⁵⁶⁷ *Помета:* получ[ено] апреля 24 дня 1809 [года].

⁵⁶⁸ Милостивец — благодетель (с точки зрения пользующегося его покровительством или надеющегося на него).

⁵⁶⁹ Опущена заключительная часть письма, содержащая подпись А.К. Разумовского.

№ 5
Из письма А.К. Разумовского П.В. Завадовскому
о заслугах
пр-ра хирургии и повивального искусства МИУ
В.М. Рихтера

[Москва]
23 июля 1808⁵⁷⁰

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 74. Л. 1—1 об. Подлинник]

М. г. м., граф Петр Васильевич!

О. пр-р хирургии и повивального искусства, с. с. Вильгельм Рихтер, состоящий в российском подданстве, отправляя нынешнюю должность свою уже осмнадцать лет при МУ, в течение сего времени продолжал службу свою с отличным усердием для пользы человечества. Его особенным старанием учрежден при университете Институт родильный, в котором ежегодно подается помощь сорока шести и более женщинам, и где студенты под его надзором научаются на самом опыте действовать по преподаваемой им же, г. Рихтером, теории повивального искусства. Изданная им на российском языке по сей части книга⁵⁷¹, служащая ему руководством публичных лекций, удостоена одобрения от бывшей государственной Медицинской коллегии, которая за сей немаловажный и успешный подвиг наименовала г. Рихтера своим почетным членом. Достойный чиновник сей будучи употреблен на отправление должностей вне университета, везде обращал на себя внимание начальства; ибо за должность главного московского акушера, по представлению Медицинской коллегии, он произведен в к. с., а за учреждение нового Повивального института при Императорском московском воспитательном доме, и за службу в звании директора упомянутого института, по представлению Ея величества вдовствующей Государыни императрицы⁵⁷²,

⁵⁷⁰ *Помета:* Получено июля 27 дня 1808 [года].

⁵⁷¹ Речь идет о книге «Руководство к повивальному искусству, основанному на новейших опытах», вышедшей в Москве в 1801 г.

⁵⁷² Речь идет о вдовствующей императрице Марии Федоровне.

всемилоостивейше пожалован в с. с. За службу же свою при университете г. Рихтер не получил другой награды, кроме в 1797-м году чина н. с., между тем как товарищи его за равные услуги украшены кавалерскими знаками. Я долго себе поставил все сие довести до сведения в. с-ва, и покорнейше просить об исходатайствовании г. Рихтеру приличной награды для одобрения его к дальнейшим подвигам, тем более что он, не принадлежа теперь ни к Медицинской коллегии, ни к Воспитательному дому, труды свои посвятил единственно МУ [...]

№ 6—10
Переписка А.К. Разумовского и П.В. Завадовского
об организации экспедиции в Сибирь
14 сентября — 27 ноября 1808

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 75]

№ 6
№ 1
Письмо А.К. Разумовского П.В. Завадовскому
Москва
14 сентября 1808⁵⁷³

[Л. 1—2, 7—7 об., 3—4 об. Подлинник. Автограф]

М. г. м. граф Петр Васильевич!

При сем в особой ноте препровождаю к вам, мой милостивец, неприятную повесть о причиненной в недавнем времени обиде всему Российскому ученому сословию. Может быть, найдете, что случай сей я слишком на сердце принимаю, но признаюсь, что иначе понимать вещей я не умею. Пока на все происшествия смотрел я из-за кулис. Все, что, по мнению моему, было не в надлежащем порядке, производило минутное внутреннее неудовлетворение, напротив того, будучи ныне действующим лицом,

⁵⁷³ *Помета:* Министр отвечал 9 октября [1808 года] партикулярно.

не могу не изъявлять сердечной скорби о том, что противным нахожу пользе вверенной мне части. Посудите, пожалуйста, и решите представляемое вам мною.

Встречается случай к приобретению, весьма для здешнего университета полезному, на крайне выгодных кондициях. Вспомните, что по случаю покупки библиотеки докт[ора] Франка⁵⁷⁴, я писал вам что наша университетская весьма по сей части скудна. Переселившийся сюда из Риги за несколько тому лет доктор Гун, один из искуснейших в государстве медиков, чрез 30-ть лет собранную медицинскую библиотеку, по мнению знатоков не многим уступающую Франковой, он желает продать университету за цену весьма умеренную по достоинству ее, именно **за 4000 рублей**. Покорно прошу вас, милостивец мой, не упустите случая к столь выгодному для нас приобретению. По скудости своей университет⁵⁷⁵ не в состоянии 4-е тысячи употребить, а для казны совершенная безделица; и я тем паче убеждаюсь о сем вам представить, что есть ли мы не купим, легко станется, что заводимая здесь Хирургическая академия⁵⁷⁶, приобретет для себя и заплатит дороже, у меня просимого. Есть ли опробуете, я при

⁵⁷⁴ В декабре 1807 г. доктор Иоганн Петер Франк обратился к министру народного просвещения с предложением купить его библиотеку (содержащую книги как по теоретической и практической медицине, так и по натуральной истории, физике, географии, изящным наукам) для российских университетов. Попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский сразу же отнесся с ходатайством к министру о приобретении библиотеки для подведомственного ему учреждения. Оценив библиотеку Франка в 20 тысяч рублей, Главное управление училищ обратилось к императору с докладом, в котором просило соизволения на покупку библиотеки для Казанского университета. В начале марта 1809 г. библиотека Франка в 16 ящиках прибыла из Санкт-Петербурга в Казань. В ней насчитывалось около четырех тысяч сочинений (свыше шести тысяч томов). См.: О покупке для КУ библиотеки лейб-медика Франка, 16 мая 1808 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825, Стб. 457–458.

⁵⁷⁵ Слово вписано над строкой

⁵⁷⁶ Московская медико-хирургическая академия была основана в 1798 г. на базе Медико-хирургического училища. В 1804 г. академия была закрыта, а учащиеся переведены в Санкт-Петербург. В 1808 г. она возобновила работу в качестве Московского отделения Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

официальном вам представлении, могу доставить и каталог сей библиотеки.

За несколько тому почт, просил я о утверждении директором училищ в Володимирскую губернию⁵⁷⁷ Дмитревского⁵⁷⁸, по крайней там надобности в достойном начальнике; прошу вас покорно о разрешении сей статьи.

С истинным почтением и совершенною преданностью. Есть навсегда

в. с-ва
покорнейший слуга
г[раф] Алексей Разумовский.
P. S.

Некто Мор, ученый, отправлен из Вены в Россию с рекомендацией от двора своего к нашему Государю.

Цель отправления его, путешествие в Сибирь для собирания предметов из всех трех царств природы, к обогащению венского императорского Кабинета⁵⁷⁹.

Ему определено по 2000 гульденов ежегодного жалованья во все время пребывания в Сибири и, сверх того, неограниченное дозволение на издержки, кои он употреблять найдет нужным, а случаи тех издержек будут: плата людям, употребляемым рыть землю для приискания новых предметов Минералогических, для покупки всего того, что найдет любопытного, хотя бы целыми коллекциями. Ему предписано не оставлять ничего без внимания: осматривать все рудники, собирать животных, птиц и пр. Одним словом, директор Кабинета некто **граф Вербна** имеет в виду доставить сей коллекции сокрови-

⁵⁷⁷ Имеется в виду Владимирская губерния.

⁵⁷⁸ Речь идет о Дмитрии Ивановиче Дмитревском, который и был назначен на эту должность. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1809: в 2 ч. / Императорская академия наук. СПб., 1809. Ч. 1. С. 392.

⁵⁷⁹ Речь идет, видимо, о процессе пополнения естественнонаучной коллекции, основу которой составило закупленное еще в 1750 г. императором Францем I Стефаном у ученого Йохана Риттера крупнейшего в то время собрания, природных экспонатов (около 30 000), среди которых были редкие виды улиток, кораллов, раковин, ценных камней и редких минералов. Эта коллекция стала основой открытого в 1889 г. в Вене Музея естествознания.

ща, нигде еще не существующие, и прославить свою нацию новыми открытиями.

Средства такие употреблялись иногда правительствами только в диких странах Африки и Америки, но просвещенные государства в Европе, имея собственные способы к познанию внутренности своей, употребляя на то иждивения, находя в том выгоды и славу, дозволяют путешественникам только ездить и собирать уже известное. Таким образом, видал я при Екатерине⁵⁸⁰, проезжающих чрез Москву в Сибирь ученых, но все новые открытия, оставались для национальных испытателей, и редкости стекались в национальные кабинеты.

Ныне, вместо того, чтобы только позволить сему ученому объехать Сибирь под покровительством нашего правительства, он получил от внутреннего министра⁵⁸¹ 20-ть писем, ко всем начальникам губерний и заводов, дано ему открытое повеление, исполнять повсюду его требования, снабдить его всеми способами могущими споспешествовать в его намерении и пр. Одним словом, для него сделано все то, что только можно бы и должно сделать для отправленных с такими же препоручениями своих путешественников.

Не можно истинно равнодушно взирать на столь необдуманное действие нашего правительства. Последствием сего будет:

1-е, набогачение венской коллекции такими разностями, каких ни в одной Российской не имеется.

2-е, бесславие для нации, что чужеземцы будут сообщать ученому свету открытия, сделанные в недрах России.

3-е, наши ученые общества будут совершенно обескуражены, видя иноземцев, лишаящих их славы, по всем правам им принадлежащей. И что после того останется им делать? В особенности, здешнее общество испытателей природы⁵⁸², которое начинает прославляться в Европе и

которого трудов второй уже том печатается, лишится источника, доставляющего ему способы далее себя отличать и делать честь России.

Вот последствия, каких ожидать должно, от столь неполитической меры. Крайне прискорбно мне, когда всячески стараюсь о славе здешнего университета, когда, так сказать, я успел таким духом электризовать достойнейших из его членов, видеть, что все мои к этому планы уничтожаются собственным нашим правительством; от которого всевозможного подкрепления желать мне следовало.

Но когда уже нет удобства к отвращению сего неприятного случая, стараться следует уменьшить сколь возможно вредные для нас последствия. К сему нахожу я одно средство, которое к благорассмотрению вашему здесь представлено; [а] именно:

Присовокупите к сей венской экспедиции нашу собственную. Основанием тому только поставить, что здешний университет, имея намерение отправить путешественников в разные места государства, еще до получения известия о прибытии в Россию г. **Мора**, что к тому приготавливались и что опыт такой экспедиции ныне сделан в губернии Московской. Таким образом, соединя своего путешественника с венским, мы без обнаружения истинной причины сделаем ему сильный перевес, а г. Мор⁵⁸³ найдет и для себя некоторые в том выгоды: по незнанию нашего языка, ему можно будет доставлять ко двору своему редкости, но мы и для себя тоже приобретем; а между тем, все открытия и описание принадлежать будут преимущественно нам, мы ускорим пред ним в их обнародовании.

Остается найти и назначить человека, к тому способного. Здесь не имеем кроме пр-ра Фишера, которого отлучить невозможно. Но у вас есть некто **Таубер**; который, как думаю, употреблялся при департаменте вашем для разбирания получаемых минералогических штуфов для

⁵⁸⁰ Имеется в виду Екатерина II.

⁵⁸¹ Речь идет о А.Б. Куракине.

⁵⁸² Речь идет о созданном в 1805 г. Московском обществе испытателей природы, которое с 1807 г. стало именоваться Императорским. Первым председателем общества был А.К. Разумовский.

⁵⁸³ Слова вписаны над строкой.

училищ. Есть ли вы его уволите, он, верно, согласится сюда приехать в звании адъютанта с получением жалования по 1000 р. и обещанием ему э. пр-ства, когда с желаемым успехом кончится сия экспедиция. Издержки для казны на первый случай никакой не будет, потому что употребим часть принадлежащего обществу испыт[ателей] прир[оды] капитала, а со временем, не откажет Государь для славы и пользы Отечества, заменить нам сию издержку.

Есть ли план мой одобрите, я Тауберу присовокуплю товарища по части ботанической, в которой он недоволен знания имеет; и тогда останется только снабдить наших миссионеров повелениями ко всем начальствам, по крайней мере, равной силы с теми, кои даны Морю.

Вот единственное средство, сохранить нашу славу, и, к стыду нашему, не допустить иностранца похитить открытия, России принадлежащие.

Резолюция. Докладывал 24-го октября 1808 года. Дозволено своих испытателей отправить по сему предположению. [Завадовский]

№ 7

№ 2

Письмо А.К. Разумовского П.В. Завадовскому
Москва
15 октября 1808

[Л. 5—6 об. Подлинник. Автограф]

М. г. м. Граф Петр Васильевич!

По тщетном ожидании чрез долгое время хоть нескольких строк, милостивец мой, последняя почта к великому удовольствию моему доставила мне, наконец, от вас письмо. Знаю, что, кроме собственных занятий, вы обременены были и сторонними, и хотя ничему иному не приписывал вашего молчания, но должен признаться, что внутренне скорбел, не получая ни на одно из моих писем ответа.

Рассуждения Ваши справедливы: Мор, конечно, сокровенной природы в Сибири всей не вычерпает, но не мень-

ше прискорбно будет, что он славу, нам принадлежащую, будет у нас похищать, сокровищами нашими свое отечество обогащать; и сие делается, когда мы во всей Европе прогремели учеными нашими заведениями и щедротами Государя, ничего для них не пощадившего. Запирать Сибирь для ученых иностранцев не должно, но не с тем же их и впускать следует, чтоб оне ездили так как между здешними народами, не знающими цены собственных сокровищ. Мор у меня был, и признаюсь вам, что не ободрил я его. Выхваляя предприятие столь трудное, я коснулся опасности, которой подвергаются странники в отдаленных и непросвещенных странах, скуки с таким положением сопряженной и пр. Последствие сей беседы таково, что Мор величайшим счастьем почел бы присоединение ему товарища и весьма обрадовался, когда сказал я ему, что мы давно имеем намерение послать в Сибирь, и может быть, оное исполним. Ваш Таубер по части минералогической точно человек способный и большие сведения имеющий, а незнанию нашего языка можно бы помочь присовокуплением ему русского товарища. Впрочем, я совесть свою облегчил пред вами, а из-за того, как рассудите, так и будет.

Военному министру⁵⁸⁴ здесь нынешним годом уже не бывать. Но кажется, что он и из Петербурга мог бы решить судьбу нашу, ибо по сие время Туттолмин, при всей медленности своей, мог бы давно кончить ему препорученное.

О библиотеке Гуновой с сею же почтой официально вам представляю.

Сильный флюс, от которого вся голова у меня распухла и боль мучительную чувствую; прекращается мое писание, оканчиваю подтверждением сердечной моей вам преданности и искреннейшего почтения, с коими всегда пребуду в. с-ва

покорнейший слуга
 г[раф] Алексей Разумовский.

⁵⁸⁴ Речь идет о А.А. Аракчееве.

P. S.

В настоящем г[рафа] Ивана Васильевича⁵⁸⁵ положении, кажется, ничто не могло бы быть приличнее для него, как место здешнего главнокомандующего, а Москва почитала бы такое определение за великий подарок.

№ 8

№ 3

**Из письма П.В. Завадовского А.К. Разумовскому
[С.-Петербург]
26 октября 1808**

[Л. 8. Заверенная копия]

Я докладывал Государю императору о предположении в. с-ва на счет капитала Общества испытателей природы отправить вместе с г. Мором для путешествия в Сибирь чиновников от университета. Его величество, приняв с особенным благоволением ревность вашу к пользе общей, изъявил на предположения ваши высочайшее соизволение. Вследствие чего г. Таубер будет к вам отправлен; но как он не знает русского языка, то нужно будет дать ему русского товарища [...]

№ 9

№ 4

**Письмо А.К. Разумовского П.В. Завадовскому
Москва
19 ноября 1808**

[Л. 11–12. Подлинник. Автограф]

М. г. м. Граф Петр Васильевич!

С того время⁵⁸⁶, как сообщили вы мне, о присылке Таубера, поджидал я его поныне, а вчера пр-р Фишер получил от него письмо, коим уведомляет его, что объявлено было ему г. Мартыновым от имени вашего словесно, что он назначен для путешествия в Сибирь в достоинстве

⁵⁸⁵ Речь идет об И.В. Гудовиче.⁵⁸⁶ Так в документе.

адъюнкта университета с обещанием по возвращении его в Москву э. пр-рства и что с того время он более ни откуда никакого предписания не получал. Кажется из его письма, что ему желалось бы иметь письменное удостоверение о будущей его участи, в чем удовлетворить его остается в воле вашей. При том просит он, дабы ему в счет будущего содержания его выдано было в Петербурге **тысячу рублей**, по надобности для приуготовления себя к дальнему пути. Не соблаговолите ли приказать в сем требовании его удовлетворить, заимообразно на счет здешнего определения его и меня уведомить для возвращения сей суммы, куда ассигнуете. С моей стороны, нужным почитаю, напомнить вам, что я вас просил снабдить Таубера предписанием к сибирским начальствам, подобным тому каким министр внутренних дел снабдил цесарского путешественника Мора, дабы по крайней мере наравне с ним уважаем он был во всех случаях.

Я застал при университете общество медико-физическое в полном недействии, и не без труда его из глубокого сна возбудил. Впоследствии того, наконец, первый том его трудов вам с завтрашней тяжелой почтой представляю; в подобном почти усыплении, было и ботаническое наше заведение. В каком же положении теперь, я, что в нем ныне находится, вместе с сочинением медико-физическим вам представляю.

С истинным почтением и преданностью пребываю
в. с-ва,
покорнейший слуга
г[раф] Алексей Разумовский.

№ 10

№ 5

**Из письма П.В. Завадовского А.К. Разумовскому
[С.-Петербург]
27 ноября 1808**

[Л. 19. Заверенная копия]

На письмо в. с-ва имею честь ответить, что как уже Таубер теперь состоит в ведении МУ, то от вас зависит

будет дать ему письменное удостоверение относительно выгод, с какими предназначается он для путешествия в Сибирь. Что касается до производства его в адъюнкты и определения ему жалованья, я буду ожидать от вас формального о том представления о выдаче просимых им тысячи рублей, отнесся я к г. государственному казначею⁵⁸⁷. Взамен оных Московское казначейство удержит столько же при отпуске в университет сумм, на него положенных. Между тем не премину я доставить к вам отношения мои к местным начальствам, в рассуждении Таубера подобным тем, какие имеет г. Мор. [...]

№ 11
Из представления попечителя МУО
П.И. Голенищева-Кутузова
министру народного просвещения
графу А.К. Разумовскому
об увольнении Ф.Г. Баузе

Москва
19 декабря 1810

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 105. Л. 1—2. Подлинник]

За должное почитаю [...] донести, что г-н о. пр-р с. с. и кавалер Баузе по одержавшим его разным болезненным припадкам находится не в состоянии продолжать более его при университете служения; а как в. с-во, быв сами моим предместником, из семидневных рапортов достаточно усмотреть изволили, что в течение двух лет он, г. Баузе, не давал более двух лекций, то в подтверждение того ничего более не остается мне сказать, как что продолжающееся его болезненное состояние, не позволяя ему более прежнего иметь деятельности к преподаванию его лекций, никакой не подает надежды к его облегчению. По неоднократным моим уведомлениям, чтобы он, г. Баузе, подал о увольнении его от службы просьбу, видя, что он к сему не склоняется и дабы прер[ы]вание лекций

г. Баузе не могло отнестись к незаботливости моей и к слабому надзору над деятельностью, с каковою учение в университете продолжало быть долженствует, принужден я и без просьбы его, г. Баузе, сделать мое представление в. с-ву, как о болезненном его положении, так и о увольнении его от службы [...]

А дабы занимаемая им по уставу положенная кафедра о. пр-ра прав знатнейших как древних, так и нынешних народов, кафедра, в составе учения столь важная и необходимая, то к занятию оной имею честь представить в. с-ву э. пр-ра Льва Цветаева, коего коренные по сей части познания, путешествиями и опытностью приобретенные, разные им по сей части изданные сочинения, неутомимая его деятельность, редкие к преподаванию лекций способности и изящные его нравственные свойства удостоверяют, что он сию кафедру заняв принесет честь и пользу ИМУ [...].

№ 12
Из письма П.И. Голенищева-Кутузова
А.К. Разумовскому о награждении пр-ра МИУ
Ф.Ф. Керестури

Москва
10 ноября 1810

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 107. Л. 1—2. Подлинник]

ИМУ представил мне, что находящийся при оном с 1765 заслуженный пр-р к.с. и кавалер Франц Керестури в рассуждении долговременной его и с пользою университету отправляемой службы заслуживает награждение чином. Я же, с моей стороны, вниманию в. с-ва имею честь представить: 1-е, что он, Керестури, 45 лет с неутомимою деятельностью и примерным усердием отправлял многотрудное служение пр-ра анатомии; 2-е, что все вышедшие из университета медицинские чины им наставлены и образованы; 3-е, что многие его сочинения приносят медицине пользу; 4-е, что под его руководством по его плану под его председательством открыто было при университете

⁵⁸⁷ Речь идет о Ф.А. Голубцове.

Общество соревнования физико-медицинских наук; 5-е, что советами и опытными его наставлениями и поныне многие медики руководствуются; 6-е, что в настоящем чине он находится с 1797-го года, следовательно, 13 лет; 7-е, что все произведенные при университете пр-ры в чины с. с. суть младшие его. Каковыми причинами побуждаясь о производстве его, Керестури, испрашивать вашего начальнического предстательства [...]

№ 13—14

**Из представлений П.И. Голенищева-Кутузова
А.К. Разумовскому об избрании ректора и деканов
МИУ**

**[Москва]
11 мая 1811⁵⁸⁸**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 71]

**№ 13
№ 1**

[Л. 16—16 об. Подлинник]

ИМУ Совет представил мне, что [...] происходил баллотированием выбор в ректоры на следующее трехлетие, и как в первой раз равное число шаров, но более всех других, вышло на нынешнего ректора пр-ра Гейма и о. пр-ра. Страхова, то баллотирование было повторено, и как в другой раз также вышло на них равное число шаров, то баллотирование в третий раз повторено, и большинство шаров вышло в пользу нынешнего ректора, почему и следовало бы представить его на утверждение, но он, поблагодаря гг. пр-ров за доверенность к нему, просил уволить его по причине слабого здоровья от должности ректора. Вследствие чего честь имею представить в. с-ву о исходатайствовании Высочайшего утверждения в звание ректора, кому в. с-во из сих двух пр-ров заблагорассудите. Я ж,

⁵⁸⁸ *Помета:* [Получено] мая 18 д[ня] 1811 [года].

с моей стороны, быв свидетелем неутомимой деятельности и полезных трудов г. ректора Гейма должен отдать ему всю справедливость и торжественно изъявить, что с самого вступления моего в управление университетом я, к крайнему моему удовольствию, не мог желать и не желаю лучшего иметь сотрудника в общем нашем служении. А как уже г. Гейм к отличной своей чести в третий раз избирается единогласно в ректоры, то за должность почитаю представить его особенному вниманию в. с-ва, и просить о исходатайствовании ему ободрения, какового в. с-во удостоить его благоволите [...]

**№ 14
№ 2**

[Л. 17—18. Подлинник]

Совет [...] избрав чрез баллотировку в деканы отделений: 1-е, этико-политического о. пр-ра Брянцева; 2-е в деканы отделения физико-математических наук о. пр-ра Панкевича, 3-е в деканы отделения врачебных наук о. пр-ра Гильдебранта⁵⁸⁹, 4-е, в деканы отделения словесных наук о. пр-ра Буле, — делает мне о том избрании свое донесение для представления оных деканов на утверждение в. с-ву; я, с моей стороны, не желая моею властью сего представления отвергнуть, осмеливаюсь токмо присовокупить мои на оное замечания. Близ уже года, отправляя звание мое со всевозможным вниманием и входя во все подробности течения дел университетских, мог я достаточно заметить, что иностранцам быть деканами весьма неудобно, как по незнанию языка, так и по недостаточному понятию о наших законах, от чего в Правлении происходили частые недоразумения, оканчивавшиеся иногда прениями, кои я должен был миролюбиво прекращать; а потому выбор в деканы гг. Буле и Гильдебранта находя неудобным, осмеливаюсь вместо их представить в деканы: 1-е, отделения словесных наук

⁵⁸⁹ Имеется в виду Ф.А. Гильдебрандт.

о. пр-ра Черепанова, 2-е, отделения врачебных наук о. пр-ра Мудрова. Касательно ж о. пр-ра Брянцева за нужное почитаю объяснить, что он, при все его усердии и неутомимом рвении, по старости лет его, по упадающим силам и по ослабевающему зрению, едва может с похвальнейшим успехом преподавать порученную ему лекцию, на которую еще силы его достаточны, но звания декана требующего особливой деятельности он отправлять не может. По каковым причинам в деканы отделения этико-политических наук имею честь представить, оного отделения о. пр-ра Цветаева, коего бодрость, отличные способности и усердие подают несомненную надежду, что он сие звание с пользою университета носить может.

№ 15—16
Документы о выдаче пособия
казеннокоштным студентам МИУ

Москва
16—19 октября 1814

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 212]

№ 15
№ 1

Рапорт Правления МИУ П.И. Голенищеву-Кутузову
о положении студентов
16 октября 1814

[Л. 2—3. Подлинник]

По рапорту н. с. Грешнищева от 7-го октября, коим доносит, что вычитаемых из жалованья у казенных студентов для общего стола 8 р. в месяц весьма недостаточно и что необходимо нужно положить по двенадцати рублей с человека в месяц, в Правлении университета определено: поелику Высочайше утвержденного ИМУ

устава 121-м §-м⁵⁹⁰ постановлено казенным студентам стол иметь общий, в исполнение чего ныне стол у студентов и учрежден, но как предполагавшийся для стола у каждого казенного студента вычет из жалованья по восьми рублей на месяц по возвысившейся на все жизненные припас[ы] цене денег сих недостаточно; увеличить же вычет из жалованья студентского для стола никак нельзя, потому что за вычетом и восьми рублей остается студенту только восемь рублей с копейками на все другие самые нужнейшие потребности, как то на платье, белье и обувь, чего по имевшейся во всем дороговизне весьма недостаточно, что то Правление, приемля в уважение самое бедное их состояние и по терпению ими обще с прочими жителями Москвы разорению, и по малому их жалованью, к которому не имеют они никаких более пособий и быв заняты учением иметь их не могут, полагает облегчить их содержание стола хоть тем, чтобы повар и слуга для стола их, которым теперь платится из той же их столовой суммы нанимаемы были для них из университетской хозяйственной суммы так как сие делается для университетской больницы и прочих институтов. Для исходатайствования казенным студентам необходимо нужного им по засвидетельствованию инспектора их единовременного вспоможения обзаведения их приличными постелями, столом, стульями и прочим, представить в. пр-ву, что Правление полагает сделать сие из суммы, какая от настоящего года к будущему году остается.

Ректор Иван Гейм

⁵⁹⁰ Данный параграф устава МИУ гласит: «Из числа кандидатов или магистров, Совет избирает инспектору двух помощников, живущих вместе со студентами и стол с ними общий имеющих. Они, имея смотрение за поведением студентов, за употреблением времени вне классов и за всем, что относится к порядку и устройству в комнатах, подают инспектору ежемесячные ведомости о поведении вверенных каждому воспитанников; о дерзостях же и соблазнительных поступках немедленно доносят инспектору, который, удостоверясь на месте, принимает надлежащие меры, или относится к ректору, а самое деяние или поступок вносит в особую книгу, и при годовом испытании представляя оную Совету, свидетельствует о поведении каждого».

№ 16

№ 2

**Из представления П.И. Голенищева-Кутузова
А.К. Разумовскому о мнении Правления МИУ
о положении студентов**

19 октября 1814

[Л. 1—1 об. Подлинник]

ИМУ Правление, входя в положение казенных студентов и приемля в уважение самобеднейшее их состояние по претерпенному ими с прочими жителями Москвы разорению и по малому их жалованью, к которому они, будучи всегда заняты учением, не имеют никаких пособий, представляет мне, чтобы в облегчение содержанием их столом нанимаемы были для них из университетской хозяйственной суммы повар и слуга и чтобы исходатайствовано было им необходимо нужное единовременное вспоможение хотя по сту рублей каждому студенту казенному и демидовскому⁵⁹¹ для обзаведения их всем приличным. Издержку сию Правление предполагает употребить из суммы, какая от настоящего года к будущему по разным заведениям остается от штатного положения [...] Я сам, быв свидетелем всех недостатков и претерпеваемых казенными студентами в содержании себя нужд, почитаю за необходимое сделать им назначаемое вспомоществование, которое составит сумму не более четырех тысяч рублей; издержка для университета не может быть ощутительною и не сделает в доходах его расстройства [...]

№ 17—18

**Письма пр-ра И.И. Давыдова о предполагаемой
им поездке за границу для осмотра университетов
[Москва]**

16 июня 1825 — 25 января 1826

[РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 51]

№ 17

№ 1

**Прошение И.И. Давыдова
министру народного просвещения А.С. Шишкову
16 июня 1825**

[Л. 1—2. Подлинник. Автограф]

Оставшись на ученом поприще единственно по любви к наукам, приготавливал я себя в особенности к философии, почему и занимался предпочтительно предметами, для сей части по нынешнему состоянию просвещения существенно необходимыми, математикою и словесностью древнюю и новую. Всем сим предметам я обучал и продолжаю обучать им, кроме философии, публично; по ним же изданы мною разные учебные книги. В 1822-м году избран я Советом университета на кафедру философии, и е. с-во попечитель, князь Андрей Петрович Оболенский, согласно с сим, представил меня на утверждение высшему начальству. В прошлом 1824-м году университетский Совет снова просил позволить мне чтение, по крайней мере, логики и истории философии, которые, по уставу университета и правилам для производства в ученые степени постановленным, предписаны и которые в других университетах ныне преподаются; на сие также е. с-во испрашивал соизволения у высшего начальства; но до сего времени решения еще не последовало.

Если я, занимаясь в университете порученным мне классом латинской словесности, а в пансионе классом высшей математики, кроме должности инспектора; если я и в сем кругу действия для службы общественной был сколько-либо полезен, чего засвидетельствование я несколько раз имел счастье получить от моего начальства, то внутренне убеждаюсь, что я большую пользу мог бы принести по части ученой, занимаясь тем предметом, которому я посвящал себя и который решил выбор моего звания предпочтительно пред всеми другими звани-

⁵⁹¹ Демидовскими назывались студенты, обучающиеся за счет процентов пожертвованного известным меценатом П.Г. Демидовым МИУ капитала.

ями военной и гражданской службы, может быть гораздо блистательнейшими и, по обычаю нашему, русскому дворянину более приличными. По сему доселе увлекаемый любовью к науке и не теряя надежды на получение кафедры, подвергаю себя новому усовершенствованию в выше показанных предметах, дабы сделаться более достойным места моего служения и чтоб все умственные приобретения, как плод новых трудов моих, ему же принести в жертву. В сем предположении дерзаю всепокорнейше просить в. высокопр-во об увольнении меня от настоящих должностей сроком на полтора года, с сохранением получаемого мною по оным оклада, дабы в продолжение сего времени мог я обозреть славнейшие университеты в Англии, Франции, Италии и Германии, и воспользоваться от чужеземных ученых теми сокровищами знаний, которые найду и новыми для себя, и полезными. Сверх сего почел бы я за нужное обозреть и воспитательные заведения иностранные, что, по званию моему инспектора университетского Благородного пансиона, было бы для меня наставительно. Намерение мое не имеет никаких других видов, кроме одной чистой любви к просвещению. Для совершения сего путешествия испрашивая позволения с соблюдением службы, я жертвую собственным моим достоянием, единственно из желания совершенствования, а вместе с сим и пользы общественной.

Милостивое исполнение всепокорнейшей моей просьбы вменю я за особенное для себя в. высокопр-ва благодеяние, равно и награждением за пятнадцатилетнюю службу университету. Вы меня сим осчастливите; а человек счастливый есть и лучший и надежнейший слуга своему Государю и Отечеству.

Иван Давыдов.

Июня 16 дня 1825-го года

Резолюция: Г. м[и]н[истр] приказал: копию с сего прошения послать на рассмотрение г. попечителю Московского округа. 25 июня 1825.

№ 18
№ 2
Письмо И.И. Давыдова⁵⁹²

25 января 1826

[л. 7–8. Подлинник. Автограф]

В. пр-во,
М. г.!

В начале прошлого года утруждал я е. высокопр-во г. министра всепокорнейшею моею просьбою об увольнении меня в чужие края сроком на полтора года, с удержанием получаемого мною жалованья, для усовершенствования себя по части философии и чистой математики, быв избран на кафедру первой Советом МУ и чрез прежнего попечителя⁵⁹³ представляем на утверждение высшего начальства. Ныне е. пр-во г. попечитель МУ⁵⁹⁴, как небезызвестно в. пр-ву, снова ходатайствует пред г. министром об утверждении меня на кафедру философии. Таковое представительство и сверх сего одобрение е. высокопр-ва самым лестным для меня отзывом об ученых трудах моих, чего засвидетельствование я имел счастье получить чрез Совет университета от г. попечителя в прошлом декабре месяце вместе с копиею отношения министерского, обнадеживают меня, что утверждение на упомянутую кафедру впоследствии может. Обращаюсь к Вашему начальническому посредничеству, имею честь покорнейше просить в. пр-во довести до сведения г. министра, что, в случае утверждения меня на кафедру философии, я желаю немедленно начать преподавание оной и без всякого отлагательства времени на чужие края продолжать мое служение Государю Императору, приостановя действия, начатые е. высокопр-вом касательно отпуска моего в чужие края, равно засвидетельствовать пред е. высокопр-вом, что знаменитое внимание к трудам моим, чему новым доказательством служит милостивое ходатайство о моем

⁵⁹² Адресат не установлен. *Помета:* получено 26 генв[аря] [1]826 [года].

⁵⁹³ Речь идет о кн. А.П. Оболенском.

⁵⁹⁴ Речь идет о А.А. Писареве.

отпуске, приемлю я с благоговейною признательностью.

С совершенным высокопочитанием моим и таковою же преданностью имею часть быть

в. пр-ва,

м. г.,

покорнейшим слугою

Иван Давыдов.

1826 Января 25.

№ 19

**Из донесения попечителя МУО А.А. Писарева
А.С. Шишкову «о состоянии МУ, Медицинского
института, типографии и клинической больницы»
[Москва]
25 января 1826**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 72. Л. 2—4. Подлинник]

[...] Личный всему мой осмотр и прилежное вникание во все части университета управления, замедлило мое донесение о том в. высокопр-ву. Ныне, опытностью себя снабдивши [...] надежнее осмеливаюсь при сем моем донесении изложить свое мнение обо всем найденном и виденном в университете. Оно состоит в нижеследующем:

I. По части воспитания или нравственности.

Надзор за казенными студентами найден мною несколько послабленным по недовольному рачению о том бывшего инспектора; ныне по назначению мною другого инспектора из пр-ров же, присмотр за казенными студентами будет доведен до лучшей и строгой точности, обязанности которого изложатся от меня в особой ему инструкции и подтвердятся Советом университетским. Равномерно и за своекоштными студентами улучшится присмотр.

Надзор за студентами Медицинского института найден мною исправнее, по рачению директора того института, медика Мудрова.

Вообще жительство казенных студентов, то есть их спальные комнаты, в которых они все время свое вне

классов пребывают, устроено весьма дурно, тесно и неудобно, ибо в самом Университете оные комнаты находятся в третьем низком этаже с темными переходами и лестницами, что необходимо надобно перестроить по времени и возможности.

Крайним неудобством я нахожу, и едва ли не правильнее назвать самым **злом** для нравственности, есть то, что студентам раздают по рукам жалованье, на которое они должны себя одеть /кроме мундира, за который у них из жалованья вычитают/⁵⁹⁵, обувь и обмыть. Жалованье недостаточное, а средств к исправлению всего требуемого и того менее, и потому нередко бывает, что часть жалованья не на должное ими употребляется и только очевидно нуждающиеся подвергаются взыску.

О сем важном предмете тогда же я предложил университетскому Совету на собрание и не премину по получении от оного представить на благораспоряжение в. высокопр-ва.

Также полагаю весьма недостаточным инспектору иметь двух только помощников, особенно директору Медицинского института, в котором до полутора ста студентов; и те же самые помощники преподают уроки и надсматривают за клиническою больницею. В прежнее время к сей должности надзирательной определялись отставные офицеры или другие чиновники, а отнюдь не пр-ры или доктора, занятые своими уроками и другими должностями. Надзирателей же в классах совсем не имеется, когда большая часть времени жизни студенческой в оных проводится. О классных надзирателях имел я честь представить особым моим донесением прошлого 1825 года декабря 7-го числа за № 919.

Не благоугодно ли будет в. высокопр-ву указать казенных студентов отличить от своекоштных форменными погончиками на их мундирах? Во-первых, для различия в классах, во-вторых, в предосторожность им самим от каких либо шалостей.

⁵⁹⁵ Так в документе.

II. По части учебной.

Прослушав сам во всех факультетах лекции всех гг. учащихся, которых числом до 45 пр-ров, заметил, что они все вообще преподают свои лекции с большею ясностью и основательностью.

Многие из сих гг. пр-ров напечатали свои лекции, другим предписал тоже исполнить для облегчения учащихся.

Заметил я, что вообще принимали в студенты мало обучившихся; и произвольно введенный **приготовительный** класс, вместо того, чтобы только быть ему **дополнительным**, обратился, как бы сказать, в первоначальную школу, что самое замедляет студентов в слушании других лекций. Все сие мною будет после нынешних экзаменов, а равномерно и о курсе наук, подробно изложено в. высокопр-ву.

Факультет медицинский нашел я отличное от прочих и преподавание наук отпр-вляется в оном успешнее [...]

№ 20

Из донесения А.А. Писарева А.С. Шишкову «о поручении своекоштных студентов полицейскому надзору»

[Москва]

20 августа 1827

[РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 122. Л. 1–2. Подлинник]

[...] В многократных происшествиях по здешней городской полиции нередко случается, что прикосновенными бывают к сим происшествиям и своекоштные университета студенты, которые, жительствова вне самого университета и обыкновенно в отдаленных концах города, по дешевизне квартир, выходят из всякого возможного надзора университетского, но не менее того шалостями своими, хотя совершенно вне университета чинимыми, наносят большое нареkanie университету, то по таким важным причинам, осмеливаюсь представить в. вы-

сокопр-ву на благоусмотрение, что невозможно ли сих своекоштных студентов университета поручить в полное уже заведывание самой городской полиции как городских обывателей, известных университету по одному только хождению их на лекции, на которые по силе 2 § университетского устава⁵⁹⁶ не возбраняется ходить и невнесенным в список студентам, а для молодых людей службою обязанных, на основании Высочайшего указа 6-го августа 1809 года⁵⁹⁷ открываются особые курсы наук. Сим наложением присмотра самой полиции над своекоштными студентами снимается отяготительнейшая и едва возможная в исполнении своем ответственность университета, который ни средств, ни чиновников, кроме обучающихся, на то не имеет, и к тому же в случае каких-либо справок о своекоштных студентах университет и ныне обязан всегда сноситься с полицией, ибо те студенты жительство имеют у родственников или городских обывателей; с прибытия же своекоштных студентов в университетские классы они тут бы заведывались уже чиновниками университета наравне с казенными.

Я осмелюсь присовокупить к сему, что казенные студенты, живущие в самом университете нигде и ни в каких еще происшествиях по полиции во время моего начальства не были замечены, но вся таковая стройность университета изменяется нареканиями единственно от своекоштных студентов, которых университет, заметив непростительные шалости или по полиции какие-либо предосуждения, выключает только из числа студентов. [...]

⁵⁹⁶ Судя по всему, имеется в виду не сам устав 1804 г., а «Утвердительная грамота МИУ» от 5 ноября 1804 г. Второй параграф гласит: «В нем преподаваемы будут науки во всем пространстве как общие, каждому человеку нужные, так и особенные, служащие к образованию гражданина для разных родов Государственной службы».

⁵⁹⁷ Речь идет об указе «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассессоры и статские советники», автором которого был М.М. Сперанский.

№ 21
Из отчета А.А. Писарева А.С. Шишкову
о новом устройении МУ

Москва
2 декабря 1827

[РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 121. Л. 1–8 об. Подлинник]

Честь имею доложить в. высокопр-ву полный отчет новому обзаведению студентов МУ и воспитанников, состоящего при нем Благородного пансиона по примеру Санкт-Петербургских военных училищ и приноровленных к тому перестроек, как в зданиях, так равно в вещах и одежде.

Записка

Вследствие Высочайшей воли Государя Императора, изъявленной Его величеством изустно при посещении МУ в прошлом 1826 году сентября 27 дня, откомандированы были в Санкт-Петербург из университета двое чиновников: пр-р Павлов, от университетского Пансиона и адъютант Тиханович, от самого Университета, для осмотра тамошних учебных заведений. По возвращении своем из Санкт-Петербурга вышеупомянутые чиновники представили университетскому Правлению письменное донесение о разных предметах, замеченных ими в Инженерном и Артиллерийском училищах, в Школе гвардейских подпрапорщиков, в Санкт-Петербургском университете и его Пансионе и в Царскосельском лицее; многим вещам привезены ими самые модели и рисунки [...]

Тогда же было приступлено к устройению в университете тех вещей, которые найдены сообразными с местными обстоятельствами.

И ныне по сему случаю Правление университета представляет [...]:

1. Для приличнейшего единообразия и удобства в надзоре вне классов за всеми казенными и медицинскими студентами, перемещены они в один корпус верхнего этажа главного университетского строения, занимая до сего

времени как разные жилья, так равно и разные столовые и кухни.

Ныне же все студентские спальные комнаты распространены и удобнейшим образом направлены и приспособлены для помещения всего комплекта 340 студентов; к сему же устроены две круглые залы для помещения учебной библиотеки, заведенной особенно для студентов, где они могут упражняться в свободное от классов время; тут же отведены комнаты и для помощников инспектора. Сверх того тут же устроены две большие залы для поклажи студенческого платья в шкафах приличного вида, среди которых зал поставлены огромные медные рукомойки красивой формы, чему и рисунок при сем прилагается, под № 1.

2. Коридоры, соединяющие комнаты, устроены теплыми, расширены и освещены, для очищения же воздуха проведены трубы под крышу, а для ночного времени повешены особенного изделия фонари. Отходы переделаны вновь и устроены таким образом, что и чистота в них сохраняется, и дурной запах нечувствителен, для чего сделаны в них каминные вентиляторы.

3. Что касается до внутренности комнат, то в каждой из них находятся: святые иконы, зеркала, термометры⁵⁹⁸, сверх того находятся в рамках описки живущих в комнатах, расписание часов для лекций, рисунки форменного платья, правила для студентов.

Кровати сделаны все железные и одинаковой формы и каждая имеет свой номер, тюфяк и подушки кожаные, одеяла байковые и чехлы из пестряди⁵⁹⁹ у всех одинакие и устроены по образцу, привезенному из Санкт-Петербурга. Такой кровати прилагается изображение под № 2.

Для упражнений Студентов в спальнях комнатах подешаны столики в виде шкапчиков с расстворчатыми дверцами и выкрашены лафетною зеленою краскою, табу-

⁵⁹⁸ Речь идет о спиртовом термометре Реомюра, который служил для измерения температуры в помещениях.

⁵⁹⁹ Пестрядь — ткань из остатков пряжи различного рода (шерсть, лен, хлопок) и цвета, нередко в полоску.

ты также выкрашены зеленою краскою; все сообразно привезенным из Санкт-Петербурга образцам. Им прилагается рисунок № 3.

4. В первом этаже столовая для помещения всех студентов, как Медицинского института, так и собственно казенных, переделана надлежащим и красивым образом вновь, и обе прежде бывшие залы соединены в одну. Из столовой устроен ход в кухню, по каменной лестнице. Кухня для студентов перестроена совершенно вновь таким образом, что в ней соблюдается вся возможная чистота и опрятность.

В большом очаге по середине кухни сделано пять больших медных котлов, по сторонам же оно два малых; для гретья воды чугунный котел и плита для подогрения кушанья, а в отвращение запаха во время приготовления кушанья он отгорожен стеклянною перегородкою, дым же и пар проведены, по новому устройству, с надлежащим числом труб и душников, в подполе и по своду потолка. Столовой и кухни прилагается план под [литерой] Б.

В столовой сделаны дубовые столы с такими же скамейками, и различная посуда переделана сообразно с образцами, доставленными из Санкт-Петербурга.

5. Еще в прошлом 1826 году предположено, вместо производства жалованья казенным студентам и Медицинского института, довольствоваться их платьем и другими потребностями натурою, а посему, кроме кроватей и постельного белья, и самую одежду и обувь студенты начали получать натурою и для мытья белья их выстроена особая прачечная с сушильною.

Для обыкновенного их хождения в классы и для выхода по надобностям со двора пошиты им форменные синие сюртуки и серые шинели с приличными фуражками, а для праздничных дней и других случающихся в университете публичных собраний полные мундиры, по Высочайше утвержденному образцу, с треугольными шляпами и шпагами, как значится на рисунке № 4.

Книги, бумага, перья, чернила и другие необходимые мелочи выдаются также по распоряжению Правления.

До сего времени, как на платье, так и на учебное пособие, выдавались студентам деньги, на которые они сами себя одевали и снабжали, что влекло за собою большие неудобства.

6. По множеству учащихся, преимущественно в отделении политико-нравственном, вместо бывшей аудитории для сего отделения устроена вновь большая аудитория, а прежняя обращена в залу Совета.

7. Что же касается до самого учения, то для распространения курсов наук возвратившемуся из чужих краев доктору Иовскому, произведенному в адъюнкты, поручено обучение аналитической химии в отделении медицинском; адъюнкту Гейману приспособлять к деланию химических анализов; адъюнкту Галлеру делание фортификационных чертежей; адъюнкту Лебедеву⁶⁰⁰ преподавание Истории Медицины; адъюнкту Лебедеву 2-у⁶⁰¹ упражнять в составлении моделей машин и объяснение оных; адъюнкту Тихановичу упражнять студентов в приготовлении лекарств в университетской аптеке. Сверх двух иностранных живых языков прибавлено преподавание и языка итальянского, с определением для сего лектора Рубини и второго лектора французской словесности Эннекена.

Поелику студентам очень неудобно было часто посещать Ботанический университетский сад, по причине его отдаленности от университета, то пр-ру Ловецкому поручено завести для медицинских студентов сад на университетском дворе, что и приведено в исполнение.

Сочиненные учащими конспекты лекций и рассмотренные Главным училищ правлением, напечатаны из трех отделений: нравственно-политического, физико-математического и словесного, которых экземпляры при сем прилагаются.

8. Всем публичным заведениям при ИМУ, как то: библиотеке, музеуму естественной истории, кабинетам: физическому, нумизматическому, технологическому, анато-

⁶⁰⁰ Имеется в виду Н.Д. Лебедев.

⁶⁰¹ Имеется в виду В.Я. Лебедев.

мическому; аптеке, ботаническому саду, напечатаны, во всеобщее сведение, полные каталоги; и открыты для публики сии заведения своевременно, под присмотром заведывающих оными гг. пр-ров.

9. Университетский Благородный пансион [...]

№ 22—23

**Переписка попечителя МУО кн. С.М. Голицына
с министром народного просвещения
кн. К.А. Ливеном об обязанностях деканов
факультетов**

7 августа — 30 сентября 1831

[РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 4]

№ 22

№ 1

**Письмо С.М. Голицына К.А. Ливену
«относительно надзора по учебной части
в университете»**

[Москва]

7 августа 1831

[Л. 1—3 об. Подлинник]

Совет ИМУ, получив предложение мое касательно происшествия, случившегося с э. пр-ром Маловым, в коем было объяснено мнение в.св. по сему предмету и между прочим изъявлено желание, чтобы недостойные члены университета были удалены и тем избавили бы оный от нареканий, доносит, что члены оного имели рассуждение об изыскании средств, клонящихся к возвышению университета, а равно и к предупреждению беспорядков, могущих быть на лекциях и для получения точнейших сведений об исполнении обязанностей каждым преподавателем, и нашли, что достигнуть до сего можно следующими дополнительными правилами о должности деканов: «Ректор есть глава университета» и обязанности его

означены в § 15 университетского устава⁶⁰². Но как университет состоит из четырех отделений, и каждое отделение имеет своего старейшину или декана, то из сего следует, что и деканы могут считаться главами своих отделений и быть помощниками ректора в управлении хозяйственной и учебною частью университета. Таким образом, ректор и деканы должны быть представители целого университета и главные действующие лица. По уставу, деканы вспомоществуют ректору в управлении хозяйственной частью, составляя вместе с ним Правление университета. В управлении учебною частью вне университета, то есть в местах подведомственных университету, помогает ректору Училищный комитет. Но учебная часть самого университета остается без непосредственного надзора; она состоит единственно на ответственности ректора, что впрочем ясно не означено в уставе, но некоторым образом должно быть выведено из § 15 устава. Между тем, польза и честь университета требует, чтобы на учебную часть обращено было ближайшее внимание, и как ректор, по многочисленности своих должностей и обязанностей не может иметь достаточного времени на то, чтобы иметь неослабный надзор за успешным ходом учебной части университета, то деканы должны разделять с ним сии труды, хотя в уставе сей обязанности на деканов и не возлагается.

Обязанности деканов в сем случае должны состоять в следующем:

1. Они должны наблюдать за точным преподаванием курсов, и по тому должны посещать, по временам, лекции преподавателей в факультете.

2. Заботиться, чтобы студенты имели учебные книги, в каждом классе преимущественно изданные самими

⁶⁰² Данный параграф устава МИУ гласит: «Ректор, как глава университета и блюститель благоустройства, имеет право председательствовать во всех собраниях и комитетах и отвечает за благочиние во всех частях, за внутренний порядок университета, за сохранение и исполнение уставов и предписаний министра и попечителя, равным образом за исправление должностей всеми и каждым из находящихся при университете и подлежащих его управлению».

пр-рами, или, по крайней мере, избираемые ими из чужих.

3. Наблюдать за успехами студентов в продолжении курса, и потому назначить в классах частные экзамены в учебное время года, по предварительному сношению с преподавателями.

4. Иметь сведение от преподавателей о поведении студентов на лекциях.

5. По приглашению ректора участвовать в комитете для приема студентов в университет.

6. Записывать студентов на лекции и выдавать им таблицы, и

7. Декан отделения, заметив, что кто-либо из преподавателей на лекциях своих отстывает от конспекта, одобренного высшим начальством и от избранного им и утвержденного Советом руководства, обязан довести о сем до сведения Совета.

Правила сии членами Совета были одобрены, за исключением заслуженного пр-ра Цветаева и о. пр-ров: Бунге, Василевского, Павлова и Альфонского. Сии три последние дали особые мнения, что они с определением Совета, о поручении деканам надзора по учебной части в университете, не могут согласиться по следующим причинам:

1. По уставу, учебная в университете часть поверяется Совету, посему следовало бы придумать способы к точному исполнению устава в сем отношении, но деканам факультетов Совет передать своих обязанностей не в праве.

2. Возлагаемая на деканов обязанность неисполнима, ибо не каждый декан есть доктор наук, составляющий факультет, по сему его надзор за преподаванием может быть только полицейский, а не ученый.

3. Надзор деканов за своими товарищами, не имея существенной пользы и не удовлетворяя нимало своему назначению, может только быть поводом к неприятностям с обеих сторон.

Доводя до сведения в.с. о различных мнениях гг. пр-ров относительно надзора за учебною частью в самом университете, я покорнейше прошу обратить на оные внимание как Ваше, так и Комитета устройства учебных заведений,

вместе с сим за обязанность поставляю присовокупить, что сии различные мнения, не достигая настоящей цели, убеждают меня в необходимости иметь главою университета человека постороннего и который, неослабно наблюдая и за учебною частью в университете, один будет в состоянии отворотить все личные неудовольствия гг. преподавателей.

№ 23

№ 2

Из письма К.А. Ливена С.М. Голицыну

[С.-Петербург]
30 сентября 1831

[Л. 10—13. Заверенная копия]

[...] Прочитав сии мнения, я не мог без удивления видеть, что Совет университета, сословие ученых чиновников предлагает к рассуждению вопрос: должен ли декан иметь наблюдение по своему факультету за учебною частью, или нет? тогда, как по общему понятию, прямая и существенная обязанность деканов во всех университетах именно в том и состоит, чтобы наблюдать за учебною частью [...]

Но касательно поставляемой деканам обязанности наблюдать, чтобы студенты имели учебные книги **преимущественно** изданные самими пр-рами, в сем никакой нет надобности, ибо по каждой науке могут быть сочинения лучшие, и коих достоинство уже признано ученым Советом.

Противное общему собранию Совета мнение пятерых членов оного, я нахожу еще страннее, по следующим причинам:

а) [...] ⁶⁰³ Здесь надобно заметить, что все предписываемое § должно составлять предварительно обязанности

⁶⁰³ Опушен пересказ § 4 устава, в котором говорится: «Профессоры всех отделений и адъюнкты под председательством ректора составляют Совет, или общее собрание университета. Оно располагает учебною частью университета и его округа».

факультета, который положения свои чрез декана вносит в Совет университета, для общего соглашения и постановления и так на Совет возложено единственно расположение учебною частью, но не надзор за точным исполнением сего расположения; чего, впрочем, и быть никак не может; ибо нигде общее собрание, по существу своему не может иметь никакого и ни за чем надзора, а вверяется этот надзор одному или нескольким, и вот почему таковой надзор вверяется по всему университету вообще ректору, в частности по каждому факультету лежит на обязанности деканов.

б) [...] Если общее собрание университета удостоивает кого звания о. пр-ра, то оно сим показывает, что избранный не токмо имеет все те познания, кои требуются от доктора, но и превосходнейшие. О. пр-р должен иметь полные сведения по всем частям своего факультета, он prepares студентов к получению докторской степени и удостоивает их оной [...] Надзор декана за своими товарищами [...] Если бы сие замечание было справедливо, то оно могло бы точно так же относиться и к ректору, но должно полагать, что гг. ученые весьма хорошо знают обязанности повиновения начальникам, хотя ими самими из своей среды избираемым.

Надзор декана за пр-рами должен состоять [...] в том, чтоб они в преподавании наук не устранились от предписанного порядка, и являлись всегда в положенное время на кафедры и, не отбывая от оных без важных законных причин, занимались чтением лекций полные положенные часы, проходили бы вполне к положенному времени весь курс каждой науки, а также чтобы лекции читаны были в духе, согласном с видами правительства; сие не может произвести никакой между ими личной неприятности, если только все лица, занимающиеся преподаванием, будут исполнять в точности свои обязанности, имеют требующуюся от пр-ра глубокую ученость, способности, дар преподавания, также личные достоинства и прилежание к отправлению своих должностей; как же с другой стороны беспорядки происходящие от личных недостат-

ков преподавателей, не могут быть отвращены никаким надзором, то оные должны относиться к предосуждению сословия, избирающего подобных людей, и могут быть устранены только замещением их мест способнейшими и достойнейшими; от чего единственно зависит успех в учении и самая слава университета.

Из всего вышесказанного следует, что деканы по сему самому званию имеют неперменную обязанность наблюдать за ходом учебной части, и не токмо могут, но и должны иметь надзор за преподаванием наук каждый в своем факультете, т.е. за точным исполнением всего того, что утверждено Советом относительно расположения учебной части, о всем замеченном при том обязаны доводить до сведения ректора [...]

№ 24—27
Документы об организации общежития
для студентов в МИУ

12—22 ноября 1831

[РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 5]

№ 24
№ 1
Из донесения ректора МИУ пр-ра И.А. Двигубского
С.М. Голицыну

Москва
12 ноября 1831

[Л. 1—1 об. Заверенная копия]

По приказанию в. св. было объявлено своекоштным студентам и слушателям МУ о предполагаемом помещении в особый дом живущих не у родственников с положением за содержание их платою, равно и об отобрании поручительств от родственников о поведении живущих у них студентов. Вследствие чего по 13-е число сего ноября: 1, представили надлежащие письменные ручательства

за поведение от своих родителей, опекунов, попечителей, воспитателей, пр-ров и адъюнктов университета надзору коих вверены самими родителями, у каковых лиц они живут, 202 человека; 2, подали объяснения, что по бедности своего состояния не могут вносить положенной платы, а снискивают себе содержание обучением по частным домам детей, или живут у своих благодетелей 51 человек; 3, девять человек поступивших в университет из Армянского института гг. Лазаревых⁶⁰⁴, попечитель оного просит официально оставить на жительстве в оном доме и обязывается наблюдать за их нравственностью и поведением; 4, Проживающие у разных людей по воле своих родителей или лиц от коих зависят и получают содержание 145 объявили, что они без предварительного сношения с оными лицами, которые живут не в Москве, сами по себе, ни какого отзыва дать не могут; и двое из них явили желание поступить в упомянутое учреждаемое заведение со взносом назначенной суммы, прочие же всего 237 человек, еще никаких объяснений не представили, по получении коих будут иметь честь донести в. св.

№ 25
№ 2

«Проект общежития для студентов МУ»

[Л. 2–3. Отпуск]

1. Собрать всех студентов и слушателей МУ, живущих не у родственников своих, а на вольных квартирах и объявить им, что для них нанят будет дом, в коем они под началом особого директора и надзором нескольких адъюнктов, магистров или кандидатов состоять будут. Нежелающие поступить в сей дом не могут продолжать в университете образования своего.

⁶⁰⁴ Речь идет о Лазаревском институте восточных языков в Москве, основанном в 1815 г. на средства фамилии Лазаревых (первоначально как частное Армянское Лазаревых училище).

2. Стол, отопление, освещение, постели с нужным бельем будут им от дома.

3. Но как все сие стоит великих издержек, коих казна нести не может и не должна и как сим делается студентам великое благодеяние обеспечивая их во все время нахождения в университете в содержании себя, то каждый из них обязан при вступлении в дом внести 50 р. на первое обзаведение и по крайней мере сто рублей за первую треть года, а потом в начале каждой трети также по сто рублей.

4. Главные правила, коими каждый поступающий в сей дом руководствоваться обязан, есть полное, непрекословное повиновение и послушание директору и помощникам его, кои на сей конец определены будут.

5. Тщательное соблюдение требуемой чистоты и опрятности, как в одеянии, так и вообще в житье.

6. Учтливое, скромное и дружеское обращение со всеми товарищами. Кроткое и тихое обхождение со служителями.

7. Точное и строгое наблюдение предписанного в доме порядка, когда ложиться спать, вставать, завтракать, обедать, ужинать и проч.

8. Никогда никому без дозволения из дому не отлучаться, возвращаться же в дом не позже назначенного часа.

9. Исключая студентов медицинских, для коих читаются в университете лекции и после обеда, позволяется прочим отлучаться после обеда, с ведома директора, с тем, чтобы каждый в установленный час непременно опять в дом возвратился.

10. Кто противу сих и прочих существующих в доме правил погрешит, будет в первый и другой раз наказан по усмотрению, в третий же исключится, как из дома, так и из университета. С родителей же и родственников у коих живут университетские студенты взять подписи, что они ручаются за их поведение, без чего и сих более в университет допускать не должно, о чем и объявить родственникам немедленно.

№ 26
№ 3

**Из письма К.А. Ливена С.М. Голицыну
Петербург
22 ноября 1831**

[Л. 9—9 об. Заверенная копия]

Для положения предела беспорядочному поведению студентов МУ, подвергающихся беспрестанным со стороны полиции жалобам, известна в. с-ву Высочайшая Государя Императора воля, чтобы для своекоштных студентов, кои не имеют здесь родственников или благодетелей, ответствующих за их поведение, нанят был дом, в коем они состоя под надзором особого начальника, будут получать, выключая одежды, все нужное для житья их за самую умеренную плату. Нежелающие поступать в оный должны быть исключены из университета. Вследствие сего отобраны были от студентов отзывы, и оказалось, что 67-и человек не имеющих здесь родственников и проживающих на вольных квартирах, не могут платить столько, сколько требуется для вступления в упомянутый дом. Посему тех из них, кои вступили в университет в сем и в 1830 году, и следовательно находящиеся еще при начальном курсе учения, ибо в прошедшем году во время существования здесь холеры, лекции читаны не были, уволить из университета, а прочих, ранее вступивших в университет и близких к окончанию курса, можно оставить в университете, но иметь под особенным надзором. Впредь же взять за правило, чтоб желающих поступить в студенты, у коих нет здесь родственников или известных лиц, ручающихся за их поведение, не иначе принимать в университет, как с условием, чтоб они вступали в выше упомянутый дом внося установленную плату.

Я покорнейше прошу в. с-во не оставить учинить для исполнения сего зависящего от Вас распоряжения [...]

№ 27
№ 4

**«Записка об учащихся в ИМУ»
1831**

[Л. 14. Отпуск]

Студентов:

- 1, Из штаб- и обер-офицерских детей: казенных 49-ть, своекоштных: 363;
 - 2, Из духовного звания: казенных 54, своекоштных 86;
 - 3, Из разночинцев: казенных 14, своекоштных 43;
 - 4, Из иностранцев: казенных 2, своекоштных 20.
- Итого 631

Слушателей:

- 1, Из купечества: казенных 3, своекоштных 75;
 - 2, Из мещан: казенных 7, своекоштных 69;
 - 3, Из вольноотпущенных: казенных 4, своекоштных 10.
- Итого 168

А всего студентов и слушателей 799.

**№ 28—30
Из переписки попечителей МУО С.М. Голицына
и С.Г. Строганова⁶⁰⁵
с министром народного просвещения
графом С.С. Уваровым
о приеме
в университет воспитанников Духовных академий
и семинарий
29 марта — 12 сентября 1835**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 196]

⁶⁰⁵ С.Г. Строганов был назначен на пост попечителя МУО 1 июля 1835 г.

№ 28

№ 1

**Письмо С.М. Голицына С.С. Уварову
«о вытребовании воспитанников
Духовных семинарий в университет»
[Москва]
29 марта 1835**

[Л. 1–2 об. Подлинник]

По Высочайше утвержденным штатам вверенного мне университета и учрежденного при оном Медицинского института, назначено иметь на казенном содержании студентов 40 и воспитанников института 100 человек.

Ныне состоит в университете первых 18 и 67 воспитанников.

В прошлом 1834 году принято на казенное содержание: по Медицинскому институту вытребованных из 31-го 16-ть воспитанников Духовных академий и семинарий и 9-ть своекоштных студентов; по словесному отделению 2, по физико-математическому 1 человек.

Таким образом остается в настоящее время 56-ть вакантных мест казенных студентов, для занятия коих университет не имеет в виду кандидатов. Принимая же в соображение, что в прошлом году изъявили желание поступить на казенное содержание только 12 своекоштных студентов, не предвидится возможности заместить ими означенное число вакансий в будущем академическом году.

Из дел видно ежегодное и постоянное назначение врачей на службу по военно-медицинскому ведомству, требование коих неоднократно были возобновляемы начальством; для занятия же учительских должностей в уездных училищах и даже гимназиях определяются воспитанники и чиновники других ведомств, единственно за недостатком казенных студентов, которые, без всякого сомнения, могли бы гораздо в большую пользу проходить должности наставников, будучи приготовляемы к оным сообразно современному состоянию просвещения и намерениям правительства. Имея в виду изъясненные обстоятельства,

имею честь представить в. пр-ву не благоугодно ли будет Вам, м. г., по примеру прежних годов, употребить ходатайство о назначении в вверенный мне университет к будущему академическому году до 40 воспитанников Духовных академий и семинарий, для исполнения комплекта казенных студентов с тем, чтобы сии воспитанники были предварительно подвергнуты испытанию в местных губернских гимназиях, по всем предметам полного гимназического курса, и если некоторые из них по вторичному экзамену в университете, окажутся не способными к слушанию пр-рских лекций в звании студента, то отправление их обратно в прежние места производить на счет начальства гимназий, которое сверх того, должно подлежать ответственности за несоблюдение установленных правил.

Таким образом, желающие воспитанники Духовных академий и семинарий должны прибыть в Москву к 17 числу августа сего года; в сие время по окончании летней вакации пред начатию курсов в университете производятся экзамены всем вообще желающим поступить в университетские студенты.

Резолюция: Г. министр приказал: отнестись к Обер-прокурору Св[ятейшего] Синода⁶⁰⁶. 24 апреля 1835.

№ 29

№ 2

**Из письма С.С. Уварова С.М. Голицыну
[С.-Петербург]
1 июня 1835**

[Л. 7 об.—8. Черновой автограф]

[...] Я покорнейше прошу в. пр-во сделать распоряжение, чтобы назначенные из Московской и Вифанской семинарий воспитанники доставлены были для испытания прямо в университет. Что же касается до прочих, то предписать директорам гимназий тех губерний, чтобы

⁶⁰⁶ Имеется в виду С.Д. Нечаев.

они, по присылке к ним означенных воспитанников, немедленно приказали освидетельствовать их здоровье в присутствии членов местных врачебных управ, о назначении коих, по требованию начальников гимназий, я вместе с сим отнесся к гражданским губернаторам, и потом произвести им предварительное испытание по всем предметам полного гимназического курса также в присутствии членов врачебных управ. Оказавшиеся, после освидетельствования здоровья их и испытания в науках, способными к слушанию университетских лекций должны быть представлены гражданским губернаторам, которых просил я, снабдив сих воспитанников прогонными деньгами, отправить в возможной скорости в Московский университет, дабы они могли поступить в оный к началу будущего курса, то есть в половине августа сего года [...]

№ 30

№ 3

**Из письма С.Г. Строганова С.С. Уварову
«о назначении в университет воспитанников
Духовных семинарий»**

**[Москва]
12 сент. 1835**

[Л. 24 об. — 25 об. Подлинник]

[...] Из донесений директоров училищ Московского [учебного] округа я усмотрел, что из некоторых семинарий желающих поступать в МУ никого не оказалось, а из некоторых хотя и были желающие, но на произведенном им испытании не оказали требуемых сведений по гимназическому курсу, кроме одного воспитанника Ярославской семинарии Студитского, который, при отличных способностях, не был испытываем в немецком языке, физике и статистике, поелику не надеялся, что имеет в оных надлежащие сведения.

По моему мнению, таковое недоразумение происходило от следующего. МУ в конце прошлого академического 1834/5 года издал программы испытаний для принятия в университетские студенты, в которых предметы гим-

назического курса предложены с излишнею полнотою и требованиями. Воспитанники семинарий, прочитав сии программы, может быть, не доверили себе, и отказались от желания поступить в университет, а те, которые изъявили желание, были подвергнуты строгому испытанию по гимназическому курсу и не сказали удовлетворительных сведений.

Таковое мнение я основываю на том, что наши средние учебные заведения, к которым принадлежат и Духовные семинарии, еще не достигли назначенного им совершенства, хотя правительство и принимает к тому деятельнейшие меры. Особенно воспитанники семинарий оказываются вообще слабыми в новейших языках и в тех предметах, которые в последнее время получили развитие и усовершенствование. А по сему и в принятии их в студенты университета должно быть оказываемо некоторое снисхождение, но обращаемое особенное внимание на дарования и способности и на познания в тех предметах, которые служат основанием классического образования.

[...] с просьбою о новом назначении воспитанников Духовных семинарий в МУ в числе 50-ти человек для пополнения комплекта казенных студентов с тем, что при испытании сем будет менее обращено внимания на физику, статистику и новейшие языки [...]

Резолюция: Г. министр приказал: предложить своекоштным студентам и ученикам гимназий, кончившим курс. 28 Октября 1835.

№ 31

**Из письма С.Г. Строганова С.С. Уварову
о введении преподавания восточных языков в МУ
[Москва]
13 апреля 1847**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Ед. хр. 2. Л. 78—81. Подлинник]

Ректор [...] признает необходимым ввести при сем университете для желающих, преподавание восточных язы-

ков и особенно санскритского как основного языка при изучении филологии индоевропейской отрасли. Для занятия означенной кафедры отделение рекомендует кандидата здешнего университета Коэтана Коссовича, находящегося ныне учителем греческого языка во 2-й московской гимназии, который своими переводами и другими трудами по предмету Санскритского языка обратил на себя внимание отделения, почему оно и предполагает отправить предварительно Коссовича за границу для усовершенствования в означенном языке в города Берлин, Бонн, Париж, Лондон и Рим, согласно составленной на сей предмет Коссовичем программы, сроком до 1-го сентября 1848 года.

Мысль о введении в МУ преподавания Восточных языков хотя и заслуживает некоторого внимания, но исполнение ее в том объеме, как назначено Общим уставом российских университетов, оказывается совершенно невозможным, с одной стороны по не имению достойных для того преподавателей и тех средств, которыми владеют по этой части университеты Казанский и С.-Петербургский, и с другой стороны и по особым местным обстоятельствам, условливающим потребность в изучении восточных языков, почему еще при начале вступления моего в управление МУО существовавшая при здешнем университете кафедра арабского и персидского языков, как не достигавшая своего назначения и не имевшая никакой связи с предметами преподавания словесного отделения, к которому она была причислена, с согласия в. с-ва уничтожена. Что же касается до языка санскритского, то потребность введения его в круг наук 1-го отделения философского факультета, как такого языка, который состоит в ближайшем родстве со всеми коренными древними и новыми языками Европы и признан родоначальником языков индоевропейской отрасли, давно уже ощутительна в здешнем университете и представляет необходимость для студентов, занимающихся филологией. До сих пор не было возможности восполнить этот недо-

статок в 1-м отделении философского факультета единственно по не имению в виду достойного преподавателя; в настоящее же время указываемый отделением кандидат Коссович, известный мне лично по своим особенно замечательным способностям к изучению древних Восточных языков, подает о себе весьма основательные надежды занять с надлежащим успехом и пользою для университета кафедру санскритского языка [...]

№ 32—34
Переписка С.С. Уварова с попечителями МУО
С.Г. Строгановым и Д.П. Голохвастовым
и попечителем КУО В.П. Молоствовым
об исключенном из МИУ студенте К. Филипповиче
17 августа 1847 — 4 ноября 1848

[РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Ед. хр. 174]

№ 32
№ 1
Отношение С.Г. Строганова С.С. Уварову
[Москва]
17 августа 1847

[Л. 1—1 об. Подлинник]

При производстве в текущем августе месяце вступительных студенческих испытаний в МУ, студент сего университета медицинского факультета 2-го курса Константин **Филиппович**, явившись в партикулярном платье на экзамен, вместо подавшего прошение о принятии в студенты Ивана **Вехова**, писал за него на заданную тему сочинение, подвергался испытанию в математике, но был узан и взят под арест.

По донесению о том инспектора студентов, я предложил ректору университета⁶⁰⁷ исключить Филипповича, за означенный его поступок, из числа студентов МУ, Вехо-

⁶⁰⁷ Имеется в виду А.А. Альфонский.

ва же, как соучастника Филипповича в этом деле, в университет не принимать, и о сделанном распоряжении, как относительно того, так и другого сообщить для сведения во все университеты империи.

№ 33

№ 2

**Из письма Д.П. Голохвастова С.С. Уварову
[Москва]
7 октября 1848**

[Л. 2 об.—3. Подлинник]

[...] Ныне принимая в уважение искреннее раскаяние Филипповича, а также и то, что он потерпел уже за свой проступок довольно значительное наказание потерю без всякой для себя пользы целого года в городе ему чужом, без средств к своему содержанию, имею честь обратиться к в. с-ву с покорнейшей просьбою о дозволении, во внимание к изложенным обстоятельствам, а также к его хорошим способностям к наукам и оказанным в бытность его в университете весьма хорошим успехам, поступить ему, как получившему уже достаточный урок за свое легкомыслие, вновь в какой-либо из российских университетов, кроме Московского, где ему находиться вторично, после исключения своего, было бы неприлично [...]

№ 34

№ 3

**Из письма С.С. Уварова В.П. Молоствову
[С.-Петербург]
4 ноября 1848**

[Л. 4 об.—5. Черновой автограф]

[...] По вниманию к такому ходатайству г. попечителя МУО и к объясняемым им обстоятельствам, я разрешаю

принять Филипповича в КУ, но не иначе, как по экзамену и притом в первой курс, без зачета времени проведенного им в МУ и с поручением его особому надзору инспектора студентов.

Об этом сообщаю в. пр-ву, покорнейше прошу Вас, м. г., предложить КУ, к надлежащему исполнению, на случай явки в оный Филипповича.

№ 35—37

**Из переписки С.С. Уварова и Д.П. Голохвастова
о правительственных ожиданиях от студентов
и пр-ров университета**

17 июня — 28 ноября 1848

[РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Ед. хр. 2]

№ 35

№ 1

**Письмо С.С. Уварова Д.П. Голохвастову
[С.-Петербург]
17 июня 1848**

[Л. 103а—103а об. Черновой автограф]

Постоянно имея желание, чтобы студенты у[ниверсите]тов и выпускаемые из оных лица были вполне достойны носимых ими званий, я нужным считаю покорнейше просить в. пр-во иметь с Вашей стороны должное наблюдение, чтобы как при выпускных, так и при вступительных и курсовых испытаниях были со всею строгостью соблюдаемы установленные требования без малейшего изменения. Мысль умножения числа студентов не должна отнюдь увлекать при вступительных экзаменах к какому-либо снисхождению; напротив того, надлежит пещись только о том, чтобы достаиваемый звания студента мог во всех отношениях с честью носить это звание. О сем покорнейше прошу в. пр-во поставить моим именем на

вид как г. ректору особенно, так и прочим членам испытательных комитетов.

№ 36

№ 2

**Из предписания [С.С. Уварова] Д.П. Голохвастову
[Москва
24 сентября 1848]**

[Л. 106—107. Копия с копии]

М. г. Дмитрий Павлович!

Одно из главных условий благосостояния высших учебных заведений находится в исправности и в совестливости, с коей преподаются все предметы в совокупном их развитии. Хотя я уверен, что гг. пр-ры МУ, будучи вполне убеждены в сей простой истине, исполняют обязанности звания своего с надлежащим усердием, я считаю не менее того нужным просить в. пр-во поставить на вид университетского Совета мое ожидание, что как в отношении к полноте, так и в отношении к исправности преподавания, ученое сословие ун[иверсите]та, следуя благородному своему призванию, обратит все силы к возможно лучшему устройству учебной части, зависящему преимущественно от единодушного стремления всех членов ун[иверсите]та к общей его цели. Не находя нужным входить в исчисление всех подробностей, известных столько же в. пр-ву, сколько и Совету, я ограничусь на сей раз изъявлением моей совершенной готовности содействовать всеми мерами к достижению того устройства учебной части, без коего высшее заведение лишилось бы своего значения к ущербу молодого поколения, правильное образование коего и составляет предмет непрерывных забот правительства, не щадящего ни средств, ни трудов и одарившего МУ всеми пособиями, нужными для полного развития преподавания [...]

№ 37

№ 3

**Донесение Д.П. Голохвастова С.С. Уварову
[Москва]
28 ноября 1848⁶⁰⁸**

[Л. 108—109 об. Подлинник]

От 24 сентября в. с-во изволили предписать мне пригласить ученое сословие МУ обратить все силы к возможно лучшему устройству учебной части в университете, зависящему преимущественно от единодушного стремления всех членов университета к общей его цели.

Об этой воле в. с-ва в тоже время предложено было мною Совету университета, который ныне доносит, что, постоянно обращая внимание по своей обязанности на улучшение учебной части и правильное образование юношества, Совет университета еще более усугубит свои труды по сему предмету, для оправдания лестного для него доверия в. с-ва. Для успешнейшего же достижения этой главной цели университета, копии с предписания в. с-ва препровождены во все факультеты и отделения, с тем, чтобы они, при своих совещаниях о расположении лекций, о методах и обширности преподавания, приняли в основание упомянутое предписание и следовали бы ему без уклонения. Совет находит такое средство наиболее удобным к тому, чтобы единодушно соответствовать желанию Вашему, относительно главной цели, к которой все действия членов Совета должны быть направлены — благоустройства учебной части в целом, полноты и исправности преподавания во всех предметах.

О таковом донесении Совета МУ долгом считаю довести до сведения в. с-ва.

⁶⁰⁸ Помета: получено 6 дек[абря].

№ 38
Предписание С.С. Уварова Д.П. Голохвастову
об установлении строгой дисциплины в МИУ
Москва
13 сентября 1848

[РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 3. Л. 1–5 об. Заверенная копия]

М. г. Дмитрий Павлович!

Обозревая МУ, я обратил особое внимание на неправильное отношение, в коем с некоторых лет находятся студенты, как к наставникам так и к начальству своему, хотя я не вполне уверен, что в. пр-во употребите все старания к исправлению сего важного недостатка, я не менее того считаю нужным снабдить Вас, **конфиденциальным** наставлением по сему предмету.

Отношение студентов к наставникам, называю неправильным коль скоро в их глазах пр-р есть просто читающее лицо, без дальнейшего влияния на их успехи, на их судьбу, на их гражданский и учебный быт. Само собою разумеется, что начальство обязано во всякое время защитить студента от незаконного притязания пр-ра, буде таковое притязание доказано будет, но давать **a priori**⁶⁰⁹ перевес студентам против наставников, значило бы колебать все основания порядка и дисциплины и унижая ученое сословие, унижать и самое начальство, поставившее себя в прихотливое и неуместное отношение к юношеству.

Сверх сего, тут же рождается зло превыше всех прочих, тут возникает в студентах мысль, что они составляют отдельное сословие — сословие имеющее свои виды, свой голос и даже свои права.

Эта вредная мечта, которая легко могла бы поселиться в умах неопытной и возбуждаемой молодежи, противоречит прямо коренному началу, коим мы обязаны непреклонно руководствоваться, именно, что «учащееся юношество не образует сословия и не имеет ни каких прав **in**

corpore⁶¹⁰, разве права искать законной защиты в собственном своем начальстве, в пределах уставом означенных, и что учащееся юношество, доколе оно сидит на скамьях университета, почитается несовершеннолетним в том смысле, что оно, состоя в нравственной, так сказать, опеке, тогда только пользуется полнотою гражданских прав, когда, оставив высшее учебное заведение, поступает на службу и входит в гражданскую жизнь.

Из сего следует, что в продолжении университетского учения студенты **in corpore** не должны быть допускаемы ни к какому общему изъявлению общей мысли и что далеко от того, чтобы давать им предпочтение в отношении к пр-рам, эти последние должны быть чтимы в глазах студентов, естественными посредниками к начальству и во всех законных случаях ходатаями за студентов у начальства.

Следуя сему правилу, я нахожу весьма предосудительным вкравшийся с некоторой поры, между московскими студентами обычай рукоплескания на лекциях пр-ра, ими более других любимого. Такое изъявление тем вреднее, что, допустив право публичной похвалы от питомцев к наставникам, признается безмолвно и право осуждения; вследствие сего, предлагаю в. пр-ву строжайше запретить рукоплескания, немедленно подвергая взысканию и даже удалению из университета студентов, дозволивших себе впредь нарушать запрещение, которое должно быть объявлено чрез инспектора, обязав подпискою читавших.

С другой стороны, начальство, уважив законное влияние ученого сословия, должно строго и неуклонно наблюдать, чтоб преподаватели, исполняя в точности все лежащие на них обязанности, давали бы в себе не только пример усердия и прилежания, но еще пример нравственной и во всех отношениях беспорочной жизни, ибо главная⁶¹¹ обязанность наставников юношества состоит в том, [чтобы] охранять добрый дух и добрые чувства. Юноше-

⁶¹⁰ В полном объеме (лат.).

⁶¹¹ Приписка другой рукой, возможно, С.С. Уварова. Эти два слова написаны на той же строке, что и предыдущие, в то время как продолжение приписки располагается на полях документа.

⁶⁰⁹ Независимо от опыта, до опыта (лат.).

ство, способное к восприятию вредных впечатлений, столько же и еще более способно следовать благому назиданию и добродетельному указанию истинного пути.

Ясно, что первое к сему условие состоит в беспристрастии университетского Совета, как при выборе новых преподавателей, так и в оценке способностей каждого студента без малейшего лицепрятия. Всякое отступление от сего начала должно быть доводимо до сведения высшего начальства. Здесь снисхождение обращается во зло самому университету и подвергало бы местное начальство тяжкой ответственности.

Высшее учебное заведение тогда достигает совершенного устройства, когда все пружины оно направлены к общей цели и когда **инстанции** из коих составлен университет, сохранив свое значение, действуют каждая, в пределах своих, под наблюдением начальства, дающего всем частям надлежащее движение и равновесие⁶¹².

Таким образом, может, я уповаю, возродится в МУ и должное единодушие и должная дисциплина, недостаток коих вполне известен в. пр-ву и каждому члену университета. Совокупными силами, но без всякой излишней огласки, без неуместных посылок на прошедшее, все члены университета имея в главе Вас, м. г., должны каждый в кругу своих прав и обязанностей, охранять и честь и благосостояние университета и тем заслужить доверенность высшего правительства.

Я считаю излишним поставлять на вид необходимость сих мер, проистекающую столько же из видов правительства, сколько и из самых событий современной Европы; попрание всего священного, нарушение всех начал нравственных и политических, гибель и раздоры распространенные округ нас, столь противные русскому началу и столь отвратительные сердцу всякого верноподданного, побуждают нас, более чем когда-либо проложить твердую, непроницаемую⁶¹³ черту между заблуждениями мнимого всемирного просвещения и необходимого развития, на-

шего нравственного образования в духе православия, самодержавия и народности.

В. пр-во не оставите, пригласив к себе ректора и деканов факультетов, сообщить им содержание сей бумаги, дабы они вполне убедились, что освещенные волею Его величества⁶¹⁴ начала, коими в течение 15-и лет руководствовалося непреклонно Министерство народного просвещения, остаются неизменными и что настоящие обстоятельства более, чем когда-либо, призывают каждого благомыслящего к точному и совестливому исполнению высоких предназначений Августейшего Монарха.

Примите, м.г., уверения в моем совершенном почтении и преданности⁶¹⁵

Подлинное подписал: Граф Уваров

Резолюция: как **конфиденциальное** не внесено в отчет.

№ 39—40
Переписка Д.П. Голохвастова с С.С. Уваровым
о пр-ре МИУ Г.И. Сокольском
[Москва]
28—30 сентября 1848

[РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 11]

№ 39
№ 1
Письмо Д.П. Голохвастова С.С. Уварову
«об отметках, выставленных пр-ром Сокольским
на экзаменах студентов»
[Москва]
28 сентября 1848

[Л. 1—2 об. Заверенная копия]

На бывших в текущем году переводных экзаменах в МУ о. пр-р Сокольский, выставив всем 26 казенным и 41 своекоштному студентам 4-го курса медицинского факультета

⁶¹² Приписка другой рукой, возможно, С.С. Уварова.

⁶¹³ Вставка другой рукой, возможно, С.С. Уварова.

⁶¹⁴ Последние четыре слова — вставка другой рукой, возможно, С.С. Уварова.

⁶¹⁵ Написано другой рукой, возможно, С.С. Уварова.

по предмету психиатрии одну отметку 5, означающую успехи отличные, тогда как прочие гг. пр-ры выставляли баллы тем же самым студентам различные, смотря по их способностям, усердию и успехам в науках.

Такого рода действие г. Сокольского я нахожу не только неуместным и неприличным, но даже оскорбительным и вредным, как в отношении к студентам, так и к товарищам его по преподаванию. Отличные из студентов, видя себя сравненными с посредственными и даже слабыми, по всей справедливости могут считать себя обиженными, а сии последние, при таком уравнивании всех вообще, лишаются побуждения усугубить свое прилежание. Действия товарищей его пр-ров, отмечающих баллы с надлежащею справедливостью, выставляются таким образом пред глазами студентов как бы притеснительными и неблагонамеренными.

Вследствие чего об означенном поступке г. Сокольского на бывших в нынешнем году экзаменах, с приложением двух подлинных списков о баллах, одного за подписанием пр-ра Сокольского, а другого за подписанием бывшего декана медицинского факультета и пр-ра Иноземцева, долгом считаю представить на распоряжение В. с-ва.

**№ 40
№ 2**

**Из письма С.С. Уварова Д.П. Голохвастову
[Москва]
30 Сентября [1848]**

[Л. 5—5 об. Черновой автограф]

[...] я нахожу, что подобные действия, свидетельствуя или о незнании законного порядка /чего в о. пр-ре предполагать нельзя/⁶¹⁶ или о неуважении к оному и умышленном стремлении унижить в глазах студентов и публики установленные начала, ни в каком случае не могут быть

⁶¹⁶ Так в документе.

терпимы в МУ. Вследствие сего, предлагаю вам, м. г., внушить пр-ру Сокольскому, чтоб он подал прошение об увольнении⁶¹⁷ от университета и тем предупредил меру взыскания, к коей я обязан буду обратиться для прекращения столь явного со стороны наставника юношества притязания к существующему порядку.

**№ 41—48
Переписка С.С. Уварова с Д.П. Голохвастовым
и В.П. Молостровым о пр-ре О.М. Бодянском
и магистре В.И. Григоровиче
28 октября 1848 — 2 июня 1849**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 9]

**№ 41
№ 1**

**Из письма С.С. Уварова В.П. Молострову⁶¹⁸
о О.М. Бодянском**

**[С.-Петербург]
28 октября 1848**

[Л. 4—4 об. Черновой автограф]

Исправляющих должности пр-ров по кафедре истории и литературы славянских наречий ординарного в МУ, н. с. Бодянского и экстраординарного в Казанском магистрате Григоровича, обязавшихся прослужить по назначению начальства не менее 12-ти лет, я перемещаю теми же званиями, с сохранением сказанного обязательства, первого в Казанский, а последнего в Московский университет, с содержанием, какое по штатам сих университетов положено [...]

⁶¹⁷ В письме от 9 ноября 1848 г. Д.П. Голохвастов сообщил С.С. Уварову, что «о. пр-р МУ с. с. Сокольский вошел в Совет университета с прошением об увольнении его по домашним обстоятельствам от должности пр-ра при университете» (РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 11. Л. 6).

⁶¹⁸ Такое же письмо было отправлено им Д.П. Голохвастову.

**№ 42
№ 2**

**Из прошения О.М. Бодянского С.С. Уварову
о нежелании его быть переведенным в КИУ**

**Москва
19 ноября 1848**

[Л. 9–10 об. Подлинник. Автограф]

[...] Не дерзя и помыслить о противоречии воле начальства, я осмеливаюсь представить во внимание в. с-ва, что в подписке, данной мною 28-го июля 1837 года, с которой сохранилась у меня копия, я обязывался служить в должности преподавателя при МУ, а не безусловно по назначению начальства.

23 года тому назад, принужденный, по совету врачей, искать климата, который соответствовал бы моему, от природы хилому и слабому, здоровью, и вместе с тем, представлял возможность повершить образование, я удался в Москву.

[...] ⁶¹⁹ К несчастью, и тут перемена климата московского, к которому столько я привык, имела для меня самые губительные последствия: прежние золотушные и ревматические боли снова явились и до того действенно, что вместо 2-х я принужден был пробыть за границей 5-ть лет, как это известно в. с-ву [...]

По возвращении моем в Москву, здоровье мое [...] опять пришло самой собою в прежнее нормальное положение [...]

Теперь я должен [...] отправиться в далекую Казань, которая, будучи почти на 3000 верст отдалена на восток, не только не может заменить столько благодетельного для меня климата Москвы, но еще разоренная в последние годы пожарами, приводит меня в ужас при одной мысли, что я могу подобно некоторым из тамошних пр-ров (например, Ковалевскому, потерявшему, во время

⁶¹⁹ Опущена часть о приезде в Московский университет и о решении Бодянского принять предложении о заграничной стажировке в 1837 г.

свирепства огня, 10 томов «Записок об истории Буддизма» — плод 20-тилетнего труда, монгольскую рукопись, единственный экз[емпляр] в Европе, за которую Лондонское азиатское общество ⁶²⁰ предлагало владельцу огромную сумму, и проч.), лишиться в городе, получившем в наше время такую печальную известность, своей библиотеки, простирающейся почти до 10,000 томов и составляющей, по кафедре славян[ских] наречий, полнейшую после библиотеки Чешского народного музея в Праге ⁶²¹ и единственное мое сокровище.

Но пуще всего ужасает меня во всем этом то обстоятельство, что весть о перемещении моем в Казань ср-злит мою бедную мать, старушку слишком за 60 лет, которая потеряла только прошлым годом своего мужа, и оставаясь на моих руках, не вынесет удара, постигшего ее сына. [...]

**№ 43
№ 3**

**Из письма С.С. Уварова Д.П. Голохвастову
о О.М. Бодянском**

**[С.-Петербург]
29 ноября 1848**

[Л. 13 об. Черновой автограф]

[...] принимая в уважение слабость его ⁶²² здоровья, для которого, по его словам, не вреден один только Московский климат, я предоставляю ему просить об увольнении вовсе от службы, при чем впрочем должно быть представлено законное свидетельство и сохранена им обязанность дослужить вышеупомянутый 12-тилетний срок, когда со-

⁶²⁰ Речь идет о Королевском азиатском обществе Великобритании и Ирландии — востоковедческой организации, основанной в Лондоне в 1823 г.

⁶²¹ Речь идет о Национальном музее (Прага), основанном в 1818 г. в эпоху Чешского национального возрождения и романтического культа «древностей», который замышлялся как сокровищница национальной культуры. С директором библиотеки музея Вацлавом Ганкой Бодянский лично познакомился во время своего путешествия и длительной работы в Праге.

⁶²² Имеется в виду О.М. Бодянский.

стояние его здоровья позволит ему исполнить это там, где мин[истерст]во признает полезным употребить его [...]

№ 44

№ 4

**Из отношения В.П. Молостова С.С. Уварову
об оставлении В.И. Григоровича
в КУ до конца
1848—1849 учебного года**

**Казань
6 января 1849**

[Л. 18—19 об. Подлинник]

Перемещение пр-ра Григоровича в Москву и дошедший до меня слух, что преемнику его г. Бодянскому обстоятельства едва ли позволят переместиться в Казань, производят во мне опасение, что кафедра славянских наречий, недавно здесь основанная, надолго останется незанятою. В короткое время управления моего университетом, он лишается уже четвертого пр-ра, из которых каждый, начав в Казани свое учение поприще, оставляет заведение именно в то время, когда зрелость его суждений, обдуманность взгляда и приобретенная опытность делали его наиболее полезным для университета. Настоящая потеря тем важнее для университета, что нет в виду, сколько мне известно, ни одного ученого, который бы мог заступить место г. Григоровича, между тем как последний не имел здесь времени развить свое преподавание до той степени, чтоб приготовить среди своих слушателей такого, который бы был в состоянии изучать славянские наречия без ближайшего руководства.

Это обстоятельство, важность изучения славянских наречий для основательного знания языка отечественного и то мнение, что для МУ не будет существенной потери, если г. Григорович начнет там свое преподавание не в половине настоящего, а в начале будущего учебного года, побуждают меня обратиться [...] с просьбою оставить г. Григоровича (который и сам изъявил на то пол-

ную готовность)⁶²³, при КУ до конца наступившего семестра, в продолжении которого один из молодых людей, оказывающий склонность к языкам славянским, мог бы, под его руководством, более в этом усовершенствоваться и сделаться, может быть, преемником его.

№ 45

№ 5

**Из письма С.С. Уварова В.П. Молостову
о В.И. Григоровиче**

**[С.-Петербург]
22 января 1849**

[Л. 24 об. Черновой автограф]

[...] ⁶²⁴ не могу дать испрашиваемого Вами разрешения, а предоставляю войти по изъясненному предмету в сношение с г. попечителем МУО и, по согласованию с ним, представить мне о последствиях.

№ 46

№ 6

**Из письма Д.П. Голохвастова С.С. Уварову
о В.И. Григоровиче**

**[Москва]
19 февраля 1849**

[Л. 36 об.—37. Подлинник]

[...] Имея в виду, что от начала семестра прошло уже довольно много времени, так что приезд теперь Григоровича в Москву на несколько недель преподавания, остающихся в настоящем академическом году, не доставив никакой пользы для здешнего университета, повредило бы только без нужды слушателям его в КУ, я, с своей стороны, не нахожу препятствий к оставлению

⁶²³ Так в документе.

⁶²⁴ Опущена часть о пустующей в связи с увольнением О.М. Бодянского кафедре славянских наречий в Московском университете.

Григоровича в Казани до окончания сего академического года [...]

**№ 47
№ 7**

**Из письма В.П. Молостова С.С. Уварову
об оставлении В.И. Григоровича в КУ**

**[Казань]
7 мая 1849**

[Л. 57—58. Подлинник]

[...] Григорович, остававшийся здесь, в Казани, до окончания учебного года, должен теперь готовиться к отъезду в Москву, для занятия там кафедры славянских наречий, а назначавшийся его преемником г. пр-р Бодянский, получив увольнение от службы, вовсе потерял для Казани.

Полагая, что МУ имеет более Казанского средств к занятию упраздненной кафедры славянских наречий, дорожа редким в настоящее время собственным желанием г. э. пр-ра Григоровича продолжать полезные свои занятия во вверенном мне университете и убеждаясь, что преподавание его предмета по совершенному отчуждению здешнего края от всякого даже отдаленного знакомства с сродными славянскими наречиями, столь необходимо для основательного изучения нашего собственного языка, принесет здесь важную пользу, а удаление г. Григоровича в настоящее время лишит нас первой справедливо ожидаемой жатвы, обеспечивающей будущее обсеменение, и ослабит еще более потрясенный потерей столь многих достойных членов, состав вверенного мне университета, я тем более вменяю себе в обязанность вновь представительство пред в. с-вом о оставлении здесь г. Григоровича, что КУ, на счет которого он приготовился к настоящему своему назначению, более других имеет право ожидать от него вознаграждения.

**№ 48
№ 8**

**Из конфиденциального письма С.С. Уварова
Д.П. Голохвастову о О.М. Бодянском
и В.И. Григоровиче**

**[С.-Петербург]
2 июня 1849**

[Л. 59—60. Черновой автограф]

Конфиденциально

[...] Имея в виду, что КУ в непродолжительное время лишился многих из своих пр-ров и еще может лишиться, я затрудняюсь отказать в изъясненном ходатайстве генерал-майора Молостова.

В таком положении дела, я нужным считаю уведомить о сем предварительно в. пр-во, и имея в виду, что пр-р Бодянский, мог бы быть ныне, хотя на первый раз част[ич]но, вновь допущен к преподаванию на кафедре, которую он прежде занимал в МУ, я обращаюсь к Вам с почтеннейшей просьбою представить мне на каких основаниях Вы полагали бы привести это предположение в исполнение [...]

№ 49

**Из донесения Д.П. Голохвастова С.С. Уварову
об ограничении числа своекоштных студентов
и вольных слушателей в университетах**

**[Москва]
27 мая 1849**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 83. Л. 7—15. Подлинник]

В. с-во [...] сообщив [...] Императора повеление об ограничении на будущее время числа своекоштных студентов и вольных слушателей в Московском и других университетах тремястами, предложить изволили принять к исполнению оного надлежащие меры с тем, чтобы до того времени, пока, по мере ежегодных выпусков, число сту-

дентов и вольных слушателей в сем университете не будет приведено к вышеозначенному размеру, заблаговременно делаясь было пред началом курсов известным, что приема своекоштных студентов и вольных слушателей не будет и что желающие поступить в сем качестве в университет не должны являться к испытаниям [...]

В настоящее время своекоштных студентов находится в МУ 858 человек. Предполагая приблизительно по числу оканчивающих курс учения, что выпуск в текущем году своекоштных студентов простираться будет до 116, затем, к началу нового академического года, станется их до 742. Следовательно, не только в нынешнем году, но рассчитывая по числу студентов, находящихся в нынешних 2, 3 и 4 медицинских курсах, и постепенному их выбытию, прием в университет своекоштных студентов, чтобы ввести наличное число их в установленный размер трех сот, должно будет приостановить, по крайней мере, до 1852 года. В показанное выше число состоящих ныне на лицо своекоштных студентов не включены еще вольные слушатели, которых в настоящее время считается в здешнем университете [...] 43 человека. Число этих слушателей, действительно посещающих лекции, в течение года изменяется, так как они, [...] получив от ректора университета билет на слушание лекций, ходят, по произволу своему, на те из них, в предметах которых имеют желание приобретать специальные сведения, не обязываясь ни подвергаться годичным испытаниям, ни слушать полный курс университетского учения.

По примеру прежних лет, в настоящем месяце сделаны от ректора университета объявления в Московских ведомостях желающим поступать в МУ, с изъяснением необходимых к тому условий [...], в отмену вышесказанных публикаций необходимо нужно поспешить новым объявлением [...] о том, что в нынешнем году приема Своёкоштных Студентов и вольных слушателей не будет [...]⁶²⁵

⁶²⁵ Опущено рассуждение о том, что при отсутствии приема в университет отсутствуют и выпуски, и таким образом страна теряет лекарей и учителей.

Некоторые из них⁶²⁶ в таких летах, что вступление в студенты чрез три года будет для них крайне уже поздним. Совершенно же преградить им вступление в университет и чрез то лишить возможности усовершенствовать себя на избранном поприще учения, и вместе воспользоваться переменою гражданского быта и выгодами службы, значило бы лишить их того, на что они несомненно надеялись по прежним постановлениям и в надежде чего жертвовали в продолжении нескольких лет трудами своими и иждивением. [...]

№ 50
Из письма попечителя МУО В.И. Назимова
министру народного просвещения
кн. П.А. Ширинскому-Шихматову
о преподавании восточных языков в МИУ
С.-Петербург
4 мая 1851

[РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 83. Л. 170–172. Подлинник]

[...] Кафедра восточных языков с давнего времени не замещена в МУ. Признавая необходимость изучения восточных языков в нашем Отечестве и имея в виду ученого ориенталиста, который мог бы с пользою занять означенную кафедру, я долгом моим считаю ходатайствовать пред в. с-вом об учреждении в составе историко-филологического факультета МУ кафедры языков санскритского, еврейского, арабского и персидского. Изучение сих языков не должно быть обязательным для всех студентов, но только для желающих заниматься оными.

При сем считаю нужным изложить причины, по коим я полагаю полезным учреждение помянутой кафедры: 1, филология, в современном ее состоянии, без знания санскритского языка обойтись не может: в нем ключ ко всем первоначальным грамматическим формам и к про-

⁶²⁶ Речь идет об абитуриентах МИУ.

изводству корней. 2, для того, кто изучается языки как науку, необходимо иметь понятие об одном из семитических языков, еврейском или арабском для того, чтобы отличить формы особенного образования этих языков от форм санскрито-европейских.

Кроме этих причин, постоянно существующих, есть теперь временные, которые побуждают меня ходатайствовать об учреждении кафедры: [...]; 2) Воспитанники Кавказского учебного округа не могут обойтись без знания языков восточных, по крайней мере, персидского, арабского или татарского.

[...] имею честь [...] просить о замещении предполагаемой кафедры адъюнктом КУ Петровым⁶²⁷, соединяющем в себе все условия, необходимые для этой цели. [...]

№ 51

**Из донесения попечителя МУО Н.В. Исакова
управляющему Министерством народного
просвещения А.В. Головнину о подготовке пр-ров
в университет и вызове ученых из-за границы
[Москва]
12 апреля 1862**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 38. Ед. хр. 255. Л. 1—7 об. Подлинник]

По предложению моему Совет ИМУ обсуждал следующие вопросы:

1, какие меры могут быть полезны для приготовления в большом числе пр-ров и учителей гимназий и

2, не полезно ли вызывать ученых из заграницы для занятия кафедр в наших университетах?

Факультеты, обсудив означенные вопросы, представили на усмотрение Совета следующие соображения о причинах, имеющих влияние на недостаточность числа преподавателей, и о средствах по возможности устранить эти причины.

Во-первых, нельзя было ожидать, чтобы при недостатке материальной обеспеченности преподавателей нашлось много людей, желающих посвятить себя педагогической деятельности. Эта деятельность требует долгого приготовления, которое не обходится без значительных материальных пожертвований, она, по крайней мере, в начале часто поглощает все время преподавателя, не давая места другим занятиям, и между тем не только не обеспечивает его вполне, но доставляет сравнительно меньше вознаграждение, чем всякая другая государственная или частная служба, хотя на всяком другом поприще требования далеко не так обширны, а приготовительная работа даже вовсе не считается у нас необходимою. Раз вступивши на поприще педагогики, преподаватель определяет занятие целой жизни своей, а между тем, с увеличением нужд его и семьи, средства для удовлетворения их остаются те же.

2, при теперешнем состоянии наших гимназий, уровень преподавания в них, в особенности языков древних и новых, весьма недостаточен. Без знания языков решительно невозможно ни основательное образование в университетах, ни дальнейшее самостоятельное, по окончании университетского курса, усовершенствование в науке. Опыт показывает, что сами студенты, сознавая необходимость знания языков, стараются дополнить столь существенный пробел в своем образовании и обращаются к изучению языков часто под конец своего университетского курса, так как пр-ра, указывая студентам на литературные пособия, по необходимости, ограничиваются иностранными сочинениями. При бессилии усвоить себе столь богатый материал и при бедности ученой литературы на нашем языке, студенты принуждены или ограничиваться только лекциями, отказываясь от самостоятельных работ, или обращаются к чтению статей в русских журналах, назначенных для массы публики. Преподавание начальных оснований языков в университете не соответствует характеру университетского преподавания и, занимая почти исключительно первый год слушания лекций,

⁶²⁷ Имеется в виду П.Я. Петров.

значительно сокращает собственно университетский курс. Между тем, университеты вынуждены были к такой мере, потому что преподавание классических языков в последнее время почти уничтожено в наших гимназиях. Греческий язык вовсе не преподается, преподавание латинского ограничено в объеме, на языки же новые никогда не обращалось должного внимания, а в настоящее время менее, нежели когда-либо.

3, недостаточность средств вспоможения желающим посвятить себя педагогической деятельности как во время прохождения ими университетского курса, так и по окончании его, имеет также большое влияние на малое число способных преподавателей. К преподавательским должностям обыкновенно готовят себя люди бедные, которые не в состоянии без крайних лишений содержать себя в течение университетского курса, нуждаясь в пособиях, а в даровании этих пособий университет очень ограничен по своим средствам. Факультеты, особенно же историко-филологический, на обязанности которого главным образом лежит приготовление учителей гимназий, не имеют в своих руках достаточного количества казенных стипендий, о чем уже не раз было доводимо до сведения Совета. К этому присоединились новые распоряжения правительства: уничтожение казеннокоштных студентов не осталось без неблагоприятного влияния на число желающих посвятить себя преподавательскому званию, а обязательная плата грозит в скором времени еще большим понижением этого числа.

4, приготовление преподавателей, особенно пр-ров, не оканчивается университетским курсом. Преподавательское звание предполагает так много условий и требований, что кроме общего университетского курса для него необходимо еще дополнительное, самостоятельное изучение науки. Меры, принятые в этом отношении правительством, именно оставление при факультетах людей, окончивших с успехом курс, а потом отправление лучших из них за границу для усовершенствования в науках, сами по себе действительны, но они введены еще так недавно и не получили полного развития по слабости материальных

средств, что нельзя было ожидать от них окончательных результатов. При том университет не мог оставлять при факультетах и посылать за границу столько из окончивших курс, сколько вызывается действительной потребностью не только университетов, но и гимназий.

Принимая во внимание все изложенные соображения, Совет надежнейшими и вернейшими средствами всегда иметь достаточное число достойных преподавателей, полагает:

1) прежде всего, необходимо улучшить материальное положение преподавателей и обеспечить их на столько, чтобы каждый посвящающий себя делу педагогики был вознагражден за свои труды и получил уверенность, что он может безбедно прожить с семейством, не будучи поставлен в необходимость ими смотреть на свое место, как на временное, или же искать посторонних занятий, отнимающих много времени и на которые можно рассчитывать только в столицах, где сосредоточена литературная деятельность, а без этого едва ли можно надеяться на успех всякой другой меры, и нельзя ожидать значительно-го числа пр-ров и учителей.

2) улучшить положение гимназий [...]

3) учредить возможно большее число казенных стипендий [...]

4) дозволить бесплатное слушание лекций в университете бедным людям, которыми преимущественно занимаются вакантные места учителей в гимназиях.

5) предоставить университетам большие средства на оставление при факультетах его в достаточном количестве молодых людей, по окончании ими курса, и для посылки благонадежнейших из них за границу. Чтобы мера эта имела полный успех, полезно было бы оставляемых при университете молодых людей подвергать ближайшему надзору пр-ров, дабы факультет имел возможность постоянно следить за дальнейшим ходом их занятий, потом посылать за границу преимущественно тех из них, кои заявят свои знания и дарования какими-либо литературными трудами, не связываясь одною непременною обязанностью замещать ими пр-рские кафедры по воз-

вращении их из-за границы. Сохранение полной свободы конкуренции при выборе пр-ров лучше всего обеспечивает удачное их избрание. В медицинском же факультете, где можно ожидать особенно сильной конкуренции, полагается учредить для желающих занять кафедру два курса: один частный, производимый в факультете на оставление при нем достойнейших из числа окончивших курс; другой публичный для посылки за границу, не устраняя от сего последнего и других сторонних докторов, желающих принять в нем участие. При таких условиях отправляемые за границу молодые люди могли бы занимать и университетские кафедры и места учителей в гимназиях, смотря по способностям и призванию каждого из них.

По мнению Совета все эти административные и педагогические меры будут иметь последствием большую серьезность занятий в университете и большую зрелость молодых людей, вступающих в него и оканчивающих в нем курс. Совет, с своей стороны, получит возможность усилить свои требования от учащихся и от тех, которые назначаются для столь важного дела, как распространение образования и укоренение науки в нашем отечестве. [...]

Главное внимание в этом случае должно быть обращено на качество преподавателей и что лучше оставлять кафедры вакантными, нежели замещать их на продолжительное время людьми, не приготовленными к своей должности.

Что же касается до второго вопроса, предложенного министерством, а именно вызова ученых из-за границы, собственно для занятия кафедр в наших университетах, то, по мнению Совета, эта мера не может быть приложена потому, что иностранные ученые не знают ни нашего языка, ни тех особых потребностей, которые существуют для русского университетского преподавания. Поэтому их лекции будут не понятны для огромного большинства наших студентов и не будут удовлетворять тому живому общению, которое необходимо между преподавателями и слушателями и которое не может быть достигнуто иностранцем. Во 2-х собственно для МУ в вызове иностран-

ных ученых для занятий кафедр не представляется особенной надобности, ибо он будет иметь возможность замещать вакантные кафедры достойнейшими из своих воспитанников, если будут устранены те препятствия и приняты те меры, которые изложены в первой части этого донесения. При этом физико-математический факультет указал на то, что в настоящее время он производит испытание на степени магистра 22-м молодым людям, из коих 14-ть уже окончили экзамен, а 5-ть представили диссертации. На факультетах юридическом и словесном число ищущих степеней менее значительно, но это должно приписать требованиям, выставленным в Положении о производстве в ученые степени; получение докторской степени по юридическому факультету до того затруднено, что с издания Положения, то есть с 1844 года, в течение 17 лет, эта степень приобретена только 2-мя лицами во всех русских университетах (кроме Дерптского).

Наконец, в 3-х, согласие известных ученых на сделанный им вызов со стороны наших университетов более чем сомнителен; от посредственных же специалистов нельзя ожидать никакой пользы. [...]

№ 52—55

**Из писем О.М. Бодянского пр-ру МИУ С.П. Шевыреву
о студенческих сочинениях, С.С. Уварове,
собственной работе над конспектом лекций**

Москва

23 мая 1846 — 14 сентября 1848

[ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. № 144]

№ 52

№ 1

23 мая 1846

½ 9-го вечер[а]

[Л. 17—18. Подлинник. Автограф]

Сейчас только покончил я одно рассуждение на золотую медаль по моему предмету и спешу препроводить

его к Вам, почтеннейший Степан Петрович! Не знаю, удастся ли Вам управиться с ним в так[ое] короткое время. Хотя оно всего на 60 листах, но я уверен, что оно вполне равняется другому в 204: так оно чисто и сжато писано. Дня через два пришлю Вам и этого последнего тетрадей две, три, а там и прочее, что только возможно будет прочесть. Мне бы очень хотелось, чтобы и Вы, хоть что-нибудь из того и другого прочли и порадовались, вместе со мною, такому **приспению** такого благого дела, обещающему впоследствии самые благородные и утешительные труды. Право, душа не нарадуется, читая такие исследования в так[ое] короткое время существования нашего общего дела в нашем университете [...] ⁶²⁸ и виновных его на Руси. Так и хотелось бы подписаться самому под этими, вовсе не студенческими, розысками. Во что бы то ни стало, а надо нам их не скрывать **под спудом**, а для блага самого предмета и для блага общего дела, и для блага деятелей, а пуще да знают истину и исповедают ее, если только чужды сатанинской неключимости ⁶²⁹ и упорства! Думаю, что другие члены нашего отделения едва ли будут иметь время пробежать что-либо из этих рассуждений [...] Право, Степан Петрович, любо трудиться нам среди таких восприимчивых и **сметливых** слушателей, которые, сидя еще за лавкой, опережают во многом кафедральных. Давай Бог их побольше и больше! [...]

№ 53
№ 2

26 августа 1848
7 утра

[Л. 33–34. Подлинник. Автограф]

Почтеннейший Степан Петрович!
Сообразив все хорошенько на досуге после Вашего отъезда, я пришел к той, кажется, верной мысли, что

⁶²⁸ Слово неразборчиво.

⁶²⁹ Неключимость — бесполезность, негодность.

министру ⁶³⁰ в нынешних обстоятельствах заграничных не хотелось бы снова попасться с славянской кафедрой, особливо у нас, в то положение, в каком он уже раз был по неосторожности, или чему другому просил о [...] ⁶³¹, как их некоторых называют. Вот он, и сам не зная, что делать, то к той, то к другой мере прибегает, не удастся ли как за[благо]временно, на всякий случай, оградить себя, по крайности, словами предполагаемого преступника, и тем высказать, с одной стороны, свою предусмотрительность, а с другой и меры против грядущего зла высказать перед судьей. Такая заботливость слишком давно явно сама себя обличает и прямо говорит, чего хотят. Скажите откровенно, без всяких обиняков и пощады меня, без всяких **прелюдий**, которые вместо своего назначения, обыкновенно производят противное действие, что Вам известно положительно об этом деле? Министру нужна кафедра для чего-нибудь, для собственного ли покоя, из предосторожности по [с]жатости времени, или для чего бы то ни было — я больше не сижу на ней; но проходить подобные мытарства, и притом занимая столько лет ее, подвергаться Измаиловским терзаниям, в которых, пожалуй, с горячки, или сдуру, и проговориться я **не в состоянии**, я не могу принудить себя. Лучше без хлопот и мороки затянуть: «Я в пустыню удаляюсь!» Кроме того, мне бы хотелось услышать от Вас, если только Вы будете так добры, кто Вам поручил сказать мне доставить свое Исповедание славянской веры? Министр, попечитель ⁶³², ректор ⁶³³? Нет, почтеннейший и добрейший Степан Петрович, после этого Вам и прочим сотоварищам моим расти, а мне **молиться** [...]

⁶³⁰ Речь идет о С.С. Уварове.

⁶³¹ Четыре слова написаны неразборчиво.

⁶³² Речь идет о Д.П. Голохвастове.

⁶³³ Речь идет о Д.М. Перовицкове.

№ 54
№ 3

11 сентября 1848
7 веч[ера]

[Л. 35–35 об. Подлинник. Автограф]

Почтеннейший Степан Петрович!

Как вы думаете, следует ли мне самому явиться к министру прежде, нежели он станет посещать нас, и извиниться пред ним в том, что по с[и]ю пору не мог доставить ему своего конспекта, или же передать это посредничеству попечителя? Потому что я, начавши на другой день после посещения Вашего (26-го авг[уста])⁶³⁴, по с[и]ю пору не могу окончить своей работы, между тем как тружусь по 10-ти и более часов в день, даже очень редко бываю от того в типографии. Целых 15 листов уже исписал, а только едва перешагнул за половину. Пожалуйста, надоумьте меня, как лучше сделать: Вы хороши с министром, знаете его коротко, а я нич[его] с того не имею. Я вовсе не про[шу], как видите, от удовлетворения желания его, но чего же делать, что обширность [...] ⁶³⁵ не позволяет никак с[ъе]житься? Притом, пожалуй, съежишься, а он подумает с намерением. Впрочем, если я уже упустил надлежащее время — так тому и быть. Не ищу своих [...] ⁶³⁶

№ 55
№ 4

14 сентября 1848
в 5 п[о]п[олудни]

[Л. 36–36 об. Подлинник. Автограф]

Почтеннейший Степан Петрович!

От всей души благодарю Вас за весть о намерении министра побывать у меня на лекции. Хоть и ждал я его каждый раз, тем не менее от Вас первых узнаю определенно

⁶³⁴ Так в документе.

⁶³⁵ Слово неразборчиво.

⁶³⁶ Слово неразборчиво.

[...] постараюсь, как советуете, высказаться. Одно только не знаю, в котором часу будет он? У меня завтра две лекции, в 12-м часу по истории чешской словесности, и [в] 1-м по языку чешскому; последняя мало представляет простора к цельности, сжатости и стройности [...]

№ 56

Письмо студента юридического факультета МИУ
Александра Тихомирова С.П. Шевыреву

[Москва]

24 апреля 1848

[ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. № 549. Л. 1–2 об. Подлинник. Автограф]

Добрый, незабвенный мой пр-р!

Не имея ласкать себя надеждою, что мое письмо будет также принято, как и личное объяснение, я однако ж, вынужденный необходимостью, смею надеяться, что болезнь, которая полторы недели держит меня дома, смеет просить у Вас извинения в этой переписке.

Снова и, к сожалению, кажется в последний раз эта беседа мыслью и словом с Вами. Здесь опять последняя моя, отсталая просьба, просьба о прощении в том, что я и теперь не вполне сдержал свое обещание. Примите этот последний мой труд, труд ничтожный, его-то я прошу принять благосклонно, как последнюю лепту. Он не более, как новое доказательство моей слабой деятельности. Не смотря на это, зная Вас, мне тяжело, мне совестно перед Вами, ибо не все еще сделал, что должен был; и по болезни и по времени более ничего не могу сделать; да если бы и достало сего последнего, то и тогда я бы все остался не правым и пред собою и, тем более, перед Вами: это было бы все-таки несвоевременно. Между тем основываясь на таком единении, на таком общении с Вами, я только и мог думать, мог надеяться на личное знакомство, хотя главными двигателями моих надежд и стремлений были Ваши же собственные чувства и Ваше

ласковое и доброе до бесконечности обращение с нами. Вы сами, если смею сказать, ко мне особенно выразили Ваше сочувствие при разборе одного самого обыкновенного и ненового сочинения, я говорю о Кремле, вы прямо, перед всеми товарищами подали мне руку во имя истины, добра и той красоты, которые мы за одно, казалось, понимали, чувствовали и смело выражали так глубоко и широко, живя и питаясь на русской почве необъятной, великой, самодержавной и православной, питаясь не одним хлебом земным, но и глаголом Божиим, разливавшимся и в стенах нашего университета, не всегда охотно, к сожалению, слушающего то, что едино на потребу вечную. Это, впрочем, невольно вырвалось с досады, смотря бывало на окружающую братию, зевающую при взглядах на предмет религиозный. Но я уже, простите, далеко зашел. — Вы сами, повторяю, выразили ко мне то сочувствие и внимание, которые я уже подозревал с самого первого знакомства на вступительном экзамене; Вы бросили искру в душу, которая уже начинала холодеть в тех чувствах, мною выраженных при взгляде на наш Кремль, — от встреч почти всегда противных, холодных, а иногда и насмешливых над подобными чувствами. Без сомнения, Степан Петрович, другие более меня знакомы с Вами по сочинениям, я же, как человек, слабый в деятельности практической, собственно письменной, зная свои недостатки, осмеливаюсь только выстроить непременно, больше чем другие даже, свое сочувствие полное и бескорыстное ко всему тому, что слышал от Вас в продолжение двух лет, хотя, конечно, доброму и прекрасному кто же не сочувствует, разве явно противящийся истине. Все это я пишу к Вам, чтобы Вы непременно видели, хотя Вы и знаете, что Вам многие сочувствуют; но я, я, говорю, больше других хочу, чтобы Вы заметили мою любовь ко всему Вашему духовному существу. Я теперь лишен уже удовольствия слушать Вас и, по домашним расстроенным обстоятельствам, едва ли могу надеяться на второй курс, но во всяком случае — в стенах ли универси-

тета или вне его я буду помнить и хранить Вашу рецензию и ваши слова и чувства. И только одно воспоминание, только память об Вас, пока жив человек, у меня не умрет в душе! Прощайте. Такова судьба, верно, всего, что во времени!

Студент юридического факультета, 1-го курса,
Александр Тихомиров,
1848 года, апр[еля] 24 день.

P.S. Перечисляю, по Вашему приказанию, те дела, которые поданы и у Вас находятся: 1. **Первая лекция в 1846 г[оду] о формализме науки.** 2. **Рассуждение о характере Грозного**⁶³⁷. 3. **Перевод с немецкого.** 4. **Перевод славянской грамоты.** 5. **Перевод с латинского.** 6. **Описание Кремля.** 7. **Дело окончат. рассуждение о Ликурге как законодателя.** 8. **Перевод последний с немецкого языка.**

№ 56 а
Письмо С.П. Шевыреву студента МИУ И. Л.
Москва

[ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. № 264. Л. 1—2 об. Подлинник. Автограф]

Степан Петрович!

Сознаю перед Вами всю необдуманность моего поступка; в душе своей я не имел намерения ни оскорбить Вас, ни унижить себя в Вашем мнении. И я хочу, сколько могу, высказать Вам свое оправдание. Вы простите меня, если узнаете, что я сам сознаюсь в своем проступке. Сохраняя все должное уважение к Вам, как к одному из моих наставников, следовательно, и благодетелей, я хотел с откровенностью высказать Вам то, что у меня было на уме; потому что Ваше благородное и снисходительное обращение с нами всегда внушало мне смелость прямо обращаться к

⁶³⁷ Имеется в виду Иван IV Грозный.

Вам с своими просьбами, и просить Вас так, как всегда стал бы я просить первого, любимого мною человека, не нарушая приличия отношений, в которых должен находиться студент к пр-ру, и не давая себе свободы высказать Вам что-нибудь больше, нежели сколько требует этого нужда и обстоятельства. Не одаренный от природы способностью скрывать от других то, что я чувствую, чем занята душа моя, я часто в порыве внутреннего движения духа, откровенно высказал другим мои чувства, мою душу. До тех пор, пока я был окружен людьми родными мне и по плоти и по духу, я не испытал, как иногда в жизни бывает вредно высказывать самые священные, самые невинные и благородные ощущения сердца; ибо на свете есть люди, которые все то, что есть возвышеннейшего и благороднейшего в природе души человеческой, подводят под меру холодных, эгоистических расчетов, в глазах которых самое благородное и бескорыстное стремление к достижению прекрасных и высоких целей не имеет никакой цены, если оно не разочтено с их низким стремлением к одним корыстным целям, и которые со злобою будут преследовать того человека который наперекор им, наперекор их безнравственным убеждениям, будет постоянно сознавать правоту дел своих и истину своих нравственных и религиозных убеждений. Я не скажу, чтобы я не был погрешителем в своих мнениях и чувствах, но признаюсь, что я много терпел от людей и обстоятельств за самые лучшие, возвышенные и справедливые уверения моей нравственной совести, до тех пор, пока горьким опытом и душевным страданием я не искупил права неприкосновенно владеть ими. Я прежде думал, что все люди живут душою и чувствуют так же, как я. Я предполагал, что закон совести и религии и закон природы души человеческой так же действует на других, как и на меня. Но когда несчастные и непредвиденные обстоятельства вывели меня из семейственного круга, в котором я получил воспитание, основанное на святом законе нашей церкви, под влиянием правил строгой нравственности и неж-

ных внушений любимой и незабвенной матери, и привели меня в соприкосновение с холодною жизнью света; тогда в душу мою проникло грустное разочарование в самых лучших мечтах моих; я боролся с самим собою и с злобою людей, и эта борьба довела меня до такого состояния, в котором человеку остается одно прибежище — религия. Дух мой часто успокаивался, но страдало тело, и это страдание разрешилось ужасною катастрофою: я сделался болен сильнейшею нервическою горячкою; только крепость юных сил моих и пособия медицины спасли меня от смерти. Это было в первый год по вступлении моем в университет. Это важное событие в моей жизни рушило мои планы. Я много утратил сил и энергии в борьбе с судьбою, лишился лучших средств к выполнению своих планов, но сохранил в душе чувство, всегда готовое отозваться на все прекрасное и благое.

Я душою люблю Вашу науку, нахожу в себе сочувствие и отзыв на те основные идеи ее, на которых она зиждется Вами, и Ваши воззрения, Ваше изложение, одушевленные и согретыe Вашим собственным чувством, облеченные в формы прекрасного языка, прямо говорящего воображению и чувству, могут привлечь к Вам всякого, кто только не равнодушен к науке изящного. Я не был доволен моим изучением Вашего предмета; ибо я, по причине болезни, не имел столько времени, чтобы изучить его во всей полноте, как в общности, так и в подробностях, и навсегда усвоить его моей памяти и разуму. Ответ мой показал Вам, до какой степени я мог успеть в этом: но мне даже не хотелось получить плохого балла по такому предмету, который имеет для меня интерес, неразрывно связанный с моею внутреннею жизнью; и я откровенно хотел обратиться к Вам с просьбою о том, чтобы Вы отложили мое испытание до мая. Но к сожалению, я не слышал прежде, что вы ни для кого не могли отложить экзамен до мая; в противном случае я всегда имел намерение поступать сообразно с Вашею волею. На словах я не мог принести Вам никакого оправдания тем более, что видел Вас нерас-

положенным выслушивать его. Ваши замечания об отношениях студента к пр-ру и к месту нашего воспитания, замечания, которые Вы высказали перед началом Вашей лекции, я имел право относить к себе более, чем кто-нибудь другой: я вполне убежден в истине слов Ваших, я к сердцу принял все то, что сказано было Вами от сердца. Меня упрекает совесть за мою неосторожность, которая, может быть, была причиною того, что Вы и меня причислили к разряду тех, которые неспособны питать в себе никакого чувства раскаяния, ни хранить незапятнанным свой нравственный образ. Нет! Я человек, я могу грешить и заблуждаться, но никогда не решусь искоренять в себе священного чувства нравственного долга, не решусь стать в ряду людей, отвергаемых Вами: я и без того уже несчастлив тем, что бедность моего отца и ничтожность положения в обществе моих товарищей сделали меня чуждым для всех, окружающих меня и одиноким среди шумного города. Только в воспоминаниях и науке я нахожу отраду для моего духа. Я мало имею светлых надежд в будущем, ибо я знаю, что мне не суждено выйти из университета кандидатом. Но я мог бы быть кандидатом, если бы судьба не положила противодействия в начале моей университетской жизни. Ослабленный телом и убитый горем я не мог сделать многого; но сознание моего столь незавидного положения еще не убило во мне бодрости духа, и я решился во всем покориться воле провидения и исполнить то, к чему призывают меня и совесть и долг. Теперь я желаю одного — чтобы Вы простили меня и извинили мой поступок, непозволенный моим отношением к Вам, поступок, в котором я всегда буду раскаиваться и упрекать себя, если он не будет прощен. Я откровенно, Степан Петрович, высказал вам здесь то, чего я не мог бы передать словесно; потому, что тогда все мои оправдания были бы слабы. Я не желаю, чтобы мой поступок был упреком целому курсу, и если я впоследствии не заглажу вины моей, то буду недостойным ни малейшей снисходительности Вашей ко мне; но я и от Вас и от себя ожидаю противного.

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

№ 57—58

Из отношений попечителя ХУО С.О. Потоцкого
П.В. Завадовскому о назначении Ф.В. Пильгера
и И.А. Шнауберта пр-рами ХИУ

[Харьков]
15 апреля 1806

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 60]

№ 57
№ 1

[Л. 1—1 об. Подлинник]

Совет ХУ, находя нужным замещать праздные кафедры достойными людьми, избрал на основании устава для кафедры скотолечения Пильгера, пр-ра Гессенского университета, известного по своим сочинениям и о котором я имел уже честь уведомить в. с-во. Избрание сего пр-ра как достойного к занятию помянутой кафедры я признаю, с своей стороны, полезным тем более, что распространение сих знаний в здешнем крае необходимо нужно по причине нередко случающихся скотских болезней и что пр-ра сей науки найти ныне весьма трудно [...]

№ 58
№ 2

[Л. 2—3. Подлинник]

В бытность мою прошлого 1804-го⁶³⁸ года в Лемберге, вызвал я некоторых пр-ров и адъюнктов в ХУ, которые и утверждены в. с-вом в разные времена по моим представлениям. Между сими чиновниками знаменитый ученостью и имеющий отличие при Веймарском дворе т. с. Гете,

⁶³⁸ Так в документе.

которому поручено главное смотрение над Йенским Университетом, рекомендовал мне Шнауберта пр-ром для кафедры химии и металлургии; он до того времени хотя и не занимал подобного места в иностранных университетах, но издал по части сей некоторые сочинения, приносящие ему честь. Полагаясь на сию рекомендацию, подтверждаемую оными сочинениями, пригласил я оного Шнауберта пр-ром для упомянутой кафедры. Но как, по прибытии его в Харьков, некоторые пр-ра изъявили неудовольствие, находя его слишком молодым для означенного места, то я почел нужным представление об утверждении его в сем звании отложить на некоторое время, дабы узнать точнее его способности и знания; о чем имел я честь донести в. с-ву от ноября прошлого года.

Когда же он по открытии университета начал читать химические лекции и искусным преподаванием оных, которое свидетельствуют успехи его слушателей, доказал ныне знание свое в сей науке и оправдал сделанную об нем рекомендацию г. Гете: то я, удостоверясь таким образом в его способностях и похвальном поведении, которым снискал он благорасположение своих сотоварищей, почитаю себя обязанным покорнейше просить в. с-во об утверждении его в звании пр-ра химии и металлургии.

№ 59

**Из представления С.О. Потоцкого П.В. Завадовскому
об утверждении пр-ра А.И. Стойковича
ректором ХИУ**

**[Харьков]
28 ноября 1806**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 61. Л. 1–2. Подлинник]

Совет ХУ на основании устава в заседании своем от 4 числа сего месяца занимался избранием ректора на будущий 1807-й год. По большинству голосов избраны в сие званием пр-р хирургии Шумлянский и пр-р физики Стойкович, из которых каждый получил пять избирательных

и пять неизбирательных голосов: оба они, сколь известно мне, достойны сей чести, которой удостоивает их словесие университета. Я, с своей стороны, предпочтительно желаю, чтобы сие место занимал русский как знающий язык и обыкновения страны. Но пр-р Стойкович родом из корпатороссов легко мог научиться и успеть в российском языке и имел довольно времени познать обыкновения той страны: он может почестся почти русским. При том, посещая разные иностранные университеты, он видел многие полезные заведения, которые могут быть введены равным образом и в наш университет: таким образом избранием его на сие место соединится та польза, каковой должно надеяться от ректора, знающего обряды российские в производстве дел и будут отвращены разные толки, могущие произойти со стороны иностранных университетов, есть ли ректорское достоинство будет оставаться всегда между одними русскими [...]

№ 60

**Из представления С.О. Потоцкого П.В. Завадовскому
об избрании на должности ректора и деканов ХИУ
[Харьков]
16 февраля 1808⁶³⁹**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 90. Л. 1–1 об. Подлинник]

[...] я полагал бы относительно выбора ректора утвердить в сем звании пр-ра Рижского, который, как в. с-ву, известно и прежде сего исправлял должность сию с отличным усердием; что же касается г. пр-ра Осиповского, то он, оставаясь при должности неперменного заседателя, тем полезнее будет университету, ибо едва ли кто-нибудь другой из пр-ров может оную исправлять с такою же точностью и старанием. Относительно же выбора деканов я должен заметить, что в случае утверждения г. Рижского в звании ректора остаются токмо одни иностран-

⁶³⁹ Помета: получено 27 февраля [1808 года].

ные пр-ра деканами; из сего можно заключить, что избрание сих последних произошло от начавшейся недавно в университете интриги между некоторыми из сих пр-ров, посредством коей они надеются получить преимущественную пред другими власть управлять по большинству голосов университетскими делами. При таковых обстоятельствах и самый старательный ректор не имел бы возможности действовать беспрепятственно в пользу университета: да и я сам едва ли в состоянии был бы отвечать за все беспорядки и упущения, какие от незнания их русского языка, законов и порядка дел неминуемо должны произойти; по сим причинам не благоугодно ли будет в. с-ву из числа выбранных иностранных пр-ров оставить деканами де Баллю⁶⁴⁰ и Шада вместо же других двух Дела-виня и Коритаря утвердить в сем звании пр-ров Шумлян-ского и Стойковича, из коих первый заслуживает преимущество по числу шаров при выборе ректора; а последний при известной деятельности [имеет] совершенное познание русского языка [...]

№ 61

Отношение А.К. Разумовского П.И. Голенищеву-Кутузову о замещении кафедры анатомии ХИУ

[С.-Петербург]
27 мая 1811

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 128. Л. 11. Заверенная копия]

М. г. м. Павел Иванович!

Для занятия кафедры анатомии в ИХУ нужен чиновник из природных россиян или из российских подданных, могущий удобно преподавать сию науку на русском языке. Почему прошу в. пр-во меня уведомить, не имеете ли в виду кого-либо из чиновников медицинского факультета МУ, который бы желал и мог с похвалою заступить пр-рское место по означенной части в ХУ.

⁶⁴⁰ Имеется в виду Я.Я. Белен-де-Баллю.

№ 62—64

Из отношений Правления ХИУ и С.О. Потоцкого А.К. Разумовскому относительно увеличения жалованья студентам ХИУ

[Харьков]

30 сентября 1811 — 8 мая 1816

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 139]

№ 62

№ 1

Отношение Правления ХИУ А.К. Разумовскому 30 сентября 1811

[Л. 1. Подлинник]

По высочайше утвержденному штату сего университета на содержание каждого из казеннокоштных студентов, понимая под тем одеяние, обувь, содержание стола, освещение, доставление воды и классические потребности, положено по 200 рублей в год. Сия штатная сумма в последствии времени, по возвысившимся чрезвычайно на все вещи ценам, сделалась столь мала, что с нуждою стать может ее для одного содержания их себя столом и одеянием. Сие обстоятельство заставляет войти к в. с-ву с представлением, и просить, не благоугодно ли будет по сей причине позволить отпускать казеннокоштным студентам на освещение, доставление воды и классические потребности каждому кроме штатного положения рублей по 20-ти в год из хозяйственной суммы.

Ректор Афанасий Стойкович

№ 63

№ 2

Отношение Правления ХИУ А.К. Разумовскому 11 ноября 1815

[Л. 3—3 об. Подлинник]

Казеннокоштные студенты сего университета в поданном в сие Правление прошении написали, что при возвышении цены на все жизненные потребности они из отпус-

каемой им на стол суммы имеют теперь беднейшее пропитание. Нужда таковая увеличивается тем более, что в городе Харькове не можно иметь подрядов ни на хлеб, ни на говядину, а все должно покупать на наличные деньги. В последние месяцы октябрь и ноябрь они при всей экономии, быв принуждены уделять некоторую часть из столовой суммы на свечи, имели только один пустой борщ. А по сим причинам просят, чтобы Правление представило кому следует, о увеличении их жалованья дабы они могли сделать прибавку на содержание своего стола. Казеннокоштные студенты сего университета получают годового жалованья на все потребности по двести двадцать рублей, кандидат по триста рублей, магистры по четыреста рублей. Поелику же цены на все вещи, служащие к содержанию, в городе Харькове действительно сделались вчетверо и пятеро дороже, нежели каковы были при открытии университета, то Правление считает необходимым, чтобы к жалованью, производимому ныне студентам, кандидатам и магистрам прибавить по крайней мере по сту рублей в год, о чем и имеет честь представить на благоуважение в. с-ва.

Ректор Тимофей Осиповский
 Декан Бернгард Рейт
 Декан [...] ⁶⁴¹

№ 64
 № 3

Из отношения С.О. Потоцкого А.К. Разумовскому
 [Харьков]
 8 мая 1816

[Л. 9—9 об. Подлинник]

В. с-во изволили препроводить ко мне на соображение представление университета о прибавке жалованья студентам, кандидатам и магистрам с приложением примерного счета годового содержания студента по настоящим ценам. Вследствие сего, признаю долгом донести в. с-ву, что я, имев случай удостовериться лично в настоящем

⁶⁴¹ Фамилия написана неразборчиво.

бедственном состоянии студентов не могу не одобрить попечительность университета, предупредившего своим ходатайством, одну из главнейших собственных моих обязанностей. Получаемое ныне студентами на все вообще потребности годовое жалованье 220 рублей, при настоящей чрезмерной дороговизне, действительно столь недостаточно, что остающиеся у них за всеми прочими издержками столовые деньги не могут ни коим образом доставлять им способа к самому умеренному прокормлению, и если принять в рассуждение, что сии молодые люди, требующие в растущем еще возрасте питательной пищи, должны довольствоваться одним пустым борщом и таким образом истощать медленно свои силы к явному вреду самых даже душевных способностей, то единое сострадание к человечеству уже достаточно, обратить на них милосердие начальства. Посему я убеждаюсь по долгу моего звания, а равно и самого человеколюбия, покорнейше просить в. с-во не оставить начальническим утверждением благонамеренное и справедливое представление университета о прибавке к получаемому ныне казеннокоштными студентами жалованья, еще по сто рублей, из процентов университетской хозяйственной суммы, коих причитается ныне около десяти тысяч рублей [...]

№ 65

Отношение Совета ХИУ А.К. Разумовскому
 Харьков
 30 июля 1811

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 140 Л. 1—1 об. Подлинник]

Совет сей, поставляя себе долгом стараться сколько возможно сделать обучающихся в сем университете студентов способными к службе Его Императорского величества Государя, положил: 1-е, чтобы впредь каждый вновь поступивший в сей университет студент занимался первые два года единственно приобретением нужных знаний во всеобщих науках разве что некоторые из них по истечении первого года окажут такие в сих науках успехи, что можно им будет в каком-либо факультете слу-

шать с успехом лекции. 2, чтобы после каждый из них пробыл еще три года для изучения в факультете наук, кои он себе главным предметом избрал. 3, чтобы студенты, обучающиеся медицине, пробыли в врачебном отделении по крайней мере четыре года для изучения оной. 4, чтобы студенты по окончании трех лет учения подвергались испытанию для получения звания кандидатов, и чтобы они, ежели при экзамене, предписанном уставом сего университета, окажутся сего звания достойными, оставались каждый в своем факультете в достоинстве кандидатов для усовершенствования себя в науках; каковое свое положение, Совет сей честь имеет представить на благорассмотрение и утверждение в. с-ва.

№ 66—68

**Материалы о студенте А. Астрелине,
предоставленные Училищным комитетом ХИУ⁶⁴²
П.В. Завадовскому
12 августа — 2 сентября 1811**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 141]

№ 66

№ 1

**Из письма смотрителя Волчанского уездного
училища И. Гринева директору училищ Слободско-
Украинской губернии А.И. [Шредеру]⁶⁴³
Волчанск
12 августа 1811**

[Л. 5—5 об. Подлинник. Автограф]

Ваше высокоблагородие м. г. Андрей Иванович!
Имея счастливую выгоду получить чрез г. Астрелина от
вас письмо, из коего вижу истинное благорасположение

⁶⁴² В его состав входили пр-ра ХИУ А.И. Стойкович, П.М. Шумлянский, Т.Ф. Осиповский, И.Ф. Тимковский.

⁶⁴³ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811: в 2-х ч. / Императорская академия наук. СПб., 1811. Ч. 1. С. 411.

ваше к маленькому нашему обществу [...] Но присланный вновь учитель Астрелин заставляет меня робеть, его пылкость, его негодование и сопротивление против училищного начальства меня ужасают. Я употребил всевозможное старание уговорить его к присяге, он не хочет исполнять сего узаконенного порядка, а посему я и к должности его не допускаю. Напротив того, хочет подавать мне просьбы, которые я принимать не намерен, потому что он не желает узаконенным порядком войти под мое ведение. Итак м. г.! Я признаюсь, что такое поведение подчиненного для меня ново и образцовое; то покорнейше прошу научить меня, могу ли я принимать просьбы от г. Астрелина, который не имеет никакой склонности вступить законным порядком под мою команду [...]

Ваш покорный слуга меньшей Иван Гринев

№ 67

№ 2

**Письмо А. Астрелина А.И. [Шредеру]
Волчанск
19 августа 1811**

[Л. 3—4 об. Подлинник. Автограф]

Ваше высокоблагородие, м. г.!

В первый раз еще приемлю смелость на бумаге относиться к вам и предлагать на суд ваш мои мысли. Простите дерзость мою, яко почти в отчаянное положение приведенного человека.

В ожидании резолюции на мое прошение, поданное в Училищный комитет 1-го августа сего года о позволении мне окончить курс наук или выдать аттестат о моем поведении, а более ужас сделаться клятвопреступником, воспрещают мне вступить в должность мне, противу моего желания и условия, с которым вступил я в казеннокоштные студенты, определенную. Приказание ректора⁶⁴⁴, угрозы его быть высланным полицией из Харькова и обещание по форме чрез смотрителя объявить мне решение,

⁶⁴⁴ Речь идет о А.И. Стойковиче.

а ничто больше понудили меня прибыть на место тщетно ожидавшей меня должности. Деньги, взятые мною только для формы моего отбытия, по первому мановению университета возвращены будут. Я поелику человек, имею волю от Бога, поелику дворянин, имею волю от Государя. Конечно, воля моя как подданного должна ограничиваться законами, но где же законы, в теперешних обстоятельствах моих ограничивавшие мою волю?..... Беспредельные слезы недовольно облегчают угнетенное мое сердце..... Кажется мне, что ни в уставе университета, ни в предписаниях министра не находится, чтобы студента не окончившего курс можно делать учителем, тем более делать учителем насильственно. Кто же теперь вправе по-работать меня, кто меня невольником может сделать, кроме повелительскую власть имеющего? Никто, и я точно свободен от должности насильственной. Наставьте меня, м. г., ежели я ошибаюсь. Если же, сверх чаяния моего, резолюция согласная с законами велит мне принять должность, тогда, ополчившись противу моих обстоятельств; вооружающих меня теперь против предстоящей мне службы, и не имевши средств более защищать себя, готов буду повиноваться необходимости; но до тех пор, само[со]хранение, сей первый и важнейший закон природы внушает мне ввергаться во все возможные меры избавить себя от насилия, имея в виду никогда не быть в кругу худших обстоятельств. Сверх того, я нездоров, но здесь ни лекаря, ни лекарств нету. Войдите, ваше высокоблагородие, в мое положение будьте моим благодетелем посудите беспристрастно о теперешнем моем достоянии, которое едва ли перенесет мой родитель, и наставьте меня в том, что признаете для меня лучшим.

Возвращение без подписи второго моего прошения в Училищный комитет (которого однако ж я не принял)⁶⁴⁵, о скорейшем решении первого, придало мне более смелости и надежды приводить в исполнение мое намерение.

А хотел теперь опять подавать прошение в Училищный комитет, но смотритель от меня оно не принял, уверяя,

что я до действительного вступления в должность не подлежу его ведению. Кто же теперь непосредственный мой начальник, к которому бы я прямо относиться мог? Университет в предписании своем препоручил меня в Ваше начальство, вы в Вашем предписании отдали меня ведению здешнего смотрителя. Итак, неужели я и после сего не состою под его началом?

Впрочем, при засвидетельствовании вам истинного моего высокопочитания, пребыть часть имею

ваше высокоблагородие, м. г.

покорнейшим слугою

Агафагел Астрелин

№ 68

№ 3

Отношение Училищного комитета ХИУ

П.В. Завадовскому

[Харьков]

2 сентября 1811

[Л. 1—2. Подлинник]

Находившийся в числе казеннокоштных сего университета студентов Астрелин по ненадежности его к большим успехам определен в прошлом июле месяце учителем на Волчанское уездное училище. По объявлении ему сего, он подал в комитет прошение об отменении определения комитета касательно назначения его учителем для уездного училища до окончания полного университетского курса, в течение коего надеется он успеть в гимназию по крайней мере младшим учителем; есть ли же университет не предполагает в нем способностей к дальнейшим успехам, то [может] на основании устава 116 статьи⁶⁴⁶ уволить его вовсе с выдачею ему аттестата о его поведении. Почему

⁶⁴⁵ Так в документе.

⁶⁴⁶ Данный параграф устава ХИУ гласит: «Ежели кто из студентов, проучась год, не окажет при испытании таких успехов, чтобы можно было перевести его выше: то должен он слушать снова те же наставления; и ежели при следующем испытании успехи его найдутся еще недостаточными, то Правление отпускает его из университета с одним только аттестатом о его поведении».

в комитете заключено: как действительно известно, что казеннокоштный студент Астрелин в течение двух лет оказал весьма недостаточные успехи и впредь не обещает дальнейшей университету пользы, при том же и определение Совета о назначении его учителем никак отменено быть не может и уже исполнено предписанием к директору, то отказав в просьбе его, Астрелина, обязанного на основании 40-й статьи Предварительных правил народного просвещения⁶⁴⁷ и собственною его подпискою быть в совершенном распоряжении университета шесть лет от определения к должности, велел ему отправиться немедленно к определенной ему должности, о чем ему и объявлено. Ныне директор училищ Слободско-Украинской губернии⁶⁴⁸ представил в Комитет два письма, писанные к нему первое от смотрителя Волчанского училища, что он никак не мог уговорить помянутого Астрелина к присяге, почему и к должности не допускает, а второе, самого Астрелина, о избавлении его от должности учителя. Вследствие чего Комитет на основании устава 116 статьи и предложения в. с-ва от 27 апреля сего года за № 11993-м положил: как Советом сего университета определено, чтобы казенных студентов, не оказавших по двухгодичном пребывании в университете достаточных успехов и не подающих надежды впредь, определять по способностям в учителя; сообразно чему поступлено с Астрелиным, но поелику он от определенной ему учительской должности отказывается, то чрез таковое ослушание подвергается на основании 116 статьи устава исключению из университета и поступлению с ним, как с студентом на основании вышеупомянутого предложения в. с-ва. О чем с утверждения Совета университета имеет честь предоставить в. с-ву на благоусмотрение, прилагая при сем в списках и вышеозначенные два письма.

Ректор А. Стойкович

⁶⁴⁷ Данная статья «Предварительных правил» гласит: «Положенное число кандидатов преимущественно наполняется казенными воспитанниками. Они не могут без важных причин оставить учительского звания, не прослужа в нем, по крайней мере, шесть лет от определения к должности».

⁶⁴⁸ Речь идет о А.И. Шредере.

№ 69—71

Документы о запрещении принимать без медицинского освидетельствования на казенное содержание в ХУ и гимназию

24 июня 1812 — 28 июля 1812

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 169]

№ 69

№ 1

Список болезней, с которыми запрещается принимать на казенное обучение в университет и гимназию, составленный пр-ром И.Д. Книгиным для Правления ХИУ

[Харьков]
24 июня 1812

[Л. 2—3. Отпуск. Опубликовано: Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Штаты и приложения. С. 5—6]

Изложение болезней, коими одержимые дети в число казенных воспитанников приняты не должны быть:

I. Болезни душевные

1. Безумие, сумасшествие /mania, insania/
2. Полуумие /fatuitas, amentia/

II. Болезни телесные внутренние

1. Падучая болезнь или родимец /epilepsia/
2. Паралич какой-нибудь части /paralysis/
3. Водяная болезнь местная и повсемественная /hydrops partialis et universalis/
4. Сухотка разного рода /tabes, ahorhia, rachytis/
5. Кровохарканье /haemoptysis/
6. Чахотка /phthisis/
7. Расположение к чахотке /praedispositio ad phthisin pulmonalem/. Познается преимущественно из плоской и узкой груди и сухой и долгой шеи и проч.

8. Повсемественная любострастная болезнь /lues venerea confirmata/

9. Золотуха /scrofula/ с опухолью на шее желез

10. Каменная болезнь
11. Удушье /asthma/
12. Искривленное туловище — горбатость /gibbositas/
- III. Болезни телесные наружные
1. Сведение конечностей /contractura/. Застарелые вывихи и переломы
2. Скирр /scirrus/ и все наружные язвы таковой натуры, так же скорбутные и золотушные застарелые
3. Часотка /scabies/ и все накожные сыпи, как то: проказы, лишай и проч. /lepra, psoriasis, ichthyotosis, herpes, rodens et id genus alia/
4. Костяные опухоли и наросты /tumores ossium et exofoses/
5. Грыжи разного рода /hernica varii generis/
- a. Болезни глаз
1. Темная вода /amaurosis gutta serena/
2. Внутреннее бельмо /cataracta/
3. Сращение зеницы /synizesis pupillae/
4. Водяная болезнь глаза /hydrophtalmus/
5. Хроническое воспаление глаз и гноетечение из оных /inflammatio asthenica membranarum oculi et hippitudo/
6. Пятна на прозрачной оболочке глаза /maculae corna transparentis/ и другие безобразия глаз
- b. Болезни лица
1. Слезной свищ /fistula lacrymalis/
2. Слюнной свищ /fistula salinalis/
3. Гноетечение из уха /otorrhoea/
4. Глухота и тугой слух /surditas et anditus difficilis/
5. Носовой полип /polypus narium/
6. Заячья губа /labium leporinum/
7. Безгласие и немота
- c. Болезни шеи
1. Зоб /struma/
2. Кривая шея /collum obstipatum/
- IV Детородных частей
1. Отвердение и водяная опухоль яйца
2. Непроизвольное мочеиспускание /incontinentae urinae/
3. Затруднительное мочеиспускание /strauguria/

1. Примечание. Всякое изменение частей, составляющее безобразие в теле, считать должно за порок, воспрепятствующий принимать детей на казенное содержание.

2. Примечание. Всякое дитя из казенных воспитанников, одержимое какою-нибудь из вышеперечисленных болезней, выключая одной чесотки /scabies/, не должно более находиться на казенном иждивении.

№ 70

№ 2

**Отношение Правления ИХУ А.К. Разумовскому
об обязательном медицинском
освидетельствовании поступающих на казенное
содержание воспитанников**

**Харьков
29 июня 1812**

[Л. 1—1 об. Подлинник. Опубликовано: По вопросу о казенных студентах, одержимых болезнями, 28 июля 1812 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 218—219]

Как нередко случалось прежде, что принимаемые на казенное содержание в студенты университета и в воспитанники гимназии без свидетельства от медиков оказывались весьма слабого здоровья; и от того происходило, что таковые быв одержимы почти беспрерывно болезнями, не могли с пользою продолжать учения и следовательно соответствовать той цели, для коей они предназначены, то в отвращение сего, Правление сие положило, чтобы никого из просящихся на казенное содержание в университет или в гимназию не принимать, прежде пока он не представит от университетских медицинских чиновников или от врачебной управы свидетельства, что он не имеет никаких болезней; а дабы сделать определительные, в каких именно болезнях не принимать на казенное содержание, поручено было декану медицинского отделения Книгину сделать подробное изложение болезней, при коих принимать на казенное содержание не должно, ко-

торое он г. Книгин в Правление и представил. Правление, представляя означенное сочиненное им, Книгиным, изложение болезней на утверждение в. с-ва, имеет честь к нему присовокупить, что поелику в университете есть теперь такие студенты и при харьковской гимназии воспитанники, которые находятся беспрестанно в болезнях, то дабы избежать напрасных издержек на лечение таких студентов и воспитанников производимых, Правление полагает уволить их из казенного содержания.

№ 71

№ 3

Ответ А.К. Разумовского Правлению ИХУ

**[С.-Петербург
28 июля 1812]**

[Л. 4—5. Заверенная копия. Опубликовано: По вопросу о казенных студентах, одержимых болезнями, 28 июля 1812 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 219—220]

На представление Правления № 818 даю знать, что как почти все из принимаемых на казенное содержание студентов и воспитанников харьковской гимназии обучаются в заведениях, подведомственных университету, следовательно, начальству сих заведений должно быть известно, одержим ли кто-либо неизлечимою болезнью, препятствующею проводить учение и потом поступить в учительскую должность. Таковых одержимых неизлечимыми болезнями, конечно, на казенное содержание принимать не должно; оказавшимся же имеющими при приеме временную только болезнь, которую вылечить удобно, не отказывать в приеме, но тотчас брать меры к немедленному полечению их. В рассуждении находящихся теперь на казенном содержании в университете студентов и при харьковской гимназии воспитанников, которых Правление по болезни полагает уволить из казенного содержания, предлагая о каждом таковом студенте и воспитаннике доставить сведение, из какого кто состояния, когда поступил на казенное содержание и имеет ли ро-

дителей или родственников, которые бы могли взять его на свое содержание; после сего Правление имеет ожидать разрешения, до получения которого не исключать никого из казенного содержания.

№ 72

**Из отношения С.О. Потоцкого А.К. Разумовскому
о пасквиле, написанном от имени студентов ХИУ**

Харьков

8 мая 1816

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 277. Л. 5—6. Подлинник]

С крайним прискорбием известился я от е. пр-ва г. слободско-украинского губернатора⁶⁴⁹, что от имени студентского общества написана на счет здешнего г. вице-губернатора⁶⁵⁰ оскорбительная и угрозы ему заключающая бумага. Как начальник университета, обязанный стараться о сохранении чести всех подведомственных ему лиц, я не могу скрыть неприятного впечатления, произведенного во мне известием о сем происшествии, которое не токмо в России и других благоустроенных государствах, но даже в самых республиках терпимо быть не может. [...] Не хочу и не требую объяснения, какие причины побудили сих в неизвестности скрывающихся сочинителей к написанию столь же безумной, как и дерзкой бумаги; я наперед уверен, что оные не могли быть основательными: ибо всякое правильное неудовольствие не ищет скрываться под личиною подлого пасквиля; но отыскивает удовлетворения явным и законами дозволенным образом. Намерения мои при объявлении о сем Совету состоят в том только, чтобы обратить внимание студентов на чувствительное оскорбление, причиненное им тем обстоятельством, что сей писанный от имени их общества пасквиль, не заключающий в себе ни истины, ни остроты ума, не может вредить нисколько чести г. ви-

⁶⁴⁹ Речь идет о В.Г. Муратове.

⁶⁵⁰ Речь идет о Г.Ф. Гёжелинском.

це-губернатора, но обращается единственно к стыду самих сочинителей. Из сего с вероятностью заключить можно, что если, сверх чаяния, студенты университета принимали участие в сем поступке, то разве такие только, кои, обнаружив оным совершенное безнравие, не заслуживают ни малейшего снисхождения от своих товарищей. В сем удостоверении я предлагаю Совету довести произведенное сим во мне неприятное чувство до общего сведения студентов с тем, чтобы благомыслящие из них, изблещением недостойных своих товарищей, могли отвратить от себя совершенно всякое бесславие им наносящее подозрение. [...]

№ 73

**Из отношения пр-ра ХИУ П.М. Шумлянского
министру духовных дел и народного просвещения
А.Н. Голицыну о присвоении ему звания
заслуженного пр-ра**

**[Харьков
апрель 1817]⁶⁵¹**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 138. Л. 14—15. Подлинник. Автограф]

[...] В 811-ом году представлен был я от университета г. министру⁶⁵² на утверждение в звании заслуженного пр-ра, но мне отказано потому что уставом предписано прослужить до такова наименования 25 лет; университет же и сам считал себя тогда только семи лет от роду. Ясно кажется, что таковое постановление сделано не для нас, русских, служивших до вступления в университет по другим учебным местам один другого более. Таково, однако, было решение господина, подвергнувшее старого слугу в крайнее уныние, и притом в возрасте, одобрения требующем. Но этого еще недовольно было для усиления моего прискорбия. Шесть лет продолжал служение наряду с бывшими моими по Медико-хирургической академии учениками, кои ныне здесь пр-рами. Сие обстоятельство и

⁶⁵¹ *Помета:* получено 25 апреля 1817 [года].

⁶⁵² Имеется в виду А.К. Разумовский.

приятно для меня и больно; больно потому паче, что они недавно произведены, оставив чрез то старого своего пр-ра позади себя без всякого награждения, следовательно, явно в пренебрежении. Совесть моя толкует, однако, что я такой обиды не заслужил, а тем менее, что я всегда стоял за честь университета, чем и приобрел для себя притеснителя.

Справедливо впрочем, что чины не льстят уже седой голове, и то однако правда, что безвинно оплеванный ветеран всякого сожаления достоин и который притом давно и крепко терпит с семейством по недостаточному ныне окладу и при долгах. Кому под 70 лет, тот верно имеет нужду в покое, следовательно, в отставке с полною пенсией и, по трудности времен, с квартирными деньгами, но который без предварительного, единовременного, за 48 лет службы приличного денежного награждения никак не может оной просить.

В. с-во! На сем единственно основались все мои желания, помогите беспом[ощ]ному, колико возможно, исполненному к особе вашей глубочайшего высокопочитания [...]

№ 74—75

**Документы, представленные в МНП
о студенте А. Семенове**

27 апреля — 27 июня 1818

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 323]

№. 74

№ 1

**Из донесения Правления ХИУ попечителю ХУО
З.Я. Карнееву о студенте А. Семенове**

**Харьков
27 апреля 1818**

[Л. 5—6. Писарская копия]

По объявлению э. пр-ра Пауловича пред г. ректором 9-го марта о том, что казеннокоштный студент Александр

Семенов обманул его, Пауловича, выпросив у него 70 р. денег на имя с. с. Василия Назариевича Каразина, который якобы по приезде своем из Москвы в деревню, поручил ему, Семенову, сделать покупку, на которую не достало денег, между тем, как он, Каразин, из Москвы еще не приехал, г. ректор⁶⁵³ отвечал ему, Пауловичу, что Семенов, как он думает, из города уже уехал, поелику выдал ему билет еще 6-го числа. На другой день он, г. ректор, узнавши от него же, Пауловича, что Семенов из города еще не выехал и находится в трактире у содержательницы оно-го Надежды, послал туда солдат взять его, но они Семенова уже там не застали, а донесли, что он поехал в старую аптеку, также по причине обманом выпрошенных им у аптекаря Пискуновского денег. Вслед за сим пр-р Паулович поехал туда сам и схватил его, Семенова, на дороге привел его к г. ректору вместе с извозчиком, харьковским жителем Петром Касьяновым, с которым он, Семенов, 8-го марта заключил контракт, засвидетельствованный у маклерских дел, в котором он, Семенов, назвав себя Александром Мазелевым 14-го класса чиновником, служащим в радзивиловской таможне нанял его, Касьянова, свезти его на 3 лошадях из Харькова в город Дубно ценою за 500 р, заняв еще у него Касьянова 75 р.; при требовании извозчиком сих 75 р и собственного паспорта своего послан был г. ректором сержант для отобрания от него, Семенова, оно-го паспорта и билетов, данных ему, Семенову, 1-го во время масленицы на 3 дня, а 2-го на 20 дней для проезда в Киевскую губернию; но Семенов объявил, что и паспорт и билеты им потеряны. В то же время приходил к нему г. ректору аптекарь Пискуновский, и просил о взыскании с Семенова 125 р. денег, которые он, Семенов, обманом выпросил у него, Пискуновского, на имя помянутого уже г. Каразина под тем же предлогом, как выманил он, Семенов, деньги у пр-ра Пауловича [...]⁶⁵⁴

⁶⁵³ Речь идет о Т.Ф. Осиповском.

⁶⁵⁴ Опущена часть, где Правление в качестве наказания за «противозаконные действия» определяет отправить Семенова «в военную службу».

№ 75

№ 2

Из прошения А. Семенова А.Н. Голицыну⁶⁵⁵

[Харьков]
27 июня 1818

[Л. 22–23 об. Подлинник. Автограф]

Сиятельный князь, м. г!

[...] Неопытный молодой человек, легко совращается с истинного пути ему принадлежащего, я на себе почувствовал сие жестокое правило, признаюсь откровенно в. с-ву, как правосуднейшему из человеков и знающему слабости людские, признаюсь говорю, что я виноват. Но не по преступлению терплю наказание!!⁶⁵⁶ В день, когда правительство университета объявило меня виноватым, был я посажен на Губвахте⁶⁵⁷, как благородный человек, не лишившийся еще предками моими, [слово неразборчиво] за отечество заслуженной Грамоты⁶⁵⁸. Но зложелатель мой пр-р Успенский, с давнего времени меня притеснявший и в сем несчастии не только не оставил, но еще умножил свои гонения. О чем я в. с-ву намерен донести и покорнейше просить, дабы сохранен был закон, что дворянин без суда не накажется; ибо я во время четырехмесячного моего заключения и разных от Успенского угнетений, потерял более, нежели чего достойно мое преступление.

Надобно при сем заметить Вам, Сиятельный Князь! Что прежде времени моего заключения вышел на пр-ра Успенского пасквиль самый низкий, причем Успенский тот час объявил свое подозрение на меня как на своего неприятеля, и я несколько дней безвинно был истязаем, не ведая совершенно написавшего пасквиль! Успенский не оставил своего подозрения; хотя и оправдали меня члены Правления университета. Несколько дней сряду с начала моего

⁶⁵⁵ Это прошение было подано министру народного просвещения в форме записки, на которую последовала резолюция: Г. министр приказал оставить просьбу сию без уважения. 17 июля 1818.

⁶⁵⁶ Так в документе.

⁶⁵⁷ Так в документе.

⁶⁵⁸ Имеется в виду «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. — «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

посаждения в Гобвахту был я морим голодом; ибо Успенский приказывал, чтоб мне ничего не давать, выключая хлеба и воды, а для постели солому и сие я получал из жалости от солдат. Успенский не хотел слушать противного ему определения Правления; дабы меня кормить и содержать пристойно званию! Он купно с полицмейстером Лавровым, старались меня всеми силами утеснять, дабы строгостью принудить к признанию, кто написал пасквиль, о котором я не ведаю. Не удовольствуясь сим, он тайно от членов Правления, перевел меня на пожарню, место, в коем заключены разные величайшие преступники, где, по причине строгого за ними смотрения, и испражняются и я находясь в одной с ними избе, должен переносить все и даже не сетовать; ибо и сие мне запрещено. От сего потерял и здоровье в особенности зрение и в цветущих своих летах отчаиваюсь в жизни. Сверх сего, будучи я потребован в полицию, был угрожаем от Лаврова сими словами: хорошо, что ты попался ко мне в руки, погоди, друг, я тебя прижучу, ты у меня все скажешь!⁶⁵⁹ Хотя Лавров не должен иметь на меня никакого права; ибо я завишу от благородного начальства ученых. Успенский же, с своей стороны, подсылал ко мне секретаря Правления Райдаровского, его соумышленника, дабы я сказал, кто написал пасквиль, говоря, что есть ли я признаюсь, то Успенский, ежели не освободит вас совсем; по крайней мере облегчит мое наказание, прибавя к сему: Знаете, как силен пр-р Успенский, он что захочет, то и сделает! Странное мнение, пр-ра Успенского соумышленника, г. секретаря Райдаровского. Они забыли верно, что я имею еще высшего начальника и милостивого покровителя угнетенного человечества в сиятельной особе вашей. Чрез несколько времени моего заключения, присланы были мне деньги; но Успенским, предупрежденным Лавровым, были отправлены назад. О сих несправедливостях хотел я донести Правлению, но под строжайшим наказанием не велено давать мне все нужное для письма. Но я нашел случай спустя 3 ½ месяца в моем заключении писать в Правление, однако ж Успенский, перехватя прошение мое у офицера, и сказал,

⁶⁵⁹ Так в документе.

что не велено принимать от его прошений. Потом вторично пособием пр-ра Каменского, правосудного члена Правления, был я допущен в присутствие, объявил о всех притеснениях Успенского, без ведома начальства делаемых, и подал о сем прошение [...]

№ 76
Отношение З.Я. Карнеева А.Н. Голицыну
о прохождении студентами общих наук,
преподаваемых в университете

Харьков
9 ноября 1818

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 322. Л. 1–1 об. Писарская копия]

Совет ХУ в представлении своем ко мне изъяснил, что многие из студентов сего университета не занимаются науками с должным рачением и что в особенности не радят об общих знаниях, которым в силу § 109-го университетского устава⁶⁶⁰ необходимо должны учиться все желающие быть полезными Отечеству, какой бы род жизни и какую бы службу ни избрали; Совет же, удостоверившись из опыта, что все к отвращению такового беспорядка употребленные им доселе меры остаются недействительными, положил: что бы считая с 1818-го года никто из казеннокоштных студентов, вступавших, как в сем, так и в прошлом учебном году, не мог переходить в какой-либо факультет, ни получать студенческий аттестат, ни определен быть учителем в гимназию, не быв экзаменован из всех общих наук. Прочим же студентам объявить, чтобы они в силу вышеозначенного § университетского устава непременно оканчивали общий курс.

Таковое положение Совета, признавая и с моей стороны весьма полезным и необходимым, дабы побудить

⁶⁶⁰ Данный параграф устава ХИУ гласит: «Между науками, в университете преподаваемыми, находятся такие, которым необходимо должны учиться все желающие полезными быть себе и Отечеству, какой бы образ жизни и какую службу ни избрали, и того тот только может перейти в самое отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки подготовительные».

студентов к надлежащим занятиям и успехам в науках, с тем, чтобы оное распространить на всех студентов без изъятия, как на казеннокоштных, так и своекоштных при соблюдении во всей точности данного бывшим г. министром народного просвещения университету предписания 30-го сентября 1814-го года, долгом считаю представить оное на утверждение в. с-ва.

№ 77—79

**Из отношений З.Я. Карнеева А.Н. Голицыну
об ошибочном произведении студентов в кандидаты
[Харьков]**

10 января 1820 — 8 января 1821

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 419]

№ 77

№ 1

10 января 1820

[Л. 1. Подлинник]

Полученное мною из Правления ХУ донесение от 20-го декабря о произведенных в прошедшем 1819-м году в кандидаты студентах, долгом считаю при сем в копии представить, на благоусмотрение в. с-ва, донося при том, что от университета требую я дополнительного объяснения, на чем основался оный внести в таковое производство и тех студентов, кои в прежние годы кончили курс наук. Объяснения сии с выпискою экзамен[ацион]ного каталога о всех произведенных в кандидаты студентах по получении буду иметь честь в. с-ву представить.

№ 78

№ 2

29 мая 1820

[Л. 17—17 об. Подлинник]

Предписанием от 17-го прошедшего апреля в с-во изволили поручить мне сделать распоряжение об отобрании свидетельств от кандидатов, неправильно в сие звание

университетом произведенных в 1819 году с тем, чтобы после того представлен был от меня поименный им список. Поелику же некоторые из означенных кандидатов определены уже к учительским должностям, а один из них, выбывши из университета на службу, неизвестно где находится, то, остановившись ныне исполнением предписания, долгом считаю предварительно представить именной список всем тем кандидатам, которые в прежние годы кончили курс наук и в звание сие уже в 1819-м году неправильно произведены вместе с другими окончившими в том году науки, испрашивая начальничьего в. с-ва разрешения.

№ 79

№ 3

8 января 1821

[Л. 35—35 об. Подлинник]

[...] в свидетельстве Сокальского показано, что он кончил курс наук в августе месяце 1818-го года, тогда как все курсы наук всегда оканчиваются публичными экзаменами в июне месяце, что показано справедливо в одном только свидетельстве студента Аврамова; в 30-й же день августа бывает в университете торжественное собрание, в котором произносят речи одни только пр-ры. По таковой разнообразности и неверности означенных свидетельств требовал я от г. проректора подробнейшего объяснения, которое получив честь имею при сем в копии представить. Из объяснения сего в. с-во изволите усмотреть, что главною причиною подобных запутанностей был бывший ректор Осиповский, который во время управления своего, как ныне ясно открылось, всячески старался поддерживать древний в университете беспорядок, при всем усилии моем искоренить оный и завести постоянное и прочное устройство. Имея теперь доброго и надежного помощника в проректоре г. Джунковском, который и по истинной христианской нравственности, и по особенной деятельности весьма способен к ректорской должности, я надеюсь с благословением Божиим достигнуть давно желаемого во всем успеха [...]

№ 80

**Отношение З.Я. Карнеева А.Н. Голицыну
об организации преподавания наук в университете
и о порядке приема студентов в университет**

**[Харьков]
24 июля 1820**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 360. Л. 8—9. Подлинник]

Совет ХУ в представлении своем ко мне изъясняет, что вследствие уничтожения приуготовительных наук в сем университете Совет оный имея рассуждение об организации факультетских наук, положил следующее: 1-е, поступающих студентами в университет экзаменовывать всех без исключения; 2-е, экзаменовывать из всех предметов, преподаваемых в гимназиях, но слегка, строже однако из тех, кои ближе относятся к тому факультету, к которому студент принадлежать будет, а посему и должны поступающие студентами в университет объявлять при самом вступлении, по какому факультету идти намерен; 3-е, требовать от поступающих студентами хорошего знания латинского языка и начала какого-либо из новейших языков; 4-е, для сих экзаменов составить особую комиссию из декана каждого факультета и одного члена сего факультета, из пр-ров экстраординарных или из адъюнктов; экзамены же производить не каждому представляющемуся в студенты порознь, а когда соберется, по крайней мере, десять желающих определиться студентами; 5-е, принимать в студенты от 1-го июля по 1-е октября, после сего числа никого более не принимать; 6-е, В вольнослушающие принимать только тех, кои по состоянию своему или по службе звания сего нести не могут; впрочем принимать их тем же порядком, как и настоящих студентов, и подвергать их тем же правилам; 7-е, поелику же некоторые науки, в гимназиях преподаваемые, должны предшествовать факультетским наукам, то поручить факультетам, чтобы каждый расположил науки свои на все трехлетие университетского учения тем порядком, в каком они меж-

ду собою связаны, дабы между факультетскими науками могли студенты слушать и вспомогательные науки, к факультету принадлежащие, и чтобы сему расположению студенты следовали при посещении лекций; 8-е, не возбраняя студенту, желающему из того факультета, который им избран, перейти в другой, с тем однако ж, чтобы он новому факультету посвятил целое трехлетие, или учинить ему экзамен, и если по учинении экзамена окажется, что он некоторые науки, к новому факультету принадлежащие, слушал, то бы для прочих наук посвятил надлежащий срок; 9-е, тех же студентов, кои год или два одни только приуготовительные науки слушали не выпускать из университета, а слушать им еще науки факультетские; а посему учинить им испытание, дабы знать, какие науки факультетские они уже слушали и какие им слушать остается; на слушание коих их обязать.

№ 81—82

**Отношения попечителя КУО М.Л. Магницкого
и З.Я. Карнеева А.Н. Голицыну о приглашении
карпаторосских пр-ров на вакантные кафедры
в университеты**

23 января 1820 — 8 января 1821

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 409]

№ 81

№ 1

**Отношение М.Л. Магницкого А.Н. Голицыну
«о вызове пр-ров из карпатороссов для КУ»**

**[С.-Петербург]
23 января 1820**

[Л. 1—1 об. Подлинник]

В. с-во изволили видеть сколь безуспешно было обращение Ваше ко всем нашим университетам с вызовом пр-ров в Казань.

За сим следовало бы обратиться, как доселе бывало, к Германии, но дух сей страны таков, что лучше отказаться от учености, нежели прививать к Отечеству нашему духовную заразу, в ней свирепствующую.

Один народ, от которого можно нам желать ученых, есть карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших, которая защищает доселе племена славянские от духа философизма.

Но известно, что правительство австрийское не благоприятствует сношениям карпатороссов с нами; пр-ры, кои из сей нации украшают здешний университет, не могли по сей причине сохранить связей со своим Отечеством и опасаются даже презывать из него сюда людей.

Один, следовательно, остается для сего способ: непосредственное сношение правительств.

Я приемлю смелость испрашивать сей милости для благосостояния обширнейшего учебного округа, над которым ныне от Камчатки до Персии мановением Его величества восходит уже заря христианского просвещения.

№ 82

№ 2

**Из отношения З.Я. Карнеева А.Н. Голицыну
«о вызове в ХУ иностранных пр-ров».**

[Харьков]

8 января 1821

[Л. 11–11 об. Подлинник]

Совет ХУ в донесении своем ко мне изъясняет, что поелику в уставе положено 28 о. пр-ров, а имеется теперь только 8, то Совет, рассуждая, что не предвидя возможности занять вакантные кафедры природными россиянами, не смотря на многократное приглашение, и что для приведения учебной части в лучший порядок и совершенство нужно оные занять, полагает за полезное вызывать иностранных пр-ров особливо славянского происхождения. Но как на сей предмет существует предписание бывшего г. министра народного просвещения графа Разумовско-

го, предоставляющее занятие кафедр одним только россиянам, то Совет и испрашивает позволения на вызов иностранных пр-ров [...]

№ 83

**Отношение попечителя ХУО Е.В. Карнеева
А.Н. Голицыну «о выборах нового ректора»**

[Харьков]

28 декабря 1823

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 414. Л. 49–50 об. Подлинник]

ХУ донес мне, что по случаю приближения времени к избранию ректора Совет оного в заседании своем сего декабря приступил к баллотированию нового ректора: Поелику они, гг. пр-ры Делавинь, Могилевский, Дудрович и Громов по разным причинам отказались: то избираемы были гг. пр-ры: Джунковский, Книгин, Рейт, Паулович, Комлишинский и Кронеберг. Из них большинством осьми избирательных голосов против одного неизбирательного избран был г. Книгин; большинством же пяти избирательных против четырех неизбирательных гг. Комлишинский и Кронеберг. Г. пр-р Книгин, получивший большинство голосов, по причине многих его занятий по университету и звания доктора отказался. Почему избираемые были вторично пр-ры Комлишинский и Кронеберг, получившие равное число голосов. А как и при сем вторичном баллотировании получили они опять равное число оных, то Совет и представил о том на мое усмотрение.

Я, с моей стороны, нахожу, что произведенное ныне баллотирование нового ректора подвержено многим неудобствам. 1-е, При ХУ всего только десять о. пр-ров, из коих целая половина отказалась: на что по уставу едва ли кому право предоставлено. 2-е, из числа оставшихся пр-ров равное число голосов получили двое. 3-е, Сии два пр-ра суть младшие из всех. Имея в виду сии неудобства, я соображал с оными между прочим обязанности, возложенные на настоящего ректора г. с. с. Джунковского,

особенно по строительной части, и так как ректор должен быть председателем Строительного комитета, то, сменив г. Джунковского и определив на сие место нового чиновника, нельзя не встретить от того разных затруднений в отчетности по сей части. Сверх того, как в. с-ву известно, я вхожу с особым представлением о новом образовании университета, в том числе и по предмету избрания ректора. Итак осмеливаюсь представить в. с-ву не благоугодно ли будет впредь до усмотрения, оставить при ХУ ректором г. Джунковского как чиновника, по настоящему положению вещей, наиболее к заступлению сей должности способного.

№ 84

Из отношения Е.В. Карнеева А.Н. Голицыну «о новом образовании ХУ»

[Харьков]

28 декабря 1823

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 478. Л. 29—29 об. Подлинник]

[...] Важнейший начальник, ректор, названный главою университета, избираясь попеременно из пр-ров, занятых учеными своими упражнениями, не имеет ни времени, ни способов к порядочному исправлению возлагаемой на него посторонней сего рода и весьма трудной обязанности; при том же подвергаясь перемене, не пользуется ни тою властью, ни тем уважением, какие начальнику приличны. Отсюда общее невнимание к его настояниям и собственная его уклончивость от надлежащей и необходимой во всех заведениях строгости, требующей справедливого в разных случаях взыскания.

Неудобство сие по прежнему общему учреждению университетов, замечается уже было неоднократно, и вследствие того при университетах Петербургском и Казанском, положены для экономической, полицейской и нравственной части особые чиновники, под наименованием директоров. Я, однако ж, нахожу, что определение такового чиновника при университете в то время, как

глава одного есть ректор, сопряжено с великими затруднениями, ибо два начальника в одном месте быть не могут. Посему я считаю, гораздо удобнейшим, не переменив существа устава и учрежденного порядка дел в ХУ, оставить местному начальнику одного звание ректора, но токмо званию своему даровать особые преимущества [...]

№ 85

Из отчета Е.В. Карнеева А.Н. Голицыну о студентах ХИУ

[Харьков]

28 декабря 1823

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 541. Л. 1—5. Подлинник]

[...] С тех пор⁶⁶¹ обращая прилежнейшее внимание на благоустройство университета я не упустил ни одного случая лично замечать и исправлять некоторые недостатки одного.

а) Первое и важнейшее дело состояло в лучшем призоре и упрочении содержания казеннокоштных студентов, между коими за известную плату живет несколько и своекоштных. О сем особое представление сделано было от меня в. с-во с самого начала⁶⁶²; но представление сие встретило затруднения; и таким образом студенты-питомцы остаются до сих пор в одном и том же положении, исключая некоторых только по возможности исправлений, а особливо со стороны надзора за ними, к усугублению коего в помощь инспектору приданы два адъютанта, обязанные смотреть также и за вольноприходящими с квартир студентами. Об устройстве вообще студентов при университете я имею теперь другие предположения, кои и представляются при особом моем донесении [...]

⁶⁶¹ Речь идет о времени вступления Е.В. Карнеева в должность попечителя ХУО 25 июля 1822 г.

⁶⁶² Речь идет о проекте Е.В. Карнеева «О устройстве при университете студентского, а при гимназии гимназического институтов», поданном министру народного просвещения 9 декабря 1822 г.

с) Одно из важнейших моих занятий состояло в исправлении недостатков по учебной части в университете. Недостатки сии замечены мною особенно при публичных испытаниях, в июне месяце сего года бывших, при которых всегда я присутствовал. Курс каждой науки был раздроблен на три года, от чего студенты должныствовали всегда учиться вообще всем предметам, коих такое множество, что не доставало времени порядочно пользоваться лекциями. Начиная с семи часов утра, каждый почти проходил по девяти классов в день, и потому переменяя только класс на класс, не успевал выслушать одно, как должен был слушать уже другое. Тут никакой памяти уже не доставало и всякое понятие притуплялось. Между тем некоторые главнейшие предметы упущены были из виду; особенно изучение языков, как то наипаче латинского и русского, за недостатком времени, оставалось в небрежении. Сверх того все студенты вообще затруднялись перепискою обширных лекционных записок. Притом, за исправным хождением их в классы не было должного надзора и взыскания; да и сами некоторые гг. пр-ры позволяли себе иногда без всяких причин в классы не ходить, в каковое время учащиеся привыкали к празднотворению и пр. Все таковые и подобные им недостатки по учебной части вменил я себе в обязанность по окончании экзаменов поставить на вид Совету университета и требовал от него принять немедленно меры к должному оных исправлению. Вследствие чего Совет имел по сему несколько чрезвычайных заседаний и в присутствии моем положил привести в действие следующие распоряжения: 1-е, курс учения по каждой кафедре расположить поколику возможно на один год, исключая некоторых немногих предметов, требующих большего времени, и в следствие того по силе § 116 устава⁶⁶³ производить ежегодно испытания,

⁶⁶³ Данный параграф устава ХИУ гласит: «Ежели кто из студентов, проучась год, не окажет при испытании таких успехов, чтобы можно было перевести его выше: то должен он слушать снова те же наставления; и ежели при следующем испытании успехи его найдутся еще недостаточными, то Правление отпускает его из университета с одним только аттестатом о его поведении».

так что в случае, есть ли кто не окажет надлежащих в какой либо науке успехов, тот мог бы остаться и на другой год для слушания того же наставления. 2-е, учение в классах распорядить следующим образом: пр-р прежде всего повторяет предыдущую лекцию, делая иногда и вопросы на сей счет студентам; потом, объяснив им новую статью, останавливается, и расспрашивает их, поняли ли оную, и таким образом продолжает до окончания класса. 3-е, введенную ныне переписку пр-рских тетрадей допустить только на нынешний курс, а впредь кто не имеет книг для руководства по своей части, тем составить краткое энциклопедическое обозрение всей науки, ими преподаваемой, с достаточным однако ж объяснением существа всего учения и технических терминов, каковые обозрения на счет университета и напечатать с назначением умеренной за экземпляр платы, каковую каждый студент при вступлении в класс обязан вносить, на что испросить разрешения высшего начальства, о чем и вхожу я с особым представлением. 4-е, каждому пр-ру завести в своем классе перекичку студентов, которую иногда и самому поверять; на нехождение же строго взыскивать, представляя даже и к исключению из университета. 5-е, пр-рам и адъюнктам, лекции преподающим, ходить в классы неупустительно; а буде, кто иногда не может прийти, да и то единственно по болезни, тот обязан предупредить о сем г. ректора; иначе же обо всяком своевольном отсутствии записывать, и записки сии ежемесячно доставлять ко мне. 6-е, дабы в случае отсутствия г. пр-ра студенты не гуляли, постановить за правило, чтобы всегда на сей раз наряжаем был к ним по выбору г. ректора один из кандидатов, который бы занимал их приличными упражнениями буде можно по тому же предмету, какому учит пр-р: на сей конец по обширности ныне университетских зданий, отвести в оных квартиры некоторым таковым кандидатам, хотя бы и своекоштным. 7-е, обратить самое внижение на изучение языков, и особенно русского и латинского, для которых учредить по три класса с тем, чтобы в

оних во все трехлетие непрерывно учились студенты изо всех факультетов. Из сих классов первые для первогодних студентов поручить лучшим по выбору кандидатам или магистрам, кои хотя и не будут получать особого за сей труд жалованья, но могут надеяться на внимание начальства; вторые классы для второгодних студентов возложить на адъюнктов, а третьи для третьегодних студентов на пр-ров. Во всех сих классах занимать студентов более всего практикою, и особенно сочинениями, так чтобы каждый к экзамену мог представить порядочное рассуждение, писанное ежели можно без поправок. Что же касается до прочих языков, и особливо новейших: то предоставляя на волю студентов учиться какому-либо из них, стараться, чтобы со временем и для сих языков учреждены были при университете по крайней мере по два класса. 8-е, поощрять и возбуждать всех студентов, сколько время позволит, заниматься более прежнего искусствами, и преимущественно рисованьем; для чего учредить по два постоянных класса, как для рисованья, так для музыки и танцованья. 9-е, кроме языков и искусств, кои могут почитаться общими для всех студентов науками, во все трехгодичное пребывание их в университете, вменить в обязанность каждому без исключения, какой бы кто факультет для себя не избрал, пройти непременно один раз курс философии и учения о Богопознании как важнейшие и в жизни и в службе предметы. 10-е, уравнивание и распределение предметов учения на каждый год для каждого вступающего в университет студента производить факультетам, в какой кто поступил, которые о таковом своем назначении и обязаны сообщать всем пр-рам и учителям, с показанием часов и классов, чему кто учиться будет, включая в то число языки и искусства. 11-е, при приеме в студенты делать им испытания, не смотря на аттестаты, от гимназий полученные, и кто не выдержит экзамена, то за выдачу аттестатов недостойным, делать гимназиям строгие выговоры.

[...]

№ 86
Из выписки из журнала Ученого комитета
Главного правления училищ об обсуждении проекта
Е.В. Карнеева о «новом образовании ХУ»
с мнениями графа И.С. Лавалля,
академика Н.И. Фусса и Д.П. Рунича
Петербург
21 июня 1824

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 506. Л. 25–28 об., 31–38. Заверенная копия]

[...] предлагаются к преобразованию университета следующие меры: а, ректор должен зависеть от определения верховной власти и быть непременно по примеру председателей в присутственных местах и директоров в департаментах; б, он назначается по усмотрению начальства из пр-ров или других просвещенных чиновников, сведущих в науках и опытных по службе; с, ректор не имеет права преподавать лекций в университете, хотя бы избран был из числа пр-ров; д, в исполнении обязанностей своих руководствуется он высочайше утвержденными в 17 день генваря 1820 года инструкциями директору и ректору КУ; е, в случае болезни и отсутствия попечителя исполняет все его обязанности исключая предметов, кои предоставит себя попечитель; ф, на нем лежит полная ответственность за упущения по университету, коего чиновники и пр-ра, совершенно ему подчинены. В помощь ректору назначается проректор избираемый из пр-ров и утверждаемый министром и получающий прибавочное по штату жалованье. Завися от ректора в рассуждении возлагаемых на него поручений, он исполняет их с одинаковою, как и ректор властью. Проректор не освобождается от чтения лекций. Дабы деканы факультетов отвлекаемы не были от ученых своих занятий, учредить на место их для присутствия в университетском Правлении двух постоянных советников, из коих один займется письмоводством и счетною частью, а другой будет при том занимать место директора Педагогического и студенческого ин-

ститута при университете; чиновники сии избираемые из людей просвещенных и утвержденные министром пользуются правами пр-ров исключаясь от преподавания лекций. Не имеющие из них аттестатов на ученые степени производятся в высшие чины на праве губернских директоров училищ. Они могут заседать и в Совете университета для объявления дел и пода[ва]ния голоса. Кроме сих членов университетское Правление под председательством ректора будет состоять из пр-ра и неперменного заседателя, назначаемого попечителем из пр-ров в качестве прокурора. Канцелярия Правления составитя по усмотрению надобности. Для лучшего устройства университета умножить число чиновников в оном по исполнительной части определением эскутора и двух педелей и увеличить сумму на содержание большего числа инвалидов с унтер-офицерами. Для устройства студентов и лучшего за ними надзора соединить в один институт под названием Педагогического и студентского состоящие при университете два заведения, и именно Педагогический институт с 12 магистрами и таким же числом кандидатов при особом директоре и сверх того заведение, в коем содержится 60 студентов с инспектором. Упомянутый институт будет заключать в себя 12 магистров и столько же кандидатов, 60 студентов по медицинскому и 40 по прочим факультетам: прием в студенты из духовных училищ прекратить, ограничиваясь одними гимназистами. Всех означенных магистров, кандидатов и студентов предполагается поселить в особом дву[х]этажном флигеле. Как директором сего института может быть один из советников университетского Правления, то оное заведение будет состоять под ведением Правления и ректора. Директору предоставляется избирать помощника из магистров с прибавкою ему жалованья, кандидаты займут должности комнатных надзирателей. Магистрам и кандидатам выдается жалованье в руки, с вычетом за стол, а студенты содержатся хозяйственным образом, как те, так и другие, пользуясь общим столом, к ним присоединяются и своекоштные студенты с платою по пятисот рублей. Из 12 магистров 4 отправляют должность помощников

директора, а остальные могут жить и вне института, занимаясь частным воспитанием детей в городе или при просмотром за приходящими с училища и с университета. По недостатку [...] магистров и кандидатов в помощники директора и надзирателя, принимать посторонних с назначением жалованья по усмотрению высшего начальства, они пользуются правом на классные чины наравне с учителями, то есть по выслуге 4 лет. Все вообще студенты разделяются на 3 разряда. К первому принадлежат воспитанники института, имеющие свой надзор, во втором заключаются студенты, отданные под надзор пр-рам или учителям университетским, также состоящие под руководством магистров и кандидатов, утверждаемых для того ректором. В третьем остаются студенты, живущие по квартирам, кои обязаны представлять университету свидетельство о нахождении их под чьим-либо надзором в городе. Вольные слушатели подвергаются тем же правилам. Между учащимися стараться учредить литературное общество: сверх того при институте имеют быть собрания, в которых отличные могут показывать свои успехи в красноречии, поэзии и музыке, также в летнее время Студентам будут дозволяемы удовольствия отдыха в поле или в Университетском саду для отвлечения их от светского рассеяния. [...] Все расходы по больницам производить под надзором ректора; для достаточного снабжения университета нужными при преподавании анатомии и хирургии трупами поставить местному гражданскому начальству в обязанность доставлять оные сверх получаемых ныне из одного города, так же из острога и городских больниц, когда причина смерти историею болезни умершего не может быть объяснена, а всего лучше постановить, чтобы трупы доставлялись из целого Харьковско-го уезда, как было до 1815 года; сумму определенную на анатомический театр вместо 800 увеличить до 1200 рублей [...]

[мнение графа И.С. Лавалю] Г. попечитель [...] предлагает перемену, которая по важности своей требует зрелого рассуждения: мера сия состоит в освобождении пр-ров от исправления должности ректора и запрещении

сему чиновнику преподавать лекции. Г. попечитель основывается на примерах здешнего, Казанского и Московского университетов⁶⁶⁴ при которых назначен директор в помощь ректору по экономической части, таковой чиновник, по мнению г. члена, необходимо нужен для заведывания бухгалтериею и счетною частью; что касается до учебной, то несовместно ему участвовать в оной как человеку совершенно чуждому для университета; напротив, нужно, чтобы управляющий сею частью имел основательные сведения о ходе наук, о преподавателях оных и о злоупотреблениях, какие могут вкрасться между учащими и учащимися. Впрочем, невероятно, чтобы два часа в день, употребляемые пр-ром на преподавание лекций, могли препятствовать ему в отправлении ректорской должности особливо когда будет он иметь помощника по предположению г. попечителя. Посему предмет сей требует рассмотрения оного со всех сторон, при чем надлежит иметь в виду, что оный клонится не к изменению какого-либо правила, но к уничтожению одного из коренных постановлений общих всем университетам. Предложение г. попечителя об улучшении содержания казеннокоштных студентов, помещении их в университетском строении и соединении с ними своекоштных заслуживает одобрение [...]

[Мнение Н.И. Фусса] Оное заключается в следующем: 1. Г. попечитель в первом представлении своем для избежания разных неудобств, сопряженных с ежегодным избиранием ректора из самых пр-ров, предполагает в статьях а, б, с, d, e и f упомянутого представления такие меры, которые хотя выгодны для попечителя, отнимая от него часть занятия и его ответственности, но для самого университета как высшего ученого и учебного заведения были бы сопряжены с гораздо важнейшими неудобствами, нежели те, для избежания коих они придуманы. В университете Московском, Дерптском⁶⁶⁵ и Виленском годичное управление ректора переменено без чувствительного

уклонения от устава на двухгодичное и трехгодичное и тем устранены важнейшие неудобства, происшедшие от годичной перемены. Цветущее состояние сих университетов доказывает, что сия легкая перемена достаточна была для прекращения тех неудобств и что для достижения сей цели не нужно и не должно сделать ректора переменным и избирать его из чиновников не ученых и не сведущих в управлении столь важными учеными заведениями, совершенно различном от управления гражданских присутственных мест. Впрочем переменность ректора не может, как г. попечитель опасается, уменьшить законную власть оного уставом определенную и властью попечителя поддерживаемую, незаконное же влияние на дела университета, могущее произойти из уважения к неприменимости места, вовсе нежелательно, равно как и совершенное подчинение пр-ров под власть ректора. Власть сия определена уставами, по которым пр-ра не суть приказные служители, но члены университетского Совета, коего председатель есть ректор. В статье b г. попечитель полагает возможным назначение ректора не из пр-ров, но из других чиновников, сведущих в науках и опытных по службе; но кому судить о степени сведения такого чиновника в науках университетских и опытности по службе ученой столь существенно различной от всякой другой службы. В твердом убеждении, что благосостояние университетов требует, чтобы ректор как глава первостепенного ученого и учебного заведения был сам из ученых и следовательно из среды пр-ров того же университета, коего благополучие ему пред прочим ближе и о ученых нуждах коего только ученый основательно судить может. Г. член на сию статью не согласен. По статье с, ректор исключается от преподавания лекций хотя бы он был из числа пр-ров, как сие уставом требуется. Можно позволить ректору не читать лекции, когда препятствуют в том занятия его по сей должности, но не отнимая у него права исполнять и пр-рскую должность, если он сам того желает и имеет досуг. Из расписания публичных лекций университетов на [...] ⁶⁶⁶

⁶⁶⁴ *Помета на полях:* NB В представлении говорится только о первых двух.

⁶⁶⁵ *Помета на полях:* NB В Дерптском избирается Ректор ежегодно, а в [обрыв фразы].

⁶⁶⁶ Слово неразборчиво.

явствует, что ректорские занятия не препятствуют исполнять должности пр-ские или по крайней мере часть оных. Один только Виленский университет дозволил ректору возложить часть своих обязанностей на викария, но под его руководством. Все прочие ректоры сами преподают лекции и даже дерптский⁶⁶⁷, хотя обремененный многочисленными занятиями по комитетам, и особенно по училищному, преподает по 10 часов в неделю. Посему и сия статья представления г. попечителя принята быть не может. Далее г. попечитель, не смотря на уменьшение занятий ректора при запрещении ему читать лекции полагает еще придать ему в помощь проректора из пр-ров. Но во всех прочих университетах, хотя ректоры исполняют также и пр-скую должность, дела идут успешно без никакого помощника, то потому и ректору ХУ без одного обойтись можно. Вообще, надлежит примечать, что такие частные отступления от общих начал, служивших основанию университетских уставов, постепенно уничтожают нужное одобразие, даже в важнейших частях состава сих высших учебных заведений, и при том то, что опытом дознано было полезным в прочих университетах, не может быть вредным для одного Харьковского. 2, что касается до университетского Правления, то поелику состав и действия одного меня касаются до ученой части, легче согласиться можно на помещение в оном вместо деканов, двух непременных советников, но не усматривается надобности даровать сим последним права и преимущества пр-ские. Они наравне с прочими гражданскими чиновниками, к коим собственно и принадлежат, должны пользоваться правами сих последних, подобно советникам Правления Академии наук.

[Мнение Д.П. Рунича] [...] Г. член находя со своей стороны главные предписания об устройстве университетов действительно полезными не решается делать на некоторые менее важные, своих замечаний по тем уважениям, что местность ни в каком случае не позволяет подводить учебные заведения на разных пунктах Империи находящиеся под одни и те же формы, почему и следует в сем

отношении держаться мнения местного начальника. Довольно, есть ли общие правила везде будут одинаковы: формы и образы могут быть различны. Одни основные начала не подлежат влиянию местности.

Определено: [...] 1. Избрание ректора от ныне предоставить попечителю по примеру прочих университетов на три года, но не иначе как из числа пр-ров, с предоставлением ему управления университета на точном основании оного и не освобождая его от исполнения обязанностей с сим званием сопряженным. По истечении каждого трехлетия г. попечитель, избрав в ректоры того же самого или назначив нового, представляет такового на утверждение установленным порядком. В случае болезни ректора или по другим обстоятельствам, требующим немедленной перемены сего чиновника, предоставляется попечителю право назначать на место его другого, о чем обязан он немедленно доносить каждый раз министру. Как ректор может быть избираем токмо из числа пр-ров, и потому должен пользоваться пр-ским окладом, то вместо назначаемого для него жалованья положить ему столовые деньги по тысяче двести рублей ежегодно.

2, Звание проректора согласно с мнением г. члена Н.И. Фуса⁶⁶⁸ признается вовсе ненужным, а потому и назначаемое для него в примерном штате жалованье из оного исключить. [...]

№ 87

Из донесения Е.В. Карнеева А.С. Шишкову о мнении Совета ХИУ о дозволении студентам носить мундирные сюртуки в определенных случаях 21 ноября 1824

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 548. Л. 1 об. — 2. Подлинник]

[...] Совет почитает нужным дозволить студентам употреблять мундирные сюртуки, по следующим причинам: а) большая часть студентов не имеет шуб, а употребляют осенью и зимою одни только шинели; в сем случае сюртук

⁶⁶⁷ Речь идет о И. Эверсе.

⁶⁶⁸ Имеется в виду Н.И. Фусс.

защитит от холода и предохранит их от простуды более, нежели мундир. Совет, вменяя себе в обязанность обращать внимание и на сбережение здоровья студентов, должен почел упомянуть и об оном обстоятельстве, тем более, что осенью и в начале весны обыкновенно бывает весьма много студентов, больных простудою; б) употребление мундира требует и прочего соответственного одеяния, что для недостаточных студентов, а особенно для казеннокоштных весьма обременительно; с) вольнослушающие, не имеющие права употреблять мундиры со шпагами, могут употреблять мундирные сюртуки, свидетельствующие о принадлежности их к университету; d) Совет полагает, что ношение мундирных сюртуков удовлетворит цели, которую имело в виду начальство, приписывая употребление мундиров, т.е. чтобы по одеянию можно было отличить и узнать студента, ибо подобных сюртуков никто, кроме студентов не употребляет и употреблять не может [...]

№ 88—90

**Мнения пр-ров ХИУ В.Я. Джунковского и
К.П. Пауловича о проекте нового устава ХИУ⁶⁶⁹,
поданные в Совет ХИУ**

Харьков

17 августа — [до 22 августа] 1825

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 579]

№ 88

№ 1

**Мнение В.Я. Джунковского «касательно
постановления об испытаниях студентов»**

17 августа 1825

[Л. 80—80 об. Заверенная копия]

В уставе университета высочайше утвержденном в § 115 изображено: по окончании курсов ежегодно бывает ис-

⁶⁶⁹ Речь идет об уставе ХУ, составленном Советом университета и поданном попечителем А.А. Перовским министру народного просвещения А.С. Шишкову 22 августа 1825 г.

пытание студентов **в общих собраниях**, а в проекте нового устава предоставляется испытание **одному преподающему в присутствии декана**, и следственно декан по части преподаваемой им науки должен уже один испытывать. Таковой способ испытания несообразный ни с прежними положениями, ни с обычаями вообще в учебных местах принятыми, ни с целью испытаний; по моему мнению, не должен быть допущен уже и потому, что от сего может возродиться некоторая недоверчивость публики к учащим, которая, не быв сама свидетелем успехов учащихся, может иногда питать неблагоприятные мысли. Ежели в приходских и уездных училищах, равно также в гимназиях, и даже в частных пансионах бывают ежегодно публичные испытания учащихся, то тем более должно наблюдать сие в университете, в котором доказанные успехи в науках дают право на преимущество в государственной службе Высочайше утвержденные. Сверх сего публичные испытания полезны и нужны для того, что в молодых людях возбуждают гораздо большее соревнование отличать себя успехами в науках, нежели показывают они при частных испытаниях.

№ 89

№ 2

**Из мнения В.Я. Джунковского о параграфе
нового устава, запрещающем пр-ру читать лекции
на другом факультете**

17 августа 1825

[Л. 82. Заверенная копия]

[...] Мысль о запрещении читать лекции в одном факультете пр-рам других факультетов⁶⁷⁰, по моему мнению,

⁶⁷⁰ Об этом гласил § 25 проекта устава ХИУ («Дабы учащим поощрить к исполнению возложенных на них должностей и дабы они готовы были посвятить всю жизнь свою тем наиболее наукам, коим публичными наставниками они определены, не позволяется ни одному профессору читать лекции по части другого факультета, в своем же факультете может преподавать всякую науку принадлежащую к предметам оного, лишь бы не было от того упущения по главной его части»), позаимствованный пр-рами из устава Дерптского университета (§ 80).

родилась более от обычая в иностранных университетах, в которых пр-ры каждого факультета за известную плату, взносимую учащимися, дают уроки приватные (privata) и даже так называемые приватнейшие (privatissimer), следовательно могут лишаться своих доходов, ежели пр-ры из других факультетов будут участвовать в преподавании их лекций; но у нас в России не существует таковой обычай, посему и положение таковое не нужно тем более, что ежели бы допустить таковой обычай и у нас, то в таковом случае частную пользу должно бы предпочесть общей? [...]

№ 90

№ 3

**Из мнения К.П. Пауловича
«на некоторые параграфы устава ХУ»
[до 22 августа 1825]**

[Л. 86–88. Заверенная копия]

Глава 1-я.

Об университете вообще

Главная цель сего мнения состоит в том, чтобы пр-ры, занимаясь преподаванием и усовершенствованием своей учебной части, не были обременены и развлечены в одно и то же время многими другими посторонними университетскими должностями, и, чтобы пр-ры, будучи наставниками, сверх своей пр-рской должности, не могли иметь по закону более одной посторонней при университете должности. Сие разумею я, ежели все сии должности отправляемы будут пр-рами по-прежнему. Сим равномерным распределением университетских должностей все пр-ры удобно могут быть уравнены как в выгодах, так и в тягостях с сими должностями сопряженных. До сего времени часто случалось, что один и тот же пр-осему от своей учебной части был немало отвлекаем. Сие неравное разделение должностей влечет за собою то, что пр-р, преподающий лекции, будучи обременен многими должностями, едва ли может и с большою трудностью все оные исправно отправлять. Притом же, такое неограничение выбор-

ных должностей между равными членами может быть причиною многих неудовольствий и ссор между членами университетского сословия.

[...] Декан есть председатель того факультета, к коему он принадлежит, ежели ректор не присутствует, а все прочие чиновники того факультета суть члены оного⁶⁷¹. Факультет рассуждает первоначально о всех сношениях и пособиях по учебной части, тому факультету относящихся. Должность декана состоит в надзоре за точным исполнением всего того, что факультету и членам оного исполнять предписано §§ 60⁶⁷², 61⁶⁷³, 62⁶⁷⁴ и 63⁶⁷⁵. Также декан обязан смотреть, чтобы архив факультета, порученный секретарю оного, был во всякое время в надлежащем порядке с верною описью и при перемене должности своей, передавал бы архив новому декану при точном освидетельствовании оного. Кроме чего все деканы вместе составляют при университете Цензурный комитет.

Примеч[ание]. Деканы по Цензурному комитету прибавочного жалованья не получают.

⁶⁷¹ *Помета на полях:* и секретарь чиновник, но не член.

⁶⁷² Данный параграф устава ХИУ гласит: «Факультеты имеют свои части собрания под председательством ректора и декана: обыкновенные единожды в месяц, а чрезвычайные по приглашению ректора и декана, сколь часто нужда потребует».

⁶⁷³ Данный параграф устава ХИУ гласит: «Частные собрания в заседаниях наблюдая тот же порядок, какой для общих предписан, имеют предметом: 1) ежегодное расположение системы, порядка и вопросов преподавания наук, к факультету относящихся; 2) испытание ищущих приобрести достоинства, в какие университет возводить имеет право; 3) рассмотрение речей, приготовленных для чтения в торжественных собраниях, и достоинства сочинений, которые представлены будут для напечатания изданием университета; 4) избрание задач с обещанием за решение награждения, и суждение о присланных ответах; 5) рассмотрение употребления сумм, определенных на заведения, к факультетам относящиеся; 6) все, что декан, по назначению ректора или сам собою, до факультета касающееся, предлагает».

⁶⁷⁴ Данный параграф устава ХИУ гласит: «Определения или постановления каждого факультета вносятся на рассмотрение общего собрания, которое может утвердить оные, или сделать в них перемены, какие заблагорассудит».

⁶⁷⁵ Данный параграф устава ХИУ гласит: «Расписания лекций каждого факультета, чрез декана ректору представленные, Совет соображает между собою, и составляет на следующий год общее расписание университетского учения, которое заблаговременно и до начала лекций представляет попечителю для утверждения».

№ 91

**Из отношения попечителя ХУО А.А. Перовского
А.С. Шишкову
«о перемене ректора в ХУ»**

**[Харьков]
27 мая 1826**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 608. Л. 1—1 об. Подлинник]

[...] Отдавая справедливость усердию сего чиновника⁶⁷⁶, я не могу однако ж умолчать, что состояние дел упомянутого университета, в каком я нашел их при вступлении моем в настоящую должность, и в каком они теперь находятся, требует от ректора более деятельности, внимания, соображение и силы характера, нежели сколько г. Джунковский — при слабом здоровье своем и излишне мягком от природы свойстве — показать может.

По сему я вменяю себе в неперменную обязанность представить в. высокопр-ву: не благоугодно ли будет оставить г. Джунковского при прежних занятиях его по званию пр-ра, определить ректором, или исправляющим его должность до времени, вышеупомянутого пр-ра н.с. Кронеберга, как уже избранного Советом университета в сию должность, и притом такого, от деятельности и познаний которого я ожидаю — по части управления университетом и подведомственным оному училищными местами — более полезного, нежели как было до сего времени.

№ 92—93

**Документы о холере в Харькове
и о пр-ре Г.Ф. Брандейсе**

Харьков

4 октября 1830 — 1 августа 1831

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 749]

⁶⁷⁶ Речь идет о В.Я. Джунковском.

№ 92

№ 1

**Отношение ректора ХИУ Н.И. Еллинского
в Совет ХИУ о холере в Харькове**

4 октября 1830

[Л. 2—2 об. Заверенная копия]

Коль скоро болезнь, именуемая холерою, выступила из пределов Альбовского⁶⁷⁷ островка, то вольные студенты начали просить меня об отпуске их домой, при чем многие из них представили письма от родителей, кои приказывали своим детям, в случае опасности, оставить город. Я не решился удерживать их более; ибо по наблюдениям всех врачей самое лучшее предохранительное средство от сей болезни есть оставление того места, где она свирепствует, и переселение в другое. Нельзя было предполагать, чтобы сии студенты могли перенести болезнь в другие места; ибо они выезжали из мест еще благополучных. Основываясь на сем и предвидя в случае задержки студентов великую смертность, Правление выдало 84 билета для своекоштных студентов. Между тем болезнь распространилась и присоединилась к тому чрезвычайно сырая погода. По сей причине я остановил лекции как в университете, так и во всех ему подведомственных заведениях. Казеннокоштные студенты были содержимы г. инспектором Байковым с великою бдительностью; но, не смотря на все его попечения, открылась холера у старшего педеля Домбровского и двух студентов. Инспектор ту же минуту послал за Брандейсом, врачом казеннокоштных студентов; но г. Брандейс не смотря на двукратное призывание г. инспектора, не явился, отговариваясь нездоровьем, хотя и разъезжал по городу. В сей крайности г. инспектор послал за пр-ром Экебладом и [...] ⁶⁷⁸ отнесся рапортом. Таким образом, пропущено 2 часа в столь скоро оканчивающейся болезни. Желая от всего сердца быть полезным человечеству, а с другой сто-

⁶⁷⁷ Альбовский переулоч расположен в Ленинском административном районе современного города. До старого здания университета около 3,5 км.

⁶⁷⁸ Слово неразборчиво.

роны, будучи врагом всех ссор я решился предать поступок г. Брандейса забвению, взять на себя лечение казеннокоштных студентов, о чем дал знать и Брандейсу письменно. Употреблены были все средства к спасению помянутых больных; но студент Мазурин и педель Домбровский померли: умерли также два солдата, а 6-ть из них выздоровели; выздоравливает также и студент Шапоградский.

№ 93

№ 2

**Отношение попечителя ХУО В.И. Филатьева
К.А. Ливену**

1 августа 1831

[Л. 5—7 об. Подлинник]

Со времени приезда моего в Харьков вследствие предписания в. св., я старался узнать, без огласки, о поступках и действиях пр-ра Брандейса, относительно неприбытия его, в свое время, к страдавшему холерою студенту, в прошлом году, об уклонении его от пользования вообще студентов, и о дерзких поступках его против ректора.

Дабы лучше узнать Брандейса и по короче, я старался обласкать его, быв предубежден в пользу его тем, что он ученый и искусный медик, отличный пр-р по своей части, и, не желая потерять его для пользы университета, решился помедлить моим донесением об нем в. св., полагая, что можно склонить и убедить его, как умного человека, оставить дерзкий и сварливый свой характер и обращаться кротко и вежливо с гг. пр-рами, и сим водворить тишину и спокойствие в университете, беспрестанно, при всяком случае им, Брандейсом, нарушаемые. Но он видел себя как будто покровительствуемым мною, еще более оказывал дерзости и ненависти клеветами попечителю на всех, и поносил каждого честь и знание, одним словом, злоба его превзошла всякую меру вероятия, он один по его словам, знающий пр-р, все прочие невежи, он один честный человек, прочие воры и плуты, он истинно в душе благороден, прочие подлецы: вот что я должен был

иметь терпение от него слушать, и никакими благонамеренными убеждениями не мог успеть обратить его на истинный путь исправления.

Сего недовольно. Брандейс сделался дерзким и невежливым против меня; но я, будучи все еще убежден, что преподавание его студентам казалось хорошим и основательным; что клиника содержится им в порядке; расходы оной не велики; пренебрегал поступками его против меня до тех пор, пока не усмотрел: 1-е, в том, что он при студентах публично поносит некоторых пр-ров, преимущественно медицинского отделения, и инспектора студентов Байкова, что чрез сие может произойти между студентами весьма дурное, по своим последствиям, направление, и кажется самые доносы на инспектора Байкова, имеют свое начало из сего источника: ибо в сем случае студенты медицинского отделения замешаны более других. 2-е, Наконец я узнал достоверно, что Брандейс делает злоупотребление по клинике, о чем имею честь приложить особенное донесение, о произведенном и сем обстоятельстве следствии.

Еще в марте месяце текущего года, когда [бес]престанно возникали разные замыслы студентов против инспектора и когда Мерцалов был исключен, Брандейс вдруг неожиданно подал прошение об отставке, сие прошение его Советом мне представленное, я удержал по двум причинам: 1-е, чтобы он Брандейс кончил годичное преподавание свое, и 2-е, желал более удостовериться, заслуживает ли он ходатайства у в. св. об отставке, по желанию его.

Но теперь, представя все, до него относящееся, я решился донести в. св., что он не достоин вовсе, по характеру и поступкам своим, хорошего аттестата. Я уверен, что он обнаружит себя пред в. св. необыкновенною злою клеветою и презрением ко всем членам университета. Происходя из жидов, он питает ненависть ко всему христианскому племени. /Что Брандейс происходит из жидов, о сем я узнал от г. попечителя Ришельевского лица Покровского, который известился о сем в Петербурге от одного иностранца, бывшего в одном немецком университете вместе с Брандейсом студентом./

На счет прошлых поступков Брандейса имею честь донести в св. следующее: 1-е, Брандейс точно по двукратному призыву к страдавшему холерою студенту не явился. Он оправдывается в сем случае тем, что ездил целый день по городу к больным, устал, вспотел и принял лекарство, а потому ночью не мог ехать к больному; что перестал лечить студентов после сего потому, что сам ректор принял на себя сию обязанность, что на другой день в больнице студентской он был, но не говорил студентам: «вас всех уморят» (но я потерял доверие к словам Брандейса) 2-е, ректор Еллинский, не видя никакого средства спасти от смерти страдавшего студента, чтобы потеря времени 2-х часов не могла быть пагубною для больного, (и как тогда еще Медики не знали ни болезни, ни средств против нее, Еллинский) прибегнул к гальванизму⁶⁷⁹, но безуспешно. В то время Брандейс, печатая уже свое рассуждение о холере, и узнавши о таковом способе лечения, прибавил об нем, в печатаемом уже манускрипте своем, весьма обидное замечание для Еллинского, хотя имя его и не упомянул, но все в университете и студенты не могли бы не узнать, что он сделал на счет Еллинского, ибо он употребил гальванизм безуспешно.

Манускрипт Брандейса уже без позволения был удержан в типографии по распоряжению ректора. Но Брандейс насильно унес из типографии несколько экземпляров, но прибил ли он при сем случае солдата, или нет, — без формального исследования удостовериться о сем невозможно, и, зная буйный характер Брандейса, сие обстоятельство весьма правдоподобно.

Ректор Еллинский изложил причину, почему он употребил гальванизм, и просил Брандейса, прочтя оное, напечатать вместе с своим замечанием. Брандейс, бросив пояснение сие на стол, не хотел читать, и при сем случае обыкновенным своим дерзким тоном совершенно вывел из терпения ректора Еллинского, который и сказал ему «поди вон», (что весьма натурально). Брандейс с криком ему отвечал «miserable»⁶⁸⁰.

⁶⁷⁹ Гальванизм — любой вид лечения заболеваний с помощью электричества.

⁶⁸⁰ Жалкий (лат.).

Из сего, в. с-во, изволите усмотреть, кто из них прав и кто виноват. Когда же кто нужен Брандейсу, или кого он боится, или ищет обмануть, в таком случае он легко принимает на себя вид кротости и добродушия; но в обыкновенном своем положении он имеет что-то зверское и характер злобный [...]

Брандейс просил меня об увольнении его в отпуск на 28 дней в Москву и Санкт-Петербург. Я предложил университету дать требуемый ему отпуск, дабы Брандейс не подумал, что ему затрудняют умышленно путь оправдываться пред в. св., о чем он и начал уже распускать слухи здесь в городе [...]

№ 94

Отношение помощника попечителя ХУО графа А.Н. Панина В.И. Филатьеву о мерах к улучшению состояния университета [Харьков] 6 ноября 1833

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 945. Л. 3—3 об. Подлинник]

Худые успехи в воспитании в Отечестве нашем, не смотря на благотворное попечение Правительства, заставили меня думать о средствах отделить истинную любовь к просвещению от любви к преимуществам, дарованным правительством. Я нахожу, по зрелом соображении сего важного предмета, что лучший и легчайший способ учебного начальства к возвышению достоинства науки и к оправданию общего доверия состоит в том, чтоб вменить в строгую и необходимую обязанность каждому их учащихся иметь до вступления в учебное заведение все книги и иные пособия, которые изберутся университетом за три месяца до начала курса. И так осмеливаюсь предложить в. пр-ву обнародовать по округу таблицу оных, коим учащиеся должны следовать в продолжении академического года. Но так как средства к покупке учебных пособий весьма ограничены, чему служат доказательством многие прошлые годы, то мне бы казалось необходимым наперед

испросить у г. управляющего министерством⁶⁸¹ разрешение университету пополнять своими трудами то, чего департамент просвещения не успел обнародовать. В таком случае, легко было бы устроить в каждой дирекции полный магазин всего нужного, где бы учащийся мог получать без замедления всякого рода учебные пособия; казенные воспитанники получали бы их на счет казны, а своекоштные за умеренную плату. Ряды учащихся, хотя значительно и очистятся в таком случае от невежд и ту-неядцев, но зато всякий благомыслящий юноша, примет с благодарностью сию спасительную меру, внимание в аудитории усугубится, рвение самих преподавателей увеличится и в продолжение даже первого года, все учебные заведения оживятся новым духом. Горе тому университету, который не переймет сего полезного примера.

№ 95

**Из докладной записки С.С. Уварова
императору Николаю I «об увольнении
некоторых пр-ров с полным окладом пенсии»
[С.-Петербург]
14 июля 1835**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1004. Л. 87–88 об. Подлинник]

Согласно с волею Вашего Императорского величества, приступив к преобразованию университетов, встречаю одно значительное затруднение, которое не может быть устранено без особого соизволения Вашего величества.

В некоторых университетах наших, а именно в Московском, составляющем ближайший предмет предпринимаемого преобразования, находится, как было мною неоднократно донесено Вашему Императорскому величеству, несколько пр-ров, без заслуг, но без нареkania, опоздалых на их поприще, мало способных к преподаванию, одним словом просто доживающих срок к получению пенсии.

⁶⁸¹ Речь идет о С.С. Уварове.

С другой стороны, из числа молодых ученых наших из Берлина прибывших, из числа готовящихся к выпуску студентов Педагогического института имеются многие, которые могли бы с величайшею пользою занять сии места, люди, коих дарования будут пропадать для общей цели, если не откроется для них поприще, к коему они приготовлены. Самое преобразование университетов оставалось бы, смею сказать, предприятием тщетным, если б оно не было сопровождаемо и выбором новых орудий более способных, более заслуживающих доверенности правительства и уважения публики, и коих число гораздо превышает могущие быть вакансии в университетах и высших заведениях наших.

В сем крайнем положении, дабы согласить, сколько можно, виды справедливого человеколюбия с требованиями службы [...] не благоугодно ли будет [...] на основании [...] положения Комитета министров 11 декабря 1834 года, из числа университетских и лицейских пр-ров увольнять с полною пенсиою и таких, кои не достигнув еще 25-ти летнего срока служения, выслужили по крайней мере две трети сего срока [...] ⁶⁸²

Резолюция: Согласен. Николай.

№ 96—99

**Из отношений попечителя ХУО Ю.А. Головкина
С.С. Уварову об увольнении
пр-ров Н.М. Архангельского, Н.Н. Паки де Совиньи,
А.Г. Могилевского, И.Н. Рейпольского
и Э.К. Маурера из ХИУ**

**[Харьков]
24 августа 1835**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1004]

⁶⁸² Опущена часть, где говорится о финансовой выгоде этой меры, так как по новому штату жалованье больше, и выгоднее отпустить ненужных пр-ров со старым пенсионом в 2000 руб.

№ 96
№ 1

[Л. 14—14 об. Подлинник]

Секретно

Из [...] списка [...] Вы изволите усмотреть, что, по мнению моему, не могут оставаться в новом составе университета о. пр-р прикладной математики Архангельский, ни по своим слабым способностям, ни по своим ограниченным сведениям, и э. пр-р древностей и языка латинского и лектор французского языка Паки де Совиньи, который хотя и имеет сведения в своем предмете и некогда исполнял должность свою с усердием, деятельностью и с успехом для слушателей, но ныне, по старости своей, и по недугам ей свойственным, он уже не в состоянии выполнять со всею отчетливостью долг пр-ра, как бы следовало. А потому, принимая во внимание продолжительную службу по ученой части о. пр-ра Архангельского и экстраординарного Паки де Савиньи и недостаточное состояние их, я обращаюсь к в. пр-ву с покорнейшею просьбою о назначении в пенсию [...] по 2000 руб. в год.

№ 97
№ 2

[Л. 29—29 об. Подлинник]

Секретно

Богопознания и христианского учения о. пр-ром состоит в ХУ протоиерей Афанасий Могилевский, знающий хорошо свой предмет, но, не имеющий возможности быть хорошим пр-ром, ни по неясному способу изложения своего предмета, ни по медленности, которая частью происходит от его старости, частью от того, что он слишком озабочен по духовному своему сану: а потому, по необходимости, не успевает исполнять должность свою как бы следовало. Желая поручить преподавание богопознания и христианского учения человеку более ученому, более деятельному и трудолюбивому, я покорнейше прошу

в. пр-во уволить протоиерея Могилевского от звания пр-ра вверенного мне университета, назначив ему в пенсию полный годовой оклад получаемого им ныне жалованья, по званию о. пр-ра, на основании секретного отношения в. пр-ва ко мне от 17-го прошлого июля за № 871. Для приискания же другого достойного пастыря, я приму свои меры. [...]

№ 98
№ 3

[Л. 37. Подлинник]

Секретно

Хотя г. э. пр-р Рейпольский имеет хорошие сведения в медицине, и человек весьма деятельный, трудолюбивый и усердный к службе, но совершенно лишен дара передавать свои познания слушателям, а потому, заметив в нем таковой важный недостаток для пр-ра, я не могу оставить его в новом составе университета. Однако ж, не желая уволить его, Рейпольского, во все из университета без должного вознаграждения за его примерное рвение к должности своей, и принимая во внимание его многочисленное семейство и совершенную нищету, я почитаю долгом ходатайствовать у в. пр-ва о назначении ему в пенсию полный годовой оклад жалованья, получаемого им ныне по званию э. пр-ра.

№ 99
№ 4

[Л. 44—44 об. Подлинник]

Секретно

Заметив давно уже, что о. пр-р ХУ греческой словесности Маурер, имеет чрезвычайно странное произношение, производящее даже смех, я искал удобного случая заместить его другим ученым пр-ром. Ныне же, получив в отношении [...] о причислении к вверенному мне университету доктора философии Валицкого, коего предмет есть

латинская и греческая словесность, я спешу воспользоваться сим и покорнейше просить Вас [...] [назначить] доктора Валицкого о. пр-ром греческой словесности, ибо для латинской мы имеем двух отличных пр-ров: ординарного Кронеберга и экстраординарного Сокальского, и об увольнении г. Маурера, по его природному недостатку, от звания о. пр-ра. Не желая совершенно лишиться сего учебного мужа, я готов с удовольствием предложить ему место библиотекаря, в каковой бы должности он был отличным чиновником по своим обширным сведениям и по своей точности, но думаю, что таковое определение может оскорбить г. Маурера, а потому назначение ему другого более приличного настоящему его званию места, предоставляю благоусмотрению в. пр-ва.

№ 100—101

**Документы о командировании пр-ра ХИУ
И.А. Криницкого на Кавказ и в Крым
с научной целью и для осмотра учебных заведений
Харьков
28 августа 1835**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1007]

№ 100

№ 1

**Проект путешествия по берегам
Крымского полуострова и на Южный берег
Азовского моря, составленный И.А. Криницким
[до 28 августа 1835]**

[Л. 4—9. Копия]

Цель и польза ученой экспедиции по части естественной истории предполагается двоякая: во 1-х, дабы новыми наблюдениями делаемыми над естественными произведениями в самой природе распространить пределы науки, а с тем вместе пополнять и сочинения занимающиеся описанием отечественных произведений; во 2-х, дабы соби-

рая все встречающиеся естественные предметы, обогащать ими естественные кабинеты университета.

Последняя польза относится собственно к университету, который ежегодно, как можно видеть из частных отчетов, приобретает весьма мало предметов и всегда, особенно заграничные, дорогою ценою, между тем как собранные во время разъездов дуплеты сделавшись лишними для кабинетов, могут быть употреблены для обмена с иностранными корреспондентами на те, кои не имеются в собраниях. Иностранные натуралисты всегда интересуются иметь русские произведения, которые приобретать им не легко, что можно заключить из того, что нам самим легче запастись американскими, нежели отечественными произведениями.

Самое благоприятнейшее время для собирания естественных предметов, равно как и для делания наблюдений, без сомнения есть весна, время, в которое природа после долговременного бездействия, собравшись с новыми средствами, является во всей силе своей вегетации и жизни, и притом нередко в видах совершенно отличных от тех, в каких представляется она глазам внимательного наблюдателя в другое время года. Тогда-то она, озабоченная исполнением своих предназначений и занятая прелестями нового своего одеяния, кажется, желает сама прельщать и удивлять зрителя: везде открыта, везде изобильна и, находясь как бы в забвении, пренебрегает опасностями, угрожающими ей со стороны натуралиста коллектора⁶⁸³. Но сие время уже проходит особенно для южных губерний, в которых предполагается поездка, т.е. в июне, июле и отчасти в августе выгоревшие степи представляют вид единообразный и мертвый. По истечении сего времени в тех странах оживает новая надежда испытателя природы; в них очень по причине охладевшей атмосферы и благотворительных дождей, спорит с весною стран севернейших и возбуждает опять природу к

⁶⁸³ Коллектор — собиратель и хранитель ботанических коллекций в научных организациях и образовательных учреждениях.

деятельности. При берегах морей и их проливах собирается много птиц перелетных на тот конец, дабы при случае, когда усиленная стужа не позволит им провести в тех местах зимнего времени, можно было им переправиться чрез небольшие пространства вод. Осень и зиму предпочитать должно весне, особенно касательно приготовления птиц, поелику большая часть оных в сие время года получает совершенно отличные цвета. Кроме других морских животных, многие породы рыб преимущественно приближаются в сие время к морским берегам. Многие насекомые, равно как и растения, исключительно появляются в осеннее только время. Все изложенные выше обстоятельства могут служить доказательством, что натуралист во всякое время года найдет для себя, особенно же в стране мало еще исследованной, достаточное занятие и что для подробнейшего исследования естественных произведений какой-либо страны со всеми их видоизменениями целый год необходим.

Каждому натуралисту, имевшему какой-нибудь навык исследовать природу в открытых ее предметах, известно из опыта, что обильнейший сбор ее произведений не столько зависит от обширности избранного для разыскания пространства, сколько от выбора благоприятного места и точности исследований. Удачно соображенные местные обстоятельства и положение окрестностей, а притом приличное распределение времени, в которое куда направляться при экскурсиях, более всего могут ручаться за обилие предметов, как для наблюдений, так и для их сбора. Богатейшие произведения природы области Кавказа, не говоря о Палласе, Гмелине и Гильденштедте, недавно были посещаемы опытными созерцателями Ленцом, Мейером, Менетрие и другими⁶⁸⁴. Окрестности же Анапы, берега юго-восточные Азовского моря, Тамань,

пересыпь между Азовским и Гнилым⁶⁸⁵ морями, иначе Тонкою или Стрелкою именуемая, и даже самый южный берег Тавриды с своими произведениями, неизвестны вовсе натуралистам, ибо ни один из них до сего времени не исследовал тех стран, между тем как места сии по причине соединения трех морей, многочисленных озер, заливов и проливов, смежности с возвышеннейшими горами, закрытые с юга непроходимыми лесами, а к северу переходящие в необозримые пространства степей, во всякое время привлекают к себе испытателя природы. Итак, в предполагаемой поездке обратить должно внимание особенно на следующие места: на южный берег Азовского моря, окрестности Анапы, Тамань, Тонкую, Южный берег и Тарханский кут⁶⁸⁶, и совершить путь по последующему направлению.

Из Харькова отправившись около половины августа и не останавливаясь нигде направиться прямо в Перекоп /646 ½ верст/.

От Перекопа, поворотив вправо для осмотра соленых озер, направиться в Евпаторию, откуда начинать делать экскурсии особенно для подробного осмотра мыса, который, выдавшись далеко в море, обещает много интересных морских произведений. В экскурсиях, деланных с сей точки, должно обойти мыс кругом по крайней мере, до выдавшегося острого мыса напротив деревни Отар, сделать хотя два перехода между оврагами чрез степь и обозреть озера Донузлав, Сасык и Тузла. Сии экскурсии, простирающиеся до 500 верст, совершить в течение двух месяцев, сентября и октября, если же благоприятствовать будет осенняя погода, то присоединить еще и ноябрь месяц отправиться к мысу Джалдахан на полуостров Хоралы и Джарвелпатскую косу. Для сего объезда прибавится еще верст до 300. В случае дождливой осени обзор сего места оставить до следующей весны.

⁶⁸⁴ В данном случае упомянуты участники русской военной экспедиции (под руководством генерала Г.А. Эммануэля) на Эльбрус 1829 г., в состав которой, кроме перечисленных, входили: геолог А.Я. Купфер, художник-архитектор И. Бернардацци, путешественник Я. Бессе.

⁶⁸⁵ Гнилое море (Сиваш) — залив на западе Азовского моря. Сиваш отделяет Крымский полуостров от материка. От Азовского моря Сиваш отделен длинной косой Арабатская стрелка, от Черного — узким перекопским перешейком.

⁶⁸⁶ Имеется в виду Тарханкутский полуостров, составляющий западную оконечность Крыма и омываемый Черным морем.

Из Евпатории чрез Симферополь в Севастополь и Балаклаву. Сей проезд с экскурсиями около Георгиевского монастыря Балаклавы и по Байдарской долине составит 150 верст.

Зимние месяцы: декабрь, январь и февраль провести можно с пользою на южном берегу [между] Байдарами⁶⁸⁷ и Алуштой, что составит прямым путем 150, а с экскурсиями в горы и по Ейле около 400 верст. Кроме разъездов в сие время заняться следует приготовлением скелетов некоторых морских животных и птиц, равно как и чучел тех из сих последних, кои в перелетах своих в сих окрестностях останавливаются. Сверх того разные мелкие морские животные должны также обратить на себя внимание, равно как и геогностические⁶⁸⁸ наблюдения.

В первых числах марта, как только позволит открывшаяся весна, направить путь по морскому берегу чрез Судакскую долину, Феодосию и Керчь в Еникале, откуда, переправившись чрез Керченский пролив, спуститься до Тамани, осмотреть южную Косу и окрестности Анапы от Кубанского лимана, поворотить дорогою подле Цыкуровского озера и Темрюкского лимана и направиться напересом, дабы проехать чрез Екатеринодар по почтовой дороге до Ейского укрепления по юго-восточному берегу Азовского моря возвратиться в Ениколь. Время для совершения сей поездки предполагается март, апрель и май; расстояние для проезда коло 1400 верст.

После сего останется еще осмотреть западный берег Азовского и заливы Гнилого морей, и потому из Ениколя направить путь чрез Арабат по Тонкой, потом осмотрев примечательнейшие заливы Гнилого моря, степью возвратиться в Симферополь, что составит около 400 верст. Сия поездка должна окончиться в июле месяце, или в начале августа, так чтобы в последних числах сего месяца, или в начале сентября возвратиться в Харьков. От

Симферополя до Харькова 778 ½ верст. И так протяжение всего пути будет простираться до 5000 верст.

Изложенное в пути направление по видимому сообразно с временем года и кажется быть удобоисполнительным; но если путешествующий на месте заметит, что перемена направления в какой-либо окрестности может доставить более пользы и удобства к совершению путешествия, то в таком случае оставляет сие, его соображению. С тем, однако же, что ни одно [из] вышепоказанных главных мест без важной причины не должно быть пропущено.

В проездах своих пр-р Криницкий равное внимание обращать должен на все три Царства природы и, кроме своих наблюдений записываемых в журнал, должен собирать предметы для кабинетов по зоологии, ботанике и минералогии. Сверх чего всякие три месяцы должен присылать в Совет рапорт с кратким изложением своих успехов и занятий. В помощь пр-ру Криницкому назначить канцеляриста Кременецкого, который, находясь в продолжении года при зоологическом кабинете, приобрел навык и способность к занятиям по сей части и еще другого человека, какого найдет пр-р Криницкий способным к занятиям сего рода. Если между военнослужителями при университете не окажется к сему способного, то в таком случае нанять из посторонних на весь срок путешествия. На месте же, когда окажется необходимость, дозволяется пр-ру Криницкому договаривать на известное время стрелка, переводчика и рабочих людей.

Кременецкому из суммы предназначенной на сей объезд, в виде жалованья назначить 400 рублей.

Пр-р Криницкий по возвращении своем, кроме отчета в издержанных им деньгах, обязан будет представить Совету подробную оценку всех собранных предметов, не исключая и дуплетов для промена предполагаемых сообразно с ценами подобным вещам, назначаемым натуралистами.

Дабы не было остановки на пути, особенно в таких местах, где нет почтовых дорог или где местное положение требовать будет задерживаться для наблюдений, можно

⁶⁸⁷ Речь идет о современном селе Орлиное Балаклавского района Севастопольского горсовета Украины.

⁶⁸⁸ Геогнозия — отдел геологии, занимающийся изучением состава и строения земной коры.

по соображению употреблять лошадей наемных вместо почтовых.

Собранные предметы, не занимающие много места и в сухом состоянии, присылать по мере приобретения и приготовления по почте в Харьков, посредством Таврической гимназии, громоздкие же и в спирте отправлять в университет при случае с нужными предосторожностями, с наемным извозчиком, приняв во внимание то, что кроме трех лиц в экипаже всегда могут находиться собранные предметы, кои нужно будет перевозить в нем до места, где придется их оставить до дальнейшей пересылки, равно как и что в местах верхом только проезжих необходимо всегда и 4-я лошадь для выюков, следует выдать прогоны на 4 лошади по 8-ми копеек, за исключением 236 верст туда и обратно по Полтавской и Харьковской губерниям. Посему сумма на прогоны будет простираться до 1500 руб.

На разные случаи по предмету путешествия, как-то: на покупку вещей, служащих на приготовление их в дорогу, на перевоз в Симферополь, откуда они отправляемы будут в Харьков на наем стрелков, переводчиков и проч. назначить 2000 руб., включая в сие 400 руб. Кременецкому и 150 руб., для найма в Харькове вышеупомянутого прислужника.

На путевые издержки назначить 2000 р. Пр-р Криницкий о всех деньгах, кроме назначенных на путевые издержки, по возвращении своем обязан будет представить в Правление университета обыкновенный подробный отчет, равно как и оценку собранным им предметам, но сущность и все местные обстоятельства сего путешествия освобождают его от представления отчета по форме предписанной правилами отчетности. В Совете же университета должен представить общий рапорт с изложением своих успехов и занятий, равно как и того, что и где намерен печатать, относительно своего путешествия.

Когда путешествие сие получит утверждение начальства, то пр-р Криницкий обязан будет уведомить о том русских натуралистов официально с тем намерением, чтобы желающие из них могли сделать ему какие-либо

поручения в те места по разным частям естественной истории.

№ 101

№ 2

**Из отношения Ю.А. Головкина С.С. Уварову
28 августа 1835**

[Л. 1—2 об. Подлинник]

[...] Отправляя таким образом г. э. пр-ра Криницкого визитатором на Кавказ, я, пользуясь сим удобным случаем и желая по возможности обогатить естественными произведениями южного края, столь бедные ныне минералогический и зоологический кабинеты ХУ⁶⁸⁹, считаю необходимым и весьма полезным поручить г. Криницкому осмотреть со всею тщательностью Кавказскую область, берега Таврического полуострова⁶⁹⁰ и преимущественно места около Анапы и по возможности большую Абхазию. Сии последние места никем еще из натуралистов не были посещаемы, а потому можно надеяться получить большие приобретения как для музеев, так и для науки.

Польза таковой научной экспедиции следующая: пр-ру Криницкому, как человеку неусыпно занимающемуся с удивительною привязанностью своими предметами, представится случай исследовать множество новых для него предметов в самой природе, каковые наблюдения распространят круг его сведений. Притом, судя по необыкновенным способностям пр-ра Криницкого, с каковыми он, при ограниченных средствах, успел в непродолжительное время обогатить кабинеты, можно надеяться, что он в столь изобильных странах рукою опытного натуралиста соберет большие богатства природы. При этом вменяется в обязанность пр-ру Криницкому собирать естественные произведения, особенно более редкие, в многочисленных экземплярах, дабы ХУ, производя излишними обмен с корреспондентами за те, кои не имеются в собрании, вознаградил понесенные издержки.

⁶⁸⁹ И.А. Криницкий заведовал зоологическим и минералогическим кабинетами ХИУ.

⁶⁹⁰ Таврическим полуостровом до 1920-х гг. именовали Крымский полуостров.

Несколько лет уже г. э. пр-р Криницкий, между прочим, преимущественно занимается, исследованием моллюсков, класса животных, никем еще в Отечестве нашем с точностью доселе не исследованных. Сими животными наиболее изобилуют южные страны, а следовательно, они и могут доставить ему много новых материалов для распространения сочинения [...]

Обращая внимание на настоящее состояние университетских кабинетов, я замечаю, что они при всей своей бедности заключают в себе более произведений иностранных и из других частей света, чем отечественных. Причиною сего я полагаю то, что ХУ со времени своего существования не отправлял ни одного разу подобной экспедиции и тем самым не доставил средств воспитываемому юношеству познакомиться прежде с отечественными, как самыми необходимейшими произведениями природы.

Итак, изложив всю пользу и важность таковой экспедиции, я остаюсь в полной уверенности, что г. э. пр-р, как по своим познаниям, так и по любви к науке, кончит сие ученое путешествие с честью и пользою для вверенного мне университета. Составленный г. Криницким проект путешествия по берегам Крымского полуострова и на южный берег Азовского моря, одобряю с моей стороны [...]

№ 102

Из протокола заседания Совета попечителя ХУО

3 июня 1839, посвященного

«рассмотрению существующих для студентов ХУ правил и составление необходимых дополнений к оным, по части учебной и нравственной»

Харьков

10 июня 1839

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 15. Л. 4—6 об. Копия]

[...] Признано полезным на будущее время ввести следующие меры:

1, чтобы дать возможность инспектору и его помощникам наблюдать точнее и удобней за посещением студентами лекций, распределить в аудиториях по номерам места на скамьях для студентов и каждому из них предоставить избрать для себя постоянное место. Опаздывающим на лекции позволяется взять место не иначе как на последней скамье, для того, чтобы приходом своим они не производили беспорядков в аудитории и чтобы пр-р всегда мог видеть, кто из студентов является на лекции позд[н]о, в противность данных им правил.

2, студенты, квартирующие у пр-ров университета, если желают отправиться в какое-нибудь публичное место и там остаться продолжительное время, не могут получить на это позволение от инспектора, не предъявив записки своего пр-ра с изъявлением его согласия.

3, всякой раз, по возвращении из домовых отпусков, студенты немедленно представляют увольнительные свои виды инспектору, а потом, с его отметкой, ректору университета

4, взыскания с студентов, смотря по важности их проступков, производить в такой постепенности и таким образом:

а, внушения, напоминания, замечания и увещания делает инспектор студентов.

б, выговоры делаются инспектором студентов или ректором университета.

с, содержание под арестом делается по распоряжению инспектора студентов и продолжается не более 3-х дней.

д, заключение в карцер не более, как на один день, предоставляется инспектору студентов; заключение в карцер не свыше 3-х дней может быть сделано им же, но не иначе, как с ведома и согласия ректора. Впрочем, если бы какие проступки студента сделались известны ректору мимо инспектора студентов, то, не ограничиваясь выговором, он может сам подвергнуть виновного аресту или заключению в карцер, по мере вины, сообщая о том инспектору, с объяснением проступка, за который налагает

взыскание. Заключение в карцер более нежели на 3 дня студенты подвергаются по определению Правления.

е, заключение в карцер по определению Правления может быть делаяемо, по мере вины, или с занесением имени виновного в черную книгу, нарочно для того хранящуюся у ректора, или без занесения. Внесение в черную книгу делается ректором университета в присутствии Правления, и при этом имя виновного выставляется в продолжении трех дней в надлежащем месте, для общего сведения студентов. Занесенный в черную книгу исключается из оной не прежде, как через год, по засвидетельствованию инспектора студентов и ректора университета о хорошем поведении его в течение того времени. Последствия внесения в черную книгу состоят в том, что не выписанный из оной, в случае нового проступка, исключается из университета, сему же подвергается и тот студент, который, два раза бывши выписан из черной книги, заслужит в третий раз внесения в оную. Если бы студент, оканчивающий курс учения в университете, заслужил внесения в черную книгу уже в конце последнего полугодия пребывания его в университете и по экзаменам достоин был степени действительного студента или другой ученой степени, то у такого полгода еще удерживается аттестат, причем ему предоставляется право посещать лекции по избранным предметам, и в продолжение сего полугодия инспектор обращает строжайшее внимание на поведение такого студента, сообщая ежемесячно ректору свои о нем отзывы. Не оказавший исправления в течение этого времени увольняется из университета без аттестата, с одним свидетельством о бытности в университете, не дающим прав, усвоенных окончивших курс университетского учения.

5, для поощрения молодых людей примерной нравственности, по окончании каждого академического года, в зале торжественных собраний, при всех студентах, в присутствии членов Совета университета, прочитывается список студентов, отличившихся поведением, равно как и кондуитные списки о прочих студентах с исчислением проступков и взысканий, вследствие которых кто-либо из

них получил не совсем одобрительную аттестацию. При чем студентам отличного поведения изъясняется благодарность от имени попечителя.

№ 103

Отношение помощника попечителя князя Н.А. Цертелева С.С. Уварову «относительно выборов произведенных на должности по ХУ» [Харьков] 9 июля 1841

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 117. Л. 1–2. Подлинник]

Совет ИХУ, препроводив ко мне список гг. пр-ров, подвергающихся баллотированию в должности ректора, проректора и деканов, на имеющее наступить в августе месяце сего года четырехлетие, просил ходатайства моего у в. высокопр-ва об утверждении в упомянутых должностях тех из гг. пр-ров, которые, по сравнению с другими, баллотировавшимися в те же должности, получили более избирательных баллов.

При рассмотрении мною списков /при сем прилагаемых/ оказалось: 1, что из всех баллотировавшихся в должность ректора один только получил более избирательных, чем неизбирательных баллов, между тем как Высочайше утвержденным уставом о службе по выборам Св[ода] зак[онов] т[ома] 3 ст[атьями] 137 и 154 постановлено: для всех главных должностей избирать не менее двух кандидатов, из которых один по усмотрению начальства или Высочайшею властью утверждается в должности; 2, что из всех баллотировавшихся в должность проректора ни один не имеет большинства избирательных шаров, и, следовательно, в должность эту никто не избран; 3, что при избрании в должность ректора и проректора участвовал в баллотировке синдик университета, в противность уставу Императорских Российских университетов, из которого видно, что синдик может подавать голос только в Правлении университета, где он присут-

ствуется наравне с прочими членами, но что участие его в заседаниях университетского Совета ограничивается одним наблюдением за правильностью производства дел и законным решением оных (ст[атьи] 29⁶⁹¹ и 34⁶⁹² уст[ава] универс[итетов]); и 4, что при баллотировке в деканы юридического факультета, по случаю равенства избирательных шаров, полученных двумя пр-рами, была произведена перебаллотировка, в противность ст[атье] 865 т[ома] 111 Св[ода] Зак[онов], которою постановлено в подобных случаях решать большинство **жребием**, и, наконец, 5, что лица, участвовавшие в выборах, не были предварительно приведены к присяге, между тем как это требуется ст[атьями] 791, 811 и 954 Св[ода] Зак[онов] т[ома] 111-го.

Полагая, что при университетских выборах, за неимением особого для них положения, должно сообразоваться с вошедшим в свод законов уставом о выборах для других государственных сословий, и в особенности с положением о дворянских выборах, и, признавая, по вышеизложенным причинам, выборы, происходившие в ХУ в прошлом июне месяце произведенными и неудовлетворительно и не на законном основании, я нахожу необходимым произвести оные вновь; но, не имея в виду постановления, на основании которого мог бы я дать Совету университета подобное предложение, имею честь обстоятельство сие представить на благоусмотрение в. высокопр-ва и покорнейше просить Вашего, м. г., разрешения по сему моему донесению для руководства и на будущее время.

⁶⁹¹ Данный параграф устава гласит: «Синдик имеет надзор за канцеляриею Совета, присутствует в заседаниях оного и наблюдает, чтобы производство и решение дел было согласно с законами. В случае замеченной им в сем отношении неправильности или отступления от порядка, он подает письменное мнение. Если за сим Совет останется при прежнем своем заключении, то к исполнению оного может приступить не иначе, как с разрешения попечителя, который в то же время об обстоятельствах дела и данном им предписании доводит до сведения министра народного просвещения».

⁶⁹² Данный параграф устава гласит: «Синдик, заведывая канцеляриею Правления, присутствует в оном наравне с прочими членами».

№ 104—105

Документы о запрещении публичной защиты диссертации кандидату Н.И. Костомарову на тему «О причинах и характере унии в Западной России» 4—24 апреля 1842

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 164]

№ 104

№ 1

Отношение Н.А. Цертелева товарищу министра народного просвещения П.А. Ширинскому-Шихматову о диссертации Н.И. Костомарова

Харьков
4 апреля 1842

[Л. 1—2. Подлинник]

Совет ИХУ препроводил ко мне экземпляр рассуждения об унии, написанного кандидатом Костомаровым для получения степени магистра исторических наук.

Судя по современным событиям, я полагаю, что рассуждение Костомарова может обратить на себя внимание не только ученых и духовенства, но и вообще читающей публики нашей; а как некоторые места этого сочинения показались мне слишком резкими и вместе не основательными, то я и предложил Совету университета публичное защищение диссертации г. Костомарова отложить впредь до особенного моего по сему предмету распоряжения.

Доводя об этом до сведения в. с-ва и препровождая при сем экземпляр упомянутого сочинения с отметкою тех выражений, которые показались мне или сомнительными или неприличными, я покорнейше прошу Вас, м. г., почтить меня уведомлением: может ли рассуждение Костомарова быть допущено к публичному защищению в настоящем его виде?

К сему не излишним считаю присовокупить: а) что прилагаемая диссертация при рассмотрении оной в 1-м отделении философского факультета признана удовлетвори-

тельною и одобрена к напечатанию не всеми членами отделения, но большинством голосов, б) что диссертации этой напечатано всего 100 экземпляров, из коих не более 50 роздал г. Костомаров преподавателям университета и некоторым своим знакомым, и наконец с) что хотя диссертация эта в ученом ее значении имеет многие недостатки и погрешности, но по духу своему, кажется, не представляет ничего противного видам правительства и учению православной церкви, и если я остановил публичное защищение этой диссертации, то, единственно из осторожности, опасаясь, чтобы некоторые необдуманно употребленные сочинителем выражения, не оскорбили нашего духовенства и не дали повода к невыгодным, хотя бы то и не справедливым толкам.

№ 105

№ 2

**Отношение [С.С. Уварова] Н.А. Цертелеву
о диссертации Н.И. Костомарова
[С.-Петербург]
24 апреля 1842**

[Л. 6—6 об. Черновой автограф]

Г. товарищ мой довел до моего сведения содержание отношения к нему в. с-ва [...]

Рассмотрев внимательно это дело, я нахожу: 1, что самый предмет означенной диссертации, как по современности событий, относящихся к уничтожению у нас унии, так по многосложности и запутанности возникающих из учреждения и распространения ее вопросов, прикосновенных к состоянию православной церкви и духовенству нашему, не подлежал одобрению, и 2, что многие места диссертации, по неосновательности своей и недостатку ясного критического взгляда на происшествия, изложенные притом не всегда согласно с историческою истинною, отнюдь не должныствовали быть пропущены к напечатанию.

Вследствие сего поручаю Вам, м. г., членам I отделения философского факультета, признавшим диссертацию Костомарова удовлетворительною и одоббившим оную к напечатанию, поставить на вид несообразность такого с их стороны распоряжения, с подтверждением быть впредь в подобных случаях осмотнительнее; самую же диссертацию, по приказании сочинителю испросить обратно розданные им преподавателям университета и некоторым своим знакомым экземпляры, истребить, с предоставлением написать ему на степень магистра новую диссертацию и защищать ее публично на основании существующих правил.

Разбор диссертации Костомарова с присовокуплением нужных замечаний, я не оставляю препроводить к Вам вслед за сим.

№ 106

**Отношение Н.А. Цертелева С.С. Уварову
«о дозволении употребить на напечатание
сочинений [студентов] до 200 р. серебром»
[Харьков]
31 октября 1842**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 170. Л. 1—2 об. Подлинник]

Из прошений, подаваемых мне, по разным случаям, студентами ХУ заметил я, что многие из них не имеют навыка излагать мысли свои на бумаге. Вследствие сего, в прошлом 1841-м году, я предложил Совету университета: 1-е, требовать от студентов, чтобы каждый из них непременно подал в течение года по крайней мере два, хотя небольшие сочинения на русском языке и 2-е, на окончательных испытаниях предлагать каждому студенту, независимо от вопросов, на которые он обязан отвечать словесно, еще один вопрос, для письменного решения, избираемый из многих вместе смешанных, относящихся к главным предметам факультетского преподавания, с тем, чтобы этот вопрос был решен в присутствии фа-

культета. Сверх сего, заметив, что в ХУ с каждым годом более и более поступает молодых людей западных губерний, мало знакомых с произношением и оборотами чистого русского языка, и находя, что успех в том и другом, зависит более от практических занятий, чем от теоретических знаний, я приказал объявить студентам, что лучшие их сочинения будут читаны ими в доме моем, два раза в месяц, в свободное от лекций время, по вечерам, в присутствии моем, ректора университета, деканов и преподавателей русской словесности. Меры эти, принятые мною к усилению в ХУ практических занятий русским языком, постоянно наблюдаемые в течение двух лет, принесли очевидную пользу: студенты охотнее стали заниматься отечественным словом, начали более читать и размышлять, и многие из представленных ими сочинений, свидетельствуя о труде и способностях молодых людей, обнаруживают с тем вместе и приобретаемые ими сведения. Для достижения вполне желаемой мною цели я полагал бы весьма полезным отличнейшие из представляемых студентами сочинений, по предварительном рассмотрении оных в особом комитете, издавать, по истечение каждого учебного года, особой книжкой, под заглавием: опыты студентов ИХУ в отечественном языке и словесности.

Донося в. пр-ву о моем предположении, я имею честь покорнейше просить Вас, м. г., позволить мне употребить в конце текущего учебного года, на напечатание студенческих сочинений до 200 руб. серебром, из суммы собираемой с своекоштных студентов за слушание лекций, заимообразно, на счет суммы, имеющей выручиться от продажи предполагаемой к напечатанию книжки. Что касается до цензуры студенческих сочинений, то, на основании ст[атьи] 20⁶⁹³ и ст[атьи] 120⁶⁹⁴ устава университе-

⁶⁹³ Данная статья гласит: «Предметы занятия в факультетских собраниях суть: полугодичное распределение курсов и времени преподавания наук, принадлежащих к факультетам. — Рассмотрение метод преподавания и руководств, избираемых пр-рами. — Испытание студентов и всех желающих получить ученые степени или право на вступление в первый разряд чинов-

та, я полагал бы возложить оную на факультеты, под наблюдением г. ректора.

№ 107

Отношение Н.А. Цертелева С.С. Уварову «о дозволении некоторым казеннокоштным студентам жить на вольных квартирах»

[Харьков]
28 ноября 1842

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 171. Л. 1—1 об. Подлинник]

Представлением от минувшего июля за № 1366, я имел честь доводить до сведения в. высокопр-ва о чрезвычайной тесноте настоящего помещения казеннокоштных студентов здешнего университета, не только препятствующей домашним их учебным занятиям, но даже имеющей вредное влияние на самое их здоровье.

Для отвращения этих важных неудобств Совет ХУ ныне полагает возможным и полезным дозволить некоторым казеннокоштным студентам, русского происхождения и известным с отличной стороны по поведению, успехам и образу мыслей, жить, согласно собственному их желанию, на вольных квартирах, с производством им положенных по штату на содержание казеннокоштного студента денег.

Находя, по изложенным причинам, предложение Совета полезным, я имею честь, на приведение сего предположения в исполнение, покорнейше просить разрешения в. высокопр-ва.

ников по гражданской службе. — Испытание кандидатов на учительские места в гимназиях и уездных училищах округа, если они не снабжены надлежащими для того учеными аттестатами и свидетельствами. — Рассмотрение сочинений, предполагаемых к печатанию с одобрения университета и его иждивением. — Цензура сочинений и переводов ученого содержания, издаваемых пр-рами и адъюнктами. — Избрание ежегодных задач и суждение о присылаемых на оные решениях. — Распоряжения по предписаниям Совета и рассуждение о том, что предлагают декан или члены факультета».

⁶⁹⁴ Данная статья гласит: «Университеты имеют свою собственную цензуру для тезисов, рассуждений и иных ученого содержания сочинений, ими или их пр-рами издаваемых. Цензура сия руководствуется правилами Общего цензурного устава».

№ 108

**Из отношения управляющего округом помощника
попечителя ХУО Н.А. Цертелева С.С. Уварову
«с испрашиванием разрешения о том,
чтобы слушание лекций сельского хозяйства
и лесоводства было вменено в обязанность
студентам разряда естественного»**

**[Харьков]
4 мая 1846**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 388. Л. 1—1 об. Подлинник]

В утвержденном в. высокопр-вом распределении преподавания предметов в университетах по отделениям наук, приложенном при предложении к бывшему попечителю ХУО⁶⁹⁵ от 6 мая 1837 за № 5429, студентам математического отделения предоставлено посещать лекции сельского хозяйства по собственному их желанию, не вменяя им этого в прямую и необходимую их обязанность.

Вследствие чего, по ходатайству Совета ХУ о том, чтобы слушание лекций сельского хозяйства и лесоводства было вменено в неперменную обязанность студентам разряда естественных наук, и находя, с своей стороны, что агрономия, до учреждения в здешнем университете камерального отделения по ближайшей связи с предметами естественного разряда, должна быть отнесена к кругу главных предметов сего разряда, как изложено о сем в представлении моем к в. высокопр-ву от 22-го декабря минувшего года [...], я имею честь покорнейше испрашивать по сему предмету решения в. высокопр-ва.

№ 109

**Из отношения попечителя ХУО Н.А. Долгорукова
С.С. Уварову о состоянии ХИУ**

**[Харьков]
24 августа 1846**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 389. Л. 1—4, 6 об. — 8 об. Подлинник]

По вступление в управление ХУО, желая ближе ознакомиться с настоящим состоянием университета, независимо подробного рассмотрения переписки, имеющейся в канцелярии, я собрал в Совет попечителя всех деканов и по развитию некоторых моих мыслей и соображений, выслушав также их изъяснения касательно некоторых существующих по факультетам недостатков, поручил им изложить мне письменно их виды и желания.

По прочтении представленных ими, вследствие сего, докладных записок, составленных по предварительном совещании с прочими членами факультетов, я не мог заметить, что студенты вообще чрезмерно обременены слушанием предметов дополнительных, кои требуя от них усиленных занятий и трудов, лишают их возможности усовершенствоваться в главных науках, входящих в состав избранных ими факультетов и необходимых для того рода службы, к которому каждый из них преимущественно готовится. Этот недостаток особенно замечается по факультетам юридическому и медицинскому. В первом из них число дополнительных предметов превышает число главных, а во втором студенты первого курса, изучая анатомию и общую физиологию, а также энциклопедию медицины, должны слушать зоологию и физику и сверх того еще шесть дополнительных предметов, не состоящих почти ни в какой связи с главными. Нельзя не согласиться, что совершенное изучение первых не может быть довольно успешным при таком множестве последних. Оттого студенты или не успевают изучать главные предметы с надлежащею основательностью, или ограничиваются самыми поверхностными занятиями в предметах прибавочных. В этом отношении, кажется, можно бы облегчить их труды, тем более что они, при вступлении в университет, уже ознакомлены с сими науками в том, по крайней мере, объеме, как они преподаются в гимназиях.

Независимо с предположением собственно об ограничении курса наук декан медицинского факультета⁶⁹⁶ представил еще о следующем:

⁶⁹⁵ Речь идет о Ю.А. Головкине, который умер 21 января 1846 года.

⁶⁹⁶ Имеется в виду Ф.И. Ган.

1, о назначении особого преподавателя физики и химии для студентов [...] в объеме для них необходимом, как это сделано уже с преподаванием зоологии и ботаники, и как предположено сделать в МУ дополнительным постановлением о медицинском факультете одного университета (§ 7)

2, об устранении недостатка в трупах, препятствующего успешному и удовлетворительному преподаванию анатомии, оперативной хирургии и судебной медицины, и доставлении в анатомический театр трупов в университетской клинике и больницах гражданского ведомства умерших без родственников.

[...]

и 7, в заключение, декан представляет меру для личного образования преподавателей и необходимого соревнования между ними. В Германии, Англии и Франции, опытом убежденные в необходимости сциентифических⁶⁹⁷ бесед и личных между собою знакомств, ученые, особенно пр-ры университетов, учредили особые для сего съезды⁶⁹⁸. Польза от оных для науки⁶⁹⁹ оказалась несомненною. Если же это имеет столь благоприятные последствия в Германии, Англии и Франции, где университеты в таком недалеком расстоянии друг от друга⁷⁰⁰, то тем полезнее и необходимее ученые⁷⁰¹ съезды и путешествия для русских пр-ров, и особенно для пр-ров ХУ, помещенного на отдаленной границе ученого⁷⁰² мира, куда почти никогда ни один ученый путешественник не заезжает⁷⁰³,

⁶⁹⁷ В представлении Ф.И. Гана: ученых (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

⁶⁹⁸ В представлении Ф.И. Гана: учредили ученые съезды (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

⁶⁹⁹ В представлении Ф.И. Гана: Польза для науки от этих съездов (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

⁷⁰⁰ В представлении Ф.И. Гана: если это полезно в Германии и Англии, где университеты так недалеки один от другого (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

⁷⁰¹ В представлении Ф.И. Гана: такие ученые (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

⁷⁰² В представлении Ф.И. Гана: просвещенного (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

⁷⁰³ В представлении Ф.И. Гана: куда никогда ни один ученый путешественник не заедет (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19).

где не с кем побеседовать о непрерывных важных открытиях в области наук на Западе⁷⁰⁴. Декан потому считает полезным и даже необходимым, чтобы преподаватели медицинского факультета по очереди⁷⁰⁵ отправляемы были за границу для знакомства с учеными мужами, совещания с ними на съездах⁷⁰⁶, изучения новых открытий и новых улучшенных способов преподавания⁷⁰⁷. Путешествия подобного⁷⁰⁸ рода, открывая⁷⁰⁹ собственные недостатки, будут возбуждать соревнование, стремление⁷¹⁰ к усовершенствованию личному и к усовершенствованию заведения. Чтобы эти путешествия не могли причинить значительной остановки в постоянном чтении лекций, они могут быть назначаемы на шесть месяцев, с апреля по сентябрь включительно, занимая 2 месяца вакаций и 1 ½ месяца экзаменов курсовых, окончательных и вступительных. По возвращении из путешествия каждый из пр-ров обязан будет дать подробный отчет, как употреблено им определенное для путешествия время, на что преимущественно он обращал внимание, с кем находился в сношениях и какие приобрел новые сведения, с присовокуплением описания своего путешествия [...]

Хотя ежегодные путешествия преподавателей медицинского факультета за границу с ученою целью составляют совершенно новое предположение, не введенное еще ни в одном из русских университетов, но нельзя не согласиться, что ХУ едва ли не более других нуждается в этой мере. Подобные поездки оживили бы ученую деятель-

⁷⁰⁴ В представлении Ф.И. Гана: не с кем viva voce побеседовать о просвещении Запада, о новых непрерывных открытиях в области наук на Западе (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19–19 об.). Viva voce — с латинского — «живым голосом, устно».

⁷⁰⁵ В представлении Ф.И. Гана: ежегодно по очереди (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19 об.).

⁷⁰⁶ В представлении Ф.И. Гана: присутствовали на ученых съездах (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19 об.).

⁷⁰⁷ В представлении Ф.И. Гана: изучать новые открытия, новые способы преподавания (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19 об.).

⁷⁰⁸ В представлении Ф.И. Гана: такого (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19 об.).

⁷⁰⁹ В представлении Ф.И. Гана: необходимо открывая (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19 об.).

⁷¹⁰ В представлении Ф.И. Гана: желание (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 19 об.).

ность пр-ров тамошнего медицинского факультета, не говоря уже о том влиянии, какое они должны произвести на преподавание, в особенности при множестве новых открытий по разным отраслям медицины, требующих изучения наглядного и практического, и в которых книги не могут служить достаточным руководством, если в. с-во изволите одобрить изъясненное предположение, то я буду ожидать вашего, м. г., уведомления, чтобы [за]благовременно избрать пр-ров для отправления за границу в будущем 1847 году. Издержки на эти путешествия могут быть также отнесены на счет суммы, собираемой с своекоштных студентов за слушание лекций и экономической части университета⁷¹¹.

[...] Теперь я озабочиваюсь устройством при университете земледельческой фермы. Нет сомнения, что одно теоретическое положение проблем сельского хозяйства, без применения их на практике, как было доселе в ХУ, крайне недостаточно, и потому мне весьма бы желательно было устроить ферму, хотя б в самом небольшом размере. Впоследствии я буду иметь честь представить на благоусмотрение в. с-ва проект учреждения этого заведения.

№ 110

Из «записки к проекту правил испытания для перевода и выпуска студентов ИХУ», составленных Советом ХИУ

Харьков

[до 30 июля 1847]⁷¹²

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 463. Л. 18–29 об. Заверенная копия]

⁷¹¹ 25 января 1847 г. С.С. Уваров сообщал Н.А. Долгорукову: «Ученые путешествия русских за границу всегда были покровительствуемы правительством и в этом отношении ХУ не отставал от других. Неудобно было бы, однако ж, постановить правилом посылать туда ежегодно по одному преподавателю медицинского факультета с ученою целью: надобно в этом сообразоваться с обстоятельствами и средствами» (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389. Л. 31–31 об.).

⁷¹² Дата отправления «Записки...» попечителем ХУО С.А. Кокошкиным в МНП.

[...] В ХУ, согласно большинству мнений членов Совета, а именно: гг. Шидловского, Тона, Демонса⁷¹³, Орнатского, Палюмбецкого, Соколова, Струве, Протопопова, Нарановича, Платонова, Албрехта⁷¹⁴, Гана, Черняева, Куницына и ректора университета Артемовского-Гулака, признается необходимым производить переводной экзамен в 3-х первых курсах в конце учебного года в присутствии декана, преподавателя и одного члена факультета по очереди, а из предметов дополнительных и богословия — в присутствии всего факультета, по тому уважению, что удержание освященного временем порядка и производства переводных экзаменов, если не в полном присутствии факультета или отделения, то, по крайней мере, в присутствии декана и одного другого члена факультета, кроме преподавателя, представляет несравненно более пользы и оснований, нежели производство их одним преподавателем, в виде обыкновенных репетиций. Во 1-х, коллективное производство экзамена, решающее переход студента в высший курс или оставление его на другой год в том же курсе, или, наконец, по существующим правилам и исключении его вовсе из университета, иногда по недостаточной отметке из одного лишь предмета, представляет в себе несравненно более официальности, нежели одностороннее действие преподавателя и более ручается за правильность самой аттестации, даваемой экзаменуемому по его ответам. Во 2-х, положение отметки невыгодной для экзаменуемого, сделанное преподавателем в присутствии и с согласия других членов факультета, имея характер коллегиального решения, ограждает преподавателя от нарекания посторонних лиц и докучливости или жалоб получившего неудовлетворительную отметку, между тем, как при производстве испытания одним преподавателем, все это представляется несравненно более возможным. В 3-х, присутствие при экзаменах по предметам других преподавателей и во всех курсах, составляет для каждого

⁷¹³ Имеется в виду К.А. Демонси.

⁷¹⁴ Имеется в виду Ф.-В. Альбрехт.

члена факультета единственный случай знакомиться с[о] степенью общего умственного развития в учащихся, которая должна быть ему известна уже как члену учебного заведения вообще и с которою он должен сообразоваться и в преподавании своего предмета, если желает достигнуть надлежащих успехов. В 4-х, присутствуя на испытаниях по предметам других преподавателей, члены факультета имеют более возможности видеть способности и прилежание настоящих или будущих своих слушателей, могут видеть способ и пределы изложения пройденной науки и степень приобретенных экзаменуемыми сведений, часто составляющих условия для уразумения других наук. Делая таким образом свои замечания, присутствующие при экзаменах преподаватели с большою пользою могут применять их и к своей требовательности от их слушателей, или даже и к способу и обширности изложения предметов своего преподавания. В 5-х, случай к таковым полезным наблюдениям совершенно был бы отнят у преподавателей, если бы каждый из них должен был производить испытание один по своему предмету, и был устраним от присутствия при экзаменах по предметам других преподавателей. С другой стороны, коллегиальный порядок производства испытаний [возбуждает] несравненное соревнование в молодых людях, нежели одиоличное испытание одним преподавателем, в виде репетиции. Студент, зная, что на экзамене будут присутствовать и другие пр-ры и что слабые ответы при испытании в каком бы то ни было предмете делают на всех их невыгодное для него впечатление и заставляют смотреть на него с большею строгостью и по их собственным предметам, конечно с большею заботливостью будет думать об экзамене по каждому предмету, нежели когда бы нужно было ему отвечать пред одним преподающим, особливо, если иногда и по случаю удалось ему на прежних репетициях или другим способом приобрести у него выгодное о себе мнение. Наконец, нельзя не заметить и того, что и по правилам С[анкт]-Петербургского университета коллегиальное производство испытаний принимается за прави-

ло [...] Если из этого правила допущено там изъятие для переводных испытаний, по предметам факультетским, то побуждением к тому могли быть особенные местные обстоятельства. Довольно указать на два из них, представляющиеся сами собою всякому, кто хотя сколько-нибудь знаком с С[анкт]-Петербургом и служебными занятиями пр-ров С[анкт]-Петербургского университета. Эта отдаленность расстояний квартир преподавателей от университета и занятия почти каждого пр-ра в других, иногда может быть и нескольких, учебных заведениях. Обстоятельства эти вполне объясняют и особенное затруднение пр-ров С[анкт]-Петербургского университета являться на каждый экзамен по предметам других преподавателей, и ту строгую расчетливость в соблюдении очереди присутствия при экзаменах и обязанности, в случае пропущения кем-либо своей очереди, вступать в очередь другого, кто вместо его присутствовал. Обстоятельства сии могли быть признаны уважительными и для того, чтоб сделать некоторое изъятие из правила производить все экзамены в присутствии всех членов факультета. В нашем университете нет подобных обстоятельств и никаких достаточных оснований к отмене освященных временем, законом и существенною пользою, коллегиального порядка всех испытаний, а следовательно, и должно оставить его как для окончательных, так и для курсовых экзаменов. Конечно, и у нас не неприятно бы было пр-ру быть сколько возможно более свободным от обязанности присутствовать при экзаменах, но когда идет дело об общей пользе и обязанностях службы, там пользу и долг надобно предпочесть удобству. Для облегчения членов факультета довольно и того, если на нескольких экзаменах они будут присутствовать не все, но поочередно. Члены же Совета Гордеенков и Рославский-Петровский подали каждый отдельно свои мнения о том, что весьма полезно было бы производить курсовой экзамен в виде общей репетиции в присутствии одного преподавателя по следующим уважениям: а) Гордеенков 1-й⁷¹⁵ «что курсовые экзамены

⁷¹⁵ Имеется в виду Г.С. Гордеенко.

представляют возможность заменять учение постепенное и правильное одним поверхностным с помощью памяти, приготовлением к ответам. Определение степени успехов при этих экзаменах подлежит влиянию, кроме преподавателя, и других членов факультета, присутствующих при ответах, которые по этому самому, решают, главным образом, аттестацию студента, а с тем вместе перевод в высший курс. Почему и внимание молодых людей, по большей части, обращено на успех одного этого экзамена, и учение для них есть одно приготовление к ответам на оном. Наступление времени экзамена обязывает их делать труды и усилия чрезвычайные, нередко с расстройством здоровья. При таком влиянии курсовых экзаменов на образ занятий студентов вознаграждается ли в других отношениях значительное время, употребляемое на их производство? Не полезнее ли было, если бы курсовой экзамен производился в виде общей репетиции самим преподавателем? Студент, не имея в перспективе особенного акта, на коем окончательно и главным образом решается его аттестация, с участием новых судей, неизвестных о занятиях его, в продолжении года, по этому именно предмету, найдет побуждение очевидное своевременными и постоянными занятиями приобретать аттестации хорошие и на частных репетициях, и в продолжении всего курса. Не представляется ли при этом образе испытания возможность жалоб со стороны экзаменуемых — это разрешается достаточно по его мнению, во-первых испытание делается не один раз, а несколько, во-вторых, действия официальные, так явно в виду всех производимые, не бывают обыкновенно предметом жалоб, наконец еще более нравственным отношением пр-ра к его слушателям. Впрочем, сомнения в этом разе устраняются известным нам решением: высшее начальство оказало это доверие преподавателям Санкт-Петербургского университета, где производство курсовых экзаменов самим преподавателем предписано Правилами⁷¹⁶» b) в мнении же Рос-

лавского-Петровского прописано: «в прошлом заседании Совета, по случаю рассуждения о принятии правил испытания, существующих в [Санкт-]Петербургском университете, некоторые из гг. членов сильно восстали против замены коллегиального производства экзаменов репетициями, производимыми самим преподавателем, без участия факультета, и в защиту своего мнения приводили более или менее важные доказательства. Да позволено будет и ему, с своей стороны, представить на эти доказательства замечания, которые суть плод его убеждения, как без сомнения и те, против которых они направлены. Защитники порядка экзаменов, существующего в ХУ, считают коллегиальное производство их полезным в том отношении, что оно: во 1-х, ограждает экзаменуемого от ошибочной оценки его экзаменатором, во 2-х, служит защитой самому экзаменатору от несправедливых нареканий родственников и близких молодого человека, не выдержавшего испытание, и в 3-х, что торжественный характер его способен поселить благородное соревнование в университетском юношестве, доставляя ему возможность обратить на себя лестное внимание не только того пр-ра, который экзаменует, но и других членов факультета. Первое из этих замечаний самое важное, а потому, само собою разумеется, что предполагаемая возможность ошибочной оценки экзаменуемого экзаменатором может зависеть от двух причин: или от невежества последнего, или же от особенных отношений пристрастия, располагающих его в пользу или во вред своего слушателя. Что касается до первого, то странно допустить, чтобы в ряду университетских преподавателей сыскался такой, который бы не мог быть судьей в своем предмете. Этому противоречат и условия, требуемые правительством для достижения пр-рского звания, и налагаемая на г. ректора и факультеты обязанность следить за успешным ходом университетского преподавания и не терпеть лиц, не занимающихся своим делом. Предполагать в экзаменаторах пристрастное снисхождение к экзаменуемому не позволяет нравственное значение пр-ра, заставляющее его предпо-

⁷¹⁶ Речь идет о правилах испытания для перевода и выпуска студентов Санкт-Петербургского университета, принятых 8 июля 1844 г.

читать справедливость и общую пользу ложно понимаемым выгодам молодых людей, а тем менее еще возможны отношения вражды между экзаменуемым и экзаменатором, т.е. между студентом и его наставником, который в успехах своих питомцев находит истинную отраду, и который, во всякое время, готов примириться с ленивым студентом, лишь бы он оставил свои прежние наклонности и обратился к своему долгу. Если ошибочность оценки экзаменуемого пр-ром, при тщательнейшем рассмотрении, оказывается несбыточной, то он, Рославский, не может также согласиться и с мнением, считающим действительною против нее мерою подчинение экзаменатора контролю его товарищей. Во всех факультетах есть предметы, которые не так давно введены и которым не учились преподаватели этих факультетов, окончившие гораздо прежде курс своего воспитания. Может ли он, Рославский-Петровский, напр[имер], быть судьей при испытании студентов в славянских языках? Другим членам отделения неизвестна политическая экономия, а некоторые из них не учились греческому языку, до введения нового устава, составлявшему предмет добровольного посещения. Но положим, что большая часть гг. пр-ров знакомы со всеми науками, входящими в состав их факультета, и что они, надеясь на свои знания, захотели бы вмешаться в экзамен одного из своих сочленов? Он, Рославский-Петровский, думает, что такое вмешательство скорее принесет вред, чем пользу. Занимаясь в продолжении своего пр-рского поприща, преимущественно своею наукою и не имея ни времени, ни способа следить за прочими, они легко могут удовлетвориться поверхностными ответами студента, несколько не выражающими той полноты и отчетливости, с которой излагалась ему наука преподавателем. В подтверждение своего мнения он может сослаться на самый опыт. С тех пор, как он, Рославский-Петровский, принадлежит к числу преподавателей ХУ, случаи разногласия, возникавшие между экзаменатором и членами факультета по поводу отметок студентам были весьма немногочисленны, но если они иногда быва-

ли, то дело шло всегда не об уменьшении, а о прибавке шара; как экзаменатор и прочие пр-ры при этом, без сомнения, руководствовались своим убеждением, то разногласие между ними можно объяснить только тем, что последние, имея в предмете испытания менее глубокие сведения, чем экзаменатор; довольствовались ответами, которыми никак не мог удовлетвориться преподаватель, излагавший науку подробно и в современном ее развитии. Таким образом, предоставление права всем членам факультета быть посредниками между экзаменатором и экзаменуемым, по мнению его, может только ослабить строгость испытаний, вопреки видам правительства, требующего от университетского юношества основательных познаний. От нареканий же публики экзаменатор ограждается публичностью репетиций, производящихся не в доме преподавателя, но в университетской аудитории, в присутствии всех студентов. Здесь, нельзя не заметить, что на мнения людей, не понимающих дела, которыми впрочем не должно дорожить, гораздо более влияния имеют толки студентов, нежели авторитет факультета или другого, подобного ему, ученого собрания. Что касается до возбуждения соревнования между молодыми людьми торжественностью экзамена, то это было бы справедливо, если бы дело шло о воспитанниках низших и средних училищ, а не об университетских слушателях, которых можно разделить на два разряда. Одни из них желают обогатить свой ум познаниями, и для таких лучшим стимулом служит любовь к науке; другие, которые хлопочут из того, чтобы получить аттестат, стараются заслужить по крайней мере такую отметку, какая требует для окончания курса, и для них все равно, будет ли эта отметка дана им экзаменатором или же факультетом. До сих пор, он, Рославский-Петровский, защищал порядок испытания, существующий в [Санкт-]Петербургском университете, так сказать, отрицательным образом, стараясь опровергнуть делаемые против сего возражения, теперь он должен показать его положительные преимущества пред нынешнею системою наших экзаменов. Главное

неудобство этой последней состоит в том, что она требует много времени и, со всем тем, не представляет никакой возможности дать испытаниям характер, сколько-нибудь достойный их важности. В прежние годы экзамены в юридическом факультете обыкновенно назначались после 20 апреля и оканчивались пред наступлением вакаций 10 июня. Если исключить отсюда воскресные и праздничные дни, то придется собственно экзаменационного времени не более 40 дней. Полагая, что в день для производства экзаменов употреблялось по 8 часов — более едва ли в состоянии вынести человеческие силы — выйдет, что на испытание студентов в означенном факультете употребляется ежегодно около 320 часов. Как ни значительно это время, но оно оказывается недостаточным для производства строгого экзамена. Если принять, что студентам I, II и III-х курсов для решения двух вопросов нужно по $\frac{1}{2}$ часа, а студентам, оканчивающим курс, которые обыкновенно вынимают 3 билета, не менее 25 минут, то испытание 83 студентов, числящихся, в нынешнем году, в первом курсе из 8 предметов потребовало бы 186 часов, далее на экзамены 59 студентов II курса, слушающих 6 наук, должно бы употребить $89 \frac{1}{2}$ часов; затем студенты III курса, которых считается 35, и которые посещают лекции 7 преподавателей, заняли бы $96 \frac{1}{2}$ часов, и наконец испытание в 9 предметах 35 студентов, оканчивающих курс, должно бы производиться в течение $131 \frac{1}{2}$ часа, что все вместе составит 484 часа, или с лишком 60 дней, т.е. по меньшей мере 20 днями более против срока, употребляемого ныне для производства курсовых и окончательных экзаменов. В I-м отделении философского факультета, где студентов гораздо меньше и потому испытания начинаются позже, также нередко чувствуется невыгоды ограниченности времени, назначаемого для их производства. Если бы экзаменатор захотел выслушать вполне ответы студентов, стоящих в списке первыми, то ему, верно, для прочих пришлось бы ограничиться немногими минутами. Поэтому, студенты иногда рискуют, т.е. оставляют нечитанною часть науки и этот обман нередко им удается, ибо лишь только пр-р, по выслушании первых ответов экзаменуемо-

го, делает ему вопрос, чтобы удостовериться, знает ли он связь рассказываемого им с предыдущим и последующим, как утомление других членов факультета, естественно не принимающих в испытании столь живого участия, какое прониимает сам преподаватель и остающееся еще значительное число не проэкзаменованных студентов, составляют прервать испытание и ленивый студент возвращается домой с торжеством, хвастаясь тем, что он надул экзаменатора и факультет. Таким образом, священное дело испытаний обращается в нечто театральное, с тою, впрочем, разницею, что актер на время представления заучивает всю роль, а студент нередко ограничивается половиною или даже третью частью науки, ободренный удачею своею или своих товарищей при прежних экзаменах. Замена существующих ныне переходных испытаний окончательными репетициями, по примеру [Санкт-]Петербургского университета, должно положить конец этому злу: ибо тогда каждый пр-р не имея надобности присутствовать при других экзаменах, может спокойно заниматься в аудитории своим делом с слушателями, от чего значительно сбережется самое время, которое можно будет употребить частью для продолжительнейшего чтения лекций, а частью для усиления репетиций. Наконец, Рославский-Петровский одобряет порядок испытаний [Санкт-]Петербургского университета, потому что он сообразнее с духом предписаний высшего начальства, чем существующая ныне у нас система экзаменов. Не далее как в прошлом заседании Совета г. ректор объявил волю его с-ва г. попечителя⁷¹⁷, чтобы гг. преподаватели обращали внимание на посещение студентами лекций; но спрашивается — к чему послужит эта мера заботливого начальства, если факультет, имея право контролировать экзамен, на основании своего мнения о достоинстве ответов испытуемых, помешает экзаменатору поступить по своему убеждению и воздать студенту то, чего он заслужил своим поведением в течение года. При сем Рославский не

⁷¹⁷ Имеется в виду С.А. Кокошкин.

может не указать на предложение г. министра, вменяющее преподавателям в обязанность не допускать к экзамену студентов, часто пропускающих лекции. Если высший начальник оказывает полную доверенность пр-ру, без сомнения, имея на то уважительные причины, то не должно ли признать излишнею заботливость некоторых членов Совета об ограждении экзаменуемого от произвола экзаменатора, чтобы не сказать более? По всем сим уважениям, он, Рославский-Петровский, находит полезным замещение коллегиального производства переходных экзаменов окончательными репетициями, и уверен, что подражание в этом отношении [Санкт-]Петербургскому университету принесет нашему заведению существенную пользу. С этим мнением согласились гг. члены Совета: Сокальский⁷¹⁸, Лукьянович, Якимов, Гордеенков⁷¹⁹, Калениченко и Клобуцкий» [...]

№ 111—115

**Переписка попечителя ХУО С.А. Кокошкина
с товарищем министра народного просвещения
А.С. Норовом и министром народного просвещения
П.А. Ширинским-Шихматовым о замещении
должности ректора в ХУ
21 октября 1851 — 7 июня 1852**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 670]

№ 111

№ 1

**Из отношения С.А. Кокошкина А.С. Норову
«об увольнении от должности ректора ХИУ
А.И. Палюмбецкого и об определении на его место
пр-ра И.О. Калениченко»**

**[Харьков]
21 октября 1851**

[Л. 1—1 об. Подлинник]

⁷¹⁸ Имеется в виду П.И. Сокальский.

⁷¹⁹ Вероятно, имеется в виду Е.С. Гордеенко.

Ректор ИХУ с. с. Палюмбецкий⁷²⁰ в поданном мне прошении изложил, что должность ректора, которая по существу своему позволяет гораздо с меньшею выгодною располагать временем своих занятий нежели должность пр-ра, не соответствует совершенно состоянию его здоровья. Почему, чувствуя призвание к оставленным занятиям пр-ра, с которыми он давно свыкся, г. Палюмбецкий просит ходатайства моего об увольнении его от должности ректора и о предоставлении ему в здешнем университете вакантной кафедры по предмету уголовного права⁷²¹, которое всегда возбуждало в нем живейший интерес и было преподаваемо им около трех лет, за отсутствием пр-ра.

Сообщая о сем в. пр-ву, долгом считаю свидетельствовать о постоянном усердии г. Палюмбецкого в отправлении ректорской должности, равно как и о том, что действительно слабость здоровья его решает меня согласиться на его желание и ходатайствовать пред в. пр-вом об удовлетворении вышепрописанной просьбы его.

Вместе с сим, озабочиваясь о предоставлении должности ректора при вверенном мне ХУ лицу вполне достойному, я имею честь покорнейше просить в. пр-во об определении ректором о. пр-ра сего университета с. с. Калениченко. Многостороннее образование сего достойного пр-ра и приобретенное им отличное мнение у начальства и в обществе и вполне заслуженное уважение со стороны университетского сословия дают мне право рекомендовать его пред в. пр-вом и надеяться, что он с честью будет носить звание представителя университета и оправдает выбор и доверие начальства [...]

⁷²⁰ *Помета другой рукой*: состоявший прежде пр-ром энциклопедии или общего обозрения системы законоведения, российских государ[ственных] законов.

⁷²¹ *Помета другой рукой*: эту кафедру занимал умерший профессор Гордеенков. В данном случае речь идет о Г.С. Гордеенко.

№ 112

№ 2

Из отношения П.А. Ширинского-Шихматова
С.А. Кокошкину о недопустимости назначения
И.О. Калениченко на пост ректора ХИУ
С.-Петербург
4 ноября 1851

[Л. 14–14 об. Заверенная копия]

Конфиденциально

М. г. Сергей Александрович!

Крайне сожалею, что г. Палюмбецкий по состоянию здоровья вынужден просить об увольнении от ректорской должности, которую он исполнял так усердно и соответственно видам правительства.

Что касается до замещения открывающейся таким образом вакансии ректора ХУ, то я с полною откровенностью обязываюсь изъяснить в. пр-ву, что, по моему убеждению, г. Калениченко едва ли в состоянии, при настоящем своем положении в тамошнем обществе, исполнять с полным успехом должность ректора. Инструкция ректору, Высочайше утвержденная 25 Января 1851 г[ода], так важна и многотрудна, что неупустительное ее исполнение поглотит все время и не позволит ректору заниматься посторонним делом. Признавая вполне достоинства г. Калениченко, я не могу, однако же, скрыть опасения, что он как отличный врач, пользующийся особенным доверием харьковской публики, будет слишком развлечен, чтобы добросовестно удовлетворять требованиям обеих, равно важных и ответственных пред правительством и собственной совестью, должностей. И потому об утверждении его в звании ректора я не прежде решусь доложить Государю Императору, как только тогда, когда Калениченко изъяснит согласие оставить медицинскую практику и посвятить себя исключительно исполнению обязанностей начальника университета.

От уведомления в. пр-ва зависеть будет дальнейший ход сего дела [...]

№ 113

№ 3

Из отношения С.А. Кокошкина
П.А. Ширинскому-Шихматову о И.О. Калениченко
[Харьков]
20 января 1852

[Л. 17–17 об. Подлинник]

Конфиденциально

На почтеннейший отзыв в. с-ва [...] имею честь Вас, м. г., уведомить, что г. пр-р ХУ Калениченко обладает столь отличными способностями и разнообразными сведениями, что он в состоянии исполнить с совершенным успехом должность ректора, не отказываясь от медицинской практики в степени доступной при преимущественном и самом точном исполнении обязанностей сего звания. При том же г. Калениченко, вполне постигая важность этого звания несомненно для частных занятий своих по званию врача, изберет свободное время от служебных трудов, которого, при деятельности его, будет у него достаточно для добросовестного исполнения требований и сей последней обязанности [...]⁷²²

№ 114

№ 4

Из письма П.А. Ширинского-Шихматова
С.А. Кокошкину о выборах нового ректора ХИУ
[С.-Петербург]
[апреля]⁷²³ 1852

[Л. 20–20 об. Заверенная копия]

⁷²² В конфиденциальном письме от 13 марта 1852 г. П.А. Ширинский-Шихматов сообщил С.А. Кокошкину: «При всем желании моем сделать Вам, м. г., угодное, я, по лично объясненным в. пр-ву причинам, встречаю затруднение в определении пр-ра [...] Калениченко в должность ректора». 21 марта 1852 г. последовало конфиденциальное отношение попечителя ХУО, в котором он писал: «Не имея никого более в виду для замещения сей должности, я буду ожидать от Вас назначения на оную» (РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 670. Л. 18, 19).

⁷²³ Число отсутствует.

Конфиденциально

[...] как избрание нового ректора в ХУ при настоящих обстоятельствах весьма затруднительно и для сего может потребоваться довольно продолжительное время, то, если с. с. Палюмбецкий не может уже по каким-либо причинам оставаться более в этой должности, я полагал бы поступить в сем случае применяясь к Примечанию статьи 22-й Высочайше утвержденной Инструкции ректору университета и деканам факультетов, по коему, в случае болезни или отлучки ректора, место его заступает один из деканов, по назначению попечителя округа.

Сообщая о сем, покорнейше прошу Вас, м. г., о доставлении Вашего по настоящему предмету заключения с поименованием декана, коему хотя на время может быть поручена должность ректора университета [...]

№ 115

№ 5

**Из отношения С.А. Кокошкина
П.А.Ширинскому-Шихматову о назначении
пр-ра А.В. Куницына исправляющим должность
ректора ХИУ**

[Харьков]
7 июня 1852

[Л. 32. Подлинник]

[...] поручил исправление должности ректора, впредь до назначения на оную особого чиновника, декану юридического факультета, о. пр-ру с. с. Куницыну. [...]

№ 116—121

**Документы о предоставлении Совету ХУ права
контролировать отзывы инспекции
о поведении студентов**

19 августа — 6 декабря 1858 года

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 1035]

№ 116

№ 1

**Мнение исправляющего должность э. пр-ра ХИУ
И.П. Сокальского в Совет ХИУ**

**Харьков
19 августа 1858 года**

[Л. 5—6 об. Копия]

Г. ректор университета⁷²⁴, как председатель Совета, поручил мне, в заседании 9-го июня составить — на основании уже высказанных мыслей — особенное мнение о том, **в какой мере Совет университета может участвовать в произнесении суждений о поведении студентов. Мнение касательно этого предмета касается 3 пунктов: 1. Может ли Совет контролировать мнение инспекции о поведении студентов? 2. На каком основании должен быть ему предоставлен этот контроль? и 3. Каких добрых последствий можно ожидать от Советского контроля.**

Имею честь представить ответ на эти 3 пункта, на Ваше благоусмотрение, милостивые государи,

1. Может ли Совет контролировать мнение студенческого начальства о поведении студентов?

Совет университета должен контролировать мнение инспекции студентов о поведении студентов. Ибо от этого зависит:

1., Присуждение ученых степеней и медалей или отказ в оных и

2., дальнейшее поприще студента, если он изберет себе деятельностью государственную службу. По § 30 ст[атья] 5⁷²⁵ университетского устава рассмотрение представлений факультетов и в особенности протоколов испытаний на получение ученых степеней — со-

⁷²⁴ Имеется в виду А.П. Рославский-Петровский.

⁷²⁵ Данная статья гласит: «Предметы занятий Совета суть [...] 5) Рассмотрение представлений факультетов, и в особенности протоколов испытаний на получение ученых степеней».

ставляет одно из занятий Совета. Было бы в высшей степени несправедливо и неблагоразумно оставаться равнодушным в то время, когда годовой труд /право на кандидатскую степень или сочинений на медаль/⁷²⁶ не вознаграждается достойным образом только потому, что по неизвестным Совету причинам студенту поставлена неудовлетворительная отметка в поведении. Трудно представить себе, чтобы тот, кто получил кандидатские отметки или написал сочинение на медаль, был в самом деле неудовлетворительного поведения. Ибо степень кандидата и сочинения на медаль не даются даром. Они приобретаются путем труда, усидчивой и сосредоточенной жизни, что уже само по себе служит лучшей рекомендацией для нравственности студентов, потому что означенные качества составляют неотъемлемые ее атрибуты.

Если же такой студент порою и уклонится от некоторых формальностей, требуемых студенческим уставом, то надобно прежде исследовать: не произошло ли это уклонение от обстоятельств, независящих от него самого; напр[имер,] по бедности он мог не выполнить некоторых требований касательно наружной формы или, по нездоровью, мог не выполнить некоторых нравственных обязанностей. Полного совершенства в этом отношении едва ли можно и требовать от человека: всякому случается, часто невольно, уклоняться от исполнения формальностей. К тому же одно строгое соблюдение форм никогда нельзя отнести к разряду качеств, дающих человеку право назваться нравственным. Формою нередко прикрывается самая возмутительная безнравственность. Наконец необходимо присоединить, что отметка в поведении должна выражать настоящее состояние поведения и нравственности, а не прошлое, ибо отметка показывает каков студент теперь, а не то, каким он был прежде.

На основании предыдущего полагаю, что необходимо упрочить за Советом право — требовать у инспекции

студентов объяснений **всякий раз**, как представляется случай присуждать ученую степень или медаль студенту неудовлетворительного поведения, **почему** ему записана эта неудовлетворительная отметка, с подробным и точным изложением всего относящегося к тому дела, чтобы Совет только по тщательном обсуждении дела, а не по безусловному доверию к лицу, записавшему отметку, решился бы отказать студенту в искомой степени или медали.

Ту же осмотрительность должен иметь Совет и к кондуктивным отметкам прочих студентов, постоянно удостоверясь — не односторонне ли понимают инспектирующие лица нравственность в данном случае и нет ли более разумных оснований посмотреть на дело с другой стороны.

2. На каком основании должен быть Совету предоставлен этого рода контроль?

Для того, чтобы ставить отметку в поведении, необходимо предварительно составить о нравственности самое верное понятие, но всегда ли отдельные лица, поставленные во главе наблюдательного поста, имеют о ней удовлетворяющее моралиста понятие?

Предположивши самое счастливое условие, что сами лица надзирающие — люди в самом деле нравственные, трудно ожидать во всех возможных случаях совершенно справедливых приговоров обо всех студентах. Тому препятствуют и духовная немощь человеческой природы, и трудность такого рода занятия.

Если же таким образом индивидуальное мнение отдельных лиц о нравственности и безнравственности субъекта не может выдержать строгого суждения, то помочь этому может только коллективное мнение о том же предмете.

В университете такое коллективное мнение представляет мнение Совета.

Мнение Совета может считаться наиболее совершенным, потому что в Совете заседают и подают свое мнение пр-ры, т.е. люди по самой профессии своей должны быть нравственными, жизнью своею выражающие

⁷²⁶ Так в документе.

идею о нравственности и наукою успевшие приобрести в ней самое безукоризненное понятие.

В самом деле, кто же ближе к студенту и может знать его лучше: **пр-р ли**, который имеет возможность следить за студентами в лучшие минуты его жизни, минуты его занятий, который связан с ним самою дорогою из всех связей, связью науки, и тем самым оказывает на его нравственное развитие самое непосредственное влияние, **или же инспекторское ведомство**, которое естественно сталкивается с ним преимущественно только в грешные минуты его заблуждений и по ним заключает о его нравственном совершенстве.

На основании предыдущего, соображая, что коллективное мнение Совета всегда будет непогрешительнее индивидуального мнения отдельных лиц, и что связь пр-ров с студентами благороднее, выше и священнее, нежели связь последних с инспекциею, полагаю, что **права Совета контролировать кондуитные списки студентов имеют самое разумное основание.**

3. Каких добрых последствий можно ожидать от Советского контроля?

Так как мнение Совета будут всегда наиболее приближаться к истине, то студенты могут быть уверены в справедливости и спокойны на счет своих кондуитных шаров.

Таким только образом можно избежать на будущее время тех случаев увлечения со стороны студентов, которые печалили в последнее время всех благородномыслящих людей.

Если ж и после мнения Совета, состоявшегося о нравственности того или другого студента, последние не будут сообразоваться в своих действиях с правилами своего устава, то Совет университета должен объявить их недостойными студенческого звания.

Осмеливаюсь покорнейше просит Совет ИХУ это мнение мое — по соображении о нем голосов в Совете — представить на усмотрение окружного начальства и ходатайствовать о препровождении его на усмотрение высшего начальства.

№ 117

№ 2

Мнение исправляющего должность ректора университета пр-ра ХИУ А.П. Рославского-Петровского

Харьков

[до 15 октября 1858]

[Л. 7—8. Копия]

Нельзя отказать в сочувствии мысли, высказанной в мнении И.П. Сокальского о тесной связи, существующей между умственным и нравственным образованием, связи, которой, к сожалению, и в наше время не признают многие, хотя еще в древности Сократ, с свойственным ему здравомыслием, указал на торжество ума и добродетели, т.е. теоретической и практической истины. С своей стороны, я глубоко убежден, что люди, способные понимать отвлеченные истины науки и восхищаться бестелесною красотою идеи, могут быть самыми тонкими и верными судьями, при оценке нравственного достоинства человека, а потому, если бы дело шло о том, чтобы определить идею нравственности и, на основании ее, построить классификацию дурных и добрых поступков, то, конечно, ни одна коллегия чиновников, будь эти чиновники по честности Катоны, не в состоянии были бы выполнить этой задачи с таким успехом, как собрание скромных тружеников науки, представляемое чинами ученого сословия университета. Но должно сознаться, что между нравственностью, понимаемую в ее высшем, философском, значении и тою, которая нужна для обихода гражданских обществ, существует различие, оправдываемое тем, что каждое государство, независимо от общечеловеческих целей, вытекающих из назначения человека, как разумно-нравственного существа, имеет еще свои частные особенные цели, которые определяются историческими и географическими условиями его жизни и от которых нередко зависит не только его благосостояние, но и самое существование, а посему, в положительных законодательствах,

кроме постановлений, основанных на вечных, безусловных началах нравственности и общих всем образованным государствам, находится и такие, которые принадлежат исключительно тому или другому народу в данный период времени и которые можно назвать условною нравственностью народа или отдельных его сословий. Оценка этой условной нравственности часто служит камнем преткновения для людей, привыкших смотреть на вещи с идеальной точки зрения. Опыт показывает, что стремления теоретиков применить свое учение к жизни редко сопровождаются успехом. Известно, как мало ценил Наполеон I-й так называемых им идеологов /разумеется, исключительно по отношению к практическим целям государства/, а между тем Наполеон I-й был не только гениальный полководец, но и великий администратор. Впрочем, непрактичность людей, посвящающих себя теоретическому исследованию истины, весьма естественна. Сфера их занятий слишком благородна и привлекательна для того, чтобы они в состоянии были отрешиться от нее и составить верное понятие о мире⁷²⁷ действительном. Оттого свет и люди представляются им в гораздо лучшем виде, нежели каковые они на самом деле. Благородные в своих убеждениях и правилах, они готовы предположить то же благородство побуждений и в каждом другом человеке, особенно связанном с ним единством занятий. Обращаясь от этих общих рассуждений к вопросу возбужденному предложением г. Сокальского, кому должен принадлежать контроль кондуитных списков студентов: Совету или Правлению университета — я опасаюсь, что предоставление этого права Совету, как соображению, по преимуществу, специалистов и идеалистов, может повести к ослаблению дисциплины между университетской молодежью и тем повредить будущей карьере наших питомцев, ибо опыт показывает, что ученый, сосредоточивший все свое внимание на науке, слишком снисходительный судья в деле нарушения форм, а потому ходатайство об изменении существующего ныне по-

⁷²⁷ В данном случае имеется в виду «мир», то есть «общество».

рядке наблюдения за нравственностью студентов, по которому составление кондуитов принадлежит инспекции, совместно с ректором университета, при участии и контроле Правления, где заседают лица, имеющие столько теоретического образования, чтобы составить верное понятие о нравственности студента, и уметь отличить увлечение молодежи от поступка, обличающего глубокую нравственную испорченность, но вместе с тем, по своему положению, знакомые, более других членов Совета, с требованиями правительства, относительно приготовления на службу отечеству молодых людей, которые должны быть не только развитыми умственно и нравственно, но и такими, какие нужны России, по особым условиям ее исторической жизни и покоренному духу наших отечественных учреждений.

Впрочем, к представлению в Совет для сведения кондуитных списков студентов, с подробным обозначением причин, в случае получения кем-либо из них неудовлетворительной отметки в поведении, я не нахожу препятствий. Сколько мне известно, это делалось и прежде, кроме последнего семестра, когда допущено было исключение от принятого порядка, по причине, хотя не сообщенной мне г. ректором⁷²⁸, но полагаю потому, что так как в это время дело о произведенных студентами беспорядках⁷²⁹, порученное г. попечителем⁷³⁰ Правлению университета и потом, чрез посредство министра народного просвещения⁷³¹, поступившее на Высочайшее усмотрение, не было еще окончено, то чтение в Совете кондуитных списков, при тесной связи их с поименованным делом, могло бы повести к разным расспросам со стороны членов Совета и вызвать, быть может, неуместные рассуждения; следовательно, обстоятельства требовали временного отступления от порядка, основанного, впрочем, на одном обычае, а не на существующих постановлениях правительства.

⁷²⁸ Речь идет о К.К. Фойгте.

⁷²⁹ Имеются в виду, вероятно, волнения студентов ХИУ в апреле 1858 г.

⁷³⁰ Речь идет о П.В. Зиновьеве.

⁷³¹ Речь идет о Е.П. Ковалевском.

№ 118

№ 3

**Мнение синдика ХИУ А.[О.]⁷³² Косинского
«по делу о контролировании Советом
конduitных списков,
составляемых инспекцией студентов»**

**Харьков
[до 15 октября 1858]**

[Л. 9. Копия]

Так как по силе § 30 Высочайше утвержденного устава Императорских Российских университетов⁷³³ предметы занятий Совета, нося на себе характер исключительно ученый и учебный, столь положительно и точно определены, что даже попечителю 9-м пунктом этого §-фа не предоставлено делать других предложений Совету, кроме относящихся до дел училищных, требующих ученых соображений, как-то: усовершенствования преподавания наук, учреждения дополнительных курсов, принятие в руководство книг и других учебных пособий и т.п., то я полагаю, что контролирование conduitных списков студентов, представляемых инспектором / на основании данной ему

⁷³² См.: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., 1857. Ч. 1. С. 189.

⁷³³ Данный параграф устава гласит: «Предметы занятий Совета суть 1) избрание ректора, почетных членов и корреспондентов. 2) Избрание пр-ров и адъюнктов; назначение их к разным по университету должностям; определение и увольнение лекторов и учителей университета. 3) Суждение по представлениям факультетов о мерах для усовершенствования преподавания наук в университете. 4) Общее соображение о распределении курсов и времени преподавания в университете. 5) Рассмотрение представлений факультетов, и в особенности протоколов испытаний на получение ученых степеней. 6) Исследование упущений пр-ров в исправлении порученных им должностей. 7) Главное распоряжение учебными и вспомогательными при университете пособиями и заведениями. 8) Окончательное суждение о сочинениях и переводах, предполагаемых к чтению в торжественных собраниях или к печатанию изданием университета. 9) Рассуждение по предложениям попечителя о делах соображений, как-то: об усовершенствовании преподавания наук, об учреждении дополнительных курсов, о принятии в руководство книг и других учебных пособий, согласно с 12 статье Высочайше утвержденного в 25 день Июня 1835 года Положения об учебных округах».

с утверждения г. министра народного просвещения Инструкции/ г. попечителю и Правлению университета, Совету предоставлено быть не может, и даже рассуждение на этот предмет, как выходящем из круга предоставленной Совету власти и прав, иметь в оном место не должно.

№ 119

№ 4

**Из представления Совета ХИУ помощнику
попечителя ХУО К.К. Фойгту**

**Харьков
15 октября 1858**

[Л. 3—4. Список]

Исправляющий должность э. пр-ра Сокальский вошел в Совет университета с мнением относительно контролирования в Совете университета мнения инспекции о поведении студентов.

По выслушивании сего, 10-ть гг. членов Совета: П. Лавровский, Н. Лавровский, Коссов, Борисяк, Клобуцкий, Палюмбецкий, Лукьянович, Гордеенко, Валицкий, объявили, что они, вполне разделяя мнение г. Сокальского об участии Совета университета в произнесении суждений о поведении студентов, по основаниям, изложенным в означенном мнении, полагаются просить ходатайства г. помощника попечителя о дозволении Совету контролировать мнение инспекции о поведении студентов; 4-е члена Совета: Ган, Куницын, Чернай, Альбрехт объявили, что побуждение и цель мнения г. исправляющего должность э. пр-ра Сокальского они признают вполне благородными, но как осуществление его на деле несогласно с существующим по уставу порядком университетского управления по нравственной, учебной и ученой части, то, не считая себя вправе рассуждать об изменении этого порядка без уполномочения на то от высшего начальства, они полагают: мнение г. Сокальского, по важности его содержания, представить подлинником или в копии, на

благоусмотрение г. управляющего ХУО и ожидать от него распоряжений по означенному предмету.

Исправляющий должность ректора Рославский-Петровский и синдик Косинский подали особые мнения по сему предмету.

Согласно большинству мнений гг. членов Совета университета, препровождая, в копиях мнения гг. Сокальского, исправляющего должность ректора Роставского-Петровского и синдика Косинского, имеет честь покорнейше просить ходатайства в. с-ва о дозволении Совету контролировать мнение инспекции о поведении студентов, по основаниям изложенным в мнении г. Сокальского [...]

№ 120

№ 5

**Предложение попечителя ХУО П.В. Зиновьева
Совету ХИУ**

**[Харьков]
13 ноября 1858**

[Л. 2—2 об. Список]

15-го сентября сего года за № 1878, Совет ХУ вошел к помощнику моему с представлением относительно контролирования в Совете кондуитных списков студентов, составляемых инспекцией, при участии ректора университета. Представление это, основанное на мнении г. исправляющего должность э. пр-ра Сокальского, сделано с целью отменить правило, утвержденное постановлением правительства, не подлежит суждениям Совета, предметы занятий которого определены в точности § 30 Общего устава российских университетов. Подобные мнения могут быть представлены в виде проектов не иначе как ректору или попечителю, который, по обсуждении их в своем Совете, может их представить на благоусмотрение министру народного просвещения в виде проекта же. Поэтому, во избежание на будущее время обременения Совета подобными рассуждениями, отвлекающими его от прямого назначения пещись об усовершенствовании

ученой и учебной части в университете, я предлагаю, чтобы все письменные мнения, о которых должно происходить совещание в Совете, представлялись предварительно председателю одного, т.е. ректору или занимающему должность его, и им уже передавались на общее суждение. Мера эта облегчит занятия Совета, сократит переписку и даст мне возможность беспрепятственно представлять положения Совета на утверждение высшего начальства.

№ 121

№ 6

**Отношение П.В. Зиновьева министру
народного просвещения Е.П. Ковалевскому
[Харьков]
6 декабря 1858**

[Л. 1—1 об. Подлинник]

Совет ХУ во время моего отсутствия представил помощнику моему мнение исправляющего должность э. пр-ра Сокальского о дозволении Совету контролировать кондуитные списки о поведении студентов, составляемых инспекцией при участии ректора.

Мнение это, как Вы изволите увидеть, преисполненное софизмов и противное правительством утвержденному порядку вещей, вызвано было желанием г. Сокальского выказать мнимую несостоятельность здешней инспекции, что он и заявил в Совете в таких выражениях, что на него была принесена жалоба исправляющим должность инспектора г. Засядко и что нужно было пригласить его изменить свое мнение на другое более приличное.

Понятно, что всякое мнение, предоставляемое Совету, необходимо подвергается в оном суждениям и толкованиям, но, имея в виду, что подобные суждения приносят не пользу, а вред, возбуждая личности и отвлекая Совет от прямых его обязанностей: заботиться об улучшении ученой и учебной части, я выразил Совету, что нахожу

таковые рассуждения неуместными и не подлежащими разбирательству его.

Представляя при сем в копии мнение пр-ра Сокальского, и возражения на сие исправляющего должность ректора и синдика университета Косинского, а равно представление Совета и мой ответ на оное, я долгом считаю просить в. высокопр-во, если Вы разделяете мой взгляд, благоволить утвердить мое распоряжение, и предписать Совету соблюдать, елико возможно, необходимое для достоинства его приличие и не выходить из круга представленных ему законом занятий.

№ 122

**Из донесения попечителя Санкт-Петербургского УО
Г.И. Филипсона министру народного просвещения
Е.В. Путятину о допущении лиц женского пола
в университеты и о современном состоянии
русских университетов
[С.-Петербург]
25 Ноября 1861**

[РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 1251. Л. 22–32. Подлинник]

[...] Совет Университета назначил для предварительного рассмотрения этих вопросов⁷³⁴ Комиссию [...] Донесение Комиссии [...] было рассмотрено и вполне одобрено Советом университета [...] Комиссия, а за нею и Совет пришли к следующим заключениям:

1, допущение лиц женского пола к слушанию лекций вместе со студентами университетских лекций, по какому бы то ни было факультету, признается не только не представляющим никаких препятствий, но даже справедливым и полезным, 2, лица женского пола должны быть допускаемы на общем положении для вольнослушателей, относительно лет и платы, и 3, лицам женского пола сле-

дует разрешить, по общим правилам для вольнослушателей, подвергаться испытанию на все ученые степени и получать диплом, который давал бы им права: а, на штатные учительские и воспитательные должности в высших учебных и воспитательных заведениях и б, на медицинскую практику.

Высшими учебными заведениями считаются у нас университеты, лицеи и специальные училища, имеющие с первыми одинаковые права. Если следовать буквально заключению Совета, то пришлось бы допустить особ женского пола к чтению в университете лекций в звании пр-ров, и к воспитательным должностям, которые в высших учебных заведениях мужских никак не могут быть поручены женщине. Поэтому становится вероятным, что Совет предлагает предоставить особам женского пола право на учительские и воспитательные должности в женских учебных и воспитательных заведениях

В таком виде, если бы речь шла об отвлеченном принципе, я бы согласился с мнением университетского Совета, но если заданные вопросы, рассматривать собственно по отношению к С[анкт]-Петербургскому университету, в нынешнем его положении, я прихожу к заключениям совершенно противоположным.

[...] В современной журналистике являются беспрестанно статьи о наших университетах: многие мнения высказаны искренне и с убеждением, но во всех доселе явившихся статьях недостает весьма важного указания: отношений современного общества к университету.

Вслед за Общим уставом Императорских Российских университетов, Высочайше утвержденным 26-го июля 1835 года и донныне действующим, министр народного просвещения, С.С. Уваров, утвердил Инструкцию инспектору студентов С[анкт]-Петербургского университета в 1836 году. В этой инструкции студенты, которые сверх этого имени называются учащимися, воспитанника и даже детьми, — поручаются бдительной опеке инспектора, опеке несравненно более строгой, чем та, которой теперь подчинены ученики 7-х классов гимназий.

⁷³⁴ Речь идет о допущении женщин в университеты.

В 1843 году попечитель округа, князь Волконский, утвердил для студентов правила, написанные в том же духе, но с теми изменениями, которые естественно произошли от того, что студенты уже не имели как прежде, квартиры при университете. Эти правила, слово в слово перепечатанные в 1857 году, утверждены тогдашним попечителем округа князем Щербатовым.

Вообще следует заметить, что во весь этот период 1835–1857 на студентов смотрели как на несовершеннолетних воспитанников, для которых нужна подробная дисциплинарная регламентация и строгий надзор за их нравственностью, поведением и даже за исполнением религиозных обязанностей [...]

Чрез четыре года после издания этих правил введены те, которые ныне действуют в С[анкт]-Петербургском университете, и внесены в студентские матрикулы. Сущность этих правил заключается в следующем:

[...]

в) Студенты освобождены от ношения форменной одежды.

г) Студенты подчинены дисциплинарным правилам только в стенах университета; в городе же они освобождены от всякого надзора университетского начальства [...]

е) Дисциплинарные правила упрощены до крайней возможности и заключают в себе только естественное запрещение нарушать тишину и порядок в университете. Из числа мер взыскания со студентов исключено содержание в карцере.

Правила для Студентов с 1836 по 1858 год исполнялись беспрекословно, и никто против них не протестовал; правила 1861 года встречены враждебно всеми студентами и неодобрительно многими пр-рами.

Что же произошло во внутренней жизни университета, могущее объяснить такой факт? Почти ничего, если смотреть отдельно на университет, и очень многое, если принять в соображение переворот, сделавшийся в обществе,

этой среде, из которой студенты приносят в университет готовые убеждения и нравы.

Я не буду здесь рассматривать постепенных изменений характера общества и путей, которые привели его к современному положению, но не могу не сказать, что наша изящная литература и особенно журналистика были главными двигателями общества по современному его направлению.

Между наиболее общими чертами, выражающими современные убеждения, нельзя не выставить: 1, отрицание авторитетов всякого рода, 2, отсутствие чувства законности и уважения к закону и 3, враждебное чувство и даже ненависть к власти, как бы она ни проявлялась.

Следует ли удивляться, что такие элементы, внесенные в университет пылкими юношами, повели к прискорбным событиям, которые, при тех же обстоятельствах, могут во всякое время и возобновиться? Замечательно, что не только в обществе, но и многие студенты с ожесточением восставали против матрикул и уже гораздо после признались, что они их не читали. Значит, они восстали против идеи и распоряжения власти, в чем бы оно ни состояло. Главным предлогом к неудовольствию было лишение студентов корпоративных прав сходок и выбора депутатов для распоряжения их собственными делами. Другими словами: речь идет о корпорации студентов и их политических правах. Можно понять, что этого желают неопытные юноши, которым хочется публично заявить о своей самостоятельности, но чтобы и гг. пр-ры разделяли это мнение — для меня это совершенно непонятно. Но как бы то ни было, не разделяя таких убеждений, нам невозможно не принимать их в серьезное соображение тем более, что они вполне подкрепляются общественным мнением. В таком положении дел преобразование университета становится неизбежною и неотложною потребностью. Радикального улучшения нельзя ожидать от какой-либо новой регламентации, которая может опираться только на материальную силу, а ее вмешательство в дело просвещения одинаково вредно, при успехе и неудаче.

В нашей журналистике вопрос о преобразовании университетов вызвал множество разнородных и противоположных мнений. Одни предлагают растворить настежь двери университета, т.е. сделать из университетского курса предмет развлечения праздной публики; другие хотят сохранить университеты, но требуют политических прав студентам, ссылаясь на славянский обычай, мирские сходки; наконец иные предлагают оставить университеты в нынешнем положении, допустив только некоторые изменения.

Уважая всякое искреннее убеждение, я должен сознаться, что не согласен ни с одним из этих мнений. Поэтому я прошу позволения в. с-ва высказать в главных основаниях преобразования, которые мне казались бы необходимыми для выведения наших университетов из их настоящего печального положения и чтобы предотвратить возможность возврата бывших беспорядков.

По моему мнению, следует: 1, слушание университетских лекций сделать доступным для лиц всех сословий, обоого пола и всяких лет, с тем только условием, чтобы желающий слушать лекции получил на право входа в университет билет от ректора, которому **непрерывно должен предъявить свидетельство о выдержании гимназического экзамена**. При таком порядке не будет ни студентов, ни вольнослушателей, а будут вообще лица, желающие и могущие извлечь серьезную пользу из университетского курса.

2, плата за слушание лекций зависит от усмотрения правительства, я же должен сказать только, что нынешнее требование срочной уплаты 50 р. есть мера непопулярная и возбуждающая сильное недовольство между студентами и в общественном мнении.

3, чтение университетских лекций должно иметь наружный вид и обстановку публичных лекций, и потому не нужно никакой университетской полиции, равно как и дисциплинарных правил для слушателей. Проректор, освобожденный от полицейских обязанностей, делается по-прежнему помощником ректора, которого место и за-

ступает в случае болезни или отсутствия сего последнего.

4, переводные экзамены делаются бесполезными, а для испытания на ученую степень, всякого являющегося, где бы он ни учился, следует назначать особую экзаменационную комиссию, которая должна открывать свои действия три или четыре раза в год.

5, выдержавшим испытание на звание действительного студента или на ученую степень следует предоставить те же преимущества на службе, какие они теперь имеют.

6, в устройстве факультетов, в Правлении и Совете университета не представляется нужным делать больших изменений.

В таком положении университета нет причины не допустить особ женского пола к слушанию лекций; ныне же я полагаю эту меру совершенно неудобною и могущею только дать повод к новым беспорядкам [...]

Этот проект следует сообщить всем университетам для предварительного с ним ознакомления и вслед за тем рассмотреть в Главном правлении училищ, куда потребовать как членов всех попечителей учебных округов. Рассмотренный таким образом проект устава должен быть министром народного просвещения подвергнут на Высочайшее утверждение [...]

В заключении я долгом считаю представить вниманию в. с-ва следующее соображение: в публике все недовольны настоящим положением университетов и общественное мнение обвиняет в этом министерство и попечителей. Как бы то ни было, но при всех наших распоряжениях, без радикального изменения университетского устава, мы будем иметь общественное мнение против нас и принуждены будем опираться только на материальное могущество правительства. Но наше положение весьма улучшится с той минуты, как публика узнает, что мы не только не прочь от благоразумных преобразований, указываемых современною потребностью, но вызываем эти преобразования, поручая составление нового проекта знатокам дела, экспертам, избранным всеми пр-рами всех российских университетов. В таком случае благоразумная часть

общественного мнения будет, конечно, на нашей стороне и составит нравственную силу, могущую без всяких крайних мер удержать в университетах порядок, который иначе может быть нарушаем при всяком незначительном поводе.

№ 123

**Проект ученой экспедиции, составленной
гг. пр-ром ботаники В.М. Черняевым,
пр-ром астрономии А.П. Шидловским,
адъюнктом зоологии А.В. Чернаем
и исправляющим должность адъюнкта минералогии
и геогнозии Н.Д. Борисяком, для исследования
Харьковской губернии и прилежащих к ней мест
в географическом и естественноисторическом
отношениях**

Харьков

[до 23 ноября 1846]⁷³⁵

[РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 611. Л. 11–21. Копия. Частично опубликовано: 200 лет астрономии в Харьковском университете. Харьков, 2008. С. 53–55]

В настоящее время географические исследования стран занимают первостепенное место в ряду ученых занятий. Множество сделанных с этой целью изысканий в чужих краях, возникающие учреждения географических обществ, достаточно уже указывают на важность упомянутых исследований. Давно уже чувствуемый недостаток подобных разысканий на обширном пространстве Российской Империи был причиною многих пожертвований, со стороны мудрого нашего правительства для достижения подробнейших географических сведений о России, наконец, учреждение Русского географического общества⁷³⁶ еще более выказывает желание правительства

и тем более возбуждает к содействию людей, долгом службы и призвания обязанных стремиться к исследованию своего Отечества. Харьковская губерния и прилежащие к ней страны, не смотря на сделанные в них некоторые ученые путешествия, представляют еще много любопытных и важных предметов для географических исследований, разумея под географическим исследованием страны не только географическое определение мест, но и изыскания физических свойств ее и изучение всех естественных произведений. Для точного исследования Харьковской губернии в географическом и естественноисторическом отношениях нельзя ограничивать изыскания исключительно Харьковскою губерниею, но необходимо распространить их и за пределы оной, ибо почва и произведения ее так тесно связаны с произведениями окрестных мест, что могут быть изучены вполне только в связи друг с другом, а для единства плана и астрономические наблюдения могут производиться в тех же местах; в следствии чего и полагаем избрать для исследования местность некоторым образом естественно ограниченную с севера: линиею, соединяющею Курск с Воронежем, с востока: рекою Доном, с юга: линиею, соединяющею устье реки Медведицы с Екатеринославо⁷³⁷, а с запада: реками Днепром, Пселом и истоками Сейма.

Вследствие вышеозначенных обстоятельств, цель ученой нашей экспедиции должна состоять в определении географического положения главнейших мест ограниченной нами страны и в подробном исследовании сказанных мест в отношении к минералогии и геогнозии, фауне и флоре ее.

Для производства сказанных изысканий считаем нужным употребить месяцы: май, июнь, июль, август и сентябрь 1847 года. Сообразив все потребности разысканий, ведущих к упомянутой нами цели, мы принимаем на себя следующие исследования.

⁷³⁵ Дата отправления проекта попечителем ХУО Н.А. Долгоруковым С.С. Уварову.

⁷³⁶ Русское географическое общество — одно из старейших географических обществ в мире. 18 августа 1845 г. Высочайшим повелением императора

Николая I было утверждено представление министра внутренних дел Российской империи графа Л.А. Перовского о создании в Санкт-Петербурге Русского географического общества.

⁷³⁷ Современный город Днепрпетровск (с 1926 г.).

А, по части астрономической географии: составление географических карт страны производится обыкновенно посредством географических и топографических съемок, в соединении с астрономически определенными положениями мест. Обратив, однако ж, внимание на обширность нашего Отечества, легко понять, что триангуляции⁷³⁸ не могут быть общим средством для составления карт, и только путем астрономических наблюдений можно надеяться получить лучшие данные для этой цели. Убеждения эти разделяла С[анкт]-Петербургская Академия наук почти со времени ее основания, и мы встречаем уже в прошедшем столетии целый ряд экспедиций, отправленных ею для определения географического положения мест. Блистательнейшие же результаты для астрономической географии европейской России собраны академиком Вишневым, совершившим путешествие в начале настоящего столетия. Много городов в предстоящей к исследованию нам местности определено им⁷³⁹. Не только значительное число определенных мест отличает экспедицию Вишневого от других подобных, но и самое достоинство определений, точность которых подтверждается всеми последующими путешествиями, совершенными с средствами гораздо совершеннейшими, нежели какими располагал Вишневский. Несмотря на совершенные уже труды, положения многих важных мест остаются еще неопределенными, а подобный недостаток в особенности ощутителен в отношении мест, лежащих близ Харькова. При рассмотрении росписей положения мест в предположенном нами к исследованию пространстве, оказались следующие города, положения которых вовсе не определены; Бирюч, Богодухов, Валки, Верхнеднепровск, Волчанск, Грайворон, Землянский, Змиев, Кобеляки, Коротояк, Короча, Лебедин, Миргород, Новохоперск, Путивль,

⁷³⁸ Триангуляция — способ измерения координат точки на основе ее наблюдения с двух или более точек с известными координатами.

⁷³⁹ Имеются в виду ежегодные (в период 1806—1815 гг.) экспедиции В.К. Вишневого по Европейской России, в результате которых были определены координаты около 250 населенных пунктов.

Рыльск, Славянск, Суджа, Сумы, Тим, Хорол и Чугуев. Определение положения сказанных мест составляет труд обширный и важный, но, во всяком случае, неисполнимый в течение одного года, а потому считаем необходимым ограничить предварительно исследования только местами ближайшими к Харькову. Труднейшую задачу при определении географического положения составляет определение долготы. Совершенная в нынешнем году астрономом Пулковской обсерватории Отто Струве хронометрическая экспедиция определила с точностью, которой нельзя достигнуть из наблюдений луны, долготу временной Харьковской обсерватории, а потому точнейшие результаты для определения близ лежащих Харькова мест и должны быть находимы чрез переноску времени, посредством хронометров, и, только где сказанное средство окажется недостаточным по причине удаления мест от Харькова, нужно прибегать к кульминациям луны и покрытиям звезд. Широты всех мест должны быть выведены из наблюдений полярной звезды астрономическим теодолитом⁷⁴⁰, а где позволят обстоятельства, то из наблюдений пассажным инструментом, установленном в первом вертикале. Сообразно сказанному, исследования по астрономической географии будут состоять: а, в определении географического положения: Чугуева, Змиева, Валок, Богодухова, Волчанска, Сум, Корочи, Нового Оскола, Бирюча и Корготояка. б, сверх того, где позволят обстоятельства, будут производиться и другие побочные исследования, как-то: геодезическое нивелирование, соединение мест наблюдения с видимыми замечательными в окрестностях предметами, барометрическое определение некоторых высот etc⁷⁴¹.

В, по части геогнозии и минералогии: геогностический состав нашей губернии не более пяти лет обратил на себя внимание геогностов. Предполагаемый недостаток металлических богатств в оной был причиною, что изыскания

⁷⁴⁰ Теодолит — геодезический инструмент для определения направлений и измерения горизонтальных и вертикальных углов.

⁷⁴¹ Сокращенное от *et cetera* (с лат.) — и так далее.

в Екатеринославской губернии весьма мало касались Харьковской. Открытие каменного угля около Петровки, а еще более потребность годного строительного материала для предполагаемого шоссе между Курском и Кременчугом подали повод к геогностическим путешествиям гг. Бледе, Мейендорфа, Кейзерлинга и Девернейля, которое доставили ученому Свету первые изыскания относительно геогнозии нашей губернии. Исследования г. Бледе относительно только той части нашей губернии, которая прилегает к предполагаемому шоссе, и быстрые проезды прочих путешественников не позволили им заняться подробным изучением Харьковской губернии; почему, несмотря на сведения, собранные упомянутыми учеными, можно утвердительно полагать, что Харьковская губерния в геогностическом отношении еще не вполне исследована. Геогностическое описание состава обозначенной нами местности весьма важно как в том отношении, что послужит к объяснению геологического строения Харьковской губернии, так и потому, что на этом пространстве решаются весьма важные вопросы геологии России: здесь являются переходы и границы древних почв северной части нашего Отечества с образованиями южной. Точнейшее определение литологического и палеонтологического характеров местности, не взирая на труды упомянутых ученых, может принести еще значительную пользу русской геогнозии и послужить к пополнению геогностической карты сказанной страны. Вследствие чего мы намерены:

а, определить почвы и формации, залегающие в нашу губернию, классифицировать и назначить им более точную границу и показать связь их с образованиями соседних губерний, как можно полнее исследовать литологический и палеонтологический характер оных.

б, заниматься исследованиями над орографией нашей губернии, определяя барометрически разные возвышенности и собирая возможно полные наблюдения над реками, прорезывающими пространство, подлежащее к исследованию.

с, наблюдать температуру и состав источников и озер, почему либо обращающих на себя внимание.

д, изыскивать и исследовать минеральные вещества, могущие принести пользу в общежитии.

е, составить геогностическую карту нашей губернии с нанесением на ней месторождения полезных минералов.

С и D, по части ботаники и зоологии. Много важных наблюдений приобрели ботаника и зоология проездами чрез Харьковскую губернию и прилежащие к ней страны, Палласа, Гмелина, Нордманна и Блазиуса, равно как и разысканиями маршала Биберштейна и Криницкого. Однако проезды упомянутых естествоиспытателей были слишком кратковременны; неутомимая деятельность маршала Биберштейна и Криницкого прервана слишком раною для науки смертью, чтобы доставить подробное естественноисторическое описание нашей губернии. До сих пор не имеется ни флоры, ни полной фауны Харьковской губернии и мест, прилежащих к ней. Многие явления растительной и животной жизни, свойственной нашему краю, не объявлены по недостатку частных разысканий местности. Местные средства, употребляемые для ловли животных, для предохранения от вреда, наносимого некоторыми, травы, пользующиеся целительными свойствами, развитие травяных и древесных пород в степных и лесных местах губернии, почти вовсе не исследовано. Сверх того, собранные в наших местах окаменелости, хранящиеся в кабинетах университета, дают повод надеяться приискать новые, могущие более пояснить геогностические отношения нашей губернии. Микроскопических исследований вовсе не было, и мы вправе ожидать от них таких же любопытных результатов, какие представляются заграничным естествоиспытателям при их изысканиях. Поэтому мы предполагаем:

а, определить вообще характер украинской флоры и исследовать точнее породы дикорастущих и разводимых растений.

б, изучить географическое распределение растений сообразно почвам и местностям и преимущественно растительность степного чернозема.

с, исследовать постепенно увеличивающееся и уменьшающееся развитие травяных и древесных пород, сообразно климатическим линиям, выражающимся в степных и лесных местах губернии и ее смежных стран, преимущественно же линию озимых хлебных злаков.

d, обратить внимание на все вредные влияния прозябленности упомянутых стран.

е, исследовать флору в отношении к сельскому хозяйству, технологии, простонародному лечению, лесоводству и садоводству.

f, определить с точностью виды животных, постоянно пребывающие в Харьковской губернии и смежных с нею местах, что вместе с разысканиями по этому предмету покойного Криницкого и некоторых других, составит материал для подробной фауны этой страны.

g, ознакомиться, по возможности, с случайными или периодическими пришельцами из царства животных в упомянутых странах, в особенности же из класса птиц и рыб.

h, разыскать с надлежащею подробностью те виды животных, которые составляют или могут составлять важность в промышленности упомянутых стран, равно как обратить внимание на местные средства, употребляемые для их ловли.

i, тщательно исследовать большое число здесь обретающихся врагов из царства животного для хозяйства, и способы, употребляемые для предохранения от вреда, наносимого ими.

k, собрать факты, могущие служить для сведения о связи животных и растений с атмосферическими явлениями и тем способствовать предприятию Брюссельской академии.

l, изучить орографию упомянутых стран в отношении условий, представляемых ею для жизни и распространения животных.

m, обращать особенное внимание на встречающиеся окаменелости.

n, производить микроскопические наблюдения, недостаток которых в наших странах делается весьма ощутительным.

По разнородности предметов наших занятий и мест, посещаемых нами, мы считаем невозможным производить работы вместе. Единство времени и избираемой для исследования местности соединят их в одно общее целое.

Средства для успешного хода экспедиции состоят в следующем:

A, по части астрономической географии:

1, для производства астрономических и геодезических наблюдений необходимо взять из астрономического кабинета университета a, переносный пассажный инструмент, b, теодолит, c, два хронометра, d, два барометра, e, термометр, f, отражательный кружок, g, трубу для наблюдения затмений.

2, Большая часть астрономических наблюдений переносными инструментами и все геодезические измерения не могут быть произведены одним наблюдателем, и потому необходимо пригласить надежного помощника из студентов или кандидатов, окончивших курс в нашем университете.

3, для установки теодолита нужно устроить особенный штатив.

4, астрономические инструменты могут быть перевозимы только в покойных экипажах, а потому для экспедиции нужно нанять таковой экипаж и сделать в нем нужные изменения для удобной укладки инструментов.

5, для охранения инструментов необходимо нанять надежного служителя.

6, издержки экспедиции по части астрономической географии, вследствие сказанного, будут следующие:

Полагая путешествие в 1700 верст, прогоны для перевозки инструментов на 4 лошади.

Прогоны для пр-ра Шидловского на 3 лошади.

Прогоны для перевоза служителя и палатки необходимой для защиты инструментов на местах наблюдения на 2 лошади.

И как большая часть путешествия будет совершаться на наемных лошадях, то считаем нужным иметь, вместо обыкновенных прогонов, по 2 коп[ейки] серебр[ом] на лошадь на 1 версту.

Итак прогонных денег, всего триста шесть рублей серебром.

Жалованье, суточные и квартирные деньги помощнику за все время экспедиции двести рублей серебром.

Служителю жалованье и кормовых по 12 руб. серебр[ом] в месяц, всего шестьдесят рублей.

На наем экипажа и нужные в нем переделки и поправки во время путешествия полагаем сто тридцать рублей серебром.

Устройство штатива для теодолита двадцать рублей.

Для установки инструментов и производства геодезических работ сто двадцать пять рублей.

На непредвиденные издержки сто рублей.

Всего девятьсот сорок один рубль.

В, по части минералогии и геогнозии для исправляющего должность адъюнкта Борисяка.

1, полагая путешествие в 3000 верст и считая на лошадь по 2 коп[ейки] сер[ебром] на 1 версту, всего прогонов сто восемьдесят рублей серебром.

2, на проезды в сторону, плавание по рекам, наем рабочих, проводников и упаковку добытых предметов двести рублей.

3, законные квартирные и суточные деньги сто один рублю двадцать пять копеек.

4, служителю жалованья и кормовых шестьдесят рублей.

5, кроме этого имеется надобность для экспедиции по минералогии и геогнозии взять с собою студента из разряда естественных наук, которому на содержание в месяц полагаем по 15 руб. — семьдесят пять рублей серебром.

6, на непредвидимые издержки шестьдесят руб.

Всего шестьсот семьдесят шесть рублей двадцать пять копеек серебром.

7, г. Борисяк считает нужным взять из физического кабинета два барометра и два термометра.

С, по части ботаники:

1, на путешествие пр-ра Черняева, полагая его в 3000 верст прогоны на 6 лошадей, что составляет, считая на лошадь по 2 коп[ейки] серебр[ом] на версту, триста шестьдесят рублей.

2, на проезды в сторону, плавание по рекам, наем проводников и упаковку добытых предметов сто рублей серебром.

3, законные квартирные и суточные деньги пр-ру Черняеву двести семьдесят рублей.

4, служителю жалованья и кормовых шестьдесят рублей.

5, на непредвидимые издержки шестьдесят рублей.

Всего восемьсот пятьдесят рублей серебром.

Д, по части зоологии:

1, предполагая путешествие в 3000 верст и считая на лошадь по 2 коп[ейки] серебр[ом] на версту, всего прогонов для адъюнкта Черная сто восемьдесят рублей.

2, на проезды в сторону, плавание по рекам, наем проводников и охотников, на упаковку добытых предметов сто пятьдесят рублей серебром.

3, служителю жалованья и кормовых шестьдесят рублей.

4, законные квартирные и суточные деньги адъюнкту Черная сто тридцать пять руб.

5, кроме того адъюнкт Черная желает взять с собою студента из разряда естественных наук, которому и полагает на содержание во время всей экспедиции семьдесят пять рублей.

6, на непредвидимые издержки шестьдесят рублей.

Всего шестьсот шестьдесят рублей серебром.

И так по нашему расчету издержки всей экспедиции простираются до трех тысяч ста двадцати семи рублей двадцати пяти копеек серебром.

Сверх того находим необходимым:

1, каждому из нас взять нужные по своему предмету сочинения из библиотеки университета.

2, получить открытые листы, по которым бы местные начальства благоволили оказывать нам возможное содей-

ствие в наших занятиях, а равно и снабжать нас людьми и лошадьми по нашему востребованию.

3, просим выдать нам казенные подорожные.

4, желательно бы было, по крайней мере, за три месяца до начала экспедиции знать об утверждении ее, дабы была возможность заказать заблаговременно штатив, палатку, иметь время надлежащим образом приготовить экипаж для укладки инструментов, снестись с директорами некоторых обсерваторий, просить их о производстве и доставлении соответствующих наблюдений и совещаться с другими учеными обществами.

Мы же с своей стороны не упустим делать все возможные приобретения как для кабинетов, так и для других заведений университета, и если представится случай, то — собирать сведения и по другим отраслям наук, о чем не преминем предварительно снестись с учеными нашими товарищам.

Вскоре, после окончания экспедиции, мы обязываемся представить начальству подробный отчет и как занятия по экспедиции будут требовать исключительно всего нашего времени, то и желаем освободиться от обременительной денежной отчетности.

Окончательно льстив себя надеждою, что начальство не откажет нам в содействии к изданию в свет результатов наших исследований в виде особого сочинения.

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

№ 124

Из записки М.Л. Магницкого о мероприятиях,
проведенных им в КИУ

[С.-Петербург]
[февраль 1822]

[РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 2. Л. 10 об. — 11. Копия]

[...] В приеме студентов, сколько из разных сведений мог я заметить, случаются два неудобства: 1, студент может быть принят с большим или меньшим послаблением в экзамене, а потому иногда и с пристрастием и 2-е, преподаватель может жаловаться, что ему дан студент, не дошедший еще до познаний, к слушанию пр-рских лекций нужных, между тем как начальство может упрекать преподавателя в изложении учения, слишком для студента высокого.

Для отвращения сих неудобств мне кажется необходимым: а, чтобы каждый из пр-ров по тем наукам, кои в гимназиях преподаются, представил в Совет свое мнение, каких сведений должно требовать от студента, в аудиторию его вступающего; б, чтобы Совет одобрил сие требование, сообщив его к сведению гимназий; с, чтобы в Казанской гимназии имел право каждый из пр-ров университета наблюдать за преподаванием приготовительных к его предмету наук; d, чтобы студенты не иначе удостоиваемы были в сие звание, как тем пр-ром, к которому они поступить должны и, наконец, е, чтобы каждый пр-р по тем предметам, кои в гимназии к науке его относятся, составил руководство для учителя с нужными указаниями лучших классиков, коим он следовать должен и метода, который принять в преподавании обязан [...]

№ 125
Отношение М.Л. Магницкого А.С. Шишкову
об отправлении студента Петрова
на Кавказские минеральные воды»
[С.-Петербург]
8 апреля 1825

[РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 180. Л. 1—1 об. Подлинник]

Правление КУ представляет мне, что казеннокоштный студент Дмитрий Петров, страдающий припадками начинающейся чахотки, пользуется донныне в университетской больнице, но не получает от оной облегчения, которая может быть ослаблена только пребыванием в теплейшем климате, почему и полагает нужным отправить Петрова на Кавказские теплые воды и снабдить к тому пособиями.

По причине бедного состояния студента Петрова Правление КУ, положив выдать ему в пособие до 300 рублей из пенсионерной суммы, как на проезд его вместе со студентом Плотниковым, отправляющимся, по домашним обстоятельствам, в Астрахань, так и на прожитие при Кавказских минеральных водах, просит разрешения, с тем, чтобы выдать студенту Петрову 300 рублей, оные почислены были действительным расходом.

Я имею честь испрашивать на сие соизволения в. высокопр-ва.

№ 126
Из записки директора Саратовского училища
А.И. Шестакова «Нечто о гимназиях, университетах
и других высших училищах Российской Империи»⁷⁴²
Саратов
[1804—1806]

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 21—36. Подлинник]

Нечто о гимназиях, университетах и о других высших училищах Российской империи

⁷⁴² А.И. Шестаков известен как автор записки о перспективах развития университетов, гимназий в России. На данный момент обнаружены две редак-

Священная мысль, изображенная в Предварительных правилах народного просвещения, величественна! Благодетельного гения России достойна! Но чем обширнее, чем важнее установление государственное, тем больше на деле встречается и причин, ходу намерения противоположных. Коль часто мудрые предприятия остаются от того без действия, или действует весьма слабо! Решительно, почти аксиоматически, что предполагаемые гимназии и университеты, при всех щедротах государя нашего⁷⁴³ и при всей бдительности начальства не принесут пользы существенной, ежели при учреждении оных не будет обращено сильного и деятельнейшего внимания на дворянство наше.

Государственные обязанности, зависящие от познаний, систематическим учением приобретаемых, лежат единственно на нем как непременно и быть должно в благоустроенном монархическом правлении, где люди мудрою политикой против беспорядка обыкновенно разделяются на состояния, ограничивающие всякого в его должности; следовательно, изящные науки и принадлежат дворянам более, нежели другим сословиям; они во всеобщей связи пользы государственных для них необходимых. Но дворянство наше, судя по обширности империи, по молодости России в числе народов просвещенных, можно прибавить — и по некоторым злоупотреблениям, не имело до сих пор к своему образованию средств достаточных [...]⁷⁴⁴

ции его сочинения. Первый вариант, хранящийся сейчас среди дел Главного правления училищ и озаглавленный «Нечто о просвещении в России», был представлен 27 апреля 1803 г. попечителю КУО графу А.А. Мантейфелю. Эта записка не вызвала интерес коллег графа Мантейфеля по Главному правлению училищ. Второй вариант записки под названием «Нечто о гимназиях, университетах и других высших училищах Российской Империи» Шестаков передал казанскому попечителю С.Я. Румовскому. Записки Шестакова не были опубликованы, но были введены в научный оборот, в частности, работами Л.М. Артамоновой (*Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX века: (Юго-восточные губернии Европейской России)*. Самара, 2001).

⁷⁴³ Имеется в виду император Александр I.

⁷⁴⁴ Опущена часть о состоянии средней школы во второй половине XVIII в.

1-е. Ежели гимназии или университеты будут заниматься одним преподаванием наук; то где же и под чьим призором жить детям уездного дворянства, которого и есть везде самое большое количество? Ибо в Губернейших городах кроме должностных [лиц] живет хозяев очень мало. Прислав сына со слугою нанять квартиру, препоручить их родственник[у] ил[и] приятелю — неудобство совершенное, само собой видимое и неудачными опытами оправданное. Приохотить частных людей иметь трактиры по примеру иностранных — но можно ли ожидать [от] сего лучшего кроме лихоимства содержателей, недовольствия родителей и от худого наемного присмотра; кроме наглостей, буйства и развратов пылкой молодости? Хорошо бы содержать учащихся подобно [тому], как в Благородном пансионе МУ⁷⁴⁵ или как при Казанской гимназии⁷⁴⁶; но и это средство не надежное: платить лично с каждого ученика и богатому родителю, у кого детей много, слишком отяготительно. При всех таких и тому подобных соображениях решительно можно сказать, что дворянство бедное — в невежестве, а богатое — в руках гнусных побродяг домашнего воспитания останется по-прежнему; университеты же и гимназии будут пусты, как и вышние ныне классы народных училищ, ежели о содержании дворянского юношества не будет принято меры основательнейшей. Нет к тому средства вернее, как всех дворянских детей, без различия чинов или богатства их родителей, содержать на казенном иждивении по примеру кадетских корпусов⁷⁴⁷. [...] ⁷⁴⁸

Скажут, что эта вещь очень известная: легко написать, а сделать трудно. Но как бы то ни было, сей пункт к успешнейшему ходу наук неминуем; и никакое затруднение ставить ему в противоположность не долженствовало бы; **сколь-нибудь и как-нибудь** пора давно выгнать у нас за границу; лучше употреблять больше да с пользою, неже-

ли мен[ыш]ее бросать даром. Правда, на заведение и расходы ежегодные, таких гимназий и университетов потребны великие суммы. Но неужели тягостно было б[ы] в добавление к монаршим щедротам и к знатым пожертвованиям людей частных всем дворянам ежегодно вносить в общую сложность по несколько копеек с ревизской души⁷⁴⁹ своих имений? Сие было бы для богатых нечувствительно, а паче при нынешней экономической их промышленности, для посредственных же и бедных сносно [...] ⁷⁵⁰

К чему маскировать благие намерения? Российское дворянство по единому мановению своих государей всегда было и есть готово не имение одно, но здоровье и жизнь свою нести добровольно на поле славы; то непосредственно для себя ж[е] самих пожалеет ли он крупниц, падающих от избытков? Когда и один г. Демидов⁷⁵¹ пожертвовал вдруг до двух миллионов [рублей], то посредственный вклад отяготит ли целый корпус дворянства?

2-е. Ежели в гимназиях или университетах дворяне будут обучаться столько, сколько кто захочет, а не ч[е]рез урочные годы⁷⁵²; то заведения сии равно также нигде не достигнут своего совершенства. Не только дворянское юношество, [но и] даже разночинцы наши как можно скорее спешат вступить в службу, однако ж[е] не для службы, а для чинов. Эта причина, подкрепляемая взаимными примерами даже и самых благоразумных родителей, как бы насильно заставляет при самом почти начале [обучения] прекращать учение детей своих. Мальчик пятнадцати или шестнадцати лет только что может сделать вступления важные и для службы государственной нужные

⁷⁴⁵ Благородный пансион МУ был создан в 1755 году.

⁷⁴⁶ Имеется в виду Казанская гимназия, учрежденная в 1757 г.

⁷⁴⁷ Военно-учебные заведения в России.

⁷⁴⁸ Опущена часть об особенностях обучения в гимназиях.

⁷⁴⁹ В крепостной России налоги с помещиков взымались с «ревизской души» — то есть с крепостного крестьянина, указанного в так называемой «ревизской сказке» — переписи крепостных.

⁷⁵⁰ Опущена часть об особенностях обучения в гимназиях.

⁷⁵¹ В документе речь идет о пожертвованиях Павла Григорьевича Демидова в 1803 г. (*Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 320–321).

⁷⁵² Речь идет об обязательном сроке обучения.

познания; но у нас стыдно, чтобы в сем возрасте дворянину не быть офицером и не обращаться уже в большом свете. Все осуждают это и все увлекаются общим злоупотреблением, [все] тому следуют. А ежели бы кто и вздумал победить сей предрассудок, то много бы потерял против сверстников своих по службе, как обыденно говорится; что и правда: кадетам корпусов должны даны преимущества, однако же бывало [...] ⁷⁵³ своею поступить в службу, а паче по гвардии, выигрывали бы перед ними больше. — Жаль и смешно слышать! — Один просит учителя: «Почти моего сына поскорее всему: уже двенадцать лет ему минуло; ч[е]рез два года я повезу его к такому-то большому господину в канцелярию ⁷⁵⁴»; другой говорит: «Я хочу сына моего записать в артиллерию ⁷⁵⁵, одолжи, пожалуй, пройдись с ним по математике — благодетель мой обещает ч[е]рез год произвести его там офицером; и ч[е]рез три месяца я намерен его туда определить» ⁷⁵⁶. Но искоренить такое злоупотребление можно только ограничив урочным временем учения, и то, как выше сказано, при всеобщем воспитании; а в противном случае в гимназиях и университетах наших всегда будут одни только малолетние начинающие и тот час прекращающие свое учение; подобно как и ныне в народных училищах, пансионах и у домашних учителей; сила же 24-го пункта Предварительных правил народного просвещения ⁷⁵⁷ также станет оставаться без действия, как и прежде остались похожие узаконения, не по похлебству ⁷⁵⁸, а чаще по недостатку людей достойных. Но при всеобщем воспитании ограниченном урочным временем пагубное содержание предускоряет вступлением в службу само собой исчезнет: ибо желание

⁷⁵³ Слово неразборчиво.

⁷⁵⁴ Имеется в виду устроить на гражданскую службу.

⁷⁵⁵ Имеется в виду устроить на военную службу.

⁷⁵⁶ Сочинитель не шутит: он это на самом себе испытал. (Примеч. авт.)

⁷⁵⁷ Данный пункт гласит: «Ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище».

⁷⁵⁸ По родству, дружбе, из корысти.

быть генералом, например в тридцать лет, родилось от того, что таких генералов много.

Следом, чтобы училища сделать блистательными, прочными [и] государству приносящими пользу существенную и чтоб по благому намерению Монарха нашего ⁷⁵⁹, которое и одно [только] сильно предуготовит Ему бессмертие, всеобщее просвещение шло к своему совершенству исполинскими шагами; то при учреждении таких заведений за первоначальное основание взять надобно, чтобы все дворянское юношество содержать на казенном иждивении. Казалось бы, для чего от всеобщего просвещения отторгать военные корпуса и некоторые другие училища [...] ⁷⁶⁰

Ежели будут два разных просвещения, гражданское и военное, то опасно, чтобы со временем не вышло из [э]того одной которой-нибудь службе излишнего уважения, а другой презрения. Великая Екатерина старалась всемерно статскую [службу] извлечь, как бы из ничтожеств, и в том успела не иным чем, как некоторую между [н]ими связь [установить], и ежели оную разрушить, то не мудрено и опять на которой-нибудь стороне быть перевесу. Их во всех случаях надобно тесно соединить, а не то сделается они тот час похожи на деле между собой, [как] враждебные нации. [...] ⁷⁶¹

[...] ⁷⁶² надобно поступать в выборе для них ⁷⁶³ учителей, нежели и самих пр-ров для высших наук, ибо все зависит от хороших начал. Правда, от учителя не требуется слишком утонченных познаний, но зато больше всего способности учить. Он должен быть развязан, проникателен, объемлющ, удален от педантичного глубокомысленного

⁷⁵⁹ Имеется в виду Александр I.

⁷⁶⁰ Опущена часть о преимуществах казенного содержания учащихся в гимназиях и училищах.

⁷⁶¹ Опущена часть о преимуществах образования для прохождения службы, о роли учителя, преподавателя в средней и высшей школе.

⁷⁶² Опущена часть о выборе пр-ров и преподавателей в университеты и гимназии.

⁷⁶³ Речь идет о дворянах Российской империи.

тона, искусен в изобретении разных способов занять внимание ученика [...]»⁷⁶⁴

По[сле] основания гимназий не только в университеты, но и в военные Корпусы⁷⁶⁵, и [в] другие высшие училища не принимать бы [неуспевающих], [а] как только с успехом кончивших учение в гимназиях. Из сих источников всякое высшее училище и даже вместо малолетних, и вместо безденежных учеников — ныне и из большого числа кадетов, как [и] при приеме в детском возрасте нельзя различать дарований, [а потому] людей достойных выходит немного. Иметь бы юношество цветущее: с легким трудом, с меньшими издержками, через короткое время, с непременноми успехами и в большом количестве на службу государственную готового. Ибо кто хорошо будет образован в гимназии; тот, конечно же, получит и вкус к наукам, охоту, склонности и прилежание, ежели не по многим, то, по крайней мере, к одному какому-нибудь предмету, и приобретши [в] гимназии твердое основание, будет учиться, как сам собою, заимствуясь от пр-ра, в облегчение свое, одними только его объяснениями, не обременяя его личностью как в гимназии, но вообще со многими. Почему число учащихся в высших училищах у одного пр-ра ограничивать не будет надобности. И положить в урочное время по окончании наук не только в университетах, но и в корпусах, четыре года, [что] весьма довольно, ибо крайняя подробность — не наука, она есть искусство, опытом или умом человеческим по частям изобретенное, [которое] приводит в общие систематические краткие правила; а потому в преподавании лекций не следует распространяться далее этих пределов. Прочее при выходе из высшего училища все само собою пополнится: то — чтением, то — практикою. Сверх того, в Корпусах не надобно будет ни дятек⁷⁶⁶, ни учителей, ни других приставников⁷⁶⁷, каковые при малолетних [нахо-

дятся и] которые в столице стоят великого иждивения; а останется иметь несколько смотрителей за поведением и гораздо меньше нынешнего разной услуги. Но, впрочем, необходимо, чтоб[ы] во всех высших училищах все пособия были во всевозможнейшем совершенстве, как-то: библиотеки, натуральные кабинеты, инструменты, машины, модели и прочая. [...]»⁷⁶⁸

Учительская должность в истинном смысле есть про-
дажная государственная обязанность; то и препоручить ее надлежало бы, дабы более возвысить цену наук и достоинство учащихся, не только способным, но и родом людям отличным. Сначала не можно, но как науки примут свое кругообращение, полезно бы, не говоря о директорах⁷⁶⁹ и других начальниках ученых мест, но и пр-рам, и учителям гимназий и уездных училищ быть из дворян⁷⁷⁰. Самый смешной и постыдный предрассудок считать за подлое дворянину быть учителем. Образовать человека человеком, дать ему вторую, т.е. разумную душу, научить себе и государству быть полезным, вывести его на дорогу полководца [и]ли министра — ежели эта должность подлая, то какая же благороднее? Но не только Россия, даже вся Европа подвержена сему заблуждению, потому что дворянство везде не слишком, говорят, просвещено, и науки, по большей части, в руках мещан или [людей] среднего состояния; они по бедности своей и обращают их как ремесло для снискания насущного себе хлеба; потому-то учительская должность и считается подлой. И так, дабы возвысить сие достоинство, дать приличный ему вес и привести в уважение публику учащихся[ся], надобно при-
уготовить дворянство наше, чтоб[ы] даже и лучшие из

⁷⁶⁴ Опущена развернутая характеристика преподавателя гимназии, училища.

⁷⁶⁵ Имеются в виду кадетские корпуса.

⁷⁶⁶ Дядек.

⁷⁶⁷ Приставник — приставленный для надзора, присмотра.

⁷⁶⁸ Опущена часть о значении коллекций и кабинетов.

⁷⁶⁹ Имеются в виду директора училищных дирекций.

⁷⁷⁰ Нечто на сие похожее напечатано в журнале г. Карамзина; но это писано гораздо прежде того, и прежде, нежели дворянин г. Глинка сделался пр-ром. (Примеч. авт.)

Имеется в виду статья Н.М. Карамзина «Дворянин-профессор в России» в журнале «Вестник Европы» (1803. Ч. 9. № 11), где речь идет о пр-ре Дерптского университета Г.А. Глинке, первом пр-ре из дворян в Российской империи.

них по фамилии или богатству не только не полагали быть пр-ром или учителем за низкое, но и гордились бы тем, вменяя поверенности сии в знатное награждение их талантам и трудом снисканным познаниям. Сие влияние, [как мне] кажется, в Педагогических институтах произвести весьма удобно будет. [...]

№ 127—129

**Переписка о произошедших
в Казанской гимназии беспорядках среди
воспитанников и об увольнении от должностей
директора А.Л. Лихачева и главного надзирателя
К. фон Фишера
4 июня — 6 октября 1804**

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 47]

№ 127

№ 1

**Из донесения титулярного советника
Веселовского попечителю КУО С.Я. Румовскому
о «ссоре воспитанников с квартирмейстером
[Я.И.] Михайловым⁷⁷¹,
последовавшей июня 4-го числа»⁷⁷²
Казань
4 июня 1804**

[Л. 1 об. — 2. Подлинник]

И-е

Квартирмейстер Михайлов в поданном своем о произошедшем между ним и воспитанниками объяснении пока-

зал, что когда он по должности своей наказывал солдата подле конюшни инспектора (которая находится за прачешной, казенной избой, будучи закрываема от парадного заднего крыльца казенною кухнею), то воспитанники, гулявшие в то время (после обеда) по двору, собравшись кучею у колодца, громко называли его **«варваром»**, **«тираном»**, **«канальей»** и **«дураком»** и еще разными **непотребными словами**⁷⁷³. Что он считал себя разобиженным по окончании наказания, имел прямо к парадному крыльцу, сказать стоявшему там дежурному надзирателю Попову о принятии мер для укрощения ругательства. Но кои воспитанники, идучи за ним вслед, не переставали продолжать ту же брань; то он, Михайлов, выведен уже из терпения, сказал им: **«Благородного отца сын не может называть меня такими гнусными словами, разве какой-нибудь неблагородно рожденный сукин сын»**. Свидетельствует же он в сем, как [...] надзирателем Поповым, так и случившимся в то время на крыльце учителем Ахматовым, и секретарем конторы Прокопенковым. Причиной за неудовольствие против себя воспитанников почитает он Михайлов то, что по приказанию начальства заколачивал во французской комнате дверь, троекратно ими в один день отламывавшую⁷⁷⁴ да приказал запирасть ключами в спальник дверь, сквозь которую запрещено им было ходить и другие по должности исполнял. [...]

Учитель Ахматов в объяснении своем подтвердил в точности истину показания Михайлова в рассуждении места наказания и собрания воспитанников, о брани говорит: «что воспитанники кричали: **«Тиран, варвар!»** Потом провожал[и] его до крыльца, повторяли те же слова, а

⁷⁷¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1806. СПб., 1806. Ч. 1. С. 430.

⁷⁷² Речь идет о конфликте, случившемся между гимназистами и главным надзирателем Казанской гимназии К. фон Фишером. Интересен сам факт случившегося, поскольку конфликт произошел в момент учреждения университетской системы и основания КИУ. Участниками конфликта стали гимназисты, как правило, дети из известных дворянских семей. Поскольку Казанская гимназия была объединена с КИУ, то попечитель С.Я. Румов-

ский стал главным арбитром в решении конфликта. О беспорядках стало известно членам Главного правления училищ. Его решение не стало «соломоновым» — директор А.Л. Лихачев, пользовавшийся безусловным авторитетом как предводитель дворянства, любитель книжных редкостей, просветитель, ему подчиненный надзиратель фон Фишер были отстранены от должностей — один из беспрецедентных фактов в решении подобных ситуаций в истории университетской культуры первой половины XIX в.

⁷⁷³ Здесь и далее текст подчеркнут красным карандашом.

⁷⁷⁴ Так в документе. Имеется в виду — «выломанную».

кто-то сзади сказал ему: «**Дурак, каналья**», то квартирмейстер, вышед из себя, оборотясь, сказал: «**Кто меня ругает, тот сукин сын**». А когда кто-то из задних выкричал: «**Сам ты сукин сын**», то квартирмейстер повторил: «**Если так, так кто меня ругает, тот блядкин сын**», когда же ученик меньшей Княжевич⁷⁷⁵ подошел к нему с вопросом: «**Как нас можешь, благородных дворян, так ругать? Разве моя мать — блядь?**»; то квартирмейстер оборотясь спросил: «**Разве ты меня ругал?**» После сего ничего он, Ахматов, не видал. [...]

**№ 128
№ 2
Из протокола Совета Казанской гимназии
С.Я. Румовскому**

**Казань
июнь 1804**

[Л. 10—10 об. Заверенная копия]

[...] 1804-го года июня 8-го дня главной надзиратель коллежский асессор фон-Фишер вошедши в присутствии Совета Казанской гимназии объявил, что он не может более отправлять свою должность, и в ближайшее заседание в формальной просьбе объяснит причины побудившие его просить увольнения. Определено: сделать о сем представление к е. высокопр-ву г. попечителю училищ КО. Но понеже положение воспитанников по объявлению правящего должность директора⁷⁷⁶ есть такого рода, что нужно заместить одного надзирателя таким чиновником, который бы знал порядок воспитания училищ и был известен о качестве настоящих питомцев, то Совет избрал для сего инспектора гимназии тем более еще, что он имеет квартиру в самом корпусе, затем о перемене сей немедленно уведомит всех надзирателей ордерами, в которых предписать, дабы никто из них не отлучался без

⁷⁷⁵ Имеется в виду А.М. Княжевич.

⁷⁷⁶ Речь идет о А.Л. Лихачеве.

ведома инспектора, а чиновнику сему объявить словесно о препоручении оном на время до получения ответа от г. попечителя, или до определения нового главного надзирателя притом о том, что Совет почитает за нужное дабы до известного времени не позволял он комнатным надзирателям отлучаться из гимназии иначе как по одиной только, по собственному его выбору, о чем до сих надзирателей также уведомить в сказанном выше ордере.

Подлинной подписали:

Александр Лихачев,
Илья Яковкин,
Карл фон-Фишер,
Лев Левицкий,
Мельхиор Вильфинг
Григорий Карташевский.

**№ 129
№ 3**

**Статья 11 выписки из журнала
Главного правления училищ С.Я. Румовскому
С.-Петербург
6 октября 1804⁷⁷⁷**

[Л. 48. Заверенная копия]

Слушано представление г. попечителя КО от 5-го октября о разных неуроядствах, происходивших между воспитанниками Казанской гимназии прошедшего июня 4-го, 6-го, 8-го чисел. Правление, сообразя все обстоятельства сего происшествия, изъясненные в представлении, определило: 1-е, учеников Княжевича 1-го⁷⁷⁸ и Пахомова как главных виновников произошедшего беспорядка и многие против начальства оказавших дерзости в пример другим наказав недельным, а Крылова 1-го и Алекина чрез три дня под крепкою стражею содержанием, исключив из гимназии, прочих же, то есть Балясникова, двоих Петро-

⁷⁷⁷ Помета: Отп[равлено] 24 октября 1804 [года].

⁷⁷⁸ Имеется в виду Д.М. Княжевич.

вых⁷⁷⁹ и Упадышевского 1-го⁷⁸⁰, наказав так же чрез три дня строгим арестом, оставить в гимназии для их отличных способностей, объявив им, что если они впредь окажутся в подобных дерзостях, то будут также исключены из гимназии. 2-е, главного надзирателя Фишера, который как видно по всем обстоятельствам или к занимаемой должности не способен, или по старости сделался не деятелен, и при сем происшествии многие учинил упущения, отставить от должности, которую, доколе существования гимназии продолжится, предоставить другому способнейшему, 3-е, что же касается до учителя Ериха⁷⁸¹, который учинил начальству послушание, отказавшись самовольно и без основательной причины от суждения по данному от Фишера объяснения, то ему учинить в Совете строгой выговор и объявить, что ежели кто впредь окажет подобное неповиновение, таковой, как послушник, исключен будет из гимназии. Да сверх того 4-е, как правящий должность директора надворный советник Лихачев, допустив вкратце дерзостям в юношах, к прекращению зла сего не принял деятельнейших мер и тогда, когда оно обнаружилось, и дал ему усилиться, то во избежание подобных неустroйств должность его до рассмотрения поручить инспектору гимназии Яковкину.

№ 130

Рапорт Совета Первой Казанской гимназии С.Я. Румовскому о необходимости дополнительного изучения латинского языка в гимназии

Казань
10 июня 1804

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 6—6 об. Подлинник]

Инспектор гимназии, получив предписание в. пр-ва, объявил в Совете, что почитается за нужное, чтоб после

⁷⁷⁹ Имеются в виду А.М. и П.М. Петровы.

⁷⁸⁰ Имеется в виду Н.В. Упадывшевский.

⁷⁸¹ Имеется в виду И.И. Эрих.

каникул сделано было такое распоряжение, по которому казенные воспитанники были впредь более заняты латинским языком необходимо для них нужным. Между тем как сей язык должен сделаться таким образом предметом их особенного рачения, очень не многие — только 25-ть человек — упражняются в нем. Посему может быть нужно распространить латинские классы до известного числа учеников не предоставлять более на произволе только желающих изучение оного языка, — на что Совет будет ожидать предписание в. пр-ва.

Казанской гимназии в должности директора Александр Лихачев.

№ 131

Прошение адъюнкта КИУ Г.И. Карташевского С.Я. Румовскому

Казань
20 февраля 1805⁷⁸²

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 22—23 об. Подлинник. Автограф]

Милостивый Государь!

Позвольте, в. пр-во, чтобы хотя [бы] перо изобразило живейшие чувства моей благодарности, которых не мог я изъяснить вам лично в справедливой мере. Никогда в жизни моей такие почтенные лета не представлялись в таком почтенном образе. Добродетель, гений, музы соединились, чтоб их украсить достойно, чтоб пред сим мужем, ознаменовавшим себя деятельною ревностью чрез такое пространство времени, которое вмещает в себя целый обыкновенный век человеческий, чтоб пред Ним приносить обеты свои Отечеству; и я обещаюсь свято употребить себя, приложить труды к трудам, чтоб отвечать назначению своему и внима[ни]ю столь благомыслящего начальства.

Основанием моего счастья я обязан благодетельному образу мыслей в. пр-ва: осмелюсь просить и о продолже-

⁷⁸² Помета: [Получено] апрель 2 дня 1805-го года.

нии вашего покровительства. Три раза обращался уже полный курс чистой математики в гимназии: я имел случай осмотреть свой предмет в довольно подробной и время прочесть хороших новейших писателей в сей науке. Смею сказать, что могу упражняться в ней с успехом и что не лишен дара изъяснять, немаловажного в каждом учащем. При чистой математике я никогда не оставлял и прикладной; для удовлетворения любопытства занимался критическою философию, которая стоила мне многого времени; иностранная словесность была также предметом моих часов отдохновения. Приготовив себя таким образом, я намерен соискать высшей степени по своей части. Прошу покорнейше в. пр-во открыть мне к тому путь и указать средства. В то самое время, как я предполагал говорить с вами лично об этом, получил прискорбнейшее известие о вашем отъезде, который лишил меня случая засвидетельствовать в последний раз чувство моей признательности и узнать степень вероятности об успехе в моем намерении. Нет ничего благодетельнее, как помогать человеку возникнуть и [в]стать в том круге деятельности, который отвечает его силам и рвению; то же, что относится к истинному благодеянию, может ли быть чуждо чувствительному сердцу вашему? Теперь такая точка времени, которую пропустя, после, может быть, век свой тщетно будешь ожидать возвращения того же случая; а меня и природа не так сложила, чтоб виды относить вдаль, не предназначив мне, как кажется, играть длинную роль на театре подлунном. Итак, все побуждает меня воспользоваться тем, что настоящее может представить. С терпением буду ожидать, пока в. пр-ву будет угодно в час досуга решить меня в моих надеждах, и изъяснить, что я должен делать, чтоб получить степень пр-рства чистой математики; а предвзительно смею просить, чтоб мне позволено было прочесть студентам полный курс сей науки, которой, судя по хорошему началу моего класса, могу кончить, по крайней мере, не позже других курсов и не позже того,

когда из гимназии должно поступить новое отделение студентов.

Примите, в. пр-во, бла[го]склонно[е] уверение в моей преданности и высокопочитании.

Имею честь быть, м. г., вашим покорнейшим слугою
Григорий Карташевский.

№ 132

**Из представления С.Я. Румовского товарищу
министра народного просвещения М.Н. Муравьеву
С.-Петербург
29 июня 1805**

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 3. Заверенная копия]

[...] В уставе КУ в отделении нравственных и политических наук положен между прочим пр-р прав естественно-политического и народного⁷⁸³. Тщетно старался я досель приискать в немецкой земле достойного на место сие человека. Наконец явился ко мне обучающийся в Геттингене юриспруденции Генрих Людвиг Бюнеман с одобрительными свидетельствами от тамошних пр-ров, а особливо от славного пр-ра юриспруденции Георгия Людвиг Белеера, искусный в латинском и французском языках и по прибытии в Россию обучавшийся в Первом кадетском корпусе⁷⁸⁴ в продолжении четырнадцати лет географии и правам. В данном ему от одного корпуса свидетельстве изображено, что он поведения был всегда хорошего, возложенную на него должность исправлял рачительно и с пользою воспитанников [...]

⁷⁸³ Согласно отделению I § 22 устава КИУ: «Отделение нравственных и политических наук составляют профессоры: 1) богословия догматической и правоучительной; 2) толкования священного писания и церковной истории; 3) умозрительной и практической философии; 4) прав естественно-политического и народного; 5) прав гражданского уголовного судопроизводства в Российской империи; 6) прав знатнейших как древних, так и нынешних народов; 7) дипломатики и политической экономии».

⁷⁸⁴ Имеется в виду Сухопутный шляхетный кадетский корпус, основанный в 1743 г.

№ 133—134

**Из переписки сенатора М.И. Данаурова по поводу
посещения КУ во время его ревизии
Казанской губернии⁷⁸⁵**

С.-Петербург

8 октября — 26 октября 1808

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 282]

№ 133

№ 1

**Из отношения М.И. Данаурова П.В. Завадовскому
8 октября 1808⁷⁸⁶**

[Л. 1—1 об. Заверенная копия]

[...] Существующий здесь с 1804 года университет обратил [на себя] мое внимание. В нем нашел я порядок и устройство, соответствующие назначению его и прилагаемой вышним начальством попечительности об усовершенствовании его. Преподавание в оном наук, по лично моему испытанию, имеет весьма хороший успех, хотя еще не все пр-ра прибыли к своим местам, и потому Совет и Правление университета не открыты; но многие уже из них с пользою преподают лекции. Место же снабжено изрядною библиотекою, имеет физический, естественной истории и минеральный кабинет и другого рода заведения, нужные для анатомии и ботаники [...]

№ 134

№ 2

**Из письма П.В. Завадовского С.Я. Румовскому
26 октября 1808**

[Л. 2. Подлинник]

[...] С душевным удовольствием читал я полученный мною отзыв от г. д.т.с. сенатора Михаила Ивановича Да-

⁷⁸⁵ Переписка показывает механизм ревизии российских университетов в начале XIX в. Очевидно, что ревизии носили обзорный, а не целевой характер: университет посещался как одно из государственных учреждений

наурова, что при обозрении им Казанской губернии нашел он в учебных заведениях оной порядок и устройство в наилучшем состоянии [...]

№ 135—136

**Из писем А.К. Разумовского С.Я. Румовскому
о контроле над образованием студентов
и отборе для подготовки
на профессорско-преподавательские должности
С.-Петербург
17 сентября — 19 сентября 1811**

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 413]

№ 135

№ 1

17 сентября 1811

[Л. 60. Подлинник]

[...] Обер-прокурор Святейшего Синода г. д. т. с. кн[язь] Голицын⁷⁸⁷ сообщил мне, что Государь император⁷⁸⁸ высочайше повелеть изволил, дабы отныне навсегда постановлено было коренным и неизменным правило: во всех учебных заведениях гражданского ведомства, не изымля из сего и состоящие под управлением иностранного духовенства, как обучать юношество закону Божию, так и при ежегодных испытаниях всегда начинать экзамен [с] сего предмета, яко заключающего в себе главную и существенную цель образования. При том поставить в непрременную обязанность начальникам училищ приглашать на сей экзамен; в особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а в городах, где существует архиерейская кафедра, то и самых епархиальных архиереев [...]

империи, а порядок дел в конкретном университете становился основой для суждения о системе образования в целом.

⁷⁸⁶ *Помета:* Получено 19 октября 1808 г[.]

⁷⁸⁷ Имеется в виду А.Н. Голицын.

⁷⁸⁸ Имеется в виду Александр I.

**№ 136
№ 2**

19 сентября 1811

[Л. 60 об. Подлинник]

[...] С удовольствием читал я сообщаемое мне в пр-вом письме г. Бартельса об успехах в математике Линдегри-на⁷⁸⁹, Кайсарова, Лобачевских⁷⁹⁰ и Симонова; и потому прошу вас от имени моего изъяснить им должную похвалу, которую они рачением своим заслужили [...]

№ 137

**Из представления попечителя КУО М.А. Салтыкова
А.К. Разумовскому об успехах
адъюнкта И.М. Симонова**

**С.-Петербург
26 апреля 1815**

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 611. Л. 1. Подлинник]

[...] [Профессора] одобрили изустно пред в. с-вом некоторых чиновников КУ, отличившихся превосходными познаниями и похвальным поведением, и уверяясь в Вашем к ним благоговении, я осмеливаюсь тем испросить утвержденным адъюнктам — Лобачевскому⁷⁹¹ и Симонову, заслуживших особенное начальственное внимание. Первый приобрел в математических науках успехи необычайные, поступил в звание э.о. пр-ра, он может продолжать предписанное ему преподавание. [...]

Симонова [...] Литтров почитал своим преемником, [...] поелику кафедра пр-ра Литтрова скоро будет вакантна, адъюнкт Симонов может оную заступить в качестве э.о. пр-ра. [...]

⁷⁸⁹ Имеется в виду И.К. Линдегрэн.

⁷⁹⁰ Речь идет о Н.И. Лобачевском и А.И. Лобачевском.

⁷⁹¹ Речь идет о Н.И. Лобачевском.

№ 138—139

**Переписка Совета КИУ и М.А. Салтыкова
«о представлении положений для испытаний
на ученые степени»**

Казань

12 сентября — 30 сентября 1815

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 525]

**№ 138
№ 1**

**Из донесения Совета КИУ М.А. Салтыкову
12 сентября 1815**

[Л. 4—5. Подлинник]

[...] Определено: Донести в. прев-ву 1, что Совет в своем донесении имел в виду правила о производстве испытаний для получения университетских степеней, потому что предполагаемое в ст. 1 и 2 раздробление университетов на подразделения относится также и на кандидатов; [...] в ст[атье] 3 только говорится о степени магистра и доктора, то сие посему, то § 96 устава⁷⁹² ясно показывает, как поступать при производстве испытаний на степень кандидата. 2, что Совет ссылается на ст[атью] 22 отд[еления] IV устава⁷⁹³ по той причине, что из сей степени видно коими науки в отделении словесных наук

⁷⁹² Данный параграф устава КИУ гласит: «Студент, требующий степени кандидата, является к декану, который, известив отделение, назначает день, в который должен он предстать Собранию. Отделение чрез своего декана предлагает испытываемому задачи, касающиеся до наук, к отделению принадлежащих, которые он должен объяснить письменно. Потом производится изустное испытание, состоящее в двух вопросах, относящихся до главной науки, в которой студент упражнялся, и выбранных по жребию. Сии вопросы решит он словесно. После чего присутствующие делают произвольное словесное испытание, не исключая и наук вспомогательных».

⁷⁹³ Данное отделение указанной статьи (параграфа) устава КИУ гласит: «IV. Отделение словесных наук. Пр-ры: 1) красноречия, стихотворства и языка русского; 2) греческого языка и словесности греческой; 3) древностей и языка латинского; 4) всемирной истории, статистики и географии; 5) истории, статистики и географии Российского государства; 6) восточных языков».

должны быть преподаваемы, а в ст[атье] 96⁷⁹⁴ между прочим сказано, относительно испытания на степень кандидата наук «декан предлагает испытуемому задание, касающиеся до наук их отделения принадлежащих». З, что в ст[атье] 103⁷⁹⁵ предписано о диспутах на латинском языке магистров и докторов, потому что кандидаты по § 96 вообще не обязаны к диспутам. И что полагать должно, что ежели для получения степени магистра требуется удобность получения кандидата на звание кандидата нужны некоторые познания одного языка тем более, что познание латинского языка нужно даже для получения звания студента, как явствует из § 107⁷⁹⁶ в сравнении с § 5 устава учебных КУ заведений и что Совет при том имел в виду предписание в. прев-ва от 9 января 1813 за № 11, коим изволил известить Ваше согласие на возведение студента Рыбушкина в звание кандидата, потому что при испытании оказался слаб в философии, математике, физике и полном в латинском языке, который каждому студенту знать нужно.

Ректор Браун

№ 139

№ 2

Из донесения Совета КИУ М.А. Салтыкову 30 сентября 1815

[Л. 1—1 об. Подлинник]

[...] По поводу поданного еще в 1814 [году] в отделении словесных наук прошения об учинении испытания на сте-

⁷⁹⁴ Имеется в виду § 96 устава КИУ, полный текст которого приведен выше.

⁷⁹⁵ Данная статья (параграф) устава КИУ гласит: «Следуя общему правилу, магистерские и докторские диспуты должны происходить на латинском языке; но отделение по причинам, до учености касающихся, может дозволить оные на русском по прошению испытуемого».

⁷⁹⁶ Данная статья (параграф) устава КИУ гласит: «Желающий оными пользоваться [университетскими курсами] должен представить Правлению университета свидетельство о своем состоянии, и свидетельство директора гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там науках; прочие вне гимназии обучавшиеся испытываемы быть должны в

пень доктора словесных наук, в сем отделении произошли разногласия относительно самого производства сих испытаний, что и побудило оное представить о сих затруднениях на рассмотрение Совета. Совет считал, [для того] чтобы во всех отделениях производство сих дел имело ход единообразный и постоянный, [надо] составить некоторые общие правила о производстве испытаний для получения ученых степеней, которые правила февраля 13 дня сего года за № 72 представлены были на благоусмотрение е. с-ва г. министра [народного] просвещения⁷⁹⁷.

Ныне же по представлению г. ректора⁷⁹⁸ о Совете рассуждено было о затруднениях, встречающихся при производстве испытаний таковым лицам, которые не обучались в университете требуют экзамена для поощрения ученой степени кандидата, магистра и доктора и которые имел во многих предметах хорошие познания, не знают однако всех по отделению принадлежащих наук, что требует §§ 96 и 98⁷⁹⁹ устава. [...]

Ректор Иван Браун.

комитете, от ректора назначаемом, в языках и начальных основаниях нужных наук, и со свидетельством, какое получают о знаниях, являются в Правление».

⁷⁹⁷ Имеется в виду А.К. Разумовский.

⁷⁹⁸ Речь идет о И.О. Брауне.

⁷⁹⁹ Данный параграф устава КИУ гласит: «Публичные испытания для получения двух высших университетских достоинств производятся следующим образом: из определенного числа написанных и хранимых в тайне вопросов, относящихся до каждой особенно науки к отделению принадлежащей, выбираются по жребию два вопроса для магистра и четыре для доктора, кои они должны решить основательно и подробно. За сим следует произвольное словесное испытание в других предметах, назначаемых экзаменаторами. Потом должны они решить письменно такое же число и также по жребию выбранных вопросов и в их присутствии члена отделения в удобном месте. С сими испытаниями отделение соединяет по роду науки практические опыты, как-то: испытуемый медицинским факультетом определяет болезнь представленного ему в клиническом институте, или в градской больнице недужного, предписывает лекарства и предсказывает их действия. Химик исследует и определяет составные части данного ему тела, и тому подобное».

№ 140—141
Переписка Совета КИУ, М.А. Салтыкова
и А.К. Разумовского об утверждении
э. пр-ра Г.И. Солнцева о. пр-ром КУ
3 июля — 23 июля 1816

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 612]

№ 140
№ 1
Из представления Совета КИУ А.К. Разумовскому
Казань
3 июля 1816

[Л. 2. Заверенная копия]

[...] Совет на основании § 57 устава⁸⁰⁰ препроводил в отделение нравственно-политических наук на рассмотрение сочинений э. пр-ра и доктора прав Солнцева, под заглавием: «Система римского права и конспект гражданского и уголовного права», писанные на латинском языке. Отделение по тщательном рассмотрении и одобрении [...] сочинений, представил в Совет: дабы во уважении познаний пр-ра Солнцева в науках и языках, особенного знания его юридической практики, равно как и сказанной уже им пользы университету, благовелено было избрать его Солнцева место публичного о. пр-ра тех наук, которые он уже доселе преподавал [...] избран был по большинству голосов. [...]

№ 141
№ 2
Из донесения М.А. Салтыкова А.К. Разумовскому
С.-Петербург
23 июля 1816

[Л. 3. Подлинник]

⁸⁰⁰ Данный параграф устава КИУ гласит: «Совет на рассмотрение сочинений и на собрание сведений о нравственности кандидата определяет довольно время; по прошествии оного, ректор назначает чрезвычайное Собрание для выбора. Совет об избранном предварительно представляет попечителю и ожидает утверждения министра народного просвещения».

[...] Я с моей стороны обязан свято наблюдать ваши предписания [...]. Но по моему мнению г. Солнцев ни оказал никаких отличных заслуг КУ, чтобы удостоиться сего преимущества перед прочими его товарищами, быв принятым прямо в э.о.пр-ра в сем звании находившись с небольшим год [...]

№ 142
Рапорт инспектора студентов
пр-ра КУ Ф. Брейтенбаха Совету ИКУ
«о необходимости улучшить содержание
казенных студентов»⁸⁰¹

Казань
3 декабря 1818

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 809. Л. 2. Подлинник]

[...] Обязанность повелевает мне известить почтеннейших Совет о [бедственном]⁸⁰² положении казеннокоштных студентов.

Известно, что каждый из оных получает для ежемесячного содержания 20 р. Они имеют общий стол, каждый вносит на оный по 10 р., по этому остается еще 10 р., из коих вычитается у них ежемесячно по 417 коп. за выданные им к обмундированию 100 р. и так всего остается 583 коп.

Полагая теперь на завтрак по крайней мере 150 коп., за мытье и починку белья 250 коп., на перья, чернила и бумагу 100 коп. в месяц, то им уже почти ничего не остается на покупку нового белья и платья и еще некоторых других совершенно необходимых потребностей.

⁸⁰¹ Инфляционные процессы, наблюдавшиеся в финансовой системе России, отразились на материальном положении казеннокоштных студентов. Документ демонстрирует искреннюю озабоченность ряда профессоров, исполнявших обязанности инспекторов, этой проблемой, поскольку она влекла за собой негативные последствия для образования и поведения студентов.

⁸⁰² Слово написано неразборчиво.

Сие весьма бедственное положение имеет необходимость следствием жалобы, ко мне поступающие от сапожников, портных и прачек о неплатеже им долгов.

Принимаю в рассуждение, что люди сии за сие весьма недостаточное содержание посвящают себя состоянию весьма скудному и что они обязываются службою на 6 лет в ученое звание, то, я думаю, что справедливость требует добавить им лучшее содержание.

Наконец, осмеливаюсь просить почтеннейший Совет о представлении сего положения казеннокоштных студентов человеколюбивому нашему министру е. с-ву кн[язю] Голицыну и просить его о прибавке к ежемесячному их содержанию по 100 р. из экономических суммы, а для поправления некоторых весьма худых их обстоятельств выдать каждому единовременно по 50 р.

При чем прошу также назначить ежегодную сумму для студенческой библиотеки, ибо без надлежащих пособий нельзя ожидать в науках дальнейших успехов.

№ 143

Из представления Совета ИКУ М.Л. Магницкому Казань 31 августа 1820

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 1106. Л. 2. Подлинник]

[...] Почетный смотритель Ядринского уездного училища титулярный советник Николай Арцыбашев изъявил Совету письменно свое желание занять в КУ праздную кафедру о. пр-ра истории, географии и статистики Российской империи, если то благоугодно будет начальству. Совет университета, со своей стороны, прилагал при сем послужной г. Арцыбашева список, долгом почитает рекомендовать сего ученого, как известного знатока Российской истории, коей посвящает он уже труды свои со всем усердием и успехом; как то доказывают его сочинения: книги «О первобытной России и ее жителях» и «Приступ к повести о русских» уже напечатанные, и в рукописи четыре тома «Истории Российского Государства», кото-

рые в надлежащем рассмотрении в здешнем университете заслужила при некоторых замечаниях одобрение и которую назначает он к напечатанию. Совет уважает также знание г. Арцыбашева разных языков и сведения его в науках, отличную любовь его к просвещению и известность в отечественной учености [...].

Ректор Гавриил Солнцев.

№ 144

Из отношения М.Л. Магницкого А.Н. Голицыну «о позволении пр-ру Ф.И. Эрдману быть пастором в евангелистском обществе»

[С.-Петербург]
31 июня 1822

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 1519. Л. 1—3. Подлинник]

[...] просил у начальства соизволения принять сие звание, уверяя, что он и тогда будет верно исправлять свою пр-рскую должность.

[...] хотя обязанности пастора и пр-ра могут быть соединены в одном лице, без малейшего нарушения протестантских законов, но при определении Эрдмана казанским дивизионным проповедником, встретится то неудобство, что он по званию своему обязан будет отлучаться на продолжительное время из университета [...]

№ 145

Из донесения Правления КИУ исправляющему должность попечителя КУО М.Н. Мусину-Пушкину «об исследовании поступка студента Сырнева, и об исключении его за дурное поведение из КУ»

Казань
3 ноября 1827⁸⁰³

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2280. Л. 3—4 об. Подлинник]

⁸⁰³ Помета: [Получено] 8 ноября 1827 [года].

[...]

2. Студент Алексей Сырнев хотя и был по приглашению Мещеринова по случаю именин последнего, пил здесь водку и вино, но по утверждению всех его товарищей в присутствии Правления Сырнев на угощении допьяна не напивался, а вышедши из квартиры музыканта г. Бестужева именем Александра, где было угощение, пошел в сторону от своих товарищей, сказывая, что ему надобно было [у]видит[ь]ся с одним своим знакомым. Отошедши от своих товарищей, Сырнев, по собственному его признанию, был в трактире в рыбном ряду под вывеской «Америки», где он и напился до бесчувствия, так что лишился памяти и сказать более не сможет, что с ним после сего происходило. В таком безобразном виде поднят он был на улице против квартиры кандидата Кулакова, был взят сюда и отправлен потом к г. пр-ру Городчанинову, у которого он проживает. Сырнев в начале при допросе ему от помощника инспектора студентов Протопопова⁸⁰⁴ хотел скрыть, что он был с товарищами на угощении по приглашению Мещеринова, потом более, раскаяваясь признался, что пил водку и вино с другими студентами в квартире музыканта на Ледской улице⁸⁰⁵, и здесь будто бы напился до того бесчувственного состояния, в котором он был поднят на улице; наконец, в присутствии Правления открыл, что он, отделившись от своих товарищей, ходил в трактир под вывеской «Америка», где пил без всякой умеренности.

3. Студенты Пименов, Путинцев, Писарев, Потоцкий, Лакреев, Кокшаров, Попов и Коротков были на угощении в квартире музыканта Александра, пили вино и водку, закусывали пирогом и жарким с 12 часов в полдень до 2-х или половины второго, когда возвратились по домам: одни из них живущие у г. пр-ра Городчанинова были за столом и не были замечены в нетрезвом виде, другие также прибыли на лекции в должном порядке.

⁸⁰⁴ Имеется в виду И.И. Протопопов.

⁸⁰⁵ Имеется в виду Лядская улица города Казани.

4. Студенты Попов и Коротков отпросились у г. инспектора Баженова, первый к пр-ру Эрдману, последний к лектору Фирекку. Попов был в доме г. Эрдмана за тем только, чтобы видеть здесь студента Лакреева, но, услышавши, что Лакреев на угощении в квартире музыканта Александра, отправился сюда без приглашения. Коротков был у пастора Фирекка, но, не застав дома, по приглашению Мещеринова, отправился в квартиру музыканта. Оба они, Попов и Коротков, не были замечены в тот день пьяными, хотя по показанию Сырнева и пили Ерофеич⁸⁰⁶; но всех, однако, не обличают их прочие товарищи.

По засвидетельствованию г. ректора, студент Сырнев при вопросе ему, оказал чистое раскаяние в своем проступке, сознание важности своей вины и что он чувствует всю тяжесть ожидаемого ему наказания быть исключенным из университета.

Правление университета, с одной стороны, признавая гнусность его поступка, не может не согласиться, что такой пример соблазна и дурного поведения, заслуживает не только примерного наказания, но что и Сырнев не должен быть терпим в заведении учрежденном для воспитания благородного юношества; с другой стороны, члены Правления принимают в уважение, что Сырнев в первый раз только замечен в подобном проступке, хотя его поведение и пр-ром Городчаниновым, у которого он живет, объявлено было и прежде сего подозрительным по его знакомству и слухам; что Сырнев принес чистое раскаяние и дает твердое обещание впредь загладить свой проступок примерно хорошим поведением, что он явно показывает, по душевному своему прискорбию, сколько страх быть исключенным из университета сильно на него действует и в состоянии не только удержать его впредь от подобных проступков, но и совершенно его исправить.

Посему Правление КУ полагает:

1, просит Ваше высочордие оказать студенту Сырневу снисхождение, уменьшая его наказание тем, чтобы не считать нынешний год курс его учения оконченным, но

⁸⁰⁶ Ерофеич — водка, настоянная на различных душистых травах.

оставить Сырнева еще на один год в 3-м разряде. Покуда он примерно хорошим своим поведением не заслужит от университетского начальства несомненное одобрение.

2, студента Мещеринова за то, что он втайне от своего наставника учредил пирушку в квартире музыканта, дворового человека, с которым такое знакомство было бы для него предосудительно, пригласил сюда своих товарищей, угощал их вином и водкой, подал повод Сырневу напиться после до бесчувствия, наконец, за то, что Мещеринов без стыда заперся в том, что он обносил товарищей водкой и что на него показали все товарищи, которые в то время с ним были, заключить на 7-мь дней в карцер на хлеб и воду.

3, прочим студентам, бывшим на угощении, сделать строгий выговор за поступок, не приличный их званию; а Попову и Короткову не позволять отлучаться никуда из университета один месяц.

4, г. пр-р Гордчанинов просит, чтобы он более впредь обращал внимание на живущих у него студентов, в особенности на оказавшихся виновными по настоящему делу, а также и вообще строже взыскивал на студентах, вверенных от родителей его надзору, и тем удерживал одних от неприличных проступков, а от других удалял пример соблазна и предохранял заведение от дурного нареkania.

5, г. инспектору студентов дать выписку из всего журнала для должного с его стороны по сему исполнению и для объявления означенном заключении в Правлении, в собрании студентов.

[...]

№ 146—150

**Из переписки Совета КУ,
попечителя КУО М.Н. Мусина-Пушкина и К.А. Ливена
«об утверждении избранных в деканы,
члены Училищного комитета и синдика
на 1829—1830 учебный год»**

15 мая — 21 октября 1829

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2950]

№ 146

№ 1

**Из избирательного листа Совета КУ
за 1829—1830 академический год**

**Казань
15 мая 1829**

[Л. 3. Заверенная копия]

[...] гг. о. пр-ры: Карл Фукс — по собственному желанию и по уважению нынешних занятий и прежней службы от избрания уволен;

Григорий Никольский — по уважению прежней службы, расстроенного здоровья и занятиям в Строительные комитеты [от избрания уволен]⁸⁰⁷;

Иван Дунаев — как непереманный член Правления в деканы не избирался; [...]

№ 147

№ 2

**Из представления ректора КУ Н.И. Лобачевского
М.Н. Мусину-Пушкину**

**Казань
17 мая 1829**

[Л. 1 об. — 2. Подлинник. Автограф]

[...] Совет университета, назначив для сего особое заседание 15 мая, в которое и преступил к избранию. По баллотированию оказалось, что большинством голосов избранны на 1829—1830 акад[емический] год:

А) в деканы: гг. о. пр-р Эрдман по словесному отделению наук, Симонов по физико-математическому, Сергеев по нравственно-политическому, Лентовский по врачебному;

Б) в члены Училищного комитета о. пр-ра Булыгин, Баженов, Мистаки, Сергеев, Суровцев и э[кстра]о[рдинарный пр-р] Кораблинов⁸⁰⁸;

⁸⁰⁷ Строка в избирательном листе не дописана.

⁸⁰⁸ Существует также и другое написание фамилии — Караблинов.

В) в синдики университета адъюнкт Протасов.

Совет КУ, прилагая при сем в копии избирательные листы, честь имеет представить избранных в деканы, члены Училищного комитета и синдика на утверждение в. пр-ва, с объяснением, что в заседании 15 мая не присутствовали из гг. о. пр-в Эверсман, находящийся в путешествии, экстраординарный [пр-р] Кораблинов по болезни. [...]

№ 148

№ 3

**Из предписания К.А. Ливена М.Н. Мусину-Пушкину
С.-Петербург
9 июля 1829**

[Л. 9. Подлинник. Автограф]

[...] Избранных Советом КУ о. пр-ров: в деканы отделения словесного Эрдмана, физико-математического Симонина, нравственно-политического Сергеева; врачебного Лендовского, а также членами училищного комитета: Булыгина, Баженова, Мистаки, Сергеева, Суровцева и экстраординарного Кораблинова и, наконец, синдиком адъюнкта Протасова, согласно представлению в. пр-ва от 20 мая, я утверждаю в сих званиях, представляя Вам дать о том предписание Совету КУ. [...]

№ 149

№ 4

**Из представления Н.И. Лобачевского
М.Н. Мусину-Пушкину**

**Казань
9 сентября 1829**

[Л. 12. Подлинник. Автограф]

[...] О пр-р Эрдман вошел прошением в Совет университета, что слабость здоровья его ему более не позволяет занимать должность декана отделения словесных наук, посему просит уволить его от сей должности.

Совет университета просит дозволения в. пр-во избрать на место Эрдмана другого по уважению приводимой причины в его представлении. [...]

№ 150

№ 5

**Из предписания М.Н. Мусина-Пушкина Совету КУ
Казань
21 октября 1829**

[Л. 13. Подлинник. Автограф]

[...] На представление Совета КУ от 8 октября, предлагаю уведомить г. пр-ра Эрдмана, что мне весьма будет приятно, ежели ему здоровье позволит остаться в должности декана словесного отделения.

Об отзыве Эрдмана буду ожидать уведомления Совета университета. [...]

№ 151

**Из прошения лектора КУ А.К. Казембека
М.Н. Мусину-Пушкину «о представлении ему права
носить из особого покроя
университетский мундир»⁸⁰⁹**

**Казань
25 января 1829**

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 3016. Л. 1. Подлинник. Автограф]

[...] Звание лектора при ИКУ доставило мне честь быть в числе чиновников сего почтенного заведения. Все, находящиеся в службе университета, имеют особенный высочайше [утвержденный] университетский мундир; но я, нося персидское платье, лишен сего особенного знака отличия чиновников здешнего университета: с первых дней малолетства, привыкнув ходить в моем природном

⁸⁰⁹ Покрой мундира профессоров, преподавателей, чиновников и студентов и КУ был утвержден специальным постановлением: «О мундире для КУО» от 10 ноября 1809 г.

одеянии, я бы чувствовал величайшее затруднение переменить оное на европейское. За несколько же лет пред сим учитель Астраханской гимназии мирза⁸¹⁰ Абдулла получил Высочайшее утвержденный для себя мундир, состоящий из верхнего персидского синего цвета кафтана с шитьем университета, а вместо шпаги, саблю с темляком. Вышеприведенные мною причины, а более всего сей пример, внушили мне смелость утруждать Ваше высокородие моею всепокорнейшей просьбой об исходатайствовании мне мундира, подобного тому, который получил мирза Абдулла. Сей особый знак благоволения к[о] мне, будет для меня новым поводом не щадить ни трудов ни занятий, чтобы сколь возможно быть полезным тому подобному заведению в ведомстве которого я нахожусь, и я первым долгом своим почту оправдать сию особенную, оказанную мне милость. [...]

№ 152

Из представления Н.И. Лобачевского М.Н. Мусину-Пушкину о производстве пенсии вдовам и детям умершего адъюнкта КУ И.И. Хальфина

Казань
14 декабря 1829

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 4–5 об. Подлинник. Автограф]

[...] Бывший адъюнкт восточной словесности в КУ покойный Ибрагим Хальфин в ученую службу вступил 31 августа 1800 года учителем татарского языка при Казанской гимназии, в котором звании и находился по 26 июля 1812 года, когда утвержден был лектором в КУ, где произведен в адъюнкты 17 сентября 1823 года. В сем последнем звании продолжал службу по день смерти его 31 января [1829 года]. Вся служба Хальфина в ученом ведомстве составляет 28 лет 4 месяца, которую службу проходил

⁸¹⁰ Мирза — чиновник.

Хальфин беспорочно, с усердием, получая за отличия награждения. Высочайше утвержденного 18 августа 1818 года доклада г. министра народного просвещения⁸¹¹, Совет КУ, представляя при сем послужной список покойного адъюнкта Хальфина, покорнейше просит в. пр-во о выдаче годового жалованья единовременно и производстве в пенсии полного оклада 800 р. в год вдовам и детям Хальфина, считая производство сей пенсии с 13 января сего года, как со дня смерти Хальфина.

При сем Совет честь имеет объяснить в. пр-во, что две женщины: Хабиб Джамала и Фариза, называют себя законными женами покойного Хальфина. Совет требовал удостовериться в сем от казанской градской полиции и вятского губернского правления. казанская градская полиция от муллы Сагитта Ахметова показание, откуда видно, что Хальфин сим муллою лет за 30 был венчан, а какого месяца и числа по неведению тогда метрических книг не припомнит, с казанской мещанскою дочерью Хабиб Джамалою Габейдуллиною и, что от сего брака прижиты сыновья: Салих, Шах-Ахмет, Арсланибек и Шагингирей, дочь Гайнук Дзямала, которые все находятся в живых.

Вятское губернское правление препроводило в Совет объяснение коллежской советницы Марьи Осиповной Муратовой в том, что дочь ее Фариза Салихова действительно была сочетана законным браком с адъюнктом КУ Хальфиным, по смерти которого осталась беременной и родила дочь Зюгрею. Вятское губернское правление еще доставило показание под присягою по Алкорану указного муллы⁸¹² Ахметяма Рафикова в том, что он дочь Марьи Муратовой девицу Фаризу Салихову сочетал законным браком с адъюнктом КУ Хальфиным в 1828 году, но которого месяца и числа не припомнит. Другого рода удосто-

⁸¹¹ Имеется в виду А.Н. Голицын.

⁸¹² Указными муллами назывались выдержавшие экзамен в Оренбургском магометанском духовном собрании и получившие указ областного правления.

верений, кто законные жены⁸¹³ и дети остались по смерти Хальфина, Совет получить не видит возможным.

Что же касается до разделения пенсии между женами и детьми Хальфина от разных браков, то Совет полагает со своей стороны, что каждая из жен должна получать пенсию по 200 р. в год, равно и дети от одного брака — 200 р., дочь от другого брака — 200 р. [...]

№ 153—154

**Переписка Совета КУ, М.Н. Мусина-Пушкина
и К.А. Ливена «о вознаграждении
профессора К.Ф. Фукса за приготовление
в университете судебной медицины
и медицинской полиции выдачей 1000 р.»**

9 октября — 1 декабря 1829

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 3286]

№ 153

№ 1

**Из представления Совета КУ М.Н. Мусину-Пушкину
Казань
9 октября 1829**

[Л. 1—1 об. Подлинник. Автограф]

[...] Г. о. пр-р Фукс от 19 августа сего года, донося врачебному отделению, что он по словесному приказанию в. пр-ва с 1 мая 1828 года начал, а в следствии предписания Совета от 25 августа сего же года № 1315 продолжал по настоящее время преподавать вместо пр-ра Фарнезе судебную медицину и медицинскую полицию без всякого возмездия и что хорошие успехи, оказанные в сих предметах студентами при публичных испытаниях, в 1828 [и] 1829 г[одов] бывших, служат ясным доказательством, что

⁸¹³ Согласно нормам шариата правоверный мусульманин может сочетаться законным браком с четырьмя женщинами, следовательно, все дети, рожденные от законных жен, считались законнорожденными. Вдовы, несовершеннолетние сыновья и незамужние дочери имели право на пенсию покойного супруга и отца в равных долях.

сказанные предметы были им преподаваемы не без пользы для слушателей, просил оное для вознаграждения сие за безмездное с 1 мая 1828 года по настоящее время преподавание помянутых предметов вместо Фарнезе.

Отделение, признавая прошение Фукса основательным, просило Совет наградить его за безмездное преподавание тех предметов 1000 р.

Совет КУ о вознаграждении Фукса единовременной выдачей 1000 р. из хозяйственных сумм университета честь имеет представить в. пр-ву, приложив при сем послужной список его. [...]

№ 154

№ 2

**Из предписания К.А. Ливена М.Н. Мусину-Пушкину
С.-Петербург
1 декабря 1829**

[Л. 9. Подлинник. Автограф]

[...] По представлению в. пр-ва от 24 октября сего года, я согласен на выдачу о. пр-ру КУ доктору Фуксу, за безмездное преподавание им судебной медицины и медицинской полиции в течение прошедшего академического года, [одной] тысячи р. из суммы, на жалованье по кафедре анатомии назначенной, т.к. она оставалась праздною. [...]

№ 155—157

**Из переписки Н.И. Лобачевского,
М.Н. Мусина-Пушкина и К.А. Ливена
«о вознаграждении трудов лектора Мирзы
Казембека и об избрании его адъюнктом
восточной словесности,
и о напечатании сочинений его»⁸¹⁴**

21 мая — 21 июня 1830

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 3287]

⁸¹⁴ Университетская корпорация нередко прибегала к выдвижению на должности, руководствуясь не столько нормами устава, сколько заслугами сво-

№ 155

№ 1

Из представления Н.И. Лобачевского

М.Н. Мусину-Пушкину

Казань

21 мая 1830

[Л. 1. Подлинник. Автограф]

[...] Лектор персидского языка Александр Казембек в сем звании на службе при КУ поступил 31 декабря 1826 года. Соединяя европейскую образованность в познании восточных языков и по усердию своему к должности г. Казембек был весьма полезен университету уже в продолжении почти 4 лет. Успехи его учеников сие доказывают.

По смерти адъюнкта восточной словесности Хальфина г. Казембек принял на себя с начала сего академического года преподавание татарского языка без жалованья.

Сие заслуги и достоинства г. Казембека поставляют меня в обязанность просить о поощрении его впредь [занятий] персидских к пользе наук и университета. Приличное вознаграждение, по моему мнению, могло бы быть сделано Казембеку удостоением его звания адъюнкта восточной словесности; но до сих пор я не посчитал себя вправе предлагать оное Совету университета, т.к. число адъюнктов уже полное; к тому же, Казембек не из русских подданных.

Однако же, особенное мое внимание ныне обращает на сие труды Казембека, принятых им и с большим успехом и оконченные для издания рукописи Ризы о крымских ханах⁸¹⁵, которое издание возложено было на попечение особо сказанного комитета, где г. Казембек членом. На-

его члена и его потенциальными возможностями, которые могли быть использованы с «пользою» для университета. К числу таких, по мнению Совета КИУ, относился лектор персидского языка А.К. Казембек. В данном документе показан конфликт доводов профессоров университета и чиновников Министерства народного просвещения при определении критериев отбора в университетскую корпорацию.

⁸¹⁵ Речь идет о книге «Ас-Саб'ус-Сеййар, или Семь планет: история крымских ханов, сочиненная на турецком языке Сейид Ризою, с введением на русском языке», вышедшая в Казани в 1832 г.

правление сказанной рукописи требовало много времени и постоянных занятий, потому что кроме ошибок переписчиков сочинение чрезвычайно затемнено искаженным языком, метафорами, сравнениями. Г. Казембек в предисловии к сему изданию дает понятие о содержании сего сочинения, о духе его и слоге сочинителя, объясняет, какую пользу можно извлечь отсюда современной истории и, даже считает весьма удачным повествование Ризы и другими известными историками.

Сие занятие Казембека известно только мне, как председателю комитета, учрежденного для и считания рукописи Ризы; почему руководствуясь предписанием в.пр-ва 22 сентября 1828 г. № 1458 почел я обязанностью предварительно представить о сем на Ваше благоусмотрение и прилагаю послужной список Казембека испрашиваю Вашего разрешения, могу ли я Совету Университета предложить избрать г. Казембека в адъюнкты по уважению здесь изъясненных его заслуг [...]

№ 156

№ 2

Из представления Совета КУ М.Н. Мусину-Пушкину

Казань

29 мая 1830

[Л. 3. Заверенная копия]

[...] По представлению г. ректора университета 24 мая в. пр-во изъявили согласие ходатайствовать пред его светлостью г. министром народного просвещения об утверждении лектора Казембека адъюнктом восточных языков, если только Совет университета признает его достойным сего звания и выйдет, по надлежащим избрании, к в. пр-ву, об утверждении его в помянутом звании с представлением.

Вследствие чего Совет университета 28 мая приступил к баллотированию лектора Казембека в адъюнкты восточных языков, и по баллотировании сем оказалось, что Казембек в сие звание 11 голосами против 3 был избран адъюнктом [...]

№ 157

№ 3

**Из предписания К.А. Ливена М.Н. Мусину-Пушкину
Казань
21 июня 1830**

[Л. 8. Подлинник. Автограф]

[...] На представление в. пр-ва от 2 минувшего июня, об утверждении лектора восточных языков при КУ Мирзы Казембека в звании адъюнкта сверх комплекта, честь имею ответить, что я не могу на сие согласиться, ибо для утверждения в звании адъюнкта надлежит иметь академическое воспитание и ученую степень, по крайней мере, магистра, а Казембек получил воспитание в родительском доме и не имеет никакой ученой степени. [...]

№ 158—161

**Из переписки пр-ра КИУ Э. Кнорра,
М.Н. Мусина-Пушкина и С.С. Уварова
«о командировании за границу с ученой целью
пр-ра КУ Э. Кнорра»
15 ноября 1839 — 3 апреля 1840**

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 4952]

№ 158

№ 1

**Из докладной записки пр-ра Э. Кнорра
М.Н. Мусину-Пушкину**

**Казань
15 ноября 1839**

[Л. 1—2. Подлинник. Автограф]

[...] Успехи, какими обогатилась физика в последние 10 лет, могут почитаться так значительными и важными, что в этом отношении ни одна из наук опытных других не может быть с нею сравниваема. Так, блестящие открытия

Фарадея относительно возбуждения электричества посредством магнетизма представили физикам совершенное новое поле самых любопытных явлений и тем указали новый путь к важным обогащениям науки. Здесь особенное внимание привлекает многих ученых на приложение электрических токов к движению машин и к устройению телеграфов, а в России такие приложения были удобны и [удостоились] высочайшего внимания к вспомоществованию, и тем самым доставили сим открытием наибольшую важность [...]

Но несколько новых совершенно явлений представлялись к исследованию физикам в последние годы, некоторые и многие давно известные подвергались новым опытам, затем и способы и снаряды уже производства опытов улучшены до совершенства, которого и прежде не предполагали [...]

Я знаю по опыту, что один короткий разговор с ученым, занимающимся исключительно одним предметом, но и даже один показательный [разговор], им скорее укажет путь найти истину. [...]

Если б я был так счастлив, что получил высочайшее жалование на поездку в чужие края, то первый мой путь был бы направлен прямо в Берлин, где оставлены инструменты, какие вновь приобретены в физических кабинетах, мне уже известных, узнав, в чем улучшены берлинские ученые заведения, и получив для успешного продолжения своего путешествия, необходимые рекомендательные письма от известных мне лиц и, в особенности от г. д. т. с. Гумбольта⁸¹⁶, я отправился бы через Лейпциг и Галле в Геттинген. Здесь представляется случай познакомиться с новыми изобретениями Гаусса и Вебера⁸¹⁷ и со способами для производства магнитных наблюдений, а в

⁸¹⁶ Имеется в виду Александр фон Гумбольдт, который в свое время рекомендовал Кнорра для поступления на службу в КУ.

⁸¹⁷ Вероятно, речь идет о совместном изобретении пр-ров В. Вебера и К. Гаусса. В 1833 г. они изобрели и впервые в Германии устроили электромагнитный телеграф, соединявший физический кабинет Геттингенского университета с обсерваторией.

Гарлеме⁸¹⁸ осмотреть Тейлеров музей⁸¹⁹. В Лондоне потребность на приобретение [инструментов займет] несколько более времени, как месте более важном для приобретения особого прибора маятника при содействии Королевского общества⁸²⁰. С таким прибором я намерен сделать наблюдения над длиною маятника в Казани и других местах КУО, какие наблюдения в здешних краях еще не были, и, таким образом, имелось бы возможным сделать совершенные сравнения о наблюдении англичан, сделанных в разные времена и в разных местах земного шара. Кроме того, важно осмотреть в Лондоне снаряды Британского музея⁸²¹ и особенно те, коими Фарадей производил свои опыты. [...]

**№ 159
№ 2**

**Из предписания С.С. Уварова М.Н. Мусину-Пушкину
С.-Петербург
15 февраля 1840**

[Л. 7. Подлинник]

[...] На представление в. пр-ва от 7 декабря, об отправлении о. пр-р Кнорра за границу в ученое путешествие на 8 месяцев с выдачей ему получаемого жалованья и квартирных денег 3500 р. ассигнациями, имею честь ответить, что я не вижу большей пользы в отправлении г. Кнорра за границу и тем менее нахожу надобности в назначении для него столь продолжительного времени, полагая ограничить оное месяцами⁸²², с назначением сообразно с сим временем содержания. [...]

⁸¹⁸ Имеется в виду город Харлем (на западе Нидерландов).

⁸¹⁹ Речь идет о старейшем в Нидерландах музее, организованном в 1778 г. Находится в доме купца Питера Тейлера ван дер Хулста (1702–1778), завещавшего свое состояние на развитие религии, искусства и науки.

⁸²⁰ Имеется в виду Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе — одно из старейших научных обществ в мире; создано в 1660 г. и утверждено Королевской хартией в 1662 г.

⁸²¹ Один из крупнейших музеев мира, основан в 1753 г.

⁸²² С.С. Уваров полагал установить срок командировки не более 1 года.

**№ 160
№ 3**

**Из докладной записки пр-ра Э. Кнорра
М.Н. Мусину-Пушкину**

**Казань
3 апреля 1840**

[Л. 13–14. Подлинник. Автограф]

[...] Получив предписание от 6 марта сего года за № 1210 об отправлении моем в ученое путешествие в Германию, Англию, Францию, Швейцарию и Италию, я почел первым долгом принести в. пр-ву глубочайшую мою благодарность за исходатайствование в. пр-вом Высочайшего Его Императорского величества на сие повеления. Я всеми моими силами буду стараться сделать сие путешествие полезным КУ как непосредственно, чрез приобретение новых инструментов, так и посредственно, собирая сведения о новых открытиях по предметам, которые я по занимаемой должности пр-ра физики обязан преподавать.

Для лучшего достижения честь имею представить при сем на усмотрение в. пр-ва:

1. Краткий план моего путешествия, о котором я, впрочем, не упомянул о моем присутствии при собрании немецких естествоиспытателей в Эрлангене, потому что участие в упомянутом не позволило бы мне остаться в Париже более одной недели, а этого времени не достаточно для окончания всех занятий, меня там ожидающих, и воспрепятствовало бы мне посетить Швейцарию и Италию.

2. Список инструментов, заказанных у механика Нея в 1836 г[оду] для дополнения физического кабинета, но не изготовленных в назначенный срок, и которые и теперь не могут быть изготовленными в механическом заведении университета, по причине новых усовершенствований сих инструментов в чужих краях.

3. Список физических инструментов, и пособий для преподавания, которые могут быть приобретены на счет штатной суммы физического кабинета на сей 1840 год.

4. Список физических инструментов, и пособий для дополнения физического кабинета, для приобретения которого я покорнейше прошу в. пр-во назначить особую сумму до 1000 р. серебром.

5. Список физических снарядов нужных для дополнения кабинетов гимназии КУО. Относительно сих снарядов честь имею донести, что, по моему мнению, не требуется, чтобы они были отличной работы, а требуется, чтобы они были приспособлены для преподавания в гимназиях, а потому, рассчитывая издержки по ценам, по каким 4 лет⁸²³ тому назад такие инструменты продавались и были в Берлине, я нахожу, что 120 р. серебром из каждой гимназии точно будет для их приобретения исключительно только Оренбургом и Пермью, для которых нужно будет 140 р. серебром, ибо для сих последних требуется маленький английский микроскоп.

6. Сверх сих инструментов я нахожу нужным приобрести гониометр⁸²⁴ для минералогического кабинета и потому прошу в. пр-во возложить на меня сию обязанность.

При сем, в. пр-во, честь имею донести еще, что лекции общей физики я намерен поручить в I-м курсе Епанечникову, а опущенные лекции в прочих курсах я буду стараться вознаградить сим по возвращению моему [...]

№ 161

№ 4

Краткий план путешествия Э. Кнорра

Казань

[3 апреля 1840]

[Л. 15. Подлинник. Автограф]

По предположению моему проезд мой в Берлин должен быть в начале июня месяца. Там я намерен рассмотреть физические снаряды и собрание моделей технической школы (Gewerbe institute), так же снаряды артиллерийской и инженерной школ, Академии наук⁸²⁵ и физический

⁸²³ Имеется в виду: четыре года назад.

⁸²⁴ Прибор для измерения углов между гранями кристаллов, а также для измерения углов различных призм.

⁸²⁵ Речь идет о Прусской или Берлинской академии наук, основанной в 1700 г.

снаряд в гимназии, так называемой «zum grauen Kloster»⁸²⁶, который весьма хорошо выбран для преподавания физики в гимназиях, кроме того, я постараюсь осмотреть и другие учебные заведения по технической части.

В Лейпциге я намерен осмотреть университет⁸²⁷ и познакомиться с пр-ром Фехнером.

В Halle⁸²⁸ может осмотрю университет⁸²⁹ и постараюсь познакомиться с пр-ром Кемзом⁸³⁰.

В Бонне осмотрю университет⁸³¹ и антропологический институт.

В Дюссельдорфе осмотрю Академию художеств⁸³², и если будет достаточно времени, то я поеду отсюда в Harlem⁸³³ для осмотра Тейлерского музеума; отсюда через Роттердам поеду в Лондон, куда должен прибыть по моему предположению во второй половине месяца, а отъезд из Лондона предполагаю в первой половине августа.

В Париже могу я рассмотреть физические снаряды, которые находят в Faculté de Science⁸³⁴, école Polytechnique⁸³⁵, College de Henri IV⁸³⁶, займусь способами употребления дагерротипа и постараюсь познакомиться с физиками Arago⁸³⁷, Gaylussac'm⁸³⁸, Biot⁸³⁹, Pouillet⁸⁴⁰, Lamé⁸⁴¹, Pois-

⁸²⁶ С немецкого — «при Сером Монастыре». Речь идет о старейшей Берлинской гимназии, основанной курфюрстом Бранденбурга Иоанном-Георгом в 1574 г.

⁸²⁷ Речь идет о Лейпцигском университете, основанном в 1409 г.

⁸²⁸ Имеется в виду город Галле, Германия.

⁸²⁹ Речь идет о Галльском университете, основанном в 1694 г. В 1817 г. произошло его слияние с Виттенбергским университетом. В результате реорганизации возник университет Галле-Виттенберг.

⁸³⁰ Речь идет о Л.М. Кемце.

⁸³¹ Речь идет о Боннском университете, основанном в начале XIX в.

⁸³² Речь идет о Дюссельдорфской академии художеств, основанной в 1773 г.

⁸³³ Имеется в виду город Харлем, Нидерланды.

⁸³⁴ С французского — «Факультет точных наук». Речь идет о факультете Парижского университета, созданном в 1816 г.

⁸³⁵ С французского — «Политехническая школа», создана в 1794 г.

⁸³⁶ С французского — «Лицей Генриха IV», основан в 1796 г.

⁸³⁷ Имеется в виду Д.Ф. Араго.

⁸³⁸ Имеется в виду Ж.-Л. Гей-Люссак.

⁸³⁹ Имеется в виду Ж.-Б. Био.

⁸⁴⁰ Имеется в виду К. Пулье.

⁸⁴¹ Имеется в виду Г. Ламе.

son'ом⁸⁴², отъезд мой из Парижа предполагаю в конце августа, отсюда я поеду по городам Швейцарии, в которых находятся университеты, именно в Базеле⁸⁴³, Цюрихе⁸⁴⁴, Берне⁸⁴⁵, Генфе⁸⁴⁶, в этом последнем городе, я постараюсь познакомиться с гг. Delarive⁸⁴⁷ и Descandolle⁸⁴⁸. Из Генфа я поеду в Майланд⁸⁴⁹, Павию и Падую, отсюда в Мюнхен, где я намерен осмотреть оптический институт Fraunhofer⁸⁵⁰ Ertel⁸⁵¹, Steinheil⁸⁵² университет и физические снаряды Академии наук⁸⁵³. Приезд в Мюнхен предполагаю в первой половине месяца октября; из Мюнхена я поеду в Вену, там я постараюсь познакомиться с пр-ми Эттинггаузен и Баумгартнером⁸⁵⁴ и осмотреть политехнический институт. Отъезд из Вены полагаю 10 ноября отсюда я прямо возвращаюсь в Казань.

⁸⁴² Имеется в виду С.-Д. Пуассон.

⁸⁴³ Речь идет о Базельском университете, старейшем университете в Швейцарии, основанном в 1459 г.

⁸⁴⁴ Речь идет о Цюрихском университете, основанном в 1833 г.

⁸⁴⁵ Речь идет о Бернском университете, основанном в 1834 г.

⁸⁴⁶ Имеется в виду город Женева и Женевский университет, основанный в 1559 г.

⁸⁴⁷ Имеется в виду А. Делабир.

⁸⁴⁸ Имеется в виду О.-П. Деканоль.

⁸⁴⁹ Имеется в виду город Милан.

⁸⁵⁰ Речь идет о И. Фраунгофере, основавшем в Мюнхене в 1817 г. первый оптический институт. Также следует отметить, что с 1807 г. он присоединился к основанному в Мюнхене в 1804 г. Г. Рейхенбахом вместе с Либгером и Утцшнейдером оптико-механическому заведению. В 1814 г. фирма разделилась: механические мастерские остались в заведовании Рейхенбаха, а оптическими заведовали Фраунгофер и Утцшнейдер.

⁸⁵¹ Речь идет о мюнхенском механике Эртеле, который с 1826 г. (после смерти Г. Рейхенбаха) возглавил механические мастерские, получившие его имя. В 1830-х гг. Эртель изготавливал инструменты для Пулковской обсерватории и для обсерватории Киевского университета.

⁸⁵² Вероятно, речь идет о К.-А. Штейнгеле.

⁸⁵³ Имеется в виду Баварская академия наук, основанная в 1759 г.

⁸⁵⁴ Имеется в виду А. фон Баумгартнер.

№ 162—164

Документы о получении дворянского звания пр-ром КУ Э.А. Эверсманом и его детьми

Казань

23 февраля 1840 — 11 марта 1847

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 5708]

№ 162

№ 1

Из прошения Э.А. Эверсмана Правлению КУ

23 февраля 1840

[Л. 6. Копия]

Состоя в прусском подданстве и желая ныне быть верноподданным России, покорнейше прошу Правление университета сделать распоряжение о приведении меня к присяге на вечное подданство России.

№ 163

№ 2

Из прошения Э.А. Эверсмана Н.И. Лобачевскому

29 августа 1845

[Л. 3—3 об. Подлинник. Автограф]

[...] На отношение в. пр-ва от 10 апреля за № 11 имею честь уведомить, что в 1840 году, приняв в присутствии Казанского губернского правления на подданство России присягу, не причислил в оное детей своих сыновей: Николая, Александра, Василия и Михаила и дочь Евгению, полагая, что они по рождению их в России, на основании законов, уже подданные; между тем Казанское депутатское дворянское собрание через в. пр-во требует сведения, причислил ли я детей своих к подданству России, для утверждения их в дворянском достоинстве. Почему я покорнейше прошу в. пр-во исходатайствовать в Казанском губернском правлении о причислении означенных детей моих, согласно моему желанию, в подданство России и о причислении их в оное просит Правление уведомить

Дворянское собрание. Если же нужно будет губернскому правлению, что бы я вновь принял на подданство России присягу и детей моих, то и об этом сделать Ваше распоря[жение]е. Что же касается до метрического свидетельства, о рождении старшего моего сына Николая, то я отослал его для заверения в точности к российскому консулу в Берлине и по присылке его оттуда не примену представить его в собрание. [...]

№ 164
№ 3

**Из представления ректора И.М. Симонова
управляющему КУО Н.И. Лобачевскому
11 марта 1847⁸⁵⁵**

[Л. 23—23 об. Подлинник. Автограф]

[...] Правление КУ, согласно предложению в.пр-ва от 13 сентября 1845 г[ода] № 3928, сообщая в Казанское губернское правление о приводе к присяге на вечное подданство России детей г. о. пр-ра Эверсмана, сыновей: Николая, Василия, Александра и Михаила и дочери Евгении. Вследствие чего Казанское губернское правление уведомило Правление университета, что по постановлению оно[го], 18 января 1846 состоявшегося, дети Эверсмана выше сего поименованные, по присяге на подданство России приведены.

Вследствие этого Правление университета, уведомляя оный Совет для внесения о сем в послужной список г. Эверсмана, просит, согласно помянутому предложению в.пр-ва, засвидетельствованию копию с формуляр[но]го списка о службе г. Эверсмана препроводить в Казанское Дворянское Депутатское собрание на предмет внесения детей г. Эверсмана в дворянскую родословную книгу. И об исполнении оно[го] донести прямо в. пр-ву.

⁸⁵⁵ *Помета:* [Получено] 12 марта 1847 [года].

№ 165—166
**Из докладных записок И.М. Симонова
В.П. Молоствову о поручении преподавать химию
кандидату А.М. Бутлерову вместо
пр-ра КИУ К.К. Клауса**

Казань

25 января — 19 апреля 1850

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 6387]

№ 165
№ 1

25 января 1850⁸⁵⁶

[Л. 1. Подлинник]

[...] Г. о. пр-р химии Клаус уведомил меня, что он страдает уже продолжительное время упорной лихорадкой, пароксизмы которой при малейшей простуде, неизбранной при нынешних мороках, вновь возвращаются. Заботясь, однако ж, о своих лекциях пр-р Клаус для избежания могущего произойти от этого опущения успешности его слушателей, просит меня дозволить на время его болезни кандидату Бутлерову, известному с отличной стороны, читать по личному его, пр-ра Клауса, наставлению два предмета: химию безорудных тел⁸⁵⁷ в 1-м курсе медицинского факультета; во вторых, органическую химию студентам естественного и камерального разрядов 2-го курса [...]

№ 166
№ 2

19 апреля 1850⁸⁵⁸

[Л. 3—3 об. Подлинник]

[...] В заседании физико-математического факультета, бывшее под председательством г. ректора университета

⁸⁵⁶ *Помета:* [Получено] 26 января 1850 [года].

⁸⁵⁷ Имеется в виду неорганическая химия.

⁸⁵⁸ *Помета:* [Получено] 20 апреля 1850 [года].

11 апреля, г. о. пр-р Клаус вошел с представлением следующего содержания.

По случаю перемещения г. адъюнкта Киттары на кафедру технологии, которое, как мне кажется, не подлежит никакому сомнению, я соблаговременно спешу обратить внимание факультета на кандидата Бутлерова, молодого человека уже известного всем гг. членам факультета с хорошей стороны и весьма многообещающего по его способностям и познаниям. Г. Киттары по всем занятиям новой должности, вероятно, не найдет времени, чтобы продолжать чтение той части химии, которую он преподавал по сие время; а я, имея уже 12 часов лекций, видимо, не в состоянии принять его на себя; но тем не менее необходимо, чтобы и в начале будущего семестра чтение это не было отрезано, г. Бутлеров, который в продолжение университетского курса занимался преимущественно химией, в то же время успевая и в других предметах, мог бы с успехом занять при нашем университете то место, которое доселе занимал Киттары, тем более что Бутлеров обещался в скором времени начать экзамен для приобретения степени магистра химии. Имея честь представить эти обстоятельства на благоусмотрение факультета, я желал бы, со своей стороны, чтобы, во всяком случае, сделано было от факультета распоряжение на счет удержания рекомендуемого мной молодого человека при университете, для которого он весьма может быть полезен.

По выслушанию сего представления г. о. пр-ра Клауса, факультет постановил: с пожеланием оного донести Совету, что факультет со своей стороны, совершенно уверен, что г. Бутлеров своими познаниями, дарованием, любовью к наукам и химическим исследованиям, сделает честь университету и заслужит известность в ученом мире, или обстоятельства будут благоприятствовать его ученому призванию. [...]

№ 167—169

Из переписки В.П. Молостова, ректора КИУ

О.М. Ковалевского и А.С. Норова

«об улучшении состояния КУ»

6 октября 1856 — 14 февраля 1857

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 7140]

№ 167

№ 1

Из донесения В.П. Молостова А.С. Норову

Казань

6 октября 1856

[Л. 2—4 об. Черновой автограф. Опубликовано: Вишленкова Е.А., Гизатуллин М.Х. Как жилось университетскому преподавателю в Казани первой половины XIX века // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1. С. 236—237; Фролова С.А. О.М. Ковалевский и В.П. Молостов о состоянии Казанского университета 150 лет назад // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1. С. 162]

Конфиденциально

Обстоятельства, в которых находится в настоящее время наш университет, заставляют меня обратить внимание в. с-ва в особенности на то его положение, в которое он поставлен со времени своего преобразования, сделавшись переходным для пр-ров в другие учебные заведения империи. Мы иногда с гордостью пересчитываем имена лиц, которые, получив образование свое в самой Казани или средства приобрести высшие познания за границей на счет нашего университета, впоследствии переселились в столичные города и снискали себе известность и уважение. Мы видим, что столичные университеты, несмотря на совершенно другое свое положение, пользуются приготовленными уже в провинции учеными, привлекая их к себе и высшими окладами жалованья, и возможностью занимать посторонние должности, и богатством своих учебных пособий, и большим кругом ученых людей, и сочувствием самой публики к интересам науки.

Теперь рождается вопрос: может ли Казань — город, удаленный в глубину империи, лишенный ученого движения и сношений с учеными обществами, испытывающий замедление в приобретении заграничных книг и вообще учебных пособий, затрудненный в издании ученых трудов отсутствием цензуры, не умеющий еще сочувствовать науке и положению ученого, — в состоянии ли он удерживать у себя молодого пр-ра, пропитывающегося низшим окладом жалованья и жаждущего удобств, которыми столицы изобилуют. Кроме того, наш университет давно встречает затруднение в средствах отправлять своих преподавателей за границу для скорейшего ознакомления их с успехами наук в других государствах.

К тому нужно присовокупить, что КУ, истощив все свои материальные средства на полезные предприятия, обротившиеся, как, например, восточная библиотека и минц-кабинет, на пользу другого заведения, и лишившись средств к приобретению важных и необходимых пособий для других отраслей наук, в настоящее время необходимо особое вспомоществование правительства, чтобы иметь возможность поддержать то, что уже устроено, и двинуться вперед. Дело идет о даровании, если не высших, то по крайней мере одинаковых окладов жалованья лицам, служащим в КУ в сравнении с[о] столичными, а также об увеличении сумм на учебные пособия и вознаграждении⁸⁵⁹ за принесенные⁸⁶⁰ им потери⁸⁶¹. Тогда наш университет, обладая новыми средствами, в состоянии будет обеспечить себя относительно преподавателей. В молодых людях, желающих посвятить себя служению наук на одном месте, недостатка быть не может, а переход преподавателей из одного заведения в другое сможет даже принести несомненную пользу, ускорить размен идей, воспрепятствовать застою мысли.

⁸⁵⁹ Следом зачеркнуто: за сделанные.

⁸⁶⁰ Слово дописано карандашом поверх строки.

⁸⁶¹ Слово дописано карандашом поверх строки.

№ 168

№ 2

**Предписание А.С. Норова В.П. Молостову
С.-Петербург
13 ноября 1856⁸⁶²**

[Л. 1—1 об. Подлинник. Автограф. Опубликовано: Вишленкова Е.А., Гизатуллин М.Х. Как жилось университетскому преподавателю в Казани первой половины XIX века // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1. С. 237; Фролова С.А. О.М. Ковалевский и В.П. Молостов о состоянии Казанского университета 150 лет назад // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1. С. 163]

Конфиденциально

По возвращении моем в С[анкт]-Петербург, доложено мне донесение в. пр-ва от 6 октября, № 3528, о настоящем положении КУ и о предположениях Ваших к приведению оного в лучшее состояние.

Все, что в. пр-во столь справедливо высказали в сем донесении, было уже у меня в виду и я готов содействовать всеми зависящими от меня способами к охранению личного ученого состава КУ.

Посему покорнейше прошу Вас, м. г., о доставлении мне ближайших Ваших по этому важному предмету соображений.

№ 169

№ 3

**Донесение В.П. Молостова и О.М. Ковалевского
А.С. Норову**

**Казань
14 февраля 1857**

[Л. 5—17 об. Черновик. Опубликовано: Вишленкова Е.А., Гизатуллин М.Х. Как жилось университетскому преподавателю в Казани первой половины XIX века // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1. С. 237—238; Фролова С.А. О.М. Ковалевский и В.П. Молостов о состоянии Казанского университета 150 лет назад // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2007. № 1. С. 163—168]

⁸⁶² Помета: Получ[ено] 6 декабря 1856 [года].

[...] Все эти соображения более или менее известны уже в. высокопр-ву из личных моих объяснений и неоднократно представлений по разным местным случаям, и теперь, по глубокому моему убеждению, спешу повторить Вам, м. г., что все они проистекают из близкого моего знакомства с сим высшим в здешнем крае ученым заведением и основываются на ежедневно обнаруживающихся нуждах его как в материальном, так и нравственном отношениях.

1)⁸⁶³ Итак, на первом месте я вынужден поставить снова необходимость увеличения штатов КУ, по крайней мере, в размерах столичных университетов, дабы иметь возможность обеспечить содержание служащих лиц, упрочить существование их на одном месте. Обогащать учебные пособия в уровень с успехами наук, дать пищу для постоянных ученых занятий пр-рам, поддерживать в них стремление к полезному трудолюбию и таким образом нравственно их возвысить в глазах образующегося у нас юного поколения и в глазах окружающего их общества.

2)⁸⁶⁴ Учреждение отдельной цензуры при КУ [...] для облегчения пр-ров в их ученых занятиях. Проходят нередко месяцы прежде, нежели посланные в цензуру статьи или сочинения возвратятся автору; появление делается уже несовременным, отсталым и отнимает всякую охоту к продолжению занятий и к обнародованию своих трудов. Эта отдельная цензура при университете дала бы особую жизнь журналу, издаваемому с 1834 года при КУ под названием «Ученые записки». Существовая уже 23 года и издаваясь по прежним, не удовлетворяющим ни настоящему времени, ни состоянием науки теперь правилам, журнал этот несколько не может дать обществу свидетельства об ученой деятельности университетского сообщества. Публика почти не знает о его существовании, и многие из пр-ров, естественно, находят для себя выгоднее помещать статьи свои в столичных журналах, где труд их вполне вознаграждается. [...]

⁸⁶³ Дописано карандашом на поле.

⁸⁶⁴ Дописано карандашом на поле.

Говоря об увеличении штатов университета, я вовсе не имею в виду прихотей частных или роскоши, извне к нам приходящей, а основываюсь на том, что пр-р здешнего университета часто поставлен в необходимость приобрести какое-нибудь учебное пособие, очень дорогое по своей редкости, [...] между тем, как пр-р столичного университета пользуется тем же самым в Публичной библиотеке⁸⁶⁵ бесплатно. Сверх того, столичный пр-р имеет очень много способов увеличить материальные средства, посвящая свободное время от службы в университете другим занятиям.

3)⁸⁶⁶ Наем прислуги и содержание студентов, отопление, освещение и ремонт университетских зданий приводят теперь нас в затруднение, когда нужно указать источник для покрытия неизбежных расходов [...] после издания устава университетов, число университетских зданий в Казани увеличилось с лишком вдвое, тогда как сумма на их содержание осталась та же самая. [...]

При этом считаю долгом⁸⁶⁷ повторить, что приобретение книг и монет восточных, приготовление преподавателей по азиатским языкам, путешествия их, издание их сочинений, словом, поддержка бывшего Восточного разряда, составляющего один их характеристических элементов КУ, по большей частью были причиною⁸⁶⁸ истощению денежных средств его, тем более прискорбного, что увеличение их⁸⁶⁹ в Восточном факультете, ныне же не существующего в Казани, совершалось на счет других факультетов. [...]

III. Выше упомянуто было, что в настоящее время содержание студентов по причине постоянно возвышающихся цен на все необходимые предметы приводит университет в большое затруднение, особенно когда принято будет во внимание и то обстоятельство, что сокращение тех удобств, которые в продовольствовании молодых

⁸⁶⁵ Имеется Публичная библиотека, расположенная в Санкт-Петербурге.

⁸⁶⁶ Дописано карандашом на поле.

⁸⁶⁷ Четыре слова дописаны карандашом поверх зачеркнутой строки: я не смею уже.

⁸⁶⁸ Два слова дописаны карандашом поверх зачеркнутого слова: причинилась.

⁸⁶⁹ Слово дописано карандашом поверх зачеркнутой строки: средств.

людей столом, платьем, прислугою и т.д. были им уже предоставлены при прежней дешевизне всего в Казани, теперь оказывается также невозможным.

Мне кажется, что если бы вместо настоящего содержания студентов в университетских зданиях учредить стипендии для казенных воспитанников, поступающих из гимназий, и для отличных по успехам и поведению студентов с правом жить им в наемных квартирах, то⁸⁷⁰ университет выиграл бы довольно помещения для своих кабинетов, избавился бы [от] многих забот в административном отношении и студенты сами приобрели бы для себя нравственную пользу. Настоящее положение казенных студентов имеет следующие невыгоды: 1. Молодые люди, по большей части разного образа мыслей и различных наклонностей, собранные (средним числом около 80 человек) в ограниченном помещении, взаимно стесняют друг друга в своих занятиях и потому не могут употребить свое кратковременное пребывание в университете с полною для себя пользою. 2. Квартируя в здании университета, они чувствуют во многих отношениях себя стесненными в сравнении с их товарищами — своекоштными студентами или молодыми людьми их возраста, состоящими уже на службе. Между тем как, живя в частных квартирах и будучи более причастны к семейной стороне жизни, всегда благотворной для молодых людей их возраста, они отклонялись бы от вредных увлечений, проистекающих из их изолированного положения⁸⁷¹. [...] Студенты по взаимному согласию будут размещаться по квартирам сообразно своим склонностям и занятиям, отчего, вероятно, в науке сделают успехи значительнее и много выиграют в нравственном отношении, между тем как надзор за ними много от этого упростится.

Представляя вниманию в. высокопр-ва эту меру, я не представляю ничего нового, и в настоящую пору стипендиаты Горного ведомства⁸⁷², Министерства внутренних

дел и др., получая от университетского начальства следующую им на обмундирование и содержание сумму, живут на собственных квартирах, и нельзя сказать, чтобы нравственность их стояла ниже нравственности казенных студентов.

IV). Обратимся к составу факультетов, и прежде всего к историко-филологическому, которого значение весьма велико, по цели и направлению его и по влиянию его на общечеловеческое образование. Постоянное уменьшение студентов, посвящающих себя изучению филологии, происходит: а) от ослабления преподавания древних языков в гимназиях; б) от ложного взгляда на применение классического образования к практической жизни и с) от недостатка в особом поощрении молодых людей, хорошо подготовленных, к продолжению филологических занятий. В первом случае необходимо восстановление греческого языка в числе предметов гимназического курса, во втором — устранение мелочного и жалкого педантизма, вредного успехам науки, ограничивающегося почти исключительно грамматическими заметками и не обращающего внимания ни на образование эстетического вкуса, ни на обогащение питомцев полезными сведениями; в последнем — назначение поощрительных, по крайней мере, временных стипендий или премий.

Что же касается состава нынешнего историко-филологического факультета, я считаю долгом сказать: А). Объявленный конкурс на кафедру греческого языка и древностей, сколько мне известно, вызвал одного только доктора Шарбе к исканию вакантного места, но не привел еще к желаемому результату, особенно если обращено будет внимание на несоответственность представленных им сочинений с требованиями конкурса и на условия для конкурентов этой кафедры, предписанные министерством. Прежде чем я буду иметь честь представить в. высокопр-ву мои соображения по сему делу, спешу довести до Вашего сведения, что в случае, если министерство не имеет в виду лица вполне способного занять место преподавателя по греческой кафедре, я намереваюсь предложить одному из

⁸⁷⁰ Зачеркнута часть слова: гда.

⁸⁷¹ Предложение написано карандашом на верхнем поле.

⁸⁷² Находилось в подчинении Министерства финансов.

двух магистров древней филологии, а именно адъюнкту Ордынскому или старшему учителю Первой Казанской гимназии Угянскому, из коих каждый имеет своего рода заслуги, занять временно вакантное место в университете, впредь до приобретения им высшей ученой степени, требуемой уставом для предоставления какому-либо звания пр-ра. В). По кафедре русской словесности университет ожидает утверждения г. Пыпина⁸⁷³ в звании адъюнкта и надеется в нем найти усердного преподавателя и деятельного исследователя отечественной литературы. Утверждение г. Пыпина тем более необходимо для КУ, что пр-р русской словесности⁸⁷⁴, согласно распоряжению в. высокопр-ва, отправляется с началом будущего академического года за границу. С). По снисходительному вниманию в. высокопр-ва к моему ходатайству история России имеет теперь отличного преподавателя в г. Ешевском, которого чтение, своим содержанием и изложением, не без причины так сильно занимало многочисленных слушателей. Впрочем, известно, что сей даровитый преподаватель с особенным призванием занимался и занимается преимущественно изучением всемирной истории. И если адъюнкт Славянский, по некоторым обстоятельствам, оставит КУ и кафедру всеобщей истории, г. Ешевский (в ожидании решения своей участи) очень охотно займет его место и в помощь преподавателю русской истории принимает на себя безвозмездное изложение отечественных древностей. Между тем учитель 1-й Казанской гимназии, стяжавший уже себе некоторую литературную известность, г. Соколов, оканчивая уже испытание на степень магистра истории под руководством г. Ешевского, подает надежду образовать себя на отличного преподавателя судеб русского народа. На ту же кафедру КУ имеет в виду и кандидата МУ г. Попова⁸⁷⁵, известного также с отличной стороны по нескольким изданным им статьям и в настоящее время готовящего диссертацию на степень

магистра. D). Преподавание новых языков, французского и немецкого, идет еще слабо и до тех пор, по моему крайнему убеждению, не сделает никакого успеха, пока наши студенты не станут сознавать необходимости в изучении их. В настоящее же время содержание двойного числа лекторов служит только обременением для университетских финансов, без пользы, нами ожидаемой. E). В заключение нельзя пройти молчанием самого ощутительного недостатка в наших университетах.

Относительно географии, которая неутомимыми трудами выслужила уже себе имя науки и не имеет своего представителя на кафедре университетской, между тем как в гимназиях этот предмет заключается четвертым классом, ученики с более зрелыми способностями не имеют средств совершенствовать себя в столь полезном предмете, а училища и гимназии страдают от недостатка знающих свое дело наставников.

V). Что касается юридического факультета, и преимущественно камерального разряда его, то свои о том соображения, по собранию нужных сведений, я буду иметь честь представить в. высокопр-ву особо.

VI). Разряд естественных наук, в настоящее время имеющий не более 6 слушателей, постоянно теряет свое значение, а развитие его сопряжено с[о] многими соображениями и издержками, о чем впоследствии будет сделано особое представление, по собрании надлежащих сведений.

VII). Медицинский факультет принадлежит к числу более развитых, более полных отделов нашего университета. [...]

Но при всем этом ощутителен недостаток в развитии самой клиники. Не говоря уже о госпитальной клинике, которая до сего времени остается неразрешенною, я могу указать еще на Акушерский институт и на клинику детских болезней.

Предположения университета о первом из них представлены уже министерству в прошедшем году и, без сомнения, будут дозволены. Между тем, во внимание к явно обнаружившемуся недостатку в здешнем крае повиваль-

⁸⁷³ Имеется в виду А.Н. Пыпин.

⁸⁷⁴ Имеется в виду Н.Н. Булич, находящийся в 1857–1859 гг. в заграничной командировке.

⁸⁷⁵ Имеется в виду Н.А. Попов.

ных бабок и к числу поступивших просьб от частных лиц, и к изъявленному желанию со стороны казанской удельной конторы поместить несколько женщин при университетской клинике для изучения акушерства, разрешена уже мною временная мера о допущении женщин к слушанию популярного курса повивального искусства у г. пр-ра Козлова, который добровольно, без всякого возмездия со стороны казны, вызвался быть руководителем и преподавателем этой науки для пользы здешнего края.

Относительно клиники для детских болезней, она не иначе может быть осуществлена, как с помощью пристройки к главному клиническому корпусу. Если эта мысль удостоится внимания в. высокопр-ва, я долгом сочту войти с особым представлением плана и сметы для предполагаемого отделения, крайне нужного при образовании медиков.

VIII. Преподавание педагогики, т.е. теории и истории ее, вовсе не достигает цели чисто практической, крайне необходимой для университета, в котором должны образовываться и учителя для учебных заведений здешнего округа. По моему убеждению, прежний, так называемый Педагогический институт при университете, составленный из 4-х пр-ров по главным предметам гимназического курса как более практическое учреждение, принес бы самую ощутительную для молодых людей пользу. Следовательно, восстановление его могло бы послужить к улучшению метод преподавания и к передаче учительских приемов тем из наших студентов, которые решительно посвящают себя званию педагогов. Готовясь в течение двух или трех лет под особенным руководством пр-ра к занятию места учителя по избранному им предмету, студент приобретал бы навык и обнаруживал бы свои способности. Преподавание же педагогики в его настоящем виде почти бесполезно, потому что вместо практической подготовки дает слушателям только общую, отвлеченную теорию воспитания, к делу неприложимую, а отличная отметка, полученная студентом на экзамене, несколько

еще не представляет надежного ручательства за его педагогические способности. Восстановление прежнего Педагогического института при университете тем более важно, что КУО весьма нуждается в опытных преподавателях. Этим облегчились бы и занятия испытательного комитета для ищущих звания учительства, потому что способности и степень знания кандидатов обозначались бы еще в продолжение университетского курса, и принимать участие в педагогических упражнениях могли бы и те из окончивших курс в гимназиях, которые ищут звания уездных учителей и которые теперь предоставлены сами себе, готовясь к испытанию без опытных руководителей. Последнее обстоятельство тем важнее, что в КО почти все места уездных учителей занимают воспитанники гимназий, по малому числу оканчивающими курс студентами историко-филологического и физико-математического факультетов, которых недостаточно и для замещения мест в гимназиях. Педагогический институт сделался бы, таким образом, практическою школою для преподавателей, и уничтожение бесполезной кафедры педагогики сократило бы расходы университета.

№ 170—175

**Из переписки А.С. Норова, управляющего КУО
Ф.Ф. Веселаго, попечителя КУО Э.А. Грубера
и О.М. Ковалевского «о неудовольствиях,
возникших между студентами медицинского
факультета и профессором В.Ф. Берви»**

6 октября 1857 — 13 марта 1858

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 7444]

№ 170

№ 1

Из донесения Ф.Ф. Веселаго А.С. Норову

Казань

6 октября 1857

[Л. 1—1 об. Подлинник]

Секретно

[...] Заслуженный пр-р нашего университета г. Берви передал мне письмо, полученное от студентов врачебного факультета, в следующих словах: «Г. пр-р! Всем нам известна Ваша продолжительная служба КУ, за которую мы, все студенты медицинского факультета, душевно Вас благодарим и вместе с тем, принимая во внимание Ваши преклонные лета и Вашу слабость, просим Вас для общей нашей пользы сложить с себя эту тяжелую обязанность, которая становится еще тяжелее нынче, во время быстрого развития науки, требующего сил свежих и молодых. Извините нас, пр-р, что заговорили об этом мы первые, — любовь к науке и желание быть полезными обществу заставляют нас поспешить. Да и Вы, вероятно, уже убеждены в настоящее время сами, что остаток Ваших драгоценных лет приличнее провести в мирном семейном кругу, нежели в физиологическом кабинете и физиологической лаборатории, занимаясь живосечениями, необходимость которых при изучении физиологии и Вам и нам очень понятна. Надеемся, что справедливый голос не оскорбит Вас и найдет с вашей стороны полную и скорую готовность помочь общей пользе.

Студенты медицинского факультета: [...]»⁸⁷⁶

Студенты 1-го курса не подписывались, потому что еще не слушали физиологии.

№ 171

№ 2

**Из донесения О.М. Ковалевского Э.А. Груберу
Казань
6 февраля 1858**

[Л. 2. Подлинник]

[...] Г. заслуженный пр-р Берви подал ко мне рапорт, в котором объясняет, что он, г. Берви, после получения от студентов медицинского факультета и мне переданного

⁸⁷⁶ Опущена часть с перечислением 71 фамилии студентов медицинского факультета КУ.

письма, для предупреждения могущих воспоследовать более неприятных демонстраций, считает нужным удалиться от всякого столкновения со студентами, до окончательного решения начальством начатого исследования этого дела. [...]

№ 172

№ 3

**Из предписания Э.А. Грубера О.М. Ковалевскому
Казань
12 февраля 1858**

[Л. 3—4. Подлинник]

[...] Из доставленных мне ныне сведений и личных моих объяснений со студентами оказывается:

1, что студенты, подписавшие письмо в оправдание своего поступка, приводят то, что они не хотели приносить формальной жалобы на неудовлетворительные преподавания г. Берви и полагали, что письмо их не получит гласности.

2, что они, по-видимому, подстрекаемы были к этому противозаконной демонстрации, сторонними внушениями и что из числа 70 подписавшихся студентов многие сделали это бессознательно по наущению своих товарищей.

3, что хотя они сознаются в противозаконности своих действий в настоящем случае и изъявляют готовность принести извинение пред всеми пр-рами медицинского факультета, но не соглашаются извиниться пред г. Берви, который был оскорблен их письмом.

Ныне я для окончания сего дела нахожу необходимым произвести по оному формальное исследование, а потому и прошу покорнейше в. пр-во сделать распоряжение о составлении немедленно особого комитета из гг. деканов всех факультетов, инспектора студентов и синдика университета, под Вашим председательством, предложив сему комитету войти в рассмотрение всех обстоятельств сего дела, определить степень виновности студентов, подписавших адрес к г. пр-ру Берви и подлежащего с них

за то взыскания, а равно сообразить меры к предупреждению на будущее время подобных беспорядков и поддержанию университетской дисциплины между студентами медицинского факультета. [...]

№ 173

№ 4

**Из докладной записки О.М. Ковалевского
Э.А. Груберу**

**Казань
23 февраля 1858**

[Л. 8. Подлинник]

Секретно

[...] Вследствии предложения в. пр-ва от 21 февраля [1858 года] студентам медицинского факультета, подписавшим письмо г. заслуженному пр-ру Берви, объявлена была мною воля г. министра народного просвещения об испрошении ими прощения у своего наставника, и студенты, в присутствии комитета, тотчас изъявили свою полную готовность покориться требованиям его высокопр-ва, что и собственноручно подпискою подтвердили.

Затем в следующий день (23 февраля) в присутствии моем, членов комитета и преподавателей медицинского факультета, те же студенты просили прощения у г. Берви; в университетской зале. Это обстоятельство, равно как и сведение о действиях комитета изложено в особой, при сем прилагаемой записке. [...]

№ 174

№ 5

**Докладная записка об исследовании причин
неудовольствия студентов**

**Казань
[23 февраля 1858]**

[Л. 9–10 об. Подлинник]

[...] Что касается до результатов действий комитета, то хотя в настоящее время еще нельзя вывести юридически

точных заключений, которые бы прямо указали на виновных, лишь, по-видимому, общей демонстрации студентов, равно как и на причину этого основательно необдуманного со стороны многих студентов поступка, однако же, по имеющимся доселе в руках комитета данным, почти верно можно предположить: 1, что настоящий поступок есть дело только нескольких студентов, за которыми увлеклись остальные, опираясь на товарищеское единодушие, к несчастью, ошибочно применимое массою к настоящему поступку, совершенно противоположному предначертанным для студентов правилам и представляющему характер самоуправства. 2, что застигнувшая, так сказать, в самом начале действия комитета, воля его высокопр-ва г. министра, милостиво указывающая, даже в настоящем случае, виновникам путь загладить свой неуместный поступок, принята была последними только как приказание главного начальника, выполнена ими хотя и с полною готовностью, но вместе с тем и с явным неосознанием некоторых, в глубине души своей вины пред г. пр-ром Берви, перед которым студенты в массе извинились только точными словами г. министра, а именно: «в неуместном поступке», а потом, когда пр-р объявил им. что после этого он снова начнет им свои лекции и еще не успел совершенно выйти из залы, как послышались в толпе голоса «на это мы не согласны». И даже некоторые, не выходя из залы, объявили г. ректору от имени всех товарищей, что они желают и просят другого пр-ра и вместе с тем просили донести г. министру, что они извинились по его приказанию и воле, которую считают для себя законом, но что убеждение их относительно неудовлетворительности лекций г. Берви остается то же; и в 3-х наконец, что подписавшими письмо к г. Берви студентами, исключая только весьма немногих, высказано и подтверждено подписом каждого, пред целым комитетом, под председательством г. ректора учрежденным, явное упорство в сознании неправильности своего поступка т.е.: написания настоящего письма с целью, по словам их, улучшения преподавания, в то время как по данным им в руководство правилам, с просьбою об этом предмете, они обязаны были обратиться к г. ректору университета.

Причем, почти каждым прибавлено в письменном показании, что после объявления им со стороны комитета незаконности их действия относительно написания подобного письма к пр-ру они все-таки считают меру эту на будущее время позволительною, а некоторые даже и лучшею, оправдывая в этом случае, свое положение убеждением, что письмо написано ими частным образом, хотя их и уверяли в противном члены комитета [...]

№ 175

№ 6

Из предписания А.С. Норова Э.А. Груберу

Казань

13 марта 1858

[Л. 13—13 об. Подлинник]

[...] я обращаюсь к Вам [...] с покорнейшей просьбою повторить им⁸⁷⁷ строгое внушение их обязанностей и отнoшений к их наставникам, и объявить, что на сей раз я ограничиваюсь этою мерою, **в уверенности, что они оценят делаемое ныне снисхождение**, по уважению к их раскаянию и покорности и на будущее время не подадут повода к неодобрению их поведения. [...]

№ 176

Из донесения ректора Е.Г. Осокина⁸⁷⁸
исправляющему должность попечителя КУО
князю П.П. Вяземскому

Казань

28 апреля 1862⁸⁷⁹

[НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 8224. Подлинник]

Вследствие предложения г. управляющего КУО от 4 февраля сего года за № 484, Совет университета имеет честь

⁸⁷⁷ Речь идет о студентах КУ.

⁸⁷⁸ С 3 мая 1861 г. Е.Г. Осокин исполнял должность ректора КУ вместо уехавшего в заграничную командировку А.М. Бутлерова.

⁸⁷⁹ *Помета:* [Получено] 3 мая [1862 года].

донести в. с-ву, что он не находит собственной пользы в вызове иностранных ученых из-за границы для занятия кафедр в КУ по следующим соображениям: 1, незнание иностранцами русского языка и малое знакомство наших студентов с иностранными языками много будет мешать пользе преподавания ученых, выписанных из-за границы 2, опыт прежнейший [...] показал, что только [... как в порядке] исключения чрезвычайно [... редко] удастся найти за границей действительно достойных преподавателей [...]

Ученые нередко слишком хладнокровно смотрят на свою обязанность просвещать русское юношество и ставят ее на второй план. Совет, однако, находит необходимым сделать исключение относительно выписки ученых словен (чехов и пр.), которые легко могут овладеть русским языком, а также относительно выписки иностранцев для занятия мест лаборантов, прозекторов, хранителей музеев и пр., на которых они могут принести весьма много пользы. Что касается условий при выписке заграничных ученых, то они должны быть различны, смотря по личности выписываемого и могут для каждого отдельного случая. [...]

№ 177—181

Документы о составлении

«Правил благочиния для студентов университета»
17 сентября 1813 — 31 марта 1815

[НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 75]

№ 177

№ 1

Из предписания М.А. Салтыкова Совету КИУ

Казань

17 сентября 1813

[Л. 1—1 об. Копия]

[...] Ежедневные жалобы инспектора студентов относительно своевольтва и непослушания, вкоренившихся в

некоторых из них, заставляет меня употребить строжайшие меры для отвращения вредных последствий, могущих произойти от необузданной молодости. Сии поступки, противные законному учреждению и могущие быть приписаны их неопытности и незнанию постановлений, не могли, однако ж, достигнуть такой степени своевольства без послабления прежнего над ними начальства. Инспектор [...] есть блюститель порядка и благочиния студентов, привыкшие к оным молодые люди не могут вдруг сделаться дерзкими. Г. инспектору⁸⁸⁰ и помощникам предписываю наблюдать строго, чтобы чинопочитание никогда не было нарушаемо, и подтвердить студентам казенным, что устав их обязывает продолжить службу не менее шести лет в ученом звании — что сопротивление в сем случае доказывает непослушание воли Монарха и неблагодарность за воспитание, которое получают от щедрот Его. Поелику некоторые из них отзываются незнанием устава, то предписываю гг. помощникам выписать статьи из уставов и предварительных правил относящихся до обязанностей студентов и дать им оныя для чтения. Также ни один студент не имеет право отлучаться без ведома инспектора; Совету же предлагаю в сем § 124⁸⁸¹ устава сочинить правила благочиния для студентов.

№ 178

№ 2

Из письма М.А. Салтыкова Совету КУ

Казань

25 февраля 1814

[Л. 9. Копия]

[...] 1813 года сентября 17 дня [...] предложено мною было сочинить правила благочиния для студентов, а 23 февраля инспектор студентов донес мне, что оное дело

⁸⁸⁰ Речь идет о И.О. Брауне.

⁸⁸¹ Данный параграф устава КИУ гласит: «Студенты в рассуждении нравственности и поведения сообразуются с правилами благочиния, сочиненными университетским Советом и на утверждение начальства внесенными».

поручено было советом гг. пр-рам Фингу⁸⁸², Брейтенбаху и барону Врангелю, которые, однако ж, по сих пор оныя правила еще Совету не представили. Почему вторично предлагаю Совету в непродолжительном времени сочинить упомянутые правила и представить мне их на рассмотрение.

№ 179

№ 3

Из рапорта адъюнкта П.С. Кондырева в Совет КИУ

Казань

28 февраля 1814

[Л. 10—10 об. Подлинник]

В Совете определено г. пр-ру Брауну, а потом комитету гг. пр-ров Финке, Брейтенбаха и барона Врангеля начертать правила [...]

Университет наш не получил еще никакого твердого особенного своего характера и все еще ожидает в нем образования. Таким образом, и полные правила студентов до сего еще не были начертаны, выключая самонужнейшего, что можно увидеть из инспекторской шнуровой книги: сие откладываемо было до совершенного устройства университета. Между тем как необходимость правил сих велика. Многое из прежде наблюдаемого студентами ныне по-видимому много оставляется, нового по чему бы они поступали еще ничего нет и так явственно, что произойти должно. Кроме того, подобные примеры редко могут иметь хорошие последствия. Посему необходимо нужно начертать не одни правила благочиния, но вообще правила, рассматривая студента во всех отношениях, со всех сторон: касательно его ума и сердца, нравственности, поведения, занятия и учения, дабы он мог быть со временем истинно полезен Государю и Отечеству на службе, начальству как подчиненный, обществу как член, семейству как отец [...]

⁸⁸² Имеется в виду И.А. Финке.

№ 180

№ 4

**Из выписки из протокола заседания Совета КИУ
Казань
25 апреля 1814**

[Л. 10–10 об. Подлинник]

1814 года апреля 25 дня в собрании Совета слушано было начертание правил благочиния студентов, представленное г. пр-ром Финке. Определено: при помощи Финке поручить перевести оные на российской язык переводчику [...] 2) перевод представить немедленно г. ректору⁸⁸³, который 3) для поспешнейшего течения дела сего передаст оной каждому факультету, назначив быть собранию каждого из оных в течение четырех дней для зделания начертаний сие своих замечаний. 4) факультеты по окончании заседаний сообщат г. ректору оные замечания для представления оных Совету.

№ 181

№ 5

**Из представления отделения врачебных наук
в Совет КИУ**

**Казань
31 марта 1815**

[Л. 26 об. Подлинник]

Отделение сие, вникая внимательно в «Правила благоустройства, для студентов сочиненные», как покойного г. пр-ра права Финке, так и замечание на оные от других факультетов сего университета, честь имеет представить таковые же вообще кратко и ясно выведенные на благоусмотрение и одобрение почтеннейшего Совета⁸⁸⁴.

Декан Фридрих Эрдман.

⁸⁸³ Имеется в виду И.Ф. Яковкин.

⁸⁸⁴ Эти правила в итоге и были приняты. См.: Правила благочиния для студентов КУ, 14 июня 1815 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб, 1866. Т. 1. Стб. 266–270.

№ 182—183

**Документы о научном путешествии в Иркутск
и Монголию кандидата О.М. Ковалевского
и студента А.В. Попова**

23—24 апреля 1828

[НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 1266]

№ 182

№ 1

**Инструкция пр-ра КИУ В.Я. Булыгина
О.М. Ковалевскому и А.В. Попову**

[Казань]

23 апреля 1828

[Л. 17–20 об. Подлинник. Перевод с франц., современный оригиналу. Текст на франц.: Л. 11–17. Опубликовано: Ab Imperio. 2009. № 3. С. 308–311]

1. Каждый из них должен иметь для себя дневную книжку; не вверяя ничего памяти, он обязан записывать в нее все, что он заметит верного или неверного в продолжение дня, и притом стараться описать случившееся с ним перед концом дня (исключая разве тогда только, когда непреодолимые препятствия не позволят ему сделать того), подробно и на языке, более употребительном, чтоб, в случае его смерти удобнее можно было понимать его. Таким образом говоря об одном и том же предмете, они придадут своему повествованию более занимательности, когда, не сговорившись между собою, будут рассматривать оный с различных точек зрения, и более вероятно, когда как отдельные свидетели, будут в мнениях своих согласны. Посему весьма немаловажно будет видеть наблюдения их о нравах, обычаях и склонностях могольских поколений, о естественной истории и физических свойствах земли их.

Даже противоречия, основанные на достаточных причинах, могут или служить доказательствами исторической истины, или приблизить неверные факты к более верному заключению. Сии дневные записки должны через каждые полгода отсылаться в Университет под казен-

ною печатью. Здесь они, может быть, подадут повод к новым замечаниям, на счет некоторых темных мест истории, географии и литературы Востока.

2. Они должны ласково обращаться с тамошними жителями, не противоречить их религии, не презирать ее, но, напротив, с должным вниманием вникнуть в догматическую, этическую и сциентическую части ламаизма, также в различные отступления оного в различных странах. В обхождении своем с ними они должны стараться приобретать новые познания и опыты в отношении их национального характера, народных преданий, разных связей между тончайшими и грубейшими их наречиями, их понятии о строении мира, физических явлениях и, наконец, в отношении их образа лечения болезней.

3. При покупке рукописей они должны смотреть не на красоту и драгоценность оных, но на верность содержания и на древность их хотя бы им не запрещали покупать церковные книги, однако особенное внимание им надобно обратить на получение словарей (как-то: Каган-у бид-шсан Монгол-учен-у тулии бидим, обнародованного по повелению государя Канге-ги⁸⁸⁵ в Пекине 1417⁸⁸⁶ года, 20 тетрадей в 8 1/2 п. л.), сочинений исторического, астрономического и медицинского содержания, и если таковые найдутся, стихотворений и книг, касающихся до естественной истории, географии и других наук; пусть поставят они себе долгом отыскать один или два экземпляра столько оспариваемого исторического сочинения Монгол-Кадуп Тогуджи, составленного Ссаранг Ссяценом⁸⁸⁷ (или Санан-Сяцен Кунге Тайджиме) и содержащего жизнь могольских царей, пусть осведомятся по тщательней, нет ли кроме всего еще других историй, которые бы, как напр[имер]: История Тай Юань ни битке⁸⁸⁸ и друг[ие], могли служить к подтверждению, опровержению

или распространению изложенных Ссаранг Ссяценом фактов.

4. Кроме сих первоначальных сведений, им необходимо должно заняться и встречающимися памятниками, надписями и монетами, описать оные или по крайней мере снять списки, сколько возможно точнее. Не бесполезно будет, если и ознакомятся с орудиями и домашними утварями⁸⁸⁹ могольских племен, с их одеждами, вообще со всеми предметами природы и искусства и т.д. и если заметят для себя не только употребления их, но и названия.

5. За всем тем при изучении предполагаемых языков не только одна теория должна быть предметом их стараний; настоящий выговор слов и отступления, которым подвергается разговорный язык, должен не менее привлекать их. Руководством к сему может им служить: *Abel-Remusat J.P. Recherches sur les langues tartares ou Memoires sur different points de la grammaire et de la litterature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours, et des Tibetaines. Paris, 1820*⁸⁹⁰. Впрочем, позволяется им распространить или опровергнуть сие сочинение, где они найдут оное не достаточным или не верным.

6. Так как оба путешественника получили уже классическое образование по другим языкам; то им самим можно было сообразиться, на что именно при изучении сих для них еще новых языков им надобно обратить особенное внимание.

Отдельные вопросы:

1. Что должно разуметь под словом «солонagos»? Так ли, или «саллангос» должно произносить оное? Действительно ли моголы называют оным жителей Кореи, которые у юань именуются солго?

2. Означается ли и нынче еще под словом «сартол» земля Сарти или бывшая Бихария⁸⁹¹ с западную частью Ма-

⁸⁸⁵ Имеется в виду Кан-си.

⁸⁸⁶ Тут ошибка. Публикация словарей императором Кан-си относится к 1710–1716 гг.

⁸⁸⁷ Речь идет о Санан Сэцэне.

⁸⁸⁸ Обнародованная по повелению царя Хитву в 1644 г. и состоящая из 14 тетрадей в двух больших фолиантах; Джидамани Аррикал, могольский перевод с тибетской книги Нор-ву принг ва, и многие другие. (Примеч. авт.)

⁸⁸⁹ Последние три слова приписаны на полях.

⁸⁹⁰ Имеется в виду известный французский ориенталист Ремюза Жан Пьер Абель и его труд «Исследования о языках татар или мемории о разных грамматиках и литературах маньчжуров, монголов, уйгуров и тибетцев» (Париж, 1820).

⁸⁹¹ Речь идет о Бухарии.

лой? В каком смысле оно было принимаемо у могольских писателей?

3. Под каким именем встречаются у моголов горы Алтайские и река Иртыш?

4. Что значило у прежних моголов выражение: Чингис, имя знаменитого их завоевателя, и что значит оно теперь? Значит ли оно: великий, славный, или значит свинья, каковым названием они, может быть, хотели показать, что он родился в яре свиньи, или птицы подобной фениксу, или тоже что татарское «денгис» — «океан», так что Чингисхан, таким образом, мог бы быть принят за обладателя океана, всемирного, неограниченного властелина; или происходит оно от некоторого крика птицы, похожего на сие название, который моголы приняли за счастливое предзнаменование будущей славы избираемого ими владетеля; или от слова Чино, волк синеватого цвета, по коему бы Чингисхан происходил от фамилии ханов Ту Кун?

5. Что значит слово «моголы» или «монголы», когда началось сие значение, когда вошло оно в употребление, и нет ли каких-нибудь следов в исторических сочинениях или народных преданиях, что они прежде некогда назывались «бида» или «биде», потому что китайцы всех варваров, обитающих от них к северу и принадлежащих к тунгузскому племени, означали сперва общим именем пе-ти, как напр[имер] аравитяне придавали персиянам название [...] Было ли сие имя впоследствии времени принято между моголами как имя народа и страны, как то имело место у персиян, или было это древнее тибетское наименование моголов; или означало ли, наконец, оно какое-нибудь уйгурское племя?

6. Что известно могольским поколениям из их преданий о начале манджу; откуда производят они сие имя, из собственного ли языка или китайского, на котором оно обозначает весьма обширную провинцию?

7. Нет ли у тунгузов собственного национального имени для себя? Что значит выражение «бойе» или «бие», или «донке», от коего обыкновенно производят слово «тунгуз», приданное им в Сибири? Как манджу называют

тунгузов, и как опять они именуют себя в различных странах, напр[имер], на берегах Охотского моря или Байкальского озера?

8. Происходит ли теперешнее название реки Енисей от Йоандесси, коим обозначалось верхние владения тунгузов?

9. Какое письмо разумеют моголы под словом «доербелджеин» или «квадратное письмо», упоминаемое Араб-шахом и изобретенное, как полагают, великим их ламою Паспою или Пакбою⁸⁹²? Был ли он некогда в употреблении и нет ли еще в сем случае монет напр[имер], от Кублая хана, которых надписи были бы или в целости, или только частью вычеканены сим почерком?

Само собой разумеется, что все сии вопросы не должны быть просто разрешимы словами: да, нет. Долг языковедца — показать в точности начало, смешение, и искажение различных фактов, очистить и объяснить оные критикою, присовокупить время события, почерпнутые из истории или преданий, и повсюду сопровождать оные несомненными доказательствами существования или не существования их.

№ 183

№ 2

**Предписание М.Н. Мусина-Пушкина Совету КИУ
«об отправлении О.М. Ковалевского и А.В. Попова
в Иркутск для обучения монгольскому языку»**

Казань

24 апреля 1828

[Л. 1—2. Подлинник. Опубликовано: Ab Imperio. 2009. № 3. С. 306—307]

Г. министр народного просвещения⁸⁹³, по представлению моему, изъявил от 9 сего апреля за № 2206, согласие, что бы находящиеся при КУ кандидат Ковалевский и

⁸⁹² Речь идет о ламе Пагбе, Лочо Гьячан, который за основу тибетского письма, принятого в 1269 г., взял «квадратную письменность».

⁸⁹³ Имеется в виду А.С. Шишков.

оканчивающий курс учения студент восточной словесности Попов, по случаю предполагаемого умножения кафедр восточных языков в КУ, отправлены были в Иркутск к служащему там переводчиком г. ст. с. Игумнову, на четыре года для изучения монгольского языка, с производством им на содержание, сверх прогонов, которые будут отпускаться по числу верст, ежегодно Ковалевскому по тысяче, а Попову по пятисот рублей и каждому на подъем единовременно по пятисот рублей из сумм, назначенных на выдачу и прогоны студентам, определяемым к должностям в учителя, и по тысячи рублей ежегодно на покупку книг монгольских и манчжурских на следующих, г. министром утвержденным основаниях:

1. Попов будет находиться под непосредственным надзором, во всех отношениях, кандидата Ковалевского, который заслужил доверенность начальства своего.

2. 1000 рублей, ежегодно назначенные на покупку книг монгольских и манчжурских, отпускаемы на ответственность кандидата Ковалевского, который должен ежегодно доносить университету о купленных им книгах и рукописях, представлением отчета в сих деньгах.

3. Книги и рукописи сии кандидат Ковалевский по возвращении должен представить в КУ и они останутся собственностью университета.

4. Кандидат Ковалевский и студент Попов, приобретая нужные сведения для преподавания монгольского языка и доказав сие на опыте, займут по возвращении их в Казань первое место пр-ра сего языка, а второй адъюнкта при КУ или при предполагаемом Восточном институте.

Уведомляя о сем Совет КУ для надлежащего сведения, предлагаю:

1. Уволить кандидата Ковалевского от занимаемой им ныне должности помощника инспектора казенных студентов с 1 наступающего мая, объявив ему мою совершенную благодарность за усердное, деятельное и ревностное исполнение означенной должности.

2. Подвергнуть испытаниям студента Попова, дабы он мог, ежели будет удостоен, получить звание действи-

тельного студента, потому что до окончания курса остается только один месяц.

3. Объяснить кандидату Ковалевскому и студенту Попову, что я их отправлю в Иркутск, при надлежащих от меня отношениях к г. генерал-губернатору Восточной Сибири и с. с. Игумнову в исходе наступающего мая месяца. Об отпуске им следующих денег я вместе с сим предложил Правлению университета.

№ 184

**Донесение пр-ра КИУ Э.И. Эйхвальда Совету КИУ
о научном путешествии по Каспийскому морю
и по Кавказским горам**

Казань

15 октября 1826⁸⁹⁴

[НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 933. Л. 81. Подлинник. Опубликовано: Ab Imperio. 2009. № 3. С. 314–315]

Представляю при сем краткое описание моего путешествия, я надеюсь, что Совет университета не откажет мне, как в собственном своем мнении, так и, ходатайством, дать справедливую цену тем трудам, которые должны были вознаградить малое пособие в деньгах для такого рода путешествия, при обширности исследований и в опасных странах, населенных дикими народами. При той ревности и любви к наукам, которые одушевляли меня в продолжении путешествия, я не могу сожалеть о трудах, мною понесенных, потому что, не смотря на все препятствия, мне удалось проникнуть далее, нежели где были Паллас, Гмелин, Гильденштадт⁸⁹⁵ и увеличил их открытия новыми произведениями природы. И так я почту себя в полной мере вознагражденным, если мое желание исполнится и Совет благоволит исходатайствовать от г. мини-

⁸⁹⁴ Помета: Совет КУ слушал донесение Эйхвальда 16 октября 1826 г.

⁸⁹⁵ Имеется в виду А.И. Гильденштедт.

стра⁸⁹⁶ скорые средства к тому, чтоб описание моего путешествия могло быть издано на немецком языке на счет казны, с гравировкою хорошей работы. Сочинение должно быть весьма обширное, до того, что необходимо будет разделить его на 2 части; гравированные листы также в большом количестве. Об этом обстоятельстве нахожу нужным упомянуть за тем, чтобы можно было наперед сколько-нибудь судить об издержках.

№ 185—187

**Документы «об отправлении магистров
И.Н. Березина и В.Ф. Диттеля на 3 года
в ученое путешествие по Европейской Турции,
Малой Азии, Персии, Сирии и Египту»
20 ноября 1841 — 31 марта 1851**

[НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 2450]

№ 185

№ 1

**Из предписания М.Н. Мусина-Пушкина Совету КИУ
Казань
20 ноября 1841**

[Л. 1—1 об. Подлинник. Опубликовано: Ab Imperio. 2009. № 3. С. 316]

Совету КУ известно, что казеннокоштные магистры восточной словесности Диттель и Березин предназначаются к ученому поприщу при университете. Для успешного и вполне удовлетворительного приготовления к этому назначению г. министр народного просвещения⁸⁹⁷, вследствие представления моего, входил с запискою в Комитет гг. министров об исходатайствовании Высочайшего Его Императорского величества⁸⁹⁸ повелении: магистров Диттеля и Березина отправить июнь будущего 1842 года

⁸⁹⁶ Имеется в виду А.С. Шишков.

⁸⁹⁷ Имеется в виду С.С. Уваров.

⁸⁹⁸ Имеется в виду император Николай I Павлович.

на 3 года в ученое путешествие по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии и Египту для приготовления к занятию со временем в университете кафедр языков арабского, персидского и турецко-татарского, с отпуском на их содержание во время путешествия, на путевые издержки и на наем в разных местах учителей по тысячи триста пятьдесят рублей серебром в год, каждому из хозяйственных сумм университета.

№ 186

№ 2

**«План ученого путешествия по Востоку магистров
КУ В.Ф. Диттеля и И.Н. Березина», составленного
А.К. Казембеком**

Казань

27 ноября 1841⁸⁹⁹

[Л. 7—25 об. Типографская печать. Опубликовано: Ab Imperio. 2009. № 3. С. 317—334]

Глава первая

Время, потребное для путешествия, распределение его сообразно с местностями и временами года

1. Время и порядок путешествия.

Время, потребное для ученого путешествия гг. магистров восточной словесности Диттеля и Березина по Востоку, со дня оставления ими КУ должно продолжаться не менее 3-х лет; из них собственно на путешествие по восточным странам, вне русской границы, полагается с небольшим два года с половиною, а остальные за тем без малого полгода — на проезд по России туда и обратно, на карантин, и непредвиденные задержки.

Положенные на пребывание за границей два с половиною года будут разделены следующим образом: 10 ½ месяца в путешествие по Персии; 1 ½ месяца на проезд через восточную часть Турции; три месяца на путешествие

⁸⁹⁹ Дата утверждения «Плана путешествия...» министром народного просвещения С.С. Уваровым.

по Сирии; четыре месяца по Египту; 2 ½ месяца на пребывание в Смирне⁹⁰⁰, на посещение части Малой Азии и на дорогу в Константинополь, за тем десять месяцев на пребывание собственно в Константинополе, и на непродолжительные поездки для посещения любопытных мест северо-западных частей Анатолии и юго-восточных Румелии⁹⁰¹. Всего на пребывание за границей полагается 31 ½ месяца.

Чтобы соединить выгоды с удобствами в предполагаемом путешествии, молодые ориенталисты должны сперва посетить Персию, потом Сирию, после того Египет, а в заключение Турцию.

Примечание: выгоды и удобства такого распределения состоят в следующем:

а) Предварительное усовершенствование в персидском и арабском языках необходимо и полезно для усовершенствования себя в языке турецком. Высший книжный язык турецкий, будучи по большей части составлен из чистых персидских оборотов и арабских слов, отличных только кое-где грамматическими изменениями турецкого, необходимо требует предварительно хорошего знакомства с персидским и арабским языками. Эта истина может быть подтверждена тем, что всякий персиянин, основательно знающий свой язык, не имея даже никакого практического знания в турецком, посредством одной грамматики последнего, лучше поймет самые трудные и замысловатые сочинения на турецком, как то: Ризы⁹⁰², Аги и других подобных авторов, чем природный турок, не знающий ни персидского, ни арабского. Таким образом, молодые путешественники, усовершенствовавшись в Персии в языке этой страны, обогативши запасы своего знания в

арабском посредством путешествия по Сирии и Египту, приготовят себя с тем вместе к отчетливому постижению языка Турецкого, так что в Турции они не будут уже нуждаться во многом времени для изучения этого языка; но, напротив того, имея более досуга, будут в состоянии посвятить его другим полезным отраслям высших познаний.

в) Если же, путешествуя сначала по Турции и усовершенствовавшись там в турецком языке, они потом прибыли бы в Персию, где не будет практики в чистом оттоманском наречии в продолжение десяти месяцев, они бы очень легко могли более или менее утратить свое знание в этом наречии еще прежде своего возвращения в Россию; тогда как, изучив сначала персидский язык в Персии, по прибытии в Турцию они могут в полной мере поддерживать в нем свои сведения, посредством разговоров с лицами высшего круга и образованного сословия.

с) Посетив сперва Азербайджан, молодые путешественники могут упражняться в азербайджанском турецком наречии, и тем, обогатив свои сведения, уже приобретенные в КУ в наречиях тюркских, более приспособят себя к скорейшему изучению чистого и высшего турецкого идиома.

d) Распределение таким образом путешествия сокращает путь и представляет более удобства в распределении самого времени.

2. Общий маршрут.

На этом основании общий маршрут путешественников должен быть следующий: из Казани в Астрахань, из Астрахани Каспийским морем (чтобы избежать опасностей, встречающихся на пути между Кизляром и Дербендом⁹⁰³) в Дербенд, потом сухим путем через Кубинскую, Бакинскую, Шекинскую и Карабахскую провинции, в Тавриз⁹⁰⁴; а оттуда через Гилян и Мазандеран⁹⁰⁵ в Тегеран. Эти последние две страны: Гилян и Мазандеран — были менее

⁹⁰⁰ Смирна — античный город, один из старейших древнегреческих городов в Малой Азии. Сегодня развалины города расположены на территории турецкого города Измир.

⁹⁰¹ Анатолия и Румелия — две провинции Османской империи. Анатолия занимала территорию Западной Анатолии (Малой Азии). Румелия, европейские владения Османской империи, с 1836 г. была ограничена македонскими и албанскими землями.

⁹⁰² Имеется в виду Сеид Мухаммед Риза.

⁹⁰³ Имеется в виду город Дербент.

⁹⁰⁴ Тавриз — город на северо-западе Ирана, административный центр провинции Восточный Азербайджан.

⁹⁰⁵ Имеются в виду Гилян и Мазандеран — провинции на севере Ирана.

посещаемы Европейцами, и внимательным путешественникам, без сомнения, представят еще обильные случаи к новым наблюдениям. Желательно, чтобы оба ориенталиста, как в этом случае, так и вообще, избирали преимущественно неизвестные еще или мало проезжие пути, потому что боязливое следование по большим дорогам может представить им только такие замечания, которые уже прежде были делаемы другими путешественниками и, по большей части, должны быть известны. Но в случае, что гг. магистрам Диттелю и Березину встретятся на пути какие-либо важные непреодолимые препятствия, им предлагается и другой кратчайший и удобнейший путь из Тавриза в Тегеран, именно через Казбин⁹⁰⁶. — Потом из Тегерана они отправятся в Испаган⁹⁰⁷, затем в Шираз⁹⁰⁸, а здесь, посетив Истахр⁹⁰⁹, Хазерун⁹¹⁰ и Шапур⁹¹¹, они поднимутся через Хузистан⁹¹² к берегам Тигра, проведя здесь несколько дней между Тигром и Ефратом и посетив Хилле⁹¹³, около которого видны великолепные остатки древнего Вавилона, они проедут в Багдад. Из Багдада отправятся прямо в Мусюль⁹¹⁴, отсюда в Диарбекр⁹¹⁵; из Диарбекра повернут влево в Семисат⁹¹⁶; а из Семисата поедут

прямо, или через Бор⁹¹⁷, в Искендерун⁹¹⁸. Отсюда начинается путешествие по Сирии.

Из Искендеруна путешественники отправятся в Алеппо⁹¹⁹, потом в Антакию⁹²⁰ или Антиохию, отсюда в Тадмор⁹²¹ или Пальмиру, отсюда в Бальбек⁹²² и затем в Дамаск. Из Дамаска они поедут в Акр⁹²³, в Яффу⁹²⁴, в Иерусалим, потом Газ⁹²⁵, где они приготовятся к отъезду водою в Александрию.

Здесь начало путешествия по Египту. Из Александрии по каналам они спустятся в Нил и возьмут направление вверх к Каиру; от Каира, посетив любопытные окрестные места, поднимутся еще вверх по Нилу, сколько позволяют им обстоятельства, и, если можно, даже до самых Фив (развалин). Отсюда тем же путем будут возвращаться к Каиру, а от Каира, взявши направление по дельте к северо-востоку, проникнуть в Дамьетту⁹²⁶, откуда морем отправятся в Смирну.

Отсюда начинается путешествие по Турции. Из Смирны гг. Диттель и Березин углубятся в Малую Азию для посещения любопытных мест; возвратившись оттуда, отправятся морем в Константинополь. Из Константинополя

⁹⁰⁶ Имеется в виду Казвин — город на севере Ирана, административный центр провинции Казвин.

⁹⁰⁷ Имеется в виду город Исфахан, административный центр провинции Исфахан.

⁹⁰⁸ Шираз — город на юге Ирана, административный центр провинции Фарс.

⁹⁰⁹ Истахр — древний город на юге Ирана, она из столиц Сасанидского Ирана; сейчас административно входит в шахрестан Марвдашт провинции Фарс.

⁹¹⁰ Имеется в виду Казерун — город в Иране, в провинции Фарс.

⁹¹¹ Вероятно, имеется в виду Бишапур — древний город в Южном Иране, чуть севернее Казеруна, одна из столиц Сасанидского Ирана.

⁹¹² Хузистан — провинция на юго-западе Ирана.

⁹¹³ Имеется в виду Хилла — город в центральной части Ирака, административный центр провинции Бабиль.

⁹¹⁴ Имеется в виду Мосул — город на реке Тигр, на севере Ирана, административный центр провинции Найнава.

⁹¹⁵ Имеется в виду Диарбакир — город на реке Тигр, на юго-востоке Турции, административный центр провинции Диарбакир.

⁹¹⁶ Имеется в виду Самосата — город на западном берегу Евфрата, столица древней сирийской провинции Коммагены. После строительства в 1989 г. плотины Ататюрка город был затоплен. Рядом расположен новый город Самсат провинции Адьяман в Турции.

⁹¹⁷ Бор — город в провинции Нигде в Турции.

⁹¹⁸ Искендерун — город в провинции Хатай на юге Турции.

⁹¹⁹ Алеппо (Халеб) — город в северной части Сирии между реками Оронтом и Евфратом, центр одноименной провинции.

⁹²⁰ Имеется в виду Антакия (Антахия, Антиохия-на-Оронте) — город на юге Турции, административный центр провинции Хатай. Город основан в 300 г. до н. э. Селевком I Никатором.

⁹²¹ Тадмор (Пальмира) — некогда цветущий город, ныне бедная деревушка в Сирии, знаменитая развалинами величественных сооружений, памятниками последней поры древнеримской архитектуры. Лежит в одном из оазисов пустыни между Дамаском и Евфратом.

⁹²² Имеется в виду Бальбек — древний город в Ливане.

⁹²³ Имеется в виду Акра (Акко) — город в северо-западном Израиле на берегу Средиземного моря.

⁹²⁴ Яффа — один из главных портов Древнего Израиля и один из древнейших непрерывно населенных городов мира. В 1950 г. объединена с Тель-Авивом.

⁹²⁵ Имеется в виду Газа — город в провинции Газа Палестинской автономии; один из древнейших городов мира.

⁹²⁶ Имеется в виду Думьят (Дамьетта) — портовый город в Египте на Средиземном море в дельте Нила; административный центр губернаторства Думьят.

при удобных случаях они могут делать непродолжительные экскурсии в Анатолию и Румелию, а потом, окончательно простившись с Турцией, морем отправятся в Одессу и, объехав Крым, возвратятся в Казань.

3. Приблизительное распределение времени по местности.

Положенные 2 с половиною года путешествия вне России должны быть разделены приблизительно по тем странам и городам, где молодым ориенталистам назначается быть, так, однако ж, чтоб это распределение не слишком стесняло путешественников и не лишало их свободы вести какое-либо изменение сообразно с местными и временными обстоятельствами. Гг. Диттель и Березин, имея в виду извлечение существенной и, по возможности, большей пользы для собственного любознания, постараются дорожить своим временем и употребить его преимущественно для целей лингвистических, указанных им начальством. Таким образом, вот приблизительно со всею возможною точностью, но необходимо допускающее разные отклонения, по мере встречающихся обстоятельств.

А. Распределение времени, полагаемого на путешествие от Казани до Тавриза.

На проезд от Казани до Дербенда полагается около одного месяца; а от Дербенда до Тавриза около двух месяцев, а именно: 10 дней собственно на пребывание в Дербенде и осмотр тамошних достопримечательностей, 10 дней в Баку и 25 дней на пребывание в Шамахе⁹²⁷, Кандже⁹²⁸, Шуше⁹²⁹ и прочих городах вышеупомянутых провинций; собственно же на дорогу от Дербенда до Тавриза можно употребить до 12 дней, или не более полумесяца. Таким образом, весь проезд от Казани до Тавриза — надобно окончить в течение не более 3-х месяцев; и время это принимается в счет 3-х летнего срока, но не тех

двух с половиною годов, назначаемых на исключительное пребывание за границей.

В. На путешествие по Персии.

Отсюда начинается путешествие по собственной Персии, на которое определяется с небольшим десятимесячный срок. Распределить его должно следующим образом:

а) На пребывание в Тавризе — 2 месяца;

б) На проезд из Тавриза в Тегеран, и на пребывание в Ардебиле⁹³⁰, Реште⁹³¹, Казбине или в Мазандеране (если будет избрана дорога не через Казбин) — один месяц;

с) На пребывание в Тегеране — 2 месяца;

д) На дорогу от Тегерана до Испагани — не более полумесяца;

е) На пребывание в Испагани — полтора месяца;

ф) На дорогу из Испагани в Шираз — 2 недели;

г) На пребывание в Ширазе и посещение Истахра или Персеполиса⁹³² — 2 месяца;

и h) На дорогу через Хузистан в Ирак-Араби и на посещение Хазеруна и Шапура — один месяц;

Итого 10 ½ месяцев.

С. На путешествие по части Турции.

На дорогу до Искендеруна полагается около полутора месяца, а именно:

а) На посещение Хилле, развалин Вавилона, и пребывание в Багдаде — не более полу-месяца;

б) На дорогу от Багдада в Мусюль, от Мусюля в Диарбекр, потом в Семисат, а оттуда в Искендерун, и на пребывание в этих городах — не более одного месяца.

Итого 1 ½ месяца.

Д. На путешествие по Сирии.

Время, положенное на путешествие по Сирии, распределяется в следующем порядке:

⁹²⁷ Имеется ввиду Шемаха (Шамахи) — город в Азербайджане, административный центр Шемахинского района.

⁹²⁸ Вероятно, имеется ввиду Гянджа — город подножия хребта Малый Кавказ; в 1806—1918 гг. назывался Елизаветполь.

⁹²⁹ Шуша — город в Нагорном Карабахе.

⁹³⁰ Ардебиль — древний город на северо-западе Ирана в Иранском Азербайджане; административный центр провинции Ардебиль.

⁹³¹ Решт — город в Иране, центр провинции Гилян.

⁹³² Имеется ввиду Персеполь — древнеперсидский город, возникший в VI—V вв. до н. э., столица империи Ахеменидов; административно входит в шахрестан Марвадшт провинции Фарс в Иране.

- а) На дорогу до Алеппо и пребывание в этом городе — не более полумесяца;
- б) На проезд в Антакие, а потом в Тадмор или Пальмиру и на пребывание в этих городах — полумесяца;
- с) На проезд в Триполи, в Баальбек и потом в Дамаск и на пребывание в этих городах — 20 дней;
- д) На посещение разных любопытных мест и пребывание в Иерусалиме — один месяц;
- е) На проезд в Газу и приготовления к пути — десять дней.

Итого 3 месяца.

Е. На путешествие по Египту.

Приехав морем в Александрию, не более как в пять дней, путешественники расположат свое время следующим образом:

- а) На пребывание в Александрии и обозрение достопримечательностей — 20 дней;
- б) На проезд до Каира и на остановки по дороге для осмотра любопытных мест — 10 дней;
- с) На пребывание в Каире — два месяца;
- д) На посещение пирамид, путешествие по Верхнему Египту и на возвращение один месяц.

Итого 4 месяца.

Примечание. Если молодым людям представится случай подняться вверх по Нилу, то употребленное на то время не включается в число положенных трех лет; но во всяком случае оно не должно превышать одного месяца сверх определенного времени.

Ф. На путешествие по Малой Азии и Европейской Турции.

- а) Из Дамигетты молодые путешественники вероятно не более как в три недели приедут в Смирну;
 - б) На пребывание в Смирне, посещение любопытных мест и поездку в древнюю Лидию назначается — 1 месяц с недель;
 - с) На дорогу в Константинополь — $\frac{1}{2}$ месяца;
 - д) На пребывание в Константинополе и непродолжительные поездки в Анатолию и Румелию — 10 месяцев.
- Итого $12\frac{1}{2}$ месяцев.

Г. На обратный путь в Россию.

Обратный путь из Константинополя в Казань предполагается совершить через Одессу и Крым в $1\frac{1}{2}$ месяца. Таким образом все время отсутствия гг. Диттеля и Березина составит 36 месяцев, из которых $4\frac{1}{2}$ месяца они проведут в границах империи, а $31\frac{1}{2}$ месяца вне России.

4. Распределение времени путешествия, сообразно с[о] временами года.

Но чтобы путешествие по означенным странам удобнее приноровить к переменам года, самое время выезда из Казани молодых ориенталистов должно быть соображено и избрано с надлежащею осмотрительностью. Всего полезнее признается выехать им из Казани в начале июня, так чтобы в начале сентября быть в Тавризе. В таком случае они избегнут зноя летних месяцев в неблагоприятных климатах Сирии, Египта и одной части Малой Азии, где должны будут пробывать по нескольку месяцев; они проведут сентябрь и октябрь в Тавризе, ноябрь на дороге от Тавриза до Тегерана, и здесь останутся весь декабрь и январь; далее на дорогу в Испагань и пребывание в сем городе употребят февраль и март, потом апрель, май и июнь будут на дороге в Шираз и Шапур. Самое жаркое время, т.е. июль и август, они будут в Ирак-Араби и на дороге в Искендерун. По Сирии им придется путешествовать в течение сентября, октября и ноября; по Египту — в декабре, январе, феврале и марте месяцах. За тем апрель и май употребят на переезд в Смирну, пребывание в этом городе и дорогу от Смирны до Константинополя. Наконец, пробыв в Константинополе 10 месяцев, они в апреле следующего года оставят столицу Оттоманской империи и в июле прибудут в Казань.

Глава вторая

Места и предметы по дороге, заслуживающие внимание путешественников

Так как молодые ориенталисты уже хорошо знакомы со всеми памятниками и драгоценностями Азии, описанными новейшими путешественниками, то здесь неуместно бы было исчислять и указывать в подробности те именно

предметы, на которые должно быть направлено их внимание. Но вместе с тем не лишнее привести на память названия нескольких весьма замечательных мест, посещение которых столь любопытно и важно для просвещенного путешественника.

а) В Закавказских краях, в Персии и по берегам Евфрата.

В Дербенде молодые путешественники будут рекомендованы члену-корреспонденту КУ Ахунту-аджи-Мулле-Таки и другим лицам, которые не замедлят представить им случай видеть все достопримечательности этой древней крепости. Особенно заслуживает там внимание антиквария, [...] ⁹³³ или Сорока кладбище ⁹³⁴, заключающее в себе сорок памятников, воздвигнутых в честь мусульманам, убиенным как говорит предание, во время похода Сюлеймана или Сельмана Багили ⁹³⁵ против хазаров, во второй половине седьмого столетия. (Дербенд-наме ⁹³⁶, отделение X). Тут же следует посетить им памятник Фетх-Али-хана ⁹³⁷.

В Баку, Шемахе и других городах гг. Диттель и Березин будут посещать древние остатки, лежащие около этих мест и по дороге; в особенности из них примечательны храм индийцев или индийские огни (атешхедг), около 15 верст к северо-востоку от Баку ⁹³⁸, почти на самом конце Апшеронского полуострова; и в Карабахском округе остатки древнего Берда ⁹³⁹, под которым иные разумели древнейший город амазонов, некогда населявших эту страну, а другие театр войны Александра Великого с русскими. Между этими остатками упоминаются развалины мечети, обязанной началом Гарун-юр-решиду ⁹⁴⁰, архитек-

туры сходной с мечетью, им же выстроенной в Багдаде; здесь же следы древних храмов огнепоклонников.

В Ирак-Аджели ⁹⁴¹, кроме многих древних следов Зороастрова учения, примечательны и некоторые новейшие здания в Испагани, как то великолепные гробницы персидских монархов с разными надписями и любопытная башня, сложенная из голов животных, наподобие башни Бюрджи-Руусь, построенной из черепов человеческих, в варварийских владениях в Триполи.

Примечание. Эта испаганская башня воздвигнута шахом Аббасом в память усмирения бунта, возникшего в Исфагани в начале его царствования: он дал клятву поставить башню из голов бунтовщиков; но когда мятежники усмирились, то снисхождение шаха и данная клятва заставили его заменить черепы человеческие головами животных; и каждый участник возмущения должен был представить по одной такой голове за свою собственную.

Число достопримечательностей, настоящих древнефарсских, умножается собственно в Фарской провинции, ими наполнены дороги между Ширазом, Казеруном и Шапуром. В этих местах видно множество памятников, следов древнейших укреплений, или замков, из которых 16 сохраняли еще свою важность во время Альказвиния ⁹⁴² (в начале XIV столетия) и преувеличенное число которых, по словам автора Сюверюльбельдана, доходило в древности во всем Фарсе до 5000. Не смотря, однако ж, на это преувеличение, до сих пор, говорит Узли, видны сотни таких остатков, и самые слова Кемфера ⁹⁴³: *Nec enim vallem peregraveris, quae non in adsiti montis cacumine, vestigium quoddam munimenti praebeat* ⁹⁴⁴, некоторым образом оправдывают истину предания.

⁹³³ Опущено арабское слово.

⁹³⁴ Речь идет о кладбище Кырхляр в Дербенте.

⁹³⁵ Имеется в виду арабский полководец Салман ибн Раби, который участвовал в военном походе на Хазарский каганат в 652–653 гг.

⁹³⁶ Имеется в виду Дербент-наме — дагестанское историческое сочинение.

⁹³⁷ Имеется в виду Фатали-хан.

⁹³⁸ Речь идет об Атешгяхе — храме огнепоклонников в 30 км от Баку.

⁹³⁹ Имеется в виду г. Барда, расположенный в Карабахской равнине на реке Тергер в Азербайджане. Древний город Барда (V в. н. э.) — столица Кавказской Албании, древнего государства в Восточном Закавказье.

⁹⁴⁰ Имеется в виду Харун ар-Рашид.

⁹⁴¹ Ирак-Аджели — провинция Ирана на юго-западном берегу Каспийского моря.

⁹⁴² Речь идет о Казвини Мостоуфи.

⁹⁴³ Имеется в виду Э. Кемпфер.

⁹⁴⁴ Вероятно, следует: «*Nec enim vallem peregrareris, quae non in adsiti montis cacumine, vestigium quoddam munimenti praebeat*»: «Ибо не было прохождения долины, не было вершины холма, на которых не было бы следа постоянного укрепления» (лат.).

Остатки Персеполиса (Истахра), невдалеке от Шираза, памятники Казеруна и в особенности Шапура, суть предметы, достойные полного внимания путешественников, и если они уже описаны многими весьма учеными и любознательными мужами, то все-таки не должны быть опущены из виду нашими ориенталистами и, может быть, представят им еще несколько новых, необъясненных сторон.

Поднимаясь через Хузистан к Ирак-Араби, путешественники с особенным благоговением приближаются к роскошным и чудным местам, расположенным между Евфратом и Тигром; по богатству здешней природы, многие ученые предполагали, будто здесь находился некогда рай ветхого завета. По крайней мере, и доселе сохранено здесь много остатков древностей, о начале которых любознательный свет остается еще в неведении. Около Хилле, по обоим берегам Евфрата, красуются громадные руины древнейших зданий, в которых общий голос антиквариев признает некогда могучий и великолепный Вавилон. В 20 милях к югу от Багдада на восточном берегу Тигра виднеются развалины славного и цветущего во время императора Идлияна⁹⁴⁵ города Ктезифона⁹⁴⁶, который в соединении с остатками Селюции (Селевкии)⁹⁴⁷, расположенными на западном берегу той же реки, под первым своим наименованием Кош, составлял резиденцию государей Сасанидской династии под арабским названием Аль-Медаин, т.е. города⁹⁴⁸.

b) В Сирии.

Как близ Алеппо, так и по дороге от Триполи к Дамаску, взоры путешественника невольно останавливаются на

предметах, снова привлекающих особенное его внимание. В Баль-беке или древнем Гелиополисе, достойны посещения весьма важные по своей древности остатки зданий, которых начало принадлежит временам дохристианским, и по словам туземцев — Соломону. Далее к северо-востоку от Дамаска и к юго-востоку от Алеппо, вызывает внимание любопытных Тадмор, или Пальмира, основание которой приписывается Соломону. К ней ведет неширокая равнина, наполненная остатками древностей, и между ними примечательны развалины коринфской колоннады, простирающейся слишком на 63 сажени в объеме, и едва заметные уже развалины храма Солнца.

c) В Египте.

При имени Египта у всякого невольно рождается мысль об обилии его памятников. При одном этом названии идеи теснятся в голове антиквария. В памяти воскресает древнейшая слава этой дивной страны, под правлением баснословных богов, и могучих царей, которых громадные памятники изумляют поныне первых художников и мыслителей Европы. Ум наш благоговеет при той высокой человеческой мудрости, которая эту страну возвысила на такую степень благоденствия и образованности; и сердце наше наполняется священным восторгом, когда вспомним, что сюда Бог ниспослал первого законодателя, для спасения избранного им народа, здесь открыл убежище своему единородному Сыну, гонимому подозрительным и коварным властителем. Умолчим о гигантских памятниках этой древней страны, с лишком 3000 лет вызывающих на соперничество все изящное, чудное и величественное позднейших времен, и не получивших до сих пор ответа на свой вызов, непобежденных самою природою, неодряхлевших от бремени веков; умолчим, говорю, о пирамидах, которые донныне так гордо красуются на юго-востоке от Каира; сколько еще других предметов приковывает взоры любознательных путешественников.

Молодые ориенталисты наши должны в Александрии обратить внимание, на развалины древнего памятника Александра Великого со всеми малочисленными, но ве-

⁹⁴⁵ Вероятно, речь идет о римском императоре Адриане, который в 117 г. был вынужден вернуть Парфию завоеванный в 116 г. императором Траяном город Ктезифон, малую столицу и один из важнейших городов этого государства.

⁹⁴⁶ Ктезифон — один из крупнейших городов поздней Античности, стоявший примерно в 32 км от Багдада ниже по течению Тигра; столица Сасанидского государства.

⁹⁴⁷ Речь идет о Селевкии-на-Тигре, древнем городе (основан в 305 г. до н. э.), развалины которого известны под именем Тель-Умар и находятся в 25 км к югу от Багдада.

⁹⁴⁸ Речь идет о двух городах.

ликолепными его остатками, как то: колонною, воздвигнутою Юлием Цезарем, в воспоминание своей победы над Помпеем, и поныне носящей это имя, обелиском Клеопатры и др. На востоке или юго-востоке от этого города достопримечателен как своею формою, так и красотою длинный остров Фарос, на бесшумном уголке которого в первый раз ветхий завет был переведен с еврейского языка на греческий 72 мудрецами-толковниками, в царствование Птолемея Филадельфа⁹⁴⁹, старанием Димитрия Фалерейского⁹⁵⁰. По дороге к Каиру заслуживают замечания развалины древнего Саиса⁹⁵¹, месторождение Платона. На востоке от Каира не менее любопытны остатки Гелиополиса, и на юг от них развалины Вавилона Египетского.

Сверх выше указанных памятников много еще других встречается по дороге, означенной для молодых путешественников. Они им отчасти уже известны из сочинений, бывших у них под руками в продолжение университетских занятий, но собственная наглядность еще более утвердит и упрочит в них участие к дивным произведениям древнего и нового искусства, возбудит ум их к самостоятельности и, может быть, к новым критическим воззрениям.

Глава третья

Правила занятий и обязанности гг. Диттеля и Березина во время путешествий

1. Правила занятий.

Предполагая, что молодые ориенталисты уже приобрели в КУ достаточный запас знаний в восточных языках, так что им остается только дополнить и обогатить его практическими занятиями, как то: разговором, чтением трудных авторов и сочинениями на природных языках туземцев, — курс таких практических занятий должен быть разделен следующим образом:

а) В Персии.

1. Сверх непрерывных разговоров на персидском языке, которые, без сомнения, в скорейшее время откроют молодым ориенталистам путь к успехам в остальных их трудах, по приезде в Тавриз, они не замедлят нанять учителей персидского и арабского языков. Учитель персидского языка должен посещать их приблизительно три раза в неделю, каждый по два часа. С ним путешественники будут заниматься чтением манускриптов почерка насталик и объяснением трудных мест на простом разговорном языке. На первый раз рекомендуются им не столь трудные сочинения, как то: Тарихи-Аббаси, Реузетюссефи и т.п. — Учитель арабского языка должен посещать их примерно два раза в неделю, по два часа, и заниматься с ними переводом легких сочинений на персидский. От сих легких опытов они постепенно будут переходить к более трудным, и сверх того по одному разу брать мешх или каллиграфические уроки в несхе.

2. В Тегеране они будут продолжать таким же порядком свои занятия, но в последний месяц пребывания своего там будут стараться разбирать рукописи почерка шекасте и брать каллиграфические уроки в талике.

3. Это же занятие они будут продолжать в Испагани, читая сверх того трудных авторов, как то: Тарихи-Надирри, Анвари-Сюгеили и Дюрреи-Надири. В Тегеране и Испагани в досужное время они должны заниматься сочинениями на персидском языке и, познакомясь с духом и оборотами книжного языка, подражать им по возможности.

4. В Ширазе преимущественно будут заниматься сочинениями на персидском языке, чтением стихотворцев и составлением обыкновенных и дипломатических писем.

5. Сверх того они должны стараться видаться чаще с мюншиями⁹⁵² или сочинителями, которые пользуются большим уважением между персиянами и носят это назва-

⁹⁴⁹ Вероятно, ошибка автора. В данном случае речь идет о Птолемее I Сотере, а не о его сыне Птолемеи II Филадельфе.

⁹⁵⁰ Имеется в виду Деметрий Фалерский.

⁹⁵¹ Саис — город на западе дельты Нила; современное название — Са эль-Хагар.

⁹⁵² Имеются в виду мунши — учителя языков, преимущественно индусского, персидского и арабского.

ние по причине совершенного знания языка и особой легкости пера в составлении простых и дипломатических писем, — что считается у персиян делом весьма трудным.

Примечание. Так как молодые ориенталисты предназначаются преимущественно к ученому, а не дипломатическому поприщу, то упомянутые в ст[атье] 1 — каллиграфические упражнения не должно разуместь здесь существенною и необходимою частию их занятий. Гг. Диттель и Березин должны стараться достигнуть в них известной ловкости и навыка с той целью, чтоб быть в состоянии со временем, в качестве преподавателей, приучать к ним своих будущих воспитанников, из которых некоторые, может быть, исключительно захотят посвятить себя званию дипломатическому, и потому будут нуждаться в такого рода опытности. За то молодым путешественникам, ближе к собственному их назначению, рекомендуются еще другие важнейшие занятия, а именно:

6. Они должны, по мере возможности, в значительных городах Персии обозреть медресе и академии, посещать публичные и частные библиотеки, составлять каталоги тамошним литературным сокровищам, с указанием их содержания, производить тщательные лингвистические разыскания о разных наречиях персидского языка, господствующих в разных областях государства, особенно в Гиlane и Мазандеране, и никак не опускать из виду просмотра и усиленной разработки важных исторических и географических сочинений, преимущественно тех, которые имеют отношение к истории, географии и этнографии России в разные ее периоды. Исследования лингвистические предпочтительно рекомендуются г. Березину, который составлением опыта персидской грамматики доказал уже начальству свою несомненную склонность к этому роду занятий, и тщательным собиранием и изложением новых сведений может приобрести себе истинную заслугу по части языкознания.

7. После всех этих занятий, в продолжение пребывания своего в Персии, молодые ориенталисты обязаны, пред выездом своим, при одном из донесений или отчетов

(см[отрите] ниже, сей III-й главы отд[еление] 2 ст[атье] 2) представить г. попечителю КУО несколько образцов своих сочинений на персидском языке. Эти сочинения должны касаться необходимо ученых предметов и, по крайней мере, одно, со стороны каждого, должно быть в роде письма или записок путешественника, г. попечитель будет передавать их на обсуждение гг. пр-рам разряда восточной словесности, которые, рассмотрев их внимательно и удостоверившись в успехах ориенталистов, представят мнение свое на усмотрение г. попечителя, для приложения к годовым отчетам.

b) В Сирии и Египте.

8. В Сирии и Египте, в городах, где путешественники будут проживать долее, они уже решительно обратятся к языку арабскому и наречиям, употребляемым в тех краях. Имея уже достаточное сведение в красноречивом (лисианюль-фесих) или книжном арабском языке, они одною практикою могут обогатить эти сведения в продолжение 7-ми месяцев, которые проведут в путешествии по Сирии и Египту. Но собственно в Каире они должны с большею точностью и правильною заниматься три раза в неделю по два часа изучением книжного арабского языка и по два раза изучением турецкого. Само собой разумеется, что при этих занятиях должна быть соблюдаема та же постепенность, какая указана в изучении персидского языка, и что изложенное в ст[атье] 6 правило о посещении академий и библиотек, составлении каталогов, разысканиях лингвистических и исторических применяется и к пребыванию в Сирии и Египте. Таким образом, молодые путешественники, ознакомившись с учебными заведениями и учеными сокровищами этих стран, приобретши отличные познания в персидском, хорошие в арабском и изрядные в турецком языке, приготовят себя достаточно для того, чтоб с успехом отправиться в Турцию, где будут продолжать занятия свои первыми двумя языками и усовершенствовать себя в последнем. Но пред выездом они также, как и при оставлении Персии, должны представить на усмотрение г. попечителя несколько

образцов своих занятий (см[отрите] выше отд[еление] 1 ст[атья] 7 и ниж[е] отд[еление] 2 ст[атья] 2).

с) В Турции.

9. Имея постоянное пребывание в Константинополе, молодые ориенталисты будут распределять свои труды следующим образом: а) три раза в неделю, по два часа, будут посвящать основательному изучению турецкого языка, под руководством опытного и образованного наставника; б) два раза в неделю, по два часа, продолжать свои занятия арабским языком, также при посредстве сведущего учителя; и с) два же раза, по два часа, уделять упражнениям в языке персидском.

10. Занятия турецким языком должны составлять главную цель их пребывания в Константинополе. Они будут состоять в общественных разговорах и беседах о предметах наук и литературы; в переводах с турецкого языка на арабский или персидский разных прозаиков и поэтов, с соблюдением необходимой постепенности; в переводах с арабского и персидского языка на турецкий и в сочинениях разных рассуждений, равно как и писем обыкновенных и дипломатических. При том им не должно опускать из виду знакомиться с отличиями разных наречий турецкого языка, если к тому представятся им благоприятные случаи. Занятия арабским и персидским языками должно быть располагаемы таким же образом, служа продолжением тех, которые уже доведены ими были до известной высоты во время путешествия по Персии, Сирии и Египту. Образцы трудов своих они представят г. попечителю пред выездом из Константинополя, при отправлении последнего своего донесения (см[отрите] выше отд[еление] 1 ст[атья] 7 и ниже отд[еление] 2, ст[атья] 2)

11. Сверх того, им не лишнее будет, смотря по удобству, брать два раза в неделю каллиграфические уроки в почерках: сьюльси⁹⁵³, столь часто употребляемым в Турции, — в обоих родах дивани: губар, т.е. мелком дивани и джали,

крупном дивани, которые употребляются в дипломатических и обыкновенных письмах и могут быть полезны со временем как им самим, так и для передачи будущим своим воспитанникам.

12. По ходатайству посольства или другим путем, молодым путешественникам во время пребывания в Константинополе вменяется в обязанность, подобно как и в Персии (ст[атья] 6), Сирии и Египте (ст[атья] 8), посещать медресы и академии, обозревать публичные и частные библиотеки, составлять для себя списки заключающимся в них рукописей, делать из них выписки или даже, по мере возможности, снимать копии с важнейших манускриптов, обращая главное внимание на неизвестные до толе творения исторические и географические.

Примечания. Замечательнейшие между медресами суть: 1) Баязидская, основанная Султаном Баязидом II-м в начале XVI столетия, 2) Османская, построенная около 1619 и 20 годов, 3) Лялелиская, заложенная султаном Мустафой III во второй половине XVIII века, 4) Академия Султанши Велиды, учрежденная 14 годами позже последней. Не говоря о многих малых школах, сюда можно отнести еще другие академии и большие школы, достойные внимания, как то: Махмудия, Ахмедие, Килич-Али-Паша и др. Число публичных библиотек в Константинополе в конце прошедшего столетия простиралось до 13-ти; они суть: 1) Серальская, учрежденная в царствование Ахмеда III в начале XVIII века, 2) библиотека султана Мухаммеда II⁹⁵⁴, основанная в конце XV столетия, 3) Софийская библиотека, начало которой принадлежит Сулейману I, жившему около половины XVI века, 4) библиотека того же султана Сулеймана, 5) библиотека Киприли-паши⁹⁵⁵, основанная во второй половине XVII века, 6) библиотека Валиды, учрежденная в память султанши Валиды, родительницы Ахмеда II, в начале XVIII века, 7) библиотека Шеид-Али-

⁹⁵⁴ Имеется в виду Мехмед II Фатих. Библиотека при мечети Фатиха — старейшая в Стамбуле; основана в 1481 году.

⁹⁵⁵ Имеется в виду Фазил Ахмед-паша Кепрюлю, великий визир в 1661—1676 гг. Он был основателем открывшейся в 1678 г. в Стамбуле первой публичной библиотеки Османской империи.

⁹⁵³ Имеется в виду почерк сьюльс — один из «шести стилей» классической арабской каллиграфии.

паши, заложенная сим пашею в начале XVIII века, 8) библиотека Ибрагима паши, 9) библиотека Гатиф-Ефенди, 10) библиотека султана Баязида, 11) библиотека султана Османа III-го, 12) библиотека Рагиб-паши⁹⁵⁶, 13) библиотека султана Абдюль-Хамида⁹⁵⁷. К ним прибавить можно и библиотеку султана Махмуда.

d) Общие занятия в Персии, Сирии, Египте и Турции.

Кроме частных занятий, указанных гг. Диттелю и Березину отдельно в Персии, Сирии, Египте и Турции, им рекомендуются еще некоторые общие занятия во всех сих странах, а именно:

13. Им полезно будет во всех тех городах, где они будут останавливаться на продолжительное время, посещать при удобных случаях лекции мюдеррисов⁹⁵⁸ известнейших школ и академий, разумеется, испросив на то предварительное дозволение по принадлежности. Неизлишне им знакомиться с сухтами или суфтами⁹⁵⁹, т.е. студентами этих заведений, и вступать с ними в рассуждения о различных ученых предметах (за исключением религии и политики). Таковые посещения, лекции мюдеррисов и ученые беседы со студентами, послужат молодым ориенталистам скорейшим средством к изучению языков, ознакомлению себя с новым методом преподавания и занятий.

14. За тем гг. магистры Диттель и Березин, при предстоящей возможности, должны обращать внимание на различные секты, поныне господствующие в различных местах между народами Востока. Последователи некоторых из этих расколов, как известно, производили по временам необыкновенные перевороты в целой Азии, и тем приобрели себе важное значение историческое.

Примечание. Не говоря об остатках гебров⁹⁶⁰, или древнейших огнепоклонников, которых можно встретить в

гористых странах Ирака и Хузистана, которые совершенно выходят из круга вероисповеданий исламизма, еще множество более или менее распространенных сект поныне удерживает свое значение между мусульманами. Правоверные называют их общим именем суфи, но различие религиозных мнений между суфиями и истинными мусульманами так велико, что одно только верование в Аллаха, в его послание и пророка удерживает правоверных от прозвания этих сектантов кафирами, т.е. неверными или язычниками, и от пролития их крови. Все почти эти секты основаны на мистических толкованиях, более или менее выходящих из круга понятий правоверных, как суннитов, так и шиитов. В первых веках Эмры, когда еще ислам был в руках мужей могучих и честолобивых, когда всякой, одаренный природным умом и силою слова, мог легко по своему произволу направлять еще шаткие умы невежд к собственной своей цели, — в ту пору в разных местах являлись люди, которые, сначала втайне, а потом и явно, проповедовали учение Алкорана и предание о Пророке, сообразно с собственными выгодами; между тем как главные руководители ислама довольствовались только распространением этого имени и победами своего оружия в различных частях света. Все таковые сектанты, сообразуясь сначала с местными и временными обстоятельствами, осторожно склоняли людей к своему учению, рассылали неутомимых проповедников повсюду и только тогда, когда уже были уверены в успехе своих предприятий, обнародовали свое учение и свои мысли. Таким образом, уже в 3-м веке Эмры появились в Хорасане⁹⁶¹, обоих Ираках, Сирии и Египте различные секты, из коих некоторые усилились до того, что для искоренения их недостаточны были все старания могучих повелителей правоверных.

Из самых обширных и вместе вредных сект мусульманского мира, решительно выходящих из круга исламизма,

⁹⁵⁶ Имеется в виду библиотека Рагиб-паши, учрежденная в 1762 г.

⁹⁵⁷ Имеется в виду Абдул-Хамид I.

⁹⁵⁸ Мюдеррисы — воспитанники мусульманских учебных заведений (медресе), прошедшие курс обучения из десяти ступеней и получившие право на преподавание.

⁹⁵⁹ Имеется в виду софта (перс. сухта) — у тюрков: слушатель медресе.

⁹⁶⁰ Гебры — приверженцы зороастризма в Иране.

⁹⁶¹ Хорасан — историческая область, расположенная в Восточном Иране, в 2004 г. разделена на три провинции.

были следующие: равендская; зиндикская, кырмытская, исмаилитская, и последние еще до ныне носят различные наименования. Первая секта явилась во время могущества Абу-Мюслима⁹⁶², в 141 г[од] Эмры; она быстро разлилась по разным странам Востока под покровительством этого государя, а Альлюканна и Бабек, один за другим, еще более распространили ее вместе со своим могуществом. Учение этого раскола было основано на переселении Божества, но и не совсем отвергало Мухаммеда, признавая его истинным мудрецом. Зандики были чистые скептики, не верили ни одному из догматов ислама и старались втайне распространять свои толки; эта секта всего более развивалась в Хорасане и Ираке, 20 годами позже появления равенадов. Кырмытская секта явилась в Ираке спустя слишком 100 лет после зиндикской, учение ее основывалось отчасти на исламе, но допускало аллегорическое толкование Алкорана, так, что это обстоятельство подало повод ко многочисленным подразделениям и видоизменениям. Исмаилитская была обширнейшая и соединяла в себе учения кырмытские, равенидские и чисто мусульманские. Толки сего учения начались при Фатимидах⁹⁶³, и самые халифы были его покровителями. Главное верование этой секты было основано на воплощении Божества. Она увеличивала с годами толпу своих приверженцев и рассеялась по большей части Персии, Сирии и Египта, смешиваясь с другими; но распалась за тем на новые ветви или толки, под наименованиями батанидов, алевиев, галатов, мювеххидов, дюрүзов и т.д. Власть их впоследствии возросла до того, что они были страшны и халифам и государям разных династий, явившихся на востоке, и что одни монголы были в состоянии обессилить их и положить конец долговременному владычеству. Последователей этой секты, самой вредной для ислама, правоверные называли

обыкновенно меляхиде, т.е. отступниками или еретиками. Между тем имя суфи они давали и другим сословиям, хотя во многих отношениях сходным с ними, однако все-таки имевшим более права на название мусульманам. Сословий суфи доньше в мухаммеданских владениях считается более 30-ти. Каждое из них носит имя своего основателя, как-то: Адгеми, Бестама, Меулеви, Некшбенди, Бекташи и др., и все они в большом количестве наполняют собою государства мусульманские.

Желательно, чтоб молодые ориенталисты, ознакомясь с поименованными последними сектами в Турции, а в особенности с остатками первых в Ираке, Хузистане и Сирии, открыли об них новые факты, еще не известные доселе европейскому ученому свету, но притом так, чтоб исследованию сект они никак не жертвовали другими, более важными разысканиями лингвистическими и историческими.

2. Обязанность вести путевой журнал и доставлять отчеты о занятиях.

Чтоб начальство университета могло следить постоянно за путешествием гг. Диттеля и Березина и удостоверяться в выполнении ими назначенных целей, на них возлагается тройкая отчетность:

1. Молодым путешественникам вменяется в непременную обязанность вести во все продолжение своего путешествия подробный путевой дневник, с изложением всех своих занятий, наблюдений и выводов. Этот дневник послужит им впоследствии лучшим средством поверить свои разыскания, и предохранить их от сбивчивости при обзоре столь многих предметов, порученных их вниманию. По возвращении они представляют этот журнал г. попечителю КУО, как наилучшее доказательство своего трудолюбия, приобретенных познаний и благоразумного употребления времени. Г. попечитель, потребовав об этом дневнике отзыва гг. пр-ров восточных языков и удостоверившись в извлечении ими надлежащей пользы из

⁹⁶² Имеется в виду Абу Муслим.

⁹⁶³ Фатимиды — династия арабских халифов (909—1171), возводившая свое происхождение к Фатиме, дочери Мухаммеда.

совершенного путешествия, возвратит им означенный журнал, как неприкосновенную их собственность, и будет пред г. министром народного просвещения ходатайствовать о вознаграждении трудов, понесенных ими на пользу свою, университета и науки.

2. Независимо от ведения дневника, гг. магистры обязаны еще непременно чрез каждые 3 месяца доносить г. попечителю КУО о ходе своих занятий, а с окончанием каждого года представлять подробный отчет о своих трудах, как результат частных занятий на избранном поприще. Извлечение из сих частных трехмесячных донесений и общих годовых отчетов г. попечитель будет представлять на благоусмотрение г. министра народного просвещения с своим о них заключением.

3. Наконец гг. Диттель и Березин обязаны еще, по мере возможности, особо уведомлять о себе г. Попечителю из каждого значительного города, как например, пред выездом за границу из Дербенда, потом из Тавриза, Тегерана, Испагани, Алеппо, Иерусалима, Александрии, Каира, Смирны, Константинополя, наконец и пред выездом из Одессы.

5.⁹⁶⁴ Особенные поручения начальства

В заключение, кроме ученого направления путешествия, начальству университета предоставляется дать молодым путешественникам разные отдельные поручения, для обогащения своих музеев, как то: приобретения важных рукописей, книг, монет и др. редкостей, могущих иметь какое-либо отношение к археологии, истории, статистике и нумизматике Востока, снятие копий или оттисков с надгробных камней знаменитых лиц, для проверки темных фактов хронологии; также собрание семян растений, особенно свойственных разным климатам и полосам Азии, по которым они будут проезжать. Снабдить их особыми подробными и точными наставлениями, с указанием качеств требующихся предметов и самого способа приобретения.

⁹⁶⁴ Так в документе.

№ 187

№ 3

Инструкция М.Н. Мусина-Пушкина магистрам В.Ф. Диттелю и И.Н. Березину

Казань

11 июня 1841

[Л. 49—54. Заверенная копия. Опубликовано: Ab Imperio. 2009. № 3. С. 335—339].

На основании известного уже вам Высочайше утвержденного положения Комитета гг. министров, предстоит вам ныне отправиться в ученое путешествие по Персии, Сирии, Египту, Малой Азии и Европейской Турции, на три года. Путешествие по Востоку требует совершенно других условий, нежели по странам образованного Запада, и потому я признаю необходимым изложить здесь все обязанности на Вас налагаемые, даваемые вам поручения, средства путешествия и меры безопасности, какие попечительное начальство принимает для ограждения вас во время продолжительного пути.

1, план путешествия, распределение занятий, времени, порядка переездов, во всех подробностях, по распоряжению моему составленный в университете и рассмотренный Академией Наук, утвержден г. министром народного просвещения. Почему вменяется вам в неперемнную обязанность следовать неуклонно правилам, начертанным в плане, который как плод основательных и верных соображений послужит для вас лучшим руководителем к спешному достижению указанной цели. В случае же если б представили какие либо непреодолимые к тому препятствия, то вы обязаны каждый раз особо доносить о том мне, независимо от донесений срочных, с подробным изложением причин и того изменения, какие по этому случаю предпринято. В то же время вы отметите о том столь же подробно в дневниках ваших.

2, пунктом 2-м, главы 3 Плана налагается на вас обязанность вести путевой дневник и доносить мне о Ваших занятиях. Неизменным считаю подтвердить здесь, дабы

обе эти обязанности были исполняемы без малейшего упущения.

3, чтоб путешествие ваше было сколь возможно сопряжено с большею для вас пользою, я распорядился уже выпискою необходимых сочинений, которых, составил собственность студентской библиотеки могут быть взяты вами в дорогу для справок и соображений. Из числа сих сочинений три уже получены и выданы вам под общую вашу расписку, а остальные 9 по получении также будут высланы вам в Астрахань, Тифлис или Тавриз по мере возможности. Рекомендую вам пользоваться сими книгами с возможной бережливостью и по возвращении сдать их в надлежащей исправности.

4, как путешествие по Востоку представляет обширные виды приобретение для университета разных редких восточных рукописей и книг, то с этою целью будет отпускаться вам ежегодно обоим вместе, по триста рублей серебром ежегодно, а в три года девятьсот рублей. А дабы вы положительно знали, каких именно сочинений приобретение наиболее важно и желательно, то я прилагаю у сего а) печатный хронологический список ста восточных рукописей, составленный г. академиком Френом; б) печатный же хронологический список некоторых армянских историков и рукописных сочинений других литератур Грузинского и Кавказского краев; с) рукописный дополнительный список, составленный гг. пр-рами Эрдманом и Казембеком. Таким образом, при всяком представляющем удобном случае не должны вы опускать из вида приобретение сочинений, поименованные в котором-нибудь из списков. Из них первых двух печатных хронологических списков прилагается сверх того особенно 15 экземпляров, дабы вы имели возможность размениваться или с консулами, чиновниками посольства или заслуживающими доверия учеными азиатцами, с коими случится вам в разных местах войти в ближайшие сношения, и рекомендуя при том сим лицам наблюдать всевозможную осторожность в приискивании рукописей, чтобы без нужды не возвысил цены на требуемые произведения.

5, поручается вам приобретение для университетского минц-кабинета редких монет и медалей, на основаниях, изложенных г. пр-ром Эрдманом в особо прилагаемых у сего правилах.

6, о. пр-р Эрдман предложил несколько вопросов у сего препровождаемых, разрешение которых интересно для ученого света и особенно поручается вашей любознательности.

7, снятие оттисков с надгробных камней арабских, персидских, турецких, татарских и армянских, с находящимся на них надписями представляет весьма много важного в археологическом отношении. Почему поручается вам не оставить заняться этим делом в свободное время и когда представятся надгробные камни, важные по новости или историческому значению; а способы, какими можно приводить его в исполнение, объяснены в прилагаемый здесь записке, составленной г. пр-ром Фойгтом.

8, сверх главной вашей цели — изучение Востока во всех его отношениях, я поручаю вам и некоторые другие предметы, достойные вашей любознательности, как то собирание разных предметов для ботанического сада и зоологического музея КУ. Об этом уже даны вам от меня подробные инструкции, составленные гг. пр-рами: ботаники Корнух-Троцким и зоологии Эверсманом, и препровожденные к вам при предписаниях от 5-го мая сего года. Что же касается до потребных для ботанических исследований материалов, это они уже вами приобретены.

9, согласно собственному вашему желанию, снабжены вы, также по распоряжению моему, на время путешествия, зрительною трубою, камер-обскурою, компасом и двумя термометрами, которых применение к случаям, где они могут быть с пользою употреблены во время путешествия, показал вам, по поручению моему, на опыте г. пр-р физики Кнорр. Для большей точности здесь прилагается особое наставление, где и как обращаться с означенными инструментами.

10, г. министру народного просвещения, угодно было предоставить императорской Академии Наук воспользо-

ваться также путешествием вашим и дать вам от себя ученые поручения по ея усмотрению. В случае, если Академия признает это нужным, получите вы в свое время особую инструкцию, и, конечно, не оставите ничего, чтобы достойно оправдать доверенность, которою почтить вас ваше ученое сословие в империи.

11, равным образом г. академик Броссе просил меня поручить вам произвести разные разыскания по части истории, литературы и древностей грузинских и армянских, о которых я уже препроводил к вам инструкции от 19-го марта за № 1331-м.

12, приобретаемые для университета предметы, по мере удобства, будете вы представлять в посольства и консульства наши на Востоке, для отправления в Россию, на имя мое, а назначаемые в Императорскую Санкт-Петербургскую Академию Наук, прямо на имя ее.

13, на содержание отпускатся вам будет ежегодно по тысячи триста пятидесяти рублей серебром в год каждому, и обоим вместе по триста рублей серебром ежегодно на приобретение книг для университета. Деньги эти, по сделанному уже распоряжению, будут переводимы к вам в сроки и места, поименованные в прилагаемом у сего расчета чрез Консульства, куда и имеете вы являться в свое время для поручения.

14, для свободного путешествия по Востоку препровождается у сего заграничный паспорт, а для проезда до Дербенда подорожная по казенной надобности. О безостановочном же отпращивании из Астрахани до Дербенда, а от Дербенда за границу, я прошу содействия гг. астраханского военного губернатора⁹⁶⁵, дербендского коменданта⁹⁶⁶ и исправляющего должность начальника Каспийской области, к которым письма у сего прилагаю.

15, озабочиваясь безопасностью пути вашего, я отнесся об оказании вам покровительства к гг. посланникам нашим при константинопольском и кегеранском дворах,

к гг. генеральным консулам в Тавризе, Смирне, Египте и к консулам в Бейруте, Салокине и Дарданеллах. Письма к этим лицам у сего прилагаю. Сверх того, по благосклонному распоряжению г. министра народного просвещения, вы особо рекомендованы покровительству сих особ чрез Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

16, проезжавший в последнее время чрез Казань бывший посланник Коханского государства, член-корреспондент КУ Ашраф-Адяси Мюхеммед Халил-Сахиб заде Гюфранюлла, по предложению моему дал вам рекомендательные письма: 1, в Константинополе к шейху Адеси Мюхаммед Эфенди и 2, в Каире к мирзе Кашифе Эфенди, которых у сего также прилагаются. Лица эти могут быть для вас весьма полезны, как туземцы из высшего сословия, могущие указать вам не только удобства жизни на востоке, но и многие чрезвычайно важные предметы в ученом отношении.

17, наконец, одним из главнейших условий путешествия по Востоку, в отношении к безопасности, есть возможная с вашей стороны осторожность в словах и поступках, потому что подозрительность есть такая черта в характере азиатцев, которую путешественник никогда не должен забывать. Почему находя необходимым предупредить в том вас, я рекомендую вам вести себя сколь возможно скромнее, осмотрительнее и вежливее, дабы избежать и малейшего столкновения с подозрительностью, надменностью и фанатизмом мусульманских народов.

Таким образом начальство не пощадило издержек, не опустило ничего из вида, чтобы обезопасить и облегчить путешествие ваше по Востоку, поручает воспользоваться данными вам подробными наставлениями и трехгодичным сроком, с тем усердием и любознательностью, которыми вы до сих пор отличались. Теоретическое образование, полученное вами в стенах университета, увенчанное одною из высших ученых степеней требует теперь практической проверки на местах, где дух востока и доступнее и вернее изучается, как в минувшем, так и в настоящем его направлениях. Владея свободно языками турецким,

⁹⁶⁵ Речь идет о И.С. Тимирязеве.

⁹⁶⁶ Речь идет о Д.И. Бучкиеве.

особенно персидским, зная основательно арабский, вы, конечно при готовности воли, не встретите к тому препятствий. Первое столь обширное, по времени, странству, и даруемых средствам ученое путешествие по востоку налагает на вас священную обязанность стремиться с возможно отчетливому и добросовестному выполнению указанной вам цели.

В заключение мне остается только напомнить вам, что на вас обращено внимание ваших наставников, университета, всех образованного и попечительного правительства, которое зорко будет следить за вашими действиями и вправе по возвращении ожидать от вас самых утешительных результатов, дабы иметь возможность достойным образом отличить и вознаградить труды ваши.

№ 188

Письмо пр-ра ХУ И.С. Рижского С.Я. Румовскому о службе в КИУ

Харьков

12 сентября 1808⁹⁶⁷

[ОРРК НБЛ КФУ. № 5661. № 10. Подлинник. Автограф]

[...] Усерднейше прошу извинить, что я так долго умедлил решительным ответом на почтеннейшее в. пр-ва ко мне письмо. Повторяя признательнейшую благодарность, с прискорбием должен донести, что некоторые представления мне при сем обстоятельстве удерживают меня от того, чтобы иметь честь служить под непосредственным в. пр-ва начальстве. С одной стороны, слабость здоровья, потерпевшего уже от перемены климата и от трудов, а с другой неизвестность как времени открытия КУ⁹⁶⁸, так и милостиво обязанных от в. пр-ва выгод, останавливает меня решительно на таковую перемену места служения моего. [...]

⁹⁶⁷ *Помета:* Получено 30 сентября 1808 [года].

⁹⁶⁸ Вероятно, речь идет о полном открытии КУ.

№ 189

Из письма советника казенной палаты Казанской губернии⁹⁶⁹ М.Д. Княжевича С.Я. Румовскому о А.М. Княжевиче⁹⁷⁰

Казань

31 октября 1808

[ОРРК НБЛ КФУ. № 5661. № 35. Подлинник. Автограф]

[...] Не безызвестно Вам, м. г. м., что я имею у себя сына Александра⁹⁷¹, который уже четвертый год находится в КУ студентом, и которого я по бедности своей и по другим имеющимся обстоятельствам принужден был отдать на казенное содержание [...], так как он окончил уже курс своего учения, я намерен из университета его взять и определить в службу, сообразную с его характером, знаниями, способностями и здоровьем. А как препятствия сему я никакого не нахожу, и по правам, данным студента[м] Августейшим и Вселюбезнейшим Монархом нашим⁹⁷² в 1-м⁹⁷³, 110-м⁹⁷⁴ и в 117-м⁹⁷⁵ пунктах Высочайше утвержденного устава ИКУ, они могут избирать всякий род службы

⁹⁶⁹ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1808. СПб., 1808. Ч. 2. С. 277.

⁹⁷⁰ Это письмо является вложением к письму Елизаветы Княжевич к С.Я. Румовскому от 11 января 1810 г., которое проходит в описи за № 35.

⁹⁷¹ Имеется в виду А.М. Княжевич.

⁹⁷² Имеется в виду Александр I.

⁹⁷³ Данный пункт (татья, параграф) устава КИУ гласит: «ИКУ есть высшее ученое сословие для преподавания наук учрежденное. В нем приготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы».

⁹⁷⁴ Данный пункт (статья, параграф) устава КИУ гласит: «Студент, выслушавший курсы для всех наук нужные и желающий оставить университет, получает в торжественном собрании аттестат за подписанием Правления, с приложением печати университета. В аттестате должно быть показано, kolikoе время пользовался он университетскими наставлениями, внесены свидетельства пр-ров, у коих слушал лекции, и свидетельство о его поведении».

⁹⁷⁵ Данный пункт (статья, параграф) устава КИУ гласит: «Студенты, окончившие трехлетнее учение и выслушавшие нужные курсы для продолжения учения в котором-нибудь отделении (ежели пожелают остаться в университете), могут продолжить учение в звании кандидатов и отправлять должность повторителей по надлежащем испытании».

по своему желанию и по окончании курса беспрепятственно оставлять университет, то и прошу всепокорнейше в. пр-во оказать сыну моему сию милость и уволить его из звания студента для определения в службу, для чего я и приказал уже ему подать от себя просьбу в Совет ИКУ. [...] Первая [причина] отменно слабое его здоровье. Он давно уже жалуется на чрезвычайную боль в груди, которая от сидячей ученой жизни и беспрестанных забот, по уверениям многих из здешних лекарей, весьма легко в настоящую чахотку превратится. Напротиву сие этого перемены упражнений, другой род жизни и большое движение во время проезда в [Санкт-]Петербург, куда я послать его намерен с братом⁹⁷⁶, который там служит и который теперь здесь, здоровье его укрепить могут. Притом же в [Санкт-]Петербурге он гораздо больше будет иметь способов и по-лечиться. Вторая причина та, что, как я сам вижу, да и пр-р чистой математики господин Бартельс, у которого сын мой окончил курс, уверяет, что он не способен к учительскому званию; ибо не имеет нужных к тому дарований и способностей. И, наконец, третья причина, та, что, как я уже сказал в. пр-ву, я намерен его отправить в [Санкт-]Петербург с братом, который служит там у государственного казначея⁹⁷⁷ и получил довольно хорошее жалование, обязуется содержать его на хорошем иждивении до тех пор, пока он придет в состояние жить собственным своим жалованием. Мне не хочется разлучать братьев, которые с самого малолетства привыкли жить вместе, и с младенчества связаны узами живейшей братской любви. Притом же Александр, служа вместе с братом своим в [Санкт-]Петербурге, может сделать дорогу для остальных двух братьев⁹⁷⁸, которые живут еще у меня и воспитываются на моем содержании в Казанской гимназии; ибо я по бедности своей имею большое семейство, почти неоплатимый долг, ничего им сделать не могу, что также может засвидетельствовать пред вами и пр-р, директор Казанской гимназии Илья Федорович Яковкин. [...]

⁹⁷⁶ Имеется в виду Д.М. Княжевич.

⁹⁷⁷ Имеется в виду Ф.А. Голубцов.

⁹⁷⁸ Имеются в виду Н.М. Княжевич и В.М. Княжевич.

№ 190

Из письма пр-ра КИУ К.Ф. Фукса С.Я. Румовскому
об аптекаре И.Х. Ренарде

Казань

23 января 1811⁹⁷⁹

[ОПРК НБЛ КФУ. № 5661. № 46 (II). Подлинник. Автограф]

L'apothicaire de la ville de Perm, M-r Renard, home bien instruit dans la chimie et la phormacie, m'a prié de vouloir le recommander à Votre Excellence. Il desire, qu'Elle veuille lui accorder Sa houte protection, afin qu'il puisse recevoir une place d'adjoinr auprès de notre Université.

Ayant eu occasion de m'entretenir avec plusieurs personnes lettrées qui attestent unanimement les bonnes connaissances et le mérite de M-r Renard, et sachant aussi, qu'il a donné dés leçons de physique et de belles letters aux enfans de M. le Général Gouverneur de Perm, où il s'est acquitté de son devoir avec zèle et le meilleur succès possible, j'ai encore la satisfaction d'ajouter, que M-r Renard dans les discourse que nous avons eus ensembles, s'est montré comme un home de beaucoup de connaissances dans les sciences de physique et surtout dans la pharmacie. à cela vient encore qu'il parle plusieurs langues et surtout la langue russe avec beaucoup de facilité et de précision.

[...]

Перевод⁹⁸⁰

Позвольте рекомендовать в. пр-ву г. Ренарда, аптекаря из города Перми, человека весьма хорошо образованного в химии и фармации. Он желает, чтобы ему было оказано Ваше высочайшее покровительство с тем, чтобы он смог получить место помощника в нашем университете.

Пользуясь возможностью поддержать многих просвещенных лиц, единодушно подтверждающих отличные

⁹⁷⁹ Помета: [Получено] 8 ноября 1827 [года]

⁹⁸⁰ Перевод с франц. Р.Х. Галиуллиной.

знания и заслуги г. Ренарда, и зная также, что он давал уроки в области естественных и изящных наук детям самого г. генерал-губернатора Перми⁹⁸¹, и что он исполнял свои обязанности с усердием и блестящим успехом; с удовольствием могу добавить, что г. Ренард в беседах, которые состоялись между нами, показал себя как знающий человек в области физических наук и особенно в фармации. В этом убеждает также еще и то, что он говорит на нескольких языках, особенно, с большой легкостью и точностью, на русском.

[...]

№ 191
Письмо К.Ф. Фукса С.Я. Румовскому
о репутации пр-ра

Казань
9 апреля 1811⁹⁸²

[ОПРК НБЛ КФУ. № 5726/2. Л. 4—6. Подлинник. Автограф]

Monsieur,

M[onsieu]r le Directeur m'a communiqué un passage d'une lettre que Votre Excellence lui a écrite. Je suis stupéfait d'étonnement et d'horreur, lorsqu'il a lu l'histoire d'une accusation aussi paussé qu'atroce.

Je jouis depuis bien longtemps de l'estime publique, puisque l'on m'invite pour chaque bonne société, on est enchanté de me posséder, on me dit mille choses agréables, on me comble de bienfaits.

Tous les grands personnages, qui arrivent de Petersbourg ou de Moscou, viennent faire ma connaissance. Messieurs le Prince Volkonsky, le Comte Orlov, le Prince Tenichev, le Sénateur Obrèskov et beaucoup de perssonnes d'un merite distingué, ont passé plussiers fois une soirée entière chez moi.

Lorsque l'année passée S[on] Exc[ellence] Monsieur le Comte Orlov voulut m'engager de prende service dans son

department des forêts, plussiers personnes de distinction l'ont priées que la ville ne perdit son premier médecin, à ce dernier titre j'ai le bonheur de jouir de la meilleurs reputation.

Pendant cette semaine beaucoup de Généraux et des Conseillers d'Etat sont venus me feliciter pour la fête de Paques, honneur don't je dois être jaloux, et qui j'en suis sûr, n'a été accordé à aucun de nos professeurs.

Mais que diront Mesdames, par ex. Madame Vescnèkov, don't le mari a été maréchal de la noblesse de Cazan, et Madame la Générale Hannibal, qui avec leurs familles viennent passer la soirée, chez moi une ou deux fois par semaine; que diront ces Dames lorsqu'elles entendront parler d'une pareille accusation, voidroient — elle venire chez un home de mauvaise conduite?

J'ai communiqué le contenu du passage de la letter de Votre Excellence à quelquesens des prémièrs gentishommes de Cazan, ils ont été indignés de cette accusation, puisque je servis de modèle pour le bon gout, la decence et la proprété qui regnent chez moi.

Il est connu àVotre Excellence, qu'outre la place de professeur, dans laquelle j'ai formé plussierurs élèves, et faisant encore la fonction de docteur à l'hopital avec l'exactitude la plus stricte, Votre Excellence m'a fait même membre du Comptoir, où depuis quatre ans je me suis acquitté de mon devoir avec honneur et sans recevoir aucune recompense. Notre Conseil m'emploie à chaque moment soit à reviser les comptes, soit à retoucher les collections de physique et d'autres, ou à examiner des homes de letters. Je ne me sius jamais opposé à ces charges, et j'ai exécuté mes commissions avec précision.

Mais hors cette bonne reputation dont je jouis dans la ville de Cazan, je dois encore alleguer deux choses, qui m'otent même le pouvoir d'être debauché par force.

La premier est que ma chetire figure n'est pas faite pour la moindre debauche, puisque je souffre beaucoup d'une obstruction de foie que j'ai gagné à Petersbourg, et de la gravelle, dont je suis souvent attaqué. Le moindre excès me coute-

⁹⁸¹ Имеется в виду К.Ф. Модерах.

⁹⁸² *Помета:* Получено 30 сентября 1808 [года].

ra la vie. Cela est connu à tous nos médecins de Cazan, que j'ai consulté à cet égard.

En second lieu j'élève deux pauvres enfans orphelins, auxquels je ne voudrais pas donner un mauvais exemple. De plus M[onsieu]r le Général Vsevolodjsky à Moscou m'a confié l'éducation de son cousin, qui loge aussi chez moi.

Je declare donc en préssence de Dieu Toutpuissant en forme de serment, que je suis innocent, et que cette accusation est une des plus atroces calomnies qu'on ai pu inventer. Je prends pour temoin de ma conduite toute la ville qui se fera surement un plaisir de me donner par écrit l'attestat le plus brilliant. Ma conduite a été sans tache, et je souchaite que tous mes confrères jouisstnt d'une si bonne reputation que moi.

J'ai l'honneur d' être dans les sentimens de soumission et de respect

Monsieur,
De Votre Excellence
Cazan, ce 9 avril
1811

Le très humble et très obeissant serviteurs
Charles Fuchs.

*Перевод*⁹⁸³

Господин,

Г. директор зачитал мне отрывок из одного письма, написанного ему в. пр-вом. Я оцепенел от удивления и ужаса, когда он прочел эту историю с обвинением сколь лживым, столь и отвратительным.

Я уже давно пользуюсь общим уважением, меня приглашают во всякое приличное общество, мне рады, мне говорят тысячу приятных вещей, я чувствую себя здесь благодетельствованным.

Все важные персоны, приезжающие из Петербурга или Москвы, спешат со мной познакомиться. Князь Волконс-

кий⁹⁸⁴, граф Орлов, князь Тенишев, сенатор Обрезков и многие другие глубокоуважаемые гг. провели у меня не один приятный вечер.

Когда в прошлом году е. пр-во граф Орлов предложил мне место в своем лесном департаменте, многие известные особы просили его не лишать Казань своего первого врача, именно это звание составило мне лучшую репутацию в городе.

На этой неделе многие генералы и государственные советники лично поздравили меня с Пасхой; это — честь, которой можно позавидовать и которая, я уверен, не была оказана никому из наших пр-ров.

Но что скажут дамы, например, госпожа Вешнякова⁹⁸⁵, муж которой был предводителем дворянства в Казани⁹⁸⁶, а также госпожа генеральша Ганнибал⁹⁸⁷, которые всем семейством проводили у меня один-два вечера в неделю, что скажут эти дамы, когда услышат о подобном обвинении, захотят ли они прийти к мужчине столь низкого поведения?

Я передал содержание письма в. пр-ва кое-кому из первых лиц Казани, они были возмущены этим обвинением, так как я служу образцом хорошего вкуса, благопристойности и чистоты.

В. пр-ву известно, что помимо должности пр-ра, имеющего много учеников, а также добросовестно практикующего в больнице врача, в. пр-во назначило меня членом Правления, где я уже четыре года честно и безвозмездно исполняю обязанности. Наш Совет каждый раз поручает мне то проверить счета, то позаботиться об исправлении физического и другого оборудования, то аттестовать поданные на рассмотрения сочинения. Я никогда не отказывался от этих поручений и точно исполнял свои обязанности.

Однако помимо той доброй репутации, которой я пользуюсь в Казани, должен назвать еще две причины, по ко-

⁹⁸⁴ Имеется в виду Г.С. Волконский.

⁹⁸⁵ Речь идет об Анне Андреевне Вешняковой.

⁹⁸⁶ Речь идет о П.И. Вешнякове.

⁹⁸⁷ Речь идет об О.Г. Ганнибал.

⁹⁸³ Перевод опубликован по: Письмо К.Ф. Фукса к С.Я. Румовскому. Казань, 9 апреля 1811 / пер. с франц. Т.А. Шанской // Карл Фукс о Казани, Казанском крае. Казань, 2005. С. 226–227.

торым у меня не было даже возможности быть развратником.

Первая заключается в том, что мой хрупкий организм не вынесет и малейшего разгула, так как я сильно страдаю от непроходимости в печени, которую обнаружил еще в Петербурге, а также от мочекаменной болезни, которая часто меня беспокоит. Малейшее излишество мне будет стоить жизни. Об этом известно всем нашим казанским врачам, с которыми я консультировался по этому поводу.

Во-вторых, я воспитываю двух сирот, которым не хотел бы подавать плохой пример. К тому же генерал Всевожский⁹⁸⁸, уезжая в Москву, доверил мне воспитание своего кузена, который также проживает у меня.

Клятвенно заверяю именем Господа нашего Всемогущего, что я не виновен и что это обвинение является самой отвратительной клеветой, какую только можно придумать. Я беру в свидетели своего поведения весь город, который, я уверен, с удовольствием даст мне самую блестящую аттестацию в письменном виде. Мое поведение безупречно, и хотел бы я, чтобы и у моих собратьев была бы столь же хорошая репутация, как и у меня.

Имею честь выразить Вам, в. пр-во, свое почтение.

Казань, сего 9 апреля 1811

Ваш преданный слуга Карл Фукс

СПИСОК ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ ДОКУМЕНТОВ И ПРИМЕЧАНИЯХ К НИМ*

- Аббас I Великий (1571–1629), шах Ирана (1587–1629) из династии Сефевидов 186
- Абдул-Хамид I (1725–1789), султан Османской империи (1774–1789) 186
- Абу Муслим (ок. 725–755), вождь Хорасанского восстания (747–750), которое свергло с престола Арабского халифата Омейядов и привело к власти Аббасидов 186
- Аврамов, студент ХИУ 79
- Адриан Публий Элий (76–138), древнеримский император (117–138) 186
- Александр I (1777–1825), император Российской империи (1801–1825) 126, 135, 189
- Александр Македонский, Великий (356–323 до н. э.), македонский царь (с 336 до н. э.) 186
- Алехин Петр Михайлович (1787 –?), воспитанник Казанской гимназии (1801–1804) 129
- Альбрехт Фридрих Вильгельм (Фридрих Карлович), (1800–1871), пр-р терапии ХИУ (1838–1863) 110, 119
- Альфонский Аркадий Алексеевич (1796–1869), пр-р хирургии МИУ (1823–1863) ректор МИУ (1842–1848, 1850–1863) 22, 32
- Арабшах Музаффар (вторая половина XIV в.), хан Синей Орды из Шейбанидской ветви Чингисидов 182
- Араго Доминик Франсуа Жан (1786–1853), французский физик 161
- Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769–1834), военный министр Российской империи (1808–1810) 7
- Артемовский-Гулак Петр Петрович (1790–1865), пр-р российской истории ХИУ (с 1825), ректор ХИУ (1841–1849) 110
- Архангельский Николай Михайлович (1787–1857), пр-р прикладной математики ХИУ (1818–1837) 96
- Арцыбашев Николай Сергеевич (1771–1841), поэт, историк, почетный смотритель Ядринского уездного училища (1820) 143

⁹⁸⁸ Вероятно, речь идет о В.А. Всеволожском.

* Около каждого имени указан номер документа, в котором оно встречается.

Астрелин Агафагел, студент ХИУ (1810-е) 66, 67, 68
 Ахматов Иван Федорович, учитель нижнего французского класса Казанской гимназии в 1804–1807 127
 Ахмед II (1643–1695), султан Османской империи (1691–1695) 186
 Ахмед III (1673–1736), султан Османской империи (1703–1730) 186
 Ахметов Сагиттмулла 152
 Ахунт-аджи-Мулла-Таки, член-корреспондент КУ в Дербенте в 1840-е гг. 186
 Бабек (ок. 789–800–838), руководитель Иранского национального восстания против Арабского халифата с центром в Северо-Западном Иране (816–837) 186
 Баженов Василий Яковлевич (1787–1831), пр-р всеобщей истории и географии КИУ (с 1822) 145, 147, 148
 Байков Матвей Андреевич (1800–1849), пр-р математики и агрономии ХИУ (1826–1832); инспектор студентов (с 1826) 92, 93
 Баясников Петр Семенович (1788–1812), воспитанник Казанской гимназии (с 1799), переведен в КИУ студентом (1805) 129
 Бартельс Иоганн Мартин Христиан (Мартин Федорович) (1769–1836), пр-р чистой математики КИУ (1807–1820) 136, 189
 Баузе Федор Григорьевич (1752–1812), пр-р юриспруденции МИУ (1781–1783, 1786–1811) 2, 11
 Баумгартнер Андреас фон, барон (1793–1823), австрийский государственный деятель, профессор физики Венского университета (с 1823) 161
 Баязид II Девриш (1447–1512), султан Османской империи (1481–1512) 186
 Белеер Георгий Людвиг, пр-р юриспруденции Геттингенского университета 132
 Белен-де-Баллю Яков Яковлевич (1753–1815), пр-р греческой и французской литературы ХИУ (1803–1811) 60
 Берви Вильгельм (Василий Федорович) (1793/95–1859), пр-р физиологии КИУ (1832–1858) 170, 171, 172, 173, 174
 Березин Илья Николаевич (1818–1896), магистр КИУ (1841), пр-р турецко-татарского языка КИУ (1846–1855) 185, 186, 187
 Бернардацци Иосиф Карлович (1788–1840), художник-архитектор 100
 Бессе Янош, венгерский ученый и путешественник 100
 Бестужев, музыкант 145

Биберштейн Федор Кондратьевич (1768–1826), немецкий ботаник, шелковод, путешественник 123
 Био Жан-Батист (1774–1862), французский физик, член Французской Академии наук 161
 Блазиус Иоганн-Генрих (1809–1870), немецкий естествоиспытатель 123
 Бледе 123
 Бодянский Осип (Иосиф) Максимович (1808–1877), пр-р истории и литературы славянских наречий МИУ (1842–1868) 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 52, 53, 54, 55
 Борисак Никифор Дмитриевич (1816–1882), адъюнкт минералогии ХИУ (с 1847), профессор (с 1852) 119, 123
 Брандейс Герман Федорович (1794 – ?), пр-р патологии, терапии и клиники ХИУ (1828–1831) 92, 93
 Браун Иоганн Фридрих (Иван Осипович) (1777/1778–1819), пр-р патологии, терапии и клиники КИУ (с 1807), ректор КИУ (1813–1819) 138, 139, 177, 179
 Брейтенбах фон, Филипп Франц (Филипп Леонтьевич) (1770–1845), пр-р технологии КИУ (1811–1819) 142, 178, 179
 Броссе Марий Иванович (1802–1880), ориенталист, академик С.-Петербургской академии наук (с 1836) 187
 Брянцев Андрей Михайлович (1749–1821), пр-р логики и метафизики МИУ (с 1795) 14
 Буле Иоганн Феофил (1763–1821), пр-р естественного права и теории изящных искусств МИУ (1804–1811) 14
 Булич Николай Никитич (1824–1895), адъюнкт-профессор русской словесности КИУ (с 1851), пр-р русской словесности КИУ (1854–1860, 1861–1885), ректор КИУ (1864–1870, 1882–1885) 169
 Булыгин Владимир Яковлевич (1789–1838), пр-р российской истории, географии и статистики КИУ (с 1822) 147, 148, 182
 Бунге Христофор Григорьевич (1781–1860), пр-р ветеринарных наук МИУ (1817–1842) 22
 Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886), кандидат (с 1849), адъюнкт химии (с 1851), пр-р (1854–1868), ректор (1861–1863) КИУ, пр-р химии С.-Петербургского университета (1868–1885) 165, 166, 176
 Бучкиев Д.И., дербентский комендант 187
 Бюнеман Генрих Людвиг (1752–1808), пр-р прав естественного, политического и народного КИУ (с 1805) 132

Валицкий Альфонс Осипович (1808–1858), пр-р древностей и словесности греческой ХИУ (с 1835) 99, 119

Ван дер Хулст (1702–1778), нидерландский купец 158

Василевский Дмитрий Ефимович (1781–1844), пр-р политического и народного права МИУ (1822–1834) 22

Вебер Вильгельм Эдуард (1804–1891), физик, преподавал в университетах Галле (1828–1831), Геттингена (1831–1837) и Лейпцига (1843–1891) 158

Вербна, граф 6

Веселаго Феодосий Федорович (1817–1895), управляющий КУО (23 мая–12 ноября 1857) 170

Веселовский, титулярный советник 127

Вехов Иван, абитуриент МИУ 32

Вешняков Петр Иванович казанский губернский предводитель дворянства (1803–1806) 191

Вешнякова Анна Андреевна 191

Вильфинг (Вюльфинг) Мельхиор, учитель Казанской гимназии, содержатель частного пансиона в Казани 127

Вишневский Викентий Карлович (1781–1855), русский астроном, академик 123

Волконский Григорий Петрович, князь (1808–1882), попечитель С.-Петербургского УО (1842–1845) 122

Волконский Григорий Семенович, князь (1742–1824), оренбургский генерал-губернатор (1806–1817) 191

Врангель Егор Васильевич, барон (1784–1841), пр-р русского права КИУ (1811–1820), С.-Петербургского университета (с 1820) 178, 179

Всеволожский Всеволод Андреевич (1769–1836), астраханский вице-губернатор 191

Вяземский Павел Петрович (1820–1888), попечитель КУО (1859–1862) 176

Габейдуллина Хабиб Джамала, первая жена И.И. Хальфина 152

Галлер Гавриил Иванович (1798–1854), адъюнкт физико-математического факультета МИУ (с 1825) 21

Ган Федор Иванович (1799–1880), пр-р повивального искусства ХИУ (с 1834) 109, 110, 119

Ганка Вацлав (1791–1861), чешский филолог и поэт, деятель национального возрождения 42

Ганнибал Ольга Григорьевна, урожденная фон Данненштерн (1742–1817), жена Петра Абрамовича Ганнибала (1742–1826), генерал-майора в отставке 191

Гаусс Иоганн Карл Фридрих (1777–1855), математик, астроном и физик, ученик М. Бартельса, пр-р Геттингенского университета (1806–1855) 158

Гежелинский Григорий Федорович, слободско-украинский вице-губернатор (1815–1820) 72

Гей-Люссак Жозеф-Луи (1778–1850), пр-р химии Политехнической школы и пр-р физики в Сорбонне (с 1809) 161

Гейм Иван Андреевич (1758–1821), пр-р всемирной истории, статистики и географии МИУ (с 1784), ректор МИУ (1808–1819) 4, 13, 15

Гейман Родион Григорьевич (1802–1854), адъюнкт опытной химии МИУ (с 3 февраля 1826); пр-р (с 1833) 21

Гете Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), немецкий поэт и мыслитель, первый министр Саксен-Веймар-Эйзенахского герцогства 58

Гильденштедт Антон Иоганн (1745–1781), русский врач, естествоиспытатель, путешественник, академик С.-Петербургской академии наук (с 1771) 100, 184

Гильтебрандт Федор Андреевич (1773–1845), пр-р хирургии МИУ (1804–1839) 14

Глинка Григорий Андреевич (1776–1818), пр-р русского языка и словесности Дерптского университета (1803–1810) 126

Гмелин Самуил Георг Гютлиб (1745–1774), путешественник, натуралист 100, 123, 184

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767–1829), куратор МИУ (1798–1803), попечитель МУО (1810–1816) 11, 12, 13, 14, 15, 16, 61

Голицын Александр Николаевич, князь (1773–1844), министр духовных дел и народного просвещения Российской империи (1816–1824) 73, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 135, 142, 144, 152

Голицын Сергей Михайлович, князь (1774–1859), попечитель МУО (1830–1835) 22, 23, 24, 26, 28, 29

Головкин Юрий Александрович (1762–1846), попечитель ХУО (1834–1846) 99, 101, 108

Головнин Александр Васильевич (1821–1886), министр народного просвещения (1862–1866) 51

Голохвастов Дмитрий Павлович (1796–1849), помощник попечителя МУО (с 1831), попечитель МУО (1847–1849) 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 46, 48, 49, 53

Голубцов Федор Александрович (1758–1829), министр финансов Российской империи (1807–1810), государственный казначей (1802–1810) 10, 189

Гордеенко Гавриил Степанович (1805–1849), пр-р уголовного и полицейского права ХИУ 110, 111

Гордеенко Егор Степанович (1812–1897), пр-р фармакологии и фармации ХИУ (1842–1859) 110, 119

Городчанинов Григорий Иванович (1772–1852), пр-р русской словесности КИУ (1810–1829) 145

Грещищев Илья Яковлевич (1771–1822), секретарь при кураторе М.М. Хераскове (до 1802), помощник инспектора студентов МИУ 15

Григорович Виктор Иванович (1815–1876), пр-р истории и литературы славянских наречий КИУ (1842–1863), МИУ (1848–1849), Одесского университета (1865–1876) 41, 44, 45, 46, 47, 48

Гринев Иван, смотритель Волчанского уездного училища 66

Громов Яков Никитич (1787–1839), пр-р фармакологии, истории и литературы медицины ХИУ (1820–1835) 83

Грубер Эварест Андреевич (1792–1859), попечитель КУО (1857–1859) 171, 172, 173, 175

Гудович Иван Васильевич (1741–1820), московский градоначальник (1809–1812) 7

Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769–1859), немецкий естествоиспытатель и путешественник, младший брат Фридриха Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) 158

Гун Отто (1764–1832), доктор медицины, домашний секретарь графа А.К. Разумовского (1804–1807) 6

Давыдов Иван Иванович (1794–1863), пр-р российской словесности МИУ (1820–1847) 17, 18

Данауров (Донауров) Михаил Иванович (1758–1817), генерал-майор в отставке, сенатор (с 1801), проводил ревизию Казанской губернии и КИУ (1808) 133, 134

Двигубский Иван Алексеевич (1771–1839), пр-р ботаники МИУ (1807–1833), ректор МИУ (1826–1833) 24

Де Вернейль Эдуард (1805–1873), французский палеонтолог 123

Декандоль Огюстен Пирам (1778–1841), пр-р естественной истории в Женевском университете (с 1816) 161

Делавинь Франц Александрович (1767–1826), пр-р естественной истории и ботаники ХИУ (с 1803) 60, 83

Делавир А. 161

Деметрий Фалерский (350–283 до н. э.), древнегреческий афинский государственный деятель и философ-перипатетик 186

Демидов Павел Григорьевич (1738/1739–1821), ученый натуралист, меценат 16, 126

Демонси Карл Александрович (1816–1867), пр-р частной патологии и терапии ХИУ (с 1844) 110

Джунковский Василий Яковлевич (1767–1826), пр-р греческой словесности ХИУ (с 1819), ректор ХИУ (1821–1826) 79, 83, 88, 89, 91

Диттель Вильям (Вильгельм) Францевич (1816–1848), магистр КИУ (1841–1845), адъюнкт турецкого языка С.-Петербургского университета (1845), пр-р С.-Петербургского университета (1846–1848) 185, 186, 187

Дмитревский Дмитрий Иванович, директор училищ Владимирской губернии 6

Долгоруков Николай Андреевич, князь (1792–1847), харьковский, полтавский и черниговский генерал-губернатор (1838–1847); попечитель КУО (с 1846) 109

Домбровский (? –1830), педель ХИУ 92

Дудрович Андрей Иванович (1782–1830), пр-р философии ХИУ (с 1812); ректор ХИУ (1829–1830) 83

Дунаев Иван Иванович (1788/1789–1852/1853), профессор химии и технологии КИУ (1821–1837) 146

Екатерина II Великая (1729–1796), императрица Российской империи (1762–1796) 6, 126

Еллинский Николай Иванович (1796–1859), пр-р хирургии ХИУ (1821–1833), ректор ХИУ (1830–1833) 92, 93

Епанечников Василий Иванович (1813 – ?), пр-р физики КИУ, хранитель музея (1840) 160

Ешевский Степан Васильевич (1829–1865), адъюнкт русской истории КИУ (1855–1857), пр-р русской истории МИУ (с 1858) 169

Завадовский Петр Васильевич, граф (1739–1812), министр народного просвещения Российской империи (1802–1810) 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 57, 58, 59, 60, 66, 67, 68

Зиновьев Павел Васильевич (1820–1874), попечитель КУО (1857–1860) 117, 120, 121

Иван IV Грозный (1530–1584), великий князь всея Руси (с 1533), первый царь всея Руси (с 1547, кроме 1575–1576) 56

Игумнов Александр Васильевич (1761 – 1834), знаток монгольского языка и быта монголов, переводчик в Иркутске (с 1822) 183

Иноземцев Федор Иванович (1802–1859), пр-р практической хирургии МИУ (1835–1859) 39

Иоанн Георг I (1525–1598), курфюрст бранденбургский 161

Иовский Александр Алексеевич (1796–1857), адъюнкт фармации и химии МИУ (1826–1843) 21

Исаков Николай Васильевич (1821–1891), попечитель МУО (1859–1860) 51

Казвини Хамдаллах ибн Абу Бекр Мостоуфи (Мустоуфи) (1281/1282–1344 или 1350), иранский историк, географ и поэт 186

Казембек Александр Касимович (1801–1870), лектор КИУ (с 1826), адъюнкт (1830), пр-р турецко-татарского языка КИУ (1836–1846), пр-р арабского и персидского языков КИУ (1845–1849), пр-р С.-Петербургского университета (с 1849) 151, 155, 156, 157, 186, 187

Кайсаров Андрей Васильевич (1787–1854), магистр КИУ (1811), адъюнкт физики КИУ (1820–1837) 136

Калениченко Иван Осипович (1805–1876), пр-р физиологии и общей патологии ХИУ (1836–1864) 110, 111, 112, 113

Каменский Иван Петрович (1771–1819), пр-р повивального искусства ХИУ (с 1811) 75

Кан-си (1654–1723), китайский император маньчжурской династии (1662–1723) 182

Караблинов Яков Минич (1779 – ?), пр-р политической экономии и дипломатики КИУ (1824–1837) 147, 148

Каразин Василий Назарович (1773–1842), инициатор основания ХИУ, почетный член ХИУ 74

Карамзин Николай Михайлович (1766–1825), писатель, издатель журналов 126

Карнеев Егор Васильевич (1773–1849), попечитель ХУО (1822–1825) 83, 84, 85, 86, 87

Карнеев Захар Яковлевич (1747–1828), попечитель ХУО (1817–1822) 74, 76, 77, 78, 79, 80, 82

Карташевский Григорий Иванович (1777–1840), преподаватель математики Казанской гимназии (1799–1806), адъюнкт КИУ (1805–1806) 128, 131

Касьянов Петр, житель Харькова 74

Катон Марк Порций (Младший) (95–46 до н. э.), древнеримский политический деятель 117

Кейзерлинг Александр Андреевич, граф (1815–1891), геолог, палеонтолог, путешественник 123

Кемпфер Энгельберт (1651–1716), немецкий путешественник, был секретарем шведского посольства в Персии (1684) 186

Кемц Людвиг Фридрих (Людвиг Мартынович) (1801–1867), немецкий метеоролог, пр-р физики в университете Галле (1822–1841) 161

Керестури Франц Францевич (1735–1811), пр-р анатомии и хирургии МИУ (с 1765) 12

Киттары Модест Яковлевич (1824/25–1880), адъюнкт КИУ (с 1848), пр-р технологии КИУ (1850–1857), пр-р технологии МИУ (1857–1869) 166

Клаус Карл Карлович (1796 – 1864), адъюнкт кафедры химии КИУ (с 1837), пр-р химии КИУ (1839–1852), пр-р фармации Дерптского университета (с 1852) 165, 166

Клеопатра VII Филопатор (69–30 до н. э.), последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев (Лагидов) 186

Клобуцкий Михаил Петрович (1808 – ?), пр-р законов о финансах ХИУ (до 1862) 110, 119

Книгин Иван Дмитриевич (1773–1830), пр-р анатомии и судебной медицины ХИУ (с 1811) 69, 70, 83

Кнорр Эрнест Августович (1805–1862), пр-р физики и физической географии КИУ (1837–1846) 158, 159, 160, 161, 187

Княжевич Александр Максимович (1792– 1872), воспитанник Казанской гимназии (с 1799), переведен в студенты КИУ (1805), кандидат КИУ 127, 189

Княжевич Владислав Максимович (1798–1873), воспитанник Казанской гимназии 189

Княжевич Дмитрий Максимович (1788–1844), воспитанник Казанской гимназии, служил в министерстве финансов (с 1805) 129, 189

Княжевич Елизавета Алексеевна, супруга М.Д. Княжевича, урожденная Руднева 189

Княжевич Максим Дмитриевич (1757–1809), советник казенной палаты Казанской губернии (1808) 189

Княжевич Николай Максимович (1794–1852), воспитанник Казанской гимназии 189

Ковалевский Евграф Петрович (1790 или 1793–1867), министр народного просвещения Российской империи (1858–1861) 117, 121

Ковалевский Осип (Юзеф, Иосиф) Михайлович (1801–1878), кандидат КИУ, адъюнкт КИУ (1833–1834), пр-р монгольского языка КИУ (1834–1860), ректор КИУ (1855–1860) 42, 167, 168, 169, 171, 172, 173, 182, 183

Козлов Александр Илларионович (1816–1893), пр-р акушерства и женских болезней КИУ (1856–1876) 169

Кокошкин Сергей Александрович (1796–1861), харьковский, полтавский и черниговский генерал-губернатор (1847–1856), попечитель ХУО (1847–1855) 110, 111, 112, 113, 114, 115

Кокшаров Константин Александрович, студент КИУ (1825–1829) 145

Комлишинский Василий Сергеевич (1785–1841), пр-р физики ХИУ (1811–1841), ректор ХИУ (1836–1837) 83

Кондырев Петр Сергеевич (1786–1823), адъюнкт КИУ (с 1811), пр-р всеобщей истории, географии, статистики и политической экономики КИУ (с 1814) 179

Коритарий Георгий Георгиевич (? –1810), пр-р фармации ХИУ (с 1806) 60

Корнух-Троцкий Петр Яковлевич (1803–1877), пр-р ботаники КИУ (1836–1858) 187

Коротков Иван, студент КИУ (1824–1828) 145

Косинский Александр Осипович, синдик ХИУ (1858) 118, 119

Коссов Илдефонс Казимирович (1822–1890), пр-р технологии ХИУ (с 1847) 119

Коссович, Каэтан Андреевич (1815–1883), кандидат философского факультета МИУ 31

Костомаров Николай Иванович (1817–1885), кандидат ХИУ (1840–1843) 104, 105

Кременецкий, канцелярист 100

Криницкий Иван Андреевич (1797–1838), пр-р зоологии ХИУ (с 1825) 100, 101, 123

Кронеберг Иван Яковлевич (1788–1838), пр-р древностей и латинской словесности ХИУ (с 1819), ректор ХИУ (1826–1829, 1833–1836) 83, 91, 99

Крылов, ученик Казанской гимназии 129

Кублай-хан (1215–1297), монгольский хан, внук Чингисхана, основатель монгольского государства Юань 182

Кулаков Николай Федорович (1798–1839), кандидат КИУ (с 1820), находился в должности учителя естественной истории Казанской гимназии, адъюнкт естественной истории КИУ (1829–1837) 145

Куницын Алексей Васильевич (1807–1883), пр-р гражданских законов ХИУ (1835–1862), ректор ХИУ (1839–1841/6, 1849–1850, 1852–1853) 110, 115, 119

Купфер Адольф Яковлевич (1799–1865), член Академии наук по минералогии 100

Куракин Алексей Борисович, князь (1759–1829), министр внутренних дел Российской империи (1807–1810) 6

Лаваль Иван Степанович, граф (1761–1846), член Главного правления училищ 86

Лавров, харьковский полицмейстер 75

Лавровский Николай Алексеевич (1828–1899), пр-р педагогики ХИУ (с 1855) 119

Лавровский Петр Алексеевич (1827–1886), пр-р славянских наречий ХИУ (1851–1869) 119

Лакреев Панов Федор, студент КИУ (1825–1829) 145

Ламе Габриэль (1795–1870), математик, физик, пр-р Политехнической школы (1832–1863) 161

Лебедев Василий Яковлевич, адъюнкт физико-математического отделения МИУ (1827) 21

Лебедев Никифор Дмитриевич (1799–после 1855), адъюнкт истории и литературы медицины МИУ (1825–1836) 21

Левицкий Лев Семенович (1772–1807), учитель логики и нравов Казанской гимназии, адъюнкт умозрительной и практической философии КИУ (1805–1807) 128

Лентовский Александр Егорович (1798–1867), пр-р повивального искусства КИУ (1828–1853) 147, 148

Ленц Эмилий Христианович (1804–1865), русский физик, академик С.-Петербургской академии наук 100

Ливен Карл Андреевич, князь (1767–1844), министр народного просвещения Российской империи (1828–1833) 22, 23, 26, 93, 148, 146, 154, 157

Лигург (до 884 до н. э.), древнеспартагский законодатель 56

Линдгрен Иосиф (Осип) Карлович (1790–1830), кандидат физико-математических наук, назначен помощником профессора физики М. Бартельса (1811–1814) 136

Литтров Йозеф Самюэль (Иосиф Антонович) (1781–1840), профессор астрономии КИУ (1810–1816) 137

Лихачев Александр Логинович (1753–1814), известный библиофил, директор Главного народного училища в Казани, а затем Казанской гимназии (1798–1804), Казанских училищ (с 1807) 127, а128, 129, 130

Лобачевский Алексей Иванович (1794/1795–1870), адъюнкт технологии КИУ (1811–1823) 136

Лобачевский Николай Иванович (1792–1856), адъюнкт КИУ (с 1811), пр-р чистой математики (с 1816), ректор КИУ (1827–1846), управляющий КУО (1845–1847), помощник попечителя КУО (с 1847) 136, 137, 147, 149, 152, 155, 163, 164

Ловецкий Алексей Леонтьевич (1787–1840), пр-р минералогии, зоологии и сельского хозяйства МИУ 21

Лочо Гьячан, лама Пакба 183

Лукьянович Семен Семенович (1809–1860), пр-р римской словесности ХИУ (1836–1856) 110, 119

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844), попечитель КУО (1819–1826) 81, 124, 125, 143, 144

Мазелев Александр, таможенный чиновник 74

Мазурин (? –1830), студент ХИУ 92

Малов Михаил Яковлевич (1790–1849), пр-р истории русского права в МИУ (1828–1891) 22

Мантейфель Андрей Андреевич (1762–1832), попечитель КУО (с 1803), фактически в должность не вступал 126

Мария Федоровна (1755–1828), вдовствующая императрица, супруга императора Павла I 5

Мартынов Иван Иванович (1771–1833), директор канцелярии Департамента народного просвещения МНП (1803–1817) 9

Маурер Эрнст Карлович (1780 – ?), пр-р греческой словесности ХИУ (1828–1837) 99

Махмуд I (1696–1754), султан Османской империи (1730–1754) 186

Мейендорф Александр Казимирович, барон (1798–1865), русский путешественник, геолог 123

Мейер Карл Антонович (1795–1855), ботаник, помощник директора (с 1831), директор Императорского ботанического сада в С.-Петербурге 100

Менетриэ Эдуард Петрович (1802–1861), энтомолог, препаратор при Кунсткамере (с 1826) 100

Мерцалов, студент ХИУ 93

Мехмед II Завоеватель (Фатих) (1432–1481), султан Османской империи (1444–1446, 1451–1481) 186

Мещеринов Дмитрий, студент КИУ (1825–1829) 145

Мистаки Сергиус (Сергей) Андреевич (1779–конец 1860-х/ начало 1870-х), пр-р греческой словесности КИУ (1823–1839). 147, 148

Михайлов Яков Иванович, квартирмейстер Казанской гимназии 127

Могилевский Афанасий Григорьевич (1774–1850), пр-р богословия ХИУ (1819–1837) 83, 97

Модерах Карл Федорович (1747–1819), губернатор Пермской губернии (1797–1804), Пермского и Вятского генерал-губернаторства (1804–1811) 190

Молоствов Владимир Порфирьевич (1794–1863), попечитель КУО (1847–1857) 34, 41, 44, 45, 47, 48, 165, 166, 167, 168, 169

Мор путешественник 6, 7, 8, 9, 10

Мудров Матвей Яковлевич (1772–1831), пр-р патологии, терапии и клиники МИУ (с 1808) 14, 19

Муравьев Михаил Никитич (1757–1807), товарищ министра народного просвещения (с 1802), попечитель МУО (с 1803) 2, 132

Муратов Василий Гаврилович (1776–1843), харьковский гражданский губернатор (1815–1827) 72

Муратова Марья Осиповна, теща И.И. Хальфина, мать его второй жены Фаризы Салиховой 152

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862), попечитель КУО (1826–1845) 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 183, 185, 187

Мустафа III (1717–1774), султан Османской империи (1757–1774) 186

Мухаммед (571–632), проповедник, пророк, центральная фигура религии ислам 186

Назимов Владимир Иванович (1802–1871), попечитель МУО (1849–1855) 50

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император (1804–1815) 117

Наранович Петр Андреевич (1804–1858), пр-р анатомии ХИУ 110

Ней Фридрих (Федор) (1808 – ?), механик физического кабинета КИУ, лектор КИУ (1830–1861) 160

Нечаев Степан Дмитриевич (1792–1860), обер-прокурор Святейшего синода (1833–1836) 28

Николай I Павлович (1796–1855), император Российской империи (1825–1855) 95, 185

Никольский Григорий Борисович (1785–1844), пр-р прикладной математики КИУ (1814–1839), ректор КИУ (1820–1823), директор КИУ (1822–1826) 146

Нордман Александр Давидович (1803–1866), ботаник, зоолог, путешественник 123

Норов Авраам Сергеевич (1795–1869), товарищ министра народного просвещения Российской империи (1850–1853), министр народного просвещения (1853–1858) 111, 167, 168, 169, 170, 175

Оболенский Андрей Петрович, князь (1769–1852), попечитель МУО (1816–1825) 17

Обрезков Петр Алексеевич (1798–1814), сенатор (1802–1814), главный директор Межевой канцелярии (1804–1809) 191

Ордынский Борис Иванович (1823–1861), и.д. адъюнкта латинской словесности КИУ (с 1853), лектор (с 1857), пр-р КИУ (с 1861) 169

Орлов Григорий Владимирович, граф (1777–1826), учредил Лесной практический институт (1808) 191

Орнатский Сергей Николаевич (1806–1884), пр-р общенародного правоповедения и дипломатики ХИУ (1846–1848) 110

Осиповский Тимофей Федорович (1765–1832), пр-р чистой математики ХИУ (1803–1820), ректор ХИУ (1813–1820) 60, 63, 66, 67, 68, 74, 79

Осман III (1699–1757), султан Османской империи (1754–1757) 186

Осокин Евграф Григорьевич (1819–1880), пр-р законов о государственных повинностях и финансах КИУ (с 1850), ректор (1863–1872, 1876–1880) 176

Павлов Михаил Григорьевич (1795–1840), пр-р физики, минералогии и сельского хозяйства МИУ (с 1820) 21, 22

Паки-де-Совиньи Николай Николаевич (около 1774–после 1836), пр-р древностей и латинского языка ХИУ (1803–1836) 96

Паллас Петр Симон (1741–1811), естествоиспытатель, географ и путешественник, член С.-Петербургской академии наук (с 1767) 100, 123, 184

Паломбецкий Александр Иванович (1811–1897), пр-р юриспруденции ХИУ (1838–1876), ректор ХИУ (1850–1852, 1872–1873) 110, 111, 114, 119

Панин Александр Никитич, граф (1791–1850), помощник попечителя ХУО (1833–1838) 94

Панкевич Михаил Иванович (1757–1812), пр-р прикладной математики МИУ (1791–1812) 14

Паулович Константин Павлович (1782 – ?), пр-р римского права ХИУ (1809–1834) 74, 83, 90

Пахомов, ученик Казанской гимназии 129

Перевошиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880), пр-р астрономии МИУ (1826–1851), ректор МИУ (1848–1851) 53

Перовский Алексей Алексеевич (1787–1836), попечитель ХУО (1826–1830) 88, 89, 90, 91

Петров Александр Михайлович (первый), воспитанник Казанской гимназии, один из первых студентов КИУ 129

Петров Дмитрий студент КИУ (с 1822) 125

Петров Павел Михайлович (второй), воспитанник Казанской гимназии, один из первых студентов КИУ 129

Петров Павел Яковлевич (1814–1875), адъюнкт санскритского языка КИУ (1841–1852) 50

Пильгер Федор Васильевич (1760–1823), пр-р ветеринарии ХИУ (1806–1823) 57

Пименов Павел, студент КИУ (1826–1829) 145

Писарев Александр Александрович (1780 (1781)–1848), попечитель МУО (1825–1829) 19, 20, 21

Писарев Николай, студент КИУ (1825–1829) 145

Пискуновский, аптекарь в Харькове 74

Платон (428/427–348/347 до н. э.), древнегреческий философ 186

Платонов Иван Васильевич (1805–1890), пр-р законов о государственном устройстве и благочинии ХИУ (1837–1865) 110

Плотников Александр, студент КИУ (1823–1827) 125

Покровский Никифор Федорович (1779–1838), попечитель Одесского учебного округа (1829–1837) 93

Помпей Гней, Великий (106–48 до н. э.), древнеримский государственный деятель и полководец 186

Попов Александр Васильевич (1808–1865), студент восточной словесности КИУ, адъюнкт монгольского языка (1833–1835), пр-р КИУ (1835–1853), пр-р монголо-калмыцкого языка и словесности С.-Петербургского университета (1855–1860) 145, 182, 183

Попов Нил Александрович (1833–1891), историк, и. д. адъюнкта по кафедре русской истории КИУ (1857–1860), пр-р русской истории МИУ (1860–1888) 169

Потоцкий Алексей, студент КИУ (1825–1829) 145

Потоцкий Северин Осипович, граф (1762–1829), попечитель ХУО (1803–1817) 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 72

Прокопенков Федор Николаевич, секретарь Конторы Казанской гимназии 127

Протасов Сергей Алексеевич (1792/93–1830), адъюнкт нравственно-политических наук КИУ (с 1824), пр-р (1830), синдик КИУ (1829) 147, 148

Протопопов Иван Иванович, помощник инспектора студентов КИУ (1826–1833), учитель рисования Казанской гимназии 145

Протопопов Матвей Николаевич (1794–1857), пр-р философии ХИУ (1823–1825, 1834–1857) 110

Птолемей I Сотер (367–283 до н. э.), эллинистический правитель Египта (323–283 до н. э.), основатель династии Птолемеев 186

Птолемей II Филадельф (309–246 до н. э.), царь Египта (283–246 до н. э.) 186

Пуассон Симеон Дени (1781–1840), пр-р физики (с 1802), пр-р рациональной механики факультета наук Сорбонны, Политехнической школы 161

Пулье Клод (1791–1868), пр-р физики факультета наук Сорбонны, Политехнической школы 161

Путинцев Дормидонт, студент КИУ (1825–1829) 145

Путятин Евфимий Васильевич, граф (1803–1883), министр народного просвещения Российской империи (1861–1862) 122

Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), получил образование в КИУ и С.-Петербургском университете, пр-р всеобщей литературы С.-Петербургского университета (1860–1861) 169

Разумовский Алексей Кириллович, граф (1748–1822), попечитель МУО (1807–1810), министр народного просвещения Российской империи (1810–1816) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 61, 62, 63, 64, 65, 70, 71, 72, 73, 82, 135, 136, 137, 139, 140, 141

Райдаровский, секретарь правления ХИУ 75

Рафиков Ахметян, указной мулла 152

Рейпольский Иван Николаевич (1789–1865), пр-р патологии, терапии и клиники ХИУ (с 1826) 98

Рейт Бернгард Осипович (1770–1824), пр-р естественного, политического и народного права ХИУ (с 1804) 63, 83

Рейхенбах Георг (1772–1826), механик и инженер 161

Ремюза Жан Пьер Абель (1788–1832), французский ориенталист 182

Ренард Христофор Иосиф (Иосиф Христофорович) (1781–1817), провизор вольной аптеки в Перми (с 1806), адъюнкт фармации и врачебного вещевословия КИУ (1811–1817). 190

Рижский Иван Степанович (1759–1811), пр-р российской словесности и красноречия ХИУ (с 1803), ректор ХИУ (1805–1806, 1808–1811) 60, 188

Риттер Йохан, австрийский ученый 6

Рихтер Вильгельм Михайлович (1767–1822), пр-р повивального искусства МИУ (1790–1819) 5

Рославский-Петровский Александр Петрович (1816–1870), пр-р всемирной истории и статистики, ректор ХИУ (1858–1862) 110, 116, 117, 119

Рубини Иосиф Павлович (1792–1854), лектор итальянского языка МИУ (1827) 21

Румовский Степан Яковлевич (1734–1812), попечитель КУО (1803–1812) 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 188, 189, 190, 191

Рунич Дмитрий Павлович (1778–1860), попечитель С.-Петербургского учебного округа (1821–1826) 86

Рыбушкин Михаил Самсонович (1792–1849), студент КИУ (1810–1812), кандидат (1813), адъюнкт российской словесности КИУ (1823–1835) 138

Салихова Фариза, вторая жена И.И. Хальфина 152

Салтыков Михаил Александрович (1767–1851), попечитель КУО (1812–1818) 137, 138, 139, 141, 177, 178

Санан-Сэцэн (Саган Эрхэ Сэцэн Хунтайджи) (1604 – ?), монгольский летописец 182

Сеид Мухаммед Риза (? –1756), крымский историк 155, 186

Семенов Александр, студент ХИУ 74, 75

Сергеев Петр Сергеевич (1795/1796–1868), пр-р законов государственного благоустройства, пр-р философии КИУ (1823–1844) 147, 148

Симонов Иван Михайлович (1794–1855), студент КИУ (1809–1812), пр-р астрономии КИУ (с 1816), и. д. ректора КИУ (1846–1849), ректор КИУ (1849–1855). 136, 137, 147, 148, 164, 165, 166

Славянский Михаил Иванович (1823–1873), адъюнкт всеобщей истории КИУ (1857) 169

Сокальский Иван Петрович (1829–1896), пр-р политической экономики и статистики (с 1858) ХИУ 116, 117, 119, 120, 121

Сокальский Петр Иванович (1796–1858), пр-р политической экономики (1825–1849) ХИУ 79, 99, 110

Соколов Авдий Иванович (1824–1893), учитель истории Первой Казанской гимназии, преподаватель славянских наречий в КИУ (1849–1850) 169

Соколов Иван Дмитриевич (1812–1873), пр-р прикладной математики ХИУ (1841–1865) 110

Сокольский Григорий Иванович (1807–1886), пр-р частной патологии и терапии МИУ (1835–1848) 39, 40

Сократ (469–399 до н. э.), античный философ 117

Солнцев Гавриил Ильич (1786–1866), профессор прав знатнейших древних и новых народов КИУ (1815–1823), ректор КИУ (1819–1820) 140, 143

Соломон, третий еврейский царь, легендарный правитель объединенного Израильского царства (965–928 до н. э.) 186

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), общественный и государственный деятель 20

Стойкович Афанасий Иванович (1764–1832), пр-р физики ХИУ (1803–1813), ректор ХИУ (1807–1808, 1811–1813) 59, 60, 62, 66, 67, 68

Страхов Петр Иванович (1757–1813), пр-р физики МИУ (1787–1813), ректор МИУ (1805–1807) 2, 13

Строганов Сергей Григорьевич, граф (1794–1882), попечитель МУО (1835–1847) 30, 31, 32

Струве Адольф Карлович (1811 – ?), пр-р умозрительной хирургии (с 1837) ХИУ 110

Струве Отто (Оттон) Васильевич (1819–1905), русский астроном, член С.-Петербургской академии наук (1852–1889) 123

Сулейман I Великолепный (Каруни) (1494–1566), султан Османской империи (1520–1566) 186

Суровцев Григорий Степанович (1786–1860), профессор красноречия КИУ (1822–1840) 147, 148

Сырнев Алексей, студент КИУ (1825–1829) 145

Таубер Андрей Михайлович, минералог при Главном правлении училищ (1805–1808) 6, 8, 10

Тенишев Дмитрий Васильевич, князь (1768–1829), казанский вице-губернатор (1797, 1801), астраханский губернатор (1802–1808) 191

Тимирязев Иван Семенович (1791–1867), военный губернатор Астраханской губернии (184–1867) 187

Тимковский Илья Федорович (1773–1853), пр-р гражданского и уголовного права ХИУ (1803–1811) 66–68

Тиханович Иосиф Кириллович (1786–1866), адъюнкт рецептуры МИУ, инспектор казенных студентов (1826–1830) 21

Тихомиров Александр, студент МИУ (1804-е) 56

Тон Андрей Андреевич (1800–1858), пр-р архитектуры ХИУ (с 1837) 110

Траян (53–117), древнеримский император (98–117) 186

Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809), московский генерал-губернатор (1806–1809) 7

Уваров Сергей Семенович, граф (с 1846) (1786–1855), министр народного просвещения Российской империи (1833–1849) 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 122, 123, 159, 185, 186

Угянский Андрей Онуфриевич (1816–1870), преподаватель Симбирской и Первой Казанской гимназии, магистр (1850), и. д. пр-ра греческой словесности КИУ (1861) 169

Упадышевский Николай Васильевич (1787 – ?), воспитанник Казанской гимназии (с 1799), переведен студентом КИУ (1805–1809) 129

Успенский Гавриил Петрович (1765–1820), пр-р истории и статистики Российского государства ХИУ (с 1807) 75

Фазыл Ахмед-паша (из династии Кёпрюлю) (1635–1676), великий визирь Османской империи 186

Фарадей Майкл (1791–1867), английский физик, химик и физико-химик, член Лондонского королевского общества (с 1824) 153, 158

Фарнезе Томас (? –1829), пр-р анатомии, медицины и судебной полиции КИУ (1828–1829), умер по пути в Казань 153

Фатали-хан (1736–1788), правитель Кубинского ханства (1758–1788) 186

Фехнер Густав Теодор (1801–1887), немецкий психолог, пр-р физики Лейпцигского университета (с 1834) 161

Филатьев Владимир Иванович (1778–1842), попечитель ХУО (1830–1834) 93, 94

Филиппович Константин Михайлович (? – 1878), студент МИУ, затем КИУ (1848–1853). Впоследствии доктор медицины 32, 33, 34

Филипсон Григорий Иванович (1809–1883), попечитель Санкт-Петербургского УО (1861–1862) 122

Финке Иоганн Христофор (Иван Арнольдович) (1773–1814), пр-р прав естественного, политического и народного КИУ (1809–1814) 178, 179, 180, 181

Фирек(к) Фридрих Вильгельм, пастор, лектор немецкого языка КИУ (1827) 145

Фишер Карл фон, главный надзиратель Казанской гимназии 127, 128, 129

Фишер-фон-Вальдгейм Готгельф (1771–1853), пр-р естественной истории МИУ (1804–1832) 6, 9

Фойгт Карл Карлович (1808–1873), пр-р русской словесности КИУ (1839–1851), пр-р русской словесности ХИУ, ректор ХИУ (1852–1859), помощник попечителя ХИУ (1859–1863) 117, 119, 187

Франк Иоганн Петер (1745–1821), австрийский клиницист, ректор Медико-хирургической академии в Петербурге (1805–1808) 6

Франц I Стефан (1708–1765), император Священной Римской империи 6

Фраунгофер Йозеф (1787–1826), немецкий оптик 161

Френ Христиан Мартин (Христиан Данилович) (1782–1851), пр-р восточной словесности КИУ (1807–1817), член С.-Петербургской Академии наук (с 1817) 187

Фукс Карл (Карл Федорович) (1776–1846), пр-р естественной истории и ботаники КИУ (1806–1818), пр-р терапии, патологии и клиники КИУ (1819–1846), ректор КИУ (1823–1827) 146, 153, 154, 190, 191

Фусс Николай Иванович (1755–1825), академик С.-Петербургской академии наук, член Главного правления училищ (с 1803) 86

Хальфин Ибрагим Исаевич (1778–1829), лектор татарского языка КИУ (с 1812), адъюнкт восточной словесности КИУ (с 1823) 152, 155

Хальфин Салих, сын И.И. Хальфина от первой жены Хабиб Джамалы Габейдуллиной 152

Хальфин Шагингирей Ибрагимович (1807 – ?), сын И.И. Хальфина от первой жены Хабиб Джамалы Габейдуллиной, преподавал татарский язык в Казанской гимназии (1825–1828) 152

Хальфин Шах-Ахмет Ибрагимович, сын И.И. Хальфина от первой жены Хабиб Джамалы Габейдуллиной 152

Хальфина Гайнук Дзямала, дочь И.И. Хальфина от первой жены Хабиб Джамалы Габейдуллиной 152

Хальфина Зюгрея (1829 – ?), дочь И.И. Хальфина от второй жены Фаризы Салиховой 152

Харун ар-Рашид (763–809), арабский халиф, правитель Аббасидского халифата (786–809) 186

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), куратор МИУ (1763–1802) 1

Цветаев Лев Алексеевич (1777–1835), пр-р римского и всеобщего права МИУ (1805–1835) 11, 14, 22

Цертелев Николай Андреевич, князь (1790–1869), помощник попечителя ХУО (1839–1858) 103, 104, 105, 106, 107, 108

Черепанов Никифор Евтропиевич (1763–1823), пр-р всеобщей истории, статистики и географии МИУ (с 1799) 14

Чернай Александр Викентьевич (1821–1898), адъюнкт зоологии ХИУ (с 1845), магистр ХИУ (с 1846), пр-р ХИУ (1848–1873) 119, 123

Черняев Василий Матвеевич (1793–1871), пр-р ботаники ХИУ (1829–1859) 110, 123

Чингисхан (1155 или 1162–1227), краткий титул монгольского хана из рода боружигинов, объединившего разрозненные монгольские племена 182

Шад Иоганн Баптист (1758–1834), пр-р философии ХИУ (1804–1816) 60

Шарбе Раймунд Августович (1824–1873), адъюнкт КИУ (с 1851), доктор КИУ (1854), пр-р философии и древней филологии КИУ (1858–1861) 169

Шароградский, студент ХИУ 92

Шевырев Степан Петрович (1806–1864), пр-р русской словесности МИУ (1837–1857) 52, 53, 54, 55, 56, 56а

Шестаков Александр Иванович (1762 – ?), директор Саратовского главного народного училища 126

- Шидловский Андрей Петрович (1818–1892), пр-р астрономии ХИУ (1843–1856) 110, 123
- Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853), товарищ министра народного просвещения Российской империи (с 1842), министр народного просвещения (1850–1853) 50, 104, 112, 113, 114, 115
- Шишков Александр Семенович (1754–1841), министр народного просвещения Российской империи (1824–1828) 17, 19, 20, 21, 87, 88, 89, 90, 91, 125, 183, 184
- Шнауберт Иван Андреевич (ок. 1781 – ?), пр-р химии ХИУ (1806–1811) 58
- Шредер Андрей Иванович, директор училищ Слободско-Украинской губернии 66, 67, 68
- Штейнгель Карл Август (1801–1870), пр-р Мюнхенского университета 161
- Шумлянский Павел Михайлович (1754–1824), пр-р хирургии ХИУ (с 1805) 59, 60, 66–68, 73
- Щербатов Григорий Алексеевич, князь (1819–1881), попечитель С.-Петербургского УО (1856–1858) 122
- Эверс Иоганн Филипп Густав (1781–1830), пр-р статистических и географических наук Дерптского университета (с 1810), ректор Дерптского университета (с 1818) 86
- Эверсман Александр Эдуардович (1831 – ?), сын Э.А. Эверсмана 163, 164
- Эверсман Василий Эдуардович (1827 или 1828 –?), сын Э.А. Эверсмана 163, 164
- Эверсман Евгения Эдуардовна (1826 – ?), дочь Э.А. Эверсмана, в замужестве Толмачева 163, 164
- Эверсман Михаил Эдуардович (1840–1910), сын Э.А. Эверсмана 163, 164
- Эверсман Николай Эдуардович (1823–1901), сын Э.А. Эверсмана 163, 164
- Эверсман Эдуард Фридрих (Эдуард Александрович) (1794–1860), пр-р ботаники и зоологии КИУ (с 1828) 147, 162, 163, 164, 187
- Эйхвальд Карл Эдуард (Эдуард Иванович) (1795–1876), пр-р повивального искусства и естественной истории КИУ (1823–1838) 184

- Экеблад Христиан Адольфович (1800–1881), пр-р ветеринарных наук ХУ (1829–1831), пр-р физиологии, судебной медицины и медицинской полиции (до 1834) 92
- Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775–1837), генерал от кавалерии, начальник Кавказской области 100
- Эннекенъ Иван Петрович, лектор французской словесности МИУ (1827) 21
- Эрдман Федор Христоворович (Иоган-Фридрих) (1778–1846), пр-р патологии, терапии и клиники КИУ (1810–1817), первый декан факультета врачебных наук 181
- Эрдман Франц (Федор Иванович) (1793–1863), пр-р восточной словесности КИУ (1818–1845) 144, 145, 147, 148, 149, 150, 187
- Эрих Иван Иванович (1755 – ?), преподаватель Казанской гимназии, с 1805 адъюнкт, в 1810–1819 пр-р КИУ 129
- Эртель, механик 161
- Эттинггаузен А., физик; преподавал в Венском университете 161
- Юлий Цезарь Гай (100 или 102–44 до н. э.), древнеримский государственный и политический деятель, диктатор Римской республики (49–44 до н. э.) 86
- Якимов Василий Алексеевич (1802–1853), пр-р русской словесности ХИУ (1831–1852) 110
- Яковкин Илья Федорович (1764–1836), «профессор-директор» Казанской гимназии и КИУ (1805–1811), пр-р российской истории КИУ (1805–1819) 128, 129, 180, 189

СПИСОК ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 1 Переписка с попечителем Московского университета о доставлении сведений о состоянии университета и других учебных заведений, 1802–1803.
2. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 51 Дело о разрешении И.И. Давыдову поездки за границу для осмотра университетов, 1825–1826.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 66 Дело об утверждении пр-ра Ф.Г. Баузе ректором университета, 1807.
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 70 Дела о рассмотрении предложений попечителя учебного округа графа А.К. Разумовского о мерах по улучшению состояния университета, в том числе об избрании ректора не ежегодно, а на более длительные сроки, 1808–1809.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 71 Дело об утверждении ректором университета пр-ра И.А. Гейма и деканами отделений на 1808 г.: А.М. Брянцева, А.А. Прокоповича-Антонского, В.М. Рихтера, Х.Ф. Матеи; на 1809 г.: Х.А. Шлецера, П.И. Страхова, И.Ф. Венсовича, Х.Ф. Матеи; на 1811 г.: А.М. Брянцева, М.И. Панкевича, М.Я. Мудрова, Н.Е. Черепанова; на 1812 г.: Ф.Х. Рейнгарда, П.И. Страхова, М.Я. Мудрова, Н.Е. Черепанова, 1808–1818.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 74 Дело о рассмотрении заслуг пр-ра хирургии и повивального искусства В.М. Рихтера в области медицины и о награждении его в связи с этими заслугами, 1808.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 75 Дело об отправлении минералога Главного правления училищ А.М. Таубера в научную экспедицию для исследования Сибири, совместно с австрийским натуралистом Мором, и об утверждении А.М. Таубера в звании адъюнкта университета. Письма А.К. Разумовского министру народного просвещения с жалобами на пренебрежение правительством интересов русской науки при разрешении Морю организовать экспедицию в Сибирь без участия русских ученых, 1808–1809.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 105 Дело об увольнении пр-ра Ф.Г. Баузе и о назначении ему пенсии, 1810–1825.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 107 Дело о награждении пр-ра Ф.Ф. Керестури следующим чином за полезную деятельность, 1810–1811.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 212 Дело о выдаче пособия казеннокоштным студентам университета, в связи с их тяжелым материальным положением, осложненным военными событиями, 1814–1815.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 72 Дело об осмотре попечителем учебного округа и гр. С.Г. Строгановым университета и об утверждении формы мундиров казенных и своекоштных студентов и воспитанников пансиона и гимназии, 1826.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 121 Отчет о новом устройении Московского Университета и Благородного при оном Пансиона. тут же о награждении некоторых чиновников Московского Университета, 1827.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 122 Дело об установлении над своекоштными студентами надзора местной полиции, 1827–1828.
14. РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 4 Дело о выработке мер для усиления надзора за ходом преподавания в университете и регулировании взаимоотношений между деканами и Советом университета, 1831.
15. РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 5 Дело об организации общежития для проживающих на частных квартирах студентов ун-та с целью подчинения их надзору. Статистические сведения о социальном составе студентов — Л. 14, 1831–1832.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 196 Дело о командировании в Медицинский институт при университете 40 воспитанников Духовных академий и семинарий для укомплектования вакантных мест казеннокоштных студентов, 1835–1836.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Д. 2 Дела о введении в ун-те преподавания механики, всеобщей географии и восточных языков и о назначении магистра А.С. Ершова преподавателем механики, кандидата А.П. Ефремова — всеобщей географии и кандидата Коссовича — восточных языков, о командировании за границу с научной целью Коссовича, о назначении аптекарского помощника Н. Новара пом. лаборанта химической лаборатории и об увеличении отпуска средств на содержание химической и фармацевтической лаборатории, студенческой больницы и церкви, 1844–1848.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Д. 174 Дело об исключении из университета студента 2 курса медицинского факультета К. Филипповича за сдачу вступительного экзаменов в университет вместо И. Вехова и о разрешении ему поступать в Казанский университет, 1847–1848.

19. РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 3 Предписание /конфиденциальное/ министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа об установлении строгой дисциплины в университете, о систематической борьбе со стремлением студентов рассматривать себя как корпорацию и о запрещении им выражать на лекциях одобрение профессорам аплодисментами. Упоминается о революционных событиях в Западной Европе как о причине, вызвавшей предписание, 1848.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 9 Дело о назначении возвратившихся из заграницы: кандидата О.М. Бодянского о. пр-ром университета и действительного студента Харьковского университета В.И. Григоровича э. пр-ром КУ, об увольнении пр-ра О.М. Бодянского и назначении ему пенсии, 1848—1849.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 11 Дело по обвинению ординарного пр-ра Г.И. Сокольского в завышенной оценке знаний студентов 4 курса медицинского факультета по психиатрии, об увольнении его и назначении на его место Н.С. Топорова. Списки студентов 4 курса медицинского факультета, 1848—1849.
22. РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 83 Дела о сокращении числа студентов до 300, о введении преподавания восточных языков на историко-филологическом факультете, назначении П.Я. Петрова преподавателем санскритского языка, о введении преподавания низшей геодезии на физико-математическом факультете, об открытии кафедры химии на медицинском факультете и назначении Г.А. Гивартовского экстраординарным профессором этой кафедры, о введении преподавания истории и археологии искусств и назначении К.К. Герца преподавателем этой кафедры, об открытии кафедры государственного права Европейских держав; об устройстве метеорологической и магнитной обсерватории, о пожертвовании Ф.Ф. Вигелем и Хрустелевым книг и гравюр, о покупке библиотеки генерала А.П. Ермолова, об утверждении ректором университета на 1850 г. А.А. Альфонского и деканами I-го отделения философского факультета С.П. Шевырева, 2-го отделения А.Г. Фишера и юридического — С.И. Баршева, о запрещении держать неуспевающих студентов более 2-х лет на одном курсе, о введении пятибалльной оценки знаний студентов и по другим вопросам, 1849—1860.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 38. Д. 255 Об отправлении некоторых лиц МУО за границу для ознакомления с тамошними учебными заведениями, 1862.
24. РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 2 Записка М.Л. Магницкого о мероприятиях, проведенных им в КУ, и план мероприятий, намеченных к проведению, с целью полного подчинения науки требованиям религии и церкви, 1822.
25. РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 180 Дело об отправке студента университета Д. Петрова на Кавказские минеральные воды для лечения, 1825.
26. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 60 Дела о назначении Ф.В. Пильгера и И.А. Шнауберта пр-рами университета и об увольнении их, 1806—1829.
27. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 61 Дело об утверждении пр-ра А.И. Стойковича ректором университета, 1806—1807.
28. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 90 Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров И.Ф. Тимковского, А.И. Стойковича, П.М. Шумлянского, Я.Я. Баллю — деками, 1808—1809.
29. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 128 Дело о замещении вакантных кафедр ХУ, о назначении И.П. Каменского пр-ром, увольнении пр-ра Ф.Н. Пильгера и о службе заслуженного пр-ра И.Д. Книгина, 1811—1830.
30. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 138 Дело о присвоении пр-ру П.М. Шумлянскому звания заслуженного пр-ра и об увольнении его, 1811—1817.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 139 Дело об увеличении размера стипендии казеннокоштным студентам и жалованья кандидатам и магистрам университета, 1811—1816.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 140 Дело о принятии мер для лучшей подготовки студентов университета к государственной службе, 1811.
33. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 141 Дело о приеме вновь в университет студента А. Астрелина, отказавшегося занять место учителя в Волчанском уездном училище Харьковской губернии, 1811—1812.
34. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 169 Дело о запрещении принимать в университет и гимназию на казенное содержание лиц без медицинского свидетельства о состоянии здоровья, 1812.
35. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 277 Дело по обвинению студентов университета в написании пасквиля на харьковского вице-губернатора Ф.Ф. Гежелинского, 1816.
36. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 322. Дело о принятии мер к улучшению успеваемости студентов университета, 1818—1849.

37. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 323 Дело об отдаче в солдаты казеннокоштных студентов университета В. Телегина и А.М. Семенова за безнравственное поведение, 1818–1833.
38. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 360 Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820.
39. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 409 Дело о приглашении карпато-русских пр-ров в Казанский и Харьковский университеты, 1820–1826.
40. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 414. Дела об увольнении ректора университета профессора Т.Ф. Осиповского и об утверждении ректором В.Я. Джунковского, 1820–1835.
41. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 419 Дело об отобрании у студентов университета: Аврамова, Белоусова, Сокальского, Майстренкова, Степанова и Робаконова выданных без экзамена свидетельств на степень кандидата, 1820–1821.
42. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 478 Дело о рассмотрении проекта преобразования ХУ и Слободскоукраинской гимназии и об увеличении числа казеннокоштных студентов в университете в связи с недостатком учителей в учебных заведениях, 1822–1825.
43. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 541 Дело об осмотре попечителем ХУО университета и других учебных заведений округа, 1824–1826.
44. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 506 Дело о рассмотрении проекта попечителя ХУО о преобразовании университета и Слободскоукраинской гимназии, 1823–1824.
45. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 548 Дело о назначении педелей для усиления надзора за студентами университета, 1824–1826.
46. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 579 Проект устава и штата ХУ и мнения пр-ров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835.
47. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 608 Дело об увольнении пр-ра В.Я. Джунковского от должности ректора университета и об утверждении ректором пр-ра И.Я. Кронеберга, 1826–1827.
48. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 749. Дело о расследовании жалобы ректора университета на пр-ра Г.Ф. Брандейса в связи с отказом последнего лечить больных холерой и оскорбительными выходками, 1830–1833.
49. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 945 Дело о сообщении помощником попечителя ХУО намечаемых им мер к улучшению состояния университета, 1834.
50. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1004 Дела о преобразовании университета по новому уставу, об увольнении и назначении пр-ров, о распределении кафедр, увеличении числа помощников инспектора студентов и библиотекаря и др., 1835–1859.
51. РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 1007 Дело о командировании пр-ра университета И.А. Криничкого на Кавказ и в Крым с научной целью и для осмотра учебных заведений; о смерти его, 1835–1842.
52. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 15 Дело об усилении надзора за студентами Харьковского университета, 1839–1848.
53. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 117 Дело об избрании П.П. Артемовского-Гулака ректором университета, А.В. Куницына – проректором, А.О. Валицкого, В.М. Черняева и Ф.И. Гана – деканами факультетов, 1841–1842.
54. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 164 Дела о запрещении публичной защиты диссертации Н.И. Костомарову на тему: «О причинах и характере унии в Западной России», об утверждении выбранной им другой темы – «Об историческом значении народной русской поэзии» и об утверждении его в степени магистра исторических наук. Отзыв Н.Г. Устрялова о первой диссертации Костомарова, 1842–1844.
55. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 170 Дело о разрешении издавать лучшие сочинения студентов, 1842.
56. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 171 Дело о разрешении казеннокоштным студентам жить на частных квартирах в связи с теснотой в университетских зданиях, 1842.
57. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 388 Дело о введении преподавания сельского хозяйства и лесоводства в качестве обязательных учебных предметов для студентов естественного отделения, 1844–1846.
58. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389 Дело о принятии мер к улучшению учебной части на медицинском, юридическом и философском факультетах ХУ, 1846–1847.
59. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 463 Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849.
60. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 670 Дело об увольнении пр-ра А.И. Паломбецкого от должности ректора университета, об отклонении министром народного просвещения ходатайства попечителя ХУО о назначении пр-ра И.О. Калениченко и временном поручении исполнения обязанностей ректора пр-ру А.В. Куницыну, 1851–1852.

61. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1035 Дело о предоставлении Совету ХУ права контролировать отзывы инспекции о поведении студентов, 1858.
62. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1251 Дело об отказе удовлетворить ходатайство домашней учительницы Л. Ожиной о допуске ее к слушанию лекций на медицинском факультете Харьковского университета с целью получения медицинского звания, 1861–1863.
63. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 611 О плане экспедиции для исследования Харьковской губернии в географическом и естественно-историческом отношениях, 1846.
64. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26 Список о службе директора Саратовского училища А.И. Шестакова «Нечто о гимназиях, университетах и других высших училищах Российской Империи», 1803–1806.
65. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 47 Дело о прошедших в гимназии от воспитанников беспорядках и об увольнении от должностей директора А.Л. Лихачева и главного надзирателя Карла фон Фишера, 1804–1806.
66. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 105. Дело об утверждении Г.-Л. Бюнемана про-ром естественного, политического и народного права при КУ, 1805–1807.
67. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 129 Об отправлении г. попечителя для обозрения училищ и о приготовлении для него в Казани и Нижнем Новгороде некоторых комнат, 1805–1806.
68. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 282. Переписка по поводу посещения сенатором М.И. Данауровым КУ и гимназии за 1808, 1808.
69. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 413 Подлинные предложения министра народного просвещения [А.К. Разумовского] попечителю КУО [С.Я. Румовскому]. Т. 2., 1811.
70. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 525. Дело о представлении положений для испытаний на ученые степени, 1815.
71. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 611 Об утверждении адъюнктов Н.И. Лобачевского и И.М. Симонова в звании э. пр-ров, 1815–1816.
72. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 612 Об утверждении э. пр-ра Г.И. Солнцева о. пр-ром, 1816.
73. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 809 Рапорт инспектора студентов Ф. Брейтенбаха о необходимости улучшить содержание казенных студентов, 1818.
74. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1106 О приискании чиновника для занятия кафедры истории, географии и статистики в ХУ, 1820.
75. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1519 О позволении пр-ру Ф.И. Эрдману быть пастором в Евангелистском обществе, 1822.
76. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2280. По предложению г. исправляющего должность попечителя, об исследовании поступка студента А. Сырнева и об исключении его за дурное поведение из КУ, 1827.
77. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2950 По представлению Совета КУ об утверждении избранных в деканы, члены Училищного комитета и синдика на 1829–1830, 1829.
78. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3016 По прошению лектора А.К. Казембека, о представлении ему права носить из особого покроя университетский мундир, 1829.
79. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3084 О производстве вдовам и детям умершего адъюнкта КУ И.И. Хальфина пенсионера, 1829.
80. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3286 По предписанию Совета КУ о вознаграждении профессора К.Ф. Фукса за приготовление в университете судебной медицины и медицинской полиции, выдачей 1000 р., 1829.
81. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3287 По донесению ректора КУ, о вознаграждении трудов лектора Мирзы А.К. Казембека и об избрании его адъюнктом восточной словесности и о напечатании сочинений его, 1830.
82. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4952 О командировании за границу с ученой целью пр-ра КУ Э. Кнорра, 1839–1840.
83. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5708 По донесению о. пр-ра Э.А. Эверсмана с объяснении относительно его дворянства, 1845–1847.
84. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6387 Обязанности г. о. пр-ра химии КУ К.К. Клауса и о поручении преподавания вместо него кандидату А.М. Бутлерову, 1850.
85. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7140 Об улучшении состояния КУ, 1856.
86. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7444 О неудовольствиях, возникших между студентами медицинского факультета и профессором Берви, 1858.
87. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8224 О вызове иностранных ученых для занятия кафедры в русских университетах, 1862.
88. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 75 Переписка с попечителем КУО, инспектором студентов о конфликтах профессоров со студентами. Документы о составлении «Правил благочиния для студентов университета», 1813–1815.

89. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 1266 Документы о научном путешествии в Иркутск и Монголию Кандидата О.М. Ковалевского и студента А.В. Попова. Т. 1, 1828—1832.
90. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 2450 Об отправлении магистров И.Н. Березина и В.Ф. Диттеля на 3 года в ученое путешествие по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии и Египту, 1841—1851.
91. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 933 О научном путешествии ординарного профессора Эйхвальда по берегам Каспийского моря, 1824—1842.
92. ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. Ед.хр. 144 Письма профессора МУ О.М. Бодянского С.П. Шевыреву, 1844—1848.
93. ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. Ед.хр. 264 Письмо студента И.Л. С.П. Шевыреву, б/д.
94. ОР РНБ. Ф. 850 С.П. Шевырев. Ед.хр. 549 Письмо студента-юриста Александра Тихомирова С.П. Шевыреву, 1848.
95. ОРРК НБЛ КФУ. Ед.хр. 5661. Письма разных лиц к С.Я. Румовскому, 1805—1812.
96. ОРРК НБЛ КФУ. Ед.хр. 5726/2. Письмо К.Ф. Фукса С.Я. Румовскому, 1811.

ЛИТЕРАТУРА

1. A History of the University in Europe. Vol. 3. Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800—1945) / general editor: Walter Rëuegg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. XXVI, 746 s.
2. *Bauman Z.* Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. Oxford; Cambridge [Mass.]: Blackwell, 1995. VI, 293 p.
3. *Ben-David J.* The Scientist's Role in Society: a Comparative Study. Englewood Cliffs; Hemel Hempstead: Prentice-Hall, 1971. III—XI, 207 p. — (Foundations of modern sociology series).
4. *Casper I.L.* Die wahrscheinliche Lebensdauer des Menschen in den verschiedenen bürgerlichen und geselligen Verhältnisse. Berlin, 1835. XX, 216 s. — (Beitrdge zur medicinischen Statistik; bd. 2).
5. *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. London, 1810—1816. Vol.1—2.
6. Colonial Ethnographies / ed. P. Pels, O. Salemink. New York: Harwood Academic Publ., 1995 [cop. 1994]. 351 p. — (History and anthropology; vol. 8, issue 1/4).
7. Conversion to Modernities: The Globalization of Christianity / ed. P. Van der Veer. New York: Routledge, 1996. 287 p.
8. *Degurov A.A.* De la civilisation des Tatars: nogais dans le midi de la Russie européenne / par le P. de Gouroff. Charkof: [s.n.], 1816. [4], 122, [1] s.
9. *Foucault M.* Discipline and Punish / translated from the French by A. Sheridan. New York: Vintage Books, a division of Random House, 1979. 333 p.
10. *Freidberg A.* The Mobilized and Virtual Gaze in Modernity // The visual culture reader / ed., with introductions by N. Mirzoeff. London: Routledge, 1998. P. 253—278.
11. *Geraci R.P.* Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. XIV, 389 s.

12. *Hacking I.* The Taming of Chance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. XIII, 264 p.
13. *Hamlin C.* Public Health and Social Justice in the Age of Chadwick: Britain, 1800–1854. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. VII, 368 s. — (Cambridge history of medicine).
14. *Helgerson R.* Camoes, Hakluyt and the Voyages of Two Nations // Colonialism and Culture / ed. N. B. Dirks. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. P. 27–63.
15. *Holmes R.* The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science. London: HarperPress, 2008. XXI, 554 s.
16. *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989. XII, 438 p. — (Studies on the history of society and culture).
17. *Knight N.* Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / ed. D. L. Hoffman and Y. Kotsonis. New York, 2000. P. 41–64.
18. *McClelland J. C.* Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1979. XIV, 150 p.
19. *Paletschek S.* Die Erfindung der Humboldtschen Universität. Die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // Historische Anthropologie. 2002. Bd.10, № 2. S. 183–205.
20. *Paletschek S.* Verbreitete sich ein ‚Humboldt’sches Modell‘ an den deutschen Universitäten im 19. Jahrhundert? // Humboldt International: Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / ed. R.Ch. Schwinges. Basel 2001. P. 75–104.
21. *Pels P.* The Anthropology of Colonialism: Culture, History, and the Emergence of Western Governmentality // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 163–183.
22. *Popper K. R.* The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson, 1972. 480 p.
23. *Porter R. K.* Traveling Sketches in Russia and Sweden During the Years 1805, 1806, 1807, 1808. London, 1809. Vol. 1–2.
24. *Raeff M.* The Role of the Well-Ordered Police State in the Development of Modernity in 17th and 18th Century Europe: An Attempt at a Comparative approach // Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder: West View Press, 1994. P. 309–333.
25. *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth– and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. 1975. Vol. 80, № 5. P. 1221–1243.
26. *Rafael V. L.* Confession, Conversion and Reciprocity in Early Tagalog Colonial Society // Colonialism and Culture / ed. N. Dirks. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. P. 65–88.
27. Russia’s Missing Middle Class: the Professions in Russian History / ed. by H.D. Balzer. Armonk (N.Y.): Sharpe, 1996. XXI, 330 s.
28. *Slezkine Y.* Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Russia’s Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / ed. R. Brower and E. J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 27–57.
29. *Vishlenkova E.* Kazan University and Its Region: Between Universalism and Specialization // Universities, Cultural Development and Regional Identity: Collection of Presentations and materials. Kazan, 2008. P. 28–37.
30. *Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu.* Universität als Wissenschaftseinrichtung und als Form der Gedächtnisorganisation // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2008, Bd.11. S.155–182.
31. *Wakefield A.* The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. X, 226 p.
32. *Wortman R.* Texts of Exploration and Russia’s European Identity // Russia Engages the World, 1453–1825. London, 2004. P. 90–117.
33. *Абрамов Я.В.* Василий Назарович Каразин: (Основатель Харьковского университета). Его жизнь и общественная деятельность: биографический очерк. — СПб., 1891 (Тип. т-ва «Обществ. польза»). 96 с. — (Жизнь замечательных людей, Биограф. б-ка Ф. Павленкова).
34. *Афрус А.И.* История российских университетов: очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 86 с.
35. *Агафонов Н.Я.* Из казанской истории. — Казань, 1906. — 223 с.
36. *Александров Д.* Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 273–284. Доступно также по Интернет: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html> (дата обращения: 11.11.2010).

37. *Андреев А.Ю.* 1812 год в истории Московского университета. — М.: Изд-во МГУ, 1998. 85 .
38. *Андреев А.Ю.* Лекции по истории Московского университета, 1755–1855. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 237 с. — ([Тр.] Сер. 3 / МГУ, Ист. фак.)
39. *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 310 с.
40. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
41. *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.
42. *Арсеньев К.И.* Исследования о численном отношении полов в народонаселении России // Журнал МВД. 1844. Ч. 5, кн. 1. С. 5–47.
43. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX веков: (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2001. 391 с.
44. *Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 249–280.
45. *Афанасьева А.* «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113–150.
46. *Багалей Д.И.* Заметки и материалы по истории Харьковского университета: новые данные для биографии В.Н. Каразина // Записки Харьковского университета. 1906. Кн. 1, Летопись. С. 81–164.
47. *Багалей Д.И.* Научная критика, памфлет или пасквиль?: (По поводу брошюры г. И-ва «В.Н. Каразин, мнимый основатель Харьковского университета»). Харьков, 1905 (Тип. газеты «Южный край»). 36 с.
48. *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета: (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898. Т. 1. II, 1204 с.; 1904. Т. 2. [2], IV, 1136 с.
49. *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: «учёные средства» и «учёные силы» // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 252–307.
50. *Бикташева А.Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX века: антропология власти: дис. д-ра ист. наук. Казань, 2011. 523, [20] л.
51. *Боголюбов А.Н.* Математики. Механики: биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1983. 638 с.
52. *[Боровиковский И.И.]* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 90–98.
53. *Бородулин В.И., Тополянский В.Д.* Лишний человек: доктор Г.И. Сокольский в Москве середины XIX века // Россия XXI. 2007. № 2. С. 142–163; № 3. С. 170–193.
54. *Булгакова Л.А.* Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 2004. С. 124–134.
55. *Булгарин Ф.* Воспоминания Ф. Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1–6.
56. *Булич Н.Н.* Карл Карлович Фойгт: [некролог] // Камско-Волжская газета. 1873. № 132.
57. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Казань, 1887. Ч. 1. X, [1], 639, 5 с; 1891. Ч. 2. IX, [2], 799, 7 с.
58. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. VIII, 387 с.
59. «Быть русским по духу и европейцем по образованию» = «Russian in spirit and European by education»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XIX в. М.: РОССПЭН, 2009. 335 с.
60. *Вагнер Н.П.* Воспоминания Н.П. Вагнера (выпуска 1849 г.) // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / СОБР. и ред. Л.Б. Модзалевский. М.; Л., 1948. С. 633–651.
61. *Вейнберг П.И.* Харьковский университет в пятидесятых годах: (Из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 372–387.
62. *Весин Л.П.* Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 год (1710–1876 г.). СПб., 1876. 696 с. разд. паг.

63. *Вистенгоф П.Ф.* Из моих воспоминаний: (Из жизни Московского и Казанского университетов с 1831 по 1839 г.) // Исторический вестник. 1884. Т. 16, № 5. С. 329–353.
64. *Вистенгоф П.Ф.* Лермонтов в Московском университете: (Из моих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 173–181.
65. *Виттекер Ц.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб.: Акад. проект, 1999. 348 с.
66. *Вишленкова Е.А.* «Безвинно оплётанный профессор», или Характер университетской корпоративности в России первой половины XIX в. // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 6. Омск, 2010. С. 233–255.
67. *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое лит. обозрение, 2011. 384 с.
68. *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века. Препринт ГУ-ВШЭ WP6/2011/04.. Гуманитарные исследования. Серия WP6. М., 2011. 56 с.
69. *Вишленкова Е.А.* «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011, № 2. С. 47–82.
70. *Вишленкова Е.А., Шишкин В.И.* Журнал «Казанский Вестник» // «Казанский Вестник», 1821–1833: указатель содержания / сост. В.Г. Салова, В.И. Шишкин, Ж.В. Щелыванова. — Казань, 2003. — С. 3–7
71. *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 240 с.
72. *Вишленкова Е.А.* «Между Западом и Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского университета // «Быть русским по духу, европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — нач. XIX вв. — М., 2009. — С. 83–99.
73. *Вишленкова Е. А.* О народной неопрятности и национальном здорье: культурные границы в описании России второй половины XVIII — начала XIX века // Cogito: альманах истории идей. Ростов н/Д, 2009. Вып. 4. С. 72–81.
74. *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х.* Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX века. Препринт ГУ-ВШЭ WP6/2011/01.. Гуманитарные исследования. Серия WP6. М., 2011. 72 с.
75. *Вишленкова Е.А.* Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани // Логос. 2005, № 6. С. 218–233.
76. *Вишленкова Е.А.* Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002, № 4. С. 22–35.
77. *Вишленкова Е.А., Мальшиева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.
78. *Вишленкова Е. А.* Утраченная версия войны и мира: символика Александровской эпохи // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 171–210.
79. *Вишленкова Е.А.* Человеческое разнообразие в локальной перспективе: «большие теории» и эмпирические знания (Казань, первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 245–286.
80. *Вульфсон Г.Н.* Глашатай свободы: Страницы из жизни Афанасия Прокофьевича Щапова / Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 143 с.
81. *Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф.* Братья по духу: Питомцы Казанского университета в освободительном движении 1840–1870-х гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 195 с.
82. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года / [Савельев А.Я., Момот А.И., Хотеев В.Ф. и др.]; под ред. В.Г. Кинелева. М.: НИИВО, 1995. 342 с.
83. *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. СПб., 1884. 320 с. — (Полн. собр. соч.; т. 9).
84. *Галиуллина Р.Х.* Властные практики управления и практики самоуправления в университетах России второй половины XVII — первой половины XIX веков: учебное пособие. Казань, 2011. 86 с.
85. *Галиуллина Р.Х.* М.Н. Мусин-Пушкин — попечитель Казанского учебного округа: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. 221 с.
86. *Галиуллина Р.Х.* М.Н. Мусин-Пушкин — попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII — XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конференции, 23–25 июня 2009. СПб., 2009. С. 88–106.
87. *Гарзавина А.В.* «В Казань, профессору К.Ф. Фуксу...». Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 239 с.

88. *Геевский С.Л.* Из автобиографии (1813–1862) // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 136–156.
89. *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. – М.: Изд-во политехнорган, 1932. 142 с.
90. *Гизе Ф.И.* Обзор успехов естествознания и исследований России // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1810.
91. *Глинский Б.Б.* Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. 1900. Т. 79, № 1. С. 324–351; № 2. С. 718–742.
92. Годичный отчет Общества русских врачей, читанный секретарем оного доктором Е. Смелским 12-го сентября текущего года // Журнал МВД. 1838. Ч. 29, № 9. С. 81–375.
93. *Гончаров И.А.* Воспоминания. В университете // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 193–223.
94. *Гончаров И.А.* Воспоминания. В университете: Как нас учили пятьдесят лет назад // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 144–172.
95. Граф С.Г. Строгонов: [некролог] // Исторический вестник. 1882. Т. 8, № 5. С. 476–477.
96. *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848. [4], 216 с.
97. *[Губер И.С.]* Дневник пастора Губера // Русская старина. 1878. Т. 22, № 8. С. 581–590.
98. *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология: учеб. пособие / сост. А.Ю. Андреев, С.Ю. Посохов. М., 2011. С. 510–516.
99. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1956. Т. 1–4.
100. *Данилевский А.И.* Слово о необходимых средствах к подкреплению слабого младенческого возраста для размножения в Отечестве нашего народа, в публичном торжественном собрании Императорского Московского университета июля 10 дня 1814 года, произнесенное надворным советником, медицины доктором, профессором. М., 1814. 23 с.
101. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с. – Доступно по Интернет: URL: http://society.polbu.ru/devyatko_socresearch/ch04_i.html (дата обращения: 11.06.2011).
102. *Де-Пуле М.Ф.* Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 272–331.
103. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. Т. 1: 1756–1764. 415 с.; 1961. Т. 2: 1765–1766. 356 с.; 1962. Т. 3: 1767–1786. 518 с.
104. *Еллинский Н.И.* Автобиографическая записка // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 55–56.
105. *Ешевский С.В.* Московские масоны восьмидесятых годов прошедшего столетия (1780–1789) // Ешевский С.В. Сочинения. М., 1870. Ч. 3. С. 445–568.
106. *Жинкин Н. М.Н.* Муравьев // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. академии наук. 1913. Т. 18, кн. 1. С. 274–352.
107. *Завгородняя О.И.* С.Я. Румовский – первый попечитель Императорского Казанского университета // вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2006. № 3. С. 89–94.
108. *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Казань, 1902–1904. Т. 1–4.
109. *Зайцев Б.П., Посохов С.И.* Попечители Харьковского учебного округа. Харьков: [Б. и.], 2000. С. 53–54.
110. *Зыбелин С.Г.* Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа [...]. М., 1775. 42 с.
111. *Зыбелин С.Г.* Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочими медленного умножения народа причину, состоящую в неприличной пище, младенцам даваемой в первые месяцы их жизни. М., 1780. 22 с.
112. *Иванов А.Е.* Учёные степени Российской империи, XVIII в. – 1917 г. М.: [Б. и.], 1994. 198 с.
113. *Иениш А.* Медико-топографическое описание города Одессы // Журнал МВД. 1844. Ч. 6. 169–207.

114. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 год / сообщил Н. Шильдер // Русская старина. 1897. Т. 90, № 6. С. 453–482.
115. Из воспоминаний студента Н. // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 99–130.
116. Из отчета министра внутренних дел за 1833 год // Друг здравия. 1834. № 46. С. 361–363.
117. Извлечение из отчета управляющего МВД за 1838 год // Журнал МВД. 1839. Ч. 32, № 5. С. 143–233.
118. *Ильяшевич Л.В.* Краткий очерк истории харьковского дворянства. Харьков, 1885 (Тип. М. Зильберберга). [4], 168, 36 с.
119. *Ильина К.А.* Литературный образ Магницкого // Бикташева А.Н. Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). Казань, 2006. С. 100–115.
120. *Ильина К.А.* Письма попечителя // Бикташева А.Н. Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). Казань, 2006. С. 128–226.
121. Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографич. сл. / Под общ. Ред. А.Ю. Андреева. Сост. А.М. Феофанов. М.: РОССПЭН, 2011. 207 с.
122. История здравоохранения // Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://bigmeden.ru/article/Здравоохранение> (дата обращения: 28.06.2011).
123. К читателям газеты Друг здравия // Друг здравия. 1834. № 50. С. 395–396.
124. «Казанский Вестник», 1821–1833: указатель содержания / сост. В.Г. Салова, В.И. Шишкин, Ж.В. Щельванова. Казань: Изд-во казан. ун-та, 2003. 116 с.
125. Как сочинения Горянинова были встречены по выходе их из печати ученым миром [Электронный ресурс] // Экологический портал. URL: <http://portaleco.ru/biologievolutionisty/kak-sochineniya-gorjaninova-byli-vstrecheny-po-vyhode-ih-iz-pechaty-uchenym-mirom.html> (дата обращения: 11.06.2011).
126. *Калинина Е.А.* Санкт-Петербургский университет первой половины XIX века в системе управления подведомственными училищами: административный, социальный, культурный аспекты // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конференции, 23–25 июня 2009. СПб., 2009. С. 74–88.
127. *Каразин В.Н.* Предназначение о Харьковском университете, представленное в Харькове полному Дворянскому Собранию 29 августа 1802 года // Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 523–534. [То же в сокр. виде] // Рус. старина. 1875. Т. 13, № 5. С. 66–71.
128. *Каразин В.Ф.* Василий Назарович Каразин – основатель Харьковского университета // Русская старина. 1875. Т. 12, № 2. С. 329–338; Т. 13, № 5. С. 61–80; № 9. С. 185–200; Т. 14, № 10. С. 268–279; № 11. С. 470–477.
129. Карл Фёдорович Фукс // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 367–369.
130. Карл Фукс о Казани, Казанском крае: Труды. Документы. Воспоминания. Исследования / сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина. Казань: Жиен, 2005. 479 с.
131. *Карлов Н. В.* Две академии: люди и свершения // Вестник РАН. 2002. Т. 72, № 7. С. 646–653.
132. *Кемтц.* Об успехах земледелия с первой половины XVIII столетия // Карманная книжка для любителей земледелия издаваемая от Русского географического общества. СПб., 1848. С. 5–157.
133. *Кожевников А.В.* [Рецензия] // Вопросы истории естествознания и техники. 2009 №4. С. 180–183. – Рец. на кн.: Корзухина А.М. От просвещения к науке. Физика в Московском и Санкт-Петербургском университетах во второй половине XIX – начале XX веков. Дубна: Феникс, 2006. 264 с.
134. *Козакова В.С.* Коллективная биография профессуры новый путь в социальной истории русских университетов // Клио: журнал для ученых. 2001, №1 (13). С. 254–258.
135. Кокошкин Сергей Александрович, Харьковский генерал-губернатор / из записок Р.О. Рейгардта // Харьковский сборник: лит.-науч. прилож. к «Харьковскому календарю». Харьков, 1887. Вып. 1. С. 155–160.

136. Колмаков Н.М. Дом и фамилия графов Строгоновых (1752–1887 гг.) // Русская старина. 1887. Т. 53, № 3. С. 575–602; Т. 54, № 4. С. 71–94.
137. Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 85–96.
138. Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб., 1998. – 346 с.
139. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05 – 1929/30). Казань, 1930. Т. 1. 209 с.; Т. 2. 382 с.
140. Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани, 1804–1864: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 226 л.
141. Костомаров Н.И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 176–202.
142. Кочубинский А. Граф С.Г. Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов // Вестник Европы. 1896. № 7. С. 165–196; № 8. С. 471–490.
143. Кочубинский А.А. Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // Вестник Европы. 1894. Т. 2, № 4. С. 655–683; Т. 3, № 5. С. 5–43.
144. Кошанский Н.Ф. На кончину Михаила Никитича Муравьева // Вестник Европы. 1807. Ч. 35, № 19. С. 189–196.
145. Крейсти А.И. Медико-топографическое описание Лондона по лучшим руководствам составленное. СПб., 1828. IX, [3], 149 с.
146. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX века). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 174 с.
147. Кулакова И.П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII–XX вв.: сборник науч. ст. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 28–65.
148. Кулакова И.П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2008, Осень (№ 9). – С. 8–24.
149. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006. 336 с.
150. Кулакова Л.И. Н.И. Новиков в письмах М.Н. Муравьева // XVIII век. Л., 1976. Вып. 11. С. 18–24.
151. Л. Известие о постепенном размножении рода человеческого в Европе в начале 19 го столетия: Соч. Г-на Бекоастона де Шатонев, произнесенное в Академии наук 23 Октября 1826 года // Московский вестник. 1828. Ч. 7, № 1. С. 37–58.
152. Лавровский Н.А. Из первоначальной истории Харьковского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 145, № 10. С. 235–260.
153. [Лавровский К.] Университет в 1860-х и в 1870-х годах. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов / Л.О. // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета: Былое из университетской жизни. Казань, 1904. С. 191–236.
154. Леваковский Н. Университет пятидесятих годов // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 417–438.
155. Левшин Л.В. Деканы Физического факультета Московского университета. М.: Физ. фак. МГУ, 2002. 271 с.
156. Лейбин П. Памяти Д.И. Каченовского // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 413–416.
157. Лексина Ю.А. Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. 247 л.
158. Лентовский А.Е. Краткое медико-топографическое описание г. Казани // Казанский вестник. 1831. Ч. 29, кн. 2. С. 185–195.
159. Линк И. Сочинение доктора Каспера о вероятном долголетии человека, и мнение его о законах смертности в России // Журнал МВД. 1837. Ч. 23, № 3. С. 500–525.
160. Литвак Б.Г. Губернаторский годовой отчет // Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 142–205.
161. Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 125–144.

162. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство СПб, 1994. 415 с. — Доступно по Интернет: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/01.php (дата обращения: 08.11.2010).
163. *Луков В.А.* Тезаурусная концепция социального проектирования [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: информационно-гуманитарный портал: URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/> (дата обращения: 11.11.2010).
164. *Львов В.Е.* Жизнь Каразина: историческая повесть // Нева. 1978. № 3. С. 3—57; №4. С. 33—110.
165. *Любарский И.В.* Воспоминания о Харьковском университете 1850—1855 гг. // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 388—408.
166. *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Том. архитектурн.-строит. ун-та, 1998. 577 с.
167. *М.Н. Муравьев и его время:* сборник статей и материалов 5-й респ. науч.-практ. конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке». Казань, 2008. 135 с.
168. *Магницкий М.Л.* Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835. 120 с.
169. *Магницкий М.Л.* Отчёт по обозрению Казанского университета / публ. и автор вступ. ст. А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 122—161.
170. [*Магницкий М.Л.*] Инструкция ректору Казанского университета относительно к учебному образованию студентов // Казанский вестник. 1821. Ч. 1, кн. 3. С. 151—175.
171. Маленький калейдоскоп // Казанские новости. 1885. 24 сентября.
172. *Мамаев Н. И.* Записки Н. И. Мамаева // Исторический вестник. 1901. Т. 83, № 1—3; Т. 84, № 4—6; Т. 85. № 7—9; Т. 86. № 10—12.
173. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Единым вдохновением = By a single inspiration: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII первой половине XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 226 с.
174. Медико-статистические сведения по городу Санкт-Петербургу и Санкт-Петербургской губернии за 1836 год // Журнал МВД. Ч. 24, [№ 4]. 1837. С. 149—159.
175. Медико-топографические сведения о Грузии // Журнал МВД. 1834. Ч. 14, № 10. С. 183—195.
176. Медицина // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. М., 1980. Т. 14. С. 7—322.
177. [*Милкова В.И.*] Высшее образование в СССР и за рубежом: библиографический указатель книг и журнальных статей (1959—1969). М., 1979; [То же] (1969—1975). М., 1978; [То же] (1976—1980). М., 1985.
178. *Минаков А.Ю.* Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 267—207.
179. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2011. 559 с.
180. Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов 2-й Всерос. науч.-практ. конференции. Казань, 2010. 166 с.
181. *Михайлов И.И.* Университет в 1840-х годах. Из воспоминаний И.И. Михайлова // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни. Казань, 1904 (Типография Имп. ун-та). С. 50—60.
182. *Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 360 с.
183. *Михайлова С.М., Коршунова О.Н.* Казанский университет между Востоком и Западом. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 207 с.
184. Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М.: Современник, 1989. 734 с.
185. Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 году. Документы архива Министерства народного просвещения / под ред. К. Военского. — СПб., 1912.
186. *Мурзакевич Н. Н.* В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 89—96.
187. *Нагуевский Д.И.* Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772—1832 гг.): историко-литературный очерк. Казань, 1904. XXVI, 358 с.

188. *Нагуевский Д.И.* Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка: исследование по архивным документам. Казань, 1902. ССLXXVIII, 504 с.
189. *Назипова Г.Р.* Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань: РИЦ «Школа», 2004. 395 с.
190. Немские ученые — профессора Казанского университета / сост. В.Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань, 2004. 178 с.
191. *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века: Социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008. 303 с.
192. *Ничтаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете 1823—1829 годы // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 57—89.
193. О богатстве относительно к народонаселению. Отрывок из книги: Новые основания Государственного хозяйства, или о богатстве в отношении к народонаселению, соч. Сисмонди. Париж, 1827 г. 2 части // Московский вестник. 1827. Ч. 3, № 11. С. 348—371.
194. О народном просвещении в России: (Всепопданнейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского), 20 апр. 1886 г. // Русская старина. 1901. Т. 106, № 5. С. 363—367.
195. *Оже-де-Ранкур Н. Ф.* В двух университетах: (воспоминания 1837—1843 годов). // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 260—266.
196. *Орлова Г.А.* Российская бюрократическая ментальность (1801—1917 гг.): дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 1999. 160 л.
197. От редактора // Друг здравия. 1835. №2. С. 9—12.
198. От редакции // Друг здравия. 1852. №1. С. 1.
199. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. проф. Е.В. Олесеюка; Федеральный центр образовательного законодательства (Москва). СПб., 2005. 370 с.
200. Отчет Казанского учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1 января 1844 года, по управлению тайного советника М.Н. Мусина-Пушкина / сост.к. Фойгт, Н. Антропов. Казань, 1844. 448, V, 67, III с.
201. *Павлова Г.Е.* Степан Яковлевич Румовский, 1734—1812. М.: Наука, 1979. 200 с.
202. *Паикуров А. Н., Мясников О.В.* М.Н. Муравьев: вопросы поэтики мировоззрения и творчества. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. 127 с.
203. Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 223 с.
204. *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М.: [Б. и.], 1998. Кн. 1. 471 с.; Кн. 2, ч. 1. 281 с.; кН. 2, ч. 3. 388 с.; 1999. Кн. 2, ч. 3. 247 с.; 2000. Кн. 3. 518 с.
205. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России: [в 4 т.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. Т. 1. 414 с.; Т. 2. 815 с.; 2003. Т. 3. 479 с.; Т. 4, ч. 1. 583 с.; Т. 4, ч. 2. 463 с.
206. *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 124—199.
207. *Петухов Е.* Михаил Никитич Муравьев: очерк его жизни и деятельности // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 294, кн. 8. С. 265—296 (Отд. 2).
208. *Петухов Е.В.* Юрьевский, бывший Дерптский, университет за 100 лет его существования (1802—1902): исторический очерк. Юрьев, 1902. Т. 1. IV, 620 с.; СПб., 1906. [Т. 2]. [4], IV, 211, VII с.
209. Письмо графа [А.А.] Закревского к [попечителю Московского университета] Д.П. Голохвастову [и ответ Голохвастова] // Русский архив. 1887. Кн. 2, № 8. С. 522—523.
210. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 1—30.
211. Положение об учебных округах министерства народного просвещения, 25 июня 1835 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7, № 7. С. XIII—XIX.
212. *Попов Н.А.* Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. Т. 23, сент. С. 52—98.
213. *Посохов И.* Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX нач. XX вв.). // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: збірник наукових праць. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2008. Вип. 11. С. 101—108. — Доступно по Интернет: URL: http://www-history.univer.kharkov.ua/book/Posokhov_I.pdf (дата обращения: 08.10.2010).
214. *Потоцкий С.* О благотворительной цели преобразования в России училищ // Речи, говоренные в торжественном собрании 17 января 1805 г. при открытии имп. Харьковского университета. Харьков, 1806. С.10—16.

215. Почесні члени Харківського університету: біографічний довідник. Харків: Тимченко, 2008. 312 с.
216. Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гл. арх. управление при Совете Министров СССР, 1990. 186 с.
217. Пространства в Европе, в коих свирепствовала восточная холера // Друг здравия. 1833. № 26. С. 205–206.
218. Профессора и доктора наук Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова: биограф. словарь / сост. и авт. А.Ю. Гримза, И.В. Ильченко. М.: Кн. дом «Университет», 1998. 679 с.
219. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 2. Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях. Университетская статистика (государствоведение) в России. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 476 с.
220. Рихтер В.М. Слово о врачебных пособиях, служащих к приращению многолюдства в обществе [...] / пер. М. Успенского. М., 1797. 31 с.
221. Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 20с.
222. Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М.: Наука, 1999. 563 с.
223. Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 217 л.;
224. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Царствование императора Александра I, 1802–1825; Т. 2, отд. 1. Царствование императора Николая I, 1825–1837; 1876. Т. 2, отд. 2. Царствование императора Николая I, 1840–1855; Т. 3. Царствование императора Александра II, 1855–1864.
225. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1–3.
226. Свербеев Д. Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 64–79.
227. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. М., 1996. Вып. 7. С. 289–645.

228. Слюсарский А.Г. Василий Назарович Каразин: (Учёный и общественный деятель, 1773–1842) / под ред. Д.Ф. Острянина. Харьков: Харьков. кн.-газ. изд-во, 1952. 68 с.
229. Сокальский П.П. Из воспоминаний о Харьковском университете [18]40-х годов // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 355–361.
230. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. X, 671 с.
231. Сухомлинов М.И. История российской академии. СПб., 1874–1887. вып. 1–8.
232. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Географиз, 1950. 248 с.
233. Теория Статистики, основанная на началах Джюйя // Журнал МВД. 1837. Ч. 25, [№ 8]. С. 185–241.
234. Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 гг. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 60–63.
235. Третьяков М.П. Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова (1798–1830) // Русская старина. 1892. Т. 75, № 7. С. 105–131; № 8. С. 307–345; № 9. С. 533–553; Т. 76, № 10. С. 123–148.
236. Тургенев Н.И. Россия и русские: пер. с фр. — М., 2001.
237. Турнерелли Э. Казань и ее жители; Казань-древняя столица ханов. Виды Казани, рисованные с натуры / Э. Турнерелли. Казанское житие / Е. Вишленкова, С. Малышева, А. Сальникова. Казань: ДОМО «Глобус», 2005. 1183с.
238. Университетское образование в СССР и за рубежом: библиографический указатель русской, советской и иностранной литературы. М.: Изд-во МГУ, 1966–1981. Ч. 1 [за 1950–1960]; ч. 2 [за 1961–1967]; ч. 3 [за 1973–1977].
239. Университетское образование в СССР: указатель литературы на русском языке (1978–1985). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 262, [5] с.
240. Успенский Г.П. О том, что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств // Речи, произнесенные в торжественном собрании

- Императорского Харьковского университета бывшем 30 августа 1809 года. Харьков, 1809. С. 5–46.
241. *Феофтистов Е.М.* Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. Т. 51, № 6. С. 464–498; Т. 52, № 7. С. 5–55; № 8. С. 407–449.
 242. *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М.: Православный Свято-Тихоновский университет, 2011. 256 с.
 243. *Фойгт К.К.* Историко-статистические записки о Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 г.: сост. при содействии профессоров и чиновников университета. Харьков, 1859. [2], IV, 174 с.
 244. *Фролова С.А.* «Имеет ли он познания к сему роду службы нужные?..»: (как сдавали экзамен в Казанском университете будущие попечители Казанского учебного округа В.П. Молоствов и М.Н. Мусин-Пушкин) // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2008. № 2. С. 77–86.
 245. *Фролова С.А.* «Почти все части нашего хозяйства ожидают улучшения»: О.М. Ковалевский и В.П. Молоствов о состоянии Казанского университета 150 лет назад // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2007. № 1. С. 157–169.
 246. *Фролова С.А.* Казанская ветвь дворянского рода Молостровых (вторая половина XVIII–1861 г.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998. 278 л.
 247. *Фролова С.А.* Попечитель Казанского учебного округа В.П. Молоствов и проблема перевода Восточного отделения Казанского университета в Санкт-Петербург // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения. Казань, 2008. С. 462–467.
 248. *Фукс К.Ф.* Замечания о холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября месяцев 1830 г., сделанные доктором и профессором Фуксом // Казанский вестник. 1831. Кн. 3 (апрель). С. 218–255.
 249. *Фукс К.Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. 131 с.
 250. *Фукс К.Ф.* Поездка из Казани в Нижегородскую губернию: [письма к жене] // Казанский вестник. 1828. Ч. 12, кн. 1/2. С. 44–62; Кн. 3. С. 169–183; Кн. 4. С. 256–269; Ч. 13, кн. 6. С. 69–77; кн. 7/8. С. 186–202; Ч. 14, кн. 9. С. 64–71; Кн. 11/12. С. 302–306; 1830. Ч. 27, кн. 11/12. С. 214–254.
 251. Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. Т. 1 / укл.: Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадобів, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. Харків: Сага, 2008. 540 с.
 252. *Чичерин Б.Н.* Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 372–417.
 253. *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855. М., 1855. 584 с. [переиздана в 1998 г.]
 254. *Шестаков П.Д.* Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55, кн. 9. С. 641–662.
 255. *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1–4.
 256. *Шлейермахер Ф.* Из сочинения «Размышления об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII начала XX веков: учеб. пособие / сост. А.Ю. Андреев, С.Ю. Посохов. М., 2011. С. 524–525.
 257. *Шрамченко Н. А.* Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. Харків, 2008. Т. 1. С. 170–175.
 258. *Штукенберг А.А.* Василий Ильич Тимьянский // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1. С. 509–511.
 259. *Щетинина Г.И.* Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1. С. 84–96.
 260. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 350 с.
 261. Юбилей доктора Громова // Друг здравия. 1852. № 40. С. 183.
 262. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.П. Чубинского и Д.И. Багалея. Харьков: Изд. Харьк. ун-та, 1908. VIII, 309 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МВД – Министерство внутренних дел
МНП – Министерство народного просвещения
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРВ – Общество русских врачей Санкт-Петербурга
ОРРК НБЛ КФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
ПФА РАН Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предуведомление читателя 7

ЧАСТЬ 1

Раздел 1. Административные тяготы профессоров 21

Дарованная автономия. Устроительство «русских университетов». Бюрократизация университетской жизни

Раздел 2. Воспроизводство себе подобных 81

Профессорское нормотворчество. Забота о здоровых телах. Ранжирование студентов. Управление взглядом. Управление словом

Раздел 3. Этосы профессорского служения 131

Ученое сословие. От целителей к общественным деятелям. От просветителей народов к народоведам. Конфликт между профессионализмом и корпоративностью

Примечания к 1-й части 185

ЧАСТЬ 2

Археографическое предисловие 247

Список сокращений, встречающихся в архивных текстах 266

Архивные документы 268

Список имен, встречающихся в тексте документов и примечаниях к ним 587

Список публикуемых документов 610

Литература 619

Список сокращений 640

Е.А. Вишленкова, Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина

РУССКИЕ ПРОФЕССОРА

Университетская корпоративность
или профессиональная солидарность

Дизайнер

Д. Черногаев

Редактор

А. Дмитриев

Корректор

Э. Корчагина

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:

129626, Москва,

абонентский ящик 55

тел./факс: (495) 229-91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 40,5. Тираж 1000. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс

“Ульяновский Дом печати”»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14